Іерей Сумеонъ Никольскій.

ИСТОРІЯ ЦЕРКВЕЙ

АНТІОХІЙСКОЙ и КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ,

ЗА ВРЕМЯ

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

ПО ЕГО ТВОРЕНІЯМЪ.

Отдѣлъ I-й и II-й.

СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКІЙ.
Типо-Литографія Т. М. Тимоѳеева, уг. Театрал. и Александров.
1906.

Іерей Сумеонъ Никольскій.

ИСТОРІЯ ЦЕРКВЕЙ

АНТІОХІЙСКОЙ и КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ,

ЗА ВРЕМЯ

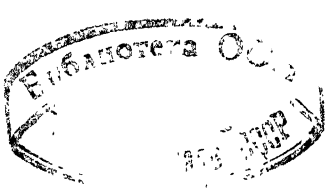
СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

ПО ЕГО ТВОРЕНІЯМЪ.

СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКІЙ.
Тино-Литография Т. М. Тимофеева, уголъ Театральной и Александровской.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается
С.-Петербургъ, 12 декабря 1904 г.

Старшій цензоръ Архимандритъ *Филаретъ*.



089
37

Ὁ Ἅγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος.

ВВЕДЕНІЕ.

§ I-й. Исторія двухъ знаменитыхъ церквей Востока тѣсно связана съ именемъ Святаго Іоанна Златоустаго. Антіохія и Константинополь за цѣлое полстолѣтіе, въ своей жизни вообще, и государственной въ значительной долѣ, а въ особенности церковной,—неразрывно соединены въ своемъ быту съ жизнію Златоуста, съ его пастырскою дѣятельностію, съ его судьбой. Въ одномъ городѣ—въ церкви Антіохійской—онъ началъ свою духовную жизнь и дѣятельность, до пресвитерства включительно; другой городъ—церковь Константинопольская—имѣла его своимъ Святителемъ. Естественно, поэтому, то явленіе, что въ твореніяхъ Святаго Іоанна Златоуста отражается современное ему состояніе церкви. Свидѣтельства современниковъ, какъ біографія Палладія, друга Златоустаго, показанія историковъ, какъ Эрмія Созомена и Θеодорита, и формальные документы, какъ протоколы соборовъ, судившихъ Святителя, достаточно знакомятъ, въ свою очередь, съ состояніемъ обѣихъ церквей. Но сочиненія самаго Златоустаго, его толкованія Св. Писанія, его бесѣды, слова, его посланія, его письма,—проливаютъ яркій свѣтъ, проникающій въ самую глубь внутренней жизни христіанскаго общества и представляютъ самую вѣрную картину исторіи двухъ церквей, гдѣ Св. Златоустъ жилъ и дѣйствовалъ, родился и умеръ.

Цѣль нашего труда—представить состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской временъ Іоанна Златоуста, по сочиненіямъ сего послѣдняго. Для выполненія этой цѣли мы постараемся изобразить нравственно-религіозное состояніе церкви Антіохійской и Константинопольской—каждой въ отдѣльности—по твореніямъ Святителя, за его время.

§ II-й. Особенность нашего труда въ томъ и другомъ отношеніи: а)—чтобы представить состояніе той и другой церкви въ данный

періодъ времени и б) изображать состояніе церквей не по историческимъ даннымъ. Мы не можемъ, по точному смыслу нашей задачи, прибѣгать для рѣшенія нашего вопроса ни къ записямъ современныхъ лѣтописцевъ, ни къ показаніямъ историковъ, ни къ актамъ судебныхъ процессовъ и проч., въ собственномъ смыслѣ, историческимъ документамъ. Намъ предстоитъ написать исторію безъ историковъ и формально-историческихъ документовъ. Преимущественнымъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, единственнымъ источникомъ въ нашемъ изслѣдованіи будутъ творенія Св. Іоанна Златоуста. Но при этомъ условіи нашихъ работъ, точно опредѣляя нашу задачу, мы долгомъ считаемъ отмѣтить здѣсь слѣдующія наши намѣренія: а) мы, при написаніи нашего труда, имѣемъ въ рукахъ творенія Златоуста лишь „на русскомъ языкѣ“; б) если попользуемся изданіями этихъ твореній въ иностранныхъ патрологіяхъ,—въ какомъ либо отношеніи, то позволимъ это себѣ лишь въ видахъ необходимости и притомъ въ ничтожной долѣ; в) что если мы преимущественно будемъ пользоваться для рѣшенія нашего вопроса твореніями Златоуста, то это не значитъ, что ужъ никакихъ собственно историческихъ данныхъ и въ руки брать не будемъ. Нѣтъ! говоря о состояніи поименованныхъ церквей по твореніямъ Златоуста, мы постараемся показать историческую достовѣрность указаній Златоуста и показаніями историковъ уяснить смыслъ словъ Святителя, изображающихъ то или другое обстоятельство въ состояніи той или другой церкви. Но опять таки,—это пользованіе историческими источниками для изображенія даннаго времени будетъ пользованіе лишь косвенное, при которомъ главнымъ источникомъ труда останутся во всей силѣ и значеніи творенія Св. Іоанна Златоуста.

Намъ было бы грѣшно не знать или забыть и не исполнить заповѣдь нашего высокочтимаго профессора Церковной исторіи (А. П. Лебедева): „долгъ каждаго историка послѣдующаго—посовѣтоваться съ болѣе ранними историками“ (стр. 196 „Греч. Церк. историки“, М. 1890 г. А. Лебед.). Ибо намъ желательно, чтобы наши показанія, взятыя изъ того или другаго творенія Златоуста, утверждались на строго основательныхъ, историческихъ „строго научныхъ“ данныхъ и не возмутили бы своею неосновательностію чуткое чувство ученыхъ любителей церковно-исторической науки. Наша цѣль, еще разъ скажемъ для большей ясности, при пользованіи историками и историческими данными, при нашемъ главномъ источникѣ,—показать полное согласіе указаній Златоуста на состояніе

церквей съ истиннымъ состояніемъ ихъ въ данный періодъ времени, по свидѣтельству исторіи, научно-опредѣленному.

§ III-й. Засимъ обратимся къ уясненію главнаго требованія отъ нашей задачи. Намъ надобно представить состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской „временъ Іоанна Златоуста". Постараемся опредѣлить эти времена. Конечно, для нашей цѣли вполнѣ достаточно, если намъ извѣстно, что жизнь Святаго Іоанна Златоуста занимаетъ вообще вторую половину IV-го вѣка по Р. Х. Во всей ли—пунктуальной—цѣлости это полстолѣтіе представляетъ періодъ времени Златоуста, надобно ли нѣсколько лѣтъ убавить или прибавить, суть цѣли, конечно, не измѣнится. Потому, что вѣдь „времена Златоуста" ни днемъ его рожденія, ни, тѣмъ менѣе, его общественною дѣятельностію, не начинаются, ни днемъ его смерти—въ точности—не заканчиваются. Извѣстно, что опредѣленное состояніе церкви Антіохійской и церкви Константинопольской имѣетъ начало во времени, предшествовавшемъ появленію на свѣтъ Златоуста, и съ кончиной его не заканчивается. И такимъ образомъ, чтобы выяснить все значеніе данной мысли и выраженія въ томъ или другомъ сочиненіи Златоуста, указывающихъ извѣстное обстоятельство въ состояніи извѣстной церкви, намъ невольно придется говорить о событіяхъ предшествовавшихъ. И вотъ здѣсь начало нашихъ отношеній къ историкамъ IV-го вѣка.

Но все же опредѣлить въ точности время жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста мы считаемъ необходимымъ, такъ какъ намъ, при близкомъ ознакомленіи съ твореніями Златоуста, сдѣлалось извѣстнымъ, что эти творенія содержатъ указанія на событія, совершившіяся въ довольно короткій періодъ времени (гоненіе Валента на православныхъ и монаховъ). Это съ одной стороны,—и потомъ, собственно говоря, ужъ если изображается состояніе церквей „временъ Златоуста", то во всякомъ случаѣ нѣкоторое вниманіе eo ipso должно быть обращено на эти „времена"—періодъ жизни и дѣятельности Златоуста—преимущественно. Итакъ, какой годъ слѣдуетъ считать первымъ годомъ и какой послѣдній годъ жизни Святаго Іоанна Златоуста?

Фарраръ, изображая жизнь Святителя въ своей книгѣ „Жизнь и труды Свв. Отцевъ и Учителей церкви", говоритъ (стр. 789): „хотя въ точности время его рожденія неизвѣстно, однако мы можемъ съ приблизительною вѣрностію отнести его рожденіе къ 347-му году" и, между прочимъ, показываетъ основаніе такого заключенія: „такъ какъ", говоритъ онъ, „это опредѣленіе лучше всего

согласуется съ извѣстными намъ событіями въ его жизни“ (ibid.). Раздѣляя біографію Св. Іоанна Златоуста на пять отдѣленій, Фарраръ такъ разграничиваетъ лѣта жизни Святителя: а) 347—370 годы—юность и первые годы возмужалости; б) 370—381 годы—Златоустъ, какъ отшельникъ и монахъ; в) 381—398 г.г.—Іоаннъ въ Антіохіи; г) 398—404 г.г.—какъ патріархъ Константинопольскій и д) 404—407 г.г.—Златоустъ въ изгнаніи (Фар. „Жизнь Свв. Отц. и Учит. Церк.,“ 789—842 стр.).

Нашъ отечественный патрологъ, Преосвященный Филаретъ (Архіепископъ Черниговскій) также ставитъ годомъ рожденія Златоуста 347 й годъ („Ученіе объ Отцахъ Церкви“, Т. II, стр. 191). И такъ же, какъ Фарраръ, день кончины Святителя опредѣляетъ „14 сентября 407 года“ (ibid. стр 226). Фарраръ для выраженія точности показанія прибавляетъ: „ему, Златоусту, было, когда онъ скончался, 60 лѣтъ отъ роду; въ теченіе 3-хъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ онъ былъ въ изгнаніи и въ теченіи—всего—9 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ—епископомъ“.

То же самое показаніе буквально повторяетъ Тьери въ своей книгѣ: „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія“ (стр. 420). А именно: изображая день кончины Святителя, Тьери говоритъ: „было 14 сентября 407 года. Іоаннъ жилъ 60 лѣтъ“ и проч., какъ у Фаррара. Наши русскіе біографы Златоуста, извѣстные: г. Малышевскій—„Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера“ (Кіевъ 1892 г.)—и Архимандритъ Агапитъ—„Жизнь Св. Іоанна Златоуста“ (Москва, 1860 г.)—также единогласно означаютъ 347 годъ, какъ годъ рожденія Святителя (у Мал.—стр. 1, у Агап.—3) и днемъ представленія—14 сентября 407 года (у Агап. 440 стр., у Мал. 265). Тотъ же самый періодъ времени 347—407 г.г., какъ періодъ жизни Святителя, встрѣтили мы въ статьѣ „Жизнь Св. Іоанна Златоуста“, помѣщенной въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи (1862 г., т. III, стр. 289, 483), представляющей извлеченіе изъ сочиненія: „S. Jean Chrisostome, considere comme orateur populere par Paul Albert. (ibid. примѣч. 1-е стр. 289).

Но есть и другое показаніе патрологіи о жизни Св. Іоанна Златоуста, которое ставитъ годомъ его рожденія 344 годъ. Минь въ XLVII том. „Patrologiae cursus completus“ (1858 г). свидѣтельствуетъ: „circa annum 344 natus est S. Ioannes Chrisostomus“ (p. 213). А хронологическое описаніе дѣяній и сочиненій Св. Іоанна Златоуста выбрано, какъ говоритъ самъ Минь, ex actis sanctaris Mensis Septembr. T. IV, p. 695—700). А это „compendium chrono-

logicum gestorum et scriptorum“ въ „Acta Sanctorum“ занесены изъ Index'a Monchfocon'a (из. 39 г. т. 13). Съ опредѣленіемъ Миня, собственно Монфокона, вполнѣ согласился изъ русскихъ біографовъ одинъ—священникъ В. Лебедевъ, напечатавшій въ журналѣ „Прибавл. къ Творен. Св. Отцовъ (т. т. XIV, XV и XVI)“ свой. трудъ: „Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности Святаго Отца нашего Іоанна, Архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго“. Это „подробное описаніе“ осталось неоконченнымъ, какъ справедливо замѣчено въ „Православномъ Обозрѣніи“ (1860 г. т. III, стр. 299), гдѣ, между прочимъ, сказано, что „авторъ имѣлъ въ виду монографію извѣстнаго церковно-историческаго писателя Неандера—о жизни Златоуста“ (ibid. стр. 298). Преосвященный Филаретъ въ своемъ трудѣ, указанномъ нами, говоритъ о трудѣ Неандера—„описаніе жизни Св. Златоуста“—(1 Band. 1821 г., 2 Band. 1822 г., Berlin), какъ удовлетворительномъ (Фил. т. III, стр. 190—191). Мы отмѣчаемъ вліяніе Неандера на сочиненіе о. В. Лебедева въ нашихъ цѣляхъ, такъ какъ это еще пріобрѣтеніе иностраннаго пособія для нашего труда.

Свое согласіе съ Минемъ и Монфокономъ, что годъ рожденія Златоуста есть 344-й, о. Лебедевъ строитъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. „На основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно съ вѣроятностію полагать, что Св. Іоаннъ родился около 344 года“. И вотъ эти „нѣкоторыя соображенія“. „Избраніе Св. Іоанна во епископа и его уклоненіе отъ сего избранія относится къ 374 году, въ это время ему было около 30 лѣтъ. За вычетомъ сихъ лѣтъ, время его рожденія падаетъ на конецъ 344 года или на начало 345-го“. И затѣмъ дословно о. Лебедевъ приводитъ совершенно одинаковое соображеніе, какъ у Фаррара, высказанное послѣднимъ для подкрѣпленія мысли о времени рожденія Златоуста въ 347 г.: „сіе, что Св. Іоаннъ родился около 344 года,—тѣмъ болѣе вѣроятно, что удобно можетъ быть соглашено съ хронологіею всѣхъ послѣдующихъ событій его жизни. (Приб. къ Твор. Св. Отцевъ т. XIV, стр. 170)“. Тильмонъ и Монфоконъ“, говоритъ о. Лебедевъ (ibih. стр. 149), „соглашаются, что Св. Іоаннъ удалился въ пустыню не прежде 374 года; но сіе событіе вскорѣ послѣдовало за тѣмъ, какъ онъ уклонился отъ избранія въ епископа, и между причинами, побудившими Св. Іоанна оставить городъ и скрыться въ пустыню, было и то, дабы противъ воли не поставили его въ епископа (Desacerd. LI. 1 p. 365)“ „Святый Іоаннъ Дамаскинъ (Act. Sanct. t. IV. p. 703) говоритъ, что Златоустый“—продол-

жаетъ о. Лебедевъ—„почти 30-ти лѣтъ возведенъ былъ на степень чтеца, а сіе было въ 372 году и отъ сего времени около двухъ лѣтъ прошло до уклоненія Св. Іоанна отъ епископства. Соображая все сіе, должно признать, что Св. Іоанну было около 32 лѣтъ, когда онъ уклонился отъ епископскаго сана и что сіе случилось въ 374 году (ibid. 195)“.

Очевидно, вопросъ о годѣ рожденія Св. Іоанна Златоустаго о. Лебедевъ не уяснилъ себѣ; показанія его сбивчивы до погрѣшностей. Но на чемъ же намъ остановиться въ своемъ рѣшеніи, который годъ по Р. Х. признать годомъ рожденія Златоуста: 344 й или 347-й? Построимъ свои соображенія и рѣшимъ въ положительной формѣ.

1) Извѣстно, что Св. Іоаннъ имѣлъ прощальную бесѣду съ Ливаніемъ, въ которой далъ понять своему учителю, что онъ, Іоаннъ, какъ сынъ благочестивой христіанки и изначала воспитанный въ христіанствѣ, окончательно вступаетъ на путь христіанской жизни (Малыш. 16 стр.). „Въ этой бесѣдѣ“, говоритъ г. Малышевскій, „шла рѣчь о матери Іоанна, какъ доблестной христіанкѣ, давшей обѣтъ цѣломудреннаго вдовства. Матери Іоанна было тогда 40 лѣтъ отъ роду и 20 лѣтъ вдовства, а она стала вдовою „вскорѣ за болѣзнями рожденія Іоанна“, т. е. въ самый годъ рожденія; слѣдовательно, Іоанну теперь, когда велась бесѣда съ Ливаніемъ, было 20 лѣтъ (16 стр., примѣч.).“ А это было приблизительно въ 367 году. Заключеніе само собой очевидно—родился Св. Іоаннъ въ 347 году.

2) По счету Миня съ его компаніей—отъ 344 года Св. Іоаннъ въ годъ поставленія въ пресвитера Антіохійскаго въ 386 году, въ чемъ всѣ патрологи согласны, долженъ имѣть 43-й или 44-й годъ отъ рожденія. По нашему мнѣнію, этого допустить нельзя и вотъ почему. Св. Іоаннъ въ первомъ своемъ словѣ по рукоположеніи во священника говоритъ: „кто бы повѣрилъ тому, что убогій и отверженный „юноша“ на виду всѣхъ вознесенъ на толикую высоту начальства?!“ (Бес. къ Ант. нар. т. 1-й стр. 1). „Юноша“—замѣчаетъ Преосвященный Филаретъ (т. II, стр. 194), а ему было 39 лѣтъ!“ Если уже и въ такіе лѣта названіе себя юношей представляется нашему патрологу удивительнымъ, то что сказать о необычайности даннаго выраженія проповѣдника, когда бы ему было довольно далеко за сорокъ? Конечно, это выраженіе Св. Іоанна можно понимать, какъ скромность, какъ знакъ смиренія, какъ и понимаетъ Фарраръ—именно, какъ „чрезмѣрное самоуничиженіе“, въ

особенности—если пресвитерство можетъ означать не только старѣйшинство въ чинѣ или санѣ, а прежде всего преклонность лѣтъ—глубокую старость (Спр. и Объясн. Слов. къ Нов. Зав., состав. П. Гильтебрандтомъ, стр. 1635). Мы имѣемъ указанія, свидѣтельствующія, пожалуй, что Златоустъ, при поставленіи во священника, дѣйствительно былъ почти юноша. Но эти показанія неудобно принять, какъ достовѣрныя. Въ славянской четьи-минеи подъ 13 числомъ ноября—„Житіе иже во Святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго, патріарха Константиня града, сокращенно собранное отъ Георгія, Архіепископа Александрійскаго, отъ Царя Льва Премудраго, отъ Метафраста, отъ Никифора Каллиста—книга 13-я, отъ Сократа Схоластика—книга 6-я, отъ Эрмія Созомена—книга 8-я и отъ прочихъ достовѣрныхъ историковъ“—сказано о Златоустѣ: „родися въ лѣто по Рождествѣ Христовѣ 354-е“. По этому счету заключеніе, что Св. Іоаннъ на 27-мъ году былъ діакономъ—381 г., на 32-мъ—386 г.—священникомъ, на 44-мъ году—Архіепископомъ, и на 53 году отъ рожденія скончался,—такъ естественно. Георгій, Архіепископъ Александрійскій свидѣтельствуетъ о Златоустѣ: „яко бѣ возрастомъ лѣтъ осмнадесяте, крещенъ бысть Мелетіемъ, Архіепископомъ Антіохійскимъ, и поставленъ чтецемъ“ (Жит. Св. Іоанна Златоустаго при „Маргаритѣ“, изд. Моск. 1764 г. листъ 144-й на оборотѣ). И эти мнѣнія можно бы принять, но одна несообразность сбиваетъ съ толку: надо признать, что Св. Іоанну было 15 лѣтъ, даже и того менѣе, когда онъ въ 369 году былъ крещенъ и поставленъ въ чтеца, какъ это свидѣтельствуетъ и Палладій—его другъ. Не забудемъ: Св. Іоаннъ, оставивъ Ливанія, былъ адвокатомъ и все еще не былъ крещенъ. Такъ неудобно принять ни 344 годъ, ни 354—за время рожденія Св. Іоанна и мы склонны думать, что 347-й годъ есть годъ рожденія Златоуста, соглашаясь, что Св. Іоаннъ былъ поставленъ священникомъ на 39-мъ году жизни (Фарраръ и проч. сторонники этого мнѣнія и Малышевскій, 31 стр.). На этомъ мы и покончимъ наши изслѣдованія о времени рожденія Св. Іоанна Златоуста, повторяя общее убѣжденіе, что годъ рожденія Св. Іоанна съ точностію опредѣлить трудно (о. В. Лебедевъ, стр. 170).

§ IV-й. Названіе „Χρυσοστομος“, замѣчаетъ Фарраръ (1108 стр.), впервые было употреблено Іоанномъ Мосхомъ около 630 года. А „у своихъ современниковъ Іоаннъ исключительно былъ извѣстенъ“ только „подъ этимъ именемъ“—подъ именемъ Іоанна,—какъ онъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Златоуста (ibid. 788 стр.). Геор-

гій, Архіепископъ Александрійскій и за нимъ нашъ списатель житій святыхъ, Святитель Димитрій Ростовскій объясняютъ самое происхожденіе прозванія Св. Іоанна „Златоустымъ“. „Обыче блаженный иногда отъ глубочайшія премудрости износити словеса. Единою же нѣкая жена послушающи и глаголемыхъ не разумѣющи, воздвиже гласъ отъ народа и рече къ нему: Учителю духовный, паче же реку—Іоанне Златоустый, углубилъ еси кладезь святаго твоего ученія, а ужя ума нашего суть кратки и не могутъ досязати. Тогда множество народа рекоша: аще и жена слово сіе изглагола, но Богъ имя то нарече ему, отсюда Златоустымъ да будетъ зовомый. Отъ того убо времени и до днесь тако отъ всея церкве именуется“ (Мѣс. Ноемврій. Москва 1864 г. лист. 140 на оборотѣ). Все это могло быть, но только названіе Св. Іоанна Златоустымъ не отъ того времени утвердилось за нимъ, какъ показываетъ достовѣрное свидѣтельство и названіе Χρυσόστομος—впервые написанное въ VII вѣкѣ, хотя указанная подробность ясно представляетъ собою иллюстрацію. Если бы это названіе было общеизвѣстно во время жизни Св. Іоанна, то представляется страннымъ то обстоятельство, что современники—лѣтописцы и историки нигдѣ не называютъ Св. Іоанна Златоустымъ. А что издревле вся церковь христіанская удерживаетъ это названіе за Св. Іоанномъ, то вѣрно и, какъ истина общеизвѣстная, не требуетъ доказательствъ.

§ V-й. Итакъ, главнымъ источникомъ для нашего труда должны служить творенія Св. Іоанна Златоуста. Предположивши пользоваться только такими сочиненіями Святителя, которыя имѣются въ переводѣ на русскій языкъ, мы представимъ списокъ твореній Златоуста въ ихъ отдѣльныхъ изданіяхъ.

1) Бесѣды къ Антіохійскому народу въ 2-хъ томахъ. С.ПБ. 1859 г.

2) Бесѣды на разные случаи. Т. I-й С.ПБ. 1864 г., т. II-й С.ПБ. 1865 г.

3) Слова. Т. III-й. С.ПБ. 1850 г.

4) Шесть словъ о священствѣ. С.ПБ. 1874 г. Перевод. прот. Іоанна Колоколова.

5) О дѣвствѣ. С.ПБ. 1892 г., пер. М. В—вой.

6) Бесѣды на Евангеліе Матѳея. Москва 1859 г.

7) Бесѣды на книгу Бытія. Ч. I-я. С.ПБ. 1851 г., ч. II—1852 г., ч. III—1853 года.

8) Бесѣды на псалмы. I и II т. т. С.ПБ. 1860 г.

9) Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія. Т. I-й С.ПБ. 1861 г., т. II—1862 г., т. III—1863 г.

10) Бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна. I и II т. т. С.ПБ. 1862 г.

11) Бесѣды на Дѣянія Апостольскія. I и II т. т. С.ПБ. 1857 г.

12) Толкованіе на посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ. Москва 1844 года.

13) Бесѣды на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ. Ч. I и II С.ПБ. 1858 г., и на 2-е посланіе—Москва 1851 г.

14) Толкованіе на посланіе къ Галатамъ. М. 1844 г.

15) Бесѣды на посланіе къ Ефесеямъ. С.ПБ. 1858 г.

16) Толкованіе на посланіе къ Филипписеямъ. М. 1844 г.

17) Бесѣды на посланіе къ Колоссаямъ С.ПБ. 1858 г.

18) Бесѣды на посланіе къ Ѳессалоникійцамъ. С.ПБ. 1859 г.

19) Бесѣды на первое посланіе къ Тимоѳею. С.ПБ. 1859 г. и на второе посланіе—С.ПБ. 1859 г.

20) Бесѣды на посланіе къ Титу. С.ПБ. 1859 г.

21) Бесѣды на посланіе къ Филимону. С.ПБ. 1859 г.

22) Бесѣды на посланіе къ Евреямъ. С.ПБ. 1859 г.

23) Письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ, въ переводѣ А. Бронзова. С.ПБ. 1892 г.

24) Письма къ разнымъ лицамъ. С.ПБ. 1866 г.

25) Слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему (въ перев. на слав. яз. Москва 1770 г. и въ перев. на русск. яз. „Христ. Чтен“. 1844 г., ч. I, 337—368 и ч. II, 1—19 стр.)

26) Слово на усѣкновеніе Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и о Иродіадѣ (въ книгѣ „Маргаритъ“ на слав. яз. М. 1764 г. л. л. 512—516).

27) Бесѣда, говоренная С. Златоустомъ предъ кончиною его. (Бесѣд. избран. Св. Отца нашего Іоанна Златоустаго; выбралъ и перевелъ игуменъ Ириней. Москва 1819 г. ч. II, стр. 282—314.)

§ VI-й. Не будемъ дѣлать перечня сочиненій Златоуста, заключающихся въ сборникахъ, такъ сказать, его твореній, составленныхъ русскими переводчиками, каковы вышепоименованныя въ нашемъ спискѣ подъ № № I-мъ, II-мъ и III-мъ. Для нашей цѣли, какъ очевидно, самое важное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса: гдѣ какія сочиненія написаны имъ; какія въ Антіохіи, какія въ Константинополѣ? Желательно, конечно, опредѣлить и время появленія того или другаго творенія, но болѣе необходимо знать мѣсто написанія.

Болѣе опредѣленныя хронологическія указанія сочиненіямъ Златоуста даетъ Минь въ своемъ сочиненіи „Patrologiae cursus completus“. А такъ какъ мы уже знаемъ, что этотъ cursus completus

есть повтореніе хронологіи и „Acta sanctorum“ и Index'a Monchfocon'a, то хронологія Миня получаетъ особенную авторитетность. Изъ этого хронологическаго описанія дѣяній и сочиненій Св. Іоанна Златоуста мы возьмемъ только хронологію сочиненій.

А. Всѣ сочиненія Святителя Минь раздѣляетъ на четыре отдѣла: а) сочиненія монашескія, б) сочиненія діаконскія, в) сочиненія пресвитерскія и г) сочиненія епископскія. Мы въ общемъ нашемъ перечнѣ раздѣлимъ творенія Св. Іоанна Златоуста на два періода: 1) періодъ Антіохійскій, куда войдутъ сочиненія и монашескія, и діаконскія, и пресвитерскія и 2) періодъ Константинопольскій, гдѣ означимъ всѣ сочиненія Златоуста отъ временъ призванія его на Константинопольскую патріаршую каѳедру до послѣдняго, предсмертнаго письма его изъ ссылки.

Б. Началомъ хронологическаго описанія Миня поставленъ 373 годъ, подъ которымъ означено „двукратное посланіе Св. Іоанна къ Ѳеодору падшему.“ Около 375 года написаны, говоритъ Минь, шесть книгъ о священствѣ. Въ 376 г.—три книги „противъ нападающихъ на монашескую жизнь“; въ томъ же году написаны: „сравненіе инока съ царемъ“, „книга о сокрушеніи сердечномъ къ Димитрію“ и о томъ же „къ Стелехію“. Въ 377 и 378 году—три книги „въ утѣшеніе Стагирію“. Но при показаніи времени написанія этихъ шести книгъ, Минь прибавляетъ слово „вѣроятно“, которое служитъ выраженіемъ того, что онъ лишь только предполагаетъ.

В. Остановимся на каждомъ изъ этихъ сочиненій Златоуста и постараемся хоть нѣсколько, съ своей стороны, освѣтить вопросъ: насколько хронологія Миня можетъ отвѣчать дѣйствительному положенію вещей.

„Слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему“. Единогласное указаніе: Монфокона, Acta Sanctorum и Миня, что это сочиненіе есть первое произведеніе Златоуста, написанное около 372 года, располагаетъ довѣриться этому воззрѣнію. Изученіе сочиненія не показало намъ данныхъ для опредѣленія времени написанія его. Другихъ прямыхъ историческихъ, современныхъ Златоусту, указаній не нашлось. Созоменъ говоритъ объ увѣщаніи Ѳеодору, но указываетъ лишь его достоинства,—не болѣе. „Іоаннъ написалъ къ Ѳеодору посланіе, превосходящее силы человѣческаго разума“. (Соз. кн. VIII, гл. 2, стр. 548–549). Но извѣстно, что Созоменъ былъ поклонникомъ монаховъ и, конечно, на это произведеніе смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія (Греч. истор. А. Лебедева). Отмѣтимъ одну особенность, которая, по нашему мнѣнію, можетъ служить указа-

ніемъ мѣста написанія этого „слова увѣщательнаго“. „Замѣтно восторженное увлеченіе“, замѣчаетъ Фарраръ: „кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ!“. Какъ будто Ѳеодоръ совершилъ какое либо великое преступленіе, что Іоаннъ старается измѣнить его намѣреніе обращеніемъ его мысли къ небу и аду и сообщеніемъ ему разсказовъ о покаяніи тѣхъ, кои пали подобнымъ образомъ. „Плачуся и рыдаю и сіе творити не престану, дондеже увижу тя въ первомъ сіяніи“ (лист. 2-й). И въ чемъ вся бѣда и погибель? Да только въ томъ, что человѣкъ честно желаетъ вступить въ „честный бракъ“ и раздѣлить съ избранницей сердца „ложе нескверно“! Очевидно, авторъ держится въ данную минуту убѣжденія, что спасеніе души возможно только въ монастырѣ, а жизнь въ мірѣ—погибель; красоты міра—мерзость запустѣнія (27 л.) Послѣдняя мысль особенно рельефно рисуется во всей ея крайности въ словѣ объ Ерміонѣ—невѣстѣ Ѳеодора. „Сія же красоты существо ничтоже другое есть, какъ мокрота, и кровь, и влага, и желчь, и пищи вкушенныя сокъ... Аще же спомыслиши, что внутрь красныхъ очесъ содержится, что внутрь стройнаго носа, что внутрь тѣла и ланитъ, речеши—тѣла благообразіе ничтоже другое быти, какъ гробъ повапленъ. Толикія нечистоты сущія внутрь исполнена“ (стр. 27 къ Ѳеодору падш.)—Мысли, которыя Златоустъ послѣ не поддерживаетъ. Фарраръ, заканчивая свой очеркъ иноческой жизни Св. Іоанна, замѣчаетъ: „Энтузіастическій пылъ его юности въ вопросѣ о монашествѣ и безбрачіи былъ нѣсколько охлажденъ мудростію болѣе широкой опытности. Въ послѣдніе годы онъ оплакивалъ глубокое раздвоеніе между понятіями религіозной и свѣтской жизни, какъ будто бы монахи и отшельники и были только единственно религіозными и какъ будто бы для остальнаго человѣчества достаточно было болѣе низкаго и жалкаго уровня христіанской жизни“ (стр. 802 Фаррара.)

Изъ всего сказаннаго сейчасъ, намъ думается, возможно вывести только одно заключеніе: 1) Златоустъ пишетъ къ Ѳеодору изъ пустыни, куда оба друга пришли вмѣстѣ, но Ѳеодоръ не выдержалъ и ушелъ, и 2) что Іоаннъ пишетъ именно въ началѣ пустынной жизни, подъ первымъ ея впечатлѣніемъ. Имѣя это въ виду и—особенно—сравнивая другія произведенія Златоуста, невольно приходишь къ убѣжденію, что, дѣйствительно, „слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему“ можетъ быть признано первымъ опытомъ пера, написавшаго потомъ такъ много и неизмѣримо прекрасныхъ твореній; и это мнѣніе—общее убѣжденіе, его держится и о. Ле-

бедевъ (стр. 193). О. Архимандритъ Агапитъ въ „Жизни Св. Іоанна Златоуста“ даетъ иной распорядокъ начальнымъ произведеніямъ Златоуста, а именно: 1) слово о священствѣ; 2) посланіе къ Димитрію; 3)—къ Стелехію и потомъ уже 4) къ Ѳеодору,—но все же не переноситъ этого послѣдняго въ другой періодъ жизни, но относитъ также къ пустынному (стр. 53—76).

„Шесть словъ о священствѣ“.

„Не легко опредѣлить время написанія „словъ о священствѣ“, говоритъ переводчикъ ихъ о. протоіерей Колоколовъ въ своемъ предувѣдомленіи,—и ставитъ точку. Попытаемся пополнить этотъ недостатокъ. Наши соображенія на этотъ разъ слѣдующія: а) слова о священствѣ, очевидно, въ храмѣ произносимы не были, слѣдовательно, они написаны до пресвитерства; б) рѣчь идетъ о призваніи двухъ друзей Василія и Іоанна въ епископы. Василій принялъ предложеніе, Іоаннъ же нѣтъ,—слѣдовательно, онъ не былъ и діакономъ, ибо, какъ членъ священнаго клира, Іоаннъ не смѣлъ бы уклониться да и не смогъ бы; в) Іоаннъ былъ еще въ мірѣ; Василій звалъ его въ пустыню и онъ какъ будто соглашался пойти съ нимъ, какъ разнесся слухъ о призваніи ихъ въ епископы. Слѣдовательно, тогда какъ только что скончалась мать, Іоаннъ, собираясь въ пустыню, подъ живымъ впечатлѣніемъ обстоятельствъ гбря Василія, не откладывая въ долгій ящикъ, сейчасъ и написалъ всѣ шесть словъ о священствѣ и, вручивъ ихъ огорченному другу своему, удалился въ пустыню. Косвенно могутъ уяснять правдоподобность нашего предположенія слова увѣщательныя къ Ѳеодору падшему. „Можно ли тутъ откладывать слово утѣшенія, когда сейчасъ надо врачевать болящую душу?!“ Падшій Ѳеодоръ съ словами своего наставника возвратился въ оставленную имъ пустыню, а Василій съ книгой словъ о священствѣ, собственно о епископствѣ, пошелъ на свою архіерейскую каѳедру. Нашему мнѣнію мы находимъ поддержку въ книгѣ г. Малышевскаго (стр. 23—24) съ тою малою разницею, что онъ предполагаетъ написаніе словъ „въ пустынномъ уединеніи, куда Іоаннъ уклонился отъ епископства“. Охотно соглашаемся съ нимъ, ибо выходитъ почти одно и тоже, что слова о священствѣ—первое литературное произведеніе Златоуста. Мы въ нашемъ изслѣдованіи будемъ держаться Миня и Монфокона. Третьимъ литературнымъ произведеніемъ Златоуста они, какъ и Преосвященный Филаретъ (т. II, стр. 192), признаютъ сочиненія (по русскому переводу): „Слово противъ преслѣдующихъ тѣхъ, которые руководствуютъ къ монашеской жизни“;

„Слово къ невѣрующему отцу“ и „Слово къ вѣрующему отцу“,— относя ихъ написаніе къ 376-му году. (Montf. t. XIII, Migne t. XLVI, стр. 266—271; Act. Sanct. Semtembr. lib. IV, p. 695—700). Фарраръ именуетъ эти три слова послѣ 6 книгъ о священствѣ, какъ и наши г. Малышевскій (стр. 23) и о. Лебедевъ, и даже послѣ словъ къ Димитрію и Стелехію (стр. 798—801). Мы будемъ придерживаться перваго мнѣнія, относящаго эти сочиненія, какъ третье произведеніе Златоуста, ко времени пустынножительства, именно къ 376 году. Это подтверждаетъ и подробное ознакомленіе съ содержаніемъ сочиненія. Главный предметъ его—это разсужденіе по поводу жестокаго преслѣдованія монашествующихъ. Приведемъ дословно нѣсколько строкъ для точнаго указанія: „Нѣкто, пришедши къ намъ (т. е. въ пустыню), принесъ горькую и печальную вѣсть, что изгоняютъ отвсюду руководствующихъ къ нашему любомудрію (т. е. монашеской жизни) и съ великими угрозами запрещаютъ и говорить о немъ (Слово т. III, стр. 73). Изумляюсь до крайности, что при благочестивыхъ царяхъ, среди городовъ, совершается такое беззаконное дѣло (ibid. стр. 75)“. Очевидно, что это преслѣдованіе, происходившее открыто и съ вѣдома гражданскаго правительства, должно относиться ко времени царствованія аріанина Валента, который велѣлъ всѣхъ отшельниковъ выгонять изъ ихъ пустынныхъ убѣжищъ и отдавать въ военную службу. Слѣдовательно, три эти слова написаны Златоустомъ не ранѣе 375 года, когда не было уже въ живыхъ православнаго императора Валентиніана († 374 г.), и не позднѣе 376 года, когда еще самъ Іоаннъ жилъ между отшельниками.

Слова къ Димитрію и Стелехію о сокрушеніи, по Монфокону и Миню,— сочиненія 376 года, тоже, значитъ, монашескій трудъ Златоуста. У современныхъ историковъ разное отношеніе къ дѣлу. Фарраръ говоритъ о письмахъ къ Димитрію и Стелехію за время пустынной жизни Златоуста (799—800); Филаретъ (стр. 193, т. II) относитъ къ періоду діаконства; г. Малышевскій ниже именуетъ означенныя сочиненія, а о. Лебедевъ слова къ Димитрію и Стелехію ставитъ одно на второмъ, другое на третьемъ мѣстѣ въ ряду сочиненій, писанныхъ Св. Іоанномъ въ иноческомъ житіи (стр. 206, т. XV, Твор. Св. Отецъ). Точно также поступаетъ и о. Агапитъ. Обратимся къ содержанію словъ для незыблемаго удостовѣренія о времени написанія ихъ. Авторъ говоритъ: „когда я недавно рѣшился, оставя городъ, уйти въ келіи монаховъ, то много раздумывалъ и безпокоился“... (Слово т. III. стр. 23). Такимъ образомъ

ясно указывается время, когда Іоаннъ, посвященный Св. Мелетіемъ, епископомъ Антіохійскимъ въ чтеца, удалился изъ Антіохіи въ обители иноковъ, живших въ на смежныхъ съ Антіохіею горахъ (ibid. стр. 1.) А удалился онъ въ пустыню, какъ полагаютъ (Монф., Act. Sanct., Минь), въ концѣ 374-го или въ началѣ 375 года. Точную линію, отдѣляющую одно произведеніе отъ другаго, провести, конечно, не возможно, да и надобности нѣтъ. Весь періодъ пустынной жизни составляетъ четыре года. Данныя сочиненія, несомнѣнно, слѣдовали одно за другимъ. Считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу мнѣнія Преосв. Филарета о написаніи словъ „о сокрушеніи“ въ періодъ діаконства Св. Іоанна. Вся сила разномыслія у него съ другими показаніями кроется въ одномъ словѣ. Въ вышеприведенномъ нами мѣстѣ онъ слова „много раздумывалъ“ —читалъ—„много испыталъ“, т. е. въ былой жизни въ пустынѣ (у него стр. 193). „Слово къ Стелехію“ Преосв. Филаретъ относитъ ко времени діаконства еще съ меньшимъ основаніемъ. Онъ замѣчаетъ: „говоря о тѣхъ, которые допускали недостойныхъ къ крещенію и евхаристіи, онъ, Златоустъ, выражаетъ и свое участіе въ служеніи таинствамъ: „мы“, говоритъ, чего не сказалъ бы о себѣ, какъ о чтецѣ“ (стр. 193, примѣч.) Но, во первыхъ, ни о какомъ совершеніи таинствъ крещенія и евхаристіи въ словѣ къ Стелехію не говорится, а говорится лишь о необходимости чувства покаянія – сокрушенія о грѣхахъ и вотъ именно такими словами: „Павелъ помнилъ и о тѣхъ грѣхахъ своихъ, которые онъ сдѣлалъ до крещенія, а „мы“ не хотимъ вспомнить и о сдѣланныхъ нами послѣ крещенія (слово т. III, стр. 66),—и дѣлаютъ насъ подлежащими отвѣтственности за нихъ“ (т. е., конечно, за грѣхи, а не за людей грѣшниковъ). А это „мы“ Преосв. авторъ принялъ за выраженіе участія Златоуста въ совершеніи таинствъ и построилъ невѣрное заключеніе.

„Къ подвижнику Стагирію три слова о провидѣніи“.

Болѣе точно опредѣляютъ время написанія этихъ словъ Преосв. Филаретъ (193 стр.) и г. Малышевскій (29 стр.), относя ихъ безъ особыхъ основаній къ періоду діаконства, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться. Златоустъ говоритъ (сл. 1, отд. I): „надлежало бы мнѣ теперь быть при тебѣ, принять участіе въ скорбяхъ твоихъ; но худое здоровье и головная боль принудили меня остаться въ домѣ“ (Сл. т. III, ст. 234—236). Изъ этого указанія заключаютъ, что эти слова написаны послѣ двухгодичныхъ подвиговъ Златоуста въ пустынѣ, которые произвели въ его организмѣ крайнее изнуреніе,

принудившее его возвратиться въ Антіохію (Слово т. III, стр. 235). А возвращеніе его въ Антіохію случилось, какъ извѣстно, въ концѣ 380 года, къ каковому времени и слѣдуетъ отнести написаніе означенныхъ словъ къ Стагирію, но только не въ санѣ діакона. Въ виду этого, мы не можемъ согласиться, что сочиненіе написано въ 377-мъ или 378-мъ году, ибо въ это время Златоустъ былъ еще въ пустынѣ. Такимъ образомъ, слова къ Стагирію надобно отнести ко времени, промежуточному между періодомъ жизни Златоуста въ пустынѣ и временемъ поставленія его въ діакона. Переводчикъ нашъ (СПБ. 1850 г. Слово т. III, стр. 235) между прочимъ замѣтилъ, что „Іоаннъ и Стагирій оба жили (тогда) въ Антіохіи", только, слѣдовательно, по болѣзни первый не могъ посѣтить послѣдняго. И это такъ. Авторъ говоритъ страждущему подвижнику: „ты жаловался на то, что этотъ св. мужъ"—очевидно, св. Мелетій, Епископъ Антіохійскій,—„который явилъ столь великую силу на другихъ людяхъ, не могъ ничего такого сдѣлать для твоей любви" (Слово т. III, стр. 237; замѣтка переводчика ibid.: Мелетій возвратился изъ ссылки въ 378 году; Малыш. стр. 28),—это вѣрнѣйшее доказательство, по нашему мнѣнію, что сочиненіе написано не раньше 378 года.

Г. За діаконскій періодъ жизни Златоуста Минь указываетъ сочиненія: въ 381 году—а) Два слова къ молодой вдовицѣ.

б) Книга о дѣвствѣ.

Около 382 года—в) составлена книга о св. Вавилѣ противъ Юліана и язычниковъ и

г) Краткое обозрѣніе ветхозавѣтныхъ книгъ.

Но опять, чуть не при каждомъ изъ сейчасъ названныхъ сочиненій фигурируетъ выраженіе „вѣроятно".

Д. Позволимъ себѣ и здѣсь нѣсколько словъ о томъ, насколько намъ представляется справедливымъ показаніе Миня.

„Два слова къ молодой вдовицѣ". „Время написанія перваго слова", замѣчаетъ переводчикъ этого произведенія на русскій языкъ (Слов. III том., стр. 401), „довольно ясно указывается въ концѣ 5-го отдѣла сего слова, гдѣ тогдашній императоръ Римскій представляется воюющимъ съ варварами".

Вотъ слова этого мѣста. Утѣшая молодую вдовицу, Златоустъ приводитъ въ примѣръ современную царицу, которая „истомилась отъ страха и живетъ хуже осужденной на смерть отъ того, что мужъ ея, съ того времени, какъ надѣлъ на себя діадему, доселѣ постоянно бываетъ на войнѣ и въ сраженіяхъ" (ibid. стр. 415).

Это, какъ извѣстно, былъ Θеодосій, который, со времени провозглашенія своего императоромъ въ 379-мъ году, велъ почти непрерывную войну съ Готѳами до рѣшительнаго пораженія ихъ въ 382-мъ году. По соображенію этого обстоятельства заключить должно, что первое слово написано не ранѣе 380-го и не позже 382-го года. Второе слово послѣдовало, конечно, за нимъ (ibid. 401 стр.). Нѣтъ надобности при этомъ видѣть въ словѣ намекъ на погибель Валента въ 378 году, какъ это дѣлаетъ Преосвящ. Филаретъ (т. II, стр. 193, прим.). Самое важное въ словѣ—это указаніе на обстоятельства, сейчасъ совершающіяся. Они во всей точности могутъ указывать время написанія, почему мы и выписали ихъ дословно. Несомнѣнно, эти именно слова подали поводъ Монфокону и потомъ Миню означить годъ написанія 381-й, и мы не сочли бы нужнымъ доказывать справедливость показанія авторитетовъ, если бы у нихъ не было этого „вѣроятно“, очень часто встрѣчающагося въ подобныхъ показаніяхъ.

„Слово о дѣвствѣ“ означено у Миня подъ 381-мъ годомъ, но опять съ выраженіемъ „вѣроятно“.

Доказательство несомнѣнности этого предположенія о написаніи Златоустомъ обоихъ сочиненій—„къ вдовицѣ“ и „о дѣвствѣ“—въ это время—мы находимъ въ томъ соображеніи, что Св. Іоаннъ, по званію діакона, имѣлъ на обязанности попеченіе о вдовахъ и дѣвахъ. Здѣсь онъ могъ видѣть ихъ несчастія, взвѣсить всю тяжесть ихъ положенія, невольно знакомиться съ добродѣтелями и пороками тѣхъ и другихъ (Малышев. стр. 28). Естественно, такимъ образомъ, именно въ это время и особенно въ началѣ діаконства появленіе того и другаго сочиненія Златоуста—и къ вдовицѣ и къ дѣвамъ. Объ этомъ сочиненіи находимъ всецѣлое согласіе у всѣхъ современныхъ ученыхъ, сказавшихъ свое слово о трудахъ и жизни Златоуста (Фарраръ стр. 804; Филаретъ стр. 193; Малышевскій стр. 30; о. Лебедевъ, Твор. Св. Отц. т. XV, стр. 221).

Въ хронологіи Миня указывается подъ 382 годомъ книга о Св. Вавилѣ—противъ Юліана и язычниковъ. Если здѣсь разумѣются имѣющіяся въ русскомъ переводѣ двѣ бесѣды, а другихъ у насъ нѣтъ въ этомъ родѣ, то отнести ихъ къ 382-му году, къ діаконскому періоду жизни Златоуста, нѣтъ основаній. Извѣстно, что Іоаннъ до пресвитерства не говорилъ поученій (Георг. Александр. стр. 170 и 175; Лебед. стр. 227).

Охотно соглашаемся съ вѣроятнымъ предположеніемъ Миня, что въ періодъ діаконства Св. Златоустъ написалъ „обозрѣніе книгъ

Ветхаго Завѣта". Это вполнѣ вещь возможная для ученаго діакона, и могло быть сдѣлано имъ безъ всякаго особаго назначенія для кого либо, желавшаго получить краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ библіи. Замѣтимъ только, что появленіе этого труда безразлично можетъ быть отнесено къ монашескому или діаконскому періоду жизни Златоуста, но ни въ какомъ случаѣ не къ пресвитерскому. Изъ современныхъ ученыхъ одинъ Архіепископъ Филаретъ говоритъ объ этомъ сочиненіи и относитъ его къ діаконскому періоду Златоуста (т. II, стр. 193). Если бы это сочиненіе было написано во время пресвитерства Златоуста, то оно имѣло бы непремѣнно форму бесѣды, какъ всѣ его толкованія на священное писаніе.

Е. Въ виду того обстоятельства, что всѣ наши изысканія о времени и мѣстѣ написанія твореній Златоуста, въ общемъ не измѣняютъ показаній хронологіи Миня, мы рѣшились слѣдовать авторитетному показанію этого досточтимаго, европейски извѣстнаго патролога, тѣмъ болѣе, что и всѣ наши русскіе біографы придерживаются въ большинствѣ случаевъ этихъ же показаній. Съ другой стороны, для нашего труда, скажемъ еще разъ, самое важное: знать, гдѣ написаны извѣстныя сочиненія Св. Іоанна Златоуста, хотя въ особенныхъ случаяхъ, но очень рѣдкихъ, требуется знать, и когда они написаны. А потому мы удержимъ хронологію Миня, въ ея цѣлости, съ показаніями не только мѣста, но и времени написанія твореній Златоуста.

Бесѣды Св. Іоанна, *за время его пресвитерства*, могутъ быть представлены, на основаніи указаній Миня, въ слѣдующемъ порядкѣ:

386-го года.

Бесѣда по рукоположеніи во пресвитера (Бесѣд. къ Антіох. народ. т. 1).

Бесѣды на слова пророка Исаіи: „*и бысть въ лѣто, въ неже умре Озія царь*". (Исаія VI, 1) вторая, третья, пятая и шестая (на разн. мѣст. Св. Пис. т. 1.) – о серафимахъ.

Бесѣды на книгу Бытія (краткія) на тексты изъ первыхъ трехъ главъ: первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая и осьмая (къ Антіох. народ. т. II).

Двѣ бесѣды о пророчествахъ Ветхаго Завѣта—о темнотѣ пророчествъ (На раз. м. Св. Пис. т. II).

Бесѣда противъ тѣхъ, которые говорятъ, что демоны управляютъ человѣческими дѣлами—противъ Манихеевъ.

Бесѣда о томъ, что грѣхъ отъ безпечности, а добродѣтель отъ рачительности—о лѣности.

Бесѣда противъ возражающихъ, почему діаволъ не истребленъ—о діаволѣ искусителѣ (Бесѣд. Антіох. народ. Т. I).

Похвальное слово св. Мелетію, Архіепископу Антіохійскому (Бесѣд. на раз. м. Св. Пис. т. I).

Бесѣда на слова Апостола Павла: „*сіе же вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта.* 2 Тим. III, 1. (Ibid т. III).

Бесѣда противъ Аномеевъ первая (Сл. и бес. на раз. случ. т. I).

Противъ іудеевъ слово первое, второе (Слов. т. III).

Бесѣда противъ Аномеевъ вторая и третья, четвертая и пятая (Сл. и бес. на раз. сл. т. II).

Бесѣда о проклятіи.

Бесѣда о томъ, что не должно разглашать чужихъ грѣховъ.

Бесѣда о томъ, что не должно отчаяваться (На разн. мѣст. Св. Писанія т. III).

Бесѣда противъ Аномеевъ шестая—въ память блаженнаго Филогонія (ibid.).

Бесѣда въ день Рождества Христова (Сл. и бес. на раз. сл. т. I.)

Бесѣда на слова Апостола Павла: „*аще виною, аще истиною Христосъ проповѣдаемъ есть.*“ Фил. I, 18. (На раз. мѣс. Св. Пис. т. III).

387-го года.

Слово на новый годъ. (Сл. и бесѣд. на раз. случ. т. II).

Бесѣды о Лазарѣ первая, вторая и третья. (Бесѣд. къ Ант. народ. т. I).

Похвальное слово Св. мучен. Лукіану. (Сл. и бес. на раз. сл. т. I).

Бесѣда о Св. священномученикѣ Вавилѣ (ibid.).

Похвальное слово Св. мученикамъ Іувентину и Максиму (ibid.).

Бесѣда о Лазарѣ четвертая (къ Ант. народ. т. I).

Бесѣда на слѣдующее изреченіе Апостола: о беззаботныхъ: „*не хощу васъ не вѣдѣти о умершихъ*“ (полн. собр. тв. Св. Іоанна Златоуста т. I. стр. 828, 1895 г. СПБ.).

Бесѣда противъ Аномеевъ седьмая, осьмая и девятая. (Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. II).

Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ (На разн. мѣст. Св. Пис. т. III).

Бесѣда противъ Аномеевъ десятая (Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. II).

Бесѣда на слова Апостола Павла: „*вдовица да причитается не меньши лѣтъ шестидесяти*“—о вдовицахъ (На разн. мѣст. Свящ. Писан. т. III).

Слово по случаю землетрясенія (Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. II).

Слово противъ іудеевъ третье (Слов. т. III).

Бесѣды по случаю ниспроверженія статуй—первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая и десятая (Бесѣд. къ Ант. народ. т. I).

Слово 1-е огласительное къ готовящимся ко Св. Крещенію (На разн. случ. т. II).

Бесѣды о статуяхъ—съ одиннадцатой по семнадцатую включительно. (Бес. къ Ант. нар.)

Слово 2-е огласительное къ готовящимся ко Св. Крещенію (На разн. случ. т. II).

Бесѣды объ Аннѣ--пять (Бесѣд. къ Ант. народ. т. II).

Бесѣда на притчу о должникѣ десятью тысячъ талантовъ (ibid).

Бесѣды о Давидѣ и Саулѣ—первая, вторая и третья (ibid).

Противъ іудеевъ и язычниковъ.

О любви ко врагамъ (стр. 72 прим. Малышев).

Бесѣда о Св. Священномученикѣ Вавилѣ—противъ іудеевъ и язычниковъ (На разн. случ. т. I).

Слова противъ іудеевъ—съ четвертаго по осьмое (Слов. т. III).

Бесѣда на псаломъ XLI (Бесѣд. на псалмы т. II).

Бесѣда о милостынѣ (Бесѣд. къ Ант. народ. т. II).

Бесѣды на слова Св. Ап. Павла: „*имуще той же духъ вѣры—по писанному: вѣровахъ, тѣмже и возлаголахъ*“ (2 Кор. IV, 14)—первая, вторая и третья (Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Писан. т. III).

Бесѣда на слова: „*о да бысте мало потерпѣли безумію моему*“—2 Кор. XI, 1 (ibid).

388-го года.

Бесѣды на книгу Бытія—съ бесѣды увѣщательной по тридцать вторую включительно.

Бесѣда о предательствѣ Іуды (На раз. случ. т. II).

Бесѣда въ недѣлю Св. Пасхи (2-я въ русскомъ переводѣ) (ibid) и противъ пьянствующихъ.

Пять бесѣдъ на надписаніе книги Дѣяній Апостольскихъ (На разн. мѣст. Св. Пис. т. II).

Пять бесѣдъ о перемѣнѣ именъ (къ Ант. народ. т. II).

Бесѣда на день Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа (Слова и бесѣд. на разн. случ. т. II)

Бесѣда въ недѣлю Св. Пятидесятницы (ibid).

Бесѣды на книгу Бытія—съ тридцать третьей по шестьдесятъ седьмую.

Двѣ бесѣды на слова Св. Ап. Павла: *„цѣлуйте Акиллу и Прискиллу“* (На раз. м. Св. Пис. т. II).

389-го года.

Бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна.

389—391-й годъ.

Бесѣды на Евангеліе отъ Матѳея.

391-го года.

Бесѣды на посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ.

392-го года.

Бесѣды на посланія Ап. Павла къ Коринѳянамъ.

Съ 393—397-й годъ.

Бесѣды на посланія Ап. Павла: къ Галатамъ, къ Ефесеямъ, къ Филиппійсеямъ, къ Тимофею, Титу и Филимону.

Бесѣды на псалмы.

Бесѣды на восемь главъ Пророка Исаіи (На разн. м. Свящ. Пис. т. I).

Бесѣды, произнесенныя въ неизвѣстное время въ Антіохіи:

Бесѣда на слова Ап. Павла: *„егда же пріиде Петръ въ Антіохію, въ лицѣ ему противустахъ“* (глав. II, 2). (На разн. мѣст. Св. Пис. т. III).

Семь бесѣдъ въ похвалу Св. Апостолу Павлу (ibid).

Шесть бесѣдъ (девять по Миню) о покаяніи (къ Ант. нар. т. II).

Бесѣда о кладбищѣ и крестѣ (На разн. сл. т. II).

Два похвальныя слова Св. Мученицамъ Виринеѣ, Проскудіи и матери ихъ Домникѣ (На разн. случ. т. I)

Бесѣда о крестѣ и разбойникѣ (ibid. т. II).

О Вознесеніи.

Двѣ бесѣды о Св. Мученицѣ Пелагіѣ (ibid. т. I).

Похвальное слово Св. Священномученику Игнатію (ibid. т. I).

Похвальное слово Св. Евстафію, Архіепископу Антіохійскому (ibid.)

Два похвальныя слова Св. Мученику Роману (ibid).

Бесѣда на слова Пророка Іереміи: *„Господи, нѣсть человѣку путь его“*. (На разн. мѣст. Свящ. Пис. т. I).

Двѣ бесѣды о Маккавеяхъ (На раз. м. Св. Пис. т. II).

Бесѣды о Святыхъ Мученикахъ (На раз. сл. т. I).

Похвальное слово всѣмъ Святымъ Мученикамъ (ibid).

Бесѣда, что не должно противиться благодати.

Похвальное слово Св. Мученику Юліану (ibid).

Похвальное слово Св. мученику Варлааму (ibid).

Бесѣда на слова Ап. Павла: „*не хощу васъ не вѣдѣти, братіе! яко отцы наши вси подъ облакомъ быша*“ (1 Кор. X, 11) (Бесѣд. на разн. м. Св. Пис. т. II).

Похвальное слово о Св. Великомученикѣ Дросидѣ (На разн. случ. т. 1).

Похвальное слово египетскимъ мученикамъ (ibid).

Бесѣда послѣ землетрясенія (На разн. сл. т. II).

Слово въ похвалу Діодору, Епископу Тарсійскому (ibid. т. II).

Ж. Сочиненія Златоуста—во время епископства:

398-го года.

Бесѣды противъ Аномеевъ—11-я и 12-я.

Бесѣда о разслабленномъ, спущенномъ черезъ кровлю (Марк. II, 1—12) (На раз. м. Св. Пис. т. II).

Бесѣда на слова: „*Отче Мой! аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*“ Мат. XXVI, 39. (ibid).

Бесѣда на слова: „*вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*“. Рим. VIII, 28. (Ibid).

Слово противъ клириковъ, жившихъ вмѣстѣ съ дѣвственницами (Сл. и бесѣд. на разн. сл. т. II).

Слово противъ дѣвственницъ, жившихъ вмѣстѣ съ клириками (ibid).

Два слова по случаю перенесенія мощей Св. Ап. Ѳомы (ibid).

Бесѣда о Св. Священномученикѣ Ѳокѣ (ibid).

Бесѣды на посланія къ Колоссаямъ.

399-го года.

Двѣ бесѣды по случаю бѣгства консула Евтропія (ibid).

Бесѣда въ присутствіи Готѳовъ (ibid).

Бесѣда противъ зрѣлищъ (ibid).

Бесѣда по случаю ссылки Сатурнина и Авреліана (ibid).

400-го года.

Слово по возвращеніи Св. Іоанна Златоуста изъ Азіи въ Константинополь (ibid).

Слово по случаю возвращенія епископа Севериана (ibid).

Бесѣды на посланіе къ Солунянамъ.

401-го года.

Бесѣды на Дѣянія Апостольскія.

402-го года.

Бесѣды на посланіе къ Евреямъ.

403-го года.

Два слова передъ отправленіемъ въ ссылку (На раз. сл. т. II).

Бесѣда на усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя и о Иродіадѣ (Маргар. 1764 г. стр. 512—516. Предъ удаленіемъ Святителя произнесена бесѣда (по Монфокону т. III, стр. 415) не иная, конечно, какъ та, которую нужно считать таковою по догадкѣ только. (Минь).

Два слова по возвращеніи изъ первой ссылки (ibid.).

Бесѣда о женѣ—хананеянкѣ (Бесѣд. на раз. м. Св. Пис. т. III).

Бесѣды, произнесенныя въ Константинополѣ въ неизвѣстное время:

Бесѣда на слова: „*аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его*“ (На разн. м. Св. Пис. т. II).

Бесѣда 1-я и 4-я на слова Пророка Исаіи: „*и бысть въ лѣто, въ оньже умре Озія царь*“—Исаія VI, 1—о серафимахъ. (На раз м. Св. Пис. т. I).

Бесѣда на слова Ап. Павла: „*но блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать*“—I Кор. VII, 2—о бракѣ (ibid т. III).

Двѣ бесѣды на слова Ап. Павла: „*жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея*“—1 Кор. VII, 39—40—о брачной жизни (ibid).

Бесѣды, неизвѣстно гдѣ произнесенныя—въ Антіохіи или Константинополѣ.

Бесѣда на слова: „*узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ*“—о тѣсныхъ вратахъ (ibid.).

Бесѣда на слова: „*жатва убо многа, дѣлателей же мало*“. Мат. IX, 37 (ibid).

Бесѣда на слова Ап. Павла: „*не хочію же, но хвалимся въ скорбѣхъ*“—Рим. V, 3—о славѣ въ скорбяхъ (ibid).

Бесѣда на слова Ап. Павла: „*подобаетъ бо и ересемъ быти*“. 1 Кор. XI, 19 (ibid).

Бесѣда о Пророкѣ Иліи и вдовицѣ. (На разн. м. Св. Пис. т. III).

Бесѣда о наслажденіи будущими благами и ничтожествѣ настоящихъ. (Бесѣд. къ Ант. народ. т. II.)

Слово во Святую Пасху—на великую недѣлю (На раз. сл. т. II).

Бесѣда на слова Пророка Исаіи: „*Азъ Господь Богъ, устроивый свѣтъ и тьму*“—Исаія XLV, 7,—направленная въ особенности на Манихеевъ (На раз. м. Св. Пис. т. I).

Бесѣда о совершенной любви (ibid. т. III).

Двѣ бесѣды объ утѣшеніи при смерти (ibid).

Толкованіе на книгу Пророка Даніила (ibid).

3. Въ этомъ вышеприведенномъ хронологическомъ перечнѣ сочиненій Св. Іоанна Златоуста, мы не нашли указаній на нѣкоторыя творенія Златоуста, но это не можетъ служить препятствіемъ въ нашемъ изслѣдованіи, такъ какъ количество этихъ неуказанныхъ сочиненій сравнительно ничтожно.

По русскому переводу,—а мы только его и имѣемъ въ основѣ для рѣшенія нашего вопроса,—не поименованы слѣдующія сочиненія:

Бесѣда на слова: „*коею властію сіе твориши*“ (Мат XXI, 23).

Бесѣда на слова: „*въ началѣ бѣ слово*“ (Іоан. I, 1).

Бесѣда на слова: „*не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже*“ (Іоан. V, 19).

Бесѣда на слова: „*Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*“ (Іоан. V, 17). (Бесѣд. на разн. м. Св. Пис. т. II).

Бесѣда на слова: „*сей же Мелхиседекъ, царь Салимскій*“ (Евр. VII, 1—5)—относится къ 7-й бесѣдѣ противъ іудеевъ; сказана въ Антіохіи сентябр. 387 г.

Бесѣда о страданіяхъ и подвигахъ праведнаго Іова.

Бесѣда о праотцѣ Авраамѣ.

Бесѣда о праведномъ Елеазарѣ и семи юношахъ.

Бесѣда 3-я о Маккавеяхъ.

Бесѣда о кротости.

Бесѣда о псалмопѣніи.

Бесѣда объ утвержденіи Евангелія.

Бесѣда о томъ, что опасно и для поучающихъ и для слушающихъ проповѣдывать съ угодливостью.

Бесѣда о томъ, что нужно чаще ходить въ церковныя собранія для очищенія грѣховъ своихъ.

Бесѣда о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ, тому вредить никто не можетъ (На разн. м. Св. Пис. т. II).

Похвальное слово Св. Первомученицѣ Θеклѣ (На раз. сл. т. I).

Слово на Рождество Спасителя нашего Іисуса Христа.

Бесѣда (1-я или 2-я) въ недѣлю Св. Пасхи.

Слово о новокрещенныхъ (Бесѣд. и слов. на разн. сл. т II).

И. Опытъ показалъ намъ, что хронологія сочиненій Златоуста, за періодъ жизни его въ иночествѣ и въ санѣ діакона, данная Минемъ, имѣетъ за собою значительную долю достовѣрности и мы охотно готовы принять дальнѣйшія указанія Миня о твореніяхъ Златоуста и за другіе періоды дѣятельности его—въ пресвитерствѣ и епископствѣ и, конечно, въ изгнанничествѣ, какъ уже вполнѣ достовѣрныя. Ибо естественно сдѣлать заключеніе отъ части къ

цѣлому. Но что мы не рабски слѣдуемъ указаніямъ хронологіи Миня, позволимъ себѣ хоть о трехъ—четырехъ сочиненіяхъ Златоуста высказать наши соображенія: что и почему мы принимаемъ въ этой хронологіи за несомнѣнно вѣрное, и что и почему принять не можемъ.

Въ ряду пресвитерскихъ и епископскихъ твореній Святителя есть и не мало сочиненій, которыя своимъ внѣшнимъ назначеніемъ и внутреннимъ содержаніемъ ясно указываютъ время и мѣсто ихъ появленія. Таковы: похвальныя слова Св. Мелетію, Евстаѳію, Вавилѣ, Игнатію и проч. О бесѣдахъ по рукоположеніи во пресвитера, и къ Антіохійскому народу по низверженіи статуй, и говорить ужъ нечего. Дѣло ясно какъ день.

Но мы поставлены въ недоумѣніе, какимъ образомъ Минь нашелъ возможнымъ отнести 4-ю бесѣду о серафимахъ (т. е. на 1-й стих. VI глав. Прор. Исаіи) къ бесѣдамъ Константинопольскимъ, хотя и „неизвѣстнаго времени“. Въ этой 4-й бесѣдѣ проповѣдникъ говоритъ: „нѣтъ ничего хуже гордости, почему вчера мы и вели всю рѣчь объ этомъ, истребляя гордость и научая смиренномудрію“. Слѣдовательно, указаніе дѣлается на предыдущую бесѣду, т. е. 3-ю. И 3-я бесѣда въ значительной части—о томъ, сколь велико зло—гордость. А эта бесѣда означена Минемъ произнесенною въ Антіохіи въ 386 году, т. е. въ началѣ пресвитерства Златоуста. Очень сильное противорѣчіе! Проповѣдникъ говоритъ: „вчера мы вели рѣчь“,—оказывается, это „вчера“, въ крайнемъ случаѣ, за 12—13 лѣтъ было. „Гордость—источникъ всѣхъ золъ“ (стр. 225); гордость увлекла и низвергла съ неба силу безтѣлесную (стран. 226); Богъ гордыхъ оставляетъ... гордость есть тяжкая рана (стр. 227); что въ тѣлѣ воспаленіе, то въ душахъ—гордость (стр. 229); помните сказанное о гордости“ (стр. 231)... и затѣмъ прибавляетъ: „сохраняя это, послушаемъ совершеннѣйшаго учителя“ (стр. 232), т. е. епископа Флавіана, прибавляетъ нашъ переводчикъ,—въ 3-й бесѣдѣ. И вдругъ 4-я бесѣда, имѣющая такую тѣсную, можно сказать, неразрывную связь съ 3-ю, будто бы, могла быть произнесена въ Константинополѣ?! Нѣтъ. И эта бесѣда несомнѣнно произнесена въ Антіохіи. Мы говоримъ это съ убѣжденіемъ, основывая свое зданіе—свои выводы не на пескѣ, а, какъ видится, на твердомъ основаніи.

Если же наше заключеніе относительно 4-й бесѣды можетъ имѣть достовѣрность, то мы утверждаемъ, что и первая—о серафимахъ—произнесена также въ Антіохіи, ибо характеръ ея дословно

одинъ и тотъ же, что и въ 4-й бесѣдѣ. Exempli gratia сдѣлаемъ сравненіе. Въ 1-й бесѣдѣ: „откуда вижу, что слова мои прилагаются къ дѣлу? Изъ самаго настоящаго собранія, изъ того, что вы съ усердіемъ посѣщаете мать всѣхъ—церковь,—изъ этого всенощнаго и непрерывнаго стоянія“ (Бесѣд. на раз. мѣст. Св. Писан. т. 1, стр. 188). Въ 4-й бесѣдѣ: „посмотри на всенощныя священныя бдѣнія, соединяющія день съ ночью“ (ibid 234). Преосвященный Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій, заканчивая въ своемъ историческомъ ученіи объ Отцахъ церкви обозрѣніе твореній Златоуста за пресвитерскій періодъ его жизни, говоритъ: „полный желанія возвѣщать хвалу Господу, Златоустъ вслѣдъ за тѣмъ, сейчасъ послѣ рѣчи по вступленіи въ санъ священства, говорилъ о серафимахъ“ (ibid. 194). Преосвященный нашъ Архипастырь не сдѣлалъ раздѣленія бесѣдъ и мы послушно слѣдуемъ за нимъ.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. „Толкованіе на 8-мь главъ книги Пророка Исаіи“, гдѣ и когда написано—достовѣрно неизвѣстно, и мы не нашли въ самомъ твореніи основанія для принятія за несомнѣнныя—показанія Миня. Твореніе имѣетъ форму изслѣдованія текста, тогда какъ сочиненія Златоуста, за время его пресвитерства и епископства, извѣстны только въ формѣ бесѣдъ. Бесѣды Златоуста имѣютъ свою отличительную форму: кромѣ нравственнаго приложенія, всегда въ нихъ бываетъ и обращеніе къ своимъ слушателямъ; нерѣдко сопоставленіе въ связь прежде сказаннаго и непремѣнно въ концѣ прославленіе имени Пресвятой Троицы. Ничего подобнаго не находя въ „бесѣдахъ“ на 8 мь главъ Пророка Исаіи, мы невольно задаемся вопросомъ: не слѣдуетъ ли это „Толкованіе“ отнести къ періоду діаконства Златоуста и присоединить къ „обозрѣнію книгъ Ветхаго Завѣта“? Искали мы подтвержденіе своей мысли у біографовъ Златоуста послѣдняго времени и не остались одинокими. Хотя Преосвящ. Филаретъ относитъ это „Толкованіе“ къ пресвитерскому періоду (т. II, стр. 202), но Фарраръ говоритъ, что оно было написано раньше рукоположенія Златоуста въ санъ пресвитера (стр. 812). Толкованіе на книгу Пророка Даніила, какъ тоже неимѣющее нравственнаго приложенія въ изъясненіи Св. Златоуста, мы также охотнѣе относимъ къ тому періоду дѣятельности, когда онъ написалъ „обозрѣніе книгъ Ветхаго Завѣта“. Минь помѣчаетъ это „Толкованіе“ въ подстрочномъ примѣчаніи своемъ, на основаніи мнѣнія Стильтингуса (§ 53) о сочиненіяхъ Златоуста,—въ разрядѣ сомнительныхъ; но все же относитъ къ Константинопольскому періоду дѣятельности Златоуста,

куда оно относиться ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Замѣтка Тьери, будто бесѣды къ преступнымъ клирикамъ и дѣвамъ Златоустъ написалъ, будучи діакономъ, лишена всякаго основанія. Самая форма рѣчи бесѣдъ сразу опровергаетъ это мнѣніе. Мы относимъ эти бесѣды положительно къ епископскому періоду Златоуста.

I. Сократъ въ своей церковной исторіи (кн. VI, гл. 18) указываетъ бесѣду на усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Принадлежитъ ли она Златоусту? Отвѣчаемъ: несомнѣнно! Сравните слова 1-е и 2-е предъ отправленіемъ въ первую ссылку съ этимъ словомъ на Иродіаду и вы увидите: тѣ же мысли, тѣ же выраженія, то же вдохновеніе, ту же рѣшимость, то же безстрашіе, ту же силу вѣры, ту же непоколебимость упованія и совершенно одинаковую степень любви къ Богу и людямъ. Почему же не допустить? Не нашлось въ греческихъ подлинникахъ? Мало ли что затеряно. Изъ десяти бесѣдъ о милостынѣ мы имѣемъ шесть—семь бесѣдъ. Была же рѣчь Златоуста о примиреніи съ Северіаномъ отыскана „по неисповѣдимой случайности“ въ старинномъ латинскомъ переводѣ (Тьери, стр. 84)? Можетъ быть, когда нибудь отыщется гдѣ, въ неизвѣстномъ книгохранилищѣ, и слово на Усѣкновеніе, имѣющееся у насъ на славянскомъ языкѣ. Такое слово, какъ слово „на Усѣкновеніе“, конечно, враги, естественно, должны были разорвать на мелкіе клочки, бросить, сожечь, развѣять по вѣтру. Это слово для нихъ—правда, колющая глазъ,—огнь палящій; это мечъ, способный пройти до самыхъ сокровенныхъ внутренностей; вотъ ужъ именно слово *„судительное помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ“*. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, совсѣмъ готовый на смерть. Св. Іоаннъ и былъ въ такомъ положеніи, и онъ несомнѣнно это слово сказалъ. Терять больше нечего, все потеряно, и вотъ, по пословицѣ „дешево не отдамся“, страдалецъ отдалъ себя дорогою цѣной. „Царица—лютый врагъ Церкви Божіей! Получи твое и иди въ адъ кромѣшный трястись въ нескончаемые вѣки“! Да! что бы ни писали противъ этого вдохновеннаго слова разные патрологи, мы останемся вѣрны нашей матери – Православной церкви, давшей это слово въ назиданіе своимъ чадамъ—въ своемъ церковно-учительномъ „Маргаритѣ“.

К. Бесѣда, говоренная Св. Іоанномъ Златоустомъ предъ кончиною его—перев. И. Иринея (1819 г.)—есть несомнѣнно подложная и если не измышленіе о. Иринея, то прямо порожденіе средневѣковой схоластики,—имѣетъ приступъ, изложеніе и заключеніе,—выдыхающейся теперь окончательно изъ нашихъ среднихъ учебныхъ духовныхъ заведеній.

Имѣется еще цѣлый рядъ сочиненій, снабженныхъ именемъ Златоуста; но ни выраженія слова, ни мысли, ни строй рѣчи не подходятъ къ твореніямъ Святителя. И мы оставили ихъ безъ всякаго вниманія, искренно раздѣляя воззрѣніе Миня, который относитъ ихъ прямо къ spuria—подложнымъ.

Вотъ эти сочиненія:

Бесѣда о пророчествѣ Захаріи и о зачатіи Елизаветы;

Похвала на зачатіе Св. Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя;

На Благовѣщеніе преславной Владычицы нашей Богородицы;

Бесѣда на слова: „*изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа*“ и на внесеніе въ перепись Святой Богородицы“;

О святомъ Іоаннѣ Предтечѣ;

Слово о Срѣтеніи Господа нашего Іисуса Христа и о Богородицѣ, и о Симеонѣ;

На святую и великую пятницу;

О честномъ и животворящемъ Крестѣ и о преступленіи первыхъ людей;

На тридневное Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа;

Бесѣда о томъ, что аскету не должно предаваться шутливости и забавамъ;

Слово о постѣ и молитвѣ;

Ѳеодора падшаго письменный отвѣтъ святому отцу нашему и вселенскому учителю Іоанну Златоустому;

Седьмое слово о священствѣ;

Слово о томъ, что ученику надлежитъ быть кроткимъ;

Бесѣда о томъ, что должно избѣгать притворнаго и не истиннаго вида;

Къ іудеямъ и еллинамъ и еретикамъ;

Весьма полезное слово о вѣрѣ и о законѣ природы и о Св. Духѣ.

О Святой и Единосущной Троицѣ.

Въ доказательство того, что эти сочиненія, надписанныя именемъ Златоуста, именно spuria, мы приведемъ нѣсколько строчекъ хотя изъ одного изъ нихъ. „Бесѣда о пророчествѣ Захаріи и о зачатіи Елизаветы“. „Когда старость приводитъ меня къ могилѣ. тогда ли я взойду на брачное ложе и произведу дитя на закатѣ солнца моей юности?... *Азъ бо есмь старъ*... едва переставляю ступню ногъ; двухъ ногъ мнѣ недостаточно для хожденія; вмѣсто третьей ноги ношу жезлъ“.

Или: „Бесѣда на слова: „*изыде повелѣніе отъ кесаря Августа*“... „Евангелистъ говоритъ сначала о Маріамь, потому что Она поисти-

пѣ мать и Она сама—не мать, т. к. Она не родила по естеству, но зачала преестественно".. т. II полн. собр. тв. Св I. Злат. 1896 г.

§ VII-й. Собственно говоря, для нашей цѣли самое важное—это увѣренность: такія то творенія Св. Іоанна Златоуста—Антіохійскія; такія то—Константинопольскія. Имѣя возможно положительныя данныя для такого распредѣленія сочиненій Святителя, мы получаемъ возможность рѣшать нашъ вопросъ. Конечно, желательно бы точное хронологическое указаніе сочиненій по годамъ и мѣсяцамъ, къ какому времени какое сочиненіе можно отнести, но ужъ если это желаніе въ отношеніи къ большинству трудовъ неудобоисполнимо, то въ крайнемъ случаѣ можно обойтись и безъ него, при удовлетворительности перваго условія.

„Патрологи", говоритъ г. Малышевскій, „много потрудились надъ установленіемъ хронологическаго порядка бесѣдъ и твореній Златоуста и достигли въ этомъ отношеніи достаточно опредѣленныхъ выводовъ" (стр. 58). Несомнѣнно, г. Малышевскій разумѣетъ здѣсь „Compendium chronologicum gestorum et scriptorum" въ Acta Sanctorum (Septembris p. 695—700, tom. IV), основанный въ своихъ показаніяхъ на „Index rerum" Montfocon'a и „Compendium chronologicum gestorum et scriptorum J. Joannis Chrisostomi, exceptum ex actis Sanctorum mensis Septembris" tom. IV), и повторенный дословно въ „Patrologiae cursis completus Migne" (tom. XLVII, p. 263—272). Порядку Миня слѣдуютъ всѣ наши біографы Св. Іоанна Златоуста: и Преосвященный Филаретъ, и свящ. Лебедевъ, и Архимандритъ Агапитъ, и г. Малышевскій, и знаменитый Фарраръ.

Руководствуясь указаніями и древнихъ и новыхъ патрологовъ и жизнеописателей Златоуста—русскихъ и иностранныхъ,—мы уже безъ всякихъ уклоненій принимаемъ хронологію твореній Св. Іоанна Златоуста, установленную и записанную въ патрологіи Миня. Пользуясь тѣмъ или другимъ сочиненіемъ Златоуста для нашихъ цѣлей, мы будемъ отмѣчать въ нашемъ трудѣ подъ строкой самое названіе творенія, что, въ свою очередь, дастъ читателю возможность видѣть, какое сочиненіе мы цитируемъ: Антіохійское или Константинопольское.

Наши біографы Св. Іоанна Златоуста погрѣшаютъ противъ хронологіи Миня и, при заявленіи, что имъ было извѣстно указаніе Монфокона или Миня, прямо поставляютъ читателя въ недоумѣніе: въ какихъ цѣляхъ сдѣлано извѣстнымъ авторомъ то или другое отступленіе отъ авторитетнаго „хронологическаго описанія"

сочиненій Златоуста. Напримѣръ, г. Малышевскій въ указанномъ нами сочиненіи: „Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера“, гдѣ онъ говоритъ, конечно, исключительно о періодѣ жизни Златоуста въ Антіохіи, выражается такъ: „въ немногихъ случаяхъ приводимъ образцы нравственнаго ученія— и изъ бесѣдъ, сказанныхъ Златоустомъ въ Константинополѣ въ санѣ епископа“ (стр. 123, примѣч.) Священникъ В. Лебедевъ въ своемъ „подробномъ описаніи“ представляетъ данныя обратнаго свойства. Описывая „служеніе Св. Іоанна Златоуста въ санѣ Архіепископа Константинопольскаго“, цитуетъ бесѣду Златоуста на посланіе Ап. Павла къ Филиппійцамъ (Приб. къ твор. Св. Отецъ, т. XVI, стр. 430). А говоря о служеніи Златоуста въ санѣ пресвитерскомъ, приводитъ свидѣтельство изъ бесѣдъ на Дѣянія Апостольскія (т. XV, стр. 124, 131—132).

Мы искренно желаемъ остаться вѣрными принятымъ нами указаніямъ „хронологическаго описанія“ Миня и постараемся представить состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской по твореніямъ Св. Іоанна Златоуста именно въ порядкѣ, указываемомъ въ хронологическомъ описаніи Миня. Тьери въ своемъ сочиненіи „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія“, изображая послѣднее время жизни Златоуста въ Константинополѣ, когда онъ былъ подъ судомъ, приводитъ выдержку изъ 11-й бесѣды на посланіе къ Ефесеямъ и такимъ образомъ представляетъ невѣрную картину и извращаетъ смыслъ самого сочиненія.

§ VIII. Имѣя единственнымъ источникомъ нашего труда творенія Св. Іоанна Златоуста, историками того періода времени, за какой намъ предстоитъ охарактеризовать состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской, мы будемъ пользоваться какъ пособіями, а потому они въ нашемъ трудѣ получатъ второстепенное значеніе. Но пользованіе историками мы считаемъ совершенно необходимымъ. Именно „времена Златоуста“ въ возможной подробности описываютъ три греческіе историка: Сократъ, Созоменъ и Ѳеодоритъ. „Всѣ они описываютъ одни и тѣ же времена—отъ 306-го до 339-го года“ (Греч. ц. ист. IV, V и VI в.в. соч А. Лебедева. Москва 1890 г. стр. 100). Намъ нѣтъ надобности знакомить читателя съ ихъ біографіей, но показать, какое значеніе каждый можетъ имѣть для нашего труда, считаемъ это прямымъ своимъ долгомъ. Всѣ они говорятъ о внѣшнихъ дѣятеляхъ въ средѣ тогдашняго христіанскаго міра и о внутреннихъ явленіяхъ въ церковной жизни, но чѣмъ преимущественно каждый изъ нихъ можетъ быть

намъ полезенъ,—такъ вотъ чѣмъ—Сократъ—своимъ свидѣтельствомъ „о ересяхъ“, и его личный взглядъ представляется интереснымъ для насъ. Онъ, какъ историкъ, смотритъ на ереси, не объясняя ихъ метафизическими соображеніями, какъ на церковно-историческія явленія, „уясняя частныя причины, вызвавшія появленіе тѣхъ или другихъ заблужденій“ (ibid. 157). „Сужденія Сократа относительно религіозныхъ явленій внутренней жизни христіанскаго общества IV в., о времени и характерѣ празднованія пасхи и о постахъ“ (ibid ст. 161).

Но особенно дороги для насъ два другіе изъ поименованныхъ историковъ: Эрмій Созоменъ—Схоластикъ и блаж. Θеодоритъ, еп. Кирскій,—собственно историки церквей Антіохійской и Константинопольской. Ибо мы знаемъ, что первый большую часть цвѣтущаго возраста провелъ въ Константинополѣ, гдѣ и написалъ свою церковную исторію ровно за столѣтіе—отъ 323 до 423-го года, а второй и родился въ Антіохіи въ 390 году, былъ Епископомъ въ Антіохійскомъ патріархатѣ, гдѣ и скончался въ 457 году. Исторія ересей клира и монашества у Созомена (кн. I, III, VI, VIII) и особенно подробный разсказъ о Св. Златоустѣ (VIII, 2 и далѣе) дѣлаютъ то, что, какъ замѣчаетъ А. П. Лебедевъ (Греч. ист., стр. 188), „современный историкъ, изучающій исторію IV и V в.в., не можетъ обойтись безъ Созомена“. Θеодоритъ дорогъ для насъ тѣмъ, что онъ „освѣщаетъ новымъ свѣтомъ жизнь и дѣятельность церкви Антіохійской“ (Греч. истор. 197 стр.) въ книгахъ I, II, III, IV и V. Въ ряду нашихъ пособій мы ставимъ и исторію Филосторгія,—сочиненіе „важное для насъ въ томъ отношеніи, что оно сообщаетъ много полезныхъ свѣдѣній касательно Антіохійской христіанской школы IV вѣка, освѣщая аріанское движеніе“. Не забудемъ въ свою очередь и діалогъ Палладія, современника и друга Св. Іоанна Златоуста, какъ лѣтописца, свидѣтеля-очевидца событій временъ Златоуста“ (Греч. ист. 105 стр.)

Сочиненія греческихъ историковъ слѣдующія:

1) Церковная исторія Эрмія Созомена (въ русск. перевод.) СПБ. 1851 г.

2) Церковная исторія Сократа—Схоластика. СПБ. 1850 г.

3) Церковная исторія Θеодорита, Епископа Кирскаго. СПБ. 1852 года.

4) Церковная исторія Евсевія Памфила. СПБ. 1858 г.

5) Philostorgii Cappadocis Ecclesiasticae Nistoria.

§ IX-й. Второстепенную группу пособій представляютъ сочиненія:

1) Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви. Филарета, Архіепископа Черниговскаго. Т. II, изд. 2-е. СПБ. 1882 г.

2) Жизнь и труды Свв. Отцевъ и Учителей церкви. Соч. Ф. В. Фаррара, перев. съ англійск. А. П. Лопухина. СПБ. 1891 г.

3) Греческіе церковные историки IV, V и VI в.в. Проф. М. Д. А. А. П. Лебедева. М. 1890 г.

4) Вселенскіе соборы IV и V вв.—А. Лебедева. М. 1879 г.

5) Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности Св. Отца нашего Іоанна, Архіепископа Константинопольскаго—Златоустаго, составл. священ. В. Лебедевымъ. М. 1860 г. (Прибав. къ Твор. Св. Отц., изд. при М. Д. Акад., т. т. XIV, XV и XVI).

6) Жизнь Св. Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго. М. 1860 г. Архим. Агапита. (Критическій отзывъ объ этихъ двухъ сочиненіяхъ въ журналѣ „Православ. Обозрѣніе“ 1860 г. т. III, стр. 296—299).

7) Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера. Соч. Ив. Малышевскаго. Кіевъ 1892 г.

8) Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія. Соч. А. Тьери., пер. съ франц. изд. Л. Поливанова. М. 1884 г.

9) Св. Іоаннъ Златоустъ. Соч. Ив. Мансвѣтова (ст. въ Прав. Обозрѣн. 1873 г. второе полугодіе, стр. 183—209; 809—852).

10) Жизнь Іоанна Златоуста (изъ соч. J. Jean Chrisostome, considere comme orateur populaire, par Paul Albert—въ Труд. К. Д. Ак. 1862 г. т. III, стр. 289—332; 427—485).

11) Житіе и жизнь иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоуста, патріарха Константиня града (Слав. четьи-минеи, ноябрь подъ 13 ч.).

12) Энциклопедическій Словарь—изд. подъ редакц. проф. И. Е. Андреевскаго.

13) О свободѣ совѣсти—В. Кипарисова. М. 1863 г.

14) Недѣля въ Константинополѣ—проф. Моск. Дух. Академ. А. П. Лебедева. Сергіев. Посад. 1892 г.

15) Реальный словарь классической древности—Фр. Любкеръ, перев. проф. В. И. Модестова. СПБ. и Москва 1884 г.

16) Третье великое благовѣстническое путешествіе Св. Ап. Павла—Іером. Григорія. Серг. Посад. 1892 г.

17) Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1871 г. кн. 11 и 12.

18) Происхожденіе древне-христіанской базилики—Н. Покровскаго,—церковно-археологическое изслѣдованіе. СПБ. 1880 г.

19) Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. III,

1887 г., ст. Н. П. Кондакова: „Византійскія церкви и памятники Константинополя“ и отд. соч. Одесса 1887 г.

„Изученіе религіозно-нравственнаго характера христіанскаго общества, какого то бы ни было времени, представляетъ большія трудности. Нравственность и религіозность составляютъ собою факты не столько внѣшней, сколько внутренней, сокровенной жизни человѣка. Историку остается довольствоваться изученіемъ лишь внѣшнихъ фактовъ, отмѣченныхъ лѣтописцами, фактовъ случайныхъ, разрозненныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, переданныхъ разсказчиками, быть можетъ, весьма неточно. Одну изъ трудностей при изученіи вопроса о нравственно-религіозномъ состояніи составляетъ то, что въ разсказахъ о прошедшемъ черты темныя, непривлекательныя выступаютъ на первый планъ. Это и понятно, ибо истинная нравственность и религіозность, если онѣ не выражаются въ громкихъ подвигахъ, остаются незамѣтными, между тѣмъ какъ пороки и нарушенія требованій религіи и нравственности, по свойственному человѣку стремленію отыскивать недостатки въ другомъ, чтобы оправдать свои собственные,—пересказываются на разные лады и весьма часто въ преувеличенномъ видѣ. Вслѣдствіе этого и историки, описывающіе прежнее время, ярче отмѣчаютъ религіозно-нравственные недостатки общества, чѣмъ его достоинства и добродѣтели. Судебныя записи говорятъ только о правонарушеніяхъ и безнравственныхъ поступкахъ членовъ общества, и въ нихъ нѣтъ ни слова о добродѣтеляхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ въ области нравственной жизни общества. Восполненіемъ этого пробѣла не могутъ служить ни панегирическія рѣчи, ни описанія знаменитыхъ подвижниковъ, ибо панегирическія рѣчи весьма рѣдко даютъ правильную оцѣнку изображаемыхъ личностей, а описанія подвижниковъ имѣютъ дѣло съ исключительными явленіями“. (Очерки истор. Визант. восточн. церк. отъ конца X-го до половины XV-го вѣк. М. А. Лебедева, стр. 134—135).

Историкъ, изслѣдующій религіозно-нравственное состояніе христіанскаго общества за время Св. Іоанна Златоуста, по его твореніямъ, не можетъ не замѣчать упадка общественной нравственности, но онъ имѣетъ возможность видѣть и нравственную высоту и, такимъ образомъ, можетъ ясно представить себѣ картину не только религіозно-нравственной испорченности, но и нравственно-религіознаго совершенства. Греческіе историки даннаго періода—съ 323-го по 423-й годъ,—а слѣдовательно и временъ Златоуста, представляютъ свѣтлыя и темныя религіозно-нравственныя черты

въ образѣ жизни и поведенія царственныхъ лицъ, но они слишкомъ скупы на характеристику общественной или народной нравственности и религіозности. Творенія Златоуста представляютъ картину нравственно-религіознаго состоянія преимущественно общества Антіохійскаго и Константинопольскаго. Это живое слово—не дѣланное—живымъ людямъ о томъ, что сейчасъ у всѣхъ передъ глазами. Задушевность рѣчи, искренность любви къ слушателямъ, сердечная забота объ исправленіи ихъ нравовъ, ихъ жизни, не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ въ истинѣ. И это не порицаніе только пороковъ, не панегирики, сплетенные изъ похвальныхъ рѣчей,—нѣтъ: каждое дѣяніе, каждое воззрѣніе оцѣнено по достоинству, доброе названо хорошимъ, злое—худымъ.

Итакъ, представимъ тѣ свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи церковнаго общества Антіохійскаго и Константинопольскаго, какія даютъ намъ творенія Златоуста. Въ ряду сословій, мы будемъ касаться и духовенства вообще—священниковъ и монаховъ въ частности, и сановитыхъ и царственныхъ лицъ, потому что этихъ лицъ касается Златоустъ, не обинуясь говоритъ о хорошей и дурной сторонѣ ихъ жизни и дѣятельности и мы, конечно, не вправѣ по одному этому обстоятельству выдѣлять эти сословія и лица изъ ряда другихъ сословій и лицъ.

Трудъ нашъ мы располагаемъ выполнить въ слѣдующемъ порядкѣ. Предметъ изслѣдованія прежде всего обусловливаетъ собой два отдѣла: нравственно-религіозное состояніе церкви Антіохійской и нравственно-религіозное состояніе церкви Константинопольской. Засимъ естественно исторія той и другой церкви раздѣляется на части: а) нравственное состояніе церкви и б) религіозное состояніе церкви; здѣсь въ свою очередь свои частности: нравственное состояніе: а) клира, б) монашества, в) общества; въ исторіи религіознаго состоянія опять неизбѣжны подробности: ереси, расколы, секты, область суевѣрій и другія уклоненія отъ истинъ вѣры.

Осуществляя этотъ планъ нашъ, мы намѣрены раздѣлить сочиненіе на два отдѣла; отдѣлы раздѣлить на части, части—на главы, и окончить общимъ заключеніемъ.

Отдѣлъ I-й.

Антіохійская церковь.

Ея исторія.

АНТІОХІЯ основана лѣтъ за 300 до Р. Х. первымъ Сирійскимъ царемъ Селевкомъ Никаторомъ, въ память отца его Антіоха. Городъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу Оронта, верстахъ въ десяти отъ впаденія этой рѣки въ море, и окруженъ высокими стѣнами. Это была великолѣпная столица Сирійскаго государства. Чрезъ тысячу лѣтъ существованія знаменитая, укрѣпленная Антіохія пала и теперь только громадностію и великолѣпіемъ своихъ развалинъ напоминаетъ о былой славѣ [1]).

Во время Св. Іоанна Златоуста Антіохія существовала во всей красѣ своего величія, съ великолѣпными храмами—остатками язычества—и христіанскими базиликами и церквами,—съ цирками, театрами, роскошными палатами богачей, украшенная колоннами, статуями. Самъ Св. Іоаннъ Златоустъ знакомитъ насъ какъ съ внѣшнимъ положеніемъ этого города, такъ и съ его историческимъ бытіемъ за христіанскій періодъ его существованія. Сплетая похвальные вѣнцы памяти священномученика Игнатія Богоносца, бывшаго Архіепископа Антіохійскаго, Св. Златоустъ говоритъ: „управлять такимъ городомъ и народомъ, простирающимся до 200,000 человѣкъ,—это какую, думаешь ты, показываетъ добродѣтель и мудрость?!“ [2]). „Благоустроенный у насъ городъ... хвала нашему городу... не за то, что онъ имѣетъ сенатъ, можетъ перечислять консуловъ, имѣетъ много статуй, обширную торговлю и выгодное мѣстоположеніе, но за то, что въ немъ живетъ народъ, любящій

---

[1]) Энциклоп. слов. Андреевскаго, т. 1, стр. 849.

[2]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стран. 337.

слушать поученія“ [1]). Во многихъ бесѣдахъ, сказанныхъ въ Антіохійской церкви, Св. Іоаннъ указываетъ значеніе Антіохіи для тогдашняго христіанскаго міра. „Нашъ городъ есть глава и мать городовъ, лежащихъ на востокѣ“ [2]). „Подумай о величіи города! это тотъ городъ, въ которомъ въ первый разъ вѣрующіе стали называться христіанами [3]), городъ, который первый провозгласилъ это вожделѣнное и сладкое для всѣхъ имя“ [4]). „Этого преимущества не имѣетъ ни одинъ городъ во вселенной, ни даже городъ Ромула. Вотъ почему онъ можетъ смѣло смотрѣть на всю вселенную,—по любви ко Христу, по дерзновенію, по оному мужеству. Хочешь ли услышать и о другомъ преимуществѣ нашего города?“ взываетъ проповѣдникъ, и указываетъ на братолюбіе во время голода въ Іерусалимѣ во дни Апостоловъ, какъ замѣчено въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (XI, 28). „Хочешь ли узнать и другое преимущество этого города?“ вопрошаетъ Св. Іоаннъ своихъ слушателей и подробно изображаетъ значеніе протеста Антіохійской церкви для Іерусалимскаго собора противъ іудеевъ (Дѣян. XV гл.), и заключаетъ свою рѣчь торжественнымъ замѣчаніемъ: „вотъ это достоинство! Это дѣлаетъ Антіохію главнымъ городомъ не на землѣ, а на небѣ. По моему, городъ, въ которомъ нѣтъ боголюбивыхъ жителей, хуже всякой деревни и безславнѣе всякой пещеры“ [5]). „Городъ нашъ“, продолжаетъ Златоустъ, „былъ жилищемъ Апостоловъ, обителію праведниковъ, мучениковъ“ [6]). „Богъ Петру (Апостолу) повелѣлъ пребывать здѣсь долгое время“ [7]).—Но продолжимъ исторію Антіохіи по указаніямъ Златоуста. „Петръ отходилъ отсюда, благодать Духа поставила вмѣсто него другаго учителя, подобнаго Петру, чтобы уже построенное зданіе не разрушилось отъ слабости преемника“ [8]), и въ точности указываетъ этого пріемника Апостолу—Игнатія, говоря: „былъ пріемникомъ Петра, принявъ власть послѣдняго“ [9]). „Это великій городъ и столица вселенной!“

---

[1]) Сл. и бес. на раз. сл. т. I, стр 334. 4-ю бесѣду о серафимахъ мы относимъ къ Антіохійскому періоду жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста.

[2]) Бесѣд къ Анг. пар. т I, стр. 234.

[3]) Ibid. 236.

[4]) Ibid.

[5]) Бесѣд къ Анг. народ. т. I, стр. 520—521.

[6]) Ibid.; стр. 236.

[7]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стр. 337.

[8]) Ibid., стр. 338.

[9]) Ibid., стр. 237.

восклицаетъ проповѣдникъ [1]). Насколько чувство любви къ родному городу переполняло душу Св. Іоанна, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующее выраженіе въ одномъ изъ его словъ къ Антіохійскому народу: „и городъ нашъ любезнѣе Христу всѣхъ городовъ по добродѣтели предковъ“ [2]). Но это, конечно, не болѣе, какъ проповѣдническій пріемъ: такъ хвалитъ за добродѣтель, чтобы сдѣлать болѣе чувствительнымъ обличеніе пороковъ, какъ это наглядно мы и видимъ въ бесѣдахъ къ Антіохійскому народу, сейчасъ процитованныхъ нами. Напримѣръ: „ничего не было славнѣе нашего города, теперь ничего не стало жалче его“ [3]). „Ничего не было счастливѣе нашего города: теперь ничего горестнѣе его“ [4]). „Пусть знаютъ всѣ о злополучіи нашего города для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу и единодушно умоляли Царя Небеснаго о спасеніи общей имъ матери и питательницы“ [5]). Во всякомъ случаѣ, исторической достовѣрности фактовъ, указываемыхъ въ бесѣдахъ, это обстоятельство подрывать не можетъ.

Когда читаешь эти и подобныя мѣста въ твореніяхъ Златоуста, сердце невольно исполняется жизнерадости: сознаніе, что не весь міръ во злѣ лежитъ и что среди плевелъ еще есть пшеница, это сознаніе весьма утѣшительно. Для насъ, въ данномъ случаѣ, при историческихъ изслѣдованіяхъ нравственно-религіознаго состоянія извѣстныхъ церквей, за время Златоуста, это сознаніе не есть только возможность или вѣроятность, нѣтъ,—оно становится для насъ исторической увѣренностію отраднаго явленія въ жизни Антіохіи и Константинополя за данный періодъ.

---

[1]) Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Отц. т. I, стр. 233—234.
[2]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 237.
[3]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 204.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., стр. 206.

Часть первая.

Нравственное состояніе Антіохійской церкви.

ЕЩЕ философъ Сенека говорилъ: „мы жалуемся, предки жаловались и потомки будутъ жаловаться, что нравы испортились и все святое попрано“ [1]). Тоже можетъ вполнѣ справедливо сказать (и говоритъ А. П. Лебедевъ) и въ особенности историкъ нравственно-религіозной жизни извѣстнаго народа, если онъ будетъ въ своей исторіи основываться на чисто историческихъ данныхъ, какъ указано нами выше въ авторитетномъ свидѣтельствѣ нашего досточтимаго профессора А. П. Лебедева.

Имѣя источникомъ для нашихъ историческихъ свѣдѣній историческій документъ особеннаго рода, мы и исторію нашу начнемъ, по крайней мѣрѣ, съ явленій отрадныхъ въ состояніи нравственно-религіозной жизни Антіохіи, а въ своемъ мѣстѣ и Константинополя.

„Хвала нашему городу“, восклицаетъ Златоустый проповѣдникъ.. „Благоустроенный у насъ народъ, послушные люди... въ немъ живетъ народъ, любящій слушать поученія... Храмы Божіи наполнены... церкви болѣе и болѣе находятъ себѣ отрады въ словѣ... Посмотри на всенощныя бдѣнія, соединяющія день съ ночью, на этихъ людей, не боящихся ни насилія сна, ни нуждъ бѣдности... Сколько епископовъ, сколько учителей приходятъ сюда и, получивъ назиданіе отъ народа, уходятъ, чтобы правила, здѣсь вкоренившіяся, пересадить въ другія мѣста“ [2]). Мы не будемъ дѣлать много указаній, но и не ограничимся однимъ, чтобы яснѣе представить

---

[1]) Очерки истор. Визант. церкви А. Лебедева, стр. 155.

[2]) Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Писан. т. 1, стр. 234.

хорошую сторону жизни Антіохійскаго народа. Сдѣлаемъ еще одну—другую выписку. „Обратимъ рѣчь къ обычному увѣщанію. Какое же у насъ обычное увѣщаніе? Пребывать въ непрестанной молитвѣ трезвеннымъ умомъ и бодрственною душою. Я и прежде бесѣдовалъ объ этомъ и видѣлъ во всѣхъ готовность повиноваться, посему несправедливо бы было (обличая нерадивыхъ) не хвалить исправныхъ. Итакъ, я хочу сегодня хвалить васъ и воздать вамъ благодарность за такое послушаніе“ [1]). Такъ говорилъ Св. Іоаннъ въ Антіохіи на первомъ году своего священства. И еще: „такое невыразимое множество собралось теперь и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ бесѣду“ [2]), сказалъ Св. Іоаннъ Антіохійцамъ въ другое время. Не забудемъ, что похвала добродѣтели и обличеніе порока идутъ объ руку въ бесѣдахъ Златоуста, но въ нашемъ трудѣ тому и другому свое мѣсто. Сейчасъ будемъ изображать одну только хорошую сторону нравственной жизни Антіохіи.

ГЛАВА I-я.

Нравственное состояніе церковнаго клира въ Антіохійской церкви.

Всякое явленіе въ мірѣ имѣетъ свою причину—и безъ причины ничего не бываетъ. Далѣе, *сѣмя плодъ приноситъ по роду*. Отрадныя явленія въ нравственной жизни—отъ добрыхъ дѣлателей; а печальныя - худыя отъ злыхъ, какъ изъяснено это въ притчѣ Господней о сѣятелѣ: *Сѣятель есть Сынъ Человѣческій,* Господь Спаситель; *доброе сѣмя—сынове царствія; плевелы—сынове непріязненни, а врагъ, всѣявый ихъ, есть діаволъ.* Св. Іоаннъ Златоустъ въ подробности указываетъ причину добраго нравственнаго настроенія въ Антіохійской церкви въ одномъ отрадномъ явленіи. Это явленіе—высокій уровень нравственно-религіозной жизни и дѣятельности Антіохійскаго священства, въ лицѣ Антіохійскихъ пастырей церкви.

Но прежде чѣмъ мы приведемъ указанія Св. Іоанна Златоуста на жизнь и дѣятельность Антіохійскихъ священниковъ, считаемъ долгомъ предпослать понятія о свойствахъ пастырскаго служенія дѣлу спасенія грѣшнаго человѣческаго рода вообще, и что составляетъ верхъ совершенства въ этомъ служеніи—въ особенности.

---

[1]) Бесѣд. на разн. случ. т. 1, стр. 422—423. Противъ Аномеевъ 4-я бесѣда.

[2]) Ibid., стр. 405. Противъ Аномеевъ 3-я бесѣда.

Любовь Божія—начало спасенія людей. Дерзновенно проникая мыслію въ тайну домостроительства спасенія нашего отъ грѣха и его послѣдствій, мы въ словѣ Божіемъ можемъ созерцать совѣтъ Тріипостаснаго Божества о сотвореніи человѣка и видѣть Агнца, закланнаго отъ вѣчности за грѣхи міра. Всевѣдѣнію Божію зримы паденіе человѣка и необходимость его искупленія. И вотъ въ Святой Троицѣ предстаетъ предъ Божіей правдой Любовь Сынъ Божій и взываетъ: *се иду сотворити волю Твою, Боже!* На конецъ вѣковъ мы видимъ: „любовь Отца—распинающую, любовь Сына—распинаемую, любовь Духа Святаго - торжествующую силою крестною". (Фил. М. М.). „*Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть*".—Любовь—законъ для желающихъ спасенія. „*Заповѣдь новую даю вамъ*", говоритъ Спаситель міра своимъ ученикамъ, „*да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе*" (Іоан. XIII, 34). Соблюденіе этой заповѣди послѣдователями Христа такъ необходимо, что служитъ настолько рѣшительнымъ признакомъ христіанъ, что Господь прибавилъ: „*о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*" (ibid.). *Любовь между собою*, самыя искреннія сердечныя отношенія въ христіанскомъ обществѣ должны быть во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни. У апостольскихъ христіанъ именно такъ и было: „*бѣ*", замѣчаетъ Св. Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, „*сердце и душа едина*" (IV, 32). Въ дѣятельномъ отношеніи къ жизни, выраженіе этой любви Св. Ап. Павелъ характеризуетъ словами: „*другъ друга тяготы носите, и тако*, прибавляетъ,—*исполните законъ Христовъ*" (Гал. VI, 2). Этотъ законъ служенія Самъ Законоположникъ и Совершитель нашего спасенія, Христосъ Господь, не только въ Своемъ Божественномъ ученіи, но и дѣломъ въ Своей святѣйшей жизни выразилъ яснѣйшимъ образомъ, что Онъ пришелъ „*послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ*" (Матѳ. XX, 28). Въ самомъ началѣ Своей общественной дѣятельности Спаситель обнаружилъ ту дѣйствующую силу, съ которою Онъ выступаетъ въ міръ „грѣшниковъ спасти". Въ самый первый день явленія Себя міру Іисусъ Христосъ показалъ начало новой жизни для человѣчества. Когда Господь сталъ среди грѣшниковъ, какъ нуждающійся, сталъ просить у Іоанна покаяннаго крещенія и получилъ его (Мат. XI, 14—16). „Господь, принося на землю правду и святость, открываетъ ее въ томъ, что какъ бы отрекается отъ этихъ своихъ преимуществъ, и въ этомъ самоотреченіи, въ этомъ духовномъ самоумерщвленіи открываетъ намъ законъ новой

благодатной жизни. Съ сего времени Іисусъ Христосъ открыто поучаетъ и словомъ и примѣромъ міръ, что смиреніе и самоотреченіе—въ любви къ человѣку до того, чтобы *душу свою положить за други своя*". [1]) И вся общественная жизнь и служебная дѣятельность Христа была дѣломъ милосердія и благодѣянія людямъ. „*Покайтеся*"! воззвалъ Господь, сошедши съ горы искушенія, „*приближибося царствіе небесное*" (Мат. IV, 17). И какъ влечетъ Онъ грѣшниковъ къ покаянію, какъ смиренно пробуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе его грѣховности и какъ кротко располагаетъ его къ исправленію преступной жизни! Достаточно вспомнить Его Божественное слово: „*пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*" (Мат. XI, 28). Достаточно вспомнить прощеніе грѣшницы, плачущей у ногъ Христа и другой—сейчасъ ятой въ прелюбодѣяніи, чтобы видѣть всю широту любви, всетерпящей, всепрощающей и николиже отпадающей даже въ цѣленіи самой послѣдней ступени грѣхопаденія. И такое служеніе Христа неизмѣнно продолжалось отъ перваго дня до послѣдняго часа жизни Его на землѣ, когда Онъ духъ Свой предалъ на крестѣ, молясь за распинателей Своихъ: „*Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*" (Лука XXIII, 33). Та же любовь милосердствующая расположила Господа Іисуса избрать ликъ 12-ти Апостоловъ и облечь ихъ божественными полномочіями быть благодѣтелями для людей, какъ и Онъ Самъ былъ для міра. „*Видѣвъ же народъ*", говоритъ Евангелистъ, „*милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущія пастыря. Тогда глагола ученикомъ своимъ: жатва убо многа, дѣлателей же мало. Молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву свою. И призва обанадесять ученики Своя, даде имъ власть на духъхъ нечистыхъ, яко да изгонятъ ихъ, и цѣлити всякъ недугъ и всяку болѣзнь*" (Мат. IX, 36—38; X, 1). Все это: и избраніе, и полномочія говорятъ о томъ, что Спаситель въ лицѣ избранныхъ учениковъ Своихъ приготовлялъ продолжателей Своего служенія и именно въ томъ же настроеніи совершеннаго смиренія и полнаго самоотверженія такъ, чтобы они всегда и только одно благо дѣлали людямъ, совсѣмъ забывая себя (Лук. IX, 51—56). Заканчивая Свое служеніе спасенія міра, Господь напечатлѣлъ видимымъ образомъ въ сердцѣ учениковъ Своихъ образъ Своего божественнаго служенія роду человѣческому, дабы они и

---

[1]) Превосходство православія надъ ученіемъ папизма. Іеромонаха Антонія СПБ. 1890 г.

ихъ преемники видѣли и знали, какъ единственно и исключительно должно продолжаться домостроительство спасенія душъ человѣческихъ. На тайной вечери „*препоясася, влія воду во умывальницу и начатъ умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ*". И это тогда, какъ „*вѣдый Іисусъ, яко вся даде Ему Отецъ въ руцѣ*". *И егда умы ноги ихъ, рече имъ: образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ и вы творите*" (Іоан. XXIII, 3, 4, 5, 12, 14 и 15). Слово о любви, какъ послѣдній завѣтъ, было и послѣднимъ словомъ грядущаго на вольную страсть нашего ради спасенія Спасителя міра: „*сія заповѣдь Моя: да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы*", говорилъ Господь въ своей прощальной бесѣдѣ и прибавилъ: „*больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*" (Іоан. XV, 12 и 13), заключивъ торжественную рѣчь Свою къ возлюбленнымъ ученикамъ умилительною молитвою къ Отцу Небесному: „*Отче! не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя*" (Іоан. XVII, 19) „*да любы, ею же Мя возлюбилъ еси, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ*" (26). Вотъ тѣ основы новой благодатной жизни, которою Господь Спаситель нашъ жилъ на землѣ, всѣмъ и всегда служилъ, „*зракъ раба пріимъ, Себе умаливъ, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя*" (Фил. II, 6—7). Вотъ весь характеръ ученія и жизни и вообще дѣятельности для служителей Христовыхъ, которымъ заповѣдано проповѣдать Евангеліе всѣмъ народамъ во всѣ времена.

Св. Іоаннъ Златоустъ немного даетъ намъ свѣдѣній объ Антіохійскихъ священникахъ, всего, собственно говоря, нѣсколько строкъ; но эти строки золотыя, онѣ облекаютъ ореоломъ славы этихъ служителей алтаря Господня, указывая въ нихъ искреннихъ, не словомъ, а дѣломъ и истиною, исполнителей завѣта Христа, составляющаго сущность всего служенія Спасителя міра. Мы дословно приведемъ свидѣтельство Св. Отца. Это—повѣсть о самоотверженномъ предстательствѣ пастырей Антіохійской церкви предъ грознымъ судомъ надъ Антіохійцами за разрушеніе царскихъ статуй [1]). „Священники показали великодушіе и приняли участіе въ нашемъ спасеніи. Одинъ изъ нихъ—(Архіепископъ Флавіанъ,—замѣчаетъ нашъ переводчикъ и совершенно вѣрно) отправился въ столицу, пренебрегши все изъ-за вашей любви и будучи готовъ самъ умереть, если не убѣдитъ царя... А эти прочіе—священники, оставаясь здѣсь, собственными руками удерживали судей и не до-

[1]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 512—518.

пускали войти въ судилище, пока судьи не обѣщали окончить милостиво судъ. И доколѣ они усматривали, что судьи не соглашаются, дотолѣ и сами показывали великую смѣлость. Когда же увидѣли, что судьи соглашаются, то припали къ ихъ ногамъ и колѣнамъ и лобызали руки: такимъ образомъ съ преизбыткомъ обнаружили ту и другую добродѣтель: и свободу, и скромность. Что ихъ смѣлость не была дерзостію, это они доказали особенно тѣмъ, что лобызали колѣна и припадали къ ногамъ судей, а что это не было ни ласкательствомъ, ни раболѣпствомъ, и проистекало не изъ низкаго духа, свидѣтельствовала предшествовавшая смѣлость ихъ". Св. Іоаннъ особенное вниманіе останавливаетъ на самоотверженномъ подвигѣ Архіепископа Флавіана, подробно изображая въ своей бесѣдѣ предстательство его предъ царемъ Ѳеодосіемъ Великимъ. И мы также подробно, хотя не дословно, приведемъ это свидѣтельство Златоуста о подвигѣ предстоятеля церкви Антіохійской, особенно отвѣчающемъ любви Христовой, полагающей душу свою за други своя, какъ истинное олицетвореніе Апостольскаго душпастырства. Умилительную картину рисуетъ намъ геніальный проповѣдникъ Антіохіи. Старецъ, Архіепископъ Флавіанъ, согбенный подъ тяжестію немощей и лѣтъ, со скорбію, любовію и съ попеченіемъ о своемъ стадѣ словесныхъ овецъ, такъ виновныхъ предъ Императорскимъ Величествомъ, „вступилъ въ царскія палаты, остановился вдали отъ царя безгласенъ, проливая слезы, склонивъ лице внизъ, закрываясь, какъ будто самъ онъ сдѣлалъ всѣ эти дерзости", въ которыхъ повинны были его сограждане. Царь, увидя его плачущимъ и поникшимъ долу, самъ подошелъ къ нему и что чувствовалъ онъ изъ—за слезъ Святителя, то выразилъ словами, обращенными къ нему. „Исчислилъ лишь свои благодѣянія, какія оказывалъ городу во время своего царствованія и говорилъ: это ли мнѣ надлежало потерпѣть за благодѣянія?! Здѣсь Святитель, возставъ и проливъ горькія слезы, не сталъ уже болѣе молчать, ибо видѣлъ, что царево оправданіе служитъ къ большему обвиненію. Итакъ онъ сказалъ: исповѣдуемъ и не можемъ отрицать, государь, эту любовь, которую показалъ ты къ нашему отечеству, и потому то особенно плачемъ, что оказались неблагодарными предъ благодѣтелемъ... Разрушь, сожги, умертви или что другое сдѣлай,—все еще не накажешь насъ по заслугамъ". Затѣмъ, изобразивши скорбь души и муки сердечныя несчастныхъ Антіохійцевъ, проповѣдникъ продолжаетъ рѣчь Святителя: „но если хочешь, государь, есть врачество для этой раны и средство противъ столькихъ золъ.

Низвергли твои статуи?! Но можно тебѣ воздвигнуть болѣе тѣхъ блистательныя. Если простишь вину оскорбившихъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію, они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не златой и не каменный столбъ на площади, то такой, который дороже всякаго вещества, украшенный человѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ своемъ сердцѣ и у тебя будетъ столько статуй, сколько есть и будетъ людей во вселенной“ [1]). Миссія Святителя была блистательно выполнена. Тронутый до слезъ, царь изрекъ всемилостивѣйшее свое прощеніе виновнымъ. „Что удивительнаго и великаго“, сказалъ царь, „если перестанемъ гнѣваться на оскорбившихъ—на человѣковъ, мы человѣки же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради насъ сдѣлавшись рабомъ, и будучи распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молилъ Отца о распявшихъ Его такъ: отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ (Лук. XXIII, 24), такъ что удивительнаго, если мы простимъ подобнымъ намъ рабамъ“? [2]) „Не будемъ же унывать, возлюбленные“!.. заключаетъ свое слово Златоустый учитель, „ибо если дерзновеніе предъ людьми могло отклонить столь великое бѣдствіе, то чего не сдѣлаетъ ихъ дерзновеніе предъ Богомъ“? [3]).

Чтобы видѣть, насколько достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя народу Святымъ пресвитеромъ Антіохіи въ его бесѣдѣ къ соотечественникамъ,—вотъ свидѣтельство лѣтописца—историка Эрмія Созомена. „Возмутившійся въ Сирской Антіохіи народъ ниспровергъ статуи царя и его супруги. Когда же царь за это думалъ многихъ Антіохійцевъ предать смерти, народъ сталъ раскаяваться; стенялъ, плакалъ, умолялъ Бога, чтобы Онъ укротилъ гнѣвъ державнаго и при общенародныхъ моленіяхъ нѣкоторыя пѣсни воспѣвалъ жалобно. Въ то время Антіохійскій епископъ Флавіанъ отправлялся посломъ за своихъ согражданъ, когда царь былъ еще гнѣвенъ, и убѣдилъ юношей, обыкновенно поющихъ при царскомъ столѣ, пропѣть тѣ пѣсни, которыя Антіохійцы пѣли во время общихъ моленій. Отъ этого, говорятъ, царь, побѣжденный состраданіемъ, преклонился на милость, тотчасъ отложилъ гнѣвъ, примирился съ народомъ и омочилъ чашу слезами, которую тогда держалъ въ рукахъ..., уваживъ, по своему благочестію, священническое

---

[1]) Бесѣда къ Антіох. народу XIX.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

ходатайство“ [1]). Конечно, нѣкоторыя подробности этого сказанія, не содержащіеся въ разсказѣ Златоуста, не противорѣчатъ достовѣрности свѣдѣній въ церковной бесѣдѣ и не разногласятъ съ ней. Дѣло могло быть такъ. Заунывныя пѣсни придворныхъ музыкантовъ расположили царя Ѳеодосія обратить вниманіе на прибывшаго изъ Антіохіи епископа, видѣть его и благосклонно выслушать его объясненія, а бесѣда Святителя довершила доброе настроеніе царя, склонивъ его къ прощенію виновныхъ подданныхъ.

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Церковь Антіохійская имѣла добрыхъ пресвитеровъ, истинныхъ пастырей стада Христова, не только въ каѳедральномъ городѣ, но и вдали отъ него, въ бѣдныхъ селеніяхъ земледѣльцевъ Сиріи. Св. Іоаннъ подробно изображаетъ благочестивую жизнь и святую дѣятельность этихъ тружениковъ на нивѣ Христовой. И нашъ прямой долгъ въ исторіи нравственно-религіознаго состоянія церкви Антіохійской, говоря о священствѣ въ Антіохіи, сказать слово-другое и о сихъ скромныхъ дѣятеляхъ въ вертоградѣ Господнемъ. Разъ въ Антіохію пришли эти сельскіе священники, и вотъ Св. Іоаннъ сказалъ о нихъ проповѣдь народу. Это было, какъ извѣстно, въ послѣдній воскресный день предъ праздникомъ Вознесенія Господня; священники присутствовали при богослуженіи. Къ слову: Св. Златоустъ самъ видѣлъ сельскую жизнь и зналъ труды сельскихъ іереевъ. Онъ, поправляя свое разстроенное пустыней здоровье, одно время жилъ въ селѣ, пользуясь чистымъ цѣлебнымъ деревенскимъ воздухомъ. Да и было это послѣднее обстоятельство именно предъ посѣщеніемъ Антіохіи обществомъ сельскихъ священниковъ, и Златоустъ, еще не поправившись хорошо, поспѣшилъ, по этому случаю, въ Антіохію, чтобы праздновать этотъ воскресный день съ паствою и „братьями, которые своимъ присутствіемъ возвысили торжество праздника, украсили городъ и почтили церковь“. [2]) „Они“, говоритъ объ этихъ священникахъ Св. Іоаннъ, „воздѣлывая сердца насомыхъ ими, занимались также воздѣлываніемъ земли. Не зная любомудрія мірскаго, они украсили душу догматами любомудрія истиннаго, и не догматами только, но и самыми дѣлами, и, что всего важнѣе, дѣлами своими подтверждали вѣру, какой научились изъ догматовъ“. Простота, а особенно цѣломудренная и досточестная жизнь Сирійскихъ іереевъ, вступившихъ въ молитвенное общеніе съ Антіохійскими

---

[1]) Созоменъ кн. VII, гл. 23, стр. 527.

[2]) Бесѣд къ Ант. нар. по montfaucon'y XIX, т. II, p. 189 190.

христіанами, которые любили похвалиться образованностію и ученостью, и расположили Златоуста сказать имъ, по случаю посѣщенія города сельскими пастырями, назидательное слово, въ которомъ онъ выясняетъ, что „не мудростію или искусствомъ человѣческимъ вѣра христіанская распространяется, а единственно силою благодати Божіей". Извѣстно, какъ низменно на сельскихъ священниковъ смотрятъ не только въ городахъ, не говоря уже о столицахъ, и не только свѣтскіе люди, высоко ставящіе себя по своему гражданскому положенію въ обществѣ и государствѣ, а и „свой братъ" священники, которымъ ужъ никакъ не къ лицу превозношеніе, а по всѣмъ правамъ божескимъ и человѣческимъ подобаетъ вести себя въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, а паче къ братіямъ „*смиренными ведущеся*". Вотъ Св. Іоаннъ и вразумляетъ высокомудрствующихъ Антіохійцевъ, на что, полагать надобно, и причины, сейчасъ сказанныя, были если не въ пастыряхъ антіохійскихъ, то въ пасомыхъ. „Они—сельскіе іереи", говоритъ Св. Златоустъ, „умѣютъ любомудрствовать о Богѣ, какъ повелѣлъ Богъ. И если, взявъ одного изъ нихъ, изведешь на среду какого либо изъ внѣшнихъ любомудрцевъ, или, поелику теперь не найдешь таковыхъ, разгнешь и прочтешь книги любомудрствовавшихъ древле, а потомъ сравнишь ихъ между собою, что̀ соотвѣтствуютъ сіи, не имѣющіе внѣшняго образованія и какъ любомудрствовали тѣ, то увидишь, какая мудрость у первыхъ (іереевъ), и какое неразуміе у послѣднихъ (мудрецовъ). Кто же не дознаетъ изъ сего силы Христовой, которая людей некнижныхъ и неучившихся дѣлаетъ въ такой мѣрѣ мудрѣйшими величающихся своею мудростію, въ какой разсудительный мужъ превосходитъ малыхъ отроковъ". [1])

ГЛАВА II-я.

Нравственное состояніе монашества въ Антіохійской церкви.

Кто были, по своему происхожденію, всѣ эти доблестные священники Антіохійской церкви, во главѣ съ своимъ Архипастыремъ, готовые душу свою положить за овецъ своихъ? Въ твореніяхъ Св. Іоанна Златоуста мы не нашли отвѣта на этотъ вопросъ, неизбѣжно возникшій при нашемъ изслѣдованіи, а посему обращаемся къ свидѣтельствамъ собственно историческимъ,—и здѣсь приходитъ

[1]) Montfocon, т. II, стр. 189 ad pap. Ant. XIX homil

на помощь къ намъ блаж. Θеодоритъ, Епископъ Кирскій съ своей церковной исторіей. Онъ, сообщая свѣдѣнія о Флавіанѣ, описываетъ намъ эту личность, ея прошлое, а также уясняетъ, кто и что современные ему пастыри Антіохійской церкви. Онъ говоритъ: „Флавіанъ былъ рожденъ отъ благородныхъ родителей, но благородствомъ почиталъ одно благочестіе. Онъ—мужъ, избравшій аскетическій родъ жизни и бывшій открытымъ поборникомъ апостольскаго служенія [1]). Флавіанъ, не получивъ должности священнослужителя и находясь въ числѣ мірянъ, днемъ и ночью возбуждалъ всѣхъ къ ревности по благочестію... Людей, любившихъ заниматься дѣлами божественными, онъ собиралъ къ гробамъ мучениковъ и проводилъ съ ними въ бдѣніи всю ночь, восхваляя Богъ“ [2]). Въ годъ вступленія Нектарія на архіепископскую каѳедру Константинопольскую „въ Антіохіи Сирской епископы рукоположили епископомъ благоговѣйнѣйшаго и боголюбивѣйшаго Флавіана, мужа почтеннаго, какъ бы единогласнымъ выборомъ всей церкви“ [3]). Итакъ, Флавіанъ—аскетъ, человѣкъ, жившій и дѣйствовавшій среди народа, не только какъ честный гражданинъ и добрый христіанинъ, но еще и какъ человѣкъ, презрѣвшій міръ, во злѣ лежащій, и всецѣло предавшій себя на служеніе Богу. Ниже мы представимъ возможно подробно содержаніе аскетической жизни. Хотя историкъ—блаж. Θеодоритъ—и не говоритъ, что Флавіанъ жилъ въ пустынѣ, и хотя безразлично, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ городѣ или въ пустынѣ, ибо важно въ данномъ случаѣ настроеніе души, но не будетъ погрѣшительно, если мы допустимъ, что Флавіанъ жилъ въ пустынѣ, какъ мѣстѣ болѣе удобномъ для аскетическихъ подвиговъ, и въ извѣстное время, въ случаѣ нужды, являлся на духовную помощь своимъ согражданамъ. И вотъ основаніе этого вѣроятнаго предположенія. Блаженный Θеодоритъ въ своей Церковной исторіи отмѣчаетъ, какъ особенность, ту черту антіохійскихъ подвижниковъ, что они не отказывались брать на себя бремя епископскаго служенія и съ дерзновеніемъ обличали людей, заслужившихъ того, хотя бы то были лица высокопоставленныя [4]). Въ пятой книгѣ Θеодоритовой исторіи читаемъ: „въ то время, какъ Флавіанъ, препираясь съ еретиками какъ въ частныхъ домахъ,

---

[1]) Стр. 170 его исторіи.
[2]) Ibid. 170 стр.
[3]) Ibid. 322 стр.
[4]) Церков. истор. А. Лебедева, стр. 199—201.

такъ и въ общественныхъ собраніяхъ, легко разрывалъ ихъ сѣти, Афрастъ, предпочетши безмолвію спасеніе овецъ, оставилъ хижину подвижника и принялъ на себя труды пастыря“ [1]). И тутъ же историкъ представляетъ трогательную картину святаго дерзновенія пустынника предъ царемъ—покровителемъ ереси. „Царь съ высоты портика въ Антіохіи замѣтилъ, что идетъ божественный Афрастъ. Онъ шелъ исполнить дѣло надлежащей заботливости о святыхъ овцахъ. Царь увидѣлъ, что онъ былъ одѣтъ въ кожаное платье... и спросилъ проходившаго: скажи, куда ты идешь? А тотъ весьма мудро отвѣчалъ: иду молиться за твое царствованіе.—Но тебѣ слѣдовало бы,—сказалъ царь,—оставаться дома и, по монашескому закону, молиться въ уединеніи. Божественный мужъ отвѣчалъ: ты, царь, весьма хорошо говоришь; такъ нужно было бы мнѣ поступить, такъ я и поступалъ донынѣ, пока овцы Спасителя пользовались миромъ. Но когда они подверглись великому смятенію и когда имъ угрожаетъ важная опасность—быть увлеченными отъ звѣрей, тогда является необходимость употребить всѣ средства ко спасенію стада“. И потомъ, представивши въ примѣръ дѣвицу, оставляющую теремъ, когда загорѣлся отеческій домъ, подвижникъ прибавилъ: „ты бросилъ пламя въ отеческій нашъ домъ и мы всюду бѣгаемъ, стараясь погасить его“ [2]). Имѣя въ виду эти, хотя не единственныя собственно историческія данныя, отмѣчающія въ жизни подвижниковъ антіохійскихъ пустынь готовность послужить интересамъ церкви, мы смѣло заключаемъ, что антіохійское священство было, если не все, то преимущественное большинство, изъ числа пустынниковъ—аскетовъ. А это обстоятельство указываетъ намъ другое отрадное явленіе въ церкви Антіохійской—это высоконравственное состояніе монашества въ Антіохіи.

Мы представимъ подробности жизни и подвиговъ этихъ людей и тогда намъ ясно представится все настроеніе ихъ души, ихъ способность къ самоотверженному служенію дѣлу спасенія ближнихъ; съ другой стороны, мы въ ихъ святой готовности положить душу свою за други своя увидимъ въ нихъ именно тотъ институтъ лицъ, изъ котораго были антіохійскіе священники, такъ вѣрные долгу душпастырства въ церкви Христовой. Мы изберемъ изъ множества указаній въ твореніяхъ Златоуста болѣе наглядныя, но приведемъ ихъ уже неособенно сокращая. Это не идеальныя лишь

[1]) Стр. 290.
[2]) Стр. 291 - 292.

правила монашеской жизни, не мудрыя предначертанія способовъ нравственнаго усовершенствованія,—нѣтъ, это свѣдѣнія прямо историческія; проповѣдникъ разсказываетъ во всеуслышаніе то, что каждый изъ его слушателей сейчасъ можетъ провѣрить. Взята жизнь въ ея цѣлости, а не какъ явленіе исключительное. „Войди на вершины горъ и посмотри на тамошнихъ иноковъ, одѣтыхъ во власяницы, носящихъ вериги, изнуренныхъ постомъ, заключившихся во мракѣ (пещерѣ)“ [1]), говоритъ Св. Златоустъ. „Надлежало бы видѣть эту жизнь собственными глазами, но какъ вы не хотите..., то на словахъ опишу вамъ хотя одну часть ихъ образа жизни, ибо всей ихъ жизни описать невозможно“ [2]), говоритъ въ другое время проповѣдникъ, и подробно описываетъ и внѣшнюю обстановку этой жизни и ихъ подвиги. Сдѣлаемъ краткія извлеченія. „Самыя жилища монаховъ уже предувѣдомляютъ о ихъ благоденствіи. Избѣгая рынковъ и городовъ и народнаго шума, они предпочли жизнь въ горахъ и вертепахъ“ [3]). „Каждый изъ нихъ, занявъ отдѣльное жилище, постоянно упражняется въ молчаніи, никто ни суесловитъ, никто ничего не говоритъ. Одежда ихъ соотвѣтственна ихъ мужеству. Они облечены не въ длинныя одежды, какъ люди изнѣженные и разслабленные, но одежды ихъ приготовлены какъ у оныхъ ангеловъ—Иліи, Елисея, Іоанна и прочихъ апостоловъ; у однихъ изъ козьей, у другихъ изъ верблюжьей шерсти, а нѣкоторымъ довольно и одной кожи и то ветхой. Пища у нихъ самая лучшая: они питаются не вареными мясами безсловесныхъ животныхъ, но словомъ Божіимъ. Но ежели хочешь знать трапезу ихъ, то подойди и посмотри отрыгаемое ими“ [4]), прибавилъ проповѣдникъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшихъ словъ его видно, что послѣднія слова относятся не къ изверженіямъ иноковъ, а къ ихъ скромности даже въ словѣ. „Все это сладко, пріятно и исполнено благоуханія“, говоритъ Св. Іоаннъ. „Уста ихъ не могутъ произнесть ни одного дурнаго слова и ни одного шуточнаго или грубаго, но каждое достойно неба“. И потомъ еще уясняетъ смыслъ сдѣланнаго имъ подобія, говоря: „тотъ не погрѣшитъ, кто уста людей, бѣгающихъ по рынкамъ и гоняющихся за житейскимъ, уподобитъ стокамъ нечистотъ, а уста монаховъ—источникамъ, лью-

[1]) Бесѣд. къ Ант. народ т. I, стр. 318—319.
[2]) Бесѣд. на Матѳ. т. III, стр. 173—217.
[3]) Ibid. стр. 173.
[4]) Ibid., стр. 180.

щимъ медъ и чистые потоки“ [1]). Продолжимъ нашъ разсказъ словами нашего историка—проповѣдника Антіохійскаго. „Поведу васъ въ пустыню, буду бесѣдовать съ вами о подвизающихся тамъ“ [2]), говоритъ онъ своимъ слушателямъ и опять подробно выясняетъ содержаніе жизни пустынниковъ. „Они каждый день сражаются, умерщвляютъ враговъ и побѣждаютъ всѣ возстающія на нихъ похоти. Нѣтъ тамъ ни пьянства, ни пресыщенія... Пьянство и пресыщеніе побѣждено у нихъ питіемъ воды... За трапезою слѣдуетъ трезвеніе и бодрствованіе“ [3]). „Все, что способствуетъ къ возбужденію гордости, какъ то: пышныя одежды, великолѣпные домы, множество слугъ—все это удалено оттуда. Сами они разводятъ огонь, сами колютъ дрова, сами варятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Тамъ не позволятъ, чтобы кто оскорблялъ другаго, не увидишь оскорбляемыхъ... Нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ, но всѣ—слуги, каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ передъ другимъ стараются оказать имъ услуги; не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно; нѣтъ тамъ ни большихъ, ни меньшихъ. Что же, значитъ, нѣтъ тамъ никакой подчиненности? Напротивъ, тамъ господствуетъ отличный порядокъ. Хотя и есть тамъ низшіе, но высшій не смотритъ на это, а почитаетъ себя ниже ихъ и чрезъ то дѣлается большимъ; у всѣхъ—одинъ столъ, какъ у пользующихся услугами, такъ и у служащихъ имъ; у всѣхъ одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковый образъ жизни. Большій тамъ тотъ, кто предупреждаетъ другаго въ отправленіи самыхъ низкихъ работъ. Тамъ не говорятъ: это—мое, это—твое....у нихъ и душа одна... *по любви*“ [4]). Но продолжимъ разсказъ Антіохійскаго проповѣдника о жизни иноковъ на горахъ Антіохійскихъ. „Тамъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни славы, ни безчестія. Есть тамъ высшіе и низшіе по добродѣтели, но... тамъ никто не смотритъ на свое превосходство; тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ... никто не унижаетъ другихъ. А если бы у нихъ кто и унижалъ, они тѣмъ болѣе научаются переносить презрѣнія, поруганіе, уничиженіе и въ словахъ и въ дѣлахъ. Любятъ обращаться съ низшими и увѣчными, и за столомъ ихъ много такихъ гостей.

---

[1]) Ibid., стр. 180.
[2]) Ibid., стр 210.
[3]) Ibid., стр. 211.
[4]) Ibid.

Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпаго, иной поситъ безногаго. Нѣтъ тамъ толпы льстецовъ и тунеядцевъ; тамъ даже и не знаютъ, что такое лесть... У нихъ во всемъ равенство... всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честію, а воздавать ее другимъ... И самыя упражненія приводятъ ихъ къ смиренію... Ибо кто, занимаясь копаніемъ земли, поливаніемъ и насажденіемъ растеній, плетеніемъ корзинъ и вязаніемъ власяницъ, или другою какою либо подобною работою, будетъ высоко думать о себѣ? Кто, живя въ бѣдности и борясь съ голодомъ, подвергнется сему недугу? Никто. Отшельника занимаетъ собою только пустыня: онъ видитъ летающихъ птицъ, колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка древа, потоки, текущіе по долинамъ". Въ одной изъ бесѣдъ на Евангеліе отъ Іоанна, Златоустъ говоритъ: „и они не безъ друзей. Они удалились отъ шума городскаго, но имѣютъ много товарищей, единодушныхъ съ ними, и искренно привязанныхъ другъ къ другу... Они упражняются въ любви... я желалъ бы, чтобы отшельники и жили вмѣстѣ, но и теперь да будетъ несомнѣнна ихъ дружба... у нихъ есть много почитателей, но ихъ не почитали бы, если бы не любили. Да и они молятся о всей вселенной" [1])... Въ этомъ послѣднемъ словѣ Златоуста, слѣдуетъ замѣтить, указываются два вида иноческой жизни. Иноки были: то монахи, жившіе общинами; а то, какъ особый видъ,—пустынники, жившіе въ горахъ, отшельники, и о первыхъ Златоустъ свидѣтельствуетъ, что они упражняются въ любви, а у другихъ „несомнѣнна дружба". Это различіе иноковъ слѣдуетъ замѣтить. „Сіи свѣтильники міра", продолжаетъ свой разсказъ Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о подвигахъ нагорныхъ отшельниковъ, „едва начинаетъ восходить солнце или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа бодры и свѣжи. Ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни трудъ, ни множество дѣлъ. Они живутъ, какъ ангелы на небѣ... Поспѣшно вставъ съ ложа, бодрые и веселые, всѣ вмѣстѣ съ свѣтлымъ лицомъ и совѣстію составляютъ одинъ ликъ и какъ бы едиными устами поютъ гимны Богу... Потомъ, пропѣвши свои пѣсни съ колѣнопреклоненіемъ, прославленнаго ими Бога призываютъ на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ нескоро бы и пришли на умъ. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ; у нихъ не бывало объ этомъ и слова; а просятъ о томъ, чтобы имъ (съ дерзновеніемъ стать предъ страшнымъ пре-

[1]) Бесѣд. т. II, стр. 498.

столомъ) въ чистой совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить сію трудную жизнь. Молитвы же ихъ начинаетъ отецъ и настоятель. Потомъ, какъ вставши окончатъ сіи священныя и непрестанныя молитвы, монахи не только, когда поютъ и молятся, но и когда сидятъ за книгами, доставляютъ зрителямъ пріятное зрѣлище. Когда пѣніе кончится, одинъ беретъ Исаію, и съ нимъ разглагольствуетъ, другой бесѣдуетъ съ апостолами, третій читаетъ книги другихъ писателей и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей“ [1]). Все доселѣ сказанное нами, по Златоусту, относится, несомнѣнно, къ подвижникамъ, обитавшимъ въ горахъ антіохійскихъ,—инокамъ—пустынникамъ. Но, полагать надобно, были монахи и въ самомъ городѣ Антіохіи. И эти монахи были уже не таковы, какъ нагорные отшельники. Златоустъ въ словѣ къ Димитрію о сокрушеніи рисуетъ другую уже, неприглядную картину жизни монашеской, рѣзко отмѣчая иное, противоположное настроеніе людей этого института. Вотъ подлинныя слова автора. „Имѣя повелѣніе входить въ царство небесное тѣсными вратами (Матѳ. VII, 13), выискиваемъ вездѣ широкихъ. И что такихъ вратъ желаютъ и любятъ нѣкоторые изъ мірскихъ людей, это не такъ еще удивительно; но что мужи, которые, кажется, распялись для міра, ищутъ этихъ же вратъ еще болѣе, чѣмъ мірскіе, вотъ это изумительно, даже похоже на загадку. Вѣдь отъ всѣхъ почти монаховъ, пригласи только ихъ на какое либо дѣло, тотчасъ услышишь прежде всего эти слова и вопросы: „можно ли имъ найти покой, можетъ ли приглашающій успокоить ихъ?“ [2]). Какъ очевидно, слова „отъ всѣхъ почти монаховъ услышишь“—показываютъ, что рѣчь идетъ о совершенно особомъ отъ нагорныхъ иноковъ видѣ монаховъ. Надобно замѣтить, что во всѣхъ твореніяхъ Златоуста Антіохійскаго періода это единственное мѣсто, гдѣ указывается, такъ сказать, оборотная сторона медали въ жизни монашеской, тогда какъ прекрасныхъ отзывовъ о жизни иноковъ—пустынниковъ множество [3]).

---

[1]) Бесѣд. на Матѳ. т. III, стр. 173—182.

[2]) Слов. т. III, стр. 22.

[3]) Слов. т. III, стр 115 -117; 118—120; 180 -181; 203—205: Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 75—76; Бесѣды на разн. м. Св. Пис. стр. 18; Бесѣд. на псалмы т. I, стр. 100, Бесѣд. на Мат. т. I, стр. 13, 151—152, 421; т. II, стр. 83; т. III, стр. 44; Бесѣд. на 1 Кор. т. I, стр. 99.

Слово къ Димитрію о сокрушеніи, какъ замѣчено нами въ главѣ о хронологіи твореній Златоуста, написано имъ въ началѣ пустынножительства его, вскорѣ послѣ того, какъ онъ пришелъ въ горы, оставивши Антіохію. И то замѣчаніе его, какое онъ дѣлаетъ о монахахъ, естественно, сдѣлано подъ живымъ грустнымъ впечатлѣніемъ жизни монаховъ городскихъ, которыхъ такъ долго и такъ близко видѣлъ Св. Іоаннъ. Послѣ, поживши съ иноками – пустынниками, онъ все вниманіе уже сосредоточилъ на ихъ высокомъ, святомъ подвижничествѣ, и потому, когда у него въ посланіяхъ или церковныхъ бесѣдахъ заходила рѣчь о монахахъ,—Златоустъ имѣлъ въ виду монаховъ пустынниковъ и о нихъ только и говорилъ. Думать, что то и другое слово одного и того же автора—и доброе и худое говорится объ однихъ и тѣхъ же монахахъ,—логически невозможно, ибо двѣ стороны діаметрально противоположны одна другой. Какъ, напримѣръ, не подходитъ къ монахамъ послѣдняго типа слѣдующая умилительная картина, вполнѣ приличествующая инокамъ—пустынникамъ, такъ любезнымъ сердцу Златоуста, очевидца ихъ подвиговъ. „Воистину суть домы плача—монастыри... Тамъ власяница и пепелъ, тамъ уединеніе, тамъ нѣтъ ни смѣха, ни множества житейскихъ заботъ; тамъ постъ и возлежаніе на землѣ; тамъ все удалено отъ запаха крови, отъ шума, тревоги и народнаго волненія... Не знаютъ они ни женскаго шума, ни дѣтскаго крика. Нѣтъ тамъ множества сундуковъ, ни излишняго скопленія ризъ, ни золота, ни серебра; нѣтъ у нихъ ни внутренней, ни внѣшней стражи, нѣтъ ни сокровищницы, ничего такого, тамъ нѣтъ твоего и моего“ [1]). Полная отрѣшенность отъ земли и всякихъ земныхъ привязанностей! „Искать убѣжища въ монастырѣ святаго мужа,“ прибавилъ проповѣдникъ, „значитъ то же самое, что удаляться отъ земли на небо“. „Монахъ—обладатель всей земли и моря“, писалъ Св. Іоаннъ „невѣрующему отцу“, желая возбудить въ немъ сочувствіе къ иноческой жизни его сына,—„онъ по всей землѣ пойдетъ, какъ по своей собственной. Питіе его—озера, пища—растенія, травы, хлѣба; не можешь вывести его изъ отечества, пока не сгонишь со всей земли; онъ презираетъ и всю землю, потому что градъ его—небо“ [2]). „Кто нибудь скончался изъ среды иноковъ“, свидѣтельствуетъ проповѣдникъ, говоря о монастыряхъ, какъ домахъ плача, „сейчасъ настаетъ великая радость,

---

[1]) Бесѣд. на 1-е послан. къ Тимоо. стр. 204—217.

[2]) Слов. т. III, стр. 115—117.

великое удовольствіе“ [1]). Такое настроеніе пустынниковъ вполнѣ обусловливало для нихъ возможность отъ истинной любви къ Богу переходить къ искренней любви къ ближнему. И Златоустъ свидѣтельствуетъ, что эти люди все отдавали нуждающимся, что могли пріобрѣтать своими трудами; готовы были въ страшное время испытанія для Антіохіи, по разрушеніи статуй, отдать самую жизнь свою за несчастныхъ гражданъ. Сказавши нѣсколько словъ о расположеніи иноковъ пустынниковъ къ благотворенію нуждающимся, мы подробно, словами самого Св. Іоанна, изобразимъ подвигъ отшельниковъ, полагающихъ душу свою за други своя. Ибо въ этомъ словѣ Златоуста—главное свидѣтельство о высочайшей степени духовно-нравственнаго совершенства истинно-иноческой жизни, въ духѣ Евангельскаго ученія Христа. Въ многочисленныхъ твореніяхъ Златоуста можно видѣть мѣста, которыя уясняютъ внутренній смыслъ иночества. Изъ многаго мы для подтвержденія нашего показанія возьмемъ нѣсколько строкъ: „Мы влечемъ другихъ въ пустыню“, писалъ Св. Іоаннъ изъ пустыни „къ вѣрующему отцу“, „не для того, чтобы они только одѣвались во власяницу, опоясались поясомъ, но чтобы прежде всего бѣжали отъ грѣха и возлюбили добродѣтель“. [2]) „Человѣкъ удаляется въ горы: я, говоритъ, удаляюсь для того, чтобы не погубить себя.“ [3]) „Мы должны искать пустынь, образуемыхъ не только извѣстными мѣстами“, говоритъ Св. Іоаннъ антіохійцамъ, любвеобильно убѣждая ихъ къ аскетическому настроенію души, „но и нашимъ произволеніемъ и прежде всего другаго душу свою вести въ необитаемую пустыню“. [4]) Выясняя эту же свою мысль, проповѣдникъ въ другой разъ говорилъ своимъ слушателямъ: „тѣ, которые были обращены апостолами, жили въ городахъ, а являли благочестіе, свойственное пустынножителямъ“. [5]) „Дѣвственникъ и постникъ полезенъ только себѣ самому. Что пользы въ дѣвствѣ съ жестокостію? Что пользы въ цѣломудріи съ безчеловѣчіемъ? Говорю это не съ тѣмъ, чтобы опустились руки дѣвственницъ, чтобы прекратить дѣвство, но чтобы онѣ не трудились напрасно, чтобы послѣ безчисленныхъ подвиговъ не удалились съ поприща неувѣнчанными и покрытыми стыдомъ“. „Дѣвство—дѣло доброе и вышеестественное; но и это

[1]) Бесѣд. на 1-е послан. къ Тимоо. стр. 204—217.

[2]) Слов. т. III, стр. 205.

[3]) Бесѣд. на 1 Кор. т. I, стр. 101.

[4]) Слов. на разн. случ. т. I, стр. 46. Бесѣда 6-я противъ Аномеевъ.

[5]) Бесѣд. на Матѳ. т. II, стр. 452. т.

доброе дѣло, великое и вышеестественное, не бывъ соединено съ человѣколюбіемъ, не можетъ ввести даже въ преддверіе брачнаго чертога. Посмотри на могущество человѣколюбія и силу милостыни. Дѣвство безъ милостыни не могло довести даже до преддверія брачнаго чертога, а милостыня безъ дѣвства привела питомцевъ своихъ съ великою славою въ царство, уготованное прежде сложенія міра". [1])—Но Златоустъ былъ искреннѣйшій проповѣдникъ любви; съ этой точки зрѣнія, отправляясь отъ слова о любви, смотрѣлъ на всякое нравственно-религіозное дѣяніе человѣка, во всякомъ его званіи и состояніи; чрезъ эту призму онъ опредѣлялъ, правильны или неправильны отношенія каждаго человѣка къ Богу и къ ближнему, а у иноковъ въ особенности. „Подлинно", говорилъ онъ, „нѣтъ другаго свидѣтельства и признака вѣры и любви ко Христу, какъ попеченіе о братіяхъ и заботливость о ихъ спасеніи". [2]) „Пусть слушаютъ и всѣ монашествующіе", воззвалъ онъ съ священной высоты каѳедры въ великой церкви города Антіохіи, „пусть слушаютъ и обитающіе на вершинахъ горъ и всѣми способами распявшіе себя, для того, чтобы и они, по мѣрѣ силъ своихъ, помогали предстоятелямъ церквей, содѣйствовали имъ молитвами, единодушіемъ, любовію, зная, что если они не будутъ всячески, и находясь вдали, содѣйствовать отличеннымъ благодатію Божіею и обремененнымъ такими заботами, то самое главное въ жизни ихъ потеряно и вся мудрость ихъ обоюродѣла". [3]) Но проповѣдникъ любви развиваетъ мысль свою еще шире. Обращаясь къ свидѣтельствамъ Златоуста о жизни иноковъ пустынниковъ, мы видимъ, что это истинные рабы Божіи, готовые жертвовать всѣмъ и во всемъ по Божьи, послужить по заповѣди любви. „Съ восходомъ солнца идетъ каждый пустынный житель", говоритъ Св. Іоаннъ, „къ своему дѣлу и трудами много пріобрѣтаетъ для бѣдныхъ". [4])„ Въ самомъ дѣлѣ", восклицаетъ Златоустъ, „и корыстолюбіе, и страсть къ удовольствіямъ, и властолюбіе, и всѣ прочія похоти гораздо легче бываютъ побѣждаемы ими, нежели мірскими людьми. Инокъ, если будетъ имѣть деньги, не захочетъ оставить безъ пособія и ближнихъ своихъ, но скоро доставитъ имъ все необходимое". [5]) И еще Златоустъ свидѣтельству-

[1]) Бесѣд на разн. мѣст. Св. Пис., т. III, стр. 14—15.

[2]) Слова и рѣчи на разн. случ. т. I, стр. 461. 6-я бесѣда противъ Аномеевъ.

[3]) Ibid.

[4]) Бесѣд. на Еван. отъ Матѳ. т. III, стр. 173—182.

[5]) Слов. т. III, стр. 204.

етъ, что нагорные иноки остались вѣрны тому принципу, какой онъ ставитъ обязательнымъ для ихъ жизни и дѣятельности, какъ выраженіе истинной любви къ Богу и ближнему. „Взойди на вершины горъ и посмотри на тамошнихъ иноковъ и увидишь, что всѣ они желаютъ смерти“, говорилъ Златоустъ антіохійцамъ послѣ прощенія императоромъ вины ихъ. Златоустъ яркими красками рисуетъ картину самоотверженности иноковъ изъ любви къ ближнимъ —гражданамъ Антіохіи. Мы не будемъ стараться сокращать золотыя слова проповѣдника. „Когда посланные царемъ для изслѣдованія о случившемся здѣсь открыли страшное то судилище и всѣ ожидали разныхъ смертей, тогда иноки, обитающіе на вершинахъ горъ, высказали свое любомудріе. Проживъ безвыходно столько лѣтъ въ своихъ пещерахъ, оставили свои кущи, они сошлись со всѣхъ сторонъ, какъ сошедшіе съ неба ангелы, и сталъ тогда городъ подобенъ небу, потому что вездѣ появились эти святые и однимъ своимъ видомъ утѣшали скорбящихъ и располагали къ совершенному презрѣнію несчастія... Они, пришедши къ самымъ начальникамъ, говорили смѣло за виновныхъ. Готовы были всѣ пролить кровь и положить головы свои, только бы исхитить узниковъ отъ угрожавшихъ бѣдствій, и сказали, что не отступятъ, пока судіи не пощадятъ гражданъ или не пошлютъ ихъ самихъ къ царю вмѣстѣ съ виновными. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ сказалъ и другое, исполненное любомудрія, слово: низверженныя статуи опять воздвигнуты и приняли свой видъ, а вы, если умертвите образъ Божій, то какъ можете поправить сдѣланное? Многое иноки говорили начальникамъ и о судѣ“. И далѣе проповѣдникъ рисуетъ картину мужественнаго предстательства отшельниковъ. „Иноки, люди бѣдные, неимѣющіе ничего, кромѣ худой одежды, жившіе въ сельской простотѣ, казавшіеся дотолѣ ничтожными, пребывавшіе въ горахъ и лѣсахъ, предстали, какъ нѣкіе львы, съ великимъ и высокимъ духомъ, между тѣмъ какъ всѣ боялись и трепетали. Иноки оказались могущественнѣе всѣхъ... они „письменно“ умоляли царя“. [1]) „Теперь“, торжественно продолжаетъ священный повѣствователь, „о случившемся здѣсь услышитъ царь, услышитъ и великій городъ Константинополь, вся вселенная услышитъ, что въ Антіохійскомъ городѣ (собственно въ окрестностяхъ города) живутъ такіе иноки, которые показали дерзновеніе апостольское. Те-

[1]) Единственное свидѣтельство объ этомъ у современниковъ только и есть у Златоуста и именно въ этомъ мѣстѣ его бесѣды.

перь, какъ письмо это будетъ читаемо въ столицѣ, всѣ удивятся ихъ (иноковъ) великодушію, всѣ ублажатъ нашъ городъ, свидѣтельство иноковъ будетъ достаточнымъ доказательствомъ правовъ города". [1]) И это не панегирикъ монахамъ, затемняющій, ради дружбы, истину; не произведеніе фантазіи проповѣдника. Нѣтъ! Это слово истины предъ лицомъ живыхъ свидѣтелей событія, это — историческая правда.

Блаженный Θеодоритъ, Епископъ Кирскій, подробно описываетъ въ 20-й главѣ 5 й книги своей Церковной исторіи и обстоятельства возмущенія въ Антіохіи и самоотверженную защиту несчастныхъ, какую оказали иноки. Возьмемъ самую сущность разсказа. „Когда прибыли въ Антіохію лица, несшія съ собою угрозы царя, тогда всѣ пришли въ страхъ и вострепетали отъ ужаса... Но подвижники добродѣтели, жившіе въ части надгорной, гдѣ въ то время было много мужей отличныхъ, дѣлали тѣмъ людямъ не мало увѣщаній и очень утѣшали ихъ". Это - новая черта, характеризующая настроеніе пустынниковъ и указывающая ихъ заслуги: они убѣждали несчастныхъ антіохійцевъ не падать духомъ. Но вотъ блистательный подвигъ отшельниковъ, которымъ такъ восхищается Златоустый проповѣдникъ до того, что обѣщаетъ ему всемірную извѣстность и славу. „Святый Македоній" —Златоустъ не назвалъ его по имени, „который былъ не свѣдущъ ни въ чемъ, относящемся къ земной жизни, и даже вовсе не зналъ божественныхъ изреченій, но подвизался на вершинахъ горъ, гдѣ день и ночь возносилъ чистую молитву Спасителю всѣхъ, этотъ Македоній, не устрашившись царскаго гнѣва и не обратилъ вниманія на власть присланныхъ вельможъ, разъ среди города схватилъ за эпанчу одного изъ нихъ и приказывалъ имъ обоимъ сойти съ лошадей. Эти, видя предъ собою небольшаго старичка, одѣтаго въ бѣдное рубище, сперва было разсердились, но потомъ, когда нѣкоторые старшины возвѣстили имъ о доблести сего мужа, соскочили съ лошадей и, обнявъ его колѣна, просили прощенія. А тотъ, исполнившись божественной мудрости, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „скажите царю, любезные мужи! ты не только царь, но и человѣкъ, и потому имѣй въ виду не одно царское достоинство, но помышляй и о природѣ, ибо, будучи человѣкомъ, ты царствуешь надъ существами одного съ тобою естества. Природа человѣческая создана по образу и по подобію Божію, не приказывай же такъ жестоко и

[1]) Бесѣд. къ Ант народ. т. I, стр. 512–519.

свирѣпо умерщвлять образъ Божій, ибо, казня его, раздражаетъ Творца. Смотри, вѣдь вотъ и ты такъ гнѣваешься только изъ-за мѣднаго изображенія, но для всякаго, въ комъ есть умъ, очевидно, во сколько одушевленное, живущее и разумное превосходнѣе бездушнаго. Пусть онъ, сверхъ того, подумаетъ и о томъ, что намъ легко, вмѣсто одного, сдѣлать много мѣдныхъ изображеній, а ему даже совершенно невозможно создать и одинъ волосъ убитыхъ". „Выслушавъ это, дивные тѣ мужи", прибавляетъ блаж. Θеодоритъ, „передали царю слова старца и ими потушили пламень гнѣва".— „Я разсказалъ это,—прибавляетъ историкъ,—между прочимъ, потому, что считалъ несправедливымъ предать забвенію дерзновеніе всехвальнаго инока". [1])

Тождество почти дословное разсказа Антіохійскаго проповѣдника и свидѣтельства историка.

ГЛАВА III-я.

Нравственное состояніе Антіохійскаго общества.

„Свидѣтельство иноковъ, ихъ самоотверженный подвигъ", воскликнулъ Златоустъ, „будетъ достаточнымъ доказательствомъ (добрыхъ, разумѣется) нравовъ города". Правда! честь и хвала церкви и городу, имѣющему въ числѣ своихъ членовъ такихъ добрыхъ и любвеобильныхъ лицъ, особенно когда такихъ членовъ не одинъ—не два, а цѣлое и большое общество. Но каково было само это общество—граждане города Антіохіи, его господствующія привычки, обычаи, духовное настроеніе, воззрѣнія на свои обязанности, взаимоотношенія и т. п. за этотъ періодъ жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста? Разъясненіе этого вопроса также необходимо для уясненія нравственнаго состоянія Антіохійской церкви.

Принимая, какъ афоризмъ, мысль нашего досточтимаго доктора Церковной исторіи, ординарнаго профессора Дух. Академіи А. П. Лебедева, что „монашество возникаетъ изъ протеста противъ нравственнаго разслабленія жизни христіанской", [2]) мы, въ виду цѣлаго сонма иноковъ и добрыхъ монаховъ въ церкви Антіохійской, сразу готовы вывести заключеніе: нравственное состояніе общества Антіохійскаго не было утѣшительно и далеко не соотвѣт-

[1]) Стр. 342—345.

[2]) Очерки истор. Визан. восточ. церкви отъ конца XI до половины XV-го вѣка; стр. 136.

ствовало высокому уровню нравственнаго состоянія священства и монашества. Каково же именно было нравственное состояніе Антіохійскаго церковнаго общества за время Златоуста?

Для изслѣдованія этого вопроса, для насъ и для всякаго, кто хотѣлъ бы заняться его рѣшеніемъ, есть одинъ и единственный источникъ—творенія Св. Іоанна Златоуста. Если мы могли встрѣтить у историковъ нѣкоторыя, хотя очень сжатыя, свѣдѣнія о священствѣ Антіохійскомъ и объ Антіохійскомъ монашествѣ, то уже ровно ничего не можемъ найти въ запискахъ лѣтописцевъ касательно нравственнаго быта Антіохійскаго общества. Антіохія—это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ центровъ древней цивилизаціи, представительница и мать городовъ всего Востока, городъ—славный процвѣтаніемъ наукъ, искусствъ, промышленности, [1]) вмѣщавшій, по свидѣтельству Златоуста, болѣе 200.000 жителей. Сюда стекались со всѣхъ концевъ тогдашняго міра: кто для образованія, кто для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, а другихъ привлекала сюда роскошь и общественныя увеселенія. Въ Антіохіи, поэтому, можно было встрѣтить представителей большей части тогдашняго міра. По громадное стеченіе отвсюду живыхъ силъ, естественно, развивая широко общественную жизнь и оживленную дѣятельность въ Антіохіи, съ этимъ вмѣстѣ соединяло здѣсь множество условій, разрушительно дѣйствовавшихъ на состояніе общественной нравственности. При ближайшемъ знакомствѣ съ твореніями Златоуста можно видѣть, какъ часто онъ, говоря о большихъ городахъ, называлъ ихъ организмами, въ которыхъ гнѣздятся злокачественныя болѣзни, поддерживаемыя разрушительными условіями испорченной нравственной атмосферы. Его пресвитерскія бесѣды и сочиненія, написанныя до священства, неопровержимо свидѣтельствуютъ, что Антіохія была центромъ глубокой нравственной деградаціи, и здѣсь Златоуста возмущало въ особенности то, что молодое поколѣніе слишкомъ мало было обезпечено отъ этого постепеннаго пониженія нравственнаго уровня, благодаря ложному направленію воспитанія юношества. Это воспитаніе лишь въ корнѣ губило молодыя силы Антіохіи, современной Златоусту, и укореняло въ дѣтяхъ самыя превратныя и недостойныя понятія. Самъ Св. Іоаннъ, воспитавшійся подъ руководствомъ доброй, честной, истинно-благочестивой, чудной (по выраженію Ливанія) матери своей, когда лицомъ къ лицу сталъ къ своему обществу, такъ пораженъ былъ зломъ, кото-

[1]) Бесѣд. 1-я и 2-я къ Ант. народ. т. I.

рое со всѣхъ сторонъ охватило Антіохію, что только въ удаленіи отъ свѣта, отъ этихъ центровъ разврата, думалъ найти спасеніе среди тогдашнихъ обстоятельствъ. Онъ простился съ городомъ и искалъ убѣжища въ келіяхъ христіанскихъ подвижниковъ. Здѣсь рѣзкій контрастъ города и пустыни выдвинулся теперь со всею яркостью предъ его взоромъ и отсюда то онъ началъ со всею рѣзкостію и въ яркихъ чертахъ обличать глубокую деморализацію тогдашняго Антіохійскаго общества. „О! если бы зло только и ограничивалось тѣмъ", восклицаетъ Златоустъ, „что родители не давали бы дѣтямъ никакихъ полезныхъ совѣтовъ; тогда зло не было бы такъ велико. Но вотъ вы, родители, побуждаете дѣтей еще и къ противному". [1]) Мы постараемся въ краткихъ словахъ представить возможно полную картину развращенія нравовъ въ Антіохіи, какъ изображаетъ ее самъ Св. Іоаннъ, соединивъ лишь, съ своей стороны, различныя черты въ одно цѣлое.

„Въ самомъ дѣлѣ", продолжимъ рѣчь Златоуста, „когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другаго, кромѣ такихъ словъ: такой то, говорятъ, человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершившись въ краснорѣчіи, пріобрѣлъ большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ. Другой говоритъ: такой то, изучивъ латинскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ. И такъ вы, когда внушаете это дѣтямъ съ юныхъ лѣтъ, учите ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя неистовыя страсти—то есть—сребролюбіе и, еще болѣе порочную страсть, тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвратить все". Авторъ психологически выясняетъ вліяніе указанныхъ страстей въ душѣ человѣка. „А когда онѣ вмѣстѣ вторгнутся въ нѣжную душу юноши, то губятъ все доброе". [2]) „Пристрастившіеся къ деньгамъ обыкновенно бываютъ и завистливы, и злонравны, и склонны къ клятвамъ, и вѣроломны, и дерзки, и злорѣчивы, и хищны, и безстыдны, и наглы, и непризнательны, словомъ—во всѣхъ отношеніяхъ злы". [3])

Проводя до крайнихъ предѣловъ вліяніе страсти сребролюбія, Златоустъ свидѣтельствуетъ: „вы тѣхъ особенно дѣлаете друзьями ихъ (вашихъ дѣтей), кто только можетъ дать денегъ, хоть бы и

[1]) Пис. къ вѣрующему отцу. Слов. т. III, стр. 159.
[2]) Ibid, стр. 160.
[3]) Ibid., стр. 161.

научилъ крайнему разврату. Христосъ не позволилъ бросать жену, развѣ только за прелюбодѣяніе, а вы, когда можно получить деньги, приказываете пренебрегать и этою заповѣдью. [1]) И худо не это одно, что вы внушаете дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что нечестіе прикрываете благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ—свѣтскостію, обладаніе богатствомъ—свободою, славолюбіе—великодушіемъ, дерзость—откровенностію, расточительность—человѣколюбіемъ, несправедливость—мужествомъ. Потомъ, какъ будто мало еще этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностью, кротость—трусостью, справедливость—слабостью, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ. И что еще хуже, внушаете дѣтямъ зло не только словами, но и дѣлами: строите великолѣпные домы, покупаете дорогія поля, окружаете ихъ и прочимъ блескомъ и всѣмъ этимъ, какъ бы какимъ густымъ облакомъ, омрачаете ихъ душу". [2]) Сѣмя, такъ худо воспитанное, какъ видится, приносило плодъ по роду своему, давая не только грѣховное, но прямо преступное настроеніе Антіохійскому обществу. Златоустъ, ставши священникомъ и проповѣдникомъ, со всей силой и апостольской откровенностію обличалъ эти страсти, какъ ставшія уже закоренѣлыми привычками въ жизни большинства. Такъ, изображая слушателямъ своимъ предательство Іуды, Св. Іоаннъ говорилъ: „столь великое зло—сребролюбіе, оно сдѣлало Іуду и святотатцемъ, и предателемъ." И потомъ взываетъ: „услышьте, всѣ сребролюбцы! услышьте и берегитесь страсти сребролюбія. Эта страсть есть ужаснѣйшая изъ всѣхъ страстей. Отселѣ гробокопатели, отселѣ убійцы, отселѣ всякое зло. Сребролюбивый вездѣ бываетъ худымъ человѣкомъ: въ дѣлахъ общественныхъ и въ дѣлахъ семейственныхъ". [3]) „Видишь ли, какъ золото", восклицаетъ Антіохійскій проповѣдникъ, „не оставляетъ людей людьми, но дѣлаетъ ихъ звѣрями и бѣсами". [4]) „Многіе выливали цѣлыя бочки вина," прибавляетъ онъ, „а не давали ни одного стакана нищимъ и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно дѣлалось прокислымъ. Другіе не давали ни одного куска алчущему, а цѣлыя житницы высыпали въ

---

[1]) ibid, стр 16..
[2]) ibid., стр. 167.
[3]) Бесѣд. на Мато. т. III, стр. 382 384.
[4]) Бесѣд. на 1 Кор. т. I, стр. 357—360.

рѣку“ [1]). Въ одной изъ своихъ бесѣдъ Златоустъ представляетъ поразительный фактъ безчеловѣчія сребролюбца. „Нѣкогда“, говоритъ, „постигло нашъ городъ бездождіе; всѣ трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить ихъ отъ этого страха—смерти, ужаснѣйшей изъ всѣхъ родовъ смерти. Но послѣ, слава Человѣколюбцу Богу, полился чрезвычайно обильный дождь и всѣ стали радоваться. Между тѣмъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей ходилъ прискорбный и унылый, какъ бы омертвѣвшій отъ горя, и когда многіе спрашивали его, по какой причинѣ онъ печаленъ, тогда онъ, не могши скрыть своей мучительной страсти, открыто объявилъ: имѣя, говорилъ онъ, множество мѣръ пшеницы, я не знаю, какъ теперь мнѣ сбыть ее“?! „Отчего же происходитъ это пристрастіе къ настоящимъ благамъ“? вопрошаетъ проповѣдникъ и отвѣчаетъ: „оттого, что предаются роскоши, утучняютъ плоть, развращаютъ душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокій мракъ и грубое покрывало“ [2]). „Отчего мы предаемся роскоши“? изслѣдуетъ авторъ.—„Отъ злаго произволенія“, отвѣчаетъ онъ и указываетъ на ближайшія проявленія глубокой роскоши—чревоугодіе и пьянство. „Тѣло требуетъ пищи, а не роскоши (разумѣется—яствъ), тѣло нуждается въ томъ, чтобы его питали, а не въ томъ, чтобы его обременяли и утучняли“. [3]) Грустныя картины наглядно выясняютъ мысль проповѣдника о томъ, какъ „жизненная сила обременяется множествомъ яствъ“ [4]).

Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя 17-й ст. IV главы посланія Ап. Павла къ Ефесеямъ: что такое суета ума?, такъ говоритъ о значеніи удовольствій: „суета суетъ—великолѣпныя зданія, обиліе и избытокъ золота..., гордость и тщеславіе, высокомѣріе и надменіе—все это суета, ибо произошло не отъ Бога, но произведено людьми“. „Почему однакожъ“, разсуждаетъ проповѣдникъ, „оно суетно? Потому, что не имѣетъ никакой доброй цѣли. Суетны деньги, когда ихъ расточаютъ на удовольствіе; посмотримъ, какое происходитъ отсюда слѣдствіе? тучность тѣла, отрыжка, вѣтры, множество помету, головная боль, разлѣненіе, внутренній жаръ, разслабленіе всего тѣла. Какъ тотъ, кто сталъ бы наливать воду въ просверленный сосудъ, трудился бы напрасно: такъ и человѣкъ, предающійся удовольствіямъ, наливаетъ воду въ просверленный

---

[1]) Бес. на 1 Корино., т. I, стр. 357—360.
[2]) Ibid., стр. 361.
[3]) Ibid., стр. 362.
[4]) Ibid., стр. 364.

сосудъ“ [1]). Златоустъ показываетъ, какъ отсюда „происходятъ болѣзни, немощи и безобразіе“ [2]). Роскошь не только разслабляетъ, но и дѣлаетъ даже красивую женщину безобразною. Говорить ли еще о происходящихъ отсюда подаграхъ, ревматизмахъ и другихъ болѣзняхъ, весьма отвратительныхъ?.. Не говори мнѣ объ удовольствіи (этого рода) роскоши,“ съ негодованіемъ восклицаетъ проповѣдникъ. „Не смотри на роскошествующихъ только тогда, когда они возлежатъ, но посмотри на нихъ тогда, когда они встанутъ; послѣдуй за ними и увидишь, что они болѣе походятъ на скотовъ, чѣмъ на людей“ [3]). Конечно, здѣсь разумѣется не одно пресыщеніе яствами, но, и даже особенно, неумѣренное винопитіе. „Ты увидишь“, продолжаетъ Златоустъ, „какъ они страдаютъ головокруженіемъ, разслабленіемъ и неповоротливостію, нуждаются въ ложѣ и постели и глубокой тишинѣ, мечутся, какъ бы во время сильнаго волненія“ [4]). „Особенно же то тяжело“, говоритъ Св. Іоаннъ въ другой разъ, бичуя пьянство [5]), „что эта болѣзнь даже и не считается порокомъ, но за столами богачей бываетъ соперничество и состязаніе въ этомъ безчинствѣ, и сильно спорятъ другъ съ другомъ о томъ, кто болѣе осрамитъ себя, кто болѣе возбудитъ смѣха, кто болѣе ослабитъ свои нервы, кто болѣе изнуритъ свои силы“. „Имѣй попеченіе о плоти“, поучаетъ проповѣдникъ, „но для поддержанія здоровья, а не для удовлетворенія чувственности“ [6]). Къ видамъ этой грубой роскоши проповѣдникъ присоединяетъ изображеніе роскоши утонченной. Объясняя слова Апостола Павла: „*часъ уже намъ отъ сна востати*“ (Рим. XIII, 11), проповѣдникъ говоритъ, продолжая свою мысль: „а дабы точнѣе вамъ узнать, когда попеченіе о плоти простирается до похоти и избѣгать такого попеченія, представьте себѣ людей, предающихся пьянству, объяденію, пристрастныхъ къ нарядамъ, забавамъ, ведущихъ жизнь изнѣженную и роскошную, и тогда вы уразумѣете сказанное апостоломъ. Такіе люди все, что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ не для поддержанія здоровья, а для веселости, для воспламененія похоти“ [7]). И эти пороки—достояніе, по Златоусту, не только богатыхъ, но и бѣд-

[1]) Стр 201.
[2]) Бесѣд. на 1 Кор. т. I, стр 363.
[3]) Ibid., стр. 365.
[4]) Ibid., стр. 365.
[5]) 29-я бесѣда на книгу Бытія.
[6]) Бесѣд. на посл. къ Римлян., стр. 578.
[7]) Ibid., стр. 578.

ныхъ. „Умоляю тебя“, говоритъ онъ, „востань отъ сна... истрезвись отъ пьянства... Я разумѣю здѣсь пьянство, происходящее не только отъ вина, но и отъ житейскихъ заботъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ вина. И предлагаю совѣтъ свой не однимъ богатымъ, но и бѣднымъ, всего же болѣе тѣмъ изъ нихъ, которые любятъ пировать съ пріятелями“ [1]). Проповѣдникъ подробно изображаетъ гибельныя послѣдствія этого рода роскоши, и это изображеніе рисуетъ намъ во всей неприглядности нравственное состояніе Антіохіи. „Отъ вашихъ пировъ рождаются у васъ худыя пожеланія, отъ нихъ сладострастіе, отъ нихъ супруги у васъ въ презрѣніи, а развратныя женщины въ чести; отъ нихъ падаютъ домы, тысячи рождаются золъ, все приходитъ въ безпорядокъ, и, оставивши чистый источникъ, стремитесь вы къ грязному болоту. А что тѣло развратной женщины точно есть такое болото, свидѣтельствуюсь въ томъ не другими, а тобою самимъ, тобою, который валяешься въ этомъ болотѣ. Не стыдишься ли ты самъ себя, не считаешь ли самъ себя нечистымъ послѣ грѣха? Посему умоляю васъ, бѣгайте блуда и матери блуда—пьянства“. И потомъ проповѣдникъ представляетъ цѣлую группу пороковъ и преступленій, изъ которыхъ одно тяжелѣе другаго губятъ и душу и тѣло человѣка грѣшника. „Для чего сѣешь, гдѣ не можешь пожать, или лучше сказать, гдѣ если и пожнешь, то самый плодъ покроетъ тебя безславіемъ; если и родится ребенокъ, тебѣ будетъ позоръ“ [2]). „Для чего сѣять тамъ, гдѣ самая нива усиливается погубить плодъ... Видишь ли“, восклицаетъ въ заключеніе добрый пастырь, „какъ отъ пьянства происходитъ блудъ, отъ блуда—прелюбодѣяніе, отъ прелюбодѣянія—убійство“ [3]). Указывая преступность такого поведенія, Златоустъ выясняетъ гибельность поступка. „Ты женщину, сотворенную для дѣторожденія, располагаешь къ дѣтоумерщвленію. Ибо развратная женщина, чтобы всегда быть пріятною и привлекательною для своихъ любовниковъ и выманивать себѣ больше денегъ, не откажется и отъ такого злодѣйства. Хотя она сама отважится на преступленіе, но главною причиною будешь ты. Сіе же доводитъ и до идолопоклонства“, замѣчаетъ Златоустъ, „указывая на погибель души. Многія развратницы, чтобы возбудить привязанность къ себѣ, употребляютъ наговоры, возліянія, приворотныя

[1]) Ibid., стр. 581.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 584.

снадобья и другія безчисленныя средства“ [1]). „Но“, что особенно важно для исторіи нравовъ города въ данный періодъ времени, „многіе“,—значитъ, порокъ былъ такъ значительно распространенъ, что было изъ кого означить „многихъ“—„многіе“, замѣчаетъ проповѣдникъ, „считаютъ дѣло сіе ничего незначущимъ, и даже многіе такъ поступаютъ, имѣя своихъ женъ. А въ этомъ случаѣ особенно бываетъ стокъ всякаго зла. Здѣсь приготовляются чародѣйственныя отравы уже не противъ плода въ утробѣ развратницы, но и противъ супруги, безъ того уже много обижаемой; здѣсь составляются тысячи злоумышленій; призываютъ на помошь бѣсовъ, вызываютъ мертвыхъ; отселѣ рождается ежедневная брань, непримиримая вражда, всегдашнія ссоры... обиды законнымъ дѣтямъ и тысячи золъ“ [2]). Златоустъ обличаетъ и другую роскошь своего времени подъ благовидными формами, скрывающими тонкій развратъ съ цѣлымъ полчищемъ пороковъ, если не прямыхъ злодѣяній. „Покажи мнѣ руку жены, любящей украшенія“, взываетъ проповѣдникъ, представивши слушателямъ образъ домовитой и страннопріимной Сарры—жены Авраамовой [3]), „и ты увидишь, какъ эта рука снаружи покрыта золотомъ и внутри отягчена разными вещами. Ты, жена, что ты дѣлаешь? Наряжаешься, чтобы понравиться кому? Мужу. Дурное стараніе, если ты хочешь такимъ образомъ понравиться своему мужу. Какъ же я буду нравиться ему? Скромностію, любомудріемъ, кротостію, любовію, единодушіемъ, согласіемъ. А чтобы ты убѣдилась, что ты стараешься понравиться не мужу, скажу тебѣ: дома ты снимаешь украшенія, а въ церковь надѣваешь ихъ; если бы ты хотѣла нравиться мужу, то носила бы ихъ дома“. Неумолимая логика! „Но, какъ я сказалъ, ты входишь въ церковь, украшенная золотомъ на рукахъ и на шеѣ“. „Для чего, скажи мнѣ“, говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ мужу, „ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ лошакахъ? Лошакъ украшается — снизу золото лежитъ и на покровахъ его; безсловесные лошаки носятъ драгоцѣнности, имѣя золотую узду!.... Часто, входя въ чей нибудь великолѣпный домъ и выходя изъ него, что говоришь ты? Я видѣлъ прекрасные мраморы, удивительныя колонны, прекрасныя окна, множество золота на потолкѣ... много фонтановъ, много

---

[1]) Ibid

[2]) Ibid., стр. 385.

[3]) Бесѣд. на псалмы, т. II, стр. 527—545.

богатства“ [1])... „Ты надѣваешь золотое ожерелье на слугу, золотые чехлы на камни, золотые ремни на себя, золотую одежду, золотой поясъ, зелотую обувь. Безразсудная расточительность! А ложи, обложенныя серебромъ и украшенныя золотомъ, подножныя скамейки, сдѣланныя изъ тѣхъ же металловъ“ [2])! Златоустъ указываетъ именно грѣховность, преступность изысканной роскоши. Тутъ золото, шелкъ, „а бѣдный, томимый голодомъ, сидитъ при дверяхъ твоихъ, и Христосъ мучится голодомъ“. „О, крайнее безуміе“ [3])! Исчисливши добродѣтели, коими слѣдовало бы женѣ обогащаться, онъ восклицаетъ: „вотъ, жена, твои украшенія! Эти добродѣтели твои производятъ единодушіе, а тѣ украшенія не только не дѣлаютъ тебя пріятною, но даже дѣлаютъ тебя несносною для мужа. Когда ты говоришь ему: отними у другихъ и принеси мнѣ, то на малое время ты нравишься ему, а послѣ будешь имѣть въ немъ врага“ [4]). Это другое возможное и обычное преступленіе. „Если бы вошелъ сюда язычникъ и увидѣлъ вверху—на хорахъ—женщинъ, носящихъ такія украшенія, не сказалъ ли бы онъ, что здѣсь театральное зрѣлище и баснословіе. Но язычникъ соблазняется и говоритъ: я входилъ въ христіанскую церковь, слышалъ Павла говорившаго: *жены да украшаютъ себя ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. II, 2), и видѣлъ женщину, показывающую дѣлами совершенно противное“ [5]). Но вѣдь Антіохійское общество не изъ однихъ же богачей, конечно, состояло. Въ одно время Златоустъ горько жаловался на богачей и для большаго убѣжденія ихъ сдѣлалъ статистическій обзоръ бѣдныхъ, находившихся въ Антіохіи [6]). „Въ семъ городѣ“, говорилъ онъ, „находится 20000 богатѣйшихъ жителей, 60000—тоже съ изобильнымъ достаткомъ, 80000—которые живутъ безъ труда плодами своего образованія и трудами рукъ своихъ, и только 20000—такъ называемыхъ нищихъ“.

Что же представлялъ, на какомъ нравственномъ уровнѣ стоялъ низшій, бѣдный классъ—„нищіе“ этого народонаселенія? Въ словахъ Златоуста мы видимъ, какъ онъ обличалъ и нищихъ за ихъ несправедливыя жалобы на своихъ благодѣтелей. Но справедли-

---

[1]) Бесѣд. на псалмы т. II, стр. 527—535.
[2]) Ibid. стр. 544
[3]) Ibid., стр. 529.
[4]) Ibid , стр. 527.
[5]) Ibid., стр. 528.
[6]) Агапитъ, стр. 181.

вость требуетъ замѣтить, что эти обличенія дѣлаются, такъ сказать, мимоходомъ, между строкъ, среди обличеній немилостивыхъ богачей. Мы возьмемъ нѣсколько строкъ изъ обличительной рѣчи бѣднякамъ, въ которыхъ можно видѣть указанія на безнравственныя привычки нищей братіи и въ тоже время глубокое растлѣніе нравовъ богачей и особенно жестокость сердца ихъ. „Если увидишь бѣднаго“, говоритъ проповѣдникъ богачу, „и скажешь: мнѣ досадно, что этотъ молодой человѣкъ ничего не имѣетъ, хочетъ прокормиться, живя въ праздности, а можетъ быть, онъ еще бѣглый слуга, оставившій своего господина... скажешь: нищій лжетъ и притворяется. Но нужда сильнѣе голода“, отвѣчаетъ проповѣдникъ. „Ты не представишь себѣ, что одинъ страхъ голода служитъ для него достаточнымъ оправданіемъ въ безстыдствѣ, но укоряетъ его за безстыдство. А самъ ты часто бывалъ безстыднѣе его, провождая жизнь свою въ порокахъ, пьянствѣ, въ невоздержаніи, въ воровствѣ, хищничествѣ, въ раззореніи чужихъ домовъ,... когда ты злоумышляешь, божишься, лжешь, похищаешь, когда дѣлаешь тысячу подобныхъ дѣлъ“ [1]). Если бы кто сказалъ: защита въ устахъ покровителя бѣдныхъ естественна, но вопросъ, насколько она справедлива? Мы отвѣчаемъ: это слово правды, а не защиты; проповѣдникъ не закрываетъ пороковъ бѣдности. Но что значитъ эти худыя привычки у бѣдныхъ въ сравненіи съ безнравственнымъ поведеніемъ богачей, когда именно ихъ поступками бѣдные и вынуждены прибѣгать къ словамъ и дѣламъ худымъ? „Никто вѣдь не раздражается тѣмъ, что такой то любомудрствуетъ, или—что такой то кротокъ и воздержевъ, и смиренномудръ, и презираетъ настоящее“, говоритъ Св. Іоаннъ еще въ посланіи своемъ изъ пустыни [2]), „но раздражаются тѣмъ, что такой то богатѣетъ, живетъ роскошно, умножаетъ свое имѣніе и хищничаетъ, что, будучи золъ и осквернень безчисленными пороками, пользуется славою и благоденствуетъ. Вотъ этимъ соблазняется народъ!“ Это говоритъ человѣкъ, наглядно знакомый съ положеніемъ дѣлъ, о которыхъ говоритъ. А нѣкогда пятигодичное служеніе діаконское, которое особенно сосредоточивалось на служеніи нуждающемуся люду въ страннопріимныхъ домахъ и во всѣхъ углахъ, гдѣ ютилась бездомная бѣднота,—настолько хорошо ознакомило Св. Іоанна съ ужасами положенія нужды непроглядной, безъисходнаго горя и

[1]) Бесѣд. на Матѳ. XXXV, §§ 3 5.

[2]) Слово «къ вѣрующему отцу». Слов. т. III, стр. 178.

истинной бѣдности, что Златоустъ самъ, указывая худые поступки нищихъ, всетаки не перестаетъ просить богатыхъ быть милостивыми къ бѣднякамъ [1]). Церковь Антіохійская питала до 3000 нуждающихся [2]). „Извѣстно, какъ важна была въ первенствующей церкви должность діакона, повидимому, столь ничтожная", говоритъ Альбертъ [3]). Діаконъ былъ слугою бѣдныхъ, раздаятелемъ милостыни и стражемъ у дверей храма, гдѣ, прибавимъ, обыкновенно держатся нищіе. „Должность трудная, но за то—самое лучшее приготовленіе къ должности епископа и упражненіе въ обязанностяхъ любви... Быть, естественно, опорою бѣдныхъ, изучать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины этому часто въ жадности и жестокости богачей, въ безжалостныхъ и несправедливыхъ притѣсненіяхъ правительства, являться къ неимущимъ и слабымъ, какъ бы видимымъ орудіемъ церкви, получать пріятную склонность—быть любимымъ и благословляемымъ отъ тѣхъ, которые страдаютъ. Какая роль для человѣка, котораго сердце было такъ нѣжно, и который такъ страстно ненавидѣлъ неправду! Легко забывать несчастныхъ, когда не видишь ихъ"... „Первое серебро, которое Златоустъ отдалъ бѣднымъ—это его собственное. Съ этого дня до самой смерти онъ ничего не имѣлъ, можно сказать, что это былъ первый бѣднякъ въ церкви Антіохійской" [4]). Такъ свидѣтельство этого человѣка, который зналъ, видѣлъ, такъ сказать, самую душу бѣдняковъ, слово этого человѣка—Златоуста мы смѣло принимаемъ, какъ свидѣтельство истины, какъ историческую правду.

Засимъ обратимся къ другому фактору нравственности антіохійскаго общества. „Будемъ удалять юношей не только отъ зрѣлищъ", взывалъ Св. Іоаннъ, ставши проповѣдникомъ въ Антіохіи, „но и отъ слушанія соблазнительныхъ пѣсенъ, чтобы ими не прельщалась душа ихъ... Не будемъ водить ихъ въ театры" [5])! И всегда, во все время своего служенія въ церкви Антіохійской, Златоустъ возставалъ противъ театровъ, искренно считая ихъ училищемъ самой возмутительной безнравственности [6]). Въ нашей же духовной біографической литературѣ мы встрѣчаемъ другое воз-

---

[1]) Бесѣд на Матѳ. XXXV, §§ 3—5.
[2]) Агапитъ. Стр. 181.
[3]) Труды Кіев. Д. Ак. 1862 г. т. II, стр. 298.
[4]) ibid., стр. 299.
[5]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. II, стр. 41—46.
[6]) Агапитъ. Стр. 235.

зрѣніе на значеніе зрѣлищъ для жизни народной, за время Златоуста, которое указываетъ иныя побужденія, по которымъ Св. Златоустъ особенно усиленно ратовалъ противъ театральныхъ зрѣлищъ. Постараемся выразить это воззрѣніе въ возможно краткихъ чертахъ. Римская сцена первыхъ временъ христіанства стояла дѣйствительно въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ культу и религіознымъ представленіямъ античнаго міра. Въ драмѣ и трагедіи проходили предъ зрителями картины и сцены изъ жизни героевъ, возставали тѣни замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей. Этимъ путемъ традиціи и вѣрованія языческія незамѣтно, но глубоко входили въ сознаніе массы и держали ее въ своей власти. Естественно, первые христіанскіе моралисты преимущественно съ этой точки зрѣнія возставали противъ языческаго театра. Такъ, между твореніями Тертуліана извѣстно сочиненіе „De spectaculis“, въ которомъ этотъ церковный писатель различными аргументами доказываетъ вредъ и безнравственность театральныхъ зрѣлищъ, называя ихъ „idolatria“. Онъ выводитъ это изъ самаго названія игръ и зрѣлищъ, связанныхъ съ культомъ древняго міра, изъ ихъ обстановки и языческихъ храмовъ, которые нерѣдко служили для нихъ помѣщеніемъ. Какъ антихристіанское учрежденіе, театръ представляли царствомъ демоновъ и ихъ любимою областію. Какъ доказательство правильности этого взгляда на театръ, Тертуліанъ передаетъ замѣчательный случай изъ своего времени, какъ „одна женщина, возвратившись изъ театра, почувствовала себя одержимою злымъ духомъ, и когда заклинатель спросилъ бѣса, гдѣ и какъ онъ вошелъ въ свою жертву, то получилъ отвѣтъ: я поступилъ справедливо, потому что нашелъ ее въ своемъ царствѣ“ [1]). Съ теченіемъ времени культъ языческій настолько ослабѣлъ, что не могъ представлять опасности для распространенія христіанства, и его несостоятельность, несмотря на поддержку правительства, становилась очевидною, и отношеніе церкви къ театру нѣсколько измѣнилось. Правила соборовъ [2]), какъ извѣстно, ничего уже не говорятъ о значеніи театра, какъ учрежденія языческаго характера, и своими постановленіями оберегаютъ лишь отъ посѣщенія театровъ членовъ клира и ихъ семьи, дабы, конечно, не положить тѣмъ нареканія на служителей св. алтаря и церкви Божіей; ибо, въ самомъ дѣлѣ, одно съ другимъ—священно-церковнослужитель-

[1]) De spect. cap. XXXI.

[2]) 6 Вселен. собор. пр. 24, 51 и 66; Карѳаг. 18, 72 и 74 и Лаод. 54 прав.

ство и посѣщеніе театральнаго заведенія—не вяжется, при самыхъ даже невинныхъ постановкѣ и исполненіи сценическаго искусства. Одно то, что театральное зрѣлище, въ лучшемъ смыслѣ, есть удовольствіе, а до удовольствій ли людямъ, посвятившимъ себя на служеніе дѣлу, священнѣйшему изъ дѣлъ человѣка на землѣ, каково душпастырство?! Посему вполнѣ справедливо вселенскій соборъ и постановилъ: „Никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ, не монаху, не позволяется ходить на конскія ристалища или присутствовать на позорищныхъ играхъ“ (24 пр.). Ко времени Св. Іоанна Златоуста театръ сдѣлался учрежденіемъ опаснымъ въ нравственномъ отношеніи по своему деморализующему вліянію Съ этой именно точки зрѣнія Златоустъ преимущественно и смотрѣлъ на театръ. Театръ отвлекаетъ отъ церкви, вноситъ зло и пестроеніе въ жизнь семейную, ослабляетъ узы супружества, развращаетъ юношество въ самую первую, въ самую опасную для него пору его жизни. Это знаетъ, это видитъ Св. Іоаннъ по опыту жизни,—открыто говоритъ въ словѣ о священствѣ, и всей душой возстаетъ противъ театра, и во всей подробности выясняетъ гибельное вліяніе его на строй нравственной жизни антіохійскаго общества. Со всей энергіей и настойчивостію онъ направляетъ свое огненное пастырское слово противъ всѣхъ приманокъ обольщеній. Никого и ничего не щадитъ, всю гнусность зрѣлищъ изъ стѣнъ театра онъ выноситъ на свѣтъ Божій.—Зрите и ужасайтесь!—какъ бы такъ говоритъ пламенный проповѣдникъ. Вотъ слова безчинныя, вотъ пѣсни непристойныя, вотъ актрисы, едва прикрывшія стыдъ; танцы сладострастные, тѣлодвиженія, возбуждающія грѣховныя пожеланія, и тутъ же неизбѣжно продажныя женщины,—все это будитъ чувственность, воспламеняетъ страсти, неотразимо располагаетъ къ самой страшной, преступной похотливости. И вотъ Св. Іоаннъ Златоустъ возвысилъ свой голосъ противъ этихъ грубыхъ, эксцентрическихъ зрѣлищъ, унижавшихъ своимъ гибельнымъ вліяніемъ человѣческое достоинство, убивавшихъ все самое святое въ жизни и такъ оскорблявшихъ нравственное чувство не только христіанина, но и вообще человѣка. Скромный объемъ нашего труда не позволяетъ намъ во всей широтѣ изобразить священновоинственный подвигъ Антіохійскаго пастыря противъ театральныхъ зрѣлищъ, но мы не вправѣ пройти ихъ совершеннымъ молчаніемъ и хотя кратко, но представимъ здѣсь подлинныя слова самаго обличителя—Св. Іоанна Златоуста. „Сколько словъ потратили мы“, говорилъ Св. Іоаннъ въ своей бесѣдѣ по случаю низверженія ста-

туй [1]), „увѣщевая многихъ изъ безпечныхъ и уговаривая оставить зрѣлища и происходящія отъ нихъ непотребства. И они не оставляли, но постоянно до сего дня (дня бѣдствій) сходились на беззаконныя позорища плясуновъ и дьявольское сборище поставили противъ собранія церкви Божіей и на здѣшнія псалмопѣнія раздавались тамошніе крики, несшіеся съ великою силою. Но вотъ нынѣ (во дни страха бѣдствія Антіохіянъ), когда мы молчимъ и ничего не говоримъ объ этомъ, они сами закрыли мѣсто пляски и конское ристалище сдѣлалось пусто". Въ „послѣзавтрашній день", говорилъ Св. Іоаннъ въ другое время Антіохійцамъ, „весь городъ переселится въ циркъ, когда и домы и площади опустѣютъ изъ-за преступнаго зрѣлища" [2]). Такъ сильно было расположеніе Антіохійцевъ къ зрѣлищамъ! И это настроеніе было въ городѣ всеобщимъ. „Ни бѣдность, ни недосугъ, ни слабость тѣлесная, ни боль въ ногахъ и ничто подобное не удерживаетъ этой страсти. Старики бѣгутъ туда быстрѣе юношей и, стыдя свои сѣдины, опозоривають возрастъ, подвергаютъ осмѣянію самую старость" [3]). „Оттого", прибавляетъ проповѣдникъ, „у насъ города и развратились, что худы наставники юношества. Ибо какъ можешь ты образумить безпорядочнаго и развратнаго юношу, когда самъ въ старости поступаешь такъ легкомысленно, когда самъ, послѣ столь долгаго времени, не насытился еще этимъ отвратительнымъ зрѣлищемъ" [4]). Страсть къ зрѣлищамъ была такъ сильна, что Антіохійцы рѣшались посѣщать ихъ даже во дни поста и покаянія. Они въ это время не ѣли мяса, не пили вина и весь день, ничего не вкушая, проводили на безстыдныхъ „зрѣлищахъ" [5]). „Какая выгода постящимся", взывалъ Св. Златоустъ, „ходить на зрѣлища беззаконія, посѣщать общее училище безстыдства, публичную школу невоздержанія, возсѣдать на сѣдалищѣ пагубы? Ибо не погрѣшитъ тотъ, кто сцену, это пагубнѣйшее мѣсто, полное всякаго рода болѣзней, эту вавилонскую печь—назоветъ и сѣдалищемъ пагубы, и училищемъ невоздержанія, и всѣмъ, что ни есть постыднѣйшаго. Дѣйствительно, діаволъ ввергнувъ городъ въ театръ, какъ бы въ какую пещь, затѣмъ поджигаетъ снизу, подкладывая ни хворостъ, какъ нѣкогда иноплеменникъ тотъ (Навуходоносоръ), ни нефть, ни паклю, ни смолу,

[1]) Слов. къ Ант. народ. т. II, стр. 47, бесѣда XIV.
[2]) Слов. къ Ант. народ. т. II, стр. 67. 4-я бесѣд. объ Аннѣ.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 68.
[5]) Слов. къ Ант. народ. т. II, стр. 357. 6-я бесѣд. о покаяніи.

а, что гораздо хуже этого, любодѣйные взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворенія и самыя негодныя пѣсни. Эта печь хуже той, потому что и огонь здѣсь пагубнѣе, онъ не тѣло сожигаетъ, но разрушаетъ благосостояніе души. а еще хуже то, что горящіе въ этомъ огнѣ даже и не чувствуютъ этого". „Ты цѣлые дни просиживаешь тамъ", обличаетъ пастырь заблудшихъ овецъ своихъ, „смотря на посрамленіе и униженіе общей человѣческой природы, на женъ блудницъ, на лицедѣевъ, которые, собирая все, что есть худшаго въ каждомъ домѣ, представляютъ зрѣлища любодѣянія. Да! тамъ можно видѣть и блудодѣянія и прелюбодѣянія, можно слышать и богохульныя рѣчи, такъ что болѣзнь проникаетъ душу и чрезъ глаза и чрезъ слухъ; тамъ лицедѣи представляютъ чужія несчастія, отчего и дано имъ позорное имя. Какими глазами посмотришь ты на жену послѣ такихъ зрѣлищъ? Какъ взглянешь на сына, какъ—на слугу, какъ—на друга? Надобно быть или безстыднымъ, разсказывая, что бываетъ тамъ, или молчать, краснѣя отъ стыда" [1]). Страсть къ зрѣлищамъ не ослабѣвала въ душѣ Антіохійцевъ и Св. Іоаннъ не только не оставлялъ обличенія, но еще усиливалъ его болѣе и болѣе. „Многіе, думаю, изъ тѣхъ, которые недавно оставили насъ и ушли на зрѣлища беззаконія, сегодня находятся здѣсь. И хотѣлъ бы я знать ихъ вѣрно, дабы изгнать изъ священнаго притвора не съ тѣмъ, чтобы они навсегда остались внѣ его, но чтобы исправились и потомъ вошли сюда снова" [2]). Но что за важный грѣхъ, скажешь, сдѣлали эти люди, чтобы за него изгнать ихъ изъ этой священной ограды?" [3])—А какой другой тебѣ еще надобно грѣхъ больше грѣха этихъ людей, когда они, сдѣлавъ себя совершенными прелюбодѣями, безстыдно устремляются къ священной трапезѣ? И если хочешь ты узнать и самый способъ прелюбодѣянія, то скажу тебѣ. Если случайно встрѣтившаяся на площади и одѣтая, какъ попало, женщина своимъ видомъ можетъ иногда уловить человѣка, который изъ любопытства посмотритъ на нее, то какъ могутъ сказать о себѣ, что смотрѣли не съ похотствованіемъ тѣ, которые входятъ въ театры не просто и не случайно, но для этого именно и съ такимъ рвеніемъ, что небрегутъ и о церкви. Проводятъ цѣлые дни, пригвоздившись глазами къ безчестнымъ тѣмъ женщинамъ, проводятъ тамъ, гдѣ раз-

---

[1]) Ibid., стр. 557—559.

[2]) Слов. къ Ант. народ. т. II, стр. 175—180; 3-я бесѣда о Давидѣ и Саулѣ.

[3]) Ibid. стр. 176

вратныя рѣчи, блудныя пѣсни, любострастный голосъ, подкрашенныя брови, нарумяненныя щеки, наряды, подобранные съ особеннымъ искусствомъ, поступь, исполненная очарованія и множество другихъ приманокъ приготовлено для обольщенія и увлеченія зрителей; гдѣ и душа зрителя въ безпечности и великой разсѣянности, гдѣ и самое мѣсто возбуждаетъ къ любострастію, гдѣ мелодія предшествующихъ и послѣдующихъ пѣсней, выигрываемыхъ на трубахъ, свирѣляхъ и другихъ подобныхъ инструментахъ, очаровываетъ и разслабляетъ силу ума, подготовляетъ души находящихся тамъ къ обольщеніямъ блудницъ и дѣлаетъ ихъ легко уловимыми. Если похоть часто, какъ какой-нибудь хитрый разбойникъ, тайно входитъ въ человѣка и здѣсь, гдѣ псалмы, и молитвы, и слышаніе божественныхъ словъ, и страхъ Божій, и великое благоговѣніе, то какъ могутъ быть выше этой злой похоти тѣ, которые сидятъ въ театрѣ и ничего здраваго не видятъ и не слышатъ, напротивъ, и внутри исполнены гнусности и разврата, и отвнѣ терпятъ пораженія чрезъ всѣ чувства“ [1]). „Не столько потопъ, бывшій во время Ноя, пагубенъ, былъ для рода человѣческаго“, замѣчаетъ Св. Златоустъ въ другое время, говоря о зрѣлищахъ, „сколько сіи плавающія женщины безстыднѣйшимъ образомъ губятъ всѣхъ зрителей“ [2]). „Ты бѣжишь, чтобы видѣть на сценѣ женщинъ... Въ сей водѣ—морѣ любострастія—не тѣла потопаютъ, а души гибнутъ... Та плаваетъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты, смотря на нее, погружаешься въ бездну любострастія“ [3]). Мы не представляемъ здѣсь всего множества поражающихъ рѣчей Златоуста о зрѣлищахъ, всегда сильно направленныхъ противъ этой страсти народа Антіохійскаго, но не можемъ хотя въ краткихъ выдержкахъ, но взять возможно цѣльной картины, хотя и въ одной его бесѣдѣ [4]). Св. Іоаннъ подробно изображаетъ грустныя преступныя послѣдствія увлеченія театромъ. „Скажи мнѣ“, говоритъ онъ, „отчего нарушается супружеская вѣрность? не отъ театра ли? Отчего оскверняются брачныя ложи? не отъ сихъ ли зрѣлищъ? не они ли причиною того, что жены не терпятъ мужей, а мужья презираютъ женъ своихъ? Не они ли причиною множества прелюбодѣевъ? [5]). И „въ самомъ дѣлѣ, когда ты разстроившись тамош-

[1]) Ibid., стр. 161.
[2]) Бесѣд. на Матѳ. т. I, стр. 135—137.
[3]) Ibid.
[4]) Бесѣда III-я о Давидѣ и Саулѣ.
[5]) Бесѣд. на Матѳ. т. II, стр. 164.

нимъ зрѣлищемъ и сдѣлавшись болѣе сладострастнымъ и похотливымъ и совершеннымъ врагомъ цѣломудрія, возвратишься домой и увидишь свою жену, тебѣ уже не такъ пріятно будетъ смотрѣть на нее, какова бы она ни была. Распалившись возбужденною на зрѣлищахъ похотію и плѣнясь чужимъ обольстительнымъ лицомъ, ты отвращаешься отъ цѣломудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ея, осыпаешь тысячью упрековъ не потому, чтобы было тебѣ за что винить ее, но потому, что трудно высказать страсть и показать рану, съ которою ты возвратился оттолѣ домой; сплетаешь другіе предлоги, безумно выискивая поводы къ ссорѣ“ [1]). Вотъ почему св. соборы Вселенскій VI и помѣстные Лаодикійскій и Карѳагенскій такъ строго запрещаютъ зрѣлища дѣтямъ священниковъ и всѣмъ мірянамъ, что такъ очевидно было нравственно-развращающее вліяніе этихъ зрѣлищъ на душу человѣка христіанина. Когда Карѳагенскій соборъ въ правилѣ 18-мъ говоритъ: „дѣтямъ священниковъ не представляти мірскихъ позорищъ и не зрѣти опыхъ“ и прибавляетъ: „сіе же и всѣмъ христіанамъ всегда проповѣдуемо было, да не входятъ туда, гдѣ бываютъ хуленія“,—такъ это „всегда“, конечно, указываетъ на первыя времена христіанства, когда язычество и на зрѣлищахъ уничижало христіанство, хотя можно понимать и въ нравственномъ смыслѣ „хуленія имени Божія“. Въ опредѣленіяхъ 72-го правила Карѳагенскаго собора, какъ и 66-го Вселенскаго VI собора ясно видно уже, что именно нравственное значеніе дается требованію ограниченія постановки зрѣлищъ. Вселенскій VI-й соборъ постановилъ: „отъ святаго дне Воскресенія Бога нашего до недѣли новыя во всю седмицу вѣрные должны во святыхъ церквахъ непрестанно упражнятися во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣснѣхъ духовныхъ... и чтенію священныхъ писаній внимая и святыми тайнами наслаждаяся... того ради отнюдь въ реченные дни да не бываетъ конское ристалище или иное народное зрѣлище“. Соборъ Карѳагенскій разъясняетъ постановленіе Вселенскаго собора. Мы полностію приведемъ это правило помѣстнаго собора—72-е, ибо изъ него видно, что именно нравственное вліяніе театровъ имѣется ввиду, и что церковь вообще снисходитъ уже къ этимъ зрѣлищамъ и только усматриваетъ лишь несообразность театральныхъ представленій съ распорядкомъ постановки ихъ въ праздничные дни. „Подобаетъ просити благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узако-

[1]) Ibid, стр. 180.

нить и сіе, да воспретится представленіе позорищныхъ игръ въ день Воскресный и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры, тѣмъ паче, что въ продолженіе осьми дней святыя Пасхи народъ болѣе собирается на конское ристалище, нежели въ церковь. Должно премѣнити опредѣленные для позорищъ дни, когда они встрѣчаются съ праздничными“ [1]). Если постановленіе Вселенскаго VI-го собора относится къ VIII вѣку по Р. Х., когда уже урегулировались отношенія язычества къ христіанству,—то постановленія собора Карѳагенскаго—къ началу IV-го столѣтія—времени царствованія Константина Великаго—и тогда уже театръ потерялъ, какъ видно изъ правила собора, языческій элементъ,—то что же сказать о театрѣ временъ Златоуста. Онъ именно былъ учрежденіемъ лишь нравственно развращающимъ народъ Антіохійскій. „Прошу всѣхъ васъ“, говорилъ Св. Іоаннъ въ заключеніе слушателямъ своимъ, „и сами избѣгайте гибельнаго пребыванія на зрѣлищахъ и посѣщающихъ оныя увлекайте оттуда“ [2]). „Не отсюда ли“, восклицаетъ проповѣдникъ, какъ бы обобщая все гибельное вліяніе зрѣлищъ на нравы, „не отсюда ли развращеніе жизни?“ [3]).

Какъ ни достаточнымъ представляется намъ все вышесказанное для изображенія нравственнаго состоянія Антіохійскаго христіанскаго общества, за время Златоуста, но оставаясь вѣрными исторической правдѣ и пользуясь твореніями Златоуста, какъ историческимъ источникомъ, мы считаемъ долгомъ справедливости присоединить еще одну, правда, печальную картину Антіохійскихъ нравовъ.

„Говорить ли еще о неистовствѣ роскошествующихъ, пьянствующихъ,—другого рода, т. е. сладострастіи“, взываетъ Златоустъ, а мы прибавимъ—и самаго сладострастія другаго рода. „Они—пьяницы, развратники“, продолжаетъ проповѣдникъ, „какъ пепстовые кони, бывъ возбуждаемы опьяненіемъ и вина и блудныхъ страстей, бросаются на всѣхъ, устремляясь еще съ большимъ безумiемъ и безчинствомъ, нежели эти безсловесныя, и дѣлаютъ другія безстыдства, о которыхъ и говорить неприлично“ [4]). Здѣсь тоже буквально мы будемъ говорить словами самаго Св. Іоанна Златоуста. „Я еще не сказалъ о важнѣйшемъ злѣ“, пишетъ Св. Іоаннъ

---

[1]) Кн. правилъ. Моск. Сунод. тип. 1893 г. стр. 211.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 180. Слов. къ Ант. народ. т. II.
[4]) Бесѣд. на 1 Кор. т. II, стр. 365.

къ вѣрующему отцу, [1]) изображая ему нравственное состояніе современнаго Антіохійскаго общества,—„не раскрылъ самаго главнаго несчастія. Много разъ намѣревался сказать объ этомъ хоть и со стыдомъ, но столько же разъ и удерживался отъ того стыдомъ. Что же это такое?—Какая то новая и непотребная страсть въ нашу жизнь вкралась, постигла насъ болѣзнь тяжкая и неисцѣльная, поразила язва, жесточайшая изъ всѣхъ язвъ; измышлено какое то новое, нетерпимое беззаконіе, потому что нарушаются не только писанные, но и естественные законы. Для распутства мало уже любодѣянія! И какъ бываетъ въ тѣлесныхъ болѣзняхъ, что послѣдующее сильнѣйшее страданіе заглушаетъ собою чувство предшествовавшей боли, такъ и чрезмѣрность этого непотребства дѣлаетъ то, что и нестерпимый порокъ разврата съ женщиной перестаетъ уже казаться нестерпимымъ. Хотятъ, кажется, имѣть возможность избѣжать этихъ сѣтей и женскому полу предстоитъ уже опасность быть излишнимъ, потому что его замѣняютъ отроки. И ужасно особенно то, что это непотребство совершается съ великою дерзостью и беззаконіе стало закономъ. Никто уже не страшится и не трепещетъ, никто не стыдится и не краснѣетъ, но еще хвалятся этимъ позоромъ, и цѣломудренные кажутся безумными, а обличающіе развратныхъ—сумасшедшими; если они слабы, то подвергаются побоямъ; а если сильны, то терпятъ насмѣшки, поруганія и безчисленныя поношенія. Не помогаютъ уже ни судилища, ни законы, ни пѣстуны, ни отцы, ни приставники, ни учители; однихъ успѣли совратить деньгами, другіе смотрятъ только на то, чтобы имъ была награда, а изъ тѣхъ, кои добросовѣстнѣе и заботятся о спасеніи ввѣренныхъ имъ, одни легко поддаются обольщеніямъ, а другіе боятся силы развратниковъ. Ибо легче спастись отъ погибели подозрѣваемому въ злоупотребленіи властію, нежели избѣжать рукъ этихъ нечестивцевъ тому, кто сталъ бы отъ нихъ отводить дѣтей. Такъ среди городовъ, какъ бы въ совершенной пустынѣ, *мужи на мужьхъ студъ содѣваютъ* (Рим. I, 27). Если же нѣкоторые и избѣжали этихъ сѣтей, то нелегко имъ избѣгнуть худой, падающей и на нихъ отъ этихъ развратниковъ славы, во—первыхъ, потому, что ихъ (честныхъ людей) весьма немного и отъ этого ихъ невидно изъ—за множества порочныхъ, во—вторыхъ—потому, что и сами тѣ окаянные и злые демоны, не могли иначе отомстить презирающимъ ихъ, стараются вредить имъ этою худою сла-

[1]) Слов. т. III, стр. 167—179.

вою. Не успѣвъ нанести имъ смертельную рану и поразить ихъ въ самую душу, они усиливаются, по крайней мѣрѣ, повредить ихъ внѣшнему украшенію и вовсе лишить ихъ доброй славы. Есть у нѣкоторыхъ безсловесныхъ вожделѣніе сильное и похоть неудержимая, ничѣмъ не отличающаяся отъ бѣшенства, но и они не знаютъ этого непотребства, а удерживаются въ предѣлахъ природы, и сколько бы не разжигались похотью, никогда не нарушаютъ законовъ природы. А эти одаренные разумомъ, наставленные божественнымъ ученіемъ, проповѣдующіе другимъ, что должно дѣлать и чего не должно, слышавшіе и писаніе, нисшедшее съ неба—не такъ дерзко совокупляются съ блудницами, какъ съ отроками. А отцы растлѣваемыхъ отроковъ переносятъ это молча, не зарываются въ землю вмѣстѣ съ дѣтьми и не придумываютъ никакого средства противъ этого зла".

Всякія комментаріи, конечно, излишни; прискорбное дѣло ясно, какъ день. Развращеніе нравовъ, широкое развитіе сладострастія послѣдовательно создали это ужасное непотребство мужеложства. И этотъ унизительнѣйшій изъ пороковъ настолько сталъ обычнымъ въ Антіохіи, что люди нимало не стѣснялись предаваться ему, и, какъ видится, это было дѣломъ гласнымъ, гдѣ практиковалось наравнѣ съ прельщеніемъ отроковъ и насиліе души и тѣла. И это преступленіе законовъ божескихъ и человѣческихъ совершалось среди городовъ; честныхъ людей было такъ немного, что можно было считать его всеобщимъ. Именно, какъ говоритъ въ заключеніи своей рѣчи Св. Златоустъ, „волны порока, подобно стремительному потоку, разрушивъ всѣ преграды, яростно разлились по душамъ людей" [1]. И это горестное обстоятельство – въ обществѣ церкви христіанской! Данныя—неопровержимы. Этотъ порокъ народа преобладалъ надъ всѣми другими пороками. „Иные, конечно", замѣчаетъ нашъ историкъ—Св. Іоаннъ, „и соблюли себя отъ непотребства развратниковъ (впрочемъ, опять прибавляетъ, такихъ именно) за то (и эти немногіе) не избѣгаютъ вотъ этихъ жестокихъ и всегубящихъ страстей—корыстолюбія и сластолюбія. Но большая часть заражена и этими самыми страстями и, еще сильнѣе, сладострастіемъ" [2].

При знакомствѣ съ сейчасъ описаннымъ печальнѣйшимъ явленіемъ въ нравственной жизни Антіохійской церкви, по одному изъ

---

[1]) Ibid., стр. 177.

[2]) Ibid., стр. 173.

твореній Златоуста, написанныхъ за монашескій—ранній періодъ его жизни, можно предположить, что, быть можетъ, порокъ описывается все-таки какъ явленіе минувшее, которое за десять—двадцать лѣтъ послѣ могло значительно ослабѣть и, пожалуй, исчезнуть, подъ благодатнымъ вліяніемъ все болѣе и болѣе укоренявшагося христіанства. Но увы! это предположеніе оказалось совершенно несостоятельнымъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, ставши священникомъ—проповѣдникомъ въ Антіохійской церкви, свидѣтельствуетъ о немъ въ 391 году. Бесѣдуя о словахъ Ап. Павла къ Римлянамъ (гл. 1; ст. 26—28), Св. Іоаннъ указываетъ психологическое, физіологическое и историческое происхожденіе этого противуестественнаго грѣха, но мы оставляемъ подробности по причинамъ понятнымъ. Приведемъ подлинныя слова обличителя—проповѣдника лишь въ нѣсколькихъ строкахъ [1]). „Все произошло отъ ненасытнаго вожделѣнія, которое не любитъ держаться въ подлежащихъ предѣлахъ. Ибо всякій, преступающій законы, поставленные Богомъ, питаетъ вожделѣніе къ несродному и незаконному. Какъ часто многіе, потерявъ позывъ на обыкновенную пищу, ѣдятъ землю и мелкіе камни; иные же, томясь сильною жаждою, рады пить грязную воду,—такъ язычники воскипѣли сею беззаконною любовію. И ежели спросишь: отчего такая стремительность вожделѣнія? Отвѣтствуемъ: оттого, что они оставлены Богомъ... А за что оставлены? За беззаконіе,—за то, что оставили Бога“.

Мы съ намѣреніемъ излагаемъ слова Св. Іоанна. Ибо одно это доказываетъ уже, что, значитъ, настояла серьезная необходимость священнику говорить публично объ этомъ порокѣ, съ высоты церковной каѳедры вразумлять и обличать безчинниковъ. А это обстоятельство, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о томъ, что беззаконіе сейчасъ, такъ сказать, дѣется. Самъ Св. Златоустъ именно и указываетъ на этотъ фактъ, какъ на наличный въ жизни. Святитель говоритъ о появленіи даннаго порока въ язычествѣ и здѣсь изслѣдуетъ причины и появленія и, такъ сказать, поддержки беззаконія въ обществѣ христіанскомъ, въ церкви Антіохійской [2]). „Откуда вторглась сія похоть? Отчего произошло сіе зло?“ И отвѣчаетъ: „отъ роскошной жизни, отъ незнанія Бога. Когда люди отвергаютъ страхъ Божій, тогда оставляетъ ихъ все доброе“.

Очевидно, порокъ ограничивался въ церкви Антіохійской только мужчинами. Мы въ твореніяхъ Златоуста нигдѣ не встрѣтили

[1]) Бесѣд. на посл. къ Римлян., стр. 62—70.

[2]) Слова и рѣчи на разные случаи.

ни малѣйшаго намека на подобное беззаконіе среди женщинъ, существованіе котораго Св. Апостолъ Павелъ указываетъ въ языческомъ обществѣ города Рима. И здѣсь, въ общемъ очеркѣ нравственной жизни Антіохіи, справедливость требуетъ замѣтить, какъ отрадную особенность: „среди этой глубокой деморализаціи, женщина въ Антіохіи представляла свѣтлое исключеніе въ пользу нравственнаго порядка“ [1]).

Св. Іоаннъ въ книгѣ своей, написанной въ назиданіе нѣкоей „молодой вдовѣ“, съ почтительнымъ умиленіемъ воспоминаетъ о добродѣтельной своей матери. Мы приведемъ это краткое слово добраго сына о благочестивой матери. „Когда я былъ молодъ“, пишетъ онъ, „помню,—учитель мой,—а онъ былъ самый закоренѣлый язычникъ—(Ливаній, по показанію всѣхъ нашихъ біографовъ Златоуста) при многихъ удивлялся моей матери. Желая узнать по обыкновенію отъ окружающихъ его, кто я таковъ, и услышавъ отъ кого то, что я сынъ вдовицы, онъ спросилъ у меня: сколько лѣтъ моей матери и давно ли она вдовицею? И когда я сказалъ, что ей 40 лѣтъ отъ роду и что 20 лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ лишилась она моего отца; онъ, Ливаній, изумился и громко воскликнулъ къ присутствовавшимъ: ахъ! какія у христіанъ есть женщины!“ [2]) А въ бесѣдѣ съ своею матерью, которую св. Іоаннъ сохранилъ въ одномъ изъ „словъ о священствѣ“, онъ указываетъ всю трудность жизни вдовы благочестивой. „Никакими словами“, говоритъ ему мать, „невозможно изобразить той бури и тѣхъ волненій, какимъ подвергается молодая женщина, пораженная скорбію вдовства. Она должна исправлять... разрушать злые умыслы родственниковъ, мужественно переносить притѣсненія и безжалостныя вымогательства сборщиковъ податей“.Конечно, такая личность, какъ Амѳуса—исключеніе, но все же благочестивая женщина не единственное явленіе въ жизни церкви Антіохійской за время Златоуста. Извѣстно, что Юліанъ богоотступникъ хотѣлъ возстановить въ Антіохіи языческій культъ, и не успѣлъ въ своемъ намѣреніи именно потому, что встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны таинственныхъ женщинъ, которыя и сами дѣйствовали, и располагали къ тому же своихъ мужей. Въ сатирѣ на Антіохійцевъ „Misopogoй“ Юліанъ говоритъ: „женщины все, что у нихъ было, отдавали на вспоможеніе Галилеянамъ, между тѣмъ, какъ мужья не хотѣли ни копѣйки пожертвовать на поддержаніе языческаго куль-

[1]) Правосл. Обозр. 1873 г. 2 т., стр. 185.

[2]) Слов. т. III, стр. 406.

та". Еще одну особенную сторону вліянія христіанскихъ женщинъ Антіохіи на мужей отмѣчаетъ язычество. „Когда эти послѣдніе—мужчины—внѣ своего дома", говоритъ по этому случаю Ливаній, обращаясь къ императору, „они слѣдуютъ твоимъ приказаніямъ и приступаютъ къ капищамъ; но какъ скоро возвращаются домой, то совершенно перемѣняются въ присутствіи своихъ женъ и становятся врагами язычества". Вотъ какъ могли наэлектризовать женщины! Мы уже видѣли выше вліяніе нечестивыхъ женщинъ на легкомысленныхъ мужчинъ; но вотъ, какъ видится, добрыя жены также не уступали въ благотворномъ вліяніи на благоразумныхъ мужей. Жалобы царя богоотступника и его достойнаго учителя показываютъ, что женщины въ семьѣ были центромъ, откуда, чрезъ вліяніе на семейство, выходило лучшее движеніе тогдашней общественной жизни. Здѣсь хранились болѣе крѣпкія и живыя силы того времени. Невольно является вопросъ: какъ же могли образоваться настолько печальныя явленія, какъ описанныя выше, со словъ такого современнаго свидѣтеля, какъ Св. Златоустъ,—такое глубокое развращеніе нравовъ? Отвѣчаемъ: во-первыхъ, у добрыхъ женъ могли быть худые мужья, потому что что же подѣлаешь, когда человѣкъ, такъ сказать, „отъ рукъ отбился"! Потомъ, женщинъ свободомыслящихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, несомнѣнно, было все-таки большинство, которое, естественно, какъ грубая сила, вліяло болѣе. Къ этому еще, если принять во вниманіе общечеловѣческую склонность къ злу болѣе сильную, чѣмъ къ добру, и преимущественную порочность мужчинъ въ Антіохіи; то, по нашему крайнему разумѣнію, рѣшеніе вопроса нѣсколько уясняется. Св. Іоаннъ Златоустъ часто упрекаетъ современныхъ ему Антіохійскихъ женщинъ, какъ мы видѣли выше, въ распущенности; но онъ же отмѣтилъ и отрадное исключеніе и это исключеніе оказывается, по свидѣтельству современныхъ языческихъ писателей, не единственнымъ. Правда, это утѣшительное явленіе—эти благочестивыя жены и женщины вообще, подобно нагорнымъ инокамъ церкви Антіохійской, какъ „яркія свѣтила среди глубокаго мрака" [1]). Но разъ то и другое явленіе—и отшельники во множествѣ, и жены не въ единичномъ числѣ—есть въ Антіохіи исторически,—мы, изображая по твореніямъ Св. Златоуста нравственное состояніе церкви Антіохійской, не въ правѣ не отмѣтить то явленіе, на которое указываетъ нашъ историкъ—и мы отмѣчаемъ, какъ фактъ историческій.

---

[1]) Слово т. III, стр. 176.

Часть вторая.

Религіозное состояніе Антіохійской церкви.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Святый Іоаннъ Златоустъ въ словѣ своемъ къ „вѣрующему отцу“ [1]) указываетъ, что упадокъ нравственности въ Антіохійскомъ церковномъ обществѣ имѣетъ ближайшее вліяніе на религіозное состояніе народа; а именно, что здѣсь, въ низкомъ уровнѣ нравственныхъ воззрѣній и жизни, начало суевѣрій и ересей. „Что говорить о низвращеніи общественнаго порядка?“ разсуждаетъ Св. Іоаннъ. „Эта язва, внесенная сими нечестивцами, угрожаетъ истребить въ народѣ даже вѣру въ промыслъ Божій; такъ она распространяется, возрастаетъ, стремится овладѣть всѣмъ, ставитъ все вверхъ дномъ и наконецъ вступаетъ въ брань съ самимъ небомъ, вооружая языки людей уже не противъ подобныхъ имъ рабовъ, но и противъ Самаго Господа Вседержителя. Ибо отчего, скажи мнѣ, такъ много вездѣ вѣры въ судьбу? Отчего народъ все, что ни бываетъ, приписываетъ неразумному теченію звѣздъ? Отчего нѣкоторые проповѣдуютъ слѣпое счастіе и случай? Отчего думаютъ, что все дѣлается безъ причины и безъ цѣли? Изъ-за тѣхъ ли это, которые любомудрствуютъ, или изъ-за тѣхъ, о которыхъ... я доказалъ, что они—язва всего общества? Очевидно изъ-за этихъ... раздражаются тѣмъ, что такой-то богатѣетъ, живетъ роскошно, умножаетъ свое имѣніе и хищничаетъ, что, будучи золъ и оскверненъ безчисленными пороками, пользуется славою и благоденствуетъ [2]). Вотъ этимъ

[1]) Слов. т. III, стр. 177.

[2]) Стр 178.

соблазняется народъ, тогда какъ изъ-за живущихъ добродѣтельно не только не скажутъ ни одного такого слова..., но и стали бы упрекать сами себя, если бы довелось имъ высказать жалобу на промыслъ Божій. Если бы всѣ захотѣли такъ жить, никто бы и не подумалъ о подобныхъ рѣчахъ и не возникло бы главнѣйшее изъ этихъ золъ—изслѣдованіе о томъ, откуда зло. Когда бы зла не было и не являлось, кому бы пришлось отыскивать причину зла и этимъ изысканіемъ возбуждать безчисленныя ереси? Ибо и Маркіонъ, и Манесъ, и Валентинъ, и большая часть язычниковъ отсюда начали (свои ереси)“ [1]).—И такъ, мы въ нашемъ изслѣдованіи религіознаго состоянія Антіохійской церкви за время Златоуста будемъ придерживаться порядка, какой указываетъ самъ Златоустъ въ вышеприведенной нами выдержкѣ изъ слова къ „вѣрующему отцу“. Будемъ говорить: о проявленіяхъ состоянія вѣры въ народѣ Антіохійскомъ, о суевѣріяхъ, заблужденіяхъ, ересяхъ, расколахъ, о причинахъ того или другаго явленія въ религіозномъ состояніи Антіохійской церкви. Если сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ твореній Златоуста, въ въ этомъ, на сей разъ, не извиняемся предъ досточтимымъ читателемъ, ибо искренно сознаемъ, что таковъ предметъ нашего изслѣдованія, и думаемъ, что приводить подлинныя слова Златоуста есть самый лучшій для насъ способъ уяснить нашъ взглядъ на дѣло, а для читателя—опредѣлить, насколько наше воззрѣніе правильно; для обѣихъ сторонъ изслѣдованіе облегчается, нѣтъ уже надобности для провѣрки обращаться къ подлинному, главному источнику нашего изслѣдованія.

---

[1]) Слов., т. III, стр. 179.

ГЛАВА I-я.

Общій обзоръ религіознаго состоянія Антіохійской церкви.

БЫЛО время, когда христіанскій апологетъ въ обстоятельствахъ положенія Церкви Христовой въ государствахъ міра нашелся вынужденнымъ написать: „у всякой провинціи, у всякаго города есть свое божество, только мы одни—христіане лишаемся права слѣдовать своей религіи“. [1]) Съ началомъ IV вѣка отъ Р. Х. эта libertas religionis христіанству была дана—и въ предѣлахъ широкихъ. Съ восшествіемъ на Римскій императорскій престолъ Константина Великаго христіанская вѣра была объявлена господствующею религіею,—высочайше объявлена свобода религіи во всей великой Римской имперіи. „Если Римское правительство“, скажемъ словами почтеннаго проф. М. Д. Академіи В. Ѳ. Кипарисова, [2]) „было сравнительно толерантно къ свободомыслію въ дѣлахъ религіи, къ особенностямъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, когда эти убѣжденія остаются на степени факта внутренняго, и требовало, по крайней мѣрѣ, иногда, какъ напр. въ эпоху христіанскихъ апологетовъ, только сокрытія убѣжденій, внѣшняго сообразованія съ государственной языческой религіей; то христіане такой свободой пользоваться не могли и не хотѣли, потому что, какъ говоритъ Св. Іустинъ мученикъ: христіане не могутъ жить обманомъ, почитаютъ нечестіемъ не быть во всемъ вѣрными истинѣ“. [3]) Это обстоятельство въ свою очередь обусловливало гоненіе на христіанъ. Вотъ теперь Константиномъ Великимъ объявлена была свобода совѣсти, нужная

---

[1]) Patr. curs. compl. lat. t. I, p. 1418; «О свободѣ совѣсти» В. Кипарисова, стр 1-я.

[2]) «О свободѣ совѣсти» Москва 1883 г. стр. 28.

[3]) Anol. 1. Рус пер. стр, 43, 169.

для христіанъ, свобода не въ смыслѣ и въ сферѣ внутреннихъ убѣжденій, а именно какъ libertas religionis—свобода вѣроисповѣданія, свобода внѣшняго обнаруженія своихъ религіозныхъ убѣжденій, открытаго выполненія требованій своей религіи,—словомъ свобода жить и поступать по христіански во всемъ. Мы приведемъ здѣсь тотъ юридическій актъ, которымъ первый христіанскій императоръ далъ право свободы вѣроисповѣданія для христіанъ, это—знаменитый „Миланскій эдиктъ“. Мы беремъ его въ русскомъ переводѣ—по Церковной Исторіи Евсевія Памфила. „Заботливо изыскивая то, что относится къ выгодѣ и пользѣ государства, между прочимъ или лучше сказать преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, говоритъ порфироносный авторъ эдикта, мы сочли полезнымъ опредѣлить и то, что касается культа и почитанія Божества, а именно: рѣшили дать какъ христіанамъ, такъ и всѣмъ другимъ людямъ свободу слѣдовать той религіи, какую кто хотѣлъ избрать, дабы, Божество, каково бы оно ни было, благосклонно было къ намъ и всѣмъ управляемымъ нами. И такъ по здравомъ и правильномъ обсужденіи, мы объявляемъ такое наше рѣшеніе: никому рѣшительно не должно быть возбраняемо избраніе религіи христіанъ и слѣдовать ея обычаямъ. Каждый, избравшій христіанскую религію, пусть свободно безъ всякаго препятствія и соблюдаетъ ее“. Ко всему этому прибавить слѣдуетъ, что по желанію и расположенію благочестиваго царя и даже при непосредственномъ его вліяніи и содѣйствіи, всюду въ Римской имперіи, и за ея предѣлами, какъ въ Іерусалимѣ, воздвигались церкви Божіи и на мѣсто языческихъ капищъ устроялись христіанскіе храмы. „Теперь“, записалъ Евсевій Памфилъ въ своей Церковной Исторіи, говоря о дарованномъ Церкви отъ Бога мирѣ, „теперь свѣтлый и ясный день, неомрачаемый никакимъ облакомъ, озарилъ лучами небеснаго свѣта церкви Христовы во всей вселенной. Была у всѣхъ какая то божественная радость“, съ восторгомъ замѣчаетъ историкъ церкви, „когда увидѣли, что мѣста, не за долго предъ тѣмъ опустошенныя нечестіемъ тирановъ..., снова оживаютъ, что храмы, начиная съ основанія до высоты недосязаемой, опять воздвигаются и получаютъ гораздо лучшій видъ, нежели прежніе разрушенные. Затѣмъ для всѣхъ насъ открылось умилительное и вожделѣнное зрѣлище: по городамъ начались праздники обновленія и освященія вновь устроенныхъ храмовъ, а для этого стали собираться епископы, стекались издалека чужестранцы; дружелюбно сближались между собою народы и члены Христова тѣла (замѣчательное выраженіе) сходились въ одинъ

составъ. [1]) Богослуженіе предстоятелей и священнодѣйствіе священниковъ стали совершенными, церковные обряды сдѣлались благолѣпными. Здѣсь слышалось пѣніе псалмовъ и другихъ преданныхъ намъ отъ Бога изреченій. Тамъ совершалось Божественное и таинственное служеніе и преподавались неизреченные символы Господнихъ страстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди всякаго возраста, мужескаго и женскаго пола, всею силою души радуясь, умомъ и сердцемъ возсылали молитвы и благодаренія къ Богу... При этомъ каждый изъ предстоятелей произносилъ всенародныя слова и по мѣрѣ своихъ силъ старался возвышать духъ собранія". Все это было тогда, когда Константинъ раздѣлялъ императорскую власть еще съ Ликиніемъ: 313—315 г.г. по Р. Хр. Послѣ, когда Константинъ сталъ единодержавнымъ властителемъ Римской имперіи, онъ снова торжественно подтвердилъ полную религіозную свободу христіанства. Созоменъ замѣчаетъ: „Константинъ торжественною грамотою объявилъ живущимъ на востокѣ подданнымъ, чтобы они чтили христіанскую вѣру и служили Богу усердно, а Богомъ признавали того, кто дѣйствительно Богъ". [2]) „Но", прибавляетъ императоръ, и это мы замѣтимъ на сей разъ съ особеннымъ вниманіемъ, „если мы совершенно неограниченно позволили это христіанамъ, то твоя честность должна разумѣть, что этимъ дается право и другимъ по желанію соблюдать свои обычаи и свою вѣру. Каждому представляется право держаться той религіи, къ какой кто самъ присоединится";—„такъ",—т. е. обезпечивая и другимъ, кромѣ христіанъ, равную свободу, замѣчаетъ В. Ѳ. Кипарисовъ,—„опредѣлено нами для того, чтобы не казалось, что мы какой либо культъ или какое нибудь вѣроисповѣданіе чего—нибудь лишили"—подразумѣвается, въ его правахъ передъ государствомъ". (В. Ѳ. Кипарисовъ).

Мы буквально принимаемъ выраженія эдикта, оставляя всякія разсужденія о томъ: говоритъ ли этотъ документъ о всеобщей и безусловной терпимости ко всѣмъ религіямъ, существовавшимъ въ то время въ Римской Имперіи, или не говоритъ. Для насъ важно знать общій воводъ изъ этихъ разсужденій нашего ученаго (В. Ѳ. Кипарисова), съ которымъ мы вполнѣ соглашаемся. Эдиктъ говоритъ о вѣротерпимости въ отношеніи къ христіанамъ и нехристіанамъ. Таковъ буквальный смыслъ эдикта. И то и другое для насъ важно, но мы останавливаемся на послѣдней части эдикта,

---

[1]) Стр. 499—501.

[2]) Созоменъ—Истор. стр. 32.

предоставляющей всѣмъ вѣроисповѣданіямъ языческимъ свободу, ибо это необходимо намъ для выясненія значенія язычества для христіанства за время Златоуста. „Миланскій эдиктъ“, замѣчаетъ В. Ѳ. Кипарисовъ въ „Свободѣ совѣсти“, „конечно, относился не только къ христіанамъ, но и къ язычникамъ“. [1]) Въ 319 году Константинъ о язычникахъ выражается такъ: „желающіе рабствовать своему суевѣрію публично могутъ отправлять свои обряды“. „Идите къ вашимъ общественнымъ жертвенникамъ и святилищамъ и отправляйте празднества по вашему обычаю“, обращался онъ къ язычникамъ, „ибо мы не запрещаемъ и открыто справлять обязанности стариннаго злоупотребленія“. [2]) Всѣ эти историческія справки, говорящія о томъ, что въ свободѣ религіи даны были одинаковыя права христіанству и язычеству, при всемъ искреннемъ тяготѣніи Царя къ послѣднему. Здѣсь мы не коснемся вопроса: насколько этой теоріи Миланскаго эдикта соотвѣтствовала практика самого Константина и его ближайшихъ и отдаленныхъ преемниковъ на Римскомъ престолѣ; пользовалось ли обѣщанною свободою какъ христіанство, такъ и язычество со стороны предержащей власти и во взаимныхъ отношеніяхъ; не стѣсняло ли христіанство свободу язычества и другихъ исповѣданій,—и язычество и иныя исповѣданія въ свою очередь не посягали ли на свободу христіанства? Объ этомъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, мы скажемъ ниже. На сей разъ,—когда намъ предстоитъ обозрѣть религіозное состояніе церквей—теперь—Антіохійской, а послѣ—Константинопольской по твореніямъ Св. Іоанна Златоуста за его время—50-ти лѣтіе: 347—397 г.г.,—особенное значеніе имѣетъ внутреннее расположеніе христіанскаго общества: рѣшеніе вопроса, какое настроеніе души преобладаетъ въ этомъ обществѣ: христіанское, языческое или еще какое? „Я слышу,—нѣкоторые говорятъ“, писалъ Константинъ въ 323-мъ году по Р. Хр., какъ передаетъ Евсевій, [3]) „будто обряды языческихъ храмовъ будутъ уничтожаемы; посовѣтывалъ бы я“, продолжаетъ благочестивѣйшій государь, „это уничтоженіе всѣмъ людямъ, если бы сильное противоборство гибельнаго заблужденія въ душахъ нѣкоторыхъ людей не укоренилось слишкомъ глубоко“ [4]).—Церковные историки говорятъ подроб-

---

[1]) Стр. 158.
[2]) Beugnot. I. 80.; Кипарисовъ—«Своб. совѣсти», стр. 158.
[3]) Кипар. ук. соч. стр. 130.
[4]) Кипар. ук. соч. стр. 160.

но о внѣшнемъ положеніи церкви, но не знакомятъ съ внутреннимъ религіознымъ ея состояніемъ. Мы своимъ трудомъ пополняемъ этотъ пробѣлъ въ исторіи.

Если извѣстно, что христіанство должно было выдерживать нападенія отъ язычества, которое, сознавая свое разслабленіе, собирало послѣднія свои силы въ лицѣ властителей, философовъ, вообще знатныхъ и сильныхъ людей, чтобы защитить свои колеблющіеся жертвенники отъ неминуемаго разрушенія и возвратить утраченную власть надъ міромъ, ниспровергнувъ христіанство, то, конечно, вполнѣ интересно знать, что же само то христіанство въ лицѣ его общества представляло собою въ своемъ внутреннемъ содержаніи?..

Во времена Юліана Богоотступника, въ продолженіи 30-ти лѣтъ, язычество три раза восходило на тронъ цезарей Рима; язычники были при дворѣ, въ арміи, въ городахъ и селеніяхъ [1]). Но для насъ важно знать: было ли само то христіанское общество съ христіанскимъ содержаніемъ и настроеніемъ,—или христіанская религія была лишь одной внѣшней формой, подъ которой сознательно или несознательно жило язычество въ своихъ воззрѣніяхъ, обычаяхъ, привычкахъ, вѣрованіяхъ? Общее движеніе въ церкви въ смыслѣ ея внѣшняго распространенія во всякомъ случаѣ несомнѣнно. „Дѣла рыбарей“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, вскорѣ послѣ смерти Граціана († 383), „процвѣтаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе! Язычество, распространенное по всей землѣ, наконецъ разрушено силою Христовою“ [2]). „И это не преувеличеніе“, какъ замѣчаетъ В. Ѳ. Кипарисовъ [3]),—„нѣтъ; Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ объ успѣхахъ христіанства, несомнѣнно, сравнительно съ тѣми средствами, которыми располагало христіанство, и находитъ, что успѣхъ, въ сравненіи съ средствами, изумителенъ съ человѣческой точки зрѣнія. Златоустъ прямо отрицалъ, чтобы кто-нибудь изъ христіанскихъ царей издавалъ указы, повелѣвавшіе наказывать невѣрующихъ, чтобы заставить ихъ отстать отъ своего заблужденія“ [4]). „Наслаждавшееся такимъ спокойствіемъ“, скажемъ словами Златоуста, „и никогда никѣмъ не гонимое заблужденіе языческаго суевѣрія само собой ослабѣло и само собой пало. Ибо христіанамъ

---

[1]) Агапитъ стр. 222.

[2]) Слова на разн. случ., т. 1, стр. 144.

[3]) Указ. соч., стр. 242.

[4]) Ibid., стр. 143.

не позволяется ниспровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словомъ и кротостью совершать спасеніе человѣческое“ [1]). Отмѣтимъ: Златоустъ говоритъ, очевидно, о періодѣ, ближайшемъ къ его времени, а не о всемъ періодѣ времени отъ Константина Великаго [2]). Но тотъ же Златоустъ при всѣхъ успѣхахъ христіанства, при весьма значительномъ его распространеніи въ мірѣ языческомъ, замѣчаетъ, что „сатанинскій смѣхъ еще не совсѣмъ истребленъ на землѣ“ [3]).

ГЛАВА II-я.

Суевѣрія.

Останавливаемся на этомъ словѣ Златоуста и обращаемся къ обозрѣнію по его твореніямъ внутренняго содержанія религіозной жизни Антіохійскихъ христіанъ, которымъ сказано было это слово этимъ проповѣдникомъ Антіохійской церкви. Самое выраженіе Св. Іоанна Златоуста, что „сатанинскій смѣхъ не совсѣмъ истребленъ на землѣ“, даетъ разумѣть, что перевѣсъ на сторонѣ христіанства и что только въ малой части властвуетъ заблужденіе языческаго суевѣрія. Мы не будемъ распространяться о христіанскомъ благочестіи Антіохійскаго общества. Приведемъ два—три указанія, въ которыхъ ясно выражается преимущественное вліяніе святой вѣры Христовой. Но на словахъ Златоуста, называющихъ заблужденія, суевѣрія, расколы, ереси, сосредоточимъ наше вниманіе.

„Думаю“, говорилъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ Антіохійской церкви, (объясняя евангеліе отъ Матѳ. XXVII, 6—9), вызывая милосердіе къ бѣднымъ,—„думаю, что благодатіею Божіею число собирающихся сюда простирается до 100,000... О! если бы каждый удѣлялъ хотя по одному оболу (полушкѣ), тогда и бѣдныхъ бы не было“ [4]). Такое число христіанъ составляетъ какъ разъ половину всего народонаселенія Антіохіи, и слѣдовательно язычники и іудеи —остальная часть Антіохійцевъ представляли собою въ отдѣльности 1/4 народонаселенія. Предположеніе проповѣдника мы принимаемъ, какъ достовѣрную вѣроятность. И эти 100,000 если не во

---

[1]) Ibid.
[2]) Кипарисовъ. Указ. соч. стр. 242.
[3]) Ibid.,
[4]) Т. III. стр. 465—465.

всей цѣлости, то въ преимущественномъ большинствѣ были люди религіозные, хотя и не всѣ въ одинаковой степени, какъ это указываетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, когда, напримѣръ, и хвалитъ ихъ усердіе къ храму, и порицаетъ ихъ холодность къ посѣщенію богослуженія, и обличаетъ ихъ преимущественное желаніе слышать его поученія. Припомнимъ слова Златоуста, приведенныя нами въ началѣ нашей рѣчи о церкви Антіохійской: „Хвала нашему городу; въ немъ живетъ народъ, любящій слушать (поученія); храмы Божіи наполнены; посмотри на всенощныя бдѣнія, соединяющія день съ ночью“ [1]). „Я видѣлъ во всѣхъ готовность повиноваться увѣщанію пребывать въ непрестанной молитвѣ, трезвеннымъ умомъ, бодрственною душею... Посему несправедливо было бы, обличая нерадивыхъ, не хвалить исправныхъ. И такъ сегодня хочу похвалить васъ, воздать вамъ благодарность за такое послушаніе“ [2]). „Такое невыразимое множество собралось теперь и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ бесѣду, а въ самый страшный часъ я часто ищу его и не вижу и сильно вздыхаю, что когда надлежитъ явиться Христу въ Святыхъ Таинствахъ, то церковь бываетъ пуста“ [3]). Здѣсь несомнѣнно Св. Проповѣдникъ обличаетъ тѣхъ, которые внимали его слову, лишь какъ изящной ораторской рѣчи, которую такъ превозносилъ нѣкогда Ливаній—учитель Антіохійскій. О степени впечатлѣнія бесѣдъ Златоуста на слушателей говорятъ его обличенія въ рукоплесканіяхъ и восклицаніяхъ, какъ знакахъ одобренія проповѣднику. Хотя Св. Іоаннъ если еще и принималъ снисходительно, какъ выраженія вниманія и похвалы, восклицанія, то вовсе не одобрялъ рукоплесканій ихъ, въ томъ и другомъ случаѣ внушая своимъ слушателямъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть иныя проявленія дѣйственности его слова. „Церковь не театръ, чтобы приходить въ нее для забавы. Изъ нея должно выходить съ назиданіемъ. Что мнѣ пользы въ вашихъ рукоплесканіяхъ? Что пользы въ похвалахъ и восклицаніяхъ? То мнѣ похвала, если вы все вамъ внушаемое исполните на дѣлѣ“ [4]). При этомъ условіи, когда дѣло не оканчивалось лишь рукоплесканіями, проповѣдникъ одобрялъ и эти шумныя выраженія вниманія къ его слову.—„Это стеченіе (народа), это стояніе съ напряженнымъ вниманіемъ... не желаніе

---

[1]) Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Пис., т. 1, стр. 233–234.
[2]) Бесѣд. на разн. случ. т. 1, стр. 423.
[3]) Ibid., стр. 406.
[4]) По кн. Малышева, стр. 245.

выйдти отсюда, несмотря на тѣсноту, пока не окончится это духовное зрѣлище, рукоплесканія и возгласы одобренія—все свидѣтельствуетъ о вашей душевной теплотѣ и усердіи“ [1]). „Когда я сказалъ вчера“, говоритъ Св. Іоаннъ въ другой разъ: „пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ свой домъ церковью, вы громко воскликнули, изъявляя удовольствіе по поводу этихъ словъ. А кто съ удовольствіемъ слушаетъ поученіе, тотъ готовъ представить доказательства и на дѣлѣ“. Затѣмъ проповѣдникъ съ утѣшеніемъ говоритъ объ истинныхъ плодахъ вниманія къ слову: „просилъ я вашу любовь запомнить сказанное въ церкви и предложить (дома) вечеромъ двоякую трапезу: изъ снѣдей и при ней угощеніе словами духовными. Знаю, что вы сдѣлали и вкусили не только той, но и этой“ (трапезы духовной) [2]).—Но особеннымъ выраженіемъ высокаго религіознаго настроенія служитъ чествованіе мѣстныхъ святыхъ, которое было однимъ изъ сильно развитыхъ церковно-народныхъ обычаевъ въ Антіохіи. Это чествованіе святыхъ выражалось торжественнымъ совершеніемъ крестныхъ ходовъ и праздничнаго богослуженія въ церквахъ въ окрестностяхъ Антіохіи—Дафнѣ, Антіохійскомъ полѣ и кладбищѣ [3]). На этихъ духовныхъ торжествахъ Св. Златоустъ всегда выступалъ съ словомъ проповѣди. И эти похвальныя бесѣды—ихъ много: напр. о Св. Игнатіи Богоносцѣ, о Св. Вавилѣ священномученикѣ, святителѣ Милеліѣ, св. Романѣ, св. св. мучен. Домникѣ и ея дочеряхъ, Домникѣ и Просдокѣ и т. п.—и служатъ для насъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о высокомъ подъемѣ религіознаго чувства въ Антіохійскомъ обществѣ. Но какъ люди способны изъ всякаго блага сдѣлать зло, такъ что святое дѣло бываетъ поводомъ ко грѣху, то Св. Златоустъ не оставляетъ безъ вниманія и этой печальной возможности. Торжества въ дни такихъ праздниковъ совершались за городомъ подъ открытымъ небомъ и сопровождались иногда шумными пиршествами. И вотъ проповѣдникъ старается самые эти обѣды сдѣлать назидательными, не идя рѣзко противъ утвердившагося обычая. „Ты желалъ бы здѣсь насладиться и чувственною трапезою? Что же? И здѣсь при гробѣ мученика, по окончаніи богослуженія можешь доставить себѣ это наслажденіе и отдохновеніе, сидя подъ смоковницею или виноградомъ и предотвратить упреки совѣсти: ибо

---

[1]) Ibid.

[2]) Малышевъ, стр. 245.

[3]) Ibid., стр. 64.

мученикъ здѣсь недалекъ отъ тебя и, назирая тебя вблизи, невидимо предстоитъ при самой трапезѣ и не позволитъ наслажденію перейти въ грѣхъ“ [1]).

Но внѣшнія проявленія религіознаго чувства весьма различны отъ того внутренняго религіознаго содержанія, какимъ живетъ самъ человѣкъ дома, въ своей семьѣ, чѣмъ онъ руководится въ своихъ воззрѣніяхъ на взаимныя отношенія къ ближнему? Вотъ эта сторона религіознаго состоянія Антіохійскаго общества за время Златоуста и представляетъ для насъ и прямой интересъ и главную цѣль нашего изслѣдованія. Св. Іоаннъ вводитъ насъ въ эту сокровенную тайницу души Антіохійскаго христіанства. „Одна изъ любимыхъ мыслей“, замѣчаетъ нашъ біографъ Златоуста (Малышевскій), „которую неразъ повторяетъ Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ въ похвалу святыхъ, состоитъ въ томъ, что святость познается не столько изъ чудесъ и знаменій, сколько изъ жизни святыхъ, изъ дѣлъ вѣры, любви и святости, украшавшихъ ихъ жизнь“ [2]). Истинно-религіозный христіанинъ тотъ, несомнѣнно, кто свои мысли и чувства, и все поведеніе, всю жизнь и дѣятельность располагаетъ по руководству истиннаго ученія святой вѣры и подъ благодатнымъ вліяніемъ любви Христовой, высшая степень которой—искренно, самоотверженно—*полагать душу свою за други своя*. Прекрасно,—если внѣшнее проявленіе неизбѣжно—показной религіозности соотвѣтствуетъ внутреннее религіозное содержаніе. Но совершенства въ людяхъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, оно—чрезвычайная рѣдкость, и чаще встрѣчается такое явленіе, что богомольный человѣкъ нерѣдко религіозенъ если и не какъ фарисей, то все-таки совершенно далекъ отъ намѣренія осуществить высокіе идеалы Христова ученія въ жизни своей.—Вотъ именно это печальное явленіе—разладъ внѣшняго исполненія религіозныхъ требованій съ внутреннимъ содержаніемъ вѣрующаго человѣка—и подмѣтилъ Златоустъ въ своихъ слушателяхъ и увѣковѣчилъ, какъ историческій фактъ въ своихъ твореніяхъ—поучительныхъ бесѣдахъ—въ словѣ обличенія. „И не стыжусь я развѣдывать объ этомъ“, откровенно говорилъ онъ Антіохійцамъ, когда узналъ, что они сами заботятся объ исправленіи согрѣшающихъ [3])—„потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ забот-

---

[1]) Малыш. стр 65.

[2]) Ibid.

[3]) Бесѣда 8—о статуяхъ.

ливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ, и намъ не порокъ всегда разузнавать о вашемъ спасеніи". И это знаніе жизни было у Златоуста въ совершенствѣ. Онъ проникалъ своимъ наблюденіемъ въ сокровеннѣйшія клѣти домовъ и угадывалъ весь укладъ жизни духовной въ душахъ своихъ пасомыхъ. И мы будемъ говорить, по принятому нами пріему, словами Златоуста.

Общенароднымъ противорелигіознымъ явленіемъ, особенно очевиднымъ и общественнымъ, въ христіанскомъ обществѣ Златоуста были такъ называемыя сатурналіи,—которыя совпадали съ праздникомъ январскихъ календъ,—новаго года,—соединенныя не только съ пьянствомъ и распутствомъ, а еще и съ нечестіемъ суевѣрія. Разныя безпорядочныя дѣйствія, которымъ христіанскіе жители Антіохіи предавались въ этотъ праздникъ, расположили пастыря—проповѣдника сказать обличительное слово. „Нынѣ надлежитъ намъ", говоритъ онъ, „сразиться не съ варварами, сдѣлавшими набѣгъ, но съ бѣсами, которые ходятъ торжественно по площади. Ибо діавольское гулянье, продолжавшееся сегодня во всю ночь, смѣхи, ругательства, ночныя пляски и смѣшная эта комедія отвели нашъ городъ въ плѣненіе, которое тягостнѣе всякаго непріятельскаго...—нашъ городъ веселится, красуется, весь увѣнчанъ; площадь, какъ любящая наряды, роскошная и богатая женщина, украшается, надѣвая на себя золото, драгоцѣнныя одежды... всякій мастеровой, выставляя свою работу, хочетъ перещеголять своего товарища... Но это соревнованіе еще не стоитъ большого порицанія. Болѣе всего огорчаютъ меня игры, которыя происходятъ сегодня въ гостинницахъ, преисполненныя распутства и нечестія—нечестія суевѣрія, потому что занимающіеся ими, т. е. играми, замѣчаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что если первый день новаго года имъ удастся провести въ удовольствіи и веселіи, то и во весь годъ будетъ совершенно тоже,—распутства",—поясняетъ Златоустъ, „потому что и женщины и мужчины наполняютъ стаканы и чаши виномъ и напиваются безъ всякой мѣры.... Крайне безумно по одному счастливому дню заключать, что то же будетъ и въ продолженіи года,—не только это безумно, но діаволъ учитъ васъ такъ разсуждать, что въ дѣлахъ жизни нашей надобно полагаться не на собственную дѣятельность, а на дневныя обстоятельства" [1]). Какъ очевидно изъ сейчасъ приведенной выдержки слова, Златоустъ указываетъ начало народнаго празднества именно въ язычествѣ. Онъ

[1]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. II, бесѣд. на Нов. годъ.

не просто порицаетъ праздничный разгулъ, нѣтъ! „Болѣе всего“, говоритъ, „огорчаютъ меня игры“, соединявшіяся обыкновенно съ проявленіемъ суевѣрія. И въ другихъ бесѣдахъ Св. Іоаннъ обличаетъ Антіохійцевъ въ пресыщеніи и пьянствѣ, которымъ Антіохійцы предавались во дни христіанскихъ праздниковъ [1]) и послѣ пріобщенія Св. Таинъ по тогдашнему обычаю. Но тогда онъ просто обличаетъ несвоевременную неосторожность въ яствахъ и употребленіи вина. „Послѣ причащенія“, говоритъ, „тотчасъ и начинается піянство“ [2]). Насколько различны то и другое слово объ одномъ и томъ же предметѣ, видно изъ заключеній слова. Въ послѣднемъ случаѣ,—разрѣшая вопросъ, естественно возможный со стороны слушателей: „неужели же, скажешь, должно поститься послѣ причащенія?“—Златоустъ говоритъ: „я не говорю этого и не принуждаю; хорошо дѣлать и такъ, но я не требую этого, а увѣщеваю не предаваться безмѣрному пресыщенію“ [3]). Къ слову.—Изображая нравственное состояніе Антіохійской церкви, мы видѣли уже и тамъ, что Златоустъ въ порокахъ общества указываетъ признаки все еще языческаго вліянія, какъ напр., въ сладострастной любви мужчинъ къ отрокамъ [4]). Такъ вообще въ суевѣрныхъ привычкахъ Антіохійцевъ—христіанъ Златоустъ видитъ проявленіе языческихъ воззрѣній. Сдѣлаемъ краткое сравненіе.—„Человѣкъ, окруженный мракомъ, не видитъ ничего передъ собой; онъ веревку принимаетъ за ползущаго змія, или, зашедши въ тѣсное мѣсто, думаетъ, что его схватилъ человѣкъ или демонъ. И сколько тутъ страха и безпокойства. Подобныхъ же вещей боятся и язычники; а чего слѣдовало бы страшиться, этого они не страшатся; но подобно тому, какъ дѣти, находясь на рукахъ у своихъ кормилицъ, неразумно протягиваютъ руки къ огню; а между тѣмъ боятся человѣка въ одеждѣ изъ козьей волны. Такъ и эти эллины—настоящія дѣти, какъ и сказалъ объ нихъ нѣкто: „эллины—всегда дѣти“. Того, что не составляетъ грѣха, они боятся, какъ-то: тѣлесной неопрятности, одра, занимаемаго мертвецомъ, погребенія мертвыхъ, роковыхъ дней и тому подобнаго. А того, что составляетъ настоящій грѣхъ, какъ то: сладострастной любви къ отрокамъ, прелюбодѣянія, блуда, они и не думаютъ считать за грѣхъ. Ты можешь видѣть, какъ язычникъ омывается послѣ мертвеца, но отъ мертвыхъ

[1]) Бесѣд. 27-я на 1-е посл. къ Кор. гл. II, 17.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Бесѣд. на посл. къ Ефес. 12.

дѣлъ не омывается никогда. Онъ много прилагаетъ старанія о пріобрѣтеніи денегъ и въ тоже время думаетъ, что пѣніе пѣтухомъ курицы можетъ имѣть вліяніе на его счастіе. Такъ они помрачены смысломъ. У нихъ много примѣтъ, устрашающихъ ихъ, наприм. такой-то, говорятъ, первый встрѣтился со мной, когда я выходилъ изъ дома,—выйдетъ непремѣнно тысяча непріятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мнѣ сандаліи, поднесъ напередъ лѣвую,—быть большимъ бѣдамъ и напастямъ. Самъ я, выходя изъ дома, ступилъ за порогъ лѣвою ногою, и это предвѣщаетъ несчастіе, это домашнія неудачи. Когда же я вышелъ изъ дома, у меня правый глазъ мигнулъ,—это предвѣщаетъ слезы. Равнымъ образомъ и женщины, когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное дерево, издадутъ звукъ, или сами себя они поранятъ гребнемъ,—принимаютъ это за худое предзнаменованіе; опять, когда онѣ задѣнутъ основой о гребень и очень сильно, потомъ верхніе прутья, ударившись о древко, отъ напряженнаго удара издадутъ звукъ, то и это считаютъ за предвѣщаніе несчастія,—и тысяча другихъ у нихъ достойныхъ смѣха суевѣрій. Закричитъ ли оселъ или пѣтухъ, чихнетъ ли кто,—что ни случится, все ихъ тревожитъ, такъ что они какъ будто скованы тысячами узъ и находятся во мракѣ и гораздо большемъ порабощеніи, чѣмъ тысячи невольниковъ“ [1]). Изъ слѣдующихъ словъ проповѣдника видно, что онъ потому говоритъ о всѣхъ этихъ суевѣріяхъ язычества, что они не оставлены еще людьми, сдѣлавшимися христіанами. „Но не будемъ мы такими,—напротивъ, осмѣявши всѣ такія суевѣрія, какъ чада свѣта, какъ небесные граждане, не имѣющіе ничего общаго съ землей, будемъ считать для себя страшнымъ одинъ только грѣхъ и оскорбленіе Бога“ [2]). Въ бесѣдахъ Златоуста есть и прямыя указанія, что именно эти суевѣрія, примѣты, привѣски и заговоры есть язычество въ христіанствѣ, только не такъ очевидно проявляющееся, какъ въ сатурналіяхъ. Говоря второе огласительное слово къ готовящимся ко крещенію [3]), проповѣдникъ взываетъ: „И такъ скажемъ: отрицаюся тебя, сатана,—скажемъ такъ, какъ имѣющіе тамъ, въ тотъ день, отдать отчетъ въ этихъ словахъ и будемъ наблюдать ихъ, чтобы этотъ залогъ возвратить тогда въ цѣлости; а гордыню сатанинскую составляютъ: зрѣлища,

---

[1]) Бесѣд. 12 на посл. къ Ефес.

[2]) Ibid.

[3]) Слов. и рѣч. на разн. случ. т. 1, стр. 287—308.

конскія ристалища и всякій грѣхъ, также наблюденіе дней, ворожба и примѣты. А что такое, скажешь, примѣты? Иногда кто нибудь, вышедши изъ своего дома, видитъ человѣка одноглазаго, принимаетъ это за дурное предзнаменованіе. Это сатанинская гордость". Мы опускаемъ поучительныя внушенія проповѣдника, ибо они, хотя и весьма назидательны, но не отвѣчаютъ нашей цѣли— представить въ данномъ случаѣ исторію религіознаго состоянія христіанскаго общества Антіохіи. „Сказать еще нѣчто другое, болѣе смѣшное?" продолжаетъ Златоустъ. „Я стыжусь и краснѣю, но вынужденъ сказать для вашего спасенія. Если встрѣтится дѣвица, то говорятъ: день будетъ безполезенъ; а если встрѣтится блудница,—то счастливъ, хорошъ и весьма полезенъ. А что сказать о тѣхъ, которые употребляютъ заговоры и привѣски и привязываютъ къ головамъ и ногамъ своимъ мѣдныя монеты Александра Македонскаго... и не только привѣски употребляешь у себя, но и заговоры, вводя въ домъ свой пьяныхъ и болтливыхъ старухъ... говорятъ, что заговаривающая такимъ образомъ есть христіанка и ничего другаго не произноситъ, кромѣ имени Божія. Но потому я особенно и ненавижу ее и отвращаюсь отъ нея, что она употребляетъ имя Божіе во зло, что она, называя себя христіанкой, совершаетъ дѣла языческія". - Интересны попытки Златоуста уяснить своимъ слушателямъ психологическую сторону вліянія суевѣрій на душу человѣка. Мы приведемъ кратко слова его бесѣды и тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы знакомимся съ новымъ видомъ суевѣрія въ антіохійскомъ христіанскомъ обществѣ. „Не будемъ", говоритъ онъ, объясняя 2-е посланіе Св. Апостола Павла къ Тимофею,— „не будемъ вѣрить нелѣпостямъ, каковы всѣ предсказанія волшебниковъ; но какъ же, скажешь, что они говорятъ, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты вѣришь, если только сбывается. Волшебникъ владѣваетъ тобой, дѣлается господиномъ твоей жизни и располагаетъ ею, какъ хочетъ". „Какъ скоро ты пришелъ къ волшебнику", поясняетъ ниже Златоустъ въ этомъ же словѣ, „какъ скоро сталъ спрашивать, то уже и сдѣлалъ себя рабомъ его, потому что спрашиваешь, какъ вѣрующій въ него. Съ другой стороны этимъ обманщикамъ помогаетъ то, когда человѣкъ привыкнетъ вѣрить имъ; ибо никто не обращаетъ вниманія на предсказанія неудачныя, а только на удачныя.... по скажешь: такой-то укралъ, а одинъ волшебникъ указалъ его. Это не всегда бываетъ справедливо, а по большей части смѣшно и ложно. Они ничего не знаютъ, а если бы что-нибудь знали, то лучше имъ слѣдовало бы

говорить о своемъ: какимъ образомъ многія идольскія приношенія были украдены, какимъ образомъ множество золота было украдено. Почему они не предсказали этого жрецамъ своимъ? Слѣдовательно, они не знаютъ ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали ихъ идольскіе храмы и многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сами погибали. Если же они и предсказали что нибудь, то это было дѣломъ случая“ [1]). Не желая много распространяться объ одномъ этомъ явленіи печальномъ въ религіозной жизни Антіохійцевъ, каково суевѣріе,—въ твореніяхъ Златоуста есть и еще много указаній, мы считаемъ нецѣлесообразнымъ умолчать объ одномъ обстоятельствѣ въ народной жизни христіанъ, въ которомъ суевѣріе ближайшимъ образомъ соприкасалось съ христіанской религіей. Св. Іоаннъ, объясняя одно мѣсто въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, изобразивши безнравственность брачныхъ обычаевъ низшаго класса народонаселенія, подробно говоритъ о возмутительныхъ суевѣрныхъ дѣйствіяхъ надъ новорожденнымъ младенцемъ. „Послѣ брака, если родится дитя, опять мы видимъ тоже безуміе, видимъ множество символическихъ дѣйствій, достойныхъ смѣха. Ибо когда нужно наречь имя младенцу, то еще не называя его именемъ святаго, какъ древніе дѣлали прежде всего, но засвѣтивши свѣтильники и давши имъ различныя названія, называютъ младенца именемъ того, который прогоритъ дольше всѣхъ, предполагая, что оттого дитя проживетъ долѣе. Потомъ, если съ нимъ приключится смерть, какъ часто случается, то слѣдуетъ множество смѣшныхъ дѣйствій. Говорить ли о перевязкахъ, о погремушкахъ, привѣшиваемыхъ къ рукѣ, о красной пряжѣ и о многомъ другомъ, доказывающемъ великое безуміе,—тогда какъ не слѣдуетъ возлагать на младенца ничего другаго, кромѣ спасительнаго креста.... Ткани, пряжѣ и другимъ подобнымъ привѣскамъ ввѣряется безопасность младенца. Сказать ли нѣчто еще болѣе смѣшное? Никто да не укоряетъ насъ въ непристойности, если слово наше касается такихъ предметовъ. Что же это такое смѣшное? Оно считается ничтожнымъ, о чемъ я и жалѣю, но доказываетъ неразсудительность и крайнее безуміе. Женщины кормилицы и служанки въ банѣ берутъ грязь и, обмакнувши въ нее палецъ, помазываютъ чело младенца. Если кто спроситъ: что значитъ эта грязь, это бреніе?—то говорятъ: она предохраняетъ отъ дурнаго глаза, отъ зависти и ненависти. Увы! грязи и бренію приписываютъ

[1]) Стр. 123.

такую способность и такую силу—разрушать всякія козни діавола"! Здѣсь мы приведемъ и характерное вразумленіе заблуждающимся, такъ какъ оно въ нѣкоторой степени дорисовываетъ неприглядную картину религіознаго состоянія общества. „Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ. Поймете ли вы когда нибудь, какъ діаволъ съ юности человѣка мало по малу раскидываетъ свои сѣти и употребляетъ свои хитрыя мѣры? Если грязь производитъ такія дѣйствія, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигшій мужескаго возраста и имѣющій у себя завистниковъ болѣе младенца? Почему не помазываешь грязью всего тѣла? Если она на челѣ имѣетъ такую силу, то почему бы тебѣ не помазать грязью всего себя?" Въ заключеніе св. пресвитеръ—учитель выясняетъ слушателямъ преступность этого рода суевѣрія предъ ученіемъ святой вѣры, предъ величіемъ святыни, также сообщающихъ человѣку божественную благодать спасенія. „Если это дѣлается у язычниковъ", говоритъ, „то нисколько неудивительно, а когда покланяющіеся кресту, пріобщающіеся неизреченныхъ таинствъ и достигшіе любомудрія держатся такихъ постыдныхъ обычаевъ, это достойно многихъ слезъ. Богъ удостоилъ тебя духовнаго міра, а ты пачкаешь младенца грязью! Богъ почтилъ тебя, а ты самъ себя безчестишь! Если кому кажется это маловажнымъ, тотъ пусть знаетъ, что это ведетъ къ великому злу и что Павелъ не считалъ подобныхъ предметовъ маловажными и не оставлялъ ихъ безъ вниманія (приведенъ текстъ 1 Кор. II, 4).... Помазывающій грязью не дѣлаетъ ли младенца отвратительнымъ? Какъ онъ, скажи мнѣ, подведетъ его къ рукѣ священника? какъ священникъ удостоитъ запечатлѣть рукою его чело, которое ты помазалъ грязью?... „Я не говорю здѣсь", заявляетъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „ни о предвѣщаніяхъ, ни о гаданіяхъ, ни о гороскопѣ (гаданіе по часу рожденія), ни о колдовствѣ, ни о таинствахъ магіи, ни о тысячѣ другихъ суевѣрныхъ обычаевъ, которымъ весьма многіе изъ христіанъ предавались".

Такимъ образомъ, за время Златоуста, вся жизнь Антіохійца—христіанина проникнута была языческими вѣрованіями со дня рожденія и до самой смерти.

Приведемъ одинъ намекъ и на то грустное, противорелигіозное явленіе суевѣрія, какое можно было видѣть въ Антіохіи даже при естественно-таинственномъ актѣ смерти человѣка. „Говорить ли о другихъ сатанинскихъ предразсудкахъ при беременности и родахъ, которые поддерживаются повивальными бабками... о пред-

разсудкахъ при смерти и выносѣ каждаго, о стонахъ и безсмысленныхъ вопляхъ, о безумныхъ дѣйствіяхъ на гробахъ и попеченіи о надгробныхъ памятникахъ, о неблаговременномъ и смѣшномъ множествѣ плачущихъ женщинъ?—о предразсудкахъ касательно дней входовъ и выходовъ?“ [1]).

Но было бы ошибкою останавливаться только на этихъ явленіяхъ въ жизни Антіохійцевъ, которыя такъ далеки отъ истиннаго ученія христіанскаго и сдѣлать огульное невыгодное заключеніе, что уровень религіозной жизни здѣсь весьма низкій,—нѣтъ! Хоть, правда, мало, но все-таки есть въ твореніяхъ Златоуста показанія болѣе утѣшительнаго свойства. Св. Іоаннъ не даромъ проповѣдывалъ, его слово и плодъ приносило. Мы приведемъ его свидѣтельство именно изъ области сейчасъ раскрытой нами по предмету о вліяніи языческихъ вѣрованій на жизнь христіанъ. Это свидѣтельство показываетъ, что Антіохійская паства была послушна своему святому пастырю—учителю и что зло остатковъ язычества въ христіанахъ Антіохійскихъ предъ силою и дѣйствіемъ меча слова Божія, возвѣщаемаго Златоустомъ, при немъ же падало.

„Вчерашній день, бывшій сатанинскимъ праздникомъ сатурналій, вы сдѣлали праздникомъ духовнымъ, принявъ слова наши съ великою благосклонностью; вы, чрезъ пребываніе устроивъ себя органами и сосудами духовными, дали духу ударить въ ваши души и вдохнуть благодать Свою въ ваши сердца“ [2]).

Въ нѣсколько обширномъ очеркѣ пришлось намъ сообщить свѣдѣнія о проявленіяхъ суевѣрія въ различныхъ его видахъ, какъ ни старались мы быть краткими въ своей рѣчи. Но таковъ уже самъ въ себѣ предметъ. Очевидно, суевѣріе было весьма распространено между Антіохійскими христіанами, что св пастырь Антіохійскій такъ многократно и такъ сильно вооружался противъ заблужденій этого рода.

Оставаясь вѣрными нашей цѣли представить религіозное состояніе Антіохійской церкви за указанный періодъ времени въ его истинномъ свѣтѣ, мы отмѣтимъ и тѣ уклоненія отъ истины вѣры, о которыхъ Златоустъ говоритъ сравнительно очень немного, такъ сказать, вскользь, къ слову. Но мы убѣждаемся, что это какъ бы мимоходомъ замѣченное заблужденіе все-таки дѣйствительно было,—долгомъ считаемъ занести и его въ наше историческое изслѣдованіе.

---

[1]) Бесѣд. на 1 Корин. стр. 223.

[2]) Малышевъ, стр 220.

Таково въ особенности заблужденіе—вѣра въ судьбу. Слово Златоуста объ этой вѣрѣ кратко, но знаменательно по своему значенію. Мы уже упоминали объ этомъ словѣ въ началѣ нашей рѣчи о религіозномъ состояніи Антіохійской церкви. Теперь скажемъ лишь кратко собственно то, что въ словѣ Златоуста относится именно къ данному заблужденію. „Отчего, скажи мнѣ, такъ много вездѣ вѣры въ судьбу?“ писалъ Св. Іоаннъ изъ пустыни къ „Вѣрующему Отцу“, изображая неприглядное состояніе Антіохійскаго общества [1]). Далѣе авторъ посланія показываетъ, въ чемъ выражалась эта вѣра въ судьбу. „Отчего народъ все, что ни бываетъ, приписываетъ неразумному теченію звѣздъ? Отчего нѣкоторые проповѣдуютъ слѣпое счастье и случай? Отчего думаютъ, что все дѣлается безъ причины и безъ цѣли?“ Ставши священникомъ—проповѣдникомъ Антіохійской церкви, Св. Іоаннъ опять въ 387 году говорилъ о вѣрѣ въ судьбу, хотя и опять очень кратко, указывая какъ тамъ, такъ и здѣсь, что причина этого явленія въ религіозной жизни кроется въ уклоненіи людей отъ истинныхъ правилъ добродѣтельной нравственной жизни. „Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящій нечистую жизнь, не колебался въ вѣрѣ“, говоритъ Св. Іоаннъ, объясняя слова Св. Апостола Павла: *имуще той же духъ вѣры по писанному* (2 Кор. IV, 13), и сейчасъ приводитъ наглядное доказательство этой мысли своей. „Такъ“, говоритъ, „пустословящіе о судьбѣ и невѣрующіе (конечно, прибавимъ—вслѣдствіе заблужденія) спасительному ученію о воскресеніи впали въ бездну такого невѣрія вслѣдствіе нечистой совѣсти и развратныхъ дѣлъ“ [2]). Послѣ, въ изслѣдованіи религіознаго состоянія церкви Константинопольской мы еще разъ встрѣтимся съ этимъ заблужденіемъ, какъ и съ другими, отмѣченными нами въ церкви Антіохійской и тогда ближе ознакомимся съ самымъ содержаніемъ вѣры въ судьбу, потому что Св. Іоаннъ подробнѣе говоритъ объ этомъ заблужденіи въ церкви Константинопольской. А здѣсь обратимся къ ознакомленію съ нарушеніемъ въ Антіохійскомъ христіанскомъ обществѣ третьей заповѣди закона Бога и принятаго Евангельскаго ученія о клятвѣ.

[1]) Слов., т. III, стр. 178.

[2]) Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Пис., т. III, стр. 20.

ГЛАВА III-я.

Употребленіе клятвы въ Антіохійской церкви.

„Да, подлинно, тяжекъ этотъ грѣхъ и весьма тяжекъ“, говоритъ Златоустъ. „Онъ весьма тяжекъ потому, что не кажется тяжкимъ; потому я и боюсь его, что никто не боится его; потому эта болѣзнь и неизлѣчима, что она не считается болѣзнью“ [1]). Ниже мы увидимъ въ словахъ Св. Іоанна еще подтвержденіе дѣйствительной закоренѣлости порока. „Клятвы были какимъ-то закоренѣлымъ обычаемъ у Антіохійцевъ“, замѣчаетъ г. Малышевскій [2]). Что такое представляла собою эта клятва? Была ли она просто божбой (по катихизису М. Филарета), призываніемъ имени Божія всуе, безъ всякой надобности, лишь по укоренившейся привычкѣ, или это была клятва, когда Бога ставили свидѣтелемъ въ подтвержденіи справедливости одного извѣстнаго дѣла,—присяга, предосудительно употребляемая тогда, когда по самому качеству обстоятельствъ въ ней не было надобности,—или это была клятва, какъ проклятіе человѣку—анаѳема? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно непремѣнно читать подлинное слово Св. Златоуста.

Господинъ Малышевскій въ извѣстной своей біографіи Св. Златоуста [3]) единственной формой клятвы, такъ развившейся въ Антіохіи между христіанами, признаетъ, что это есть клятва—присяга. Онъ, г. Малышевскій, говоритъ: „слѣдуетъ замѣтить, что клятва была предметомъ, о которомъ Златоустъ говорилъ и нарочитыя бесѣды, и о которомъ онъ часто говорилъ и въ другихъ бесѣдахъ... Къ клятвѣ или присягѣ привлекали истцы, тяжущіеся, подозрѣвавшіе кого либо въ кражѣ, обманѣ и т. п.“ Намъ дѣло не представляется такъ; мы признаемъ замѣчаніе г. Малышевскаго только частію. Есть въ твореніяхъ Златоуста слова о клятвѣ, которыя по нашему убѣжденію нельзя понимать въ смыслѣ присяги, а только лишь какъ „божбу“. Такъ ли это? Вотъ слова Златоуста: „какъ простой разговоръ не есть вина“, говоритъ Св. Іоаннъ, убѣждая Антіохійцевъ хранить себя отъ клятвъ, „такъ и это не представляется виною, но съ великою дерзостію совершается это беззаконіе, и если кто станетъ осуждать, то поднимается тотчасъ смѣхъ,

---

[1]) Слова и рѣчи т II, стр. 283

[2]) Указ. соч , стр. 249.

[3]) Стр 249.

великій хохотъ не надъ тѣми, которые осуждаются за клятву, а надъ тѣми, которые стараются исправить это зло“ [1]). Вотъ одно доказательство, что клятва, которую Златоустъ стремился уничтожить въ Антіохійцахъ, была прежде всего „божбой“. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ же пбходя судились Антіохійцы, что истцы постоянно тащили кредиторовъ къ присягѣ! А Златоустъ, какъ очевидно изъ вышеприведенныхъ его словъ, ясно даетъ понять, что употребленіе клятвы обличаетъ какъ порокъ всеобще-народный. Потомъ, еще осязательнѣе слово Златоуста доказываетъ справедливость нашего воззрѣнія. „Но такой-то, скажешь, человѣкъ скромный, имѣетъ санъ священства, живетъ весьма воздержно и благочестиво, однако клянется“. Думаемъ, что дѣлать коммептаріи излишне,—слово говоритъ само за себя. Какой же епископъ, священникъ или діаконъ будетъ брать присягу; и притомъ по г. Малышевскому надобно предположить, что человѣка скромнаго, имѣющаго священство (выраженіе Златоуста) привлекаетъ истецъ тяжущійся, заподозрѣвшій это священное лицо, живущее весьма воздержно и благочестиво, въ кражѣ, обманѣ и т. п.: неразрѣшимыя противорѣчія—показанія Св. Іоанна Златоуста и взглядъ на эти показанія г. Малышевскаго. Впрочемъ онъ, вѣроятно, этого слова Златоуста не читалъ. Иначе мы не смѣемъ предположить, чтобы умышленно умолчалъ, а тѣмъ менѣе извратилъ, самъ посмотрѣлъ односторонне; а еще менѣе смѣемъ думать, что г. Малышевскій не считаетъ божбу дѣломъ настолько грѣховнымъ, чтобы Златоусту стоило такъ сильно вооружаться противъ нея. А между тѣмъ Св. Іоаннъ именно противъ этого то порока, скажемъ опять, по нашему убѣжденію, такъ и ратуетъ. Сказавши о легкости отношенія къ клятвѣ, Св. Іоаннъ восклицаетъ: „посему я и веду продолжительную рѣчь объ этомъ, ибо хочу исторгнуть глубокій корень и уничтожить долговременное зло“ [2]).

Еще слово-другое въ подтвержденіе нашей мысли: „привычка—дѣло важное,“ говоритъ Златоустъ о „клятвѣ“; „трудно отстать отъ нея и уберечься. Она *часто сбиваетъ насъ противъ нашей воли и нашего сознанія*“,—подчеркиваемъ слова, въ которыхъ суть дѣла ясна, какъ Божій день! Что же? противъ воли и безсознательно истецъ влечетъ отвѣтчика къ клятвѣ—присягѣ?—вотъ что надобно

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid

предположить, если допустить исключительную вѣрность взгляда г. Малышевскаго.

Это еще не все, что у Златоуста опровергаетъ заключеніе г. кіевскаго біографа Св. Іоанна Златоуста. „Привычка поистинѣ великое дѣло", говоритъ Антіохійскій проповѣдникъ, „она имѣетъ силу природы" [1]). „И такъ, чѣмъ болѣе ты знаешь силу привычки, тѣмъ болѣе старайся освободиться отъ худой привычки, пріучай себя къ другой—полезнѣйшей. Какъ теперь худая привычка часто можетъ увлекать тебя, несмотря на твое стараніе, опасеніе, осторожность, заботливость; такъ тогда, когда ты пріучишь себя къ доброй привычкѣ—не клясться, ты никогда не допустишь себя впасть въ грѣхъ клятвы, несмотря даже на свое желаніе и небрежность. У каждаго изъ живущихъ и обращающихся съ тобою проси милостыни, чтобы онъ совѣтовалъ и увѣщевалъ тебя избѣгать клятвъ".

Еще болѣе сильныя доказательства: „частыя клятвы—немалая пропасть не только тогда, когда онѣ касаются предметовъ маловажныхъ, но и тогда, когда касаются предметовъ весьма важныхъ. *Мы же и покупая овощи, и споря о двухъ оболахъ, и гнѣваясь на слугъ и угрожая имъ, во всемъ призываемъ въ свидѣтели Бога* [2]). „По такимъ предметамъ ты не посмѣешь *на торжищѣ* призвать во свидѣтели и человѣка свободнаго, облеченнаго какимъ-нибудь обыкновеннымъ саномъ... а Царя Небеснаго, Владыку ангеловъ ты влечешь въ свидѣтельство *въ разговорѣ* и о торговлѣ, и о деньгахъ, и о другихъ мелочахъ" [3]). Особенности въ словѣ Златоуста въ данномъ для насъ случаѣ мы подчеркиваемъ.

Потомъ, „нужно", говоритъ Св. Іоаннъ, „не только показать, какъ тяжекъ грѣхъ, но и дать совѣтъ, какъ избѣжать его. Ты имѣешь жену, имѣешь слугу, имѣешь дѣтей, и друга, и родственника, и сосѣда. Внуши всѣмъ имъ бдительность въ этомъ отношеніи". „Я не думаю, чтобы людямъ внимательнымъ, бдительнымъ и заботящимся о своемъ спасеніи, нужно было болѣе десяти дней для совершеннаго оставленія худой привычки клясться" [4]).—И это не единственное мѣсто въ твореніяхъ Златоуста, такъ ясно указывающее, что клятва въ Антіохіи практиковалась прежде всего, какъ „божба".

---

[1]) Ibid., стр. 285.
[2]) Ibid., стр. 286.
[3]) Ibid., стр. 286.
[4]) Ibid.

Все сейчасъ приведенное изъ словъ Златоуста взято изъ слова огласительнаго—23-го, сказаннаго въ Антіохіи къ готовящимся къ святому крещенію—въ 387 году [1]).—Продолжая въ томъ же году настоятельно убѣждать своихъ слушателей оставить клятвы, Св. Іоаннъ, нѣсколько позже, въ „бесѣдѣ на притчу о должникѣ десяти тысячъ талантъ", снова говоритъ о томъ же способѣ побѣжденія этого грѣха. Златоустъ говоритъ: „если еще и не всѣ исполнили прежній законъ о клятвахъ, такъ съ теченіемъ времени оставьте догонять упредившихъ. Я узналъ, что усердіе къ этому таково, что объ этой заповѣди и дома и за трапезою бываетъ состязаніе у мужей съ женами, у рабовъ съ свободными и блаженными,—такъ звалъ я тѣхъ, которые такимъ образомъ вкушаютъ пищу... гдѣ мужъ смотритъ за женою, чтобы она не впала въ бездну клятвопреступленія, а жена наблюдаетъ за мужемъ... не погрѣшитъ, кто назоветъ такой домъ церковью" [2]).

„Оставивъ, наконецъ, ту заповѣдь" (о клятвахъ), говоритъ Св. Златоустъ,—„знаю, что по милости Божіей исполненіе ея распространяется по всему городу, такъ вы дѣлали усердное начало и прочное основаніе—перейду къ другой" [3]). „Уста твои научились не клясться?" заключаетъ свою бесѣду Златоустъ; „языкъ научился вездѣ говорить: ей и ни? Пусть онъ научится удерживаться отъ всякой брани и прилагать еще большее стараніе объ этой заповѣди". [4]) И такъ, думаемъ, теперь ясно, о какомъ видѣ клятвы идетъ рѣчь въ вышеприведенныхъ словахъ Златоуста. Что это есть просто „божба", легкомысленное употребленіе клятвы въ обыкновенныхъ разговорахъ (катихиз. М. Филарета),- это несомнѣнно. Когда имя Божіе пріемлется всуе? Оно пріемлется всуе, свидѣтельствуетъ нашъ православный катихизисъ (о третьей заповѣди Закона Божія), или по напрасну произносится, когда произносится въ разговорахъ безполезныхъ и суетныхъ, а тѣмъ болѣе напрасно, когда произносится лживо или съ нарушеніемъ благоговѣнія. Насколько все это убѣждаетъ насъ въ смыслѣ словъ Златоуста, что онъ именно о божбѣ говоритъ, когда говоритъ о клятвѣ въ приведенныхъ нами выдержкахъ, служитъ, между прочимъ, и слѣдующее соображеніе. Въ православномъ катихизисѣ въ разсужденіи о третьей заповѣди за-

---

[1]) Минь. Monphocon Acta Sanctor...

[2]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. II, стр. 106—107.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

кона Божія есть вопросъ: нѣтъ ли въ священномъ писаніи особеннаго запрещенія божбы въ разговорѣ? Отвѣтъ: Спаситель говоритъ: Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко; буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни; лишше же сего отъ непріязни суть (Матѳ. V, 34—37). Какъ видится, объ этой заповѣди въ данныхъ мѣстахъ своихъ бесѣдъ и говоритъ Златоустъ Это обличеніе въ божбѣ Св. Златоуста и оставилъ безъ всякаго вниманія г. Малышевскій, а это главное, именно эта то клятва—божба и была общераспространеннымъ порокомъ Антіохійскихъ христіанъ во время Златоуста. Златоустъ именно говоритъ съ человѣкомъ, настолько пристрастившимся къ клятвамъ, который больше произноситъ клятвъ, чѣмъ словъ“ [1]). Въ другихъ словахъ своихъ Св. Іоаннъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что существовала въ Антіохіи и другая клятва—церковная присяга, приносившаяся предъ святыней евангелія для непреложнаго увѣренія (по выраженію правосл. катихизиса). Почему Св. Іоаннъ Златоустъ такъ вооружался противъ этого вида клятвы? Потому ли, что въ его время нерѣдкость между Антіохійцами была ложная клятва,—когда утверждаютъ клятвою то, чего нѣтъ; или потому, что въ большинствѣ случаевъ присяга кончалась клятвопреступленіемъ, когда не исполняютъ справедливой и законной клятвы (кат. Митр. Филарета); или потому, наконецъ, что Св. Іоаннъ не признавалъ законнымъ употребленіе клятвы даже въ важныхъ случаяхъ,—словомъ, вовсе, никогда, ни въ какихъ случаяхъ, ни въ какихъ обстоятельствахъ? Все это прослѣдить весьма интересно. Но отвѣчать на всѣ предложенные вопросы можетъ намъ только самъ Св. Златоустъ въ своихъ твореніяхъ, къ слову которыхъ мы и обратимся.

Въ 388 году Св. Златоустъ говорилъ бесѣды по случаю низверженія царскихъ статуй. Въ XIV и XVIII бесѣдахъ мы находимъ слово о клятвахъ. Въ нихъ онъ продолжаетъ свою рѣчь и о божбѣ, но говоритъ уже и о присягѣ и очень ясно. Обычай клясться—божиться, какъ видится, ослабѣлъ. А клятва—присяга оставалась въ прежнемъ видѣ не только употребленія, но и злоупотребленія. Наша цѣль, между прочимъ, доказать, что клятвы, именно какъ порокъ, существовали въ Антіохіи и туго поддавались искорененію. И если ослабѣли, то только благодаря пастырской настойчивости Св. Іоанна.

Возьмемъ еще нѣсколько словъ Златоуста, чтобы выяснить, что задерживало Антіохійцевъ сразу бросить дурную грѣховную при-

[1]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 571.

вычку—божиться. „Сколь многіе“, говоритъ, „увлеклись привычкою къ клятвамъ и считали ее неисправимой. Однако, по милости Божіей, какъ употребили вы нѣсколько старанія, то большую часть этого порока смыли съ себя“ [1]). Справедливость требуетъ отъ историка показать, конечно, не только одно худое въ жизни людей, но и доброе. Рецептъ пастыря своей паствѣ отъ болѣзни, такъ ее разъѣдавшей, вполнѣ подѣйствовалъ. „Не будемъ говорить: одолѣемъ эту привычку понемногу, потому что тому „понемногу“ не будетъ конца“,—поучаетъ проповѣдникъ; „вмѣсто этого, станемъ говорить, что не отстанемъ, пока сегодня не исправимся отъ клятвъ, хоть бы подавляла насъ тысяча дѣлъ“ [2]). „Не говори мнѣ: отъ частаго употребленія мы отстали, а только изрѣдка увлекаемся къ нимъ,—брось и это „изрѣдка“. Если потеряешь одинъ золотой, не обойдешь ли всѣхъ съ разспросами и поисками, только бы найти его. Такъ поступи и съ клятвами. Если увидишь, что вырвалась у тебя одна клятва,—плачь, стенай, какъ будто бы у тебя все имущество твое пропало. Опять говорю тоже, что и прежде,—запрись дома, займись и потрудись съ женою, съ дѣтьми и домашними; скажи напередъ самъ себѣ: не примусь ни за частныя ни за общественныя дѣла, пока не исправлю душу свою“ [3]).

Обратимся теперь къ клятвѣ— присягѣ. Особенности формы ея въ Антіохійской церкви за это время, и сущность ея, и взглядъ Златоуста на клятву этого вида, мы въ самомъ текстѣ бесѣды опять подчеркнемъ во избѣжаніи необходимости объясненій. „Что ты дѣлаешь, человѣкъ?“ взываетъ Златоустъ,—„*заставляешь клясться предъ священною трапезою, и тамъ, гдѣ лежитъ Христосъ закланный, закалаешь брата своего.* Разбойники убиваютъ на дорогахъ, а ты убиваешь сына предъ лицемъ матери, и совершаешь убійство, преступнѣе Каинова. Тотъ умертвилъ своего брата въ пустынѣ и временною смертію, а ты наносишь смерть среди церкви и смерть вѣчную. *Ужели для того устроена церковь, чтобы клясться? Нѣтъ! —для того, чтобы молиться. Ужели для того стоитъ трапеза, чтобы мы заставляли другихъ клясться?* Нѣтъ!—для того стоитъ она, чтобы разрѣшали мы грѣхи, а не вязали. Но если ты не стыдишься ничего другаго, такъ постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы: *раскрой евангеліе, которое держа въ рукахъ, за-*

---

[1]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. 1, стр. 571.
[2]) Ibid., стр. 573.
[3]) Ibid., стр. 575.

ставляешь клясться, и услышавъ, что Христосъ говоритъ тамъ о клятвахъ, вострепещи и удержись. Что же Онъ говоритъ тамъ о клятвахъ?—*Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко* (Матѳ. V, 34). *А ты этотъ законъ, запрещающій клятву, дѣлаешь клятвой.* О дерзость! О безуміе! Ты дѣлаешь то же, какъ если бы кто самого законодателя, воспрещающаго убійство, заставилъ быть помощникомъ въ убійствѣ. Не такъ стенаю и плачу я, когда слышу, что иныхъ убиваютъ на дорогахъ, какъ стенаю и плачу и содрагаюсь, когда вижу, что кто нибудь *подходитъ къ этой трапезѣ, полагаетъ на нее руки, прикасается къ евангелію* и хлопочетъ на счетъ денегъ; ты сомнѣваешься, скажи мнѣ, и убиваешь душу? Пріобрѣтешь ли ты столько, сколько дѣлаешь вреда душѣ и своей и ближняго? если вѣришь, что этотъ человѣкъ правдивъ, не вводи его въ неволю клясться; а если знаешь, что онъ лживъ, не заставь его нарушить клятву. Пусть гибнетъ золото, пусть пропадаютъ деньги, только бы имѣть намъ увѣренность болѣе всего въ томъ, что мы и сами не преступили закона и другаго не заставили этого сдѣлать“ [1]). Изъ всѣхъ этихъ словъ Златоуста видно, что чистую, любящую душу его—евангельски добраго пастыря—возмущали: во-первыхъ легкомысленное употребленіе клятвы—присяги; во-вторыхъ—душепагубныя послѣдствія этой клятвы; въ третьихъ—неуваженіе къ святынѣ храма Божія, престола Господня—евангелія; въ особенности же нарушеніе прямой заповѣди Спасителя міра, безусловно запрещающаго клятву Своимъ послѣдователямъ. И вотъ онъ всей силой любви своей благопопечительной возстаетъ противъ всѣхъ видовъ употребленія клятвы: и убѣждаетъ, и угрожаетъ, и умоляетъ,—что все доказываетъ, насколько порокъ этотъ былъ присущъ Антіохійцамъ. „Нѣкоей чудной пѣснѣ хочу научить васъ“, говоритъ онъ своей возлюбленной паствѣ, „взявъ не мертвую лиру въ руки, но вмѣсто струнъ натянувъ исторію Писанія и заповѣди Божія. И какъ арфисты, взявъ пальцы учениковъ, тихонько прикладываютъ ихъ къ струнамъ и, пріучая ударять съ искусствомъ, выучиваютъ ихъ изъ мертвыхъ топовъ и струнъ извлекать звуки нѣжнѣе и пріятнѣе всякаго голоса, такъ сдѣлаемъ и мы. Взявши вмѣсто струнъ умъ вашъ, и прикладывая его къ заповѣдямъ Божіимъ, попросимъ любовь вашу касаться ихъ съ умѣньемъ, чтобы этимъ увеселеніемъ исторгнуть намъ не собраніе людей, но ликъ ангеловъ. Недовольно того, чтобы только прослѣдить божественныя

[1]) Бесѣд къ Ант. народ. т. I, стр. 484 и 485.

слова; нѣтъ, требуется еще доказательство отъ дѣлъ [1]). Вотъ мы уже ударяли по одной струнѣ во всю пятидесятницу, читая вамъ законъ о клятвахъ"... Будемъ говорить словами проповѣдника: „побуждай всѣхъ немедля къ исполненію этой заповѣди. Сорокъ дней уже прошло; если еще пройдетъ и святая пасха, то никого не прошу и употреблю уже не увѣщаніе, а отлученіе, которымъ нельзя пренебрегать: ссылка на привычку—несильное оправданіе. И такъ напередъ говорю и объявляю всѣмъ, что если я, сошедшись съ вами наединѣ и сдѣлавъ опытъ,—а непремѣнно сдѣлаю"—вотъ истинное душепастырство!—„найду нѣкоторыхъ неисправившимися въ этомъ недостаткѣ, такихъ подвергну наказанію, прикажу не допускать къ святымъ тайнамъ не для того, чтобы они оставались безъ нихъ, но чтобы исправились и затѣмъ приступили" [2]). Надобно замѣтить, что клятвы были въ сильномъ употребленіи не только въ городѣ Антіохіи, но и во всей Антіохійской церкви. И вообще на востокѣ: позже мы увидимъ, что и Константинополь не чуждъ былъ этого порока въ христіанскомъ мірѣ. „Вездѣ поютъ о нашемъ городѣ", говоритъ Златоустъ, „что онъ первый изъ всѣхъ во вселенной украсился именемъ христіанъ: такъ дайте всѣмъ знать", говоритъ, „что Антіохія одна между всѣми городами во вселенной изгнала клятвы изъ своихъ предѣловъ. И какъ имя Христово, начавшись отселѣ, какъ изъ нѣкоего источника, распространилось по всей вселеоной, такъ и это доброе дѣло, получивъ здѣсь корень и начало, сдѣлаетъ вашими учениками всѣхъ людей, населяющихся землю" [3]).

ГЛАВА IV-я.

Расколъ въ Антіохійской церкви.

Отъ употребленія клятвы—божбы, присяги,—столь распространенныхъ между Антіохійцами, Св. Іоаннъ Златоустъ переходитъ и знакомитъ насъ съ клятвой иного рода, которая соединяетъ въ понятіи уже не заклятіе въ вѣрности слова или дѣла, а прямо есть проклятіе—χαραχτ [4]) въ томъ лишь смыслѣ, какъ это слово употребляетъ Св. Ап. Павелъ, когда говоритъ: „*Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва, писано бо есть,*

[1]) Бесѣд. къ Анг. народ т II, стр. 105.
[2]) Бесѣд. къ Ант. народ. т. I, стр. 576.
[3]) Бесѣд къ Ант т. I.
[4]) Гильтебр т. II, стр. 939.

проклятъ всякъ висяй на древѣ“ [1]). Клятва—анаѳема, проклятіе, какъ отлученіе отъ церковнаго общества [2]). И эта-то клятва была въ сердцѣ и на устахъ христіанскаго общества не только у священниковъ, но и у мірянъ, мужей и женъ,- и всѣхъ исполняла злобы, вражды, ненависти, раздѣленія. И если бы еще между людьми разномыслящими въ вѣрѣ только существовало такое нестроеніе, это было бы въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя преступно во всякомъ случаѣ, но естественно; а то между чадами единой святой церкви, между православными людьми! И что особенно душепагубно было, такъ это то, что зло считалось ничтожнымъ,—проклятіе употребляли какъ случится [3]). Что дѣло дошло до такого бѣдственнаго состоянія, что „находясь въ крайней опасности“, говоритъ Св. Златоустъ, „мы не сознаемъ этого, не преодолѣвая гнуснѣйшихъ страстей“ [4]). Св. Іоаннъ Златоустъ, лично бывшій свидѣтелемъ этого грустнаго явленія въ жизни христіанъ Антіохійскихъ его времени, подробно говоритъ объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ, указывая и происхожденіе его, и главную силу, которой оно держалось, и преступность его, и преступныя его послѣдствія какъ для самихъ этихъ христіанъ, такъ и для иновѣрцевъ—еретиковъ, язычниковъ и іудеевъ, во множествѣ населявшихъ въ то время Антіохію. „Съ чего я начну говорить объ этомъ злѣ“, восклицаетъ Св. Іоаннъ въ началѣ бесѣды о проклятіи,—„съ постановленій ли заповѣдей или съ вашего безумнаго невѣжества и безчувственности? Но когда я буду говорить объ этомъ, не стануть ли нѣкоторые надо мной смѣяться? Не возопіютъ ли противъ меня,—что я намѣреваюсь бесѣдовать о такомъ прискорбномъ и достойномъ слезъ предметѣ? Но что мнѣ дѣлать? Я скорблю и сокрушаюсь душой и терзаюсь внутренно,—и съ великимъ стыдомъ молчу, видя бѣснующихся и пустословящихъ, *не разумѣющихъ ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ*, [5])—невѣжественно дерзающихъ преподавать одно только свое ученіе и *проклинать* то, чего не знаютъ [6]). Внимайте слышанному, прошу васъ, дабы намъ не погибнуть. Скажи мнѣ, что значитъ это проклятіе (αναθεμα),—которое ты произносишь? Вникни въ свое слово, разсуди, что ты говоришь, понимаешь ли

[1]) Галат. III, 13.

[2]) Гильтебр. т. III, стр. 35.

[3]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стр. 322.

[4]) Ibid.

[5]) Тим. I, ч.

[6]) Ibid. стр. 322—323 т. е. сл. на р. сл. т. I.

ты силу его? И такъ, что значитъ слово анаѳема? Не то ли, чтобы такой-то сдѣлался жертвой діавола, не имѣлъ права на спасеніе, былъ отверженъ отъ Христа? Но кто ты, присвояющій себѣ такую власть и силу? *Тогда сядетъ Сынъ Божій и поставитъ овцы одесную, а козлища—ошуюю* [1]). Зачѣмъ ты присвояешь себѣ такую честь, которой удостоенъ только сонмъ апостоловъ, истинные и вполнѣ ревностные ихъ преемники, исполненные благодати и силы? Впрочемъ, они съ такимъ чувствомъ отлучаютъ еретиковъ отъ церкви, какъ будто исторгая у себя правый глазъ, чѣмъ доказывается ихъ великое состраданіе и сокрушеніе, какъ бы при отнятіи поврежденнаго члена. Поэтому они обличали и отвергали ереси, но никого изъ еретиковъ не подвергали такому наказанію. И апостолъ, какъ видно, по нуждѣ въ двухъ только мѣстахъ употребилъ это слово [2]). Почему же, тогда какъ никто изъ получившихъ власть не дѣлалъ этого или не смѣлъ произносить такого приговора, ты осмѣливаешься дѣлать это вопреки смерти Господней и предупреждаешь судъ Царя [3])? Или вы считаете маловажнымъ прежде времени и Судіи произнести на кого-нибудь такое осужденіе? Ибо анаѳема совершенно отлучаетъ отъ Христа [4]). Апостолъ Павелъ, имѣя сильную любовь ко Христу, никого не подвергалъ ни обидѣ, ни принужденію, ни анаѳемѣ, иначе онъ не привелъ бы къ Богу столько народовъ и цѣлыхъ городовъ, но подвергаясь самъ униженію, биченію, заушенію, посмѣянію отъ всѣхъ, онъ совершалъ такія дѣла, оказывая снисхожденіе, убѣждая, умоляя [5]). Подражать этому увѣщеваю васъ всѣхъ и вмѣстѣ съ вами и самого себя [6]). Мы совершаемъ это служеніе и вотъ увѣщеваемъ васъ. Рукоположеніе не къ властолюбію ведетъ, не къ высокомѣрію располагаетъ, не господство предоставляетъ; всѣ мы получили одного и того же Духа, всѣ призваны въ усыновленіе; кого Отецъ избралъ, тѣхъ Онъ сподобилъ со властью служить братьямъ своимъ. И такъ, исполняя это служеніе, мы увѣщаваемъ васъ и заклинаемъ отстать отъ такого зла [7]). Ибо тотъ, кого ты рѣшился предать анаѳемѣ, или живетъ и существуетъ еще въ этой смертной жизни, или уже

[1]) Матѳ. XXV, 33.
[2]) I Кор. XVI, 22; Гал. 1, 9.
[3]) Слова и бесѣды на разн. случ. т. II, стр. 326—327.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., стр. 329—330.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., стр. 331.

умеръ. Если онъ существуетъ, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится въ неопредѣленномъ состояніи и можетъ обратиться отъ зла къ добру. А если онъ умеръ, то тѣмъ болѣе. Почему? Потому, что онъ *своему Господеви стоитъ или падаетъ* [1]), не находясь болѣе подъ властью человѣческою [2]). Притомъ опасно произносить судъ свой о томъ, что сокрыто и извѣстно Судіи вѣковъ, Который одинъ знаетъ и мѣру вѣдѣнія и количество вѣры [3]). Отстаньте же, увѣщаваю васъ, отъ такого зла! Вотъ я говорю и свидѣтельствую предъ Богомъ и избранными Его ангелами, что въ день суда оно будетъ причиною великаго бѣдствія. Ибо, какъ мы, *поступающіе немилосердно съ единоплеменниками своими*, удостоимся спасенія?... Еретическія ученія, несогласныя съ принятымъ нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться объ ихъ спасеніи“ [4]).

Чѣмъ вызвано было это явленіе, кто и кого и за что проклинали? Кто внималъ проповѣди Св. Іоанна, кто своими ушами слышалъ это исполненное любви и умиленія пастырское обличеніе, тѣ знали, о чемъ говорилъ Златоустъ. А для насъ, чтобы понять сущность всего этого горестнаго обстоятельства, необходимо уяснить себѣ бытовое состояніе Антіохійской церкви за время Златоуста. Для этой же цѣли въ свою очередь намъ надобно взять періодъ времени значительно ранній, чѣмъ время жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ началѣ своей бесѣды „о проклятіи“ говоритъ: „прежде бесѣдуя съ вами о познаніи непостижимаго Бога“—разумѣются бесѣды о Непостижимомъ—„и предложивъ много бесѣдъ объ этомъ, я доказывалъ вамъ, какъ словами писанія, такъ и разсужденіями естественнаго разума, что познаніе Божества недоступно и для самихъ невидимыхъ силъ, для тѣхъ силъ, которыя провождаютъ невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущіе во всякой безпечности и разсѣянности и преданные всякимъ порокамъ, усиливаемся постигнуть совершенно невѣдомое и для невидимыхъ существъ; мы впали въ этотъ грѣхъ, руководствуясь въ такихъ разсужденіяхъ соображеніями собственнаго разума и суетною славою предъ слушателями, не опредѣляя благора-

[1]) Рим. XIV, 4.
[2]) Слова и бесѣд. на разн. случ. т. II, стр. 331.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 332.

зуміемъ границы своего естества и не слѣдуя Божественному Писанію и Отцамъ, но увлекаясь, какъ бурнымъ потокомъ, неистовствомъ своего предразсудка“ [1]).—И такое слово въ Антіохіи было вполнѣ умѣстно и вполнѣ справедливо, ибо если гдѣ христіане „усиливались постигнуть совершенно недовѣдомое“, то здѣсь именно; если гдѣ христіане въ разсужденіяхъ о Божествѣ руководствовались соображеніями собственнаго разума, то здѣсь, въ Антіохіи. И это настроеніе въ неудержимомъ стремленіи своемъ пріобрѣтало направленіе крайнее, когда христіане пріобрѣтали наклонность познавать Божество, не опредѣляя благоразуміемъ границъ своего естества и не слѣдуя Божественному Писанію и Отцамъ. Направленіе это въ лучшемъ своемъ проявленіи выразилось въ Антіохіи очень рано, задолго до времени жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста. Въ концѣ III-го вѣка по Р. Хр. въ Антіохіи была открыта школа, основателемъ которой былъ пресвитеръ Лукіанъ [2]). Нашъ досточтимый профессоръ—церковный историкъ (А. П. Лебедевъ) замѣчаетъ, что о Лукіанѣ мы почти ничего не знаемъ [3]). Исторія знаетъ не столько учителя, сколько учениковъ его школы [4]). Но направленіе этой школы положительно извѣстно. Извѣстно, что здѣшніе учители ясность пониманія въ догматикѣ предпочитали возвышенности въ богословствованіи; они хотѣли быть здравомыслящими богословами, хотѣли привести въ согласіе вѣру и разумъ [5]),—требованіе, которое всегда будетъ предъявлять человѣкъ, пока живо человѣчество, замѣчаетъ нашъ досточтимый профессоръ [6]). Это пониманіе естественныхъ нуждъ человѣка было настолько справедливымъ, истиннымъ, что создало направленіе, которое вошло въ теченіе богословскаго развитія церкви [7]). Пріютившись сначала въ Антіохіи, потомъ въ Константинополѣ, это антіохійское направленіе въ концѣ концовъ вошло въ общее теченіе церковной жизни [8]) и ему суждено было имѣть большое значеніе въ дальнѣйшей исторіи богословской науки [9]).

---

[1]) Слова и бесѣд. на разн. случ., т. II, стр. 321—322.
[2]) А. П. Лебедевъ. «Вселен. Собор. IV и V в.в»., стр. 43.
[3]) Ibid, стр 5.
[4]) Горскій. Жизнь св. Аѳанасія, стр. 37.
[5]) А. П. Лебедевъ. Указ. соч. стр. 108.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid, стр. 109.
[8]) Ibid., стр. 110.
[9]) Ibid., стр. 109.

Расширяя это стремленіе и желая руководствоваться въ познаніи высочайшихъ догматовъ вѣры только разсужденіями естественнаго разума, ученики этой Антіохійской школы впослѣдствіи стали раціоналистами—людьми, которые держались правила: что превышаетъ мысль человѣческую, то слѣдуетъ устранять, отвергать [1]). Насколько опасно такое настроеніе, показываетъ намъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ на посланіе къ Римлянамъ. Изъясняя текстъ Апостола о вѣрѣ Авраама: *давъ славу Богу и извѣстенъ бывъ, яко еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (IV, 21), Св. Іоаннъ говоритъ: „не быть пытливымъ, значитъ—славить Бога; а быть пытливымъ, значитъ—грѣшить противъ Бога“ [2]). Понятно, конечно, какую пытливость разумѣетъ Златоустъ; понятно, что это желаніе далеко отъ исполненія извѣстнаго совѣта Господня: *испытайте писанія*... Но продолжимъ слово Святаго. „Ежели наша пытливость“, продолжаетъ онъ, „и розыски о предметахъ невысокихъ не служатъ къ славѣ Божіей (намъ кажется, напротивъ, познаніе даже ничтожныхъ вещей видимаго міра невольно знакомитъ съ премудростью и благостью Творца вселенной, не говоря уже о томъ, что *небеса* именно *повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь*),— то кольми паче, любопытствуя о рожденіи Господа, какъ оскорбители Его славы, навлечемъ на себя крайнее наказаніе. Если не должно входить въ изслѣдованія объ образѣ воскресенія, то гораздо менѣе позволительно стараться проникнуть въ неизреченныя и страшныя тайны. И Апостолъ сказалъ не просто—повѣривъ, но *извѣстенъ бывъ*. Ибо таковы убѣжденія вѣры; они гораздо сильнѣе и яснѣе доказательствъ разума; никакія противныя умствованія разума не могутъ поколебать вѣру. *Кто вѣритъ доказательствамъ разума, тотъ можетъ и переувѣриться*; а кто утверждается на вѣрѣ, тотъ заградилъ уже слухъ свой для внушеній, могущихъ ослабить вѣру [3]). Съ разумной точки зрѣнія—въ самомъ дѣлѣ, хотѣть вѣру подчинить разуму—нелѣпое желаніе! Вѣра потому и есть вѣра, что она не подчиняется разуму; гдѣ разумъ беретъ верхъ, тамъ пѣтъ и не можетъ быть вѣры“ [4]).

Какое именно вліяніе оказывалъ пресвитеръ Лукіанъ, основатель Антіохійской школы, на своихъ учениковъ; вызывало ли оно

---

[1]) Ibid., стр. 43.

[2]) 8-я бесѣда, стр. 173.

[3]) Ibid., стр. 174.

[4]) «Вселен. Собор.» стр. 107.

здравомыслящее богословствованіе или порождало тотъ крайній раціонализмъ въ познаніи вѣры, девизъ котораго: непонятное для разума отрицать? Опредѣлить это, за недостаткомъ историческихъ данныхъ, возможности нѣтъ. Но несомнѣнно, что эта школа, отъ самаго ея основанія, своимъ направленіемъ благопріятствовала всѣмъ изслѣдователямъ и испытателямъ вѣры, каковыми обыкновенно называли себя аріане [1]). Намъ нѣтъ надобности доискиваться и доказывать, было ли аріанство порожденіемъ школы Лукіана или не было, - это не входитъ въ наши цѣли; намъ только надобно выяснить причины появленія и существованія клятвы—*анавемы*—въ Антіохійской церкви за время Златоуста. Поэтому имѣютъ для насъ значеніе тѣ историческія данныя, которыя могутъ уяснить намъ причины этого печальнаго положенія церковныхъ дѣлъ въ Антіохіи и показать историческій ходъ появленія раскола, бывшаго за время Златоуста не только между разновѣрцами и православными, но и въ средѣ послѣднихъ между собою. Св. Аѳанасій Великій называетъ аріанствующихъ богослововъ именно „свободомыслящими“ и приписываетъ имъ эллинское мудрованіе [2]), т. е. приписываетъ имъ такую же свободу въ изслѣдованіи догматовъ, замѣчаетъ А. П. Лебедевъ, какой держались древніе философы въ вопросахъ о мірѣ сверхчувственномъ во времена язычества [3]).

Мы уже упоминали, что исторія знаетъ не столько основателя школы, сколько учениковъ его. Филосторгій [4]) указываетъ нѣсколько лицъ, которые были болѣе замѣчательными наставниками въ Антіохійской школѣ, изъ-подъ руководства которыхъ выходили сторонники аріанскаго образа мыслей, каковыхъ нашъ незабвенный труженикъ богословской науки, прот. А. В. Горскій насчитываетъ 11-ть, какъ болѣе важныхъ представителей аріанства [5]). А есть одно древнее свидѣтельство, которое утверждаетъ, что и самъ ересіархъ—Арій былъ также ученикомъ все того же Лукіана Антіохійскаго [6]). Возможность и естественность этого историческаго явленія, если не необходимость его появленія, какъ слѣдствія причины, заключается, конечно, въ томъ обстоятельствѣ, что и аріанство держалось существенно тѣхъ же принциповъ, какъ и эта

---

[1]) Ruf. lib. t. 1, cap. 2.
[2]) Твор. ч. 3-я, стр. 134.
[3]) «Вселен. Соб» стр. 4.
[4]) Histor. Ecd. lib. III, c. 15.
[5]) «Жизнь св. Аѳанасія», стр. 37.
[6]) Дѣян. всел. собор. т. I, стр. 54.

школа [1]). Дѣянія вселенскихъ соборовъ представляютъ подробную характеристику направленія аріанскаго свободомыслія въ дѣлахъ вѣры, которая получаетъ здѣсь особенную наглядность оттого, что отмѣняется воззрѣніями на одни и тѣ же предметы ученія вѣры представителей православія. Картина представляетъ двѣ стороны людей, какъ бы овецъ и козлищъ. Вѣра однихъ была проста, пряма и искренна. Они вѣровали, какъ и чему учила церковь, не вдаваясь въ тончайшія изслѣдованія. „Мы безъ хитрости вѣруемъ! не трудись понапрасну отыскивать доказательства на то, что постигается только вѣрою“ [2]). Ученіе о Святой Троицѣ имъ представляется въ особенности такимъ предметомъ, въ отношеніи къ которому безполезны умствованія и требуется одна непосредственная вѣра. „Таинство Святой поклоняемой Троицы превышаетъ всякій умъ и слово, совершенно непостижимо и усвояется только вѣрою“ [3]). Таковы выраженія православныхъ овецъ церкви Христовой на 1-мъ вселенскомъ соборѣ [4]).

Не такъ заявляли себя заблудшія чада той же Святой Матери, ставшія смрадными козлищами, готовыми испортить зловоніемъ своей ереси чистый воздухъ ученія вѣры, которымъ дышетъ православная церковь. „Прямой, сердечной вѣры они чуждались, они хотѣли вопросы вѣры подвергать такому же разсудочному изслѣдованію, какъ и всякіе другіе вопросы. Вѣру хотѣли подчинить знанію. Они стояли за религіозное знаніе и невысоко цѣнили простую вѣру. Съ критикой и анализомъ вступали они въ область религіозныхъ вопросовъ. Хотѣли переизслѣдовать и то, что считалось общепризнаннымъ и непререкаемымъ въ силу авторитета древности,—чему и какъ вѣровала церковь раньше того. Они утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ въ области вѣры не должно слѣдовать безъ повѣрки ихъ [5]). Они изъ древнихъ отцевъ никого не хотятъ равнять съ собою“, свидѣтельствуютъ дѣянія вселенскихъ соборовъ [6]), „и только однихъ себя считали мудрыми, будто имъ и только имъ однимъ открыты тайны, которыя никому въ подсолнечной и на мысль не приходили“,—какъ ясно видно изъ этого свидѣтельства, о комъ говоритъ въ бесѣдѣ о проклятіи Св.

---

[1]) Вселен. собор, стр. 43.

[2]) Sosom. L. 1, c. 18.

[3]) Дѣян. всел. соб. т. 1, стр. 142.

[4]) Вселен. собор. стр. 3—4.

[5]) Sosom. L. 1. c. 17 ср Лебедевъ «Вселен. соб.» стр. 6.

[6]) Т. 1, стр. 56—57.

Іоаннъ Златоустъ, когда обличаетъ невѣжественно дерзающихъ преподавать одно только свое ученіе и проклинать то, чего не знаютъ [1]). Общее направленіе аріанъ въ спеціальномъ предметѣ ихъ ученія выразилось тѣми же свойствами. Вселенскій соборъ былъ собранъ для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса въ церкви. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, состоялъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1) нужно ли признавать Сына Божія Богомъ, равночестнымъ Богу Отцу; 2) или нужно признавать Его—Сына Божія лишь совершеннѣйшею изъ тварей; 3) или, хотя и надобно признавать Его Богомъ, но Богомъ не равнаго достоинства съ Отцемъ [2]). Православные члены собора и здѣсь—на спорный вопросъ о сущности Сына Божія въ отношеніи Его Божественности къ Божественности Отца опять такъ же смотрѣли, какъ на тайну, которую тщетно хочетъ постигнуть разумъ человѣческій. „Ипостась Его—Сына Божія“, заявляли они, „непостижима для всякаго сотвореннаго естества, какъ непостижимъ и самъ Отецъ“ [3]). „Неизъяснимый образъ бытія Единороднаго Сына Божія превышаетъ понятіе не только евангелистовъ, но и ангеловъ“ [4]). Представители аріанствующихъ представляли собою двѣ стороны; первая—всецѣло принявшая ученіе Арія, признавала Сына Божія—тварью [5]); вторая „была ни той, ни этой, не были это аріане въ собственномъ смыслѣ, но не были они и православными, потому что, хотя они и признавали Сына Божія Богомъ, но считали Божество Его не равнымъ Божеству Отца, считая Божество Сына соподчиненнымъ Божеству Отца. Тѣ прямо слѣдовали своей излюбленной теоріи: непонятно—отвергай; а этимъ и вѣра была священна и научно-богословскіе интересы также дороги, какъ прекрасно характеризуетъ тѣхъ и другихъ досточтимый профессоръ церковной исторіи А. П. Лебедевъ въ своихъ „вселенскихъ соборахъ IV и V в.в.“ [6]). Это—такъ называемые полуаріане.

Рѣшеніемъ вселенскаго собора перваго Никейскаго спорному вопросу данъ былъ такой исходъ. Соборъ составилъ символъ, извѣстный въ правилахъ Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ, въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ и въ

---

[1]) Слова и бесѣды на разн. случ. т. II, стр. 323.

[2]) «Вселенск собор.» Лебедева, стр. 2.

[3]) Дѣян. всел. собор. т. 1, стр. 38.

[4]) Ibid., стр. 46—47.

[5]) Твор. Св. Аоанасія Велик., т. III, стр. 127.

[6]) Стр. 7—8.

книгѣ: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка“—А. П. Лебедева. Это Никейское исповѣданіе было принято въ церкви неодинаково. И если вообще въ научномъ отношеніи весьма важно опредѣлить: въ какихъ именно мѣстахъ тогдашняго христіанскаго міра Никейское исповѣданіе утвердилось и въ какихъ—нѣтъ, въ видахъ разъясненія хода догматическихъ движеній въ церкви всего IV вѣка и даже V вѣка [1]), то для насъ это обстоятельство, гдѣ принято и гдѣ не принято Никейское исповѣданіе, имѣетъ значеніе нѣсколько въ иномъ отношеніи. Для насъ важны эти свѣдѣнія въ томъ отношеніи, что они выясняютъ причины такъ великой вражды въ церкви Антіохійской между православными и аріанами и между самими православными.

Въ то время, когда Египетъ, Палестина, церкви Іерусалимская, Александрійская и Римская ревностно и единодушно стояли за Никейское исповѣданіе [2]), на всемъ церковномъ востокѣ: въ Сиріи, Фракіи, Азіи, Понтѣ господствовало аріанство,—вездѣ здѣсь было направленіе анти-никейское и главнымъ пунктомъ—центромъ этого направленія была Антіохія Сирійская... Антіохія сдѣлалась истиннымъ гнѣздомъ, гдѣ широко зажилъ аріанизмъ [3]). Св. Аѳанасій Великій свидѣтельствуетъ, что здѣсь возникали аріанскіе догматы и отсюда больше всего выходило догматическихъ аріанскихъ опредѣленій [4]). Здѣсь былъ въ 341 году аріанскій соборъ епископовъ, спеціально устроенный для низверженія Никейскихъ опредѣленій, и соборъ состоялъ изъ 97 архіереевъ, понятно, преимущественно Антіохійскаго округа, хотя были и изъ другихъ церквей восточныхъ“ [5]). Здѣсь образовалось правильное преемство епископовъ, которые были исключительно аріане и это преемство практиковалось цѣлыхъ 30 лѣтъ,—отъ 330 до 360 года. Вслѣдствіе этого древняя православная община въ Антіохіи съ теченіемъ времени сократилась до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Всѣ храмы стали достояніемъ аріанъ, такъ что Св. Аѳанасій домогался хотя бы одной церкви въ Антіохіи для богослуженія православнаго [6]). Преимущество на сторонѣ аріанъ было такъ сильно въ Антіохіи, что еретики имѣли возможность защитниковъ православія судить и осуж-

---

[1]) «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр 33.

[2]) «Вселен. собор.» А. П. Лебедева. стр. 33, 37, 38

[3]) Ibid., стр. 42; Sosom. L. VI, c. 21.

[4]) Т. III, стр, 150.

[5]) Ѳеодоритъ, L. II, c. 27.

[6]) Sosom. L. III. c. 20.

дать и изгонять. Такъ совершилось осужденіе Евстафія, епископа Антіохійскаго, искренняго поборника православія на первомъ вселенскомъ соборѣ. И это осужденіе состоялось только вслѣдствіе „привязанности святителя“ къ Никейскому символу [1]). Вотъ ясное проявленіе Антіохійской вражды между православными и аріанами. Надобно замѣтить, что чистые аріане были и дѣйствовали только вначалѣ, а потомъ уже только фигурируютъ полуаріане. Такъ что эти послѣдніе составляютъ собою какъ бы церковь, а аномеи лишь секту, которая ко времени втораго Вселенскаго собора почти вовсе исчезаетъ изъ среды церковной [2]).

Около 330 года былъ изгнанъ Евстафій изъ Антіохіи,—поставленъ въ епископа аріанинъ. Вѣрные православной церкви поставленнаго епископа за епископа своего отказались признать; и Евстафія нѣтъ уже на каѳедрѣ Антіохійской, а память о немъ не утратилась въ Антіохійскихъ христіанахъ, такъ что многіе изъ нихъ не только не изгнали Евстафія, но и по смерти его остались преданными ему, ибо Антіохія любила его, какъ „мужа отличавшагося краснорѣчіемъ, цѣломудріемъ и благостію проповѣди“, какъ замѣчаетъ историкъ [3]). Тогдашняя церковь имѣла богословское направленіе: сочиненія епископа Евстафія,—и они были цѣлы во времена 1-го Вселенскаго собора, и дѣянія Вселенскихъ соборовъ [4]) замѣчаютъ, что эти сочиненія на соборѣ, благодаря Александрійствующимъ, не читались. Но эта посмертная любовь къ Евстафію имѣла послѣдствія для церкви неблагопріятныя. Излишекъ во всемъ вреденъ. Нѣкоторые изъ антіохійскихъ православныхъ христіанъ связали свою вѣру съ личностью, какъ бы говоря: нѣтъ Евстафія и православія нѣтъ. И это даже тогда, какъ на каѳедрѣ Антіохійской, освободившейся отъ аріанина, возсѣдалъ уже чисто православный епископъ, блаженный Мелетій, который и словомъ и дѣломъ заявлялъ въ церкви свое православіе. Произошелъ расколъ уже между самими православными, образовались партіи въ церкви Антіохійской: евстафіане и мелетіане. Конечно, всякое явленіе имѣетъ свою причину, хотя бы кажущуюся только законною. Намъ дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Скажемъ кратко, какъ могло у православныхъ образоваться нерасположеніе къ епископу православному же.—Только что сошелъ съ сцены епископъ—арі-

---

[1]) Sosom L. II, cap 19.

[2]) А. П. Лебедевъ, указ. соч., стр 60.

[3]) Sosom. L. II, c. 18

[4]) т. I, стр. 351.

анинъ Евдоксій, аріане—подъ этимъ названіемъ будемъ разумѣть полуаріанъ—остановились на Мелетіѣ, бывшемъ епископѣ Беріи Сирійской и пригласили его стать епископомъ въ Антіохіи. Этотъ „кротчайшій мужъ“, по выраженію Θеодорита—Церковнаго Историка, „всегда соблюдалъ мудрую умѣренность въ спорахъ о вѣрѣ и старался по возможности отъ нихъ уклоняться“. Эту миролюбивую осторожность въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры аріане почли знакомъ тайнаго расположенія къ аріанству и потому надѣялись, что онъ безъ труда согласится явно перейти на ихъ сторону, чѣмъ увлечетъ за собою многихъ изъ православныхъ. Разсчетъ оказался невѣренъ. Этотъ мужъ, кротчайшій изъ людей, съ кротостью сердца и чистотой вѣры соединилъ безбоязненную твердость въ исповѣданіи истины и, когда потребовали того обстоятельства, не замедлилъ открыто предъ многочисленнымъ собраніемъ антіохіянъ показать, что и самъ онъ содержитъ и другихъ убѣждаетъ содержать неизмѣнно Никейское ученіе о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. И вотъ, обманутые и посрамленные, аріане всей душой возненавидѣли Мелетія. Но, съ другой стороны, и православные, доселѣ остававшіеся вѣрными Евстафію, не всѣ признали Мелетія своимъ епископомъ: многіе, имѣя въ виду, что онъ все-таки избранъ и поставленъ аріанами, убоялись имѣть общеніе съ Мелетіемъ и остались вовсе безъ епископа. Такъ произошло раздѣленіе между самими антіохійскими православными: одни признавали епископомъ Мелетія, другіе не признавали; явились такимъ образомъ: евстафіане и мелетіане. У мелетіанъ свое общество и свое общество у евстафіанъ и еще третье общество у аріанъ. Аріане, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, изгнали Мелетія изъ Антіохіи и поставили епископомъ города Евзоя, своего приверженца, а православныя общества управлялись священниками: евстафіане—Павлиномъ, мелетіане—Флавіаномъ, которые впослѣдствіи, почти одновременно, и были епископами въ Антіохіи.

Одно обстоятельство особенно усилило расколъ между православными въ Антіохійской церкви. Епископъ Мелетій былъ заточенъ при Валентѣ. Граціанъ освободилъ его, и изгнанникъ возвратился въ Антіохію, гдѣ епископствовалъ Павлинъ. Мелетіане требовали, чтобы Павлинъ раздѣлилъ съ Мелетіемъ управленіе церковью. Павлинъ отказалъ. Возникли серьезныя недоразумѣнія. Столкновеніе, по настоянію лучшихъ людей въ церкви, кончилось на сей разъ такимъ рѣшеніемъ: когда умретъ кто либо изъ этихъ двухъ архіереевъ, оставшагося въ живыхъ всѣмъ уже признать

епископомъ всей Антіохійской церкви; а чтобы кандидаты архіерейства не смѣли и думать о полученіи этого сана для Антіохіи, пока въ живыхъ Павлинъ или Мелетій, произнесена была клятва, чтобы искателямъ не только не домогаться епископства,—и не принимать его, если бы народъ вздумалъ избрать кого-либо [1]). Оба епископы были старцы и умиротвореніе враждующихъ было очень возможнымъ. Обстоятельства не заставили долго ждать рѣшеніе вопроса. Мелетій вызванъ былъ въ Константинополь на вселенскій соборъ и тамъ скончался. Естественно было ожидать, что останется епископомъ въ Антіохіи одинъ Павлинъ и всѣмъ бѣдамъ конецъ. Но случилось не такъ: сейчасъ избрали и рукоположили въ епископа священника Флавіана,—смятенія въ церкви Антіохійской снова возгорѣлись и притомъ съ большею силою. Къ прежнимъ причинамъ раздора присоединилась новая: нарушеніе клятвы, данной торжественно и съ общаго согласія; смутились даже самые мелетіане, такъ что нѣкоторые ушли отъ Флавіана къ Павлину. Павлинъ скоро умеръ. Казалось бы, теперь всѣ обратятся къ Флавіану,—но нѣтъ. Мелетіане нарушили клятву и евстафіане сочли себя также необязанными сохранять клятву,—избрали себѣ въ въ епископы нѣкоего Евагрія и опять стало двуепископство. И только со смертію этого новобранца—евстафіанина,—а она не замедлила—кончилось двуепископство. Но распря опять таки, хотя ослабѣла, но не исчезла въ Антіохійской церкви. Были православные люди, которые отказались имѣть общеніе съ Флавіаномъ, продолжали называться евстафіанами и долго еще имѣли свои собранія [2]). Вотъ именно въ это-то время епископства Павлина, Флавіана и еще когда въ умахъ всѣхъ царила анаѳема другъ другу въ обоихъ лагеряхъ церкви, и бесѣдовалъ объ этомъ нестроеніи въ церкви и многократно обличалъ съ церковной каѳедры Св. Іоаннъ Златоустъ, пресвитеръ и проповѣдникъ церкви Антіохійской. Напрасно увѣряетъ г. Малышевскій, что только Павлину и павлинистамъ слышалось проклятіе и даже замѣчаетъ: „такъ передаетъ рѣчи ихъ Златоустъ“ [3]). Нѣтъ! изъ бесѣды о проклятіи,—а ее именно имѣлъ въ виду г. Малышевскій,—видно, что партіи не оставались въ долгу одна у другой. „Двѣ стороны возстановлен-

---

[1]) Sosom кн. VII, гл. 3. Сократ кн V, гл. 5.

[2]) Sosom. Ibid гл. 15; Сокр. Ibid гл 15.

[3]) Стр. 102.

ныя одна противъ другой", говоритъ о. Агапитъ,—книги того и другаго указаны много разъ,—„другъ друга проклинали" [1]). И это вѣрно. Читайте бесѣду Златоуста и вы убѣдитесь, что, говоря о Павлинѣ, приверженцы Флавіана говорили: „онъ еретикъ" и прочее; въ свою очередь сторонники Павлина говорили о Флавіанѣ, что онъ еретикъ [2]). Надобно замѣтить, что этотъ расколъ - самое больное мѣсто въ религіозномъ состояніи Антіохійской церкви за время Златоуста, въ особенности, именно въ періодъ его пресвитерства нестроеніе было въ полномъ разгарѣ. Конечно, религіозный энтузіазмъ не можетъ быть продолжительнымъ состояніемъ души. Явилось равнодушіе въ вѣрѣ, холодность къ церкви. „Посмотри, какое у нихъ, производящихъ расколы, неравенство. Тѣ изъ нихъ, которые такъ поступаютъ по отношенію къ церкви,—одни вовсе никогда не приходятъ сюда, или же однажды въ годъ и то безъ порядка и какъ случится; другіе приходятъ чаще, но также безпорядочно, для пустыхъ разговоровъ и разглагольствій ни о чемъ" [3]). „Иные представляются усердными, это—тѣ, которые производятъ такія бѣдствія въ церкви. И такъ, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердіе, то лучше бы вамъ быть въ числѣ нерадивыхъ" [4]). И вотъ религіозное нестроеніе переходитъ въ нестроеніе нравственное и здѣсь находитъ для себя новую почву и свѣжую пищу, волненія народныя и взаимную вражду. Любовь Христова, долженствующая соединять членовъ единаго стада Христова подъ единымъ пастыремъ, была разрушена; на мѣстѣ ея водворилось самолюбіе; заиграли страсти: гордость, зависть. ненависть...

Въ своихъ бесѣдахъ Златоустъ открываетъ своимъ слушателямъ именно эти внутреннія причины распрей въ церкви Антіохійской. Онъ ясно показываетъ, что не только и не столько различіе въ догматахъ, сколько страсти человѣческія служатъ, въ данномъ случаѣ, виною церковнаго раздѣленія, и что люди, поддерживающіе это раздѣленіе, располагаются къ этому настроенію не желаніемъ сохранить въ неповрежденной чистотѣ исповѣданіе вѣры, но любочестіемъ и властолюбіемъ, вообще славою. „Долго ли же будемъ, подобно червямъ, точить корень церкви?" взываетъ Св. Іоаннъ. „Всѣ мы здѣсь, предстоящіе въ храмѣ, именуемся вѣрными, но наша вѣра недѣйственна, потому что угасили мы въ себѣ тепло-

[1]) Стр. 159.
[2]) Бесѣд. на послан. къ Ефес, стр. 197.
[3]) Бесѣд. на послан. къ Ефес., стр. 197.
[4]) Ibid.

ту и тѣло Христово содѣлали мертвымъ. По имени мы братья, а по дѣламъ враги; называемся членами одного тѣла, и раздѣлены между собою, какъ дикіе звѣри [1]). Видишь ли, какой позоръ навлекаемъ на себя, какъ расточаемъ и губимъ паству. Содѣлаемся же наконецъ истинными членами единаго тѣла; отгнавъ отъ себя ненависть и зависть и презрѣвъ людскую славу, облобызаемъ любовь и единомыслiе“ [2]). Св. Златоустъ многократно говоритъ объ этой распрѣ, трогательно изображая печальное состояніе Антіохійской церкви, но всегда съ кротостью и терпимостью относится къ врагамъ.—Самъ Св. Іоаннъ, ученикъ Мелетія, стоялъ на сторонѣ Флавіана, которымъ онъ былъ посвященъ въ пресвитера. Но проникнутый духомъ всепрощающей любви и мудрой снисходительности, Златоустъ руководился безпристрастіемъ къ своимъ и чужимъ и такъ возвысился надъ враждою, раздѣлявшею христіанъ Антіохійскихъ, что ни одно слово вражды не сошло съ его устъ; онъ всѣхъ привлекалъ къ себѣ своей любовью; а онъ искалъ одного, чтобы прекратилось раздѣленіе. Къ нему приходили всѣ: мелетіане и евстафіане и всѣмъ онъ возвѣщалъ слово мира; всѣхъ убѣждалъ любовь имѣть между собою. „Вотъ всѣ мы собрались въ однихъ стѣнахъ“, говоритъ онъ, „въ одной церковной оградѣ, составляемъ одно согласное стадо (въ эту минуту), ни съ кѣмъ не препираемся, управляемся однимъ пастыремъ—Христомъ; всѣ вмѣстѣ вопіемъ; всѣ вмѣстѣ слушаемъ, что говорятъ намъ; возсылаемъ общія молитвы. Но о томъ то и плачу особенно, что при столькихъ побужденіяхъ къ единодушію, возстаемъ другъ на друга“ [3])... „я вижу, что подчиненные одному военачальнику вооружаются другъ противъ друга; возстаютъ другъ на друга, одинъ у другаго грызутъ и терзаютъ члены, другъ надъ другомъ смѣются, издѣваются, наносятъ другъ другу тысячи ранъ; вездѣ осталось одно имя братства“ [4]). „Устыдитесь, устыдитесь сея трапезы, съ которой всѣ пріобщаемся; устыдитесь сея жертвы, на ней предложенной—Христа закланнаго. Будемъ убѣгать зависти, потушимъ злобу, воздадимъ другъ другу взаимною любовію“ [5]). Сіи исполненныя истинно евангельской мудрости увѣщанія Св. Іоанна, скажемъ словами одного изъ біографовъ Златоуста, не могли не произвести силь-

[1]) Бесѣд. на 2-е посл. къ Кор. XXVII.
[2]) Ibid.
[3]) Бесѣд. на посл. къ Римл., стр. 180—187.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

наго дѣйствія на сердца Антіохіянъ. И если не вдругъ прекратилось у нихъ раздѣленіе по слову Златоустаго, то его, конечно, внушеніямъ должно приписать то, что по смерти Евагрія, преемника Павлина, епископомъ Антіохійскимъ остался уже одинъ Флавіанъ и прежніе *раздоры начали уступать мѣсто согласію и единодушію* [1]). Мы съ намѣреніемъ подчеркнули послѣднія слова замѣтки о. В. Лебедева; именно, можно сказать: раздоры начали уступать мѣсто согласію и единодушію, но и только.—Хорошее начало половина дѣла. Необходимо предполагать, что одни изъ павлинистовъ—(или евстафіане), говоритъ г. Малышевскій, тронутые словами Златоуста, сами отказались отъ своей особности и подчинились власти одного епископа—Флавіана, другіе принуждены были къ тому же убѣжденіями слушателей Златоуста [2]). Упраздненіе двуепископства въ Антіохіи несомнѣнно могло служить поводомъ къ прекращенію раскола между православными членами одной и той же церкви. Но чтобы видѣть, какъ это было на дѣлѣ, мы обратимся опять къ твореніямъ Златоуста.

Смерть Евагрія и препятствія, несомнѣнно поставленныя Флавіаномъ для замѣщенія свободной каѳедры, не оставили въ покоѣ евстафіанъ, представителемъ которыхъ былъ Павлинъ и его преемникъ. И мы въ твореніяхъ Златоуста можемъ видѣть, какъ сильны были въ евстафіанахъ корыстолюбіе и любоначаліе. Св. Іоаннъ, объясняя слова Св. Апостола Павла къ Ефесеямъ: *„едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего“* и проч. (IV, 4—7), сказалъ обширную бесѣду о необходимости любви между христіанами, и вся бесѣда, замѣчательно, представляетъ одно цѣлое, гдѣ каждое слово направлено къ обличенію, къ вразумленію, къ поученію, къ водворенію мира. Мы возьмемъ нѣкоторыя мѣста, „проливающія свѣтъ“ на состояніе церкви именно въ это время пресвитерства Златоуста и указывающія особенныя черты въ печальномъ фактѣ этого раскола.—„Апостолъ Павелъ требуетъ отъ насъ такой любви“, начинаетъ свое слово проповѣдникъ, „которая связывала бы насъ между собою, дѣлая неразлучными другъ отъ друга, и такого совершеннаго объединенія, какъ бы мы были члены одного тѣла. Словами: *„едино тѣло“* онъ требуетъ, чтобы мы сострадали другъ другу, не желали благъ ближняго своего и участвовали въ радостяхъ одинъ другаго. Потому весьма

[1]) Твор. Св. Отц. т. XV, стр. 79.

[2]) Стр. 122.

кстати прибавилъ: *и единъ духъ*, научая, чтобы при *единомъ тѣлѣ* было у насъ и единодушіе, такъ какъ можетъ быть едино тѣло, но не одинъ духъ: когда, напр., кто нибудь будетъ другомъ еретиковъ, или словами: *единъ духъ*, онъ хотѣлъ побудить насъ къ взаимному согласію, какъ бы такъ говоря: такъ какъ вы получили единаго духа и пили отъ одного источника, то между вами не должно быть раздѣловъ" (стр. 178 и 179). Потомъ проповѣдникъ указываетъ виновниковъ и гибельныя послѣдствія нарушенія единенія церковнаго для всего общества христіанъ и для каждаго члена въ отдѣльности. Мы приведемъ нѣсколько словъ Св. Іоанна Златоуста и окончимъ нашу рѣчь объ Антіохійскомъ расколѣ. „Любовь соединяетъ, созидаетъ, сближаетъ и сопрягаетъ насъ между собою... Если же намъ еще поручено созидать и другихъ и мы не созидаемъ, но сами первые производимъ раздѣленія, то что мы должны потерпѣть за это? Ничто не можетъ производить столько раздѣленій въ церкви, какъ любоначаліе. Сказанное мною относится не къ начальствующимъ только, но и къ подчиненнымъ [1]). Вредъ отъ раздѣленій не меньше того, какой причиняютъ церкви враги, а гораздо больше [2]). Раздѣленія роняютъ церковь въ глазахъ ея враговъ, когда противъ нея ведутъ брань ея собственныя дѣти. Все это имѣлъ я сказать противъ тѣхъ, которые безъ разбора пристаютъ къ людямъ, отдѣляющимся отъ церкви. Что говоришь ты: у нихъ таже самая вѣра и они также православны?—говоритъ проповѣдникъ, представляя возраженія раскольниковъ; скажи мнѣ,—отвѣчаетъ онъ имъ,—ужели вы считаете достойнымъ то, что ихъ называютъ православными, тогда какъ у нихъ оскудѣла благодать рукоположенія [3]). Какъ перенесемъ мы насмѣшки язычниковъ? Если они укоряютъ насъ за ереси, то чего не говорятъ они по поводу расколовъ? Если, говорятъ, одни у нихъ догматы, одни таинства, то ради чего у нихъ одинъ предстоятель церкви нападаетъ на другую церковь? Смотрите, говорятъ, у христіанъ все достойно порицанія. У нихъ и любоначаліе, у нихъ и обманъ [4]). Но вотъ еще достойное посмѣянія и служащее къ нашему стыду. Если у насъ кто-нибудь будетъ обличенъ въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ и на него захотятъ наложить какую нибудь эпитимію, то всѣ весьма

---

[1]) Стр. 191.
[2]) Стр. 192.
[3]) Ibid., стр. 192.
[4]) Ibid., стр. 193.

безпокоятся и боятся, какъ бы, говорятъ, онъ не отдѣлился отъ насъ и не присталъ къ другимъ [1]). И такъ я говорю и свидѣтельствую, что производить раздѣленія въ церкви не меньше зло, какъ и впадать въ ереси [2]).—Скажи мнѣ, если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя къ другому царю и не передаваясь во власть другаго, взялъ въ свои руки порфиру царя и, спустивши ее всю отъ пряжки, разорвалъ на нѣсколько частей, меньше ли бы онъ былъ наказанъ, чѣмъ тотъ, кто передался бы другому царю? Но что если бы послѣ этого онъ, схвативъ за горло своего царя, закололъ его и разрубилъ на части его тѣло, какому бы наказанію должно подвергнуть его, чтобы наказать достойно? Если же тотъ, кто такъ поступитъ съ царемъ, совершитъ преступленіе, какому бы наказанію должно подвергнуть его, чтобы наказать достойно? Если же тотъ, кто такъ поступитъ съ царемъ, совершитъ преступленіе, превосходящее всякое наказаніе, то какой геенны заслуживаетъ тотъ, кто закалаетъ Христа и разсѣкаетъ Его на члены? Разскажите же вы, жены, какія находитесь здѣсь, разскажите этотъ примѣръ всѣмъ: такъ какъ этотъ порокъ большею частію замѣчается въ женщинахъ,—и возбудите въ нихъ страхъ“ [3]).

„Церковь есть отеческій домъ: едино у ней тѣло, единъ духъ“ [4]). „Скажите, чего вы хотите; укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду отвѣчать вамъ. Но вы не говорите ничего. Посему я прошу васъ и самихъ твердо оставаться здѣсь и отложившихся привести, чтобы намъ воспослать единодушную благодарность Богу, которому слава во вѣки. Аминь“ [5]).

ГЛАВА V-я.

Ереси въ Антіохійской церкви.

Восхваляя заслуги Св. Священномученика Игнатія, Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „представимъ то время, въ которое онъ получилъ власть епископства. Ибо не все равно управлять церковью тогда и теперь. Нынѣ, по благодати Божіей, нѣтъ никакой опасности епископамъ, но вездѣ глубокій миръ и всѣ мы наслаждаемся

[1]) Ibid., стр. 194.
[2]) Ibid., стр. 195.
[3]) Ibid., стр. 195.
[4]) Ibid., стр. 196.
[5]) Ibid., стр. 198.

спокойствіемъ, такъ какъ ученіе благочестія распространилось до концевъ вселенной и цари вмѣстѣ съ нами тщательно блюдутъ вѣру. Но тогда ничего такого не было; напротивъ... вездѣ были... войны, сраженія, опасности, и начальники, и цари, и народы, и города, и племена, и свои, и чужіе были враждебны вѣрующимъ“ [1]). Какой это былъ миръ, какое спокойствіе, коими наслаждалась церковь въ то время, Св. Златоустъ выясняетъ въ похвальномъ словѣ Св. Евстафію, архіепископу Антіохійскому. „Такъ еще недавно прекратилась языческая война и всѣ церкви лишь только отдохнули отъ жестокихъ и непрерывныхъ гоненій и еще немного прошло времени, какъ затворены всѣ храмы идольскіе, разрушены жертвенники и сокрушено все бѣсовское неистовство“ [2]). И здѣсь тотчасъ авторъ указываетъ иную войну, нарушавшую миръ церкви. „Все это—ослабленіе язычества“, продолжаетъ проповѣдникъ, „огорчало злаго бѣса и онъ не могъ спокойно переносить миръ церкви,—то что онъ дѣлаетъ? Онъ производитъ другую жестокую войну. Та была внѣшняя, а эта внутренняя; а въ такой войнѣ гораздо труднѣе сберечь себя и легко погибнуть подвергающимся ей [3]). Въ такое время этотъ блаженный Евстафій управлялъ нашею церковію. Болѣзнь эта, какъ нѣкая сильная зараза, поднялась изъ странъ Египта; прошедши между лежащіе города, скоро вторглась и въ нашъ городъ“ [4]). Мы уже знаемъ, что это за болѣзнь и почему скоро она вторглась въ Антіохію и какія условія благопріятствовали быстрому развитію здѣсь этой заразы и упрочивали ея долгое существованіе. Послѣднее обстоятельство: что упрочивало *существованіе аріанства* въ Антіохіи,—ибо ясно, что о немъ идетъ рѣчь у Св Златоуста въ похвальномъ словѣ Евстафію,—мы еще разъ замѣтимъ. Извѣстно, что Антіохійская школа покоилась на принципахъ философіи Аристотелевой, требовавшей строго раціональныхъ представленій, разграниченія высшихъ и низшихъ понятій [5]), и „умъ аріанъ былъ упражняемъ въ особенности категоріями Аристотеля, которыми они и пользовались въ своихъ богословскихъ сужденіяхъ“ [6]). Здѣсь узелъ, тѣсно связующій аріанство съ Антіохіей и причина, почему скоро эта болѣзнь пришла въ этотъ городъ, и первое условіе, почему упрочилась тутъ. Здѣсь

[1]) Слов. и бесѣд на разн. случ. т. I, стр 334
[2]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стр. 64.
[3] и [4]) Ibid, стр 65.
[5]) А. П. Лебедевъ, ц. с. стр. 60.
[6]) Sosom. IV, стр. 12.

эта болѣзнь распространилась быстро и сильно дѣйствуетъ, какъ повальная болѣзнь, и не только здѣсь, въ одномъ городѣ Антіохіи, а во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жило антіохійское направленіе умовъ. Эта зараза коснулась всего востока: Сиріи, Азіи, Понта и Фракіи; прошла по всѣмъ слоямъ общества, начиная съ представителей церкви, низшихъ пастырей, клира, царей и народа, такъ что исторія встрѣчаетъ только отдѣльныхъ личностей, ревностно защищавшихъ потомъ Никейскую вѣру и посвятившихъ жизнь свою на борьбу съ аріанствомъ, каковы, напр., были славные Каппадокійцы: Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій [1]). Аріанство—было сила. Защитникъ православія въ Антіохіи—архіепископъ Евстафій былъ изгнанъ и умеръ на чужбинѣ [2]). Если въ Александріи при извѣстномъ настроеніи умовъ [3]) ученіе Арія нашло все-таки себѣ сочувствіе, то чего можно было ожидать для этого заблужденія въ Антіохіи? Между прочимъ: Александрія и Антіохія—два противоположные полюса. Святый Григорій Богословъ, изображая взаимныя отношенія епископовъ александрійствующихъ и антіохійствующихъ (выраженіе А. П. Лебедева) [4]) на II-мъ вселенскомъ соборѣ, представляетъ картину характернаго свойства: „тѣ и другіе сошлись между собою, какъ вепри, остря другъ на друга свирѣпые зубы и искошая огненныя очи [5]).

Но не одна эта болѣзнь, не одно заблужденіе аріанское было зломъ, съ которымъ надобно было бороться въ послѣдніе десятки лѣтъ IV столѣтія въ Антіохіи. Св. Іоаннъ Златоустъ въ похвальномъ словѣ Св. Священномученику Игнатію говорилъ о мирѣ для церкви,—и не скрывалъ, что и „теперь“—во времена Златоуста, „управленіе церковью представляетъ много заботъ и трудовъ предстоятелямъ ея“. Расколъ въ церкви Антіохійской представляетъ собой, такъ сказать, религіозное состояніе самаго православнаго общества въ Антіохіи. Но это общество жило не особнякомъ, изолированнымъ отъ всякихъ другихъ вліяній. Среди 200.000 народонаселенія въ Антіохіи было много во-первыхъ заблудшихъ религіозно чадъ церкви Христовой, было много язычниковъ и іудеевъ. И все это были враги православной церкви Христовой, желавшіе дѣятельно вредить цѣлости церкви Христовой. И это было такъ

[1]) «Всел. соб.» А. П. Лебедева, стр. 39.
[2]) Похвальн. слово ему Златоуста
[3]) Твор. Св. Аоанасія Велик. т. III, стр. 315.
[4]) «Всел. соб.», стр. 139.
[5]) Т. VI, стр. 62.

возможно и удобно. Всѣ они: еретики, язычники и іудеи жили не около, а среди православныхъ, между ними и могли своими вѣрованіями, воззрѣніями, убѣжденіями вліять на православное народонаселеніе Антіохіи, привнося въ общество православныхъ христіанъ свои взгляды на ученіе св. вѣры. Пастырю церкви Антіохійской нужно было прежде всего утверждать свое православное стадо въ основныхъ истинахъ вѣры, потомъ надобно было бороться съ врагами св. церкви. Св. Іоаннъ, урожденецъ Антіохіи, получившій воспитаніе и окончательное образованіе въ Антіохіи, хорошо зналъ все значеніе отношеній къ православной церкви Антіохійской и стремленіе вліять на ея чадъ со стороны всевозможныхъ ересей, язычества и іудейства. Въ ряду его твореній, среди его церковныхъ бесѣдъ, есть сочиненія и исключительно направленныя для борьбы съ ересями, съ язычниками и іудеями, и потомъ, и въ особенности, въ общихъ нравственнаго и догматическаго характера или содержанія бесѣдахъ много указаній на эту борьбу. И эти спеціальныя сочиненія противъ ересей, язычества и іудейства Св. Іоанна Златоуста, и эти указанія на борьбу съ этими врагами въ его сочиненіяхъ вообще, а въ церковныхъ бесѣдахъ въ особенности, служатъ для насъ источникомъ, въ свою очередь, для изслѣдованія религіознаго состоянія Антіохійской церкви за время Златоуста. И если бы мы оставили безъ вниманія эту сторону общаго религіознаго состоянія всей Антіохіи, нашъ обзоръ религіознаго состоянія православной Антіохійской церкви, по нашему убѣжденію, представился бы не только неполнымъ, а даже невѣрнымъ, что было бы для насъ весьма прискорбно, ибо мы желаемъ и стремимся представить нравственно-религіозное состояніе Антіохійской церкви въ его истинномъ свѣтѣ. Итакъ, намъ предстоитъ изслѣдовать отношеніе 1) еретиковъ, 2) язычниковъ и 3) іудеевъ къ православнымъ чадамъ церкви Антіохійской.

Ереси.

Но прежде чѣмъ мы возьмемъ въ руки нашъ источникъ для знакомства съ первымъ врагомъ церкви Антіохійской, скажемъ нѣсколько словъ о томъ: что представляли собой ереси за время жизни и пастырской дѣятельности Св. Іоанна Златоуста въ церкви вообще и Антіохіи—въ частности. Это намъ необходимо показать, чтобы возможно вѣрно опредѣлить: съ кѣмъ сражаться приходилось Св. Іоанну Златоусту, чтобы видѣть, насколько опасно было зло

для церкви, нужна ли была война, или только надобно было искоренять остатки враждебныхъ вліяній прежде бывшаго нападенія— все это можетъ выяснить намъ истинное религіозное состояніе Антіохійской церкви. Возьмемъ періодъ времени нѣсколько ранній въ томъ же IV вѣкѣ. „Съ чѣмъ сравнить настоящее состояніе?“ спрашиваетъ Св. Василій Великій и даетъ слѣдующее безпристрастное, изображеніе состоянія церкви въ эпоху аріанства его времени: „безъ сомнѣнія, оно подобно морской битвѣ, въ которую мужи браннолюбивые и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ раздраженіемъ другъ противъ друга. Какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей! Предположи, если угодно, что корабли порываются сильной бурей, что мгла покрываетъ все туманомъ, что невозможно различить ни враговъ, ни друзей“ [1]). „И теперешнее обуреваніе церквей не сильнѣе ли всякаго морскаго волненія? Другъ на друга нападая, другъ другомъ низлагаемся. Кого не ниспровергъ противникъ, того уязвляетъ защитникъ. Если врагъ низложенъ и палъ, то нападаетъ на тебя твой соратникъ. Какъ скоро врагъ прошелъ мимо, другъ въ другѣ уже видятъ враговъ“ [2]). „Эпоха представляла картину удивительнаго религіозно-умственнаго броженія. Всѣ спорили, всѣ говорили, всѣ съ жаромъ стояли, кто за то, кто за другое, но мало прислушивались другъ къ другу. Всѣ волновались. Не доставало спокойнаго обсужденія дѣла; умышленно или неумышленно не понимали другъ друга“ [3]). A propos: здѣсь мы будемъ немного въ роли копіиста трудовъ нашего досточтимаго профессора, но не считаемъ себя вправѣ измышлять иную форму изложенія фактовъ для выясненія даннаго положенія вещей. Ибо намъ представляется: очень уже вѣрно очерчена эпоха аріанства, предшествующая времени пастырской дѣятельности Златоуста въ Антіохіи и что для насъ такъ необходимо по намѣченнымъ цѣлямъ. Мы крѣпко увѣрены въ совершенной исторической справедливости показаній автора—нашего церковнаго историка.

Слова Святителя Василія Великаго ясно относятся прежде всего къ взаимному отношенію аріанъ къ православнымъ и православныхъ къ аріанамъ; а потомъ указываютъ взаимоотношенія православныхъ между собою. „Представляя себѣ двѣ партіи въ исторіи церкви IV вѣка—аріанскую и противоаріанскую или право-

[1]) Твор. его, т. III, стр. 350.

[2]) Ibid., стр. 351—352.

[3]) «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 104.

славную, антіохійствующую и александрійствующую", говоритъ авторъ „Вселенскихъ соборовъ IV и V в.в.", „мы должны быть далеки отъ мысли, что это были двѣ партіи, строго разграниченныя во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ средостѣніемъ ограды. Вся церковь за исключеніемъ великихъ мужей въ обществѣ православныхъ и главъ аріанства—все представляло подвижной текучій элементъ. Партіи сближались, разъединялись, опять образовывались новыя. Все представляло какой-то бурно-стремящійся потокъ. Взгляды партій на своихъ друзей и недруговъ были неустойчивы. Кто считался другомъ, своимъ для однихъ въ извѣстной партіи, тотъ же считался недругомъ, волкомъ у другихъ въ той же партіи" [1]). Въ иллюстраціи примѣровъ, приведенныхъ нашимъ досточтимымъ историкомъ А. П. Лебедевымъ—мы возьмемъ только имѣющіе отношеніе къ церкви Антіохійской и ближайшіе къ періоду времени Св. Златоуста. „Неодинаково смотрѣли въ церкви на знаменитаго Мелетія, епископа Антіохійскаго. Василій Великій всю жизнь остается въ самыхъ дружественныхъ связяхъ съ Мелетіемъ, ведетъ съ нимъ дружественную переписку и восхваляетъ его. При одномъ случаѣ онъ писалъ Мелетію: „все здѣшнее исполнено болѣзней и мнѣ одно прибѣжище отъ золъ, –мысль о твоей святости. Если, по молитвамъ твоимъ, пока я еще на землѣ, удостоюсь личнаго свиданія съ тобою и сподоблюсь внимать полезнымъ урокамъ сего живаго гласа или принять напутствіе для настоящаго и будущаго вѣка, то признаю сіе величайшимъ изъ благъ и почту для себя началомъ Божія къ себѣ благоволенія" [2]). Но однакожъ, тотъ же Мелетій остается внѣ церковнаго общенія съ Св. Аѳанасіемъ [3]). Въ церкви Римской и Александрійской Мелетій считался прямо еретикомъ, послѣдователемъ Арія [4]), и Св. Аѳанасій поддерживалъ самыя тѣсныя сношенія съ Павлиномъ, епископомъ Антіохійскимъ, и всѣхъ сторонниковъ Павлина называлъ своми возлюбленными [5]). Не такъ смотрѣли на Павлина другіе представители православія. Василій Великій чуждался Павлина; онъ укоризненно отзывался о немъ за его склонность къ ученію Маркелла и за то, что послѣдователей этого еретика онъ прини-

---

[1]) Ibid., стр. 100.
[2]) Письма къ Мелетію, твор. VI т., стр. 153.
[3]) Твор Св Васил Велик., т. VI, стр. 209.
[4]) Васил. Велик., т. VII, стр. 260—261.
[5]) Св. Аѳан. Велик., т. III, стр. 190.

маетъ въ общеніе [1]). Діодоръ, пресвитеръ Антіохійскій лично упрекаетъ Павлина за то, что онъ отвергалъ троичность Ипостасей [2]). Все въ церкви было въ какомъ то безпримѣрномъ движеніи. Все дѣло сводилось къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, взаимному недовѣрію [3]). Нужно было водвориться относительной тишинѣ, поулечься увлеченіямъ, и миръ церкви могъ наступить быстро, разумѣется, въ средѣ колеблющихся, увлекающихся. Такъ дѣйствительно и было [4]). Время, срокъ было лучшимъ средствомъ для уврачеванія ранъ. Это и видимъ въ исторіи. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ о трудахъ Св. Евстафія, епископа Антіохійскаго, противъ вліянія новорожденной ереси аріевой и о его попеченіи о своей паствѣ и о всей церкви Христовой. „Онъ, бодрствуя, и наблюдая, и предвидя издалека все, имѣвшее случиться, отклонялъ угрожавшую войну и какъ мудрый врачъ, прежде нежели болѣзнь вторглась въ городъ, приготовлялъ врачество и управлялъ этимъ святымъ кораблемъ съ великою предусмотрительностью, посѣщая всѣ мѣста, воодушевляя корабельщиковъ, мореходцевъ, и возбуждая ихъ къ вниманію и бодрствованію, такъ какъ морскіе разбойники нападали и покушались овладѣть сокровищемъ вѣры. И не только здѣсь оказывалъ онъ такое попеченіе, но и во всѣ мѣста посылалъ людей, которые бы учили, убѣждали, совѣтовали, заграждали доступъ противникамъ. Онъ былъ хорошо наученъ благодатію Духа, что предстоятель церкви долженъ заботиться не о той одной церкви, которая ввѣрена ему Духомъ, но и о всей церкви по вселенной“ [5]). Проповѣдникъ наглядно изображаетъ подробности душпастырства блаженнаго архіепископа Евстафія. „Онъ не только заграждалъ уста врагамъ, опровергалъ богохульныя рѣчи, но обходилъ и самыхъ овецъ и узнавалъ, не уязвленъ ли кто стрѣлою, не получилъ ли тяжелой раны,—и тотчасъ прилагалъ врачество. Дѣлая это, онъ во всѣхъ вложилъ закваску истинной вѣры, и не прежде отошелъ, какъ когда уже, по устроенію Божію, блаженный Мелетій пришелъ принять всю эту закваску; тотъ посѣялъ, а этотъ пришедши пожалъ“ [6]). Похвальное слово Св. Златоуста Мелетію, архіепископу Антіохійскому изображаетъ, какъ этотъ ревнитель православія подготовлялъ

---

[1]) Твор. Василія Велик., т. VII, стр. 250.

[2]) Θеодоритъ, V, стр. 3.

[3]) «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 105.

[4]) Ibid., стр. 104.

[5]) Слова и бесѣды на разн. случ. т. I, стр. 65.

[6]) Ibid., стр. 71.

торжество православія въ паствѣ своей. Все это было во время еще сильнаго господства аріанства въ Антіохіи. „Какъ только онъ вступилъ въ городъ, тотчасъ былъ изгнанъ изъ него врагами истины, которые преслѣдовали его. Но Богъ попустилъ это, желая показать и его добродѣтели и вмѣстѣ ваше мужество. Такъ какъ онъ, пришедши сюда, сталъ избавлять городъ отъ еретическаго заблужденія и, отсѣкая гнилые и неисцѣльно больные члены отъ тѣла, возвращать цѣлой церкви совершенное здоровье; то враги истины, не вынося такого исцѣленія и склонивъ тогда царя, изгнали Мелетія изъ города, надѣясь такимъ образомъ восторжествовать надъ истиною и воспрепятствовать исправленію прежде бывшаго. Но случилось противное тому, чего они ожидали, и еще болѣе обнаружилась ваша ревность и еще яснѣе просіяла мудрость учителя: его мудрость тѣмъ, что въ теченіи неполныхъ тридцати дней онъ успѣлъ такъ утвердить въ васъ ревность по вѣрѣ, что, несмотря на безчисленные вѣтры, нападавшіе впослѣдствіи, ученіе его осталось въ васъ непоколебимымъ; а ваша ревность обнаружилась тѣмъ, что вы съ такимъ тщаніемъ приняли сѣмена, посѣянныя имъ въ теченіи неполныхъ тридцати дней, что они пустили корни въ глубину вашей души и уже не были исторгнуты никакими случившимися искушеніями“ [1]). И благія начинанія не остались безъ успѣха,—доброе сѣмя принесло свой плодъ. Аріанству нанесенъ былъ ударъ сильный, настала пора аріанству усмиряться; пришло время, и миръ въ церкви сталъ водворяться [2]). Ослабленіе значенія аріанства наглядно показывалось уже въ судьбѣ самого Мелетія. Св. Евстафій, первый защитникъ прявославія въ церкви вообще и въ Антіохіи въ особенности, былъ изгнанъ изъ своего каѳедральнаго города,—и безвозвратно. Мелетій въ тридцать дней показалъ себя, какъ добрый пастырь Христова стада,—обнаруживъ тактику своихъ отношеній къ ереси—и тотчасъ изгнанъ; но на сей разъ истина уже восторжествовала надъ заблужденіемъ: „возвратившись изъ перваго изгнанія“, скажемъ словами Златоуста, „онъ пробылъ здѣсь не тридцать только дней, но цѣлые мѣсяцы, и годъ одинъ, и два и больше“ [3]) и цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ (358—376) [4]). „Такъ какъ вы представили достаточное дока-

---

[1]) Ibid., стр. 50—51.
[2]) «Всел. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 105.
[3]) Ibid., стр. 52.
[4]) Фарраръ, стр. 899.

зательство своей твердости въ вѣрѣ, то Богъ и далъ вамъ снова безбоязненно наслаждаться лицезрѣніемъ отца“ [1]). Въ послѣдніе годы святительства Мелетія аріанство еще держалось въ Антіохіи, но уже сила его истощалась. Въ 379 году вступилъ на римскій престолъ православный, благочестивѣйшій государь—Ѳеодосій 1-й [2]), и почва подъ ногами аріанъ стала еще менѣе твердою. Съ своей стороны Св. Златоустъ, говоря о Мелетіѣ, указываетъ въ жизни его еще одно обстоятельство, послужившее орудіемъ окончательнаго разрушенія самостоятельности аріанства въ Антіохійской церкви и частію вообще на востокѣ. „Его—Мелетія—вызвала царская грамота, по устроенію Бога, подвигшаго къ этому царя, вызвала его не въ близкое и сосѣднее мѣсто, а въ самую Ѳракію, чтобы и Галаты, и Виѳиняне, и Киликійцы, и Каппадокійцы, всѣ жители Ѳракіи узнали наше сокровище, чтобы епископы всей земли, взирая на святость его, какъ на первоначальный образецъ и снимая съ него очевидный примѣръ служенія въ этомъ достоинствѣ, пріобрѣли вѣрное и яснѣйшее правило, по которому должно устроять церкви и управлять ими. Тогда многіе изъ многихъ мѣстъ вселенной стеклись туда, какъ по великолѣпію города, такъ по причинѣ пребыванія въ немъ царя; епископы же церквей въ то время, какъ церкви начали наслаждаться миромъ и тишиною послѣ продолжительной борьбы и бури, всѣ были созваны туда царскими грамотами. Поэтому тогда прибылъ туда и Святой Мелетій“ [3]). Рѣчь идетъ о II вселенскомъ соборѣ.

Могъ ли имѣть такое значеніе въ соборномъ собраніи отцевъ церкви Мелетій, епископъ Антіохійскій, какое придаетъ ему Св. Златоустъ? Отвѣчаемъ: могъ и долженъ былъ имѣть. Вопросъ здѣсь главнымъ образомъ, конечно, не о личныхъ достоинствахъ святителя, потому что въ этомъ случаѣ мало быть человѣкомъ высокихъ нравственныхъ качествъ, а о томъ значеніи, какое онъ могъ имѣть въ отношеніи къ главной цѣли II-го вселенскаго собора. А для сего достаточно вспомнить: 1) что самая мысль составленія символа Константинопольскаго могла принадлежать только представителямъ Антіохійскаго направленія [4]), ибо Аѳанасій Великій—представитель Александрійскаго направленія—признавалъ неизмѣняемость и досточтимость Никейскаго символа [5]). 2) Соборъ

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., стр. 899.

[3]) Слова и бесѣды на разн. случ. т. I, стр. 54.

[4]) Твор. его т. III, стр. 315.

[5]) «Вселен. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 119.

Константинопольскій вселенскій въ своей дѣятельности опирался болѣе всего на соборъ Антіохійскій 378 года [1]). Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія [2]) о дѣятельности этого собора и не можемъ фактически подробно доказать этого вліянія собора 378 г. на вселенскій II-й соборъ; но отзывъ отцевъ Константинопольскаго собора 382 г. придаетъ первому авторитетъ, приравнивающій его къ соборамъ вселенскимъ [3]).—Несомнѣнно, что Мелетій безспорно занималъ первенствующее положеніе и имѣлъ таковое же значеніе на II-мъ вселенскомъ соборѣ. Объ этомъ прямо и ясно свидѣтельствуетъ Григорій Богословъ [4]). Извѣстно, что Мелетій въ церквахъ сирскихъ и малоазіатскихъ пользовался извѣстностью, уваженіемъ и популярностью. По словамъ Василія Великаго, весь востокъ признавалъ Мелетія истиннымъ епископомъ Антіохійскимъ и всѣ почитали его, какъ человѣка „неукоризненнаго въ вѣрѣ и по жизни не имѣющаго никакого сравненія съ другими“ [5]). Замѣтимъ кстати: вотъ, между прочимъ, доказательство, что похвальное слово Мелетію, сказанное Св. Златоустомъ, не есть панегирикъ, пристрастное восхваленіе благодѣтеля, незаслуживающее историческаго довѣрія. Дружественное отношеніе Св. Василія къ Мелетію было такъ благопріятно для послѣдняго, что онъ былъ поставленъ на высокій престолъ Антіохійской церкви аріанами [6]), которые имѣли основаніе, по свидѣтельству Св. Аѳанасія [7]), считать его своимъ единомышленникомъ и поэтому надѣялись найти въ немъ опору себѣ [8]). Онъ не оправдалъ ихъ надеждъ [9]), но подозрѣніе въ нечистотѣ его вѣрованій могло быть косвенно [10]). Мелетію ставили въ вину слишкомъ раздѣльное представленіе о трехъ ипостасяхъ Божества [11]). Словомъ, Мелетій въ своемъ догматическомъ развитіи проходитъ школу, какую проходили многіе изъ тогдашнихъ аріанъ: началъ съ рѣшительнаго арі-

---

[1]) Ibid., стр. 120.
[2]) Ibid.
[3]) Ѳеодоритъ, т. V, стр. 9.
[4]) Творен. его, т. VI, стр, 52.
[5]) Ibid., стр. 170.
[6]) Sosom. IV, c. 28.
[7]) т. III, стр. 192; т. VI, стр. 52.
[8]) Sosom. IV. 28.
[9]) Ѳеодоритъ II. 28.
[10]) Сокр. III. 25. Sosom. VI. 4.
[11]) Горскій. Жизнь Аѳанас. стр. 150.

анства и кончилъ несомнѣннымъ православіемъ [1]).—Но вопросъ: почему намъ все это надобно говорить о Мелетіѣ? что тутъ и какъ можетъ быть интереснымъ и относящимся къ общей спеціальной цѣли, въ частности, къ изслѣдованію послѣдняго нашего вопроса?—Отвѣчаемъ: потому мы считаемъ необходимымъ сдѣлать наше замѣчаніе о ходѣ догматическаго развитія Мелетія, что намъ могутъ возразить: да могъ ли имѣть Мелетій не только первенствующее значеніе, а даже хоть какое-нибудь—на вселенскомъ соборѣ, когда на немъ должно было тяготѣть обвиненіе въ неправославіи, какъ мы видѣли выше въ свидѣтельствѣ Аѳанасія? А это возраженіе, будь оно основательно, можетъ навести на сомнѣніе о преобладающемъ значеніи вліянія аріанскаго направленія на II-мъ вселенскомъ соборѣ. Это же обстоятельство, если бы сомнѣніе могло стать увѣренностію, имѣетъ уже прямое отношеніе къ нашей цѣли, какъ увидимъ ниже. Для насъ очень важно убѣжденіе, что соборъ Константинопольскій—разумѣемъ II-й вселенскій—былъ выраженіемъ направленія Антіохійскаго [2]). Мысль эта новая. Она первый разъ высказана профессоромъ Моск. Дух. Академіи А. П. Лебедевымъ въ его знаменитой книгѣ: „Вселенскіе Соборы IV и V вв.“. Здѣсь высокочтимый авторъ разсматриваетъ факты, составляющіе въ дѣятельности соборной подтвержденіе ему собственно принадлежащей мысли, какъ говоритъ онъ: мы надѣемся найти въ нихъ болѣе или менѣе ясное подтвержденіе нашей основной мысли (вышесказанной). Тѣмъ охотнѣе беремся за эту задачу, заявляетъ Алексѣй Петровичъ, что съ подобной точки зрѣнія еще никѣмъ не былъ обозрѣнъ ходъ дѣлъ на Константинопольскомъ соборѣ [3]). Въ этомъ капитальномъ трудѣ мы находимъ точку опоры для нашего изслѣдованія и убѣжденіе въ истинности воззрѣній [4]). Всѣ двадцать четыре золотыя страницы даютъ ясное и неопровержимое подтвержденіе вліянія Антіохійскаго направленія на II-мъ вселенскомъ соборѣ и мы цѣликомъ цитуемъ эти страницы, какъ основу доказательства правильности нашего воззрѣнія. Мы для нашей цѣли еще нѣсколько остановимся на вѣроучительной дѣятельности II-го вселенскаго собора. Возьмемъ сущность догматическихъ опредѣленій этого собора, поскольку они выразились въ

---

[1]) «Всел. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 126.

[2]) «Вселен. собор.» стр. 122.

[3]) «Вселен. собор.» стр. 122.

[4]) Ibid., стр. 122—145.

символѣ этого собора. Символъ этотъ, говоритъ А. П. Лебедевъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ,—важенъ въ троякомъ отношеніи: во 1-хъ, утвержденіемъ и раскрытіемъ ученія о Божествѣ втораго лица Св. Троицы, Сына Божія; во 2-хъ, формулированіемъ ученія о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ; въ 3-хъ, раскрытіемъ догмата о Духѣ Св., третьей Ипостаси Св. Троицы [1]). Это вселенское исповѣданіе вѣры полагало конецъ аріанству, что въ немъ, его адептахъ неосновательнаго. Въ лучшихъ, добросовѣстныхъ сторонникахъ аріанства были присущими: неудержимая жажда истины, полная готовность искать истину, стремленіе возможно полнѣе выразумѣть истины вѣры, съ дерзновеніемъ и усиліемъ передать въ словѣ то, что ускользало отъ всякаго разумѣнія; желаніе, чтобы словесныя формулы, будь онѣ самыя возвышенныя, въ которыхъ выражается вѣра,—говорили бы не слуху только, но и сердцу и разуму человѣческому. Здѣсь въ символѣ вѣры втораго вселенскаго собора—Константинопольскаго—все это благородное настроеніе,—мы говоримъ о лучшей сторонѣ въ аріанствѣ,—нашло себѣ полное удовлетвореніе. Это заключеніе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. 1) Возьмемъ всю систему аріанизма въ его главныхъ и крайнихъ положеніяхъ. Извѣстно, что сущность аріанства состоитъ въ томъ, чтобы отличить, выдѣлить Ипостась Сына отъ Ипостаси Отца. 2) Аріанствующихъ богослововъ въ IV в. волновали вопросы о лицѣ Богочеловѣка, о воплощеніи Христа, о совершеніи Имъ дѣла искупленія [2]). 3) Во второмъ антіохійскомъ символѣ, предъявленномъ аріанствующими, встрѣчаемъ отчетливое ученіе о Духѣ [3]). Составители символа настаиваютъ на мысли, что Ипостась Духа не слѣдуетъ смѣшивать съ другими Ипостасями [4]). Постараемся уяснить себѣ содержаніе символа Константинопольскаго, чтобы видѣть, насколько онъ могъ удовлетворять пытливые умы аріанствующихъ изслѣдователей высочайшихъ тайнъ христіанской религіи.

Въ изложеніи догмата о рожденіи Сына Божія отъ Отца въ этомъ символѣ взята та же формула, какая есть и въ символѣ Никейскомъ; сдѣланы лишь слѣдующія измѣненія. Изъяты слова: „изъ сущности Отца“ и прибавлены слова: „прежде всѣхъ вѣкъ“, по послѣднему слову богословско-исторической науки.

---

[1]) «Вселенск. собор.» А. П. Лебедева, стр. 56.
[2]) Ibid., стр. 67.
[3]) Ibid., стр. 88.
[4]) Ibid., стр. 88.

Исключены первыя слова, потому что они давали представленіе, что былъ отъ вѣчности моментъ, когда Сынъ какъ бы выдѣлился, произошелъ изъ существа Отца... Отцы исправили несовсѣмъ точный языкъ Никейскаго символа. „Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ“. Эти послѣднія слова моментъ рожденія Сына ставили внѣ сферы всякого представленія о какомъ-либо времени: бытіе Сына и рожденіе Его являются у отцовъ Константинопольскихъ однимъ и тѣмъ же предвѣчнымъ актомъ. Рожденіе и бытіе Сына не отличные одинъ отъ другаго акты, но одинъ и тотъ же актъ. Выраженія: „рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ“ и „единосущный“ въ символѣ Константинопольскомъ должны были пополнять и пояснять одно другое. Всѣ отличія символа Константинопольскаго отъ Никейскаго въ изложеніи ученія о Богочеловѣкѣ сводятся къ тому, что соборъ Константинопольскій имѣетъ цѣлію возможно яснѣе изобразить плотское естество Богочеловѣка. Сюда направляются изрѣченія: „отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“—указаніе на сверхъестественное, но человѣческое рожденіе Христа; „распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, погребеннаго“—признаки истинно человѣческаго страданія Христа; „сѣдящаго одесную Отца“, „пріидетъ со славою“—указаніе на то, что Богочеловѣкъ съ Своимъ человѣческимъ естествомъ пребываетъ и по окончаніи земнаго пришествія, „въ немъ же пріидетъ судить міръ и съ нимъ же пребудетъ во вѣки“ [1]).

Въ Константинопольскомъ символѣ есть ученіе о Духѣ Святомъ, какъ истинно Божественной Ипостаси Троицы [2]). Это ученіе провозглашено было, замѣчаетъ А. П. Лебедевъ, безъ сомнѣнія для ниспроверженія безконечныхъ неправильныхъ воззрѣній относительно третьей Ипостаси Святой Троицы [3]). (*)

---

[1]) «Всел. Соб.» А. П. Лебедева стр. 116.

[2]) Ibid., стр. 119.

[3]) Ibid., стр. 118.

(*)

Симв. Никейскій.	Симв. Константиноп.
Вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго; и во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго,	Вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимаго всего и невидимаго; и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго, рожденнаго отъ Отца *прежде всѣхъ вѣковъ*, Свѣтъ отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, едино-

Теперь, въ виду сейчасъ изложеннаго содержанія символа и лучшихъ стремленій аріанства, если мы поставимъ на видъ, что „бурные споры привели мысль аріанствующихъ богослововъ къ несомнѣнной истинѣ, что не все, далеко не все можно довѣрить разсудочной критикѣ въ области религіи и первѣе всего догматъ о Троицѣ, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ мы не видимъ уже у аріанъ такихъ бурныхъ страстныхъ соборовъ, какими были Тирскій, Селевкійскій и нѣкоторые другіе, что послѣдняя четверть IV вѣка съ самаго ея начала представляетъ эпоху, когда вообще въ религіозныхъ кружкахъ благоразуміе беретъ верхъ надъ полемическимъ ожесточеніемъ, когда напряженность смѣнилась успокоеніемъ, когда всѣ почувствовали нужду умиротворенія,—то будетъ понятно, съ какимъ расположеніемъ могло быть принято аріанами Константинопольское исповѣданіе вѣры. А если ко всему этому присоединить свидѣтельство Св. Аѳанасія о современномъ ему настроеніи аріанъ, тогда становится ясно, какъ Божій день, что благоразумные аріане съ радостью встрѣтили символъ II-го Вселенскаго собора. „Во всемъ, что ни дѣлаютъ теперь аріане, слышится лишь одинъ и тотъ же зовъ: пойдемъ къ отцамъ своимъ и скажемъ имъ: анаѳематствуемъ аріанскую ересь и признаемъ соборъ Никейскій“ [1]). Аріане выражали желаніе во время Св. Аѳанасія признать соборъ Никейскій, символъ котораго не отвѣчалъ существеннымъ ихъ вопросамъ. Тѣмъ болѣе могло быть готовности признать соборъ Константинопольскій и принять его символъ. Изъ

единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло, какъ на небѣ, такъ и на землѣ; ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса, и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; —и въ Духа Святаго.

сущнаго Отца, чрезъ Котораго все произошло; ради насъ человѣкъ и ради нашего спасенія сшедшаго *съ небесъ* и воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчившагося, распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ и страдавшаго и погребеннаго и воскресшаго въ третій день по писаніямъ, и возшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Отца и паки имѣющаго пріити со славою— судить живыхъ и мертвыхъ, Котораго царству не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемаго и сславимаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ.

[1]) т. III, стр. 154.

символа Никейскаго исключены были слова: „изъ сущности отца“ [1]), а эти слова возбуждали и поддерживали безконечные и жаркіе споры, постоянный протестъ пытливыхъ христіанъ въ Антіохіи, въ числѣ которыхъ аріане были первыми. Аріанство имѣло историческія связи съ Антіохійской школой, а задача этой школы съ самаго начала ея существованія состоитъ въ томъ, чтобы утвердить ученіе о полной всецѣлой человѣческой природѣ въ Христѣ, такъ сказать, уравновѣсить въ Немъ элементъ естественный съ сверхъестественнымъ [2]). И этому направленію, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ символъ II Вселенскаго собора. Что же изъ всего этого слѣдуетъ заключить? Въ исповѣданіи вселенской церкви аріане увидѣли истину; туманъ заблужденій, застилавшій имъ глаза, разсѣялся: догматъ о Божествѣ Сына и Духа Святаго наконецъ былъ принятъ и аріанами, несмотря на то, что онъ выше разума [3]). Въ этомъ фактѣ смерть аріанству. Этотъ моментъ рѣшилъ судьбу аріанства и въ самомъ сердцѣ—средоточіи аріанства въ Антіохіи. Второй Вселенскій Соборъ былъ въ 381 году, а въ 383 году рушилось аріанское епископство въ Антіохіи: умеръ Дорофей, епископъ аріанъ, и епископія ихъ болѣе не возобновилась. Лучшіе люди въ аріанствѣ, умные люди, добросовѣстные искатели спасительной истины въ символѣ II Вселенскаго Собора нашли удовлетвореніе своимъ законнымъ стремленіямъ. Сила аріанства исчезла изъ ихъ рядовъ. Спрашивается, что же осталось отъ аріанства въ Антіохіи? Справедливо можно сказать, какъ замѣчаетъ Малышевскій, что еретики еще держались въ Антіохіи [4]),—только пламень пожара потухъ, а головни еще дымились. Правда, они причиняли соблазнъ и смущеніе православнымъ антіохійцамъ [5]),—но только отъ этого соблазна и смущенія и оберегалъ Св. Златоустъ, какъ добрый пастырь, свое православное стадо. Эти, во всякомъ случаѣ, неособенно многочисленные сторонники аріанства были просто, надобно полагать, не возмогшіе еще переубѣдить себя, заблудшіе въ вѣрѣ, жалкіе люди, если они были умные и сердечно вѣрившіе въ свое заблужденіе. А что это не были закоренѣлые еретики, это видно изъ словъ самаго Златоуста, въ которыхъ онъ указываетъ,

---

[1]) «Всел. Соб.» А. П. Лебедева, стр.
[2]) «Всел. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 68.
[3]) Ibid., стр. 108.
[4]) Малыш., стр. 108.
[5]) Малыш., стр. 37.

что не только полуаріане, а даже аномеи ходили слушать его вмѣстѣ съ православными и наконецъ стали высказываться съ желаніемъ услышать въ его проповѣди разсужденія и по предмету ихъ ученія [1]). Это обстоятельство доказываетъ въ свою очередь нетвердость въ своихъ убѣжденіяхъ этихъ заблудшихъ людей, что они болѣе и болѣе колебались въ своихъ воззрѣніяхъ. Десять словъ Св. Златоуста удостовѣряютъ, что *аномеи* все-таки существовали и могли имѣть хотя нѣкоторое вліяніе на православныхъ чадъ церкви. По самому существу ихъ стремленій, это должны были быть люди мыслящіе. Сообщимъ кратко необходимыя свѣдѣнія объ этихъ чистыхъ аріанахъ. Ἀμνοοῖοι—названіе, выражающее сущность ученія ереси. Сынъ Божій не только не равенъ и не единосущенъ Отцу, но даже не подобенъ Отцу по существу.—Это были истые или крайніе аріане. Полуаріане признавали Сына подобнымъ Отцу. Эти послѣдніе распадались на двѣ партіи: одна признавала Сына во всемъ подобнымъ Отцу, другая—просто подобнымъ, подобнымъ не по существу, а по волѣ [2]).

Общая исходная мысль аномеевъ коренилась въ гностицизмѣ. Послѣ Арія и Аеція эта мысль рѣзко была наконецъ формулирована Евноміемъ [3]). Гностики усвоили себѣ совершенное знаніе, высшее того, какое есть въ церкви, какъ ея исповѣданіе, основанное на простой вѣрѣ. Въ духѣ такого самообольщенія Евномій и аномеи утверждали, что Божество по самому существу своему доступно нашему знанію, постижимо разумомъ такъ же, какъ человѣкъ и его природа, что съ такимъ знаніемъ о Божествѣ они видятъ различіе отъ Него Христа Сына Божія, въ которомъ нѣтъ Божественности, нѣтъ подобія Божія по существу, такъ что Онъ является твореніемъ Божіимъ, хотя и высшимъ другихъ твореній [4]). И вотъ, въ обличеніе этого дерзкаго и нечестиваго ученія Златоустъ говоритъ „о непостижимомъ“: „знаю, что Богъ есть повсюду, и повсюду есть Богъ, но какимъ это образомъ—не знаю. Знаю, что Онъ безначаленъ, не рожденъ, вѣченъ, но какъ это—не знаю, потому что для мысли недоступно бытіе такого существа, которое не получало начало ни отъ себя, ни отъ другаго“. Въ 10-мъ словѣ о четвородневномъ Лазарѣ, размышляя о плотскомъ смиреніи Хри-

---

[1]) Малыш., стр. 97.
[2]) Малыш., стр. 96.
[3]) Малышев., стр. 98.
[4]) Ibid.

ста, Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Итакъ, узнавъ изъ всего сказаннаго о власти Христовой, если увидимъ, что Онъ иногда дѣлалъ и говорилъ нѣчто смиренное, не будемъ приписывать Ему уничиженнаго естества. И самое принятіе плоти допустилъ по смиренію, а не потому, чтобы Онъ былъ ниже Отца. Откуда это видно? Ибо враги истины разглашаютъ и это, говоря: „Если Христосъ равенъ Родителю, то почему Отецъ не принялъ плоти, а Сынъ принялъ образъ раба? Не очевидно ли потому, что Онъ ниже отца?“—Вліяніе аріанъ на православныхъ также ясно указываетъ Св. Іоаннъ въ своихъ бесѣдахъ. Изъ многихъ мѣстъ мы возьмемъ хотя одно. „Единородному говоритъ Отецъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*. Здѣсь наноситъ онъ смертельный ударъ *и мыслящимъ по аріански*. Да и послѣдующія слова показываютъ намъ *единосущіе Отца и Сына*. Вотъ Онъ говоритъ: „*по образу нашему*“,—и изъ-за этого хотятъ Бога называть человѣкообразнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сравниться съ этимъ безумiемъ, когда еретики не только не хотятъ пользоваться ученiемъ богодухновеннаго писанія, но и обращаютъ оное въ величайшій себѣ вредъ. *Говорите*, что слова „*сотворимъ человѣка*“ сказаны не къ какой либо изъ служебныхъ силъ, но къ Самому Единородному Сыну Божію: и умствующимъ по *аріански* отсюда же доказывайте равночестіе Сына съ Отцемъ“ [1]). Объясняя псалмы, Св. Златоустъ останавливается на словахъ: „*изъ чрева прежде денницы родихъ тя*“ и говоритъ: „Это означаетъ равенство чести Отца и Сына. Это можетъ заградить уста и тѣмъ, которые держатся мыслей Арія“ [2]). И много есть указаній въ сочиненіяхъ и бесѣдахъ Златоуста о существованіи въ Антіохіи ереси чистыхъ и болѣе умѣренныхъ аріанъ и объ ихъ отношеніи къ православнымъ. Сущность бесѣдъ съ еретиками и объ еретикахъ одна и та же, хотя выраженія и различны. Мы считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли то, что дословно здѣсь привели изъ твореній Св. Іоанна и о другихъ указаніяхъ умалчиваемъ, не желая быть многословными [3]). Здѣсь мы окончили бы наше изслѣдованіе о существованіи аномеевъ въ Антіохіи, но не считаемъ себя вправѣ оставить безъ вниманія одно обстоятельство. Въ книгѣ: „Вселенскіе Соборы IV и V вв.“ А. П. Лебедева мы встрѣтили подстрочную замѣтку,—выписываемъ суть ея:

---

[1]) Бесѣд. на кн. Бытія, стр. 120 - 124.

[2]) Бесѣд. на псал. т. I, стр. 498—499.

[3]) Шесть словъ о священ. стр. 93 – 95; Бесѣд. на Ев. Мато. т. II, стр. 420; Іоан т. II, стр. 448 и м др.

аномеи имѣли очень мало кредита въ обществѣ христіанскомъ; ихъ вліяніе было ничтожно; ко временамъ II-го вселенскаго собора вовсе исчезаютъ изъ среды церковной. „Вообще полуаріане составляли собой—церковь, а аномеи лишь секту“. Наше знакомство съ твореніями Златоуста убѣждаетъ насъ въ справедливости этого замѣчанія. Аномеи были, но они именно уже „почти“ исчезаютъ изъ сферы церковной, ходятъ въ православную церковь, слушаютъ православнаго пастыря и сами даже просятъ говорить съ ними объ ихъ вѣрованіи. Эту слабость секты мы въ своемъ мѣстѣ подмѣтили. И еще скажемъ для наглядности: Златоустъ говоритъ: „Теперь по милости Божіей, слыша, что они—зараженные этимъ зломъ (аномеи) сами приглашаютъ меня и желаютъ, чтобы я обратился къ этимъ состязаніямъ, смѣло приступаю къ исполненію моего намѣренія (о непостижимомъ) [1])“.

Взгляды на вещи бываютъ различны. Г. Малышевскій въ рѣчи объ аріанахъ въ своей біографіи „Св. Іоаннъ Златоустъ“ говоритъ, что аномеи имѣли своего епископа въ Антіохіи—Ѳеодора или Дорофея († 383), т. е. признаетъ общество ихъ церковью,—и вообще даетъ какое-то смѣшанное представленіе: не уяснишь, о комъ онъ говоритъ: объ аномеяхъ или полуаріанахъ [2]). Если такъ, если аномеи были, напр., малочисленны, то спрашивается, чѣмъ объяснить борьбу Св. Златоуста съ ними, какъ видится, довольно сильную?—

10 словъ противъ аномеевъ! Но во-первыхъ: Христосъ, изображая добраго пастыря, представилъ такой примѣръ его попечительной дѣятельности, что онъ оставляетъ 99-ть незаблудшихъ овецъ своего стада и идетъ искать одну, заблудившуюся въ горахъ. Потомъ: если отцы церкви писали по преимуществу противъ аномеевъ, то не потому, что ихъ умствованія были болѣе распространенными, а потому, что литературная борьба съ ними представляла болѣе удобствъ; крайнія воззрѣнія легче было опровергнуть, тогда какъ иден полуаріанскія представляли собой матеріалъ очень неопредѣленный, трудно уловимый для критики [3]). Мы съ своей стороны замѣтимъ: Златоустъ дѣйствуетъ, какъ пастырь—проповѣдникъ и ищетъ спасенія, хотя бы и одного заблудшаго отъ пути истины человѣка; говоритъ много и долго потому, думаемъ,

[1]) Стр. 60.
[2]) Стр. 97.
[3]) Ibid.

что вообще имѣетъ дѣло въ этомъ случаѣ не съ толпой, а съ людьми размышляющими, ибо полагаемъ, только умные люди могли уклониться въ чистое аріанство—аномейство, начисто отвергающее вѣру и на мѣсто ея ставящее доводы разума: если Богъ непостижимъ, значитъ, мы почитаемъ Бога, котораго не знаемъ [1]). А разбивать разумовыя убѣжденія не такъ то легко! Думаютъ, что аномеи были сильнѣе и многочисленнѣе всѣхъ другихъ еретиковъ въ Антіохіи, потому что самъ Св. Златоустъ говоритъ: „давно порывался я предложить вамъ слово объ этомъ—о непостижимомъ,—но удерживался и медлилъ, видя, что многіе изъ зараженныхъ симъ недугомъ (ересью аномеевъ) съ удовольствіемъ слушаютъ меня". Могли быть люди, сочувствующіе только заблужденію, а къ сектѣ не принадлежащіе всецѣло; потомъ, что представляли эти многіе въ Антіохіи, гдѣ 200.000 народа и 100.000 православныхъ, а остальное населеніе: язычники, евреи и цѣлый полкъ различныхъ еретичествующихъ личностей?

Полуаріанство въ Антіохіи уже робко высказывало свои взгляды и избитыя выраженія аріанскаго заблужденія были настолько ходячей монетой, что пастырь—проповѣдникъ до того не считаетъ адептовъ ереси опасными, до того считаетъ ихъ ничтожными, что указываетъ своей обширной паствѣ возможность самозащиты, какъ мы видѣли выше въ краткихъ указанныхъ нами выдержкахъ, а такихъ мѣстъ въ бесѣдахъ его много. И самъ пастырь—проповѣдникъ говоритъ о заблужденіяхъ аріанскихъ, кромѣ слова противъ аномеевъ, не нарочито съ спеціальной цѣлью, а къ случаю, мимоходомъ, вскользь.—Итакъ въ Антіохіи аріане: 1) аномеи, 2) полуаріане: а) болѣе умѣренные и б) менѣе умѣренные были и къ православной церкви отношеніе имѣли, но всѣ они весьма серьезной опасности для церкви не представляли, ибо всѣ были въ состояніи предсмертной агоніи. Вотъ, по крайнему нашему убѣжденію, истинное состояніе аріанской ереси въ Антіохіи за время Златоуста по его твореніямъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ въ Антіохіи укоряетъ своихъ согражданъ—единовѣрцевъ въ легкомыслiи, съ какимъ они увлекались всякимъ вѣтромъ ученія и нерѣдко перемѣняли свои вѣрованія. „Хотите", говоритъ [2]),—„хотите ли, я скажу вамъ, что говорятъ о нашемъ городѣ, какъ осуждаютъ насъ въ

[1]) 5 слово.

[2]) Бесѣд. на посл. къ Ефес. стр. 194.

удобопреклонности на убѣжденія другихъ? Говорятъ, что у насъ всякій, кому угодно, найдетъ себѣ послѣдователей и не будетъ имѣть въ нихъ недостатка". И конечно, колеблющіеся всякимъ вѣтромъ ученія были люди безъ своихъ убѣжденій, безъ своихъ воззрѣній на дѣло, просто любители суесловія, острословія, словопреній, говорившіе о вѣрѣ въ театрахъ, циркахъ, на конскихъ ристалищахъ, которыхъ эти разсужденія забавляли [1]). „Вижу", говоритъ Св. Іоаннъ, „людей, которые, не обучивъ разума Божіимъ словомъ, не имѣя даже познанія о писаніи,—о многомъ другомъ умолчу отъ стыда,—неистовствуютъ и пустословятъ, *не разумѣюще, ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ*, осмѣливаются стоять на одномъ своемъ"...

Характеренъ взглядъ Св. Златоуста, какъ онъ смотрѣлъ на состояніе душевныхъ силъ у еретиковъ,—взглядъ, дающій въ свою очередь понятіе о томъ, что представляли собою ереси въ Антіохійскомъ обществѣ. „Умоляю всѣхъ васъ обходиться съ еретиками, какъ со страждущими помѣшательствомъ въ умѣ, съ впадшими въ неистовство (бѣсноватыми) и по мѣрѣ силъ своихъ стараться уврачевать ихъ, бесѣдуя съ ними кротко и снисходительно" [2]) (*)

При такомъ настроеніи Антіохійскаго общества, при его легкомыслiи, неудивительно, что здѣсь, въ самой Антіохіи, въ городѣ находились послѣдователи многихъ ересей. Св. Іоаннъ Златоустъ въ своихъ твореніяхъ указываетъ существованіе ересей—и старыхъ, возникшихъ въ прежнія столѣтія, и новыхъ, появившихся въ IV вѣкѣ. Тамъ были, по этимъ показаніямъ, кромѣ аріанъ въ ихъ различныхъ видахъ, и Маркіониты, и Манихеи, и послѣдователи Павла Самосатскаго, Маркелла и Фотина, Аполлинарія, Валентина и Македонія.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ твореній и прямо называетъ ереси или ихъ начальниковъ, а иногда, и большею частію, обличаетъ лишь заблужденія. Поэтому представляется необходимымъ вообще, а особенно въ послѣднемъ разѣ, намѣтить сущность вѣроученія каждой изъ вышепоименованныхъ ересей, чтобы прямо можно было видѣть, приводя выдержки изъ твореній Златоуста,—о какомъ заблужденіи идетъ рѣчь. Итакъ, мы

[1]) Слово о проклятіи.

[2]) О непостижимомъ.

*) Это мѣсто надлежало бы съ искреннимъ вниманіемъ прочесть и замѣтить г. Болотову, проф. С.-ПБ. Академіи и откровенно покаяться въ своей неправдѣ объ отношеніи Златоуста къ еретикамъ (Христ. чтен., 1886 г. т. 2-й).

сообщимъ предварительно свѣдѣнія о сущности каждой изъ означенныхъ ересей, предваривъ хотя кратчайшими историческими свѣдѣніями объ ея происхожденіи и существованіи.

Маркіониты происходили отъ Маркіона, родившагося во II вѣкѣ въ Синопѣ. За любодѣяніе онъ былъ отлученъ отъ церкви собственнымъ отцомъ, епископомъ Понтійскимъ. Маркіонъ искалъ прощенія въ Римѣ отъ Аникиты. Но когда сей не отважился разрѣшить связаннаго другимъ епископомъ, то огорченный симъ отказомъ Маркіонъ присталъ къ Кедрону еретику и впослѣдствіи самъ сдѣлался ересеначальникомъ. Не умѣя объяснить существованія добра и зла въ человѣкѣ и въ мірѣ, онъ допускалъ два начала,—одного творца духовъ и душъ,—а другаго творца тѣла и матеріи. По его ученію плоть служитъ началомъ всѣхъ грѣховныхъ движеній въ душѣ человѣка; онъ осуждалъ супружескую жизнь и утверждалъ, что Сынъ Божій Іисусъ Христосъ имѣлъ только призрачное тѣло [1]).

Современные намъ біографы Св. Іоанна Златоустаго: свящ. В. Лебедевъ, г. Малышевскій, г. Альбертъ, о. архимандритъ Агапитъ о существованіи всѣхъ сейчасъ названныхъ ересей или ничего не говорятъ или говорятъ очень мало, до того, что только называютъ указанныя заблужденія по имени: были, молъ, чего же вамъ больше. Малышевскій и Альбертъ ниже именуютъ; о Лебедевъ лишь только называетъ; о. Агапитъ говоритъ нѣчто, но такъ ужъ мало, что единственно даетъ вотъ эти краткія историческія свѣдѣнія о Маркіонѣ, происхожденіе его ереси и содержаніи ея ученія, да еще одну картину—крещеніе у Маркіонитовъ. Всѣ эти авторы или совсѣмъ не придаютъ значенія поименованнымъ ересямъ въ жизни христіанскаго общества Антіохіи IV вѣка или хотятъ сосредоточить свое вниманіе, такъ сказать, на главномъ, преимущественною популярностью пользовавшемся заблужденіи, каковымъ признаютъ аріанство; или, не имѣя прямо историческихъ указаній, не сочли возможнымъ взяться за таковыя показанія современнаго Антіохійскаго проповѣдника, или просто не хотѣли. Какъ бы то ни было, но свѣдѣній о ересяхъ въ Антіохіи, бывшихъ за время Златоуста, у всѣхъ нашихъ біографовъ нѣтъ. Въ твореніяхъ Св. Златоуста указанія есть, и мы считаемъ прямымъ своимъ долгомъ пробѣлъ этотъ пополнить. Первыя указанія Св. Іоанна на ересь Маркіона мы встрѣтили въ сочиненіяхъ иноческаго періода

[1]) Арх. Агапитъ „Жизнь Св. Іоанна Златоуста“, стр. 155.

жизни Св. Златоуста и вообще въ твореніяхъ его за время до священства.

„Когда бы не было зла,—человѣкъ богатѣетъ, хищничаетъ и все-таки благоденствуетъ,—кому бы пришлось отыскивать причину зла и этимъ изысканіемъ возбуждать безчисленныя ереси? Ибо и Маркіонъ, и Манесъ, и Валентинъ отсюда начали свои ереси [1])". Мы сдѣлаемъ краткій, но возможно полный кодексъ пунктовъ еретическаго ученія словами Златоуста безъ всякихъ комментаріевъ. „Принявшіе сумасбродство Валентина и Маркіона.... исключаютъ изъ числа божественнаго писанія законъ, данный отъ Бога Моисею" [2]).

Постараемся привести въ нѣкоторую систему указанія Златоуста на заблужденія Маркіона сообразно показанію его ученія, сдѣланному выше... „*Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*". „Моисей и всѣ ереси, появляющіяся въ церкви подобно плевеламъ, исторгаетъ этими же словами. Подойдетъ ли къ тебѣ *Манихей*, утверждающій, что прежде существовала матерія, или *Маркіонъ*, или *Валентинъ*, или кто изъ язычниковъ—говори имъ: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю" [3]). „Чтобы не подумали, что тварь чужда Его, Божіей премудрости, какъ впослѣдствіи говорили клеветники Маркіониты, Онъ—Христосъ для совершенія чуда употребляетъ въ орудіе самую тварь—пять хлѣбовъ и двѣ рыбы" [4]). „Да посрамится Павелъ Самосатскій, да посрамится Маркіонъ, которые не хотѣли видѣть, что видѣли волхвы, первенцы церкви. Да посрамится Маркіонъ, видя, что Богу покланяются" [5]). „А что Онъ—Христосъ уклонялся, когда іудеи искали убить Его, этимъ Онъ подтверждалъ Свое воплощеніе и удостовѣрялъ въ немъ, чтобы ничего не могли сказать ни Павелъ Самосатскій, ни Маркіонъ" [6]). „Зараженные ученіемъ Маркіоновымъ суть чада діавола, потому что они изглаждаютъ ту истину, для утвержденія которой все сдѣлалъ Христосъ и для уничтоженія которой всѣ усилія употребляетъ діаволъ,—я разумѣю крестъ и страданія" [7]). По мнѣнію ихъ—еретиковъ—Христосъ или не воскресъ,—если воскресъ, то до воскресенія согрѣшилъ,—они утверждаютъ, что воскресеніе состоитъ

[1]) Слов. т. III, стр. 178 - 179.
[2]) Слов. о свящ., стр. 93.
[3]) Бесѣд. на кн. Бытія, т. I, стр. 22.
[4]) Бесѣд. на ев. Іоанна. т. I, стр. 503.
[5]) Бесѣд. на ев. Матѳ., т. I, стр. 552.
[6]) Бесѣд. на ев. Іоанна, т. II, стр. 21.
[7]) Бесѣд. на ев. Мато. т. II, стр. 240.

въ очищеніи души и освобожденіи отъ грѣховъ. Это не ученіе апостольское. Маркіонъ и Валентинъ—вотъ кто это выдумалъ“ [1]). *„Понеже, что сотворятъ крестящіеся мертвыхъ ради, аще отнюдь мертвые не возстаютъ, что и крещаются мертвыхъ ради* (1 Кор. XV, 29). Какъ искажаютъ эти слова зараженные ересью Маркіона. У нихъ, когда кто нибудь умираетъ изъ оглашенныхъ, то они, спрятавъ живаго подъ одромъ умершаго, приступаютъ къ мертвому, говорятъ съ нимъ и спрашиваютъ: желаетъ ли онъ принять крещеніе? Такъ какъ онъ ничего не отвѣчаетъ, то спрятанный подъ одромъ отвѣчаетъ за него, что желаетъ принять крещеніе и такимъ образомъ крестятъ его вмѣсто умершаго, разыгрывая какъ бы представленіе на зрѣлищѣ“ [2]).

„Доселѣ еще дѣлаетъ онъ—Св. Ап. Павелъ—*помышленія низлагающе и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій.* И хотя многіе изъ еретиковъ предпринимали терзать его, но растерзанный по членамъ, онъ являетъ великую силу. Ибо пользовались имъ и Маркіонъ и Манихей, но разсѣкши его на части, какъ это сейчасъ видѣли“ [3]). Во всѣхъ этихъ указаніяхъ Златоуста ясно видно существованіе ереси Маркіона, знакомство Св. Іоанна съ подробностями ученія ереси, которыя проповѣдникъ въ своихъ бесѣдахъ опровергаетъ, доказывая, что единый Творецъ неба и земли, видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ—Богъ, что зло не въ матеріи, что Спаситель міра—Богочеловѣкъ,—въ особенности утверждая истину спасительности Христовыхъ страданій. „Поелику имѣли явиться послѣдователи *Маркіона, Валентина и Манеса,* отвергающіе сіе строительство спасенія“, говоритъ Златоустъ, по сему Онъ непремѣнно напоминаетъ о страданіи и чрезъ самыя таинства, дабы никто не былъ обольщенъ,—и такимъ образомъ сею священною трапезою и спасаетъ и вмѣстѣ наставляетъ, ибо это начало благъ“ [4]). Оставляя другія и многія мѣста твореній Златоуста, указывающія на ересь Маркіона [5]), заключимъ наше обозрѣніе этой ереси бесѣдой Св. Златоуста противъ осужденія Маркіонитами супружеской жизни. „Богу угодно, чтобы всѣ люди воздерживались отъ брака (1 Кор. VII, 79),“ говоритъ Св. Іоаннъ. „Онъ

---

[1]) Бесѣд. на ев. Іоан. т. II, стр. 266.

[2]) Бесѣд. на 1-е къ Корин. т. II, стр. 367.

[3]) Бесѣд. на 2-е къ Кор., стр. 266.

[4]) Бесѣд. на св. Мато. т. III, стр. 412.

[5]) Бесѣд.: на пс. т. I, стр. 492, 498; на Ев Матѳ. т. I, стр. 552; 2-е Тим. 39 стр.—раз. м. св пис. т. I, стр. 165; Матѳ. т. II, 448 и др.

предложилъ трудный и важный подвигъ только для тѣхъ", прибавляетъ онъ, „*кто въ состояніи исполнить его*" (Лк. XVII, 10; 1 Кор. VII, 25). „Однако ни Маркіонъ, ни Валентинъ, ни Манихей не выдержали этой умѣренности. Поэтому они погубили и всѣхъ послѣдователей своихъ, обременяя ихъ... безполезнымъ и невыносимымъ трудомъ". Такъ писалъ Св. Златоустъ, еще бывши діакономъ, въ словѣ о дѣвствѣ [1]). Послѣ, къ концу своего пресвитерства въ Антіохіи, Св. Іоаннъ снова возвращается къ ереси Маркіона,—фактъ, что она жила еще среди Антіохійцевъ, хотя уже болѣе въ практической жизни, чѣмъ въ теоретическомъ ученіи.

„Устроивши по всѣмъ градамъ пресвитеры"... „*Аще кто есть непорочень, единыя жены мужъ*" (Тим. 1, 5—6). „Для чего онъ—Св. Ап. Павелъ—представляетъ такого человѣка? Онъ заграждаетъ уста еретикамъ, осуждавшимъ бракъ, показывая, что это дѣло нисколько непредосудительно, но такъ честно, что при немъ можно восходить даже на священный престолъ (епископскій); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ укоряетъ людей невоздержныхъ, не позволяя послѣ втораго брака принимать эту власть" (епископа) [2]). И въ другомъ мѣстѣ бесѣдъ на это же посланіе къ Тимоѳею Св. Ап. Павла Св. Іоаннъ еще разъ обращается къ Христову ученію о святости брака. „*Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей*" (Тит. II, 11—14)). „Христосъ, говоритъ, пришелъ для того, чтобы отверглись нечестія. Нечестіемъ Апостолъ называетъ нечестивое ученіе, а мірскими похотями—порочную жизнь. „*Цѣломудренно и праведно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ*". Видишь ли, цѣломудріе, какъ всегда я говорю, состоитъ не только въ томъ, чтобы воздерживаться отъ прелюбодѣянія, но и въ томъ, чтобы воздерживаться и отъ прочихъ страстей: какъ тотъ прелюбодѣй пристрастенъ къ тѣлесному наслажденію, такъ этотъ любостяжательный—къ богатству. Итакъ, скажешь, страсть къ богатству слабѣе, нежели страсть къ тѣлесному наслажденію? Это всѣмъ извѣстно и открывается изъ многаго: и во-первыхъ, страсть къ тѣлесному наслажденію происходитъ въ насъ необходимо,—какъ происходящая въ насъ необходимо, она и обуздывается съ великимъ трудомъ, потому что она внѣдрена въ насъ отъ природы; во-вторыхъ, древніе о страсти къ богатству не много разсуждали, а о страсти къ женщинамъ—много, для сохраненія цѣломудрія. Живущаго законнымъ бракомъ съ женою даже до старости никто не станетъ осуждать, а корыстолюбиваго всѣ, и даже

[1]) Стран. 9-я.
[2]) Бес. на посл. къ Тим., стр. 21.

изъ внѣшнихъ языческихъ философовъ многіе презирали богатство, а женщинъ никогда. Такъ эта страсть сильнѣе той. Впрочемъ, слово наше обращено къ церкви, посему будемъ приводить доказательства не отъ внѣ, а отъ писаній. О любостяжаніи блаженный Павелъ говоритъ почти въ видѣ заповѣди (1 Тим. VI, 8), а о женахъ такъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію и паки вкупѣ собирайтеся* (1 Кор. VII, 5), и часто преподаетъ правила касательно законнаго сожитія. Онъ позволяетъ удовлетворять это пожеланіе и вступать во второй бракъ, съ великимъ попеченіемъ говоритъ объ этомъ предметѣ и никого не подвергаетъ за это наказанію [1]). Христосъ касательно богатства многократно заповѣдалъ, чтобы мы убѣгали проистекающей отъ него гибели, а о воздержаніи отъ женъ говоритъ не такъ. О богатствѣ, послушай, что говоритъ: *иже не отречется отъ всего своего имѣнія* (Лук. XIV, 33),—но нигдѣ не сказалъ: иже не отречется отъ жены, потому что зналъ, какъ это было бы жестоко. И блаженный Павелъ говоритъ: *честна женитьба и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4). Къ чему мы сказали все это? Къ тому, что любостяжательные невоздержнѣе прелюбодѣевъ, то желаніе такъ естественно, что хотя бы иной и не приближался къ женѣ, природа дѣйствуетъ и производитъ свое, а здѣсь - у любостяжателей не бываетъ такъ“ [2]). Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ на первое посланіе къ Тимоѳею указываетъ причину, почему онъ такъ распространяется о бракѣ: „если ты не вступаешь въ бракъ, потому что хочешь упражняться въ страхѣ Божіемъ и между тѣмъ не упражняешься, то не принесетъ тебѣ никакой пользы и то, что ты служитель пришельцамъ и святымъ. Впрочемъ, если не дѣлаешь и этого, то, очевидно, воздерживаешься отъ брака больше потому, что осуждаешь это дѣло—бракъ, какъ скверный и нечистый—сіе свойственно еретикамъ“ [3]).

Понятно, что въ каждомъ словѣ проповѣдника Антіохіи слышится чувство искренняго желанія пастыря охранить свое православное стадо отъ колеблющаго его вѣтра еретическаго ученія о важнѣйшемъ жизненномъ актѣ. Мы сдѣлали выдержку въ нѣкоторой подробности и не раскаиваемся. Это слово въ возможной его цѣлости выясняетъ сущность дѣла: и существованіе еретическаго ученія, и его вліяніе на православныхъ чадъ церкви Христовой, и

---

[1]) Ibid., стр. 63.

[2]) Ibid., стр. 61 65.

[3]) Стр. 199.

борьбу пастыря съ волкомъ, не щадящимъ стада. Наши цитаты твореній Златоуста въ указаніяхъ заблужденій Маркіона невольно касались другихъ еретиковъ: Валентиніанъ и Манихеевъ относительно тѣхъ воззрѣній, которыя представлялись общими въ означенныхъ ересяхъ. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой ереси особо. Всѣ эти три ереси: *и Маркіониты, и Валентиніане, и Манихеи*— ереси древнія, въ историческомъ своемъ происхожденіи III вѣка, II-го и даже I-го. *О Валентинѣ* мы встрѣтили слѣдующія свѣдѣнія. Это былъ выразитель гностицизма египетскаго типа [1]). Онъ былъ родомъ изъ Египта, жилъ въ первой половинѣ II-го вѣка, прибылъ въ Римъ при папѣ Гигинѣ въ 140 году, сталъ знаменитъ при Піѣ I-мъ и дожилъ до времени папы Аникиты. Умеръ на островѣ Кипрѣ въ 160 году. Сочиненія его до насъ не дошли [2]). Система Валентина обстоятельно излагается въ древнѣйшемъ и важнѣйшемъ источникѣ для изученія гностицизма вообще, у Св. Иринея, епископа Ліонскаго, въ первой книгѣ его: „обличенія и опроверженія лжеименнаго знанія“. [3]). Постараемся опредѣлить положеніе валентинизма въ гностицизмѣ, чтобы имѣть ясное представленіе, въ какой формѣ это заблужденіе опровергается Св. Златоустомъ, какъ ересь, существовавшая въ его время въ Антіохіи.— Гностицизмъ—такъ называется совокупность религіозно-философскихъ (теософскихъ) системъ, которыя появились въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры и въ которыхъ основные факты и ученіе христіанства, оторванные отъ ихъ исторической почвы, разработаны въ смыслѣ языческой,—какъ восточной, такъ и египетской—мудрости [4]). Мы не беремся говорить о происхожденіи гностицизма, но считаемъ необходимымъ хотя кратко указать основныя черты въ классификаціи гностическихъ ученій. Владиміръ Соловьевъ представляетъ слѣдующія различныя группы гностицизма: 1) существенная для гностиковъ непримиримость между абсолютнымъ и конечнымъ, между Божествомъ и міромъ. Происхожденіе міра объясняется невѣденіемъ или ненамѣреннымъ отпаденіемъ или отдаленіемъ отъ Божественной полноты. Творецъ неба и земли является совершенно отдѣльнымъ отъ верховнаго Божества, но не злымъ, а только ограниченнымъ существомъ. Этотъ первый видъ представляется гностицизмомъ Египетскимъ. Сюда принадлежатъ

[1]) Энц. слов. Андр. т. VIII, стр. 952.
[2]) Стр. 406.
[3]) Истор. учен. объ Отц. церк.. Филарета. арх. Черн. т. I, стр. 82—85.
[4]) Ibid., стр. 950.

какъ зачаточная форма гностицизма въ ученіи Керинѳа, современника Св. Ап. Іоанна Богослова и наученнаго въ Египтѣ, по свидѣтельству Св. Иринея, такъ и самыя богатыя содержаніемъ и наиболѣе обработанныя и долговѣчныя ученія, а именно: системы Валентина и Василида.

2) Гностическое раздвоеніе выступаетъ съ полною рѣзкостью именно въ космогоніи. Міръ признается прямо злонамѣреннымъ созданіемъ противобожественныхъ силъ.

3) Гносисъ Малоазіатскій, представляемый главнымъ образомъ Кердономъ и Маркіономъ. Здѣсь гностическія антитезы выступаютъ не столько въ космогоніи, сколько въ религіозной исторіи, противоположность не между злымъ и добрымъ твореніемъ, а между злымъ и добрымъ закономъ—антиномизмъ—между ветхозавѣтнымъ началомъ формальной правды и евангельской заповѣдью любви [1]). Мы не будемъ излагать подробностей ученія валентиніанъ о Богѣ, объ эонахъ, о мірѣ и душѣ, о Христѣ и спасеніи. Св. Ириней говоритъ о Валентиніанахъ, что они, какъ дознался онъ—Св. Ириней—извлекли свое ученіе изъ всѣхъ ересей гностическаго характера.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ своихъ сосредоточиваетъ вниманіе на ученіи еретиковъ о матеріи, какъ началѣ зла и особенно опровергаетъ ихъ заблужденіе о томъ, будто и матеріальнаго начала въ Спасителѣ не было,—ибо матерія не воспринимаетъ спасенія, и тѣло Его было особенное, призрачное [2]). Все это мы видѣли уже въ вышеприведенныхъ нами цитатахъ изъ твореній Златоуста [3]). Приведемъ еще одно свидѣтельство Златоуста о существованіи ереси Валентина въ Антіохіи и закончимъ наше обозрѣніе этого заблужденія. Еще Св. Ириней въ опроверженіе ереси Валентина, доказывая, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ [4]), разбираетъ пророчество Исаіи о рожденіи Еммануила отъ Дѣвы и показываетъ цѣль пришествія Христова на землю (гл. XVI—XXV). Это же доказательство не забыто противъ ученія тѣхъ же еретиковъ и Св. Златоустомъ. Вотъ оно: „дабы кто нибудь, слыша объ Еммануилѣ,

---

[1]) Фил. Черн. указ. соч. т. I, стр. 83.

[2]) Энц. Слов. т. V, стр. 408.

[3]) Слов. т III, стр 178—179; слово о дѣвст., стр. 9; слово о свящ., стр. 93; бесѣд. на Быт. т. I, стр. 22; бесѣд. на Матѳ., т. II, стр. 448; на Іоан., т. II. стр. 266; на посл. къ Титу, стр. 21 и 63.

[4]) Кн. III-я.

не впалъ въ ересь Маркіона и въ болѣзнь Валентина касательно домостроительства, онъ, пророкъ," говоритъ Св. Іоаннъ, „отдѣльно прибавляетъ и яснѣйшее доказательство домостроительства, указывая на пищу, ибо Онъ, говоритъ, *масло и вино снѣстъ*" [1]).

Насколько сильно развита была ересь эта въ Антіохіи—нашъ взглядъ выраженъ выше: Златоустъ говоритъ мимоходомъ,—думаемъ, что заблужденіе не было въ особенной силѣ въ Антіохіи.

По тѣсной связи между заблужденіями Маркіона, Валентина и Манихеевъ въ словѣ Златоуста отмѣтимъ теперь *особенности ереси Манихейской*, которыя указываетъ Златоустъ въ своихъ твореніяхъ.

Въ сочиненіи „о дѣвствѣ" Св. Іоаннъ разсуждаетъ о богоугодности дѣвства и здѣсь же со всей силой убѣжденія обличаетъ неправильное ученіе еретиковъ объ этомъ подвигѣ, будто бы для всѣхъ обязательномъ. „Подвигъ дѣвства", говоритъ авторъ, „одинъ и тотъ же какъ у насъ, такъ и у еретиковъ, у нихъ даже можетъ быть больше; награда за подвигъ не одна и та же: ихъ ожидаютъ узы, слезы, плачъ и вѣчное мученіе, насъ жеребій ангельскій". Далѣе сочинитель раскрываетъ преступность ересеученія: „почему же", спрашиваетъ онъ, „за одни и тѣ же подвиги столь противоположныя воздаянія? Потому,—отвѣчаетъ,—что одни избрали дѣвство, чтобы поставить законъ, противный Богу (еретики); мы же принимаемъ его, исполняя волю Божію".

Обосновавши затѣмъ взглядъ Христа и Его Апостоловъ на подвигъ дѣвства: *могій вмѣстити, да вмѣститъ,—относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, но даю совѣтъ,*—Златоустъ восклицаетъ: „однако ни Маркіонъ, ни Валентинъ, ни Манихей не выдержали этой умѣренности"... Изъ слѣдующихъ словъ объ еретикахъ: „они погубили послѣдователей своихъ" можно, пожалуй, заключить, что авторъ указываетъ на исторію ересей когда-то бывшихъ въ церкви Антіохійской. Но вотъ свидѣтельство, что ересеученіе сейчасъ живетъ среди вѣрныхъ истинѣ: „О, вы несчастнѣй даже еллиновъ", говоритъ авторъ, ибо хотя „еллиновъ и ожидаютъ муки геенны, однако они по крайней мѣрѣ въ здѣшней жизни наслаждаются неоднократными брачными союзами, деньгами и другими удовольствіями жизни. Вы вездѣ терпите мученія и страданія, здѣсь—добровольно, а тамъ—противъ воли". И потомъ прямо и положительно говоритъ о томъ, что живо и дѣйственно среди людей, кому онъ пишетъ, слѣдованіе преступному ученію еретиковъ.

---

[1]) Бесѣд. на разн. мѣст. Св. Пис., т. I, стр. 165.

„Вы, говоритъ, которые исполняете его, потерпите наказаніе“ [1]). Пояснимъ слово Златоуста историческимъ показаніемъ на *вѣроученіе Манихеевъ*. Мы встрѣтили свѣдѣнія о возникновеніи Манихейской ереси у отца церковной исторіи Евсевія Памфила. „Къ этому времени—285 г. по Р. Х.—приготовилъ свое сумасшествіе, свой превратный смыслъ и Манесъ, давшій имя извѣстной демонской ереси, ибо точно самъ демонъ, врагъ Божій—сатана ко вреду многихъ выбросилъ на свѣтъ этого человѣка... онъ дерзнулъ представлять изъ себя Христа, провозглашалъ себя утѣшителемъ и самимъ Духомъ Святымъ. Ложное и безбожное ученіе свое сшилъ изъ тысячи мнѣній, принадлежавшихъ давно угасшимъ ересямъ“ [2]). Подробнѣе говоритъ объ этой ереси Сократъ, церковный историкъ IV вѣка, обращая вниманіе на историческія условія возникновенія ереси. „Незадолго до времени Константина къ истинному христіанству начало прививаться христіанство язычествующее. Тогда къ христіанству Манесъ приналравливалъ ученіе языческаго философа Эмпедокла“. И далѣе разсказываетъ, кто былъ Манесъ, откуда и какъ онъ отважился на такую дерзость, указывая, что Манесъ соединилъ въ одно цѣлое христіанство и ученіе Эмпедокла и Пиѳагора [3]).—Въ чемъ заключается сущность этой ереси? „Первоначальная сущность его системы“, говоритъ Фарраръ, „была антихристіанская, такъ какъ это былъ дуализмъ. Манесъ училъ, что существуетъ два вѣчныхъ начала—свѣтъ, который есть добро, и матерія, которая есть зло. Христосъ не истинный человѣкъ, а только облеченный въ тѣлесную видимость. Христосъ на крестѣ—эмблема страданій каждой души. Манесъ—Параклетъ, коего Христосъ обѣщалъ послать въ міръ. Священство Манихеевъ—избранные; они назначались поддерживать вліяніе Манеса посредствомъ аскетическаго воздержанія отъ брака, винопитія и животной пищи, за что они наслаждались истиной, знаніемъ и разумомъ—паролями манихеевъ. Чистыя души, освобожденныя посредствомъ знанія отъ проклятія злой матеріи, сначала переходятъ въ солнце, потомъ на звѣздное небо, наконецъ въ первоначальный свѣтъ. Неочищенныя и неосвобожденныя души должны были достигать своего очищенія посредствомъ безконечныхъ переселеній, причемъ онѣ проходили чрезъ тѣла животныхъ и растеній.

---

[1]) Стр 8—11.
[2]) Стр 416.
[3]) I, 22

Манихеи пользовались своими діалектическими способностями для уничтоженія ветхаго завѣта и доказывали, что первоначальное откровеніе было безвозвратно искажено іудейскими монотеистами. Въ Евангеліяхъ также, по ихъ заявленію, было много вставокъ и противорѣчій. Но всѣ мѣста, въ которыхъ апостолы Іоаннъ и Павелъ говорятъ о противоположности между свѣтомъ и тьмою, плотью и духомъ, они приводили въ подтвержденіе своего собственнаго дуализма, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ этихъ частяхъ новаго завѣта содержалось первоначальное откровеніе. Особеннымъ зломъ системы этихъ еретиковъ было то, что они свободно пользовались всякими выраженіями христіанства въ совершенно иномъ смыслѣ отъ того, какой придавали имъ христіане. Ихъ таинства, извѣстныя только избраннымъ, были омерзительнаго свойства. Они имѣли свой праздникъ „Каѳедры“ Манеса, который состоялъ въ томъ, что предъ пышно задрапированнымъ кресломъ, стоявшимъ на площадкѣ, возвышавшейся на 5 ступеней, поклонялись всѣ бывшіе въ собраніи манихеи [1]). Въ IV вѣкѣ Манихеи представляли собой могущественную и многочисленную общину [2]). Блаженный Августинъ многіе годы и живымъ словомъ и письменемъ неустанно боролся съ этой ересью, и цѣлые десятки книгъ написалъ противъ Манихеевъ, желая ниспровергнуть ученіе дуализма, стремясь установить ученіе о верховномъ единствѣ Бога, о злѣ, какъ небытіи и отрицаніи, котораго источникъ въ человѣческомъ несовершенствѣ, въ немощности человѣческой воли, а не въ Богѣ, не въ нашей тѣлесной природѣ, не въ природѣ вещей, которыя сами по себѣ безразличны [3]). Теперь несомнѣнно понятны будутъ намъ рѣчи Златоуста, въ которыхъ онъ обличаетъ ересь Манихейскую.

Свои мысли противъ Манихейскаго дѣвства Св. Іоаннъ повторяетъ въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній. „Хотя ихъ—дѣвъ—тѣло и неосквернено, но мысли, которыя важнѣе тѣла, развращены... Но она покажетъ мнѣ блѣдное лицо, тощіе члены, бѣдный покровъ и кроткій взглядъ? Какая въ этомъ польза, если внутренній взглядъ безстыденъ. Покровъ ихъ бѣденъ, но вѣдь не въ одеждахъ и цвѣтѣ лица, а въ тѣлѣ и душѣ заключается дѣвство“ [4]). А что именно здѣсь рѣчь о преступномъ еретическомъ безбрачіи, такъ вотъ указаніе Св. Златоуста, встрѣчаемое тутъ же. „Всѣ подвижники воз-

[1]) Жизнь и труд. Св. Отц. и Уч. цер., стр 734 - 744.

[2]) Фарраръ, стр. 741.

[3]) Ibid., стр. 744.

[4]) О дѣвствѣ, стр. 11, 12 и др.

держиваются отъ сего, говоритъ Павелъ (1 Кор. IX, 25), т. е. отъ всего того, что вредитъ чистотѣ душевной, и *никто не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться* [1]). Итакъ, какія же условія этой борьбы?... *бракъ честенъ и ложе нескверно*“ (Евр. XIII, 4) [2]).

Обратимся къ свидѣтельствамъ Златоуста о другихъ заблужденіяхъ Манихейства въ Антіохіи.—Было здѣсь въ ходу ученіе о судьбѣ душъ неочищенныхъ.—„Сами они дерзаютъ низводить существо Божіе до кошекъ и собакъ“, говоритъ Златоустъ о язычникахъ въ словѣ на Рождество Христово, „а многіе изъ еретиковъ—даже до животныхъ еще худшихъ. Они—язычники—и подобно имъ преданные нечестію Манихеи, низводя существо Божіе до собакъ, обезьянъ и различныхъ звѣрей, ибо они утверждаютъ, что душа всѣхъ этихъ животныхъ происходитъ изъ Его существа,—не боятся и не стыдятся“ [3]).

Нерѣдко Св. Іоаннъ говоритъ противъ Манихеевъ и другихъ еретиковъ о происхожденіи зла въ мірѣ. Говоря о ереси Маркіона, мы привели одно мѣсто изъ твореній Златоуста [4]),—дополнимъ его здѣсь нѣсколькими указаніями. „Чтобы опровергнуть нашихъ противниковъ, разсмотримъ всѣ возраженія“, говоритъ Св. Іоаннъ. „Они говорятъ, что Богъ, сотворившій міръ, есть какое-то злое существо. А умѣреннѣйшіе изъ нихъ, хотя сего не утверждаютъ, но, называя Бога правосуднымъ, не признаютъ Его благимъ. Даютъ Христу другаго какого-то отца, коего и нѣтъ и который ничего не сотворилъ... Богъ, котораго они не называютъ благимъ, пребываетъ въ своей области и сохраняетъ принадлежащее ему, а Богъ благій входитъ въ чужую область и вдругъ хочетъ сдѣлаться спасителемъ того, чего не былъ творцомъ [5]). Зло не рождено. Подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ вымыслили—злоба діавольская—новое нечестивое ученіе. Желая показать, что зло не отъ Бога происходитъ, люди ввели новое нечестивое ученіе, признавъ зло нерожденнымъ“ [6]). Объясняя слова Св. Евангелиста Іоанна: „*и міръ Его не позна*“, Св. Златоустъ говоритъ: „отчего не всѣ знаютъ и Отца (Господа Іисуса Христа)? Ибо нѣкоторые говорятъ, что все въ мірѣ становится самодвижно; другіе попеченіе о всемъ при-

---

[1]) Стр. 13.

[2]) Ibid.

[3]) Слова и бесѣд. на разн. случ. т. II, стр. 39 .

[4]) Слова и бесѣды на разн. случ. т. III, стр. 178—179.

[5]) Бесѣд. на ев. Мѳ. т. I, стр. 319—320.

[6]) Бесѣд. на ев. Мо. т. III, стр. 8.

писываютъ демонамъ; а есть и такіе, которые, кромѣ истиннаго Бога, измыслили для себя какого-то другаго. Изъ сихъ иные богохульствуютъ, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думаютъ, что законъ Божій принадлежитъ какому-то злому духу. Что же? ужели потому, что нѣкоторые отвергаютъ Бога, и мы будемъ говорить тоже, или согласимся, что Онъ—золъ, какъ и это нѣкоторые богохульствуютъ"? [1]). „Христосъ низвергаетъ этимъ чудомъ—претворяетъ воду въ вино,—и возродившееся противное церкви ученіе. Ибо есть такіе, которые говорятъ, что существуетъ нѣкоторый иной создатель міра, и что видимое не Имъ (Богомъ) сотворено, а какимъ-то другимъ враждебнымъ Ему богомъ. Это—лжеученіе Манихеевъ", прибавляетъ Св. Іоаннъ [2]). Златоустъ представляетъ образчикъ извращенія еретиками словъ Св. Писанія. Напримѣръ: *Начатокъ духа имуще и мы сами въ себѣ воздыхаемъ* (Рим. VIII, 23). „Дабы еретики, говоритъ Св. Іоаннъ, не имѣли повода думать, что апостолъ осуждаетъ все начинающее, онъ говоритъ далѣе: *мы воздыхаемъ* не въ охужденіе настоящаго, но отъ желанія большаго. Это самое выразилъ онъ словами: *всыновленія чающе*". Неудачность извращенія еретиками словъ писанія мѣтко указываетъ Св. Іоаннъ въ самомъ писаніи. „Пользовались имъ,—апостольскимъ ученіемъ,—и Маркіонъ и Манихей, но разсѣкши на части. Впрочемъ и самыми сими частями они изобличаются" [3]). Извѣстно было въ Антіохіи и душепагубное пониманіе смерти и воскресенія Спасителя міра... „*Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради*". Впрочемъ прежде надобно выслушать, что говорятъ объ этомъ зараженные ересью манихейскою враги истины, возстающіе противъ собственнаго спасенія. Что же говорятъ они? Смертію, говорятъ они, Павелъ называетъ здѣсь ни что иное, какъ пребываніе въ грѣхѣ, а воскресеніемъ—освобожденіе отъ грѣховъ" [4]). Св. Златоустъ обличаетъ манихейство и въ уничтоженіи ветхозавѣтнаго ученія. Останавливаясь на словахъ Спасителя: „*не пріидохъ разорити законъ, но исполнити*", Св. Іоаннъ говоритъ: „симъ обуздывается безстыдство не только іудеевъ, но и заграждаются уста еретиковъ, которые говорятъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола" [5]). Ко всѣмъ этимъ указаніямъ Св. Іоанна Златоуста на существованіе

[1]) Бесѣд. на ев. Мѳ. т. I, стр. 103.
[2]) Бесѣд. на ев. Іоан. т. I, стр. 256.
[3]) Бесѣд. на 2-е Кор , стр. 266.
[4]) Бесѣд. на 1-е Кор., стр. 316.
[5]) Бесѣд. на ев. Мато., т. I, стр. 307.

ереси Манихейской въ Антіохіи въ его время мы должны прибавить, что вышеизложенное нами есть только часть обличеній, которую мы въ сокращенномъ видѣ взяли изъ твореній Златоуста лишь для нагляднаго доказательства, насколько наши изслѣдованія отвѣчаютъ цѣли нашего труда: показать религіозное состояніе церкви Антіохійской за время Св. Златоуста по его твореніямъ. Желающій ближе ознакомиться съ указаніями Іоанна Златоуста на ересь Манихейскую можетъ найти многія мѣста въ его твореніяхъ. Напримѣръ: Слов. т. III, стр. 178—179; Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стр. 491—492; Шесть словъ о свящ., стр. 93—95; Бесѣд. на раз. м. Св. Писанія т. I, стр. 167; т. II, стр. 50, 128, 540; Бесѣд. на кн. Бытія т. I, стр. 22; Бесѣд. на псал. т. II, стр. 492; Бесѣд. на ев. Мѳ. 7, т. II, стр. 336, 598, 448, 372, 634; т. I, стр. 266, 551; т. III, стр. 412; Бесѣд. на ев. Іоан. т. II, стр. 476. Одно это множество рѣчей Златоуста доказываетъ, между прочимъ, что ересь Манихейская сильно была развита въ христіанскомъ обществѣ Антіохіи.

Вмѣсто послѣсловія въ обозрѣніи нашемъ ереси Манихейской сдѣлаемъ нѣсколько примѣчаній. Замѣтимъ между прочимъ, что наши указанія въ твореніяхъ Златоуста, особенно гдѣ авторъ не называетъ ереси, непроизвольны, хотя нѣкоторыя взяты на основаніи авторитетной отмѣтки Montfocon-а „contra manicheos или manicheos intelligit“.

Въ ряду ересей Манихейство естественно могло найти себѣ почву въ Антіохіи. Какъ система раціоналистическая съ ея лестью умственной горделивости, съ ея постоянными ссылками на свободу, истину и мудрость и особенно съ ея притязаніемъ на особое озареніе,—такое заблужденіе могло имѣть даже обаяніе для многихъ умовъ въ Антіохіи, при извѣстномъ уже намъ настроеніи Антіохійской школы.

Если указанія Златоуста касаются нѣкоторыхъ сторонъ заблужденій ереси, а не ея ученія въ его полнотѣ; то не надобно забывать, что Св. Іоаннъ не систему излагаетъ, а говоритъ бесѣду къ народу, какъ пастырь-проповѣдникъ. Предполагается: слушатели знаютъ о чемъ идетъ рѣчь; а предметъ извѣстный въ подробностяхъ, достаточно лишь намѣтить, чтобы получилось понятіе, о чемъ говорятъ собесѣдники. А потомъ можно думать, конечно, что этимъ слушателямъ, въ большинствѣ представляющимъ всегда, прежде всего, все-таки толпу—народъ, раціоналистическія тонкости ересеученія въ ихъ цѣлостности не могли и быть извѣстны, а извѣстно было кое-что и все-таки чрезъ это кое-что ересь въ ихъ душахъ

находила сочувствіе и дѣлала ихъ своими сторонниками. IV-й вѣкъ изобиловалъ ересями антихристіанскаго свойства, ересіархи которыхъ прикрывались именемъ христіанъ. Заблужденія извращали ученіе вѣры не только о Христѣ, Его Ипостаси, Его Божествѣ, Его человѣчествѣ; нѣтъ! они касались даже и высочайшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы. Выразителемъ этой ереси былъ *Савеллій* еще въ III вѣкѣ по Р. Хр. Естественные вопросы: кто былъ этотъ Савеллій и въ чемъ состояло его ересеученіе? На оба вопроса находится отвѣтъ въ церковно-исторической современной литературѣ. „Хотя мы знаемъ весьма мало о немъ лично", говоритъ Фарраръ въ своемъ трудѣ о святыхъ отцахъ и учителяхъ церкви, „однако же онъ наиболѣе оригинальный, глубокій и умный изъ доникейскихъ монархіанъ, (которые въ той или другой степени отрицали божество Христа). И его система представляетъ наиболѣе правдоподобную соперницу православному тринитаріанизму. Воззрѣнія его имѣли пантеистическій характеръ и заимствовали нѣкоторые свои элементы изъ языческой философіи. Онъ смотрѣлъ на Троицу не какъ на совмѣстную *существа*, но какъ на послѣдовательную Троицу *откровенія*, возвращающуюся опять къ единству" [1]). Прибавимъ: эта ересь была отраслью патрипассіанъ, съ Прокссемъ и Ноетомъ, ученіе которыхъ влекло за собою предположеніе о распятіи Бога—Отца [2]), какъ выясняетъ это обстоятельство о. Кириллъ (Лопатинъ) въ ученіи Св. Аѳанасія о Святой Троицѣ [3]). „Савелліанство", говоритъ онъ, „принадлежитъ къ антитринитарнымъ ересямъ III го вѣка и ближайшимъ образомъ къ патрипассіанскому ихъ направленію" [4]). „Впрочемъ, къ патрипассіанскимъ идеямъ", прибавляетъ о. Кириллъ, „въ немъ—Савелліанствѣ—были примѣшаны и евіонейскія мысли". „По нашему мнѣнію", продолжаетъ почтенный авторъ, „Савеллій соединилъ оба направленія монархіанизма, развилъ свое ученіе въ цѣльную систему, превративъ прежній монархіанизмъ христологическаго характера въ дѣйствительный полный *антитринитаризмъ*", подчеркиваемъ слова, опредѣляющія, по нашему убѣжденію, сущность ереси,—*„отрицавшій личное бытіе всѣхъ трехъ Лицъ христіанской Троицы. Онъ превратилъ личное явленіе Бога въ лицѣ Іисуса*

[1]) Стр. 905.
[2]) Ibid., стр. 904.
[3]) Казань 1904 г.
[4]) Стр. 250.

Христа въ простое откровеніе Божества и различіе трехъ Божескихъ Ипостасей истолковалъ какъ различіе способовъ откровенія Бога. Онъ призналъ Бога не единосущнымъ въ трехъ Ипостасахъ или не трехъ-личнымъ, а въ строгомъ смыслѣ одноличнымъ [1]). Савелліанская троица съ христіанскою Троицею имѣютъ общее одно только названіе Отца и Сына и Св. Духа, потому что въ христіанской Троицѣ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть дѣйствительныя Божескія Лица, равносущныя и единосущныя между собою, а въ Савелліанствѣ они суть только простыя имена для означенія одного и того же Божескаго существа въ различныхъ формахъ Его домостроительной дѣятельности" [2]). Антіохія знала и эту ересь. Св. Іоаннъ Златоустъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанныхъ имъ до пресвитерства, упоминаетъ и объ этомъ заблужденіи и потомъ съ церковной каѳедры неоднократно указываетъ на ересь Савеллія. Хотя не говоритъ Антіохійцамъ: „вы держитесь", какъ выражался въ словѣ о другихъ ересяхъ, какъ мы видѣли выше; но предположить, что проповѣдникъ безцѣльно упоминаетъ еретическія ученія, предохраняя лишь свою паству отъ зараженія ересью, мы находимъ неосновательнымъ, потому что подобное заявленіе могло навести слушателей на размышленія объ ереси и, пожалуй, любопытство: „а какое такое это ученіе Савеллія"? Мы позволимъ себѣ увѣренность, что Савелліанство, хотя не въ особенно сильной степени, опять таки не во всей цѣлости системы своей, держалось въ Антіохіи. Указаній на это немного и они весьма кратки, и мы хотя главнѣйшія изъ нихъ приведемъ дословно. „*Не позналь еси Мене Филиппе*"! (Іоан. XIV, 9). „Нѣкоторые", говоритъ Златоустъ, „вслѣдствіе этого изреченія впали даже въ недугъ Савеллія [3]). „*Умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ*" (Іоан. XIV, 15), т. е., поясняетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „*иного*, такого же, какъ Я. Да постыдятся же зараженные недугомъ Савеллія и имѣющіе ненадлежащее понятіе о Духѣ Святомъ" [4]). „*Да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. „Но какимъ образомъ, скажешь, посылаемый и посылающій могутъ быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человѣческое и не разумѣешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и виновника Его познали и не

[1]) Ibid, стр. 251.
[2]) Ibid, стр. 254.
[3]) Т. II, стр. 344.
[4]) Т II, стр. 354.

впали въ ересь Савеллія“ [1]). Св. Златоустъ, говоря объ ереси Савеллія, указываетъ на связь ея съ другими ересями, по нѣкоторой одинаковости содержанія ихъ заблужденій. „*Сынъ есть сіяніе*“. „Слыша о сіяніи“, говоритъ Златоустъ, „не думай, что Сынъ не имѣетъ собственной Ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумію Савелліанъ и *Маркелліанъ* [2]). „Одержимые Савеллiановымъ неистовствомъ отпали отъ правой вѣры и ученіе ихъ имѣетъ большое сходство съ *ересью Павла Самосатскаго*“ [3]). Прослѣдимъ и мы указанія Св. Златоуста въ его твореніяхъ на эти заблужденія, ознакомившись предварительно съ исторіей возникновенія и содержаніемъ ученія каждой изъ сейчасъ поименованныхъ ересей.

Павелъ Самосатскій еретикъ старый. Секта эта, говоритъ Фарраръ [4]), основана была въ 260 году, и сообщаетъ біографическія свѣдѣнія, которыя мы, съ своей стороны, не считаемъ лишними въ нашемъ трудѣ, желая дать цѣльное представленіе объ ереси. „Павелъ былъ“, разсказываетъ Фарраръ, „decenarius procurator, высокій гражданскій сановникъ, который въ 260 году избранъ былъ въ санъ епископа Антіохіи“ [5]). „Онъ смотрѣлъ на Λόγος и Св. Духа, какъ на простыя силы Божіи“, продолжаетъ Фарраръ,— „не имѣющія личности. Вслѣдствіе того, что онъ слово „омоусіосъ“ употреблялъ въ смыслѣ тождества Христа съ Отцомъ, Синодъ Антіохійскій отвергъ это слово, какъ имѣющее Савелліанскій смыслъ“ [6]). „Павелъ Самосатскій“, сообщаетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „какъ говорятъ, изъ угожденія какой-то женщинѣ отрекся отъ своего спасенія“ [7]). Очевидно Златоустъ говоритъ объ отношеніяхъ Павла къ Зиновіи, царицѣ Польмиры въ Антіохіи. „Онъ, повидимому“, замѣчаетъ Фарраръ о Самосатскомъ, „преданъ былъ безграничному честолюбію, заносчивости... и даже позволялъ себѣ въ церкви пѣть гимны въ честь себя. Онъ былъ низложенъ третьимъ Антіохійскимъ соборомъ въ 269 году, но его низложеніе не могло быть приведено въ исполненіе раньше побѣды Авреліана надъ Зиновіей въ 272 году“ [8]). Объ этой ереси Св. Іоаннъ Златоустъ

---

[1]) Т. 1, стр. 459.
[2]) Бес. на Еван. Іоан. т. I, стр. 95.
[3]) О священствѣ, стр. 93—95.
[4]) Жизнь и труды свв. отц. и учит. церкви, стр. 904.
[5]) Ibid, стр. 904.
[6]) Ibid.
[7]) Бесѣд. на Ев. Іоан. т. I, стр. 100.
[8]) Фарраръ, стр. 904.

говоритъ подробно и настолько ясно излагаетъ заблужденія ереси, что намъ, кажется, нѣтъ надобности предварительно излагать систему ересеученія, какъ это считали необходимымъ при свѣдѣніяхъ о другихъ ересяхъ, обличаемыхъ Златоустомъ. Мы здѣсь увидимъ заблужденія Павла: о Богѣ, о Христѣ, отверженіе ветхаго завѣта и искаженіе новаго.

„Творецъ существуетъ прежде творенія. Дивлюсь безумію Павла Самосатскаго, какъ онъ дерзалъ противорѣчить столь очевидной истинѣ. Онъ заблуждался не по невѣденію, но очень хорошо понимая дѣло [1]). Богъ, который завѣщалъ Новый Завѣтъ, далъ и Ветхій [2]). Этимъ достаточно пророкъ заграждаетъ уста послѣдователямъ Павла Самосатскаго, которые отвергаютъ предвѣчное бытіе Единороднаго“ [3]). „Послѣдователи Павла Самосатскаго говорятъ, что Христосъ существуетъ съ того времени, какъ произошелъ отъ Маріи“ [4]).

„Теперь предъ нами Іудей, хотя и носитъ видъ христіанина, именемъ Павелъ Самосатскій. Что же онъ говоритъ? Говоритъ, будто Христосъ есть простой человѣкъ“ [5]). „*И слово бѣ къ Богу*“ (Іоан. 1, 1). „Его зачатіе, рожденіе, воспитаніе, возрастаніе миновавъ, и вдругъ—Св. Іоаннъ возвѣщаетъ намъ объ Его вѣчномъ рожденіи. Какая сему причина? Такъ какъ прочіе евангелисты, большею частію, говорятъ о человѣческомъ естествѣ Сына Божія, то должно было опасаться, чтобы по этому самому кто-нибудь изъ людей, пресмыкающихся по землѣ, не остановился только на этихъ однихъ догматахъ, что и случилось съ Павломъ Самосатскимъ“ [6]).

„*Яко Сынъ человѣчь есть, не дивитеся сему* (Іоан. V, 27). Павелъ Самосатскій не такъ читаетъ это мѣсто. А какъ? *область даде Ему судъ творити, яко Сынъ человѣчь есть* [7]). Христосъ то оставлялъ свою плоть одинаковою и лишенною собственнаго Его Божескаго содѣйствія, дабы, открывъ ея немощь, показывать ея природу; то покрывалъ ее, дабы ты зналъ, что Онъ былъ не простой человѣкъ. Разнообразилъ и перемѣшивалъ слова и дѣла, дабы не подать повода къ болѣзни и безумію ни Павла Самосатскаго, ни Манихеевъ,

---

[1]) Бесѣд. на Ев. Іоан т I, стр. 100.
[2]) Іер. XXXI. 31--32.
[3]) Бесѣд. на р м св пис г III, стр. 29.
[4]) Бесѣд. на псал т. I. стр. 194
[5]) Ibid., стр. 498.
[6]) Бес. на Ев. Іоан. т. I. стр. 55.
[7]) Ibid., стр. 463.

ни Маркіона, потому Онъ и предсказывалъ будущее, какъ Богъ и уклонялся отъ страданій, какъ человѣкъ“ [1]). Оставляемъ другія указанія [2]) Св. Іоанна Златоустаго на эту ересь, потому что существенное въ заблужденіи вообще намъ представляется достаточно яснымъ. А такъ какъ и прочія цитаты въ твореніяхъ Златоуста вращаются въ обличеніяхъ тѣхъ же пунктовъ Павла Самосатскаго, какія указываются и въ выдержкахъ, то становится несомнѣннымъ, что именно эти заблужденія были особенно знакомы Антіохійцамъ.

Четвертый вѣкъ, несмотря на то, что онъ ознаменованъ былъ такими явленіями, какъ 1-й и 2-й Вселенскіе соборы, былъ вѣкомъ нескончаемыхъ споровъ и раздѣленій [3]). За каждымъ, большею частію, краткимъ періодомъ нѣкотораго спокойствія, начинаются снова волненія и раздѣленія [4]). Полною жизнью жили старыя ереси, какъ указано нами, и порождались новыя, каковы: Маркелла и Аполлинарія.

Заблужденіе Аполлинарія, какъ новорожденное, за время Златоуста не успѣло еще сдѣлаться общеизвѣстнымъ и Св. Іоаннъ не замѣчалъ въ Антіохійцахъ наклонности къ этой ереси, ибо нигдѣ не говорится ни слова обличенія, ни предостереженія ни прямо, ни намекомъ. Аполлинарій, епископъ Лаодикійскій, только въ 362 году началъ публично отрицать совершенство человѣчества во Христѣ.

Что представляло собою *заблужденіе Маркелла* для православной церкви вообще и въ частности для Антіохіи? Но прежде сообщимъ кратко историческія свѣдѣнія о Маркеллѣ, возникновеніи ереси, ея судьбѣ въ церковной жизни IV вѣка.

Маркеллъ—епископъ Антіохійскій [5]). Онъ въ искренней ревности за православное ученіе, выраженное въ Никейскомъ символѣ вѣры, былъ сотрудникомъ Св. Аѳанасія въ дѣлѣ полемики его съ аріанствомъ на Никейскомъ соборѣ [6]). И здѣсь то Маркеллъ и сталъ еретикомъ. Извѣстна сущность аріанства. Маркеллъ въ борьбѣ противъ этой ереси аріанъ впалъ въ противоположную аріанству

---

[1]) Слов и бесѣд на разн случ т. I, стр. 491; прот. Аномеевъ VII бесѣд.

[2]) Слов. о свящ. 93 95; Бесѣд. на разн. м. св. писан. т. III, стр. 29; Бесѣд. на пс т. I, стр. 492; Бесѣд. на Ев Мо. т. I, стр. 132; Бесѣд. на Ев. Іоан т. I, стр. 196, и др.

[3]) А. П. Лебедевъ соч цит. стр. 105.

[4]) Ibid. стр. 103

[5]) Св Аоан , т. II, стр 82

[6]) Ibid.

крайность—заблужденіе Савеллія [1]). Св. Василій Великій свидѣтельствуетъ [2]), что Маркеллъ строилъ свои еретическія доктрины на выраженіи «ὁμοούσιος» Когда читаешь эти показанія, невольно приходитъ на сердце мысль: обстоятельства образованія заблужденія въ душѣ Маркелла именно такъ естественно могутъ возбуждать въ историкѣ прежде всего чувство жалости и состраданія къ заблуждающемуся. Человѣкъ такъ ревновалъ на защиту истины противъ ереси и зарепортовался, самъ впалъ въ заблужденіе! Противоборствуя ереси аріанской, стремившейся отличить, выдѣлить Ипостась Сына отъ Ипостаси Отца [3]), самъ впалъ въ заблужденіе: слилъ Божество Сына съ Божествомъ Отца [4]). Сочиненіе: „Вселенскіе Соборы IV и V вв.“ знакомитъ съ подробностями ученія Маркелла, что намъ такъ необходимо, чтобы уяснить себѣ, что приводимыя нами слова Златоуста указываютъ на существованіе именно этой ереси въ Антіохіи. „Маркеллъ училъ, что воплотился не Сынъ Божій, второе лицо Св. Троицы, имѣющее ипостасное бытіе, но Логосъ, всегда остающійся при Отцѣ, составляющій Его дополненіе и опредѣленіе, не самостоятельная сущность, но Логосъ, который и явившись въ міръ, остается при Отцѣ, и, по совершеніи спасенія рода человѣческаго, имѣющій возвратиться къ Отцу и въ Отца [5]). Потомъ—Маркеллъ не допускалъ личнаго бытія Святаго Духа [6]). Особенное вниманіе не только православныхъ, но даже аріанъ, ученію которыхъ было діаметрально противоположно ученіе Маркелла, останавливало на себѣ ученіе Маркелла о Сынѣ Божіемъ. На соборѣ Антіохійскомъ 345 года ниспровергаются мнѣнія Маркелла о лицѣ Богочеловѣка“, замѣчаетъ авторъ „Вселенскихъ соборовъ IV и V в.в.“ [7]). Причемъ упоминается и самое имя Маркелла и его ученика Фотина. „Проклинаемъ тѣхъ, кто ложно именуетъ Сына простымъ только Божіимъ словомъ.., которымъ угодно, чтобы Сынъ не прежде вѣковъ былъ Сыномъ Божіимъ, но съ того времени, какъ отъ Дѣвы пріялъ нашу плоть. Ибо имъ желательно, чтобы Христосъ съ сего только времени имѣлъ начало царствованія, которое и кончилось бы по скончаніи вѣка“.

---

[1]) «Всел. соб.», стр. 70.
[2]) T. VI. 27.
[3]) «Всел. соб.», стр. 68.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., стр. 67.
[6]) Ibid , стр. 88
[7]) «Вселен. собор » стр. 75.

Второй Вселенскій соборъ изображаетъ въ своихъ особенностяхъ плотское естество Богочеловѣка, и это представляетъ отличіе Константинопольскаго символа отъ Никейскаго, въ которомъ—символѣ—соборъ имѣетъ въ виду устранить всякія подозрѣнія относительно призрачности, преходимости человѣческаго естества во Христѣ. Всѣ основанія есть предполагать, что отцы направляютъ свои опредѣленія противъ ученія Маркелла (и Аполлинарія). Что символъ имѣлъ въ виду ниспроверженіе ученія Маркелла, это видно изъ того, съ какою силою онъ утверждалъ мысль, что Богочеловѣкъ всегда пребываетъ лицомъ, отличнымъ отъ Отца:—„сѣдяща одесную Отца“, „царству Котораго не будетъ конца“ [1]). „Ученіе Константинопольскаго символа о Духѣ Святомъ провозглашено было, безъ сомнѣнія, для ниспроверженія безконечныхъ неправильныхъ воззрѣній относительно третьей Ипостаси Св. Троицы, а также и вопреки Маркеллу, отрицавшему Ипостасное бытіе Св. Духа“, замѣчаетъ досточтимый авторъ „Вселенскихъ соборовъ“ [2]). Прежде чѣмъ приведемъ мы слова Св. Іоанна Златоуста, указывающія его слушателямъ на ересь Маркелла, мы остановимся еще на одномъ обстоятельствѣ, которое можетъ пролить свѣтъ на рѣшеніе вопроса: была или не была въ данное время эта ересь въ Антіохіи, имѣла или не имѣла она своихъ адептовъ въ періодъ пастырской дѣятельности Златоуста среди Антіохійскихъ христіанъ? Вопросъ, какъ очевидно, очень важный для нашего изслѣдованія о религіозномъ состояніи Антіохійской церкви за время Златоуста. Вотъ это обстоятельство. Маркеллъ, даже и послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ его заблужденіе, пользовался расположеніемъ лицъ весьма важныхъ въ тогдашнемъ православномъ мірѣ. Св. Аѳанасій Великій пишетъ [3]): „о Маркеллѣ, епископѣ Анкирскомъ, не нужно и говорить, потому что всѣмъ извѣстно, какъ онъ былъ обвиняемъ аріанами и оправдался“ [4]). И это расположеніе къ Маркеллу не единично. Маркеллъ и Аполлинарій пользовались славою и уваженіемъ въ кругахъ православныхъ; постоянно или весьма долго были защищаемы православными отъ нападенія аріанъ [5]). Но

---

[1]) «Вселен. собор » стр. 116.

[2]) Ibid., стр. 118.

[3]) Т. II, стр. 82.

[4]) Соборъ Константинопольскій 335 г., Антіохійскій 341 г. и другіе 4-го и 5-го десятилѣтій IV вѣка направляли свои сужденія противъ Маркелла. Стр. 74 «Вселен. соб »

[5]) «Всел Соб.»

надобно прибавить при этомъ: Маркеллъ и Аполлинарій стояли всю жизнь въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ поборниками Никейской вѣры [1]), которые какъ будто игнорировали ихъ заблужденія, покрывая ихъ своимъ снисхожденіемъ, и помнили лишь объ ихъ заслугахъ въ церкви [2]). Это были общества Александрійствующаго богословствованія. А въ кружкахъ Антіохійствующихъ оба эти лица—Маркеллъ и Аполлинарій—считались страшными врагами христіанскаго ученія [3]). Спрашивается, могла ли ересь Маркелла найти себѣ мѣсто въ обществѣ г. Антіохіи? Отвѣчаемъ: въ передовыхъ представителсхъ Антіохійскаго направленія безусловно не могла, но въ народѣ г. Антіохіи, увлекавшемся, какъ видѣли, всякими вѣтрами ученія, пожалуй, и могла. Но движеніе ученія Маркелла во всякомъ случаѣ могло быть извѣстно не только представителямъ Антіохійскаго направленія, но и народу—толпѣ, который въ то время такъ интересовался религіозными вопросами, что другъ другу среди обычныхъ житейскихъ занятій предлагали религіозные вопросы [4]). Это послѣднее обстоятельство, что народъ Антіохійскій слышалъ, зналъ о существованіи ереси Маркелла, на основаніи слова Св. Іоанна Златоуста, мы положительно утверждаемъ, а что были еретики Маркеллисты, этого, на основаніи слова Златоуста, мы не допускаемъ иначе, какъ только въ формѣ Савелліанизма или въ тѣсной связи съ нимъ. Но вотъ это слово Златоуста и, прибавимъ, единственное въ ряду твореній его за Антіохійскій періодъ его пастырской дѣятельности. Въ бесѣдѣ на 9-й ст. 1-й гл. Евангелія отъ Іоанна: „*бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*“, проповѣдникъ говоритъ: „Сынъ есть сіяніе“... слыша о сіяніи, говоритъ апостолъ, не думай, что Сынъ не имѣетъ собственной Ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумію Савелліанъ и Маркелліанъ“ [5]). Въ виду вышеизложеннаго нами соображенія, мы недоумѣваемъ, какъ возможно сказать: Св. Іоаннъ Златоустъ въ твореніяхъ своихъ показываетъ намъ, что... въ самой Антіохіи находилось значительное число послѣдователей... Маркелла? А такое показаніе дѣлаетъ о. В. Лебедевъ въ своемъ „подробномъ описаніи жизни и пастырской дѣятельности Святаго Отца нашего Іоанна, Архіепископа Констан-

[1]) Ibid., стр 69.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Св. Аѳанасій, т. III, стр. 108—409.
[5]) Бесѣд. на Ев. Іоан. т. 1, стр. 95.

тинопольскаго, Златоустаго", напечатанномъ въ академическомъ журналѣ: „Прибавленія къ твореніямъ Св. Отецъ,—т.т. XIV, XV, XVI—данное мѣсто стран. 81, XV т. Доискивались мы подтвержденія справедливости этого показанія въ твореніяхъ Св. Златоуста,—и не нашли, и потому позволяемъ себѣ думать: слово о. Василіемъ Лебедевымъ брошено наобумъ; точной справки съ твореніями Златоуста не сдѣлано. А намъ это такъ необходимо для точнаго разумѣнія религіознаго состоянія Антіохійской церкви, и мы потрудились кропотливо порыться въ твореніяхъ Златоуста,—и вотъ результатъ: указаній, подтверждающихъ показаніе о. В. Лебедева, нѣтъ у Златоуста. Справедливо замѣчаетъ о. Василій: „иногда Св. Іоаннъ ограничивается однимъ указаніемъ на какое либо заблужденіе и въ такомъ случаѣ все опроверженіе состоитъ у него только въ томъ, что шаткимъ и неопредѣленно высказаннымъ мнѣніямъ еретиковъ противопоставляетъ онъ непоколебимое и ясное сознаніе положительной истины" [1]). И въ подробномъ примѣчаніи указываетъ, между прочимъ, именно мѣсто той же бесѣды Златоуста, какое мы выше дословно приводили [2]). Одно и единственное мѣсто нашли мы во всѣхъ твореніяхъ Златоуста, прямо указывающее—и только на *существованіе ереси* и *Македонія:* „Гдѣ теперь", восклицаетъ Св. Іоаннъ въ похвальномъ словѣ св. мученику Роману [3]),—„гдѣ теперь у насъ Македоній, возстающій противъ Утѣшителя, подавшаго дарованіе языковъ? Мученикъ говорилъ, когда у него языкъ былъ уже отрѣзанъ" [4]).

Были ли эти еретики въ Антіохіи? Созоменъ [5]) даетъ понять, что во Фракіи, Виѳаніи, Геллеспонтѣ и областяхъ отдаленнѣйшихъ Константинополѣ, Исавріи [6]), гдѣ сильнѣе всего утверждалось антіохійское направленіе, были единомышленники Македонія и было ихъ въ той странѣ множество. Историкъ при этомъ разсказываетъ о гоненіи, воздвигнутомъ противъ Македоніанъ царемъ Валентомъ и епископомъ Евдокіемъ, вслѣдствіи чего Македоніане прибѣгаютъ подъ покровительство папы римскаго. Но ознакомимся съ ересіархомъ и его ученіемъ; надобно же знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. *Македоній* былъ епископъ Константинопольскій, низложенъ въ 360г.[7])

[1]) Ibid., стр. 83

[2]) Ibid , прим.

[3]) Слов. и бесѣд. на разн. случ. т. I, стр. 309.

[4]) Ibid., стр. 308.

[5]) Кн. VI, гл. 10.

[6]) «Вселен. Соб.» стр. 122.

[7]) Фарраръ, указ. соч. стр. 905.

за отрицаніе Божества Св. Духа. Онъ основалъ временную секту, извѣстную подъ именемъ духоборцевъ; осужденъ вселенскимъ соборомъ 181 года. „Ученіе Македоніанъ извѣстно“, говоритъ авторъ „Вселенскихъ Соборовъ“ IV и V в.в. „Сынъ Божій подобенъ Отцу“, „Духъ—тварь“. Разсказы Созомена о посольствѣ Македоніанъ въ Римъ знакомятъ съ ихъ настроеніемъ въ отношеніи къ ученію вѣры. „Мы хранимъ вѣру, утвержденную на Св. Никейскомъ Соборѣ“, говорятъ они въ своемъ исповѣданіи [1]), „ту вѣру, въ которой, вопреки превратному ученію Арія, свято и благочестно принимается единосущіе. Арія, равно какъ его учениковъ и единомышленниковъ и всякую ересь патрипассіанъ, Маркіонитовъ, Фотиніанъ, Маркелліанъ, Павла Самосатскаго... и всѣ ереси осуждаемъ“. Но историкъ замѣчаетъ при этомъ [2]) о Македоніанахъ: „приняли имя „единосущный“, какъ однозначительное съ выраженіемъ: „подобный по существу“. Римскій папа Ливерій хвалилъ ихъ за единомысліе и согласіе въ отношеніи къ ученію [3]). Послѣ нѣкоторые изъ нихъ отвергли слово: „единосущный“ [4]). Въ 381 году Македоніане были призваны на II-й Вселенскій соборъ въ тѣхъ видахъ, чтобы возсоединить ихъ съ церковью, такъ какъ они „не многимъ чѣмъ отличались въ своихъ понятіяхъ о вѣрѣ“ [5]). Но дѣло кончилось ничѣмъ. Македоніане во всемъ соглашались съ соборомъ, а слова „единосущный“ въ православномъ смыслѣ не приняли [6])—и еретики остались еретиками. Можно думать, что близость направленія Македоніанъ къ направленію Антіохійскому,—отвѣчаемъ на поставленный нами вопросъ,—могла расположить Антіохійцевъ къ ереси Македонія. И это заблужденіе могло быть не только извѣстнымъ, но и принятымъ въ христіанскомъ обществѣ Антіохіи. Но за неимѣніемъ точнаго указанія ни въ исторіи, ни въ словѣ Златоуста, въ данномъ случаѣ заключать, что Македоніанъ было значительное множество въ самой Антіохіи, опять таки неудобно, ибо отъ возможности до дѣйствительности далеко.

Евсевій Памфилъ, оканчивая свою исторію, пророчитъ миръ и благоденствіе для церкви [7]). Но именно послѣ Евсевія тотчасъ,

---

[1]) Гл. II.
[2]) Гл. 10.
[3]) Ibid.
[4]) Сократъ кн. V, гл. 4.
[5]) Созоменъ.
[6]) «Вселенск. собор.» стр. 123.
[7]) Послѣдніе главы.

такъ сказать, съ особенною силою въ церкви IV-го вѣка появились несогласія и споры: ереси порождались съ такою быстротою, что церковь, не успѣвъ окончить борьбу съ однимъ врагомъ, должна была вступать въ борьбу съ другимъ [2]). Но у церкви были и другіе враги, которые вторгались въ стадо Христово, болѣе или менѣе различными способами стремились вліять на религіозное настроеніе христіанскаго общества, съ которыми церкви Христовой, какъ благопопечительной матери, приходилось считаться, охраняя своихъ дѣтей. Эти иные враги и для церкви вообще и для Антіохійской въ частности, нападавшіе какъ волки на овецъ Христовыхъ, были враги внѣшніе: язычники и іудеи.

ГЛАВА VI-я.

Секта Іудействующихъ въ Антіохійской церкви.

Еще во время Св. Апостоловъ, когда только что свѣтъ Христовъ просвѣтилъ Антіохію, явились здѣсь евреи. Антіохія, находясь въ сосѣдствѣ съ Финикіею, великой Арменіей, Киликіей и Каппадокіей, славилась обширною торговлею. И это было причиной, почему евреи во всѣ времена во множествѣ стекались сюда. *Разсѣявшіеся отъ гоненія, бывшаго послѣ Стефана*, передаетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, *прошли до Финикіи, Кипра и Антіохіи, никому не проповѣдуя слова, кромѣ Іудеевъ. Но были изъ нихъ нѣкоторые Кипряне и Киринейцы, которые, прошедши въ Антіохію, проповѣдовали Еллинамъ благовѣстія Господа Іисуса. И рука Господня была съ ними, такъ что великое число увѣровало и обратилось къ Господу. Дошелъ слухъ до Іерусалимской церкви и послали Варнаву въ Антіохію. Онъ, прибывъ туда и увидѣвъ благодать Божію, возрадовался и убѣждалъ всѣхъ держаться Господа всѣмъ сердцемъ. Потомъ Варнава пошелъ въ Тарсъ искать Савла и найдя его пришелъ въ Антіохію. Цѣлый годъ собирались они съ тамошнею церковью и научили немалое число людей... Въ сіе время пришли изъ Іерусалима пророки* (Дѣян. XI, 19—27). Но послѣ этого такъ радостнаго извѣстія, Св. Лука находитъ необходимымъ отмѣтить и одно печальное обстоятельство за самое первое время христіанства въ Антіохіи. „*Нѣкоторые*, говоритъ, *пришедши изъ Іудеи, учили братьевъ: вы не можете спастись, если не обрѣжетесь по обряду Моисееву*“ (XV, I). Очевидно, эти пришедшіе христіане изъ Іудеи сами были евреи. Пропо-

[1]) А. П. Лебедевъ. «Греч. истор.» стр. 103.

вѣдь, которую они принесли съ собой въ Антіохію, была для нихъ словомъ искренняго убѣжденія, которому они замѣчали нѣкоторое одобреніе, какъ имъ казалось, въ самихъ Апостолахъ. Объяснимъ это. Іудеи, увѣровавшіе въ Іисуса Христа, съ самаго начала не отдѣлялись рѣзко отъ господствовавшей Іудейской церкви,—по прежнему собирались на молитву въ Іерусалимскій храмъ, приносили тамъ жертвы, вообще выполняли весь обрядовый законъ Моисеевъ. Будучи воспитаны въ уваженіи къ закону Моисееву, они не могли такъ скоро усвоить въ себѣ мысль, что обрядовый законъ, бывшій только сѣнію грядущихъ благъ, съ пришествіемъ Спасителя дѣлается излишнимъ, и многіе изъ нихъ утверждали, что онъ необходимо долженъ быть соблюдаемъ и въ христіанствѣ. Подъ вліяніемъ древней Іудейской мысли, что обѣтованія Божіи о Мессіи и Его царствѣ относятся къ одному только народу еврейскому, многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ и утверждали, что въ христіанскую церковь должны вступать только Іудеи, язычники же, чтобы быть принятыми въ церковь, должны предварительно сдѣлаться Іудеями, т. е. принять обрѣзаніе и выполнить весь обрядовый законъ Моисея. Апостолы, получившіе отъ Господа Іисуса Христа наставленіе проповѣдовать Его евангеліе всѣмъ народамъ, чтобы не произвести раздѣленія въ только что устрояющейся церкви, въ уничтоженіи такого заблужденія дѣйствовали съ особенною осторожностью. Распространяя на первыхъ порахъ христіанство между Іудеями, къ которымъ ближе всего имъ было обратиться съ проповѣдью, они ожидали того времени, когда увѣровавшіе изъ Іудеевъ сами собой убѣдятся въ томъ, что обрядовый законъ Моисеевъ долженъ быть отмѣненъ и язычники должны быть принимаемы въ церковь безъ обязательства соблюдать законъ Моисеевъ. Въ этотъ именно періодъ проповѣди здѣсь Апостоловъ выходцы изъ Іудеевъ и пришли въ Антіохію. Но здѣсь далеко не раздѣляли ихъ воззрѣній. Здѣсь были уже вѣрующіе не только изъ Іудеевъ, но и изъ язычниковъ. Сразу произошло смущеніе, несогласіе, раздѣленіе; выходило: что тѣ вѣрующіе во Христа, которые приняли крещеніе раньше прибытія въ Антіохію Іудействующихъ прозелитовъ христіанства, не могли быть приняты въ общество церкви Христовой, ибо они приняты безъ всякой мысли о законѣ Моисеевомъ. Дѣло проповѣди апостольской могло остановиться, какъ, надобно полагать, и было въ дѣйствительности. Апостолы Павелъ и Варнава возстали противъ этого ученія, и малая церковь Антіохійская отправила ихъ въ Іерусалимъ за точнымъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса: слѣдуетъ

или не слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ обрѣзывать язычниковъ? Составился первый христіанскій соборъ—соборъ Апостольскій. Собрались Апостолы: Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Павелъ, Варнава, и пресвитеры, и вѣрующіе Іудеи. Послѣдніе поддерживали ученіе,—особенно увѣровавшіе фарисеи,—выходцевъ въ Антіохію. Петръ, Павелъ и Варнава представили примѣры, что Богъ далъ благодать спасенія и язычникамъ чрезъ нихъ и безъ Моисеева закона. А Іаковъ выяснилъ, что церковь Христова для всѣхъ народовъ, а не для Іудеевъ только; „*посему я полагаю*, заключилъ Апостолъ, *не затруднять обращающихся изъ язычниковъ, а написать имъ, чтобы они воздерживались отъ оскверненнаю идолами, отъ блуда, удавленины и крови, и чтобы не дѣлали другимъ того, чего не хотятъ себѣ*“. И всѣ бывшіе на соборѣ приняли въ концѣ концовъ это слово, какъ законъ, освященный Богомъ: „*изволися Святому Духу и намъ*“ (Дѣян. XV). Но Іудействующіе христіане въ Антіохіи продолжали стоять на своемъ; произошелъ расколъ, который пустилъ здѣсь корни и былъ весьма душепагубенъ. Этотъ расколъ имѣлъ послѣдствіемъ, какъ намъ кажется, слѣдующія два грустныхъ явленія: 1) оставались христіане Іудействующіе и 2) Іудеи—блюстители закона Моисеева, мыслію которыхъ было: „вы не хотите предъ принятіемъ христіанства исполнить обрѣзанія и соблюденія закона Моисеева, а мы не хотимъ себѣ самаго христіанства“. И вотъ—запальчивый прозелитизмъ еврейства! Во времена Златоуста были христіане, имѣвшіе общеніе и съ церковію Христа и съ синагогой еврейской; были и ярые Іудеи. Тѣ и другіе имѣли вліяніе на жизнь, на мысль, на чувство вѣрныхъ Христу; первые служили соблазномъ: „что же вѣрно? такъ ли христіанину іудействовать надо или иначе—безъ еврейства спастись можно?—а другіе—жиды—прямо завлекали христіанъ къ себѣ, перемапивая въ свою вѣру, хотя только по внѣшности: „хоть разъ побывай въ синагогѣ“. Со всѣми этими грустными явленіями въ религіозной жизни Антіохійской церкви знакомятъ насъ творенія Св. Златоуста.

При Златоустѣ Іудеи имѣли въ Антіохіи своего патріарха, двѣ синагоги: одну въ самомъ городѣ, другую въ предмѣстьи Дафны, близъ пещеры Матроны; пышно совершали свои праздники; хвалились своими постами, обрядами; говорили, что въ синагогѣ произнесенная клятва священна и дѣйствительна, и наконецъ, себѣ только приписывали истинное искусство врачеванія болѣзней. Все это для насъ важно знать настолько, насколько это еврейство имѣло отношеніе къ христіанскому обществу и оказывало на него

свое вліяніе. Спеціальныя слова Златоуста „противъ Іудеевъ“ представляютъ картину религіознаго состоянія тогдашняго Іудейства, характеристику нравовъ евреевъ вообще, частію патріарховъ этого времени, свойство постовъ, праздниковъ, и потомъ указываютъ отношеніе Іудеевъ къ христіанамъ, что Іудеи пытаются воздѣйствовать на христіанъ.—„Многіе уважаютъ Іудеевъ“, говоритъ Св. Златоустъ въ 1-мъ словѣ, „и нынѣшніе обряды ихъ считаютъ священными. Потому спѣшу исторгнуть съ корнемъ это гибельное мнѣніе“ [1]). И проповѣдникъ исполняетъ свое намѣреніе, разбираетъ еврейскую святость и самимъ слушателямъ предоставляетъ рѣшить: есть тутъ истинно святое или нѣтъ? „Синагога не лучше театра“, продолжаетъ Златоустъ: „приведу на это свидѣтельство изъ пророка: „*лице жены и блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ*“ (Іер. II, 3). А гдѣ блудница предается блудодѣянію, то мѣсто и есть непотребный домъ. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный домъ и театръ, но и вертепъ разбойниковъ, и логовище звѣрей, вертепъ не просто звѣря, но звѣря нечестиваго это святилище!“ А вотъ каковы священники: „гдѣ теперь ваша святыня?“ говоритъ Св. Іоаннъ. „Гдѣ первосвященникъ? гдѣ одежды и слово судное? (Исх. XXVII, 15) и явленіе—сіяніе, которое открывало будущее (нагрудникъ первосвященника)? (стр. 30). Не говори мнѣ объ этихъ вашихъ патріархахъ—корчемникахъ, торгашахъ, исполненныхъ всякаго беззаконія. Какой тутъ священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ того древняго помазанія, ни всей прочей святыни? Какой священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ ни жертвы, ни алтаря, ни богослуженія! Хочешь, разскажу тебѣ законы о священствѣ, по которымъ въ древности были поставляемы первосвященники, дабы ты зналъ, что нынѣшніе, такъ называемые вами, патріархи не суть священники, но только носятъ личину священниковъ и играютъ, какъ бы на сценѣ, или даже не могутъ выдержать и личины, такъ далеки они не только отъ истины, но даже отъ ея подобія“ [2]). Понятно, какова была паства при такихъ пастыряхъ. Укажемъ, какъ Златоустъ еще разъ представляетъ пустоту современнаго ему богослуженія евреевъ. „Гдѣ теперь жертвенникъ? Гдѣ кивотъ? Гдѣ скинія и святая святыхъ? гдѣ херувимы славы, гдѣ очистилище, гдѣ чаша, гдѣ сосуды возліванія? Гдѣ огнь, свыше ниспосланный? Все оставилъ ты и удерживаешь только

[1]) Слов., т. III, стр. 457.
[2]) Т. IV, стр. 538.

трубы! Видишь ли, что Іудеи только играютъ, а не служатъ Богу“ [1]).

Для обузданія наглости Іудеевъ и обличенія ихъ въ томъ, что они беззаконно поступаютъ [2]), Св. Іоаннъ подробно рисуетъ картину церковныхъ собраній ихъ—сборища Іудейскаго. Мы беремъ мѣста изъ его твореній, представляющіяся намъ наиболѣе рельефными, болѣе идущими къ дѣлу и потому болѣе интересными. „Собравъ толпу изнѣженныхъ людей, говорилъ Св. Іоаннъ, и скопище распутныхъ женщинъ, весь этотъ театръ актеровъ увлекаютъ въ синагогу [3]). Но какъ каждый порокъ въ своемъ обнаженномъ видѣ отвратителенъ, то, обыкновенно, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе людей, принимаетъ хоть сколько нибудь приличную форму; несомнѣнно, искуситель Христа не прямо такъ таки дьяволомъ и явился ко Христу, а непремѣнно, надо полагать, въ благообразномъ видѣ, быть можетъ даже въ образѣ ангела свѣта“.

Такъ Антіохійскіе жиды представляли на видъ вниманію народа: „мы постимся и торжественно молимся; у насъ въ синагогѣ святыня“. Послушаемъ Златоуста, какъ онъ разоблачаетъ эти посты и уясняетъ значеніе этой святыни. „Поститься тебѣ, Іудей, надлежало тогда, когда пьянство тебѣ причиняло столько бѣдствій, когда пресыщеніе порождало нечестіе,—тогда, а не теперь; потому теперь постъ неумѣстенъ и мерзокъ [4]). Запоздалая ревность по закону Моисееву! Постящемуся же должно быть кроткимъ, сокрушеннымъ, смиреннымъ и не опьянять себя гнѣвомъ, а ты бьешь подобныхъ себѣ рабовъ. Такъ Іудеи тогда постились въ судѣхъ и сварѣхъ (выше приводится пророчество Исаіи LVIII, 4), а теперь постятся въ неумѣренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади; у нихъ“, говоритъ Св. Іоаннъ, „цѣль постящихся и видъ пьянствующихъ [5]). Нѣкоторые считаютъ синагогу мѣстомъ досточтимымъ [6]). Почему же вы уважаете это мѣсто? Въ немъ, скажите, лежитъ законъ и пророческія книги [7]). Не говори мнѣ, что тамъ—въ синагогѣ—лежитъ законъ и книги пророковъ. Этого не довольно для освященія мѣста [8]). Ужели, гдѣ

---

[1]) T. IV, стр. 538.
[2]) Ibid, стр 534.
[3]) Ibid., стр. 457.
[4]) Ibid., стр. 455.
[5]) Ibid., стр. 456.
[6]) Ibid., стр. 465.
[7]) Ibid.
[8]) Стр. 609.

будутъ эти книги, то мѣсто и будетъ свято? вовсе нѣтъ“ [1]),—говоритъ Златоустъ и представляетъ примѣры для разумнаго доказательства своей мысли: „палачи держатъ въ рукахъ у себя тѣла мучениковъ, такъ ужели ихъ руки стали святы [2])? Ужели поэтому будутъ эти палачи заслуживать уваженія, не крайне ли это безумно [3])? Птоломей Филадельфъ, собирая отвсюду книги и узнавъ, что у Іудеевъ есть писанія, преподающія ученіе о Богѣ и о самомъ лучшемъ устройствѣ жизни, вызвалъ изъ Іудеи мужей и чрезъ нихъ перевелъ эти писанія и положилъ ихъ въ храмѣ Сераписа (онъ былъ язычникъ), гдѣ и доселѣ находится этотъ переводъ книгъ. Что же? Ужели храмъ Сераписа изъ-за этихъ книгъ будетъ святъ? Нѣтъ, сами они святы, но мѣсту не сообщаютъ святости по нечистотѣ собирающихся въ этомъ мѣстѣ. Такъ надобно судить“, прибавляетъ проповѣдникъ, „и о синагогѣ. Пусть тамъ не стоитъ идолъ, за то живетъ демонъ, [4]), ибо душевное расположеніе собирающихся въ немъ,—въ этомъ мѣстѣ—синагогѣ, оскверняетъ его [5]),—это мѣсто. Что важнѣе? то-ли, когда священныя книги лежатъ въ извѣстномъ мѣстѣ, или то, когда люди говорятъ о содержащемся въ этихъ книгахъ [6])? Самое произношеніе словъ не освящаетъ [7]): діаволъ сказалъ отъ Писанія, искушая Господа въ пустынѣ,—ужели освятились уста его [8])? Я потому-то особенно ненавижу синагогу, гнушаюсь ею, что, имѣя пророковъ, Іудеи не вѣруютъ пророкамъ; читая писаніе, не признаютъ свидѣтельствъ его. А это свойственно людямъ въ высшей степени злымъ. Когда они говорятъ, будто пророки и Моисей не знали Христа и ничего не сказали объ Его пришествіи, какое же еще большее можетъ быть оскорбленіе для этихъ святыхъ, какъ не обвиненіе ихъ въ томъ, что они не знаютъ своего Владыку“ [9])?—Но ревностный пастырь Христова стада въ Антіохійской церкви имѣлъ особенное условіе и побужденіе къ своему горькому чувству. „За то-то особенно и ненавижу синагогу, что въ ней лежатъ законъ и пророки, и ненавижу теперь болѣе,

---

[1]) Стр. 465.
[2]) Стр. 464.
[3]) Ibid, стр. 467.
[4]) Ibid., стр. 469.
[5]) Ibid., стр. 468.
[6]) Ibid., стр. 609.
[7]) Ibid., стр. 610.
[8]) Ibid., стр. 609.
[9]) Ibid., стр. 466.

чѣмъ когда бы въ ней не было ихъ. А почему? Потому, что это служитъ сильною приманкою, большимъ обманомъ для простыхъ душъ [1]). Чтобы отворить дверь обманамъ и дать лжи болыпе благовидности, демоны примѣшали къ ней нѣсколько и истины, подобно какъ приготовляющіе ядовитые составы, обмазывая края сосуда медомъ, дѣлаютъ то, что вредное зелье легко принимается [2]). Да и какой теперь ковчегъ у Іудеевъ, говоритъ Златоустъ, когда у нихъ нѣтъ ни очистилища, ни жертвы, ни помазанія, ни скрижалей завѣта, ни святаго святыхъ, ни архіерея, ни ѳиміама, ни всесожженія и жертвы, ни всего другаго, что дѣлало ковчегъ досточтимымъ! Мнѣ кажется этотъ нынѣшній ковчегъ ихъ ничѣмъ не лучше и даже гораздо хуже тѣхъ ковчеговъ, которые продаются на площади. Эти нисколько не могутъ вредить подходящимъ, а тотъ каждодневно наноситъ великій вредъ приближающимся къ нему [3]). Говоримъ это, продолжаетъ Св. Іоаннъ, не обвиняя законъ, да не будетъ сего! но желая показать преизбыточествующее богатство благодати Христовой. Законъ не противится Христу, да и какъ можетъ противиться, когда и данъ Христомъ и руководитъ насъ ко Христу? Принуждены мы сказать сіе о законѣ по причинѣ неблаговременнаго упорства пользующихся закономъ не такъ, какъ должно“ [4]). Насколько обманъ удавался жидамъ, насколько приманка дѣйствовала на простыхъ людей и даже привлекала христіанъ, самъ Св. Іоаннъ Златоустъ разсказываетъ одинъ печальный, но знаменательный случай. „Тамъ—въ синагогѣ—не покланяются Богу, нѣтъ! тамъ мѣсто идолослуженія“, говоритъ проповѣдникъ. „А между тѣмъ нѣкоторые изъ христіанъ обращаются къ этимъ мѣстамъ, какъ къ священнымъ. И это говорю не по догадкамъ, но по указанію самаго опыта“ [5]). Чтобы почувствовать всю силу слова проповѣдника и сознать все значеніе его для слушателей, надобно читать въ подлинныхъ выраженіяхъ автора... „Повѣрьте мнѣ, не лгу, я видѣлъ, что какой то негодяй и безумецъ, выдающій себя за христіанина,—не могу назвать истиннымъ христіаниномъ отважившагося на такой поступокъ,—принуждалъ одну почтенную, благородную, скромную и вѣрную женщину войти въ синагогу еврейскую и тамъ поклясться по спорному между нимъ и ею дѣлу. Такъ какъ эта

[1]) Ibid, стр. 610.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid, стр. 612.
[4]) Homilia II adv Iuxeos.
[5]) Стр. 458.

женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насиліе, говоря, что ей, причастницѣ Божественныхъ Таинъ, не подобаетъ идти въ то мѣсто; то я, возгорѣвшись и воспламенившись ревностію, возсталъ и не дозволилъ влечь ее на такое преступное дѣло, но освободилъ отъ этого нечестиваго принужденія. Потомъ я спросилъ влекущаго, христіанинъ ли онъ, и когда онъ призналъ себя такимъ, я строго выговорилъ ему, порицая его за безчувственность, крайнее безсмыслiе, и говорилъ, что онъ ничѣмъ не лучше осла, если говоритъ о себѣ, что покланяется Христу и въ то же время влечетъ кого-нибудь въ вертепы Іудеевъ, распявшихъ Его. И долго говорилъ я ему—во-первыхъ, на основаніи Божественныхъ Евангелій, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другаго принуждать къ клятвамъ; потомъ, что не должно принуждать къ этому не только вѣрную и посвященную въ таинства христіанскія, но и никого изъ непосвященныхъ. Когда же поговоривъ много и долго, изгналъ я изъ души его ложную мысль о важности синагоги, то спросилъ его о причинѣ, по которой онъ, оставя церковь, влекъ эту женщину въ еврейское сборище. Онъ отвѣчалъ, что многіе сказывали ему, будто клятвы, тамъ данныя, особенно страшны". (Ibid стр. 458—459). „Іудеи пугаютъ васъ, какъ малыхъ дѣтей", говоритъ Златоустъ христіанамъ, „а вы не чувствуете этого. Какъ негодныя слуги, показывая дѣтямъ страшныя и смѣшныя маски—вѣдь онѣ сами по себѣ не страшны, но только представляются такими по слабости ума дѣтскаго—возбуждаютъ большой смѣхъ, такъ и Іудеи пугаютъ только слабыхъ христіанъ своими личинами.—Могутъ ли въ самомъ дѣлѣ устрашать обряды ихъ, срамные и постыдные?! Не таковы наши храмы; нѣтъ! они истинно страшны... ибо гдѣ Богъ, гдѣ такъ много говорятъ о вѣчныхъ мукахъ, то мѣсто страшно. А они—Іудеи—ничего этого и во снѣ не видятъ, такъ какъ живутъ для чрева, прилѣпляясь къ настоящему и по своей похотливости и чрезмѣрной жадности нисколько не лучше свиней, козловъ; только и знаютъ, что ѣсть да пить, драться изъ-за плясуновъ, рѣзаться изъ-за наѣздниковъ. Это ли, скажи мнѣ, заслуживаетъ почтенія и страха"? [1]). Какъ привлекала легковѣрныхъ грѣховная приманка у жидовъ, Златоустъ даетъ понять въ слѣдующемъ замѣчаніи. „Это говорю,—продолжаетъ онъ,—не о здѣшней только синагогѣ, но и о той, которая въ Дафнѣ; тамъ пропасть, называемая пропастью Мат-

[1]) Ibid, стр. 461.

роны, еще болѣе гибельная. Слышалъ я, что многіе изъ вѣрующихъ туда заходятъ и спятъ около этого мѣста“ [1]).

Значительно вліяли Іудеи на христіанъ искусствомъ врачебной помощи, которое они проявляли не просто какъ профессіональное знаніе, а подъ условіемъ участія христіанъ въ ихъ религіозныхъ обрядахъ. Св. Златоустъ многократно обличаетъ слабость христіанъ, поддававшихся этому обольщенію. Приведемъ одно—два обличенія пастыря проповѣдника. „Если онъ, ходящій въ синагоги еврейскія, укажетъ на какія нибудь врачеванія и скажетъ тебѣ, что Іудеи обѣщаютъ вылѣчивать и поэтому онъ бѣгаетъ къ нимъ,—раскрой ихъ хитрости, обаянія, навѣски, чародѣйства. Вѣдь они не иначе вылѣчиваютъ, какъ этимъ способомъ; впрочемъ только кажется, что вылѣчиваютъ, а на самомъ дѣлѣ не вылѣчиваютъ,—нѣтъ“ [2]). „Я пойду еще далѣе и скажу вотъ что: если Іудеи и точно вылѣчиваютъ, то лучше умереть, нежели прибѣгнуть къ врагамъ Божіимъ и такимъ образомъ получить исцѣленіе“ [3]). „Ты ищешь у демоновъ исцѣленія“, говоритъ Златоустъ, объясняя преступность подобнаго лѣченія у евреевъ,—„они, демоны, не щадятъ души: ужели, скажи мнѣ, пощадятъ тѣло? Но пусть бы они и могли и хотѣли врачевать, что впрочемъ невозможно, (подразумѣвается подобными средствами), разсуждаетъ проповѣдникъ, „тебѣ—христіанину не слѣдуетъ однако жъ на малую и скоропреходящую пользу покупать безконечную и вѣчную погибель... Язычники вѣдь своимъ искусствомъ часто вылѣчивали отъ многихъ болѣзней и возстановляли здоровье недужныхъ. Что же? Неужели поэтому должно принимать участіе въ ихъ нечестіи? [4]). И ты принимаешь ихъ чары и волшебныя лѣкарства,—такимъ поступкомъ ты показываешь, что имъ вѣришь болѣе, чѣмъ Христу“ [5]).

Но все это—временныя увлеченія христіанъ еврействомъ, случайныя отступленія отъ закона церкви Христовой, а было и еще вліяніе жидовства на христіанство въ степени сильнѣйшей. Въ Антіохіи была *секта Іудействующихъ христіанъ*. Св. Іоаннъ Златоустъ даетъ подробныя свѣдѣніяобъ этой сектѣ. Эти Іудействующіе христіане принимали прямое участіе въ Іудейскихъ обрядахъ, ходили въ еврейскія синагоги, какъ единовѣрные жидамъ, соблюдали Іудей-

[1]) Ibid, стр. 469.
[2]) Ibid, стр. 658.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid, стр. 476 477.
[5]) Ibid, стр. 670.

скіе посты, отличались отъ прочихъ христіанъ особенно празднованіемъ Пасхи вмѣстѣ съ Іудеями и имѣли особенное представленіе о ней. „Чего бѣжишь видѣть въ синагогѣ богопротивныхъ Іудеевъ, скажи мнѣ“? взываетъ пастырь,—„людей, трубящихъ въ трубы? Но надлежало бы тебѣ, сидя дома, скорбѣть о нихъ и плакать о томъ, что они противятся заповѣди Божіей“.

„У жалкихъ и несчастныхъ іудевъ наступаетъ непрерывный рядъ праздниковъ: трубы, кущи, посты; а многіе изъ тѣхъ, которые называются нашими и говорятъ о себѣ, будто бы вѣруютъ по нашему, одни ходятъ смотрѣть на эти праздники, а другіе даже участвуютъ въ праздникахъ и постахъ іудейскихъ. Этотъ то злой обычай хочу я изгнать изъ церкви“ [1]).

„Іудеи умертвили Сына твоего Владыки, а ты осмѣливаешься сходиться съ ними въ одномъ и томъ же мѣстѣ“!—усовѣщеваетъ проповѣдникъ согрѣшившихъ. „Умерщвленный Іисусъ Христосъ почтилъ тебя такъ, что сдѣлалъ своимъ братомъ и сонаслѣдникомъ, а ты... ходишь въ скверныя мѣста ихъ собраній, вступаешь въ нечистыя преддверія и участвуешь въ бѣсовской трапезѣ [2]). Не нечестиво ли то мѣсто, гдѣ живутъ демоны? А мѣсто, гдѣ собираются Христоубійцы, гдѣ преслѣдуютъ крестъ, гдѣ хулятъ Бога, не знаютъ Отца, поносятъ Сына, отвергаютъ благодать Духа—такое мѣсто не болѣе ли пагубно [3])? Какъ же думаешь спастись, уклоняясь къ іудейскимъ беззаконнымъ обычаямъ? Развѣ можно считать за одно и то же и христіанство и іудейство? Что ты сосдиняешь несоединяемое? Они распяли Христа, Которому ты покланяешься! видишь, какое различіе! Какъ же бѣжишь къ нимъ—убійцамъ ты, говорящій о себѣ, что поклоняешься Распятому [4])? Какъ же осмѣливаешься ты, скажи мнѣ, послѣ пляски съ демонами, снова идти въ апостольское собраніе? Какъ не страшишься приступать къ священной трапезѣ, участвовать въ ней и пріобщаться драгоцѣнной Крови послѣ того, какъ ты ходилъ къ проливавшимъ кровь Христа и имѣлъ съ ними общеніе? Тебя не ужасаютъ и не приводятъ въ страхъ такія преступленія? Или ты не благоговѣешь къ самой этой священной трапезѣ“ [5])?—Добрый пастырь, въ искреннемъ попеченіи о заблуждающихся христі-

[1]) Ibid., стр. 452.
[2]) Ibid., стр. 475.
[3]) Ibid., стр. 470.
[4]) Ibid., стр. 524.
[5]) Ibid., стр. 491.

анахъ—Іудействующихъ, проситъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви Христовой помочь ему и братіи его спасать заблудшихъ овецъ, искать ихъ и сказывать священникамъ; но, какъ видится, желаніе это не было исполнено въ точности, частію и потому, что уходившіе въ синагогу просили не сказывать о нихъ священникамъ. „Вѣдь и самъ ты считаешь величайшимъ грѣхомъ идти въ нечистое то мѣсто—синагогу. Это видно изъ того, какъ ты отправляешься туда“,—замѣчаетъ Златоустъ іудействующему христіанину, „ты стараешься уйти туда тайно, и слугамъ, и друзьямъ, и сосѣдямъ запрещаешь доносить на тебя священникамъ; а если кто донесетъ—сердишься“. И потомъ обличаетъ невнимающихъ его просьбѣ. „Ты знаешь укравшаго, знаешь украденнаго (Іудеями); видишь, что я, зажегши какъ бы свѣтильникъ—слово ученія, вездѣ ищу украденнаго съ плачемъ,—и стоишь въ молчаніи и не объявляешь!.. Не полѣнитесь же, но все безъ изъятія со всѣмъ усердіемъ ловите такихъ больныхъ: женщины—женщинъ, мужчины—мужчинъ, рабы—рабовъ, свободные—свободныхъ, дѣти—дѣтей, и поймавши, приходите въ слѣдующее собраніе, чтобы отъ насъ получить похвалу и отъ Бога награду, которая гораздо превосходитъ труды подвизающихся въ добрѣ“ [1]). Іудеи хвалились своими постами и христіане были участниками ихъ обычаевъ. „Подумайте!“—взывалъ пастырь-проповѣдникъ къ своимъ пасомымъ, „подумайте, съ кѣмъ имѣютъ общеніе постящіеся теперь? Съ тѣми, которые кричали: *распни, распни Его* (Лук. XXIII, 21); съ тѣми, которые говорили: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мато. XXVII, 23). Осмѣлился ли бы ты пойти къ осужденнымъ за покушеніе на верховную власть и говорить съ ними? Не думаю. Какъ же странно—съ такимъ стараніемъ избѣгать сдѣлавшихъ зло человѣку, а съ оскорблявшими Бога имѣть общеніе и поклонникамъ Распятаго праздновать вмѣстѣ съ распявшими Его. Это не только глупо, но и крайне безумно“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ объясняетъ, почему постъ съ Іудеями преступенъ для христіанъ. „Поститься въ то или другое время непредосудительно; но раздѣлять церковь, жить въ раздорахъ, производить расколъ и постоянно уклоняться отъ церковнаго собранія,—это непростительно“ [3]). Дѣло въ томъ, что іудействующіе христіане начинали предпасхаль-

---

[1]) Слов. т. III, стр. 480 - 481.

[2]) Ibid., стр. 465.

[3]) Ibid., стр 515.

ный постъ съ евреями раньше всѣхъ прочихъ христіанъ и потомъ держали посты съ евреями въ такое время, когда въ церкви Христовой постовъ совсѣмъ не было. Заблужденіе Іудействующихъ христіанъ доходило до того, что они постились и въ самый праздникъ Св. Пасхи и радость свѣтлаго праздника омрачали постомъ и плачемъ, извращая самое понятіе о Пасхѣ христіанской. Собственно этотъ обычай христіанъ былъ ли преступенъ съ канонической точки зрѣнія о Пасхѣ и постѣ?—На востокѣ было извѣстно празднованіе пасхи христіанской одновременно съ Іудеями въ 14 день мѣсяца Нисана, а потому и постъ четыредесятницы начинался, конечно, ранѣе. Но когда этотъ обычай послужилъ соблазномъ для христіанъ западныхъ: въ одномъ мѣстѣ Пасху праздновали въ это время, въ другомъ—въ другое, первый вселенскій соборъ—въ Никеѣ постановилъ одно общее для всѣхъ время празднованія Пасхи. Сократъ—церковный историкъ, представивъ образецъ безконечнаго различія въ церквахъ относительно обычаевъ, дѣйствовавшихъ здѣсь и тамъ въ соблюденіи поста, замѣчаетъ,—игнорируя, надобно сказать, постановленіе Вселенскаго собора: „Такъ какъ никто не можетъ указать на письменное повелѣніе отъ Апостоловъ относительно этого вопроса; то явно, что Апостолы предоставили все это волѣ и выбору каждаго, чтобы всякій дѣлалъ доброе не по страху и принужденію“ [1]). А Св. Іоаннъ Златоустъ преимущественно и указываетъ на постановленіе Вселенскаго собора, обличая Іудействующихъ христіанъ и по іудейски постящихся и празднующихъ Пасху въ Антіохіи. „Болѣе 300 Отцевъ, собравшихся въ Виѳинской странѣ, постановили это—касательно празднованія Пасхи не въ одно время съ Іудеями,—и ты безчестишь ихъ всѣхъ? Одно изъ двухъ: ты обвиняешь ихъ или въ невѣжествѣ, будто они не знали хорошо того, что утверждали или—въ робости, будто бы они, хоть и знали, но лицемѣрили и измѣнили истинѣ. Это необходимо слѣдуетъ, если ты не исполняешь ихъ постановленія. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показываютъ всѣ дѣянія Соборовъ“ [2]). Представивши, какъ образецъ мудрости, Никейскій символъ вѣры, и какъ доказательство мужества—исповѣдничество многихъ отцовъ, обращая на это послѣднее обстоятельство особенное вниманіе,—Златоустъ продолжаетъ: „они то вмѣстѣ съ изложеніемъ вѣры по-

[1]) V, 22.

[2]) Слов. т. III, стр. 501.

становили и то, чтобы этотъ праздникъ Пасхи совершали христіане всѣ вмѣстѣ и согласно. Итакъ, могли ли эти мужи, неизмѣнившіе вѣрѣ въ столь тяжкія времена, лицемѣрить въ назначеніи извѣстныхъ дней для празднованія поста и Пасхи христіанской?“.. „Смотри, что ты дѣлаешь, когда осуждаешь столь многихъ Отцовъ и не только ихъ, но и всю вселенную, потому что и она одобрила ихъ опредѣленіе“ [1]). Замѣтимъ съ своей стороны: это мѣсто въ 3 § III-го слова Златоуста противъ Іудеевъ даетъ поводъ къ двойственному понятію мысли проповѣдника. О чемъ здѣсь говоритъ онъ? Ясно, что о празднованіи Пасхи собственно христіанской, какъ свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, только одновременномъ съ Іудеями, какъ было въ обычаѣ на востокѣ, о чемъ и разсуждалъ 1-й Вселенскій соборъ. Но слово Св. Іоанна противъ Іудействующихъ христіанъ—*сектантовъ*, празднующихъ Пасху совершенно въ другихъ мысляхъ, какъ дни страданій Христовыхъ, куда, очевидно, постановленіе собора относиться не можетъ по самому существу дѣла. А если такъ понимать, то какое значеніе должно было имѣть слово Златоуста о постановленіи Вселенскаго собора о времени поста и Пасхи въ христіанской церкви? Намъ кажется, замѣчаніе Св. Іоанна Златоуста о постановленіи Вселенскаго собора надобно принять, какъ понятіе посредствующее. Златоустъ какъ бы такъ говоритъ: не только ваше сектантское извращеніе совершенія поста и Пасхи, а вотъ даже совершенно одинаковое по мысли совершеніе поста и Пасхи, но разновременное,—и то запрещено Вселенскимъ соборомъ. Поймите же ваше заблужденіе, люди! Сколь много вы виновны предъ церковью, совершая постъ и Пасху съ Іудеями, и въ совершенно извращенномъ видѣ. Вина раскольниковъ, такимъ образомъ, много усугублялась. Это одно. А потомъ. Кромѣ собственно сектантовъ—Іудействующихъ христіанъ, въ Антіохіи были несомнѣнно и просто такіе христіане, которые придерживались обычая совершать постъ и Пасху по древнему восточному обычаю одновременно съ Іудеями. Златоустъ, обличая сектантовъ, кстати говоритъ обличеніе и первымъ, только въ этомъ уклоняющимся отъ послушанія церкви. И еще думается намъ: Іудействующіе христіане, вѣроятно, въ оправданіе своего уклоненія указывали въ этомъ случаѣ на древній восточный обычай. Такъ вотъ Златоустъ разрушаетъ это мнимое основаніе для ихъ самооправданія. И въ этихъ цѣляхъ подробно говоритъ о постановленіи Вселенскаго

[1]) Ibid., стр. 502.

собора о постѣ и Пасхѣ. Любопытенъ приговоръ касательно споровъ о времени и характерѣ празднованія Пасхи, имѣющійся у церковнаго историка IV вѣка—Сократа. Мы приведемъ этотъ взглядъ на это обстоятельство, какъ религіозное явленіе внутренней жизни христіанскаго общества IV вѣка, въ видахъ разъясненія сужденій и убѣжденій, возможныхъ въ обществѣ, современномъ Сократу, или, что тоже, современныхъ періоду жизни и дѣятельности Златоуста. „Считаю нужнымъ", говоритъ Сократъ, „изложить собственныя мысли о Пасхѣ. Мнѣ кажется, что подражатели Іудеевъ, т. е. христіане, праздновавшіе пасху одновременно съ Іудеями, не имѣютъ достаточныхъ основаній упорно защищать свою практику. Они не берутъ во вниманіе того, что по смѣненіи іудейства христіанствомъ, обрядовая сторона Моисеева закона упразднилась. И это открывается само собой. Христіанамъ ни одно предписаніе Христово не позволяетъ іудействовать; народъ Іудейскій находился подъ игомъ рабства, а послѣдователи Христа призваны къ свободѣ и потому Апостолъ убѣждаетъ не соблюдать болѣе ни дней, ни мѣсяцевъ, ни лѣтъ" (2 Кор. II, 16—17). Но не становясь на сторонѣ послѣдователей іудейскаго преданія, Сократъ далекъ отъ того, чтобы безъ всякихъ разсужденій одобрять противниковъ іудействующей практики въ вопросѣ о празднованіи Пасхи. Онъ находитъ, что и анти-іудействующая партія не имѣетъ подъ собой незыблемыхъ основаній [1]). „Совершающіе же празднованіе Пасхи въ четыренадесятый день Нисана, т. е. вмѣстѣ съ іудеями, утверждаютъ, что это предано имъ отъ Апостола Іоанна; а Римляне и западные говорятъ, что свое обыкновеніе получили отъ Апостоловъ Петра и Павла. Но тѣ и другіе не могутъ представить на то письменнаго доказательства" [2]). Послѣ этого понятно, что всѣ споры подобнаго рода должны были представляться Сократу несоотвѣтствующими заповѣди Апостольской о взаимной любви и согласіи.

„Цѣль Апостоловъ", говоритъ онъ, „была не та, чтобы предписывать времена праздниковъ, но чтобы дать руководство къ правой жизни и благочестію. Вотъ что угодно Богу, говоритъ Апостолъ: *угодно Духу Святому и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ необходимаго* (Дѣян. XV, 18), т. е., замѣчаетъ историкъ, „кромѣ того, что соблюдать нужно. Между тѣмъ есть люди", продолжаетъ онъ, „которые, пренебрегши эти заповѣди о дняхъ

---

[1]) А. П. Лебедевъ. «Греч. Истор.» IV и V вв, стр. 161.

[2]) V. 22.

праздниковъ, спорятъ будто о душѣ и незамѣтно дѣлаютъ противное тому, что угодно Богу“ [1]). Не выражается ли въ этихъ сужденіяхъ общій взглядъ людей того времени, когда возникали такіе жаркіе споры о законности и незаконности совершенія поста и Пасхи—одновременно съ Іудеями? Что замѣчаніе историка представляетъ прямо протестъ именно взгляду Златоуста на совершеніе поста и Пасхи вмѣстѣ съ Іудеями—въ этомъ сомнѣнія не можетъ быть, если мы припомнимъ неблаговоленіе Сократа къ Златоусту вообще и особенно непріязнь перваго къ послѣднему именно за искреннюю и дѣятельную ревность его къ обращенію заблуждающихся. Извѣстно, что, по замѣчанію историка греческихъ историковъ IV и V в.в. А. П. Лебедева, Сократъ почти соглашается съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ современниковъ, что низложеніе Златоуста съ каѳедры нужно разсматривать какъ кару Божію, постигшую Златоуста за то, что онъ сурово поступалъ съ иновѣрцами, являлся ненаклоннымъ къ религіозной терпимости [2]). Но все это: и постановленіе Апостольскаго собора, и собора Вселенскаго, и мнѣнія частныхъ лицъ IV вѣка, все это говоритъ и судитъ лишь объ одновременномъ съ Іудеями совершеніи поста и Пасхи. Златоустъ же говоритъ объ этомъ явленіи въ церковной жизни, такъ сказать, между прочимъ; а главнымъ то образомъ его обличенія Іудействующимъ христіанамъ его времени указываютъ, что совершенно иной видъ, прямо противный духу христіанской церкви, имѣетъ совершеніе христіанами поста и Пасхи вмѣстѣ съ Іудеями. Разница догматически важная,—разница, которой не знали и не обсуждали соборы и которой не указываетъ во всей этой подробности и даже въ томъ видѣ, какъ Златоустъ,—ни одинъ современный историкъ—лѣтописецъ. Извращеніе вселенскаго взгляда Св. Церкви Христовой на значеніе и совершеніе поста и Пасхи изумительное, дерзкое, такъ что, вчитываясь въ слова обличенія Златоуста этого сорта раскольникамъ, вполнѣ раздѣляешь чувство ревности о душепастырствѣ Св. Іоанна.

„Повѣрь же“, восклицаетъ проповѣдникъ, „повѣрь,—скорѣе сложу свою голову, нежели оставлю безъ вниманія кого-нибудь изъ такихъ больныхъ—Іудействующихъ христіанъ, если только увижу“ [3]). И это чувство понятно. Понятна и рѣшимость пастыря, призываю-

---

[1]) Церк. Истор. Сократа V, 22.

[2]) Церк. Истор. Сокр. VI 19.

[3]) Слово т. III, стр. 463.

шаго сыновъ своей паствы раздѣлить съ нимъ св. труды его.— „У насъ большая часть города состоитъ изъ христіанъ и однако же есть еще больные Іудействомъ“, говоритъ Златоустъ,—„конечно, и они—больные—достойны осужденія, но и мы не свободны отъ него, когда небрежимъ объ нихъ въ болѣзни: нельзя было бы имъ долго быть въ болѣзни, если бы они пользовались особенною попечительностью съ нашей стороны. Поэтому предупреждаю васъ теперь, чтобы каждый изъ васъ привлекъ брата, хотя бы для этого нужно было сдѣлать принужденіе, употребить силу, причинить непріятность, или вступить въ споръ; все сдѣлай, только бы исхитить его изъ сѣти діавола и исторгнуть изъ общества христоубійцъ“ [1]). Сократъ полагаетъ, говоря о догматическихъ спорахъ IV вѣка, „что эти споры могли быть менѣе шумными и пожалуй ихъ совсѣмъ не было бы, если бы представители церкви показывали менѣе склонности къ этимъ спорамъ“ [2]). Но вотъ, имѣя въ виду данной случай у Златоуста—совершеніе поста и Пасхи съ Іудеями, въ видѣ настолько извращенномъ противъ православнаго обычая,—необходимо и справедливо отвѣтить на замѣчаніе Сократа словами нашего церковнаго историка, что „религіозные споры возникали не потому, что находились охотники спорить; а потому, что предметы споровъ были такъ важны, что оставаться въ бездѣйствіи являлось дѣломъ невозможнымъ“ [3]). Св. Златоустъ указываетъ всю важность уклоненія Іудействующихъ христіанъ отъ единенія съ церковью. „Знаю, что у насъ, по милости Божіей, большая часть свободна отъ этой болѣзни: однако же поэтому не должно еще пренебрегать врачеваніемъ. Если бы даже больныхъ было 10 человѣкъ, или 5, или 2, или только одинъ,—и тогда не надлежало бы оставлять его безъ вниманія; пусть онъ и одинъ, притомъ незначительный и презрѣнный человѣкъ, однако же онъ братъ, за котораго Христосъ умеръ. Не о томъ говорю, что онъ больной—одинъ,—но о томъ, что одинъ, оставленный безъ вниманія, сообщаетъ свою болѣзнь и прочимъ. Это-то и губитъ и разстраиваетъ все, что мы пренебрегаемъ малымъ. А чтобы тебѣ увѣриться, что нѣтъ ничего гибельнѣе внутренняго раздора и несогласія, послушай, что говоритъ Христосъ: „*всякое царство, раздѣлившееся на ся, запустѣетъ*“ (Мѳ. XII, 25). Не довольно ли дру-

---

[1]) Ibid., стр. 462.

[2]) Церков. Истор. Сокр стр. 124.

[3]) А. П. Лебедевъ. «Греч. истор.» IV и V вв. стр. 159.

гихъ ересей? Нѣтъ! мы еще разсѣчемъ сами себя! Такъ вотъ что мы напередъ скажемъ имъ—христіанамъ, держащимся Іудейства: „ничего нѣтъ хуже, какъ раздоры и брань, какъ расторгать церковь и раздирать на многія части хитонъ, котораго не осмѣлились разорвать и разбойники“ [1]). Но представимъ словомъ самаго Св. Іоанна, какая это „болѣзнь“, какая „рана“ [2]) въ тѣлѣ Христовой церкви была среди христіанскаго общества въ Антіохіи за время Златоуста.

Разъясняя значеніе предпасхальнаго поста четыредесятницы, Св. Іоаннъ говоритъ:—представимъ рѣчи Св. Златоуста въ нѣсколько систематическомъ порядкѣ, какой представляется намъ удобнымъ для выясненія вопроса въ краткихъ словахъ о постѣ: „что значитъ пасха? что четыредесятница, что такое Іудейская пасха и что наша? [3]). Вѣдь пасха и четыредесятница не одно и тоже, но иное пасха, иное четыредесятница. Четыредесятница въ каждый годъ бываетъ однажды... Отцы, собравшись вмѣстѣ, назначили сорокъ дней поста для молитвъ, слушанія Слова Божія и церковныхъ собраній, дабы всѣ мы тщательно очистивъ себя въ эти дни молитвами, милостынею, постомъ, всенощными бдѣніями, слезами, исповѣдью и всѣми другими средствами, приступали такимъ образомъ съ чистою совѣстью, сколько намъ возможно, къ святымъ тайнамъ: [4]). Вотъ мы въ теченіи всего года не перестаемъ взывать и проповѣдовать о постѣ, и никто не внимаетъ словамъ нашимъ; но лишь настанетъ время четыредесятницы, тогда хоть бы никто не убѣждалъ и не совѣтовалъ, и самый лѣнивый пробуждается, потому что получаетъ совѣтъ и убѣжденіе отъ самаго времени“ [5]). „Что значитъ пасха? Пасха есть предметъ не поста и плоти; но веселія и радости, ибо Уничтоживший грѣхъ сдѣлался очищеніемъ всего міра, примиреніемъ долговременной вражды; отверзъ врата небесныя; людей ненавистныхъ Богу сдѣлалъ друзьями; возвелъ наше естество на небо и посадилъ одесную престола; доставилъ намъ и другія безчисленныя блага. Итакъ, изъ за всего этого должно не плакать и не сокрушаться, а веселиться и радоваться“ [6]). Но прежде чѣмъ мы укажемъ подробности ученія Св.

---

[1]) Слов., т. III, стр. 494—495.
[2]) Ibid., стр. 495.
[3]) Ibid., стр. 499.
[4]) Ibid., стр. 506.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., стр. 507.

Златоуста о значеніи Пасхи, мы необходимо должны отмѣтить еще одну особенность празднованія Пасхи іудействующими христіанами. Очевидно, іудействующіе христіане кромѣ того, что одновременно съ Іудеями праздновали пасху и, кромѣ этого, какъ теперь мы изъ слова Св. Златоуста видимъ, что имѣли и совершенно иныя мысли празднованія этого праздника въ церкви Христовой, вспоминая дни страданій Спасителя. Кромѣ всего этого еще употребляли въ это время и еврейскіе опрѣсноки, и въ оправданіе свое говорили, какъ увидимъ сейчасъ, что такъ Самъ Христосъ праздновалъ Пасху, какъ говорили православнымъ: „вы сами не такъ ли постили прежде“? [1]) Златоустъ разъясняетъ и то и другое. „И Христосъ праздновалъ съ ними—Іудеями Пасху“, говоритъ Св. Іоаннъ, „не для того, чтобы мы праздновали ее съ ними, но чтобы посредствомъ тѣни ввести истину. Онъ и обрѣзанію подвергся, и наблюдалъ субботы, и совершалъ праздники, и вкушалъ опрѣсноки, и все это дѣлалъ въ Іерусалимѣ,—но мы къ чему этому обязаны [2])? Что такое опрѣсноки [3])? Наши опрѣсноки состоятъ не въ замѣшанной мукѣ; но въ безукоризненномъ поведеніи и добродѣтельной жизни. Для чего же Христосъ совершилъ тогда Пасху? Такъ какъ древняя Пасха была образомъ будущей, а за образомъ надлежало слѣдовать истинѣ: то Христосъ, напередъ показавши тѣнь, потомъ предложилъ на трапезѣ и истину. А съ появленіемъ истины тѣнь уже скрывается и дѣлается неумѣстною. Итакъ, не представляй мнѣ это въ возраженіе, а докажи, что Христосъ повелѣлъ это дѣлать и намъ“ [4]). „Что значитъ наша Пасха“ [5])? Св. Іоаннъ Златоустъ даетъ особое догматическое-литургическое понятіе о Пасхѣ въ церкви Христовой. „Четыредесятница въ каждый годъ бываетъ однажды, а Пасха трижды въ недѣлю, а иногда четырежды, и даже столько разъ, сколько мы захотимъ, потому что Пасха не постъ, а приношеніе и жертва, совершающаяся всякій разъ, какъ бываетъ собраніе—литургія. Что Пасха это и есть, послушай словъ Павла: „*Пасха наша—за ны пожренъ бысть Христосъ*“ (1 Кор. V, 7) и „*елижды аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете*“ (1 Кор. XI, 26). Значитъ всякій разъ, какъ ты при-

---

[1]) Ibid., стр 499
[2]) Ibid., стр. 503—504
[3]) Ibid., стр. 499.
[4]) Ibid., стр. 504.
[5]) Ibid., стр. 499.

ступаешь къ пріобщенію Св. Таинъ,—съ чистою совѣстью—совершаешь Пасху,—не тогда, т. е. когда постишься, но когда участвуешь въ оной жертвѣ“ [1]). Затѣмъ въ частности Св. Златоустъ опровергаетъ убѣжденіе іудействующихъ христіанъ, что въ Пасху слѣдуетъ употреблять опрѣсноки (да слышатъ, скажемъ, нынѣ католичествующіе). „Мы сколько ни желали, ни старались, никакъ однако же не можемъ наблюсти тотъ день, въ который Христосъ распятъ... и совершилъ Пасху... Когда Христосъ распятъ, тогда былъ первый день опрѣсноковъ и пятокъ; но пятокъ и первый день опрѣсноковъ не всегда могутъ совпадать. Вотъ, напримѣръ, въ настоящемъ году первый день опрѣсноковъ совпадаетъ съ воскресеньемъ, поэтому надлежало бы поститься всю недѣлю и намъ, когда уже пройдутъ и страсти и настанетъ крестъ, распятіе Христово и воскресеніе пришлось бы все поститься. И часто это случалось, что постъ іудейскій продолжался послѣ креста, послѣ воскресенія, пока не кончится недѣля. Такимъ образомъ никакъ нельзя наблюсти время“ [2]). „Іудейская пасха есть образъ, а христіанская—истина“ [3]), скажемъ въ заключеніе словами Св. Златоуста. Очевидно, заблудшіе люди сознавали всю справедливость словъ пастыря православной церкви. Но заблужденія упорно держались. „Я столько времени наблюдалъ—по іудейски—постъ и теперь ли перемѣнять мнѣ обычай“, повторяетъ Златоустъ возраженіе раскольника, іудействующаго христіанина. „Поэтому самому и перемѣни“, отвѣчаетъ Св. Златоустъ, „столько времени ты отдѣлялся отъ Церкви, возвратись же наконецъ къ Матери“ [4]). Но ревность пастыря была неутомима. „Іудеи хотятъ окружить нашихъ овецъ“, говоритъ онъ,—„то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у насъ звѣрями“ [5]). И онъ постоянно проповѣдывалъ, поучалъ, обличалъ. И говорилъ: „эти бесѣды предстанутъ и мнѣ въ день Господа нашего Іисуса Христа и вамъ. Если вы послушаете, онѣ доставятъ вамъ великое дерзновеніе, а если не послушаете, они—эти слова -противостанутъ вамъ, какъ строгіе обличители“ [6]). Есть основаніе предполагать, что искреннее душпастырство,—слово любви и попеченія, произвели свое дѣй-

[1]) Ibid. стр. 505
[2]) Ibid., стр 510.
[3]) Ibid, стр. 513.
[4]) Ibid., стр. 511.
[5]) Ibid., стр. 517.
[6]) Ibid., стр. 479.

ствіе: „суевѣрныя увлеченія іудействующихъ ослабѣли, секта іудействующихъ умалилась; это отрадное явленіе замѣчается въ судьбѣ іудействующихъ въ церкви Антіохійской, хотя слабые отростки ея еще видимы и въ позднѣйшія времена“ [1]).

„Скажи мнѣ: какая польза отъ словъ твоихъ“? вопрошаетъ Златоустъ и отвѣчаетъ: „невѣроятно, чтобы сѣмя, повергаемое въ такомъ множествѣ, не принесло мнѣ класа... Если не всѣ послушаютъ, половина послушаетъ; не половина, такъ третья часть; не третья, такъ девятая; не девятая, такъ хоть одинъ изъ такого множества послушаетъ, лишь бы послушалъ. Не перестану говорить, хотя бы никто не слушалъ; я—врачъ и предлагаю врачество; я—учитель и долженъ увѣщевать. Никого не исправлю? Что жъ такое? Я за это имѣю награду... Невѣроятно, чтобы въ такомъ множествѣ никто не исправился. Каждодневно, говорятъ, слушаю и не дѣлаю. Слушай, хотя и не дѣлай, потому что отъ слушанія доходятъ и до дѣланія. Не перемѣнишь образа мыслей... но будешь осуждать себя за то, что не дѣлаешь. Откуда же это самоосужденіе? Оно плодъ моихъ словъ! Когда ты скажешь: „увы, я слышалъ и не дѣлаю“! Это „увы“ есть уже начало перемѣны къ лучшему“ [2]). Конечно, прибавимъ мы, пастыри—дѣлатели, а совершитель—Богъ.

ГЛАВА VII-я.

Отношеніе язычества къ христіанству.

„За все благодареніе Вседержителю и Царю всѣхъ Богу“, торжественно и молитвенно восклицаетъ Евсевій Памфилъ, заключая написанную имъ церковную исторію,—„величайшее же благодареніе Спасителю и Искупителю душъ нашихъ Іисусу Христу, чрезъ Котораго мы молимъ, чтобы твердый миръ, не нарушаемый ни внѣшними, ни душевными безпокойствами, всегда пребывалъ съ нами“ [3]). Но „свѣтлый и ясный день, который озарилъ лучами небеснаго свѣта Церкви Христовы во всей вселенной“ [4]), омрачился—и скоро—нѣкоторыми „облаками“ [5]). Христіане достигли того, что царскій домъ сталъ христіанскимъ и покровителемъ церкви; но явилось внутреннее нестроеніе; церкви освободились отъ жестокихъ и не-

[1]) Малыш. стр. 95, цит. соч.
[2]) Т. III. 6-я бесѣда о Лазарѣ, стр.
[3]) Кн. X. начало.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

прерывныхъ гоненій, затворены храмы идольскіе, разрушены жертвенники [1]) языческіе; но язычество еще не умерло въ душахъ весьма многихъ людей, оно имѣетъ жертвенники въ сердцахъ своихъ поклонниковъ. И оно живетъ и дѣйствуетъ противъ христіанства, и если не грубой силой—не огнемъ и мечемъ,—какъ въ былое время, а иными уже средствами, менѣе видимыми, но едва ли не болѣе дѣйствительными.

Что представляло изъ себя язычество въ IV вѣкѣ послѣ того, какъ христіанская религія была объявлена господствующею, государственною въ великой всемірной Римской имперіи? Какъ относилось язычество къ христіанскому обществу въ Антіохіи? „Заботливо изыскивая то, что относится къ выгодѣ и пользѣ государства, мы сочли полезнымъ опредѣлить и то, что касается культа и почитанія Божества“, писалъ императоръ Константинъ Великій въ своемъ знаменитомъ для исторіи міра и особенно христіанскаго Миланскомъ эдиктѣ, „а, именно, рѣшили дать какъ христіанамъ, такъ и всѣмъ другимъ людямъ свободу слѣдовать той религіи, какую кто хотѣлъ бы избрать“. Это слово было закономъ на право свободы совѣсти. *) Но не дальше, какъ сынъ Великаго Царя—перваго христіанскаго императора уже настолько нетерпимо относился къ язычеству, что принципъ религіозной свободы сдѣлался, по выраженію историковъ IV вѣка, однимъ пустымъ звукомъ [2]). Констанцій въ 341 году издалъ жестокій для язычества эдиктъ: „да прекратится суевѣріе, да престанутъ гнусныя жертвоприношенія! Если же кто вопреки нашему повелѣнію будетъ совершать жертвоприношеніе, тотъ безъ ослабленія будетъ наказанъ“ [3]). Въ 346 году тотъ же повелитель издаетъ еще болѣе суровый законъ въ отношеніи религіи язычниковъ, которымъ подтверждаетъ свои прежнія повелѣнія и ослушникамъ царской воли прямо угрожаетъ смертною казнью [4]). Что же язычество? Пало, уничтожилось, вымерло подъ грозою и громами, раздававшимися надъ нимъ съ высоты трона? Царское слово становилось дѣломъ, но приносило ли плоды въ интересахъ христіанства, это другой вопросъ. Римское правительство языческихъ временъ, издавая законъ противъ христіанства, не

---

[1]) Слов. и бесѣд. на разн. случ., стр. 64.

[2]) Истор. Сократа, стр. 258. Созом. 212. Ѳедоритъ 199.

[3]) Cod. Theodor. edit Putter. XVI, t. 1—2.

[4]) Ibid.

*) Рѣшеніе возраженій, подрывающихъ этотъ взглядъ, можно читать въ книгѣ «о свободѣ совѣсти» В. Ѳ. Кипарисова, стр. 99.

подозрѣвало въ немъ той внутренней крѣпости, какую придавали ему великія религіозно-нравственныя идеи, которыхъ ни мечъ не сѣчетъ, ни огонь не жжетъ. Христіанскіе императоры въ своей ревности къ новой религіи забыли, что политикой насилія можно было уничтожить только внѣшнія принадлежности языческаго культа; но всякія наистрожайшія мѣры, ниже самая смерть безсильны отстранить его внутреннія сокровенныя основанія. Хотя эти основанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти ни въ малѣйшее сравненіе съ внутренней сущностью христіанства; но психологическій законъ одинаковъ для мысли и сердца: убѣжденія, за которыя пришлось потерпѣть, вѣрованія, такъ сказать, выстраданныя становятся для человѣка еще дороже, и онъ начинаетъ держаться за нихъ еще крѣпче, упорнѣе, чѣмъ какъ это было прежде. Вотъ вслѣдствіе этого-то свойства души человѣческой, религіозныя гоненія почти всегда приводятъ къ результатамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какія ожидались отъ нихъ. „Нѣтъ предмета болѣе свободнаго, чѣмъ религія“, разсуждаетъ Лактанцій о свободѣ совѣсти. Религія не нуждается ни въ насиліи, ни въ обидѣ, потому что къ религіи принудить нельзя. Вотъ другое условіе нецѣлесообразности и безплодности принудительныхъ мѣръ въ дѣлѣ религіи. Есть одно средство воздѣйствія въ религіозномъ вопросѣ: религія есть, прежде всего, дѣло убѣжденія, а на убѣжденія существеннымъ образомъ могутъ дѣйствовать лишь только одни убѣжденія. Этотъ путь самовѣрнѣйшій: путемъ убѣжденія человѣка можно расположить отказаться отъ своихъ воззрѣній; а мѣрами насилія—никогда, разумѣется не внѣшнимъ образомъ, а искренно, душой. „Расположеніе къ религіи должно быть предоставлено болѣе слову, чѣмъ мечу“, скажемъ словами Лактанція [1]), „дабы здѣсь участвовало произволеніе“. „Не мечемъ и стрѣлами, не съ помощью воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ; какое же убѣжденіе бываетъ однако тамъ, гдѣ прекословящій имѣетъ передъ собою заточеніе и смерть“ [2]). Теперь съ восшествіемъ христіанства на престолъ цезарей Рима, владыкъ всего міра, язычество потеряло покровительство государственной власти, а съ потерей этого условія—и силу надъ христіанствомъ; оно стало дѣйствовать на христіанъ тѣми способами, какъ дотолѣ дѣйствовало христіанство на язычество: словомъ убѣ-

[1]) Божест. постан. V. 20.

[2]) Св. Аѳан. Велик. т. II. стр. 216.

жденія. У извѣстной части христіанъ, а можетъ быть и довольно значительной, должно было неизбѣжно сохраниться расположеніе къ язычеству. Гоненія христіанскихъ царей заставляли многихъ язычниковъ дѣлаться христіанами по имени, по внѣшности; почему, по статистикѣ, язычниковъ убывало, а христіанъ прибывало. Но что это за христіане были? „Невольникъ—не богомольникъ“, говоритъ русская пословица. Эти дѣланные христіане душей, всѣмъ существомъ своимъ, были преданы язычеству, оставаясь съ тѣмъ же умственнымъ и нравственнымъ складомъ, какой они имѣли до своего показнаго христіанства. Эти христіане вносили въ христіанство много языческихъ элементовъ. Это—условіе, благопріятствовавшее воздѣйствію язычниковъ на христіанское общество,—а вотъ и средства для воздѣйствія на христіанъ, бывшія въ рукахъ язычества. Язычники имѣли своею собственностью, какъ ихъ историческое, неотъемлемое, даже въ силу давности, достояніе: науку, литературу, философію древняго міра. „Словесныя науки и греческая образованность—наши“, говоритъ христіанамъ императоръ Юліанъ, „а вашъ удѣлъ—необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: „вѣруй“ [1]). Кто любилъ въ языческомъ вкусѣ Гомера, Платона и все множество корифеевъ античной культуры, тотъ съ воодушевленіемъ сражался теперь за язычество противъ христіанства. И такихъ борцовъ въ IV вѣкѣ было не мало; обстоятельства же благопріятствовали этимъ борцамъ. Образованіе школы—находились въ это время почти исключительно въ рукахъ язычниковъ—и въ Ефесѣ, и въ Милетѣ, и въ Никомидіи, и въ Кесаріи Каппадокійской, и другихъ мѣстахъ. Знаменитое училище въ Аѳинахъ, куда со всѣхъ сторонъ шли учиться высшей мудрости, изучать древнюю литературу, краснорѣчіе и философію,—это училище было школой языческой. Здѣсь были и учители—язычники, и предметы изученія—все и только языческое. Въ этихъ школахъ и въ Аѳинахъ учились и христіанскія дѣти. Учители этихъ школъ въ своихъ рядахъ имѣли, именно теперь—въ IV вѣкѣ, такихъ замѣчательныхъ и популярныхъ профессоровъ, какъ риторы: Ливаній, Гимерій и Ѳемистій.—Исторія знаетъ, что всѣ эти вліятельныя лица были смѣлые, энергичные и талантливые защитники язычества и eo ipso ожесточенные враги христіанства. Эти учители, эти риторы, какъ Ливаній, отличавшійся благороднымъ характеромъ, въ особенности пользова-

[1]) Твор. Св. Григор. Богосл., ч. I, стр. 24, изд. 1889 г.

лись не только уваженіемъ, даже любовью среди своихъ учениковъ. Представимъ себѣ картину: аудиторія полна слушателей; риторъ съ высоты профессорской каѳедры излагаетъ въ завлекательной формировкѣ слова и мысли красоту древне-классической литературы, зародившейся, возросшей и разцвѣтшей на почвѣ язычества. Плѣнительная свѣжесть и чарующая красота дивныхъ созданій античнаго генія, развертываемыя талантливымъ лекторомъ, понятно, должны были произвесть весьма сильное впечатлѣніе на слушателей. И все это: и рѣчи съ особо предназначенной лекторомъ цѣлью, и вниманіе слушателей—были сосредоточены на мысляхъ, и лицахъ, и предметахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ религіей языческой. Опытъ показалъ, какъ вліяніе этихъ школъ обаятельно дѣйствовало какъ на язычниковъ, такъ и на христіанъ, располагая первыхъ живѣе, осязательнѣе чувствовать ту нравственную связь, которая соединяла ихъ съ религіей предковъ, вообще со всѣмъ языческимъ прошлымъ, которому принадлежали произведенія древней классической литературы, а въ души другихъ это обаяніе и вліяніе простирало святотатственную руку, стремясь похитить изъ сердца юныхъ христіанъ сокровище св. вѣры;—словомъ—языческая школа язычниковъ укрѣпляла въ язычествѣ, а христіанскихъ воспитанниковъ увлекала къ политеизму. „Душепагубны Аѳины“, замѣчаетъ объ аѳинской школѣ ея воспитанникъ Св. Григорій Богословъ, „потому что изобилуютъ идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Елладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ“ [1]). „И дѣйствительно, если есть въ одномъ народномъ вѣрованіи такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и черезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ всеистребляющемъ, то мы (Григорій Богословъ и Василій Великій) походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ—товарищей школы“ [2]).

Насколько было велико искушеніе, насколько было „трудно не увлечься“, вотъ наглядное доказательство. Юліанъ императоръ, рожденный и воспитанный первоначально въ христіанствѣ, языческими философами и риторами Аѳинскаго и Мало-азійскихъ училищъ, гдѣ онъ получилъ свое общее образованіе, былъ склоненъ къ отступничеству отъ христіанства. И, вѣроятно, этотъ примѣръ не былъ единичнымъ. Вотъ какое сильное средство—оружіе духовное—было въ рукахъ язычниковъ—враговъ христіанства, средство

[1]) Сл. 43.—Надгроб. Василію Велик. ч. IV, стр. 61.
[2]) Ibid.

подѣйствительнѣе всякой грубой силы, ибо вліяло прямо на сознаніе человѣка, на убѣжденіе, и по самому внутреннему своему свойству было способно покорить себѣ слабые, грѣховные умъ, и сердце, и волю—всю душу человѣка.

Это религіозно-философское движеніе касалось преимущественно интеллигентныхъ слоевъ общества; низшіе классы населенія привлекали къ себѣ магія, теургія, мистеріи, которыя, вліяя на чувства, удовлетворяли религіознымъ запросамъ народныхъ массъ. Если эти послѣднія средства предназначались для пробужденія и поддержанія интереса къ языческой религіи въ язычникахъ собственно, то не оставались безъ прямаго или косвеннаго вліянія и на общество христіанское.—Для интеллигенціи—риторы, философы; для массы, для народа—жрецы; для первыхъ преимущественно школы, для вторыхъ особенно храмы, цирки...

Со всѣми этими и съ другими духовными средствами язычества для вліянія на христіанское общество наглядно знакомитъ насъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ своихъ антіохійскихъ твореніяхъ. Его слова—для вразумленія, для обличенія язычниковъ, для огражденія христіанъ отъ соблазновъ языческихъ,—даютъ довольно ясную картину отношеній язычества къ христіанству въ Антіохіи за время Златоуста. „Когда язычникъ спроситъ“ [1]), говоритъ Златоустъ своимъ читателямъ, очевидно, изъ числа простыхъ людей, изъ низшаго и малообразованнаго класса, „откуда видно, что Христосъ есть Богъ, то мы не станемъ брать доказательства съ неба... Ибо, если я скажу язычнику, что Христосъ воскрешалъ мертвыхъ, язычникъ не только не приметъ сихъ доказательствъ, но и станетъ смѣяться. Очевидно, что и самый вопросъ можетъ быть предложенъ или изъ праздная любопытства, или, еще хуже, иронически, ибо нельзя предположить, что человѣкъ, желающій знать истину, при неудовлетворительномъ отвѣтѣ, станетъ смѣяться. Чѣмъ же мнѣ убѣдить его, если онъ не изъ образованныхъ“ [2])?

Да,—простые люди—язычники и то желали и могли лукаво совопросничать; какого же отношенія можно и должно было ожидать отъ людей образованныхъ? Особенно неутѣшительное сознаніе являлось въ душѣ Златоуста, когда онъ видѣлъ и сознавалъ, что даже въ разговорѣ язычниковъ—простыхъ людей о предметахъ вѣры перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ.—„Странно, что тотъ,

---

[1]) Въ книжкѣ противъ іудеевъ и язычниковъ. Малышев., стр. 71.

[2]) Ibid

кто называетъ себя христіаниномъ", говоритъ Св. Іоаннъ, „ни слова не умѣетъ сказать въ защиту своей вѣры. Вотъ причина", восклицаетъ проповѣдникъ, „почему язычники не спѣшатъ оставить свои заблужденія. Если они, защитники, всячески стараются прикрыть свое постыдное ученіе, а мы, служители истины, не можемъ открыть и рта предъ ними; то какъ имъ не обвинять наше ученіе въ слабости, какъ не подозрѣвать въ насъ обмана и неразумія. Не потому ли они и хулятъ Христа, какъ льстеца и обманщика, который увлекъ чернь, пользуясь ея невѣжествомъ"? [1]) „Если бы вы внимательно занимались Писаніемъ и каждодневно пріучали себя къ борьбѣ, то я не сталъ бы внушать вамъ удаляться состязаній съ язычниками; но какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я боюсь вашихъ состязаній, боюсь, чтобы язычники не побѣдили васъ безоружныхъ" [2]). Это уже, очевидно, идетъ рѣчь о совопросникахъ не простыхъ, а о людяхъ, способныхъ прикрыть свое худое и правильно или неправильно отыскивающихъ возможность найти недостатки въ другомъ. Но вотъ другое указаніе Св. Златоуста, которое прямо говоритъ о совопросникахъ, просвѣщенныхъ наукою... „Если эллины—люди, стоющіе не болѣе трехъ пенязей, циники, принявшіе такую же, стоющую не болѣе трехъ пенязей, философію, или вѣрнѣе не самую философію, а только имя ея,—облекшись въ мантію и отростивши волосы, посрамляютъ многихъ, то не къ большему ли способенъ любомудрію истинный. Если одинъ ложный видъ, только тѣнь философіи,—такъ возвышаетъ, то что сказать о томъ, если мы возлюбимъ истинное свѣтлое любомудріе" [3]). Сильнаго знаніемъ вѣры и убѣжденнаго въ ея превосходствѣ христіанина Св. Златоустъ благословляетъ смѣло исповѣдывать свои святыя убѣжденія, находясь среди язычниковъ. Въ похвальномъ словѣ Св. мученику Лукіану проповѣдникъ говоритъ: „Онъ говорилъ смѣло предъ начальниками и царями. Это и мы будемъ дѣлать нынѣ. Если мы будемъ находиться въ собраніяхъ богатыхъ и славныхъ язычниковъ, то станемъ смѣло исповѣдывать свою вѣру, будемъ посмѣваться ихъ заблужденію. Если они начнутъ свое превозносить, а наше унижать, то мы не станемъ молчать и переносить безотвѣтно, но, обличивъ ихъ глупость, будемъ превозносить все христіанское съ великою мудростью и смѣлостью" [4]). „Не

[1]) Бесѣд. 18-я на ев Іоанна.

[2]) Ibid., 65. Бесѣд. на ев. Іоанна.

[3]) Бесѣд. 21 на посл. Еф.

[4]) Слова и бесѣд. на разн. случ т. I, стр.

смущайтесь глумленіями язычниковъ", утѣшалъ Св. Іоаннъ простыхъ христіанъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ рѣчистыми язычниками. И именно на научной точкѣ зрѣнія язычники сосредоточивали свои диспуты съ христіанами. Св. Златоустъ передаетъ въ одной изъ бесѣдъ на первое посланіе къ Коринѳянамъ разсужденіе язычника съ христіаниномъ на тему: кто ученѣе и краснорѣчивѣе—Платонъ или Павелъ? Христіанинъ по своей простотѣ старался доказать, что Павелъ былъ ученѣе Платона. Св. Іоаннъ указываетъ нетактичность этого пріема со стороны христіанина. „Если бы онъ—христіанинъ—доказалъ это, то побѣда осталась бы за язычникомъ. Ибо если Павелъ былъ ученѣе Платона, то естественно многіе сказали бы, что Павелъ одержалъ побѣду не силою Божіей, но силою своего краснорѣчія".—Все это частности, отдѣльные случаи столкновенія язычниковъ съ христіанами на почвѣ состязаній. Чѣмъ же въ общемъ представлялось взаимоотношеніе язычества къ христіанству и христіанства къ язычеству за время Св. Іоанна Златоуста?

Слава и сила проповѣди Златоуста, направленной къ обличенію язычества, достигавшей и слуха язычниковъ, имѣла дѣйствіемъ то, что въ Антіохіи язычество болѣе и болѣе поникало предъ христіанствомъ, что здѣсь упадало вліяніе жрецовъ, философовъ и риторовъ [1]). Здѣсь знаменитый Ливаній, учитель краснорѣчія въ школахъ Никомидіи, Константинополя и самыхъ Аѳинъ, доживалъ свои послѣдніе годы († 395). Въ школѣ этого ритора учился нѣкогда Св. Іоаннъ и своими дарованіями и успѣхами удивлялъ своего учителя, такъ что Ливаній изъ всѣхъ своихъ учениковъ никого такъ высоко не цѣнилъ, какъ Св. Іоанна. Сохранился разсказъ: разъ ученики спросили Ливанія, когда онъ приближался къ смерти, кого бы онъ хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ? Ливаній отвѣтилъ: „Іоанна, если бы христіане не похитили его у насъ" [2]). И вотъ теперь этотъ то самый Іоаннъ—пресвитеръ и проповѣдникъ Антіохійскій—своимъ мощнымъ словомъ во имя Христа боролся съ язычествомъ: съ высоты каѳедры церковной во всеуслышаніе предъ собраніемъ, въ которомъ пребывала цѣлая сотня тысячъ людей, словомъ живымъ и дѣйственнымъ [3]) безпощадно громилъ язычество,—выставлялъ въ своихъ дивныхъ бесѣдахъ на

---

[1]) Малыш., стр. 82.

[2]) Малыш., стр. 12—14.

[3]) Объ этомъ есть указаніе выше.

публичное посмѣшище и позоръ нелѣпыя и противныя общечеловѣческой нравственности басни языческихъ поэтовъ о богахъ; показывалъ несообразность съ здравымъ разумомъ языческихъ религіозно-философскихъ ученій, бичевалъ языческія суевѣрія; указывалъ христіанамъ ухищренія язычества привлекать къ себѣ чадъ церкви Христовой черезъ гульбища, игры, празднества, конскія ристалища, цирки и театры, гдѣ въ каждое удовольствіе и развлеченіе вездѣ примѣшанъ былъ, сознательно конечно,—ядъ язычества; обличалъ пороки язычниковъ, указывая начало ихъ и корень въ безнравственныхъ вѣрованіяхъ язычества [1]). И послѣдствіемъ этого душпастырства Св. Златоуста было осязательное торжество проповѣди христіанской надъ языческимъ краснорѣчіемъ Ливанія. Онъ разсказываетъ, что въ послѣдній годъ своего учительства въ Антіохіи, онъ, къ крайнему своему огорченію, замѣчалъ, какъ умаляется число его слушателей: тогда какъ прежде сотни учениковъ сидѣли въ школѣ у ногъ его, теперь, когда онъ также ревностно учительствуетъ, какъ и въ былые годы, видитъ ихъ по двѣнадцати, даже по семи [2]). Съ паденіемъ Ливанія тускнѣла слава и другихъ языческихъ учителей; язычники шли толпами отъ своихъ учителей слушать великаго проповѣдника истины Христовой, и многіе—многіе становились христіанами. Въ бесѣдахъ Златоуста есть много словъ, обращенныхъ къ новопросвѣщеннымъ [3]). Со втораго года священства Св. Іоанна въ Антіохіи,—387 г. начались обращенія язычниковъ по слову его, какъ можно судить по бесѣдамъ его, и Св. Іоаннъ постоянно, въ установленное церковью время крестилъ ихъ во все время проповѣдническаго своего служенія въ Антіохіи. Искреннее, неизмѣнно—постоянное попеченіе о спасеніи душъ человѣческихъ, эта любовь къ ближнему, при содѣйствіи благодати Господней, побѣждала силу заблужденій языческихъ. *Сія есть побѣда, побѣдившая міръ—вѣра наша* (Іоан. V, 4). *Яко всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ* (4 ст.).

Проповѣданіе Св. Іоанна въ Антіохіи вполнѣ можно назвать апостольскимъ служеніемъ. Эта постоянная и неоскудѣвающая въ теченіе двѣнадцати лѣтъ проповѣдь возбуждаетъ самое искреннее удивленіе. Позднѣе, въ ту эпоху, когда Георгій Александрійскій

---

[1]) Обо всемъ этомъ говорено нами въ рѣчи о нравственно-религіозномъ состояніи Антіохійской церкви; повторять мы уже не будемъ.

[2]) Gerzog Real—Encykle: Libanius.

[3]) Твор. Св. Іоан. Златоуста.

писалъ біографію Златоуста, Св. Іоанну могли приписывать всевозможныя чудеса, забывая часто признаваемое самимъ Св. Златоустомъ соображеніе, что была великая разница между временами апостольскими и послѣдующими, и что въ эти послѣднія источникъ сверхъестественныхъ дѣлъ значительно изсякъ и чудеса видѣли только при гробницахъ святыхъ и мучениковъ Но его проповѣдь изумительнѣе всякихъ чудесъ; она сама—лучшее чудо, дивный плодъ милости и любви,—той любви, которая является великимъ изъ непреложныхъ дарованій, завѣщанныхъ Іисусомъ Христомъ своимъ истиннымъ ученикамъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ *былъ* для Антіохійской церкви и города Антіохіи *свѣтильникъ, горяй и свѣтяй* (Іоан. V,35). И этотъ свѣтильникъ естественно долженъ былъ быть *поставленнымъ на свѣщницѣ* (Мар. IV, 25) высшемъ, *да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ* большей и ширшей *суть* (Мѳ. V, 15).

Съ полнымъ правомъ можно сказать, что, собственно говоря, Св. Іоаннъ при святителѣ Флавіанѣ былъ истиннымъ епископомъ Антіохіи. И если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ, то, несомнѣнно, не захотѣлъ бы покинуть этотъ городъ, такъ какъ любилъ его вдвойнѣ: и какъ свою родину, и какъ апостольскій по преимуществу городъ, общую дочь Апостоловъ Петра и Павла, „митрополію всего христіанства“, по его собственному выраженію. Нѣкогда онъ наслѣдовалъ бы своему старому епископу и состарѣлся бы среди своихъ „возлюбленныхъ“ [1]).

Но слава Антіохійскаго проповѣдника распространилась уже слишкомъ далеко и имя его пріобрѣло уже слишкомъ большую извѣстность, чтобы ему можно было ограничиться служеніемъ въ Антіохіи.

При одной изъ великолѣпныхъ бесѣдъ Златоуста присутствовалъ разъ первый министръ императора—Евтропій,—во время посѣщенія Антіохіи. Слово проповѣдника привело его въ восторгъ. И вотъ, когда освободился патріаршій престолъ въ Константинополѣ, сановникъ подсказалъ императору Аркадію имя Златоуста. И назначеніе Антіохійскаго пресвитера на патріаршую каѳедру тотчасъ состоялось. „Іоаннъ, прекрасный по жизни, смѣлый словомъ и убѣжденіемъ“, свидѣтельствуетъ Созоменъ [2]) „весьма многихъ привлекъ къ добродѣтели, ибо, проводя жизнь свято, увлекалъ

---

[1]) Св. Іоаннъ Златоустъ. Эме Пюшъ, стр. 23--24.

[2]) Книга 8-я, гл. 2-я.

слушателей къ своему образу мыслей не искусствомъ какимъ нибудь или силою слова, а тѣмъ, что проповѣдывалъ истину и искренно изъяснялъ священныя книги. Если слово украшается дѣлами, то естественно является достойнымъ вѣры", прибавляетъ историкъ, „а безъ нихъ оно говорящаго обличаетъ во лжи и сколько бы онъ ни старался учить, дѣлаетъ его обвинителемъ собственныхъ словъ. Іоаннъ былъ знаменитъ тѣмъ и другимъ: онъ отличался строгими правилами жизни и точностію въ своихъ дѣйствіяхъ; выраженіе его рѣчи было ясно и блистательно, сильною убѣдительностію цвѣло слово Іоанново. И такъ, сдѣлавшись знаменитымъ между знающими—чрезъ свои опыты, а между незнающими—чрезъ молву и по всей Римской имперіи прославившись словами и дѣлами, онъ признанъ былъ достойнымъ епископства надъ Константинопольскою церковію. Когда же клиръ и народъ рѣшилъ это, согласился и царь и послалъ привести Іоанна". Возможный отказъ избранника и нежеланіе Антіохіи потерять великаго оратора были искусно и деликатно предупреждены. Областеначальникъ Антіохіи—Астерій,—по указанію Евтропія, пригласилъ ничего неподозрѣвавшаго пресвитера Іоанна посѣтить вмѣстѣ съ нимъ часовню одного мученика за стѣнами города и когда Златоустъ прибылъ туда, то его схватили и отвезли въ Пагры, первую станцію по дорогѣ въ Константинополь. Тамъ онъ, несмотря на всѣ возраженія, посаженъ былъ въ императорскую колесницу, оказавшуюся уже наготовѣ подъ охраной солдатъ дворцоваго конвоя и уполномоченныхъ, съ возможною скоростію перевозимъ былъ отъ станціи къ станціи, пока не былъ доставленъ въ столицу Востока [1]) и здѣсь съ сѣдалища пресвитерскаго возведенъ на престолъ патріарха Царя-Града, столицы императоровъ, преемниковъ Константина Великаго.

Послѣдуемъ и мы за Святителемъ, чтобы видѣть въ его живомъ словѣ бесѣдъ, въ его твореніяхъ нравственно-религіозное состояніе церкви Константинопольской.

[1]) Фарраръ. 815.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе III—XXXV.

Стран.

§ I-й. Связь исторіи церквей—Антіохійской и Константинопольской, за время Св. Іоанна Златоуста, съ исторіею его жизни и дѣятельности . . . III.

§ II-й. Творенія Златоуста, какъ историческій документъ . . . . . III—V.

§ III-й. Изысканія для точнаго опредѣленія времени жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста. V—IX.

§ IV-й. Происхожденіе названія „Златоустъ“ . IX—X.

§ V-й. Перечень твореній Св. Іоанна Златоуста. X—XI.

§ VI-й. Раздѣленіе сочиненій Св. Іоанна Златоуста на четыре періода: монашескій, діаконскій, пресвитерскій и епископскій . . . . . XII.

Начало хронологіи сочиненій 373 годъ . . XII.

Сочиненія монашескія. . . . . XII—XVII.

Сочиненія діаконскія. . . . . XVII—XIX.

Сочиненія пресвитерскія . . . . . XIX—XXIII.

Сочиненія епископскія. . . . . XXIII—XXIV.

Сочиненія неизвѣстнаго періода дѣятельности Св. Іоанна Златоуста . . . . . XXIV—XXV.

Замѣчаніе о хронологіи сочиненій Св. Іоанна Златоуста, сдѣланной Минемъ. . . . .XXVI—XXVIII

Доказательства подлинности слова Св. Іоанна Златоуста на усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя XXVIII.

Подложныя сочиненія съ именемъ Св. Іоанна. XXVIII—XXX

§ VII-й. Порядокъ твореній Св. Іоанна Златоуста, принятый для опыта составленія исторіи церквей Антіохійской и Константинопольской . . XXX—XXXI.

§ VIII-й. Предѣлы пользованія историками; указаніе источниковъ и пособій, и содержаніе спеціальныхъ изслѣдованій предмета: нравственно-религіозное состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской и планъ изслѣдованія . .XXXI—XXXV

Отдѣлъ первый.

Стран.

Антіохійская церковь. Ея исторія . . . 1—3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общій очеркъ нравственнаго состоянія Антіохійской церкви . . . . . 5—6

Глава I-я.

Нравственное состояніе клира въ Антіохійской церкви . . . . . 6—13

Свойства душпастырскаго служенія въ церкви . 6—9

Опыты дѣятельнаго служенія Антіохійскаго клира въ любви къ Богу и ближнему; предстательство Архіепископа Флавіана за Антіохійскій народъ предъ императоромъ Θеодосіемъ въ Константинополѣ . . 9—11

Ходатайство священниковъ гор. Антіохіи предъ судьями въ Антіохіи . . . . . 11—12

Достоинства сельскаго духовенства . . . 12—13

Глава II-я.

Нравственное состояніе монашества въ Антіохійской церкви . . . . . 13—25

Біографія Архіепископа Флавіана . . . 13—15

Жизнь и подвиги нагорныхъ Антіохійскихъ монаховъ . . . . . 15—19

Жизнь городскихъ монаховъ въ Антіохіи . . 19—20

Отличительный характеръ высоты религіозно-нравственнаго настроенія нагорнаго монашества . 20—22

Самоотверженное предстательство монаховъ за антіохійскій народъ передъ правительсвомъ, по случаю разрушенія царскихъ статуй въ Антіохіи, по твореніямъ Св. Іоанна Златоуста . . . . . 22—24

Свидѣтельство историка о подвигахъ любви, къ ближнему Антіохійскихъ монаховъ . . . . . 24—25

Глава III-я

Нравственное состояніе Антіохійскаго общества. 25—47

Ложное направленіе воспитанія дѣтей, какъ причина развращенія нравовъ. . . . . 25—29

Стран.

Господствующія въ Антіохійскомъ обществѣ страсти: сребролюбіе, пьянство, развратъ—у богатыхъ . 29—33
Пороки бѣдняковъ . . . . . 33—35
Театры, какъ орудіе для деморализаціи нравственности . . . . . 35—42
Педерастія . . . . . 42—45
Добродѣтели Антіохійскихъ женщинъ въ христіанскомъ обществѣ . . . . . 45—47

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Религіозное состояніе Антіохійской церкви. Предисловіе . . . . . 49—50

Глава I-я.

Общій обзоръ религіознаго состоянія Антіохійской церкви . . . . . 51—56
Значеніе Миланскаго эдикта для христіанъ и для язычниковъ . . . . . 51—55
Условія благопріятствующія побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ 55 56

Глава II-я.

Суевѣрія . . . . . 56—68
Благочестіе Антіохіянъ и ихъ вниманіе къ проповѣди Св. Іоанна Златоуста . . . . . 56—59
Разладъ внѣшняго благочестія съ внутреннимъ настроеніемъ у Антіохіянъ . . . . . 59—60
Сатурналіи и ихъ спутники; суевѣрія, какъ проявленіе языческихъ воззрѣній . . . . . 60—61
Вѣра въ примѣты встрѣчи 62
Психологія расположенія къ суевѣріямъ . . 63—64
Вѣра въ привѣски, въ заговоры при рожденіи человѣка 64
Вѣра въ заговоры при смерти человѣка . . 65—66
Вѣра въ судьбу . . . . . 67—68

Глава III-я.

Употребленіе клятвы въ Антіохійской церкви . 69—75
Употребленіе противозаконной божбы . . . 68—72
Злоупотребленіе клятвой—присягой . . . 72—75

Глава IV-я.

Стран.

Расколъ въ Антіохійской церкви. . . . . 75—92

Употребленіе анаѳемы, какъ проклятія другъ—друга. . . . . 75—78

Религіозное состояніе Антіохійской церкви предъ временемъ жизни и дѣятельности Св. Іоанна Златоуста . . . . . 78—80

Раціоналистическое направленіе богословской школы пресвитера Лукіана. . . . . 80—81

Арій, ученикъ пресвитера Лукіана . . . 81

Антіохійское богословствованіе—готовая почва для аріанства . . . . . 82—83

Полуаріане 83

Причины внутренней вражды въ Антіохійской церкви . . . . . 84—85

Евстафіане и Мелетіане . . . . . 85—92

Глава V-я.

Ереси въ Антіохійской церкви . . . . . 92—135

Обстоятельства, обусловившіе появленіе ересей въ Антіохіи . . . . . 92—95

Что представляли ереси въ Антіохіи за время жизни и дѣятельности здѣсь Св. Іоанна Златоуста . 95—107

Аномеи . . . . . 107—110

Полуаріане . . . . . 110—111

Взглядъ Св. Іоанна Златоуста на душевное состояніе еретиковъ 111

Ересь Маркіона . . . . . 112—117

Ересь Валентина. . . . . 117—119

Манихейская ересь . . . . . 119—124

Ересь Савеллія . . . . . 124—127

Ересь Павла Самосатскаго . . . . . 127—129

Ересь Аполлинарія 129

Ересь Маркелла . . . . . 129—133

Ересь Македонія. . . . . 133—135

Глава VI.

Секта Іудействующихъ въ Антіохійской церкви . 135—154

Исторія секты отъ временъ Апостольскихъ. . 135—137

Стран.

Состояніе жидовства въ началѣ пресвитерства Св. Златоуста въ Антіохіи; патріархи синагоги . . 137 138
Лжесвященство у жидовъ . . . . . 138—139
Почему еврейскія синагоги не могутъ быть священнымъ мѣстомъ для истиннаго служенія Богу . 139—143
Врачи изъ евреевъ обѣщаютъ оказывать помощь христіанамъ лишь подъ условіемъ участія послѣднихъ въ жидовскихъ религіозныхъ обрядахъ . . . 143
Секта іудействующихъ христіанъ, участвующихъ въ праздникахъ и постахъ іудейскихъ . . . 143—154

Глава VII-я.

Отношеніе язычества къ христіанству. . . 154—163
Условія благопріятствовавшія вліянію язычества на христіанство средства для воздѣйствія на христіанство въ рукахъ язычниковъ: наука, литература, философія древняго міра, греческая образованность для высшаго общества, и магія, теургія, мистеріи для народа . . . . . 154—159
Пропоганда язычества и словомъ и дѣломъ среди хрістіанъ . . . . . 159—161
Значеніе Св. Іоанна Златоуста для противоязыческой миссіи и торжество проповѣди Св. Евангелія въ Антіохіи надъ язычествомъ 161 162
Призваніе пресвитера Св. Іоанна Златоуста на Архіепископскій престолъ въ Константинополь . . 162—163

Іерей Сумэонъ Никольскій.

ИСТОРІЯ ЦЕРКВЕЙ

АНТІОХІЙСКОЙ и КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ,

ЗА ВРЕМЯ

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

ПО ЕГО ТВОРЕНІЯМЪ.

Отдѣлъ II-й.

СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКІЙ.
Типо-Литографія Т. М. Тимоѳеева, уг. Театральной и Александровской, 1—2.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать разрѣшается.
Спб., 26 Августа 1905 года.

Старшій цензоръ *Архимандритъ Филаретъ*

Отдѣлъ II-й.

Константинопольская церковь.

Ея исторія.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Константинополь, въ глубокой древности была расположена Мегерская колонія—Византія—Byzantim, основанная въ 658 году до Р. Х. на европейской сторонѣ Босфора. Узкій проливъ, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ, обезпечивалъ за этой колоніей важное торговое и промышленное значеніе. „Золотой Рогъ"—бухта Χρυσόκερας—имѣлъ всемірную извѣстность и господствующее значеніе. Колонія собирала пошлину съ судовъ, идущихъ изъ Егейскаго моря въ Черное и обратно; вела торговлю съ европейскими и азіатскими странами и неминуемо должна была играть важную роль въ борьбѣ Азіи съ Европой. Городъ—Βυζάντιον. по преданію, былъ устроенъ по указанію Дельфійскаго оракула [1]). Дальнѣйшую исторію Византіи мы пройдемъ молчаніемъ. За тысячелѣтній періодъ своего существованія въ началѣ небольшая колонія, потомъ знаменитый приморскій городъ испыталъ много различныхъ превращеній въ своей судьбѣ: былъ въ рукахъ различныхъ властителей—„Персовъ, и Грековъ, и Римлянъ". Не политическая судьба Византіи интересуетъ насъ, а исторія вѣры и церкви христіанской въ этой мѣстности. Византія имѣетъ значеніе для насъ, какъ мѣсто основанія Константинополя. А знать, хотя кратко, исторію возникновенія, устройства и существованія этого съ самого основанія своего христіанскаго города важно для насъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы видѣть, что представлялъ собой этотъ „новый Римъ" въ то время, какъ сталъ здѣсь въ санѣ архіепископа Св. Іоаннъ Златоустъ.

[1]) По Энц. сл. Андр. стр. 25, т. VI.

Византія получила „свѣтъ Христовъ“ въ самое первое, самое раннее время апостольскаго періода. Она имѣла своимъ просвѣтителемъ Апостола—одного изъ двѣнадцати избранныхъ учениковъ Христовыхъ и первымъ епископомъ ученика Апостольскаго. Наша славянская Четія-минея подъ 30 ноября въ нѣсколькихъ строкахъ знакомитъ насъ съ началомъ христіанства въ Византіи. „Андрей Святый, первозванный Апостолъ Христовъ“, повѣствуетъ намъ святой писатель „подвиговъ и страданій“ Апостола [1]), „по вольной страсти Господней и воскресеніи и вознесеніи Его, пріявшу ему, якоже и прочіимъ апостоломъ, Духа Святаго и раздѣляемымъ бывшимъ странамъ, падоша ему жребіемъ Виѳиніійскія и Пропонтидскія страны, съ Халкидомъ и *Византіею,* и Фракіею, и Македоніею, даже до Чернаго моря и Дуная досяжуща (и проч.).. Отплы во Фракійскій градъ Византію, идѣже опъ первый Христа проповѣда, и много научивъ, пресвитеры церковныя постави. Стахія же, его же Павелъ святый, въ посланіи къ Римляпамъ помипаетъ, епископа имъ рукоположи“. И съ того времени,—отъ 36-го года [2]) за 350 лѣтъ [3]),—къ году патріаршества Св. Іоанпа Златоуста, исторія христіанской Византіи представляетъ великій сонмъ пресмственно бывшихъ предстоятелей этой церкви—цѣлую тридесятницу архіереевъ. Но особенное значеніе въ исторіи христіанской церкви вообще Византія получаетъ въ началѣ IV-го вѣка, съ построеніемъ на мѣстѣ древней Византіи Константинополя, съ восшествіемъ вѣры Христовой на престолъ Римскихъ императоровъ.

Созоменъ сообщаетъ подробности построенія Константинополя. По его сказанію, еще Византія получила почесть быть столицей императоровъ и потомъ, по откровенію отъ Бога, Константинъ Великій послѣ того, какъ обозначилъ было форму и величину своего столичнаго города на полѣ Илійскомъ близъ Геллеспонта, построилъ именно на мѣстѣ древней Византіи Фракійской городъ своего имени, что царь и сдѣлалъ, распространивъ прежнюю Византію и обнесши ее огромными стѣпами [4]). Этими краткими свѣдѣніями лѣтописи объ основаніи Константинополя мы и ограничимся. Но возьмемъ дословныя показанія историка объ одномъ обстоятельствѣ, связанномъ съ исторіей построенія новой столицы въ Римской Имперіи. Эти послѣдпія свѣ-

[1]) Святитель Димитрій Ростовскій.
[2]) По Фаррару, прилож. XIII.
[3]) Стр. 897-я.
[4]) Созоменъ II, 3.

дѣнія намъ необходимы для выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ нравственно-религіозномъ состояніи Константинопольской церкви, указываемыхъ, въ свою очередь, твореніями Св. Іоанна Златоуста—этого главнаго историческаго источника для нашего труда. „Царь захотѣлъ построить соименный себѣ и равночестный Риму городъ“, замѣчаетъ историкъ, городъ равный „съ Римомъ въ правахъ и въ власти“ [1]). И потомъ прибавляетъ: „такъ какъ для населенія обширнаго города туземцевъ было недостаточно; то въ разныхъ мѣстахъ по предмѣстіямъ построилъ онъ большіе дома и, отдавъ ихъ во владѣніе знаменитѣйшимъ людямъ, поселилъ ихъ тамъ съ семействами; а этихъ вызвалъ частію изъ древняго Рима, частію изъ другихъ мѣстъ“. „Учредилъ онъ -царь“, свидѣтельствуетъ историкъ, „другой верховный совѣтъ, называемый сенатомъ и предоставилъ ему тѣ же права и преимущества, какія принадлежали древнимъ Римлянамъ“ [2]). Подробно описавши благоустройство и благоукрашеніе новаго города, Созоменъ говоритъ: „стараніе царя соименный себѣ городъ сдѣлать во всемъ равнымъ Риму Италійскому не осталось безъ успѣха, ибо, при помощи Божіей, это населеніе такъ выросло, что и по числу жителей, и по богатству, всѣми ставится выше Рима“. Особенно цѣнно слѣдующее извѣстіе лѣтописца: „Константинополь такъ располагаетъ всѣхъ къ христіанской вѣрѣ, что іудеи въ немъ—многіе, а язычники почти всѣ перешли въ христіанство. Притомъ столицею ему пришлось сдѣлаться въ такое время, когда вѣра особенно распространилась, такъ что не осквернялп его ни требища, ни языческіе храмы, ни жертвоприношенія... Возвеличивая сей новосозданный городъ, Константинъ украсилъ его многими и великолѣпными молитвенными домами“ [3]). Ѳеодоритъ, Епископъ Кирскій въ церковной исторіи дополняетъ эти свѣдѣнія, приводя текстъ посланія Константина Великаго Евсевію о приготовленіи свитковъ божественныхъ писаній. Изъ этого посланія видно, что дѣйствительно въ Константинополѣ „къ святѣйшей церкви вновь присоединилось весьма много людей“, такъ что съ быстрымъ приращеніемъ всего оказывается весьма приличнымъ и умноженіе здѣсь церквей и для этихъ церквей царь проситъ Евсевія, чтобы онъ „приказалъ опытнымъ и отлично знающимъ свое искусство писцамъ написать на выдѣланномъ пергаментѣ 50 томовъ удобныхъ для чтенія и легко перено-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

симыхъ для употребленія". Въ этихъ томахъ, писалъ царь, „должно содержаться божественное писаніе, которое особенно нужно имѣть и употреблять въ церкви" [1]).

Всѣ эти лѣтописныя свѣдѣнія историковъ знакомятъ насъ съ первоначальнымъ и внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ города и церкви Константинополя. Здѣсь жилъ императоръ, здѣсь былъ его дворъ, здѣсь поселились богатые и знатные люди изъ другихъ городовъ; естественно сошлись для торговли и промысловъ множество народа; не забыли новой столицы, конечно, и ученые люди, техники, художники,—и всѣмъ имъ здѣсь могло быть много дѣла. Привиллегіи, всегда бывающія для первыхъ поселенцевъ, привлекли иностранцевъ съ разныхъ сторонъ, несомнѣнно, во множествѣ. Ибо гдѣ трупъ, тамъ соберутся орлы (Мѳ. XXIV, 28), какъ „туда, гдѣ явится Христосъ" во время 2-го пришествія, придутъ всѣ святые [2]). И всѣ эти люди, вся эта толпа собравшихся изъ разныхъ странъ и областей принесли съ собой свои вѣрованія, обычаи, пороки, заблужденія и предразсудки. Это—предположеніе, но, смѣемъ утверждать, вѣроятное до несомнѣнности. Замѣчательно: Созоменъ, говоря о благоустройствѣ Константинополя, указываетъ подробности построекъ, изъ которыхъ одни служили для устройства, а другія для украшенія города, дворцы [3]), площади, торговые ряды, портики, водохранилища, поставленныя для украшенія столицы статуи: какъ Аполлона, Дельфійскіе треножники и знаменитый панъ [4]) и въ ряду всего этого множества построекъ историкъ не забылъ помѣтить и гипподромъ—мѣсто конеристалища. Константинъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Римское общество, какъ извѣстно, весьма любило ипподромъ. Созоменъ замѣчаетъ, что благочестивѣйшій императоръ и умеръ едва не въ циркѣ. „Больной вышелъ, говоритъ, въ циркъ на зрѣлище, послѣ обѣда ему сдѣлалось хуже... въ слѣдующую ночь жизнь его прекратилась" [5]).

Но Константинополь былъ городъ чисто христіанскій, со множествомъ базиликъ, гдѣ читалось слово Божіе. Не по числу ли храмовъ въ своей новой столицѣ Константинъ и приказалъ приготовить „50 томовъ Писанія?" Казалось бы, что все такъ благопріят-

---

[1]) Гл. 16, кн. 1.

[2]) Ѳеофил., Златоустъ, Іеронимъ, Зигабенъ по толков. Евангел. Архим. Мих. на Мѳ. стр. 469.

[3]) Гл. 5-я.

[4]) Гл. 5-я.

[5]) Стр. 542.

ствуетъ распространенію и утвержденію истинной святой вѣры въ городѣ Константина—и увы,—едва прошло десять лѣтъ отъ его основанія, какъ Арій, давно осужденный Вселенскимъ соборомъ, какъ еретикъ, самолично прибылъ сюда искать лицемѣрнаго общенія съ церковію и поднялъ бурю среди еретиковъ [1]). Заблужденіе его охватило многіе умы и многіе архіереи подъ предводительствомъ Евсевія, епископа Никомидійскаго [2]), склоняли „Александра, располагавшаго тогда епископскимъ престоломъ въ Константинополѣ [3]) принять Арія въ общество съ церковью. Александръ не хотѣлъ: произошло раздѣленіе между епископами и христіанами, единомышленниками Арія и Евсевія. Самъ равноапостольный императоръ склонился было на сторону Евсевіанъ, и лишь Арій въ день, назначенный для принятія его въ церковь, умеръ въ 336 г. [4]). Здѣсь въ Константинополѣ тѣмъ, на этотъ разъ, и кончилось раздѣленіе. Но дерзкое заблужденіе несчастнаго не окончилось съ его жизнію. Скоро опочилъ и ревнитель вселенской истины—епископъ столицы Александръ; скоро скончался и равноапостольный императоръ Константинъ,—и ересь взяла полную силу среди христіанъ Царя-града. Такъ что вліяніемъ Аріанъ преемникъ каѳедры Александра, епископъ Павелъ, благочестивый и просвѣщенный, непоколебимый защитникъ православія, четырежды былъ низвергаемъ и возводимъ съ своего епископскаго престола и враги истины наконецъ достигли того, что исповѣдникъ былъ сосланъ царемъ аріанином въ Арменію, гдѣ агенты аріанъ и удавили священномученика. Это послѣднее событіе совершилось въ 350 году и почти 30 лѣтъ также, какъ въ Антіохіи, епископскую каѳедру въ столицѣ имперіи занимали аріанствующіе архіереи,—доколѣ, съ воцареніемъ Ѳеодосія, не былъ призванъ въ архіепископы Константинополя Григорій Назіанзинъ, оставившій исторіи свидѣтельство о состояніи—и религіозномъ и нравственномъ—Константинопольской церкви за свое время, которое мы и приведемъ здѣсь, хотя не полностію. Но возвратимся нѣсколько назадъ.

Константинополь, какъ столица, скоро пріобрѣлъ важное значеніе въ дѣлахъ церковныхъ. По выраженію Григорія Богослова, „онъ сдѣлался и окомъ вселенной; городомъ могущественнѣйшимъ на сушѣ и на морѣ; взаимнымъ узломъ востока и запада, куда

[1]) Созом. стр. 151.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Фарраръ, стр. 152.

отвсюду стекались, и откуда, какъ съ общаго торжища, исходило все важнѣйшее“[1]). Константинополь сдѣлался однимъ изъ главныхъ средоточій, гдѣ находило себѣ дѣятельную поддержку и откуда разливалось по окрестнымъ странамъ аріанство. Дѣятельность здѣшнихъ епископовъ: Евсевія, прежде Никомидійскаго, Македонія, Евдоксія, Демофилы, вся посвящена была противодѣйствію Никейскому направленію богословствованія [2]). И аріанствующіе дѣйствовали открыто—свои воззрѣнія утверждали соборомъ—какъ Константинопольскій 350 года въ Символѣ о Сынѣ Божіемъ и Св. Духѣ [3]); и дѣйствовали такъ успѣшно, что въ столицѣ ко времени прибытія сюда Св. Григорія Богослова не нашлось въ 379-мъ году у православныхъ ни одного храма.

Понятны теперь будутъ и скорбь и радость Святителя Григорія Богослова, изображенныя имъ въ его прощальномъ словѣ, произнесенномъ на 2-мъ Вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ 381 года. „Нѣкогда паства сія“, говорилъ святой, „была мала (въ годъ его прибытія въ столицу) и несовершенна, даже судя по видимому, это была не паства, а малые слѣды и останки паствы, безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ; она не имѣла ни свободной пажити (при Юліанѣ были закрываемы храмы Божіи), ни огражденнаго двора, скиталась въ горахъ, и вертепахъ, и пропастѣхъ земныхъ [4]), разсѣянная и разбросанная (Валентъ многихъ православныхъ отправлялъ въ ссылку; препятствовалъ свободѣ отправленія богослуженія, а между тѣмъ аріанамъ покровительствовалъ и поощрялъ ихъ козни противъ православныхъ) тамъ и здѣсь; всякій, кому какъ случалось, находилъ себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи; она была подобна стаду, которое львове изпуриша [5]), погубила буря или разсѣялъ мракъ“ [6]). „Нива сія“, продолжаетъ Святитель, „не походила на ниву не только Бога, Который благими сѣменами и ученіями благочестія воздѣлалъ и воздѣлываетъ цѣлый міръ; но даже на ниву недостаточнаго и маломощнаго бѣдняка. Такова была наша нива, такова жатва [7]). Но какъ скоро Богъ, Который убожитъ и богатитъ,

[1]) Твор. Григ. Богосл. Іоан. IV, 34.
[2]) Тв. Св. Іоан. Вел. т. 1, стр. 221.
[3]) Твор. Іоан. Вел. т. III, стр. 152.
[4]) Евр. XI, 38.
[5]) Іер. L, 17.
[6]) Тв. Св. Григ. Бог. изд. 1844 г. Часть I, стр. 25.
[7]) Ibid., стр. 28.

мертвитъ и живитъ [1]), посѣтилъ благостію Своею, то рукою крѣпкою Своею и мышцею высокою «содѣлалъ паству сію благоустросенною и расширенною». И если она не совершенна, по чрезъ постоянныя приращенія восходитъ къ совершенству; а я предрекаю, что и будетъ восходить. Ибо гораздо было необычайнѣе изъ прежняго состоянія придти въ настоящее, нежели изъ настоящаго достигнуть верха славы" [2]). Потомъ Святой Архипастырь говоритъ о своемъ попеченіи, о неутомимомъ бдѣніи, о трудахъ, о многочисленныхъ скорбяхъ, о гоненіяхъ, злословіяхъ, клеветахъ и объ опасностяхъ для самой жизни въ борьбѣ съ еретиками [3]). Въ 325-мъ году окончено основаніе Константинополя. За эти 60—70 лѣтъ Константинопольская церковь сколько должна была вытерпѣть гоненій, раздѣленій, споровъ касательно истинъ вѣры и разныхъ заблужденій. Между епископами, управлявшими этою церковію, коихъ было за этотъ періодъ времени 10, только 3 іерарха были православные и благочестивые, [4]) и всѣ они страдальчествовали. А прочіе архіереи —или прямо еретики, или люди корыстолюбивые, жестокіе, невоздержные, неучительные, лица вообще не имѣющіе достоинствъ истиннаго пастыря Христова стада. Нектарій, преемникъ Григорія Богослова, управлялъ церковію 16-ть лѣтъ; но не имѣлъ ни знанія, ни ревности, ни святости [5]) жизни своего святого предшественника.

Одно отрадное свѣдѣніе передаетъ Созоменъ: Нектарій былъ православный епископъ [6]), старался удерживать во власти православные храмы, пріобрѣтенные святымъ Григоріемъ изъ владѣнія аріанъ, не силою слова, не ревностію за истину, а мѣрами внѣшними, какъ государственный сановникъ [7]). Аріане такими мѣрами настолько были озлоблены, что сожгли домъ Нектарія „въ досадѣ", замѣчаетъ историкъ, „что онъ владѣетъ церквами" [8]). „Доблестные пастыри", разсказываетъ Ѳеодоритъ, говоря о II-мъ Вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ, „въ епископы того великаго города", послѣ Св. Григорія, „избрали Нектарія, мужа благороднаго, украшавшагося знаменитостію рода и сіявшаго собственными добро-

---

[1]) 1 Цар. II, 67.
[2]) Ibid., стр. 29—30.
[3]) Ibid., стр. 42—43.
[4]) Фарраръ, 897—898.
[5]) Созом. гл. 10-я кн. II.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., гл. 14.
[8]) Гл. 8 кн. V.

дѣтелями“ [1]). И болѣе—ни слова. Созоменъ, въ совершенной противоположности этому льстивому воззрѣнію, указываетъ: избрали въ епископы человѣка некрещенаго [2]), котораго крестили единственно для того, чтобы сдѣлать епископомъ [3]), порочнаго [4]), (друга его, не принявшаго священства, Созоменъ хвалитъ [5]), хотя правда „принадлежавшаго къ знаменитому классу сенаторовъ [6]), имя котораго въ спискѣ избираемыхъ было помѣчено начальствовавшимъ на соборѣ (IV Вселен.) лишь „изъ угожденія“ другу и послѣднимъ въ ряду многихъ [7]). Избраніе же есть дѣло собственно царя, который, конечно, увидѣлъ имя своего человѣка въ спискѣ кандидатовъ на престолъ своей церкви, невольно заинтересовался и „долго держа палецъ на послѣдней подписи, избралъ Нектарія“; и это избраніе не только удивило,—изумило соборъ. Но, тѣмъ не менѣе, Нектарій былъ поставленъ въ епископа столицы. И все это совершилось въ присутствіи вселенскаго собора! Забыты или презрѣны правила Св. Апостоловъ—80 и 1-го Вселенскаго собора 2-е [8]). Этотъ старикъ, говоритъ о Нектаріѣ одинъ изъ нынѣшнихъ біографовъ Златоуста [9]), не имѣлъ никакого другого достоинства, кромѣ своего сана и 16 лѣтъ служилъ для удовольствія царя [10]). Но, когда умеръ Нектарій, миръ царствовалъ въ церкви, аріанство и многобожіе были подавлены [11]). Но тотъ глубоко ошибется, кто отнесетъ это обстоятельство къ пастырскимъ заслугамъ Нектарія. Рѣшали дѣло съ разномыслящими эдикты Ѳеодосія. Этотъ суровый воинъ и въ дѣлахъ вѣры съ той же энергическою рѣшимостью выступалъ противъ враговъ церкви, какъ и противъ враговъ имперіи и своихъ собственныхъ; и, конечно, не убѣждалъ такъ или иначе вѣровать, а прямо приказывалъ—вѣрь „по высочайшему повелѣнію“. „Согласно ученію апостоловъ и евангелія, мы должны вѣрить въ одно Божество Отца, Сына и Святаго Духа, совершенно равнаго до-

---

[1]) Гл. 8, кн. V.
[2]) Гл. 8, кн. VII.
[3]) Albert. Труды Кіевск. Духов. Академ. 1862 г.
[4]) Ibid., гл 9-я.
[5]) Ibid.
[6]) Кн. 8-я.
[7]) Глав. 8.
[8]) Ibid.
[9]) Albert, выше.
[10]) Albert.
[11]) Albert.

стоинства и святую Троицу", повелѣвалъ Ѳеодосій. „*Мы* уполномочиваемъ ученикамъ такого ученія называться вселенскими, православными. И такъ какъ *мы* полагаемъ, что всѣ другіе слѣпы и неразумны, то *клеймимъ* ихъ ненавистнымъ именемъ еретиковъ и запрещаемъ собраніямъ ихъ называться церквами. Независимо отъ Божьяго суда, они должны терпѣливо сносить и тѣ наказанія, которыя опредѣлитъ имъ *наша власть, руководимая небесною мудростію* (Кодек. Ѳеод. т XVI, зак 2, по Габб. гл. 27). Фарраръ помѣтилъ Нектарія святымъ (стр. 898). Не знаемъ основаній: въ „мѣсяцесловѣ всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною восточною церковію (СПБ. 1891 г. печ. по благ. Св. Сунода), мы имени этого Нектарія не нашли.

Но для насъ важны, въ данномъ случаѣ, не лица, а обстоятельства состоянія церкви ко дню смерти Нектарія. Что же представляла теперь религіозная жизнь церкви Константинопольской? Жаръ богословскихъ преній, скажемъ словами указаннаго нами біографа Златоуста [1]), нынѣ значительно охладѣлъ [2]). Недоумѣнные вопросы вѣры для мыслящихъ людей въ аріанствѣ, искренно ищущихъ истины, насколько это возможно въ области вѣры, были, въ исповѣданіи вѣры—Никео-Константинопольскаго символа, удовлетворены; остались лишь ярые, но безсильно противящіеся истинѣ подонки нѣкогда сильнаго общества аріанскаго, способные лишь на грубыя манифестаціи. Нѣтъ! Не эта болѣзнь свирѣпствовала въ церкви Константинопольской теперь, не съ этими врагами преемнику Нектарія предстояло здѣсь считаться; была другая язва, среди столичнаго стада Христова, которую надобно было архипастырю врачевать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо это былъ „струпъ" застарѣлый. Нектарій, какъ баричъ, возсѣдая въ почести патріарха столицы, бездѣйствовалъ: видя, не видѣлъ того, что творилось предъ его глазами; дѣла церковныя подъ его управленіемъ пришли въ упадокъ; благочестіе во всѣхъ слояхъ общества ослабѣло; пороки древней и новой имперіи господствовали между всѣми обитателями города; Константинополь представлялъ собою поле, заросшее терніемъ,—нравы испортились у христіанъ. Надо было это поле расчищать и засѣвать новыми сѣменами благочестія. Вотъ что предстояло теперь главнымъ образомъ новому архипастырю Константинопольской церкви:—надобно было ему бороться съ врагами въ своемъ собственномъ стадѣ, въ лонѣ самой церкви православной.

[1]) Albert.
[2]) Ibid.

Такова печальная исторія состоянія церкви Константинопольской ко времени вступленія на престолъ этой столичной каѳедры церкви Св. Іоанна Златоустаго! И Св. Іоаннъ, какъ пастырь добрый, небоязненно вышелъ на опасную борьбу съ лютымъ врагомъ и душу свою положилъ за овцы своя! И на память вѣкамъ и народамъ, а паче пастырямъ стада Христова, на всѣ времена оставилъ свои письмена, исполненныя духа и силы Христа Пастыреначальника, какъ памятникъ своего священнѣйшаго душпастырства въ великой Патріаршей Константинопольской церкви.

Намъ эти творенія Святаго Святителя даютъ возможность изслѣдовать нравственно-религіозное состояніе Константинопольской церкви за время его святительства.

Часть первая.

Нравственное состояніе Константинопольской церкви.

ГЛАВА I-я.

Клиръ.

ФЕВРАЛЯ 26-го 1898 года исполнился полуторытысячный юбилей святительства Св. Іоанна Златоустаго съ того дня, какъ онъ 26 февраля 398 года былъ рукоположенъ въ епископа съ званіемъ архіепископа Константинопольскаго [1]).

Съ перваго дня началъ онъ здѣсь свою служебную дѣятельность и съ перваго своего слова знакомитъ насъ съ состояніемъ Константинопольской церкви. Этой первой проповѣди не сохранилось, но есть указанія, что Св. Іоаннъ обѣщалъ въ ней „побороть ересь не оружіемъ насилія, а св. писанія“ [2]). Изъ послѣдующихъ бесѣдъ его извѣстны нѣкоторыя подробности перваго слова Златоуста въ Константинополѣ. Самъ Св. Златоустъ указываетъ, что первыя слова его были объ оружіи Давида и Голіафа; что въ ней онъ развилъ мысль, „какъ филистимляне въ полномъ вооруженіи, защищенные панцырями и щитами, укрѣпленные мечами и копьями, разсѣялись отъ одного удара юнаго пастуха, неимѣвшаго для своего охраненія ни панцыря, ни меча, вооруженнаго только вѣрою и упованіемъ на Бога“ [3]). „Одинъ огражденъ былъ со всѣхъ сторонъ множествомъ всякаго оружія“,

---

[1]) Фарраръ и о. Агапитъ помѣчаютъ 26 февраля, другіе, какъ Малышев, 28. Мы склоняемся на сторону первыхъ.

[2]) Фарраръ 816 стр.

[3]) Агапитъ 277 стр.

говоритъ Св. Златоустъ„, а другой вовсе не имѣлъ такого оружія, огражденъ былъ вѣрою; одинъ снаружи блисталъ латами и щитомъ, а другой изъвнутри сіялъ духомъ и благодатію“ [1]). Ясно, что этимъ библейскимъ примѣромъ проповѣдникъ давалъ разумѣть своимъ слушателямъ, что онъ пришелъ къ нимъ какъ Давидъ, для борьбы, но что онъ желаетъ пользоваться не внѣшними аттрибутами власти, величіемъ, блескомъ, а тѣмъ менѣе насиліемъ, а что пришелъ онъ къ нимъ на великое служеніе пастыреначальства въ церкви Христовой, единственно одушевленный живою вѣрою и пламеннымъ желаніемъ ихъ спасенія. „Отрокъ побѣдилъ юношу, безоружный преодолѣлъ вооруженнаго, пастырь низложилъ воина, пастушескій камень разбилъ и сокрушилъ воинскую мѣдь. Поэтому и мы возьмемъ въ руки этотъ камень т. е. краеугольный духовный. Ибо... духовный камень низложилъ голову иноплеменника“ [2]). Но не дальше какъ изъ 2-го слова Святителя въ Константинополѣ видно, что не одни ереси теперь составляли предметъ пастырскихъ заботъ Св. Архіепископа,—тутъ же во 2-мъ словѣ Св. Іоаннъ указываетъ, что ему предстоитъ борьба со всѣмъ строемъ жизни въ новой богодарованной ему церкви, уклонившимся отъ своего назначенія. „Волки со всѣхъ сторонъ окружаютъ овецъ, непогода и волненіе непрестанно преслѣдуютъ этотъ корабль, жестокій пламень ересей угрожаетъ, окружая со всѣхъ сторонъ.. Видѣть въ этой части города насажденную церковь также удивительно, какъ если бы кто увидѣлъ среди горящей печи маслину цвѣтущую, одѣтую листьями и обремененную плодами“ [3]). Несомнѣнно Златоустъ своимъ „проницательнымъ взоромъ“ [4]), какъ только прибылъ въ Константинополь, сразу увидѣлъ всю эту жизнь, многобурную, многосуетную, исполненную роскоши, сребролюбія, зависти; тотчасъ понялъ, что его патріархія—каѳедральный городъ—есть метрополія всяческихъ золъ“ [5]).

Святитель хвалитъ свою паству за многочисленныя собранія въ храмахъ [6]), за пламенное усердіе къ слушанію поученій [7]), превозноситъ религіозность императорскаго дома: „и цари“, гово-

---

[1]) Слова и бесѣ. на разн. случ. т. 1, стр. 549.
[2]) Ibid., стр. 559.
[3]) Ibid.
[4]) Фарраръ стр. 817.
[5]) Діалогъ Палладія стр 18,—«malorum omnium metropolium avaritiam».
[6]) Ibid, стр. 548.
[7]) Ibid.

ритъ, „ликуютъ вмѣстѣ съ нами, оставляютъ царскіе чертоги и присутствуютъ при гробѣ мученика“ [1]).

„Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? взываетъ Святитель... Объ усердіи города? о ревности царицы? о стеченіи начальниковъ? о сонмахъ иноковъ? о ликахъ дѣвственницъ? о чинахъ священниковъ, о ревности мірскихъ людей, рабовъ, свободныхъ, начальниковъ, подчиненныхъ, бѣдныхъ, богатыхъ, пришельцевъ и здѣшнихъ гражданъ?“ [2]). Но проповѣдникъ, въ тоже время видѣлъ это, такъ торжественно проявляемое, благочестіе не имѣетъ за собой истинной добродѣтели, что есть оборотная сторона жизни этихъ же самыхъ людей, которая представляетъ собой порокъ и нечестіе; что это благочестіе, если показное, а выраженіе дѣйствительнаго чувства, то все же временное и скоропреходящее, какъ религіозный энтузіазмъ, который, повторимъ, никогда не можетъ быть продолжительнымъ; что, въ общемъ, въ жизни столицы, въ поведеніи, въ поступкахъ людей—не только смѣна добра и зла, а что здѣсь зло преобладаетъ надъ добромъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ Константинопольскія творенія Святителя, ибо въ нихъ похвалы добродѣтели паствы не особенно многочисленны, а обличенія чуть не пояснены. Опытному пастырю душъ человѣческихъ не много времени надобно было, чтобы проникнуть въ тайникъ сердецъ человѣческихъ въ его обширной паствѣ. На третьемъ году своего архипастырства Святитель задаетъ вопросъ слушателямъ: „скажите, сколько теперь вообще жителей въ нашемъ городѣ? Думаете ли, что 100,000, а прочіе язычники и іудеи?“ [3]). И потомъ спрашиваетъ: „Сколько, вы думаете, есть въ нашемъ городѣ спасаемыхъ?“ Тяжко слышать то, что я намѣренъ сказать, однако скажу: изъ числа столь многихъ тысячъ нельзя найти болѣе 100 спасаемыхъ; но и въ этомъ сомнѣваюсь... ибо, скажи мнѣ, какое нечестіе въ юношахъ! какое нерадѣніе въ старицахъ! *образцы для подражанія утратились*“ [4]).

Мы подчеркнули послѣднія слова. Да! въ это время, ко времени святительства Златоуста въ Константинополѣ, здѣсь—соль земли обезсилѣла [5]); свѣтъ міра [6]) померкъ; помрачились тѣ, изъ

---

[1]) Священно-мученика Фоки, ibid, стр. 117.

[2]) Слова и бес. на разн. случ. т. II, стр. 242.

[3]) Бес. на Дѣян. т. I, стр. 209.

[4]) Ibid, стр. 439.

[5]) Матѳ. V, 13.

[6]) Матѳ. V, 14.

коихъ каждому сказано: *образъ* буди вѣрнымъ: словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою, истиною—цѣломудріемъ, говоритъ Св. Златоустъ и поясняетъ слова Апостола [1]), то есть, „самъ будь первообразомъ въ жизни, являясь передъ другими, какъ образъ, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой“ [2]); и прибавляетъ, что „Апостолъ не о пресвитерахъ“ только говорилъ здѣсь, а, и преимущественно, „о епископахъ“ [3]). „Не перади о своемъ дарованіи“, заповѣдуетъ Апостолъ чрезъ Тимоѳея всѣмъ пастырямъ и архипастырямъ стада Христова на всѣ времена, „внимай себѣ и ученію; и пребывай въ нихъ“, заповѣдуетъ Апостолъ; „сія бо творя и самъ спасешися и послушающіи тебе“ [4]). Ко времени святительства Св. Іоанна Златоуста какъ разъ—и епископы, и пресвитеры, и весь причтъ церковный, весь клиръ Константинопольскій, даже болѣе, весь чинъ духовный, всѣ—за весьма немногими исключеніями, перестали внимать себѣ и богооткровенному ученію благочестія, вознерадѣли о дарованіяхъ, преподанныхъ имъ св. церковію, и ни сами себя не спасали, ни взирающихъ на нихъ, такъ что ко всѣмъ этимъ служителямъ св. алтаря Господня и церкви Божіей удобоприложимо слово Христово, „яко взясте ключъ разумѣнія, сами не внидосте, и входящимъ возбранисте“ [5]). И вотъ, сдѣлавшись епископомъ, повѣствуетъ историкъ [6]), Іоаннъ прежде озаботился исправленіемъ жизни подчиненныхъ себѣ клириковъ. Вникая въ ихъ жизнь и вообще поведеніе, онъ и обличалъ ихъ, и исправлялъ, а нѣкоторыхъ даже отлучалъ отъ церкви. „Будучи склоненъ къ обличеніямъ по природѣ и справедливо негодуя на поступающихъ неправедно, онъ, въ санѣ епископа, еще болѣе предался этому чувству, ибо, получивъ свободу, природа тѣмъ легче возбуждала языкъ его къ обличенію и тѣмъ быстрѣе воздвигала гнѣвъ его противъ согрѣшающихъ“ [7]).

Какіе это были „поступки неправедные“ въ клирѣ времени Златоуста, въ чемъ состояли „грѣхи“ священно-церковно-служителей и всего чина духовнаго,—это ясно указываютъ творенія Святителя Іоанна.

---

[1]) Тим. IV, 12.
[2]) Бесѣд. на 1 посл къ Тим. 178.
[3]) Ibid, стр. 179.
[4]) 1 Тим. IV, 14—16).
[5]) Лук. XI, 52.
[6]) Созомен. VIII, 3.
[7]) Ibid., стр. 551.

«Мнѣ вмѣняютъ» говоритъ Св. Григорій Богословъ, „какъ бы въ преступленіе скудость моего стола, простоту моихъ одеждъ, мои открытыя и нежеманныя манеры. Я не зналъ, что мнѣ нужно во всемъ соперничать съ префектами, консулами, военачальниками, много занятыми своимъ богатствомъ: между тѣмъ какъ мое богатство принадлежитъ бѣднымъ; я не зналъ, что мнѣ нужно ѣздить на дорогихъ лошадяхъ, развалясь въ изящныхъ экипажахъ, чтобы всѣ сторонились отъ меня, какъ отъ дикаго звѣря» [1]). Это было сказано за 25 лѣтъ до вступленія Св. Златоуста на Константинопольскую каѳедру, и Златоустъ, наслѣдовавъ архіепископскій престолъ послѣ такого блестящаго сановника, каковымъ былъ Нектарій, какъ разъ лицомъ къ лицу увидѣлъ въ дворцѣ архіепископа и пышность, и роскошь: очевидно, что сюда, въ жилище первосвятителя столицы, внесены были привычки градоначальниковъ, замѣчаетъ Тьери [2]), богатыя драпировки, дорогая посуда и роскошная мебель [3]). При его прибытіи въ столицу самыя церкви сіяли блескомъ роскоши: здѣсь шелковыя и золотыя украшенія покрывали алтари храмовъ; пурпуровая обивка украшала стѣны; богатые ковры закрывали полъ; богатыя церковныя одѣянія и драгоцѣнная священно-служебная утварь дополняли собою пышность помпы въ совершеніи богослуженія [4]). И къ этому храмы обладали денежными капиталами, и земли, какъ недвижимая собственность, составляли имущество церквей [5]). Соотвѣтственно такой обстановкѣ была, какъ извѣстно, и жизнь архіепископа церкви Константинопольской. Въ 16-ть лѣтъ патріаршества Нектарія, онъ, по старости и неспособности, не обмолвился ни единымъ словомъ съ каѳедры церковной [6]). Онъ задавалъ лишь пиры и великолѣпные обѣды, проводя жизнь государственнаго сановника, а никакъ не архипастыря церкви; утопалъ въ роскоши и пышности [7]).

Достойное такого руководителя, все подчиненное ему духовенство,—и высшее и низшее,—всѣ такъ и смотрѣли на санъ святительскій, какъ на мѣсто власти, покоя, счастья и наслажденій... И сами на себя смотрѣли не какъ на служителей Божіихъ, а тоже

---

[1]) Тв. Св. Гр Богосл., т. IV, стр. 37, Слово Прощальное.
[2]) Стр. 35.
[3]) Фарраръ стр. 817.
[4]) Тьери, стр. 34—35.
[5]) Ibid, стр. 36.
[6]) Фарраръ.
[7]) Тьерри, стр. 34.

какъ на людей, имѣющихъ возможность, благодаря своимъ чинамъ и санамъ, такъ или иначе поблагодушествовать въ жизни. То и другое—взглядъ современниковъ на служеніе святительское и поведеніе клира и всего бѣлаго и чернаго духовенства своего каѳедральнаго города Св. Златоустъ въ наглядныхъ картинахъ указываетъ въ своихъ твореніяхъ этого періода его жизни. „Я открою, отчего епископство сдѣлалось предметомъ домогательствъ“, говоритъ Св. Іоаннъ въ одной изъ бесѣдъ на Дѣянія Апостольскія [1]), „слова мои относятся не ко всѣмъ, а къ тѣмъ лишь, кто домогается власти [2]). Причина въ томъ, что мы домогаемся его—епископства, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести, какъ покойной жизни“. „А если бы ты зналъ“, говоритъ далѣе Святитель, „что епископъ долженъ принадлежать всѣмъ и носить тягости всѣхъ; что другимъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему никогда; что другихъ, когда они согрѣшатъ, охотно извиняютъ, а его—нѣтъ,—ты не добивался бы этого начальства, ты не стремился бы къ нему... Епископъ подлежитъ приговору всякаго, суду всѣхъ,—и умныхъ, и неразумныхъ; каждый день, каждую ночь онъ изнуряется въ заботахъ; у него много недоброжелателей, много завистниковъ... Не говори мнѣ о тѣхъ, которые всѣмъ угождаютъ, которые хотятъ спать, которые идутъ на это дѣло, какъ на покой,—не о нихъ рѣчь, но о тѣхъ, которые спасеніе подчиненныхъ предпочитаютъ своему собственному... А что сказать касательно заботы о словѣ, о ученіи?“ продолжаетъ проповѣдникъ, изображая трудности архипастырскаго служенія,—„что сказать о трудности при рукоположеніи? или ужъ я крайне немощенъ, заявляетъ онъ недоумѣвающей паствѣ,—жалокъ и ничтоженъ, или это дѣйствительно такъ, какъ говорю... Говорю не иначе, а именно такъ, какъ думаю и чувствую... Не полагаю, чтобы между священниками было много спасающихся; напротивъ, гораздо больше погибающихъ, и именно потому, что это дѣло требуетъ великой души... Другіе грѣшатъ, вина падаетъ на него. Если и одинъ кто отойдетъ отъ этой жизни безъ посвященія въ таинства, не ниспровергнетъ ли это всего его спасенія?... извѣстно, что погибель и одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово... Сынъ Божій сдѣлался для этого человѣкомъ и столько претерпѣлъ,—то подумай, какое наказаніе повлечетъ за

[1]) III-я бесѣда, стр. 63.
[2]) Ibid., стр. 62.

собою ея погибель?“ [1]). „Не говори мнѣ: согрѣшилъ пресвитеръ или діаконъ,—вина всѣхъ ихъ падаетъ на главу рукоположившихъ. Укажу еще на другой случай: случится кому нибудь изъ людей нехорошихъ быть принятымъ въ клиръ, объявляется недоумѣніе: какое надобно принять рѣшеніе касательно его прежнихъ грѣховъ?“ „Итакъ,“ заключаетъ Святитель свое назиданіе,—„если бы всѣ стремились къ архіерейству, какъ къ обязанности заботиться о другихъ, то никто не рѣшился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за нимъ такъ же, какъ за мірскими должностями: изъ за того, чтобы быть въ славѣ, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаемъ предъ очами Божіими. Начальники округовъ и мѣстные правители не пользуются такою честію, какою начальствующій въ церкви. Войдетъ ли онъ въ царскій дворецъ,—кому первое мѣсто? Будетъ ли у женщинъ или въ знатныхъ домахъ,—никому другому нѣтъ большаго передъ ними почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы пристыдить васъ, а для того, чтобы удержать васъ отъ этой страсти“ [2]).

Очевидно, эти мысли объ епископскомъ санѣ, эти поползновенія къ архіерейству именно въ такихъ расположеніяхъ души и въ такихъ намѣреніяхъ сердца въ пасомыхъ Златоуста были. Это ясно, какъ день. „Я сроднился съ вами; вы для меня все,—и отецъ, и мать, и братья, и чада. Такъ не думайте же, что хоть что нибудь говорится мною по непріязни къ вамъ: нѣтъ! *я говорю для вашего исправленія*“ [3]). Историческая справка вполнѣ подтверждаетъ слово Святителя проповѣдника. „Можно было видѣть въ то время, когда Св. Іоаннъ былъ только что привезенъ изъ Антіохіи для поставленія въ епископа; можно было видѣть“,—говоритъ Палладій, этотъ интереснѣйшій біографъ Златоуста, близкій другъ его и товарищъ въ гоненіяхъ“ [4]),—цѣлую толпу претендентовъ на это достоинство, о которыхъ даже никто и не думалъ,—людей недостойныхъ названія людей, имѣющихъ титло священства; одни осаждали передніе «двора»; другіе сорили золотомъ; третьи готовы были просить на колѣняхъ благосклонности народа; но народъ, возмущенный ихъ низостями, усердно просилъ императора избрать пастыря, достойнаго своего сана“. Позволимъ себѣ краткое отступленіе отъ прямой нашей задачи, чтобы показать, что слово и дѣло у Златоуста были

[1]) Ibid, стр. 65.
[2]) Ibid., стр. 68.
[3]) Ibid, стр. 71.
[4]) Тьерри, стр. 18.

въ полномъ согласіи, а не такъ, какъ у иныхъ учителей и священноначальниковъ, что на другихъ они *возлагаютъ бремена тяжка и неудобь носима, сами же перстомъ не хотятъ двинути* [1]).

Св. Іоаннъ Златоустъ и въ собственной личности, и въ образѣ жизни, какъ и дѣятельности представлялъ совершенный контрастъ съ своимъ предшественникомъ. „Весьма малаго роста, сухой, и только высокое чело и проницательные глаза придавали извѣстное достоинство его блѣднымъ, изможденнымъ чертамъ“ [2]), вотъ внѣшній образъ Св. Іоанна Златоуста. Самая бѣдная одежда изъ простыхъ тканей,—родъ монашескаго одѣянія,—покрывала тѣло Св. Архіепископа [3]). А каковы были дворцовые покои архіепископа,—слѣдующая иллострація наглядно знакомитъ насъ съ скромнымъ жилищемъ Святителя. Епископъ Акакій, другъ Златоуста, посѣтилъ его въ Константинополѣ, и когда Св. Іоаннъ помѣстилъ его вмѣстѣ съ собой, пріѣзжій глубоко оскорбился, встрѣтивши уже очень простой покой и также просто меблированный, ибо не того ожидалъ онъ у перваго сановника церкви и думалъ, что по неуваженію къ нему отвели ему такое помѣщеніе [4]). А пища? „Если бы кто проникъ въ уединеніе Іоанна, то могъ бы найти его нерѣдко въ поздній часъ вечера принимающимъ натощакъ немного овощей“ [5]). Званныхъ пировъ, обѣдовъ—никогда: ни онъ ни къ кому, ни къ нему—никто. Вся пышность, вся роскошь архіепископскаго дома, всѣ украшенія и драгоцѣнности каѳедральной церкви, кромѣ необходимыхъ вещей, всѣ земли,—все было продано; всѣ деньги церковныя взяты,—и все употреблено на бѣдныхъ столицы“ [6]).

Во всей обстановкѣ, во всемъ поведеніи святителя клиръ, особенно близко стоявшій къ св. Архіепископу, видѣлъ и осужденіе своихъ поступковъ, и поученіе не словомъ уже, а самымъ дѣломъ, жизнью.

Но продолжимъ наше обозрѣніе образа жизни этого столичнаго клира.—Обратимся прежде къ двору Архіепископа, представителемъ котораго былъ *экономъ* его архіерейскаго дома.

Но прежде чѣмъ говорить о настоящихъ распоряженіяхъ св.

---

[1]) Мо. XXIII, 4.

[2]) Фарраръ, стр 817.

[3]) Тьерри, стр. 35 и Фарраръ, стр. 817.

[4]) Тьерри. стр. 75.

[5]) Dialog. Pallad. p. 40.

[6]) Тьерри, стр. 36.

Архіепископа по экономіи своего дома, изъ которыхъ видно извѣстное состояніе этой части клира, мы приведемъ взглядъ св. Златоуста на обязанности этого должностнаго лица- экономa при архіепископѣ.

Еще въ одномъ изъ словъ о священствѣ, если принимать ихъ за произведеніе „допресвитерское“, св. Іоаннъ высказалъ мысль, что принявшій на себя эту должность „*долженъ быть*“ мудръ въ экономіи. Но по ясности взгляда, выраженнаго въ этомъ сочиненіи, можно думать, что въ немъ говоритъ не теорія, а опытъ автора, и такъ и хочется признать его произведеніемъ прямо епископа церкви.—Каковымъ былъ экономъ архіепископа? „Въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ, имущество бѣдныхъ можетъ подвергнуться ущербу, какъ и былъ тому примѣръ. Нѣкто, принявшій на себя эту должность, собравъ большое количество золота, хотя не издержалъ его на себя, но и не раздавалъ его бѣднымъ, кромѣ малой части; а все прочее, зарывъ въ землю, хранилъ до тѣхъ поръ, какъ настала война и предала сокровища въ руки враговъ“ [1]).

Любопытно видѣть взглядъ св. Златоуста на этотъ-же предметъ въ жизни церкви за періодъ пресвитерства св. Іоанна, когда онъ сталъ къ нему лицомъ къ лицу. Возьмемъ необходимое изъ антіохійской бесѣды объ обязанностяхъ церкви пещись о бѣдныхъ. „Церковь сама нынѣ содержитъ дома, поля, даетъ поземельную за дома, содержитъ колесницы, конюховъ, муловъ и многое другое *для васъ же* (мірянъ) и по причинѣ вашего жестокосердія. Проистекаютъ отселѣ вотъ какіе безпорядки: и вы безъ плода остаетесь, *и священники Божіи не занимаются надлежащимъ*... Когда вы (міряне) до безумія заняты мірскими попеченіями..., страхъ объялъ отцовъ вашихъ на счетъ участи вдовъ, сиротъ и дѣвъ, какъ бы не сгибли толпы сихъ несчастныхъ отъ глада и жажды. Потому они принуждены были установить такой порядокъ: они совсѣмъ не хотѣли доводить дѣло до такого нестроенія; они желали, чтобы только ваше усердіе было ихъ собственностью, дабы отъ него только получить всѣ плоды, а самимъ бы пребывать въ молитвахъ. Вы принудили ихъ подражать людямъ мірскимъ, живущимъ домами. Отсюда все извратилось, ибо когда и вы и мы занимаемся однимъ и тѣмъ же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смѣемъ отверзть устъ, поелику мы не имѣемъ уже ничего особеннаго предъ людьми мірскими... Наши епископы въ подобныхъ заботахъ превзошли са-

[1]) Стр. 70.

мыхъ приставниковъ, *экономовъ* и корчемниковъ. И, тогда какъ имъ надлежало бы пещись о вашихъ душахъ, они каждый день озабочены тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаются сборщики, пріемщики, счетчики и казначеи... Ваше безчеловѣчіе и насъ (іереевъ) дѣлаетъ смѣшными, когда мы, оставивъ молитву и ученіе и другія святыя занятія, толкаемся и день и ночь, иные съ виноторговцами, другіе съ хлѣбопродавцами, третьи съ торговцами иного рода. Отселѣ ссоры и споры, повседневныя укоризны, отселѣ священнику даютъ имена, приличныя болѣе мірскимъ доможиламъ; между тѣмъ какъ... надлежало бы заимствовать наименованія отъ тѣхъ дѣйствій, отъ коихъ заповѣдали заимствовать и апостолы: отъ питанія нищихъ, отъ защищенія обнажаемыхъ, отъ попеченія о странныхъ, отъ вспомоществованія бѣдствующимъ, отъ смотрѣнія за сиротами, отъ заступленія вдовъ, отъ покровительства дѣвъ. О! если бы каждый удѣлялъ хотя бы по одному оболу (полушкѣ), и тогда—и бѣдныхъ бы не было, и мы не стали бы претерпѣвать столько поношеній и осмѣяній за заботливость о стяжаніяхъ... Нынѣ священники Божіи хлопочутъ и о собраніи винограда, и о жатвѣ, и о продажѣ, и о покупкѣ вещей... Мы, призываемые въ самое святилище небесъ, принимаемъ на себя заботы, свойственныя купцамъ и корчемникамъ. Изливаю скорбь мою..., чтобы надъ нами, удрученными столь тяжкимъ рабствомъ, сжалились наконецъ“ [1]).

Въ другой бесѣдѣ, тоже въ Антіохіи, Златоустъ указываетъ опасность грѣха отъ такого положенія вещей, грѣха, особенно тяжкаго для лица, презрѣвшаго міръ въ самомъ желаніи своемъ служить Богу и спасенію ближнихъ.

„Ужасная, возлюбленные“, взываетъ благопопечительный пастырь, „ужасная и большаго врачевства достойная болѣзнь вкралась въ церковь, ибо тѣ, которымъ даже не велѣно умножать богатства и праведными трудами, но велѣно отверзать домы свои неимущимъ,—тѣ самые извлекаютъ выгоды изъ бѣдности другихъ, выдумывая благовидный образъ хищенія, искусно прикрывая любостяжаніе, давая деньги взаймы изъ процентовъ“ [2]). Намекъ очень прозраченъ. Въ антіохійскомъ словѣ Златоуста слышится жалоба, скорбь о такомъ обстоятельствѣ, какъ экономія въ церкви, это бремя для ея служителей, ненужное и душевредное. Св. Іоаннъ,

[1]) Бесѣд. на Мѳ. т. III, стр. 465—469.

[2]) Бес. на Мѳ. т. II, стр. 469.

не забудемъ,—часто говорилъ въ присутствіи мѣстнаго архіепископа. Это одно уже—ручательство, что онъ въ своихъ рѣчахъ проводилъ мысли и чувства своего Владыки. Мало этого: отсутствіе жалобъ на проповѣдника за этотъ періодъ его дѣятельности—второе свидѣтельство, что онъ выражаетъ единодушное мнѣніе своихъ собратій. Но то, что было такъ обременительно и такъ противно Антіохійскому клиру, клиру Константинопольскому было такъ пріятно, такъ желательно, любезно; ибо отвѣчало душевному настроенію этого клира съ высшихъ членовъ его до низшихъ. Ибо въ Антіохіи всѣ духовные были таковы, что о нихъ можно было сказать: *духъ суть*; а въ Константинополѣ—таковы, что о нихъ должно было сказать: *суть плоть*. Тамъ бѣжали отъ искушеній; здѣсь боялись, какъ бы искушеніе не ушло изъ рукъ; тамъ печальныя исключенія—чрезвычайная рѣдкость; здѣсь отрадныя явленія—представляютъ собой чрезвычайное исключеніе. И большее испытаніе и искушеніе предстояли приставникамъ къ имуществу церковному—экономамъ. Ясно, что экономъ архіепископской каѳедры искушенію не противился; и какъ привычка вторая природа, то одна возможность избавить душу его отъ грѣха и погибели состояла въ томъ средствѣ, какое употребилъ Святитель Златоустъ. „Онъ отрѣшилъ эконома“, свидѣтельствуетъ Палладій, „объясняя, что эти люди умѣютъ только воровать, и что, будучи священниками, они посвящаютъ на кухонные счеты время, нужное для дѣла Божія“ [1]). И этому свидѣтельству біографа—современника, человѣка, такъ близко стоявшаго къ Златоусту, вполнѣ довѣрять можно. Антіохійскія бесѣды во всей цѣлости подтверждаютъ совершенную возможность, даже необходимость именно такого распоряженія Св. Іоанна, когда онъ, ставъ архіепископомъ столицы, воочію увидѣлъ всю силу зла. Съ другой стороны, свидѣтельство Златоуста, взятое изъ Антіохійскихъ бесѣдъ, подтверждаетъ, въ свою очередь, справедливость показанія Палладія. Зло не ограничивалось личностью эконома или вообще лицами этого сословія въ формѣ казначеевъ, комиссаровъ и т. п. Нѣтъ! Злоупотребленія имуществомъ церкви, представлявшимъ собственность бѣдныхъ, охватили собою весь клиръ Константинопольской церкви. Палладій, говоря о порокахъ этого клира, отмѣчаетъ три: „корысть, обжорство и распутство“ [2]).

---

[1]) Dialog. Pallad. p. 41.

[2]) Dialog. Pallad. p. 18.

Въ Антіохіи Св. Златоустъ отклонялъ отъ клира даянія въ пользу бѣдныхъ, быть можетъ, имѣя въ виду какой нибудь единичный случай неутѣшительнаго свойства въ недолжномъ употребленіи извѣстнымъ лицомъ имущества церкви, или, быть можетъ, въ предположеніи только печальной возможности. Здѣсь, въ Константинополѣ, онъ смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ иначе. Тамъ онъ преподавалъ совѣтъ доброхотнымъ дателямъ, какъ предосторожность въ добромъ дѣлѣ, мотивируя личное участіе въ раздачѣ помощи нуждающимся, какъ болѣе полное выраженіе любви къ ближнимъ. Здѣсь онъ предъявляетъ жертвователямъ прямо требованіе: не давать денегъ въ руки клирикамъ и причину этого указываетъ, именно, въ злоупотребленіи имуществомъ бѣдныхъ. Объясняя слова Апостола Павла объ обязанностяхъ вдовицъ въ 1-мъ посланіи къ Тимоѳею [1]): *„аще странныя пріятъ, аще святыхъ ногъ умы,*—Златоустъ говоритъ: благотворя „ты больше получаешь, нежели даешь“, „ибо даешь взаймы Богу, а не людямъ“. „Какихъ именно *святыхъ?* тѣхъ, которые переносятъ скорби, а не вообще святыхъ; ибо могутъ быть святые, пользующіеся отъ всѣхъ великими услугами. Не тѣмъ угождай, которые живутъ въ изобиліи; а тѣмъ, которыхъ жизнь проходитъ въ скорбяхъ, въ неизвѣстности, которыхъ многіе не знаютъ“. И къ этому проповѣднику присовокупляетъ свой совѣтъ благотворящей вдовицѣ. „Не предоставляй предстоятелю церкви раздѣлять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служеніе; давай собственными руками, сама засѣй почву... Ты сѣешь на небѣ; ты сѣешь въ душахъ, откуда никто не похититъ того, что посѣяно, но гдѣ оно сохранится постоянно, и съ великой заботливостью, и съ великимъ тщаніемъ“ [2]). И потомъ обращается съ тѣмъ же словомъ къ благотворителямъ вдовицъ. „Для чего ты самъ себя лишаешь награды? Великая бываетъ награда и за то, когда кто можетъ распредѣлять и достояніе другихъ. Почему ты не получаешь награды! А чтобы убѣдиться, что за это бываетъ награда, послушай, что говоритъ писаніе: „поставили Апостолы окружавшихъ Стефана на служеніе вдовицамъ“ [3]). „Будь поэтому и ты распорядителемъ своихъ благъ; на сіе поставляютъ тебя человѣколюбіе, страхъ Божій. Это избавляетъ отъ тщеславія; это утѣшаетъ душу; это освя-

[1]) Гл. V. ст. 10.

[2]) Дѣян. VI.

[3]) Бес. на 1-е посл. къ Тимоѳ., стр. 202—203.

щаетъ руки; это усмиряетъ помыслъ; это учитъ любомудрію; это дѣлаетъ тебя болѣе усерднымъ; это даетъ тебѣ возможность спискивать благословеніе; ты отходишь, пріемля на главу свою благословенія вдовицъ... *Отыскивай святыхъ мужей*,—истинно святыхъ, которые сидятъ *въ пустыняхъ*, которые не могутъ просить, прилѣпившись къ Богу; *соверши дальній путь, подай самъ лично*".

Мы знаемъ уже изъ исторіи церкви Антіохійской, что Св. Іоаннъ, бывши тамъ діакономъ, близко ознакомился съ бѣдностью нищихъ, и въ этой бесѣдѣ прямо видимъ слово опытной мудрости. Естественно, можетъ быть, что онъ встрѣчалъ въ сотоварищахъ по служенію и уклоненія отъ долга: деньги заманчивы и способны прилипать къ рукамъ (хотя въ IV вѣкѣ бумажныхъ денегъ и не было); но что эти уклоненія въ Антіохіи представляли собой въ сравненіи съ злоупотребленіями въ этой сферѣ въ церкви Константинопольской? Въ римскомъ клирѣ это покушеніе на имущество бѣдныхъ привлекло вниманіе власти гражданской. „Законы правовѣрныхъ императоровъ насъ поставили въ невозможность получать пожертвованія и наслѣдства. Жрецы идоловъ, проститутки, конюхи цирка ихъ получать могутъ; мы же, христіанскіе священнослужители—лишены этой возможности. Я не жалуюсь на то, но я краснѣю потому, что *мы этого заслужили*" [1]). Св. Іоаннъ Златоустъ на злоупотребленія церковнымъ имуществомъ смотритъ, какъ на святотатство, заслуживающее тяжкаго наказанія отъ Бога, ибо если, по его—Св. Іоанна—выраженію, не давать бѣдному отъ стяжаній своихъ значитъ „обкрадывать Іисуса Христа",—то тѣмъ болѣе удерживать или давать иное назначеніе данному въ пользу бѣдныхъ имуществу было непростительно въ глазахъ безкорыстнаго и прещедраго святителя. – „Если взявшій изъ своего—святотатецъ", говоритъ Св. Златоустъ, бесѣдуя объ Ананіи и Сапфирѣ [2]),—то тѣмъ болѣе взявшій изъ чужаго. Посему не думайте, будто, если теперь не бываетъ сего страшнаго наказанія, постигшаго несчастныхъ супруговъ за утайку цѣны своего имѣнія, если наказаніе не слѣдуетъ тотчасъ за преступленіемъ, будто оно остается безъ наказанія... Святотатство очень тяжкое преступленіе, возлюбленный!.. Пусть же никто не соблазняется", заключаетъ Святитель, „если *и теперь есть святотатцы*. Ибо, если они были тогда, то тѣмъ болѣе могутъ быть теперь, когда столь много золъ. Но *обличимъ ихъ*

[1]) S. Ier. 1. 17.

[2]) Бес. на Дѣян. Ап. т. I, 217—219.

предъ всѣми, чтобы и прочіе имѣли страхъ [1]). Удивительно ли, что св. Архипастырь въ праведномъ негодованіи на клириковъ, „видя, что милостивая діаконисса,—изъ богатыхъ вдовъ столицы,—расточаетъ свое имѣніе просящимъ и, все презирая, печется только о Божественномъ“, изъ опасенія, что недостойные приставники попеченія о бѣдныхъ раскрадутъ себѣ ея даяніе, властію остановилъ ея порывы къ неустанному благотворенію. „Хвалю доброе твое расположеніе“, сказалъ ей святитель, „но стремящійся къ высотѣ добродѣтели ради Бога долженъ быть домостроителенъ, между тѣмъ какъ ты, расточая богатство богатымъ, не болѣе дѣлаешь, какъ вливаешь свою собственность въ море. Развѣ не знаешь что имущество ты добровольно посвятила просящимъ ради Бога, и что бывъ поставлена распорядительницею въ деньгахъ, какъ бы уже вышедшихъ изъ твоей власти, ты подлежишь отчету? И такъ, если хочешь послушаться меня, то, для пользы нуждающихся, умѣрь раздачу остального, ибо этимъ сдѣлаешь добро многимъ“. Такъ, замѣтимъ, свидѣтельствуетъ историкъ современникъ Созоменъ [2]). Въ бесѣдахъ о клирикахъ, живущихъ съ дѣвственницами, еще разъ Златоустъ подтверждаетъ пристрастіе къ корысти. „Если бы даже отъ вашей услужливости дѣвственницамъ не происходило ни осужденія, ни вреда, ни соблазна, но можно было дѣлать это безъ дурной молвы,—и тогда не были ли бы вы жалки, умножая ея богатство, упражняя ее въ любостяжаніи, вмѣшиваясь въ дѣла и руководствуя къ мірскимъ заботамъ, исправляя для нея должность экономовъ, опекуновъ и какихъ нибудь торговцевъ“ [3]). Итакъ, сомнѣній никакихъ: клирики Константинопольскіе были корыстолюбивы, и священныя руки ихъ не были чисты.

Другой современникъ Златоуста, біографъ его и другъ,—подлинными словами Святителя, въ своемъ діалогѣ даетъ понятіе о другомъ порокѣ этого столичнаго клира, современнаго Златоусту. Слово кратко, но сильно. „Клирики посѣщаютъ дома знати; переходятъ изъ одного богатаго дома въ другой, отыскивая обѣда и роняя достоинство своего сана низкимъ угодничествомъ“ [4]). Въ порывѣ священнаго гнѣва Златоустъ, дополняетъ Палладій, уподоблялъ ихъ блюдолизамъ и плутамъ комедіи [5]). „Избѣгайте пир-

[1]) Бес. на Дѣян. Ап., т. 1. стр. 217—219.
[2]) VIII, 9. 565.
[3]) Слова и бес. на разн. случ., т. II, стр. 389.
[4]) Pallad. Dialog. 19.
[5]) Pallad. ibid.

шествъ богатыхъ", увѣщевалъ Св. Архипастырь заблудшихъ клириковъ, довольствуйтесь тѣмъ пропитаніемъ, которое даетъ вамъ усердіе вѣрныхъ; бойтесь отъ испареній пышныхъ столовъ сихъ перейти въ вѣчное пламя ада" [1]). Въ бесѣдахъ Святителя мы не нашли прямыхъ обличеній клира въ этомъ порокѣ. Все вниманіе Св. Архипастыря было сосредоточено на важнѣйшемъ въ преступной жизни Константинопольскихъ клириковъ: ихъ беззаконномъ сожительствѣ съ дѣвственницами, на распутствѣ тѣхъ и другихъ на глазахъ всей церкви. Памятникомъ священной ревности объ исправленіи беззаконниковъ служатъ два слова Златоуста въ его столичныхъ твореніяхъ. Мы сейчасъ имѣемъ три перевода этихъ замѣчательныхъ словъ, изображающихъ конкубинатъ въ духовенствѣ: одинъ представляетъ оба слова въ ихъ цѣломъ 2); два другіе въ отрывкахъ [3]).

Тьерри, скажемъ здѣсь еще разъ къ слову, относитъ оба эти слова къ діаконскому періоду дѣятельности Златоуста. Но этому противорѣчитъ и смыслъ слова, такъ властнаго, и обстоятельства, изображенныя въ словахъ. Они подтверждаютъ, что это произведеніе Св. Златоуста за періодъ Константинопольскій. Ибо того грустнаго явленія, какое указываетъ здѣсь Златоустъ, въ Антіохіи не было; тамъ клиръ высоко, какъ мы видѣли, держалъ знамя вѣры и престижъ церкви, оставаясь вѣрнымъ долгу и дисциплинѣ своего священнаго званія. Къ чему же бы сталъ писать авторъ вещи, ненужныя и никого не интересующія?! Наконецъ, самая форма впѣшняя опровергаетъ собой возможность появленія этого труда въ діаконскій періодъ жизни Златоуста. Чуть не въ пятый разъ замѣтимъ: эти слова—бесѣды; а въ бесѣдахъ проповѣдникъ имѣетъ обращеніе къ слушателямъ и въ заключеніе прославляетъ имя Св. Троицы,—форма, которой вполнѣ отвѣчаютъ данные два слова.

Еще одно примѣчаніе. Такія неприглядныя явленія, какъ сожительство клириковъ съ дѣвственницами,—достояніе столицъ. Мы видимъ въ порокахъ совершенное сродство въ ветхомъ Римѣ и въ Римѣ новомъ. Exempli gratia, чревоугодіе.

Блаженный Іеронимъ, изображая пороки римскаго клира, представляетъ римскаго церковника, который, будучи рожденъ въ

[1]) Палладій, о жизни Златоуста, стр. 45.

[2]) Въ словахъ и бесѣд. на раз. случ. т. II.

[3]) Въ труд. Кіев. Д. Академіи, 1862 г. и у Тьерри: Св. Іоаннъ Златоустъ и Императрица Евдоксія.

крестьянской семьѣ и вскормленъ въ своей деревнѣ—кашей и просомъ, надѣвъ рясу, получилъ талантъ узнавать по вкусу породу поданной къ столу сони [1]), различать колхидскаго фазана отъ египетскаго, рыбу изъ Британскаго моря отъ Каспійскаго [2]). Почти ту же картину жизни клира въ Константинополѣ, какую вели священники и діаконы въ этомъ городѣ, роскошномъ и жадномъ къ наслажденіямъ, мы видѣли выше. И одно и тоже замѣтили мы тамъ и тутъ въ рѣчи,—корыстолюбіе Константинопольскаго клира. Антіохія—провинція, и, какъ ни низокъ уровень нравственной жизни въ Антіохіи, по изображенію того же Св. Златоуста; но клиръ тамъ былъ отъ архіерея Божія, за время Златоуста, до клирика церковнаго именно *„свѣтъ міра“*. И если что было тамъ истинно добраго, какъ видѣли мы, то это—священники и иноки. Если бы кто осмѣлился сказать о свидѣтельствѣ: „пристрастенъ проповѣдникъ къ родному городу“, такъ вотъ, помимо прямо историческихъ свидѣтельствъ, всегда подтверждающихъ правдивость показаній бесѣдъ, свидѣтельство, заключающееся въ самой сущности бесѣдъ одного и того же проповѣдника, стоявшаго на высотѣ каѳедры церковной тамъ и здѣсь.

Тамъ слышится извѣстному классу людей всегда одобреніе; здѣсь одно порицаніе. Почему? потому что тамъ и тутъ именно такъ говорить, а не иначе требовали обстоятельства. Иначе нельзя указать иной разумной цѣли. Мы не говоримъ уже, что праведная жизнь проповѣдника и страданія его за истину, даже до смерти, исключаютъ самую возможность пристрастія въ этомъ неподкупномъ святомъ человѣкѣ. Но къ дѣлу. Изъ обоихъ словъ мы возьмемъ для характеристики клира Константинопольскаго главныя черты.

Авторъ начинаетъ изслѣдованіе съ того, „въ какихъ случаяхъ мужчина можетъ жить съ женщиной“. Онъ находитъ ихъ два: бракъ и прелюбодѣяніе. „Но съ недавняго времени“, присовокупляетъ онъ, „явился третій случай: люди имѣютъ при себѣ дѣвицъ, которымъ они ни супруги, ни любовники“. Такъ начинаетъ слово обличенія своего Св. Архипастырь. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ этихъ людей „духовными“; но по всему содержанію словъ видно, что это суть „лица духовныя“, „клирики“, даже прямо священники и чина монашескаго. Такъ ужъ Тьерри прямо и называетъ этихъ людей священниками.

[1]) Мы приводимъ въ русскомъ переводѣ, Тьерри стр. 33.

[2]) Hieron. epist. 34.

Въ обоихъ словахъ,—и въ первомъ преимущественно, обращенномъ къ клирикамъ, святитель изображаетъ тяжесть страстнаго душевнаго состоянія клирика, погрязшаго въ ложномъ братствѣ, суетность такой жизни и соблазнительную обстановку въ домѣ и отношенія священника къ своей „возлюбленной“ въ храмѣ, низко роняющія нравственное достоинство священника. Будемъ говорить, хотя кратко, словами самого святителя проповѣдника. „Зачѣмъ они—эти люди, имѣющіе при себѣ безбрачныхъ отроковицъ, зачѣмъ они держатъ ихъ при себѣ“—спрашиваетъ обличитель; „на это, говорятъ, много есть резоновъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: общество женщинъ, независимо отъ всякаго незаконнаго или законнаго сожительства, имѣетъ за собою большую пріятность. Если бы было не такъ, то *духовные* изъ—за чего бы подвергали себя подозрѣнію и худымъ толкамъ? Да! Это обращеніе съ женщинами имѣетъ за собой пріятность болѣе живую и болѣе заманчивую, чѣмъ самый бракъ... Въ бракѣ чувства скоро успокаиваются и насыщаются; но любовь, внушаемая дѣвицей, увлекаетъ, но не насыщаетъ. Она постоянно разгорается и дѣлается болѣе и болѣе живой. Нужно вообразить картину горькаго состоянія этихъ несчастныхъ. Они уподобляются голодному человѣку, который имѣетъ предъ глазами великолѣпный роскошный столъ, но не смѣетъ прикоснуться къ нему. Этотъ видъ сильнѣе заставляетъ его чувствовать мученіе голода. Тоже бываетъ и съ этими духовными. Всегда видѣть то, къ чему нельзя прикоснуться, или касаться того, чѣмъ нельзя владѣть,—это страшная мука! Не могу сказать, что тѣ люди цѣлуютъ или обнимаютъ своихъ сожительницъ; но когда нѣкоторые обвиняютъ ихъ и въ этомъ, я постараюсь показать, что если они простираются и до этого, то навлекаютъ на себя мученіе, тягчайшее вышесказаннаго. Желаніе разгорается постоянно сильнѣе и сильнѣе. Зачѣмъ они ищутъ такихъ мучительныхъ испытаній? Это признакъ того, что ихъ болѣзнь дошла до крайности.“

„Но говорятъ, въ нихъ не возбуждаются пожеланія. Вотъ счастливые люди“, отвѣчаетъ Златоустъ, съ своей стороны, я очень бы желалъ владѣть такою силою. Можно вѣрить, что есть и такіе люди: но я желалъ бы убѣдиться въ томъ, что молодой человѣкъ, во всемъ цвѣтѣ лѣтъ, живущій съ молодой дѣвицей, сидящій съ нею, раздѣляющій съ нею столъ, каждый день обращающійся съ нею,—я не говорю уже о прочемъ: эти постоянные смѣхи и восторженная веселость, слова, полныя нѣги, и всѣ другія увлеченія, о которыхъ совѣстно говорить,—чтобы живя, говорю я, въ одномъ

и томъ же домѣ, раздѣляя съ нею трапезу и бесѣды, разговаривая совершенно свободно, —онъ не испытывалъ того, что испытываетъ человѣкъ; чтобы онъ всегда былъ чистъ отъ худыхъ пожеланій и не чувствовалъ никакой страсти: вотъ въ чемъ я хотѣлъ бы убѣдиться. Но нельзя въ этомъ убѣдить... Обложившіе все тѣло свое желѣзомъ, одѣвающіеся въ рубище, ушедшіе на вершины горъ, постоянно живущіе въ постѣ и всенощныхъ и неусыпныхъ бдѣніяхъ, соблюдающіе всякую строгость въ жизни, не позволяющіе никому изъ женщинъ входить въ свои хижины и пещеры,—едва преодолѣваютъ неистовство похоти. Но эти дѣвы, отвѣчаютъ духовные, имѣютъ нужду въ защитникѣ, опекунѣ, правителѣ, ходатаѣ... Извиненіе, отъ котораго должно краснѣть", восклицаетъ Златоустъ. „Какъ! Духовные дѣлаются опекунами, экономами у женщинъ?! Неблагородны ваши надежды,—говоритъ клирикамъ св. обличитель ихъ,—когда вы, получившіе заповѣдь нести крестъ и слѣдовать Христу, отвергнувъ крестъ, сидите около прялки или корзинки. Потому пасъ вездѣ и называютъ сластолюбцами, тунеядцами, льстецами и женскими угодниками".

Таково состояніе души клирика, живущаго съ „безбрачной отроковицей". Скажемъ теперь словами святителя о внѣшней обстановкѣ домовъ сожительства, выражающей весь преступный характеръ этого печальнаго явленія въ церковной жизни.

„Зачѣмъ жить съ дѣвой! Но она бѣдна, говорите вы, я ей помогаю. Прекрасная любовь! и сверхъ того, нѣтъ ли бѣдныхъ мужескаго пола?. Почему бы тебѣ не собрать ихъ? Но вамъ нужны женщины. Есть и женщины старыя, слѣпыя. Ваша любовь имѣла бы болѣе цѣли и достоинства. Но этихъ старыхъ женщинъ вы не захотите видѣть и во снѣ: вы всюду ловите тѣхъ, которыя молоды и красивы, руководствуясь непростительной причиной этой ловитвы. Мнѣ нужна женщина для управленія моимъ домомъ. Развѣ есть у тебя множество иноземныхъ и недавно купленныхъ рабынь, которыхъ нужно пріучать къ пряжѣ и другимъ работамъ; или—обширное хозяйство? Ничего такого ты не скажешь; но только то, чтобы она наблюдала за шкатулкой, одеждою и прочимъ скуднымъ имуществомъ, накрывала столъ, постилала постель, зажигала огонь, омывала ноги"...

„Войдемъ въ ихъ жилище", говоритъ проповѣдникъ. „Бѣдная сожительница должна работать собственными руками. Священникъ тутъ же, подлѣ нея; у нихъ общая комната, общая утварь. Скажите же мнѣ, какое зрѣлище представитъ жилище человѣка, сво-

имъ саномъ предназначеннаго къ уединенному созерцанію? женскія юбки, пояса, головные уборы висятъ по стѣнѣ; въ комнатѣ: челнокъ, прялка, веретено, ткацкій станокъ, корзины; по всѣмъ угламъ запасы шерсти и льну съ бердами и чесалками: вотъ убранство, украшеніе жилища священника!...

Служанки или сосѣдки прибѣгаютъ туда поработать или поболтать съ хозяйкой: раздается хохотъ; священникъ принимаетъ участіе въ ихъ веселости, въ ихъ сплетняхъ, разсуждаетъ о шерсти, веретенѣ и пряжѣ—словомъ, становится бабой, живя съ бабой и когда кумушки заводятъ ссоры, священникъ прибѣгаетъ ихъ разнимать. Невозможно", заключаетъ проповѣдникъ, „чтобы живущій съ женщиной и занимающійся такими бесѣдами не былъ сплетникомъ, болтуномъ и гнуснымъ человѣкомъ".

„Предположимъ теперь, что *духовная сестра* богата. Тогда будетъ и иная обстановка у священника, новое зрѣлище въ его жилищѣ, новая бѣда. Если сестра богата, нужно, чтобы ни въ чемъ не было у нея недостатка, потому что матроны изящнаго и утонченнаго свѣта менѣе требовательны въ удобствахъ, нежели эти сестры,—и обо всемъ долженъ предупредительно позаботиться священникъ. И какъ хлопочетъ онъ, чтобы угодить ей! Вотъ онъ бѣжитъ къ серебреннику узнать, готова ли посуда или зеркало; будетъ ли во время доставлена амфора для вина или бутылка для масла,—ибо многія изъ дѣвственницъ занимаются болѣе мірскихъ этими сосудами. Отъ серебренника онъ идетъ къ парфюмеру,—этого рода дѣвы страстно любятъ всякія притиранія: имъ нужны постоянно новыя и дорогія, ибо дѣвственницы употребляютъ и ароматы различные и драгоцѣнные. Священникъ объясняетъ продавцу, какіе именно любитъ его госпожа. Отъ парфюмера къ продавцу тканей, фабриканту полотенъ или ковровъ; тамъ—къ башмачнику, къ столяру, къ портному, къ красильщику. Священникъ ходитъ торгуется, споритъ!. И вотъ дѣло священнослужителя проходитъ въ бѣготнѣ изъ лавки въ лавку. Вечеръ у дѣвственницы. Клирикъ одинъ обращается въ толпѣ служанокъ, какъ руководитель оркестра, подпѣвающій въ ликѣ женщинъ".

Но это еще не все. Златоустъ проникаетъ своей мыслью въ самые сокровенные покои сожителей и всю грязь выноситъ оттуда на свѣтъ, обличая зло. Онъ касается времени, когда нужно мыться, когда нужно спать, и представляетъ неизбѣжныя нравственныя неудобства. Въ первомъ случаѣ „*братъ* не можетъ услужить дѣвственницѣ, если не будетъ весьма безстыденъ. Случается, что они,

проснувшись въ одно и то же время,—предполагается, что спятъ на разныхъ постеляхъ и даже въ разныхъ компатахъ,—идутъ одинъ къ другому, лежащему, и разговариваютъ между собою ночью... Если же случится сожительницѣ внезапно заболѣть, тогда уже и стѣны безполезны; но, вставъ прежде другихъ, онъ входитъ къ лежащей дѣвственницѣ, садится около нея и исполняетъ другія услуги, которыя прилично исполнять иногда только женщинамъ; и она не стыдится, но еще утѣшается... Когда же встанутъ и служанки, то срамъ бываетъ еще хуже: ибо онѣ съ непокрытой головой, въ одной нижней одеждѣ, съ обнаженными руками бѣгаютъ въ его присутствіи". Обличитель открываетъ завѣсу самой тайны жизни, онъ рисуетъ картину обстоятельствъ, когда страсть уступитъ долгу... „Когда же прибудетъ повивальная бабка, тогда его то выгоняютъ противъ воли, то позволяютъ войти, и онъ не стыдится, и когда придутъ постороннія дѣвицы, онъ еще хвалится.... подлинно говорятъ всѣ: будто въ домы дѣвственницъ каждый день приходятъ повивальныя бабки, какъ къ рождающимъ, не для того, чтобы ходить за родильницею,—бывало съ нѣкоторыми и это, но для того, чтобы развѣдать, которая изъ нихъ растлѣнная и которая нерастлѣнная".

Потомъ св. обличитель представляетъ картину позора конкубинатовъ на площади отъ народа. „Какъ, когда, гдѣ и у кого зайдетъ рѣчь о нихъ, то разговаривающіе объ этомъ непристойномъ сожительствѣ, желая указать принадлежащую такому то, называютъ ни матерью, ни женой, ни сестрой, а названіемъ постыднымъ и смѣшнымъ. Но какъ будто для того, чтобы всякое мѣсто видѣло позоръ клириковъ, они обнаруживаютъ его даже въ храмѣ", свидѣтельствуетъ Св. Златоустъ. „Вотъ открывается церковь. Сколько новыхъ осквернепій и новаго срама васъ ожидаетъ! Священникъ толчется у дверей въ ожиданіи своей дамы, и когда она является, онъ идетъ впереди ея, точно ея евнухъ или слуга, прочищаетъ ей дорогу сквозь толпу и по пути вызываетъ общія улыбки... Когда приближается страшная минута таинства, священникъ обращаетъ голову къ присутствующей тутъ госпожѣ; онъ переговаривается съ ней взглядомъ,—и это все происходитъ предъ очами Бога и вѣрныхъ. Если кто нибудь только посмотритъ на нихъ угрюмо и непріятно, то ихъ угодники скорѣе готовы перенести все, нежели допустить ихъ терпѣть это,—чело священника хмурится, злоба закрадывается въ его сердцѣ... И нужно ли описывать все безобразіе"?!...

Проповѣдникъ обличалъ клириковъ, что они притворяются, будто отказались отъ настоящихъ благъ; убѣждалъ не шутить нешуточными предметами: „прошу, увѣщеваю, припадаю къ колѣнамъ вашимъ“, взывалъ пастырь къ заблудшимъ,—„умоляю, престанемъ!“...

И какъ „умоляетъ“ Св. Архипастырь?!

„Если бы и было наслажденіе“, говоритъ онъ грѣшной дѣвственницѣ, „то-что значитъ малая капля воды въ сравненіи съ безпредѣльнымъ моремъ? „Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея“,—взывалъ нѣкогда Давидъ ко вселенной, находящейся въ худомъ состояніи. Это и мы провозгласимъ тебѣ, измѣнивъ немного слова пророка и скажемъ... *и забуди* дурную привычку свою и живущихъ съ тобою *и возжелаетъ царь доброты твоея.* Чего тебѣ больше этого? Увѣщаваемъ тебя воспѣвать это изреченіе, какъ бы нѣкоторую божественную пѣснь, и дома, и на торжищѣ, днемъ и ночью, на пути, и въ горницѣ, голосомъ и мыслію, и непрестанно повторять душѣ: *слыши*, душа моя, *и виждь, и приклони ухо твое и забуди* дурную привычку свою *и возжелаетъ Царь доброты твоея*“...

„Подлиппо, одно изъ труднѣйшихъ дѣлъ—отвергнуть пристрастіе и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознестись до сводовъ небесныхъ“, говоритъ Святитель ‹мужу, живущему съ дѣвственницей› и прибавляетъ: „освободившій самого себя и избавившій весьма многихъ другихъ отъ осужденія, представь, какую получитъ награду, и, окрыляясь надеждою воздаяній, презри дурную привычку, чтобы тебѣ, протекши настоящую жизнь согласно съ волею Божіей, съ чистой совѣстью увидѣть тамъ свою возлюбленную и насладиться святѣйшимъ собесѣдованіемъ съ нею; ибо, по истребленіи тѣлесныхъ страстей и угашеніи гибельной похоти, тамъ не будетъ никакого препятствія мужчинамъ и женщинамъ быть вмѣстѣ, когда прекратится всякое порочное воззрѣніе и всѣ, вводимые въ царство небесное, будутъ въ состояніи вести жизнь ангеловъ“.

Вотъ пороки и слабости духовенства, всенародно, съ высоты каѳедры церковной объявленные міру.

Конкубинатъ былъ болѣзнью, пустившей глубокіе корни, и язвой застарѣлой. Въ этихъ самыхъ словахъ обличенія Св. Златоустъ говоритъ, что эти люди принимаютъ къ себѣ безбрачныхъ

отроковицъ и держатъ ихъ при себѣ до глубокой старости и потомъ указываетъ, что *такое сожительство вошло въ обычай* [1]).

Кто были эти клирики Константинопольскіе: священники, діаконы и церковники? Изъ 1-го обличительнаго слова Св. Златоуста видно, что это были *люди одинокіе* [2]). По самому свойству обстоятельствъ видно, что это были люди не женатые; ибо гдѣ же быть сожительству съ безбрачной отроковицей, если бы клирики имѣли женъ?! Да тутъ и мысли не могло явиться ввести въ домъ подобную дѣвственницу. Ревность жены сразу обуздала бы мужа, да и отроковицу вразумила бы такъ, чтобы и другимъ было „неповадно“, какъ писалось въ древнихъ русскихъ царскихъ манифестахъ. Не въ этомъ вопросъ, что клирики были люди безбрачные,—это ясно; но были ли они просто люди безбрачные или еще въ чинѣ монашескомъ?

„Какое погибаетъ *дѣло*, какого исполненное любомудрія! *Дѣвство* оскорблено, отдѣляющая его завѣса уничтожена, бывъ разторгнута безстыдными руками; святое святыхъ попрано, почтенное и достоуважаемое сдѣлалось презрѣннымъ и пренебрегаемымъ всѣми и *званіе*, столь честнѣйшее брака, унижено и низложено такъ, что болѣе ублажаются вступившіе въ бракъ“.

Такое слово Св. Обличителя „дѣвственницамъ, жившимъ съ мужчинами“ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, это были *дѣвственницы*, публично, предъ церковію, сказавшія свой обѣтъ. Святитель даже прямо указываетъ на этотъ *обѣтъ*. „Не лучше ли было бы ей вступить въ бракъ“, говоритъ онъ о богатой дѣвственницѣ, сожительствующей съ мужчиной, „нежели, оставаясь безбрачной, попирать *обѣты*, данные Богу“?.

Кто были эти грѣшные мужи, сожительствовавшіе съ дѣвственницами?—Напъ *историкъ* нравственно-религіозной жизни въ церкви Константинопольской указываетъ, что это были: во первыхъ, *духовные* мужи. „Для чего, скажи мнѣ, ты хочешь быть почитаемъ отъ женщинъ?“—взываетъ св. Іоаннъ къ одному изъ нихъ, и присовокупляетъ: „весьма недостойно *духовнаго мужа* желаніе такой чести“. Во вторыхъ. „Оба слова“, несомнѣнно сказанныя во время епископства св. Іоанна въ Константинополѣ,[3]) „представляются плодами истинно пастырской ревности Святителя о нравственной чистотѣ лицъ, посвятившихъ себя преимущественно *на служеніе Бо-*

[1]) Слова и бес. на разн. случ., т. II, стр. 372—456.

[2]) Ibid., стр. 402.

[3]) Цалл. разг. отд. 5.

гу“,—читаемъ въ надписаніи перваго слова [1]), но позволявшихъ себѣ сожительство съ посторонними лицами другого пола, которое было запрещено 1-мъ Вселенскимъ соборомъ и осуждено св. Василіемъ Великимъ“. „Великій соборъ безъ изъятія положилъ, чтобы ни епископу и вообще никому изъ находящихся въ клирѣ не было позволено имѣть сожительствующую въ домѣ жену, развѣ матерь, или сестру, или тетку, или тѣ токмо лица, которыя чужды подозрѣнія“, указываетъ Соборъ [2]).

Св. Василій Великій такъ изъясняетъ это правило, что духовныя лица, хотя бы и не были обличены въ преступной связи съ живущими съ ними женщинами, подвергались запрещенію священнослуженія. „Прочти“, написалъ онъ пресвитеру Григорію, „правило, изложенное святыми отцами нашими на Никейскомъ соборѣ, явно запрещающее имѣть сожительствующихъ въ домѣ женъ... Тѣмъ болѣе слѣдовало тебѣ исполнить мое требованіе, что ты, какъ говоришь, свободенъ отъ всякой тѣлесной страсти и я не такъ, какъ бы за случившееся беззаконное дѣло опредѣлилъ то, что опредѣлилъ, по потому, что научился отъ апостола не полагать претыканія брату, или соблазна .. Повелѣли тебѣ удалить отъ себя ту жену... Доколѣ же сего не сдѣлаешь: тысячи оправданій не принесутъ тебѣ... никакой пользы, но умрешь запрещеннымъ въ священнослуженіи“ [3]). Дозволеніе жить вмѣстѣ съ родственницами или лицами женскаго пола совершенно безподозрительными, понимается такъ, что „соборъ отдѣлялъ состояніе безбрачныхъ священнослужителей бѣлаго духовенства отъ иночествующаго духовенства и первымъ не давалъ правилъ послѣдняго, которыя были всегда строже“ [4]). И это надписаніе „Слова“ и справка по канону церкви достаточно уясняютъ, кто были „*мужи*, жившіе съ дѣвственницами“; но есть указанія, подтверждающія то же самое въ содержаніи самыхъ ‹словъ› Златоуста.

„*Аще соль обуяетъ*, говоритъ Господь, *чимъ осолится*. Богъ желаетъ, чтобы *мы были солію, свѣтомъ и закваскою* такъ, чтобы и другіе могли получать отъ насъ пользу“.

И еще. ‹Если такой человѣкъ неспособенъ къ житейскимъ и гражданскимъ *дѣламъ*, то гораздо болѣе—къ *великимъ духовнымъ*,

---

[1]) Полное собраніе твореній Св. Іоанна Златоуста. СПБ. 1895 г. Т. I. стр. 245.

[2]) 1-го Всел. Соб. Прав. 3.

[3]) Св. Василія Вел. посл. Григ. пресвитеру.

[4]) Опытъ курса церковн. законовѣдѣнія Архим. Іоанна. Вып. 1. СПБ. 1851 г. стр. 290.

которыя требуютъ столь *доблестныхъ* мужей, что намѣревающіеся приступить къ нимъ *не могутъ и касаться ихъ, если не сдѣлались изъ людей ангелами.*

Были ли Константинопольскіе *клирики*—лица изъ «бѣлаго духовенства», или изъ «иноковъ»?.

Судя по тому, что историки IV вѣка указываютъ институтъ монаховъ, какъ отдѣльное сословіе въ церковномъ обществѣ [1]), что подтверждаетъ и самъ Св. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ, какъ мы увидимъ то въ своемъ мѣстѣ, надобно бы предположить, что Константинопольскіе клирики были не изъ монаховъ. Но здѣсь невольно является соображеніе: объ Антіохійскихъ монахахъ было замѣчено (выше), на основаніи историческихъ справокъ, что они, между прочимъ, отличались тѣмъ, что не чуждались принимать на себя священные саны и самъ Св. Іоаннъ Златоустъ представляетъ ясное доказательство этому,—то, по признанной нами одинаковости религіознаго направленія Антіохіи съ Константинополемъ, въ свою очередь, можно допустить, что и Константинопольскіе клирики могли быть изъ монаховъ. Это соображеніе мы особенно отмѣтимъ, какъ имѣющее для насъ значеніе въ опредѣленіи не только возможности, а даже, такъ сказать, необходимости извѣстнаго склада нравственной жизни Константинопольскаго клира. Но разсужденію объ этомъ мы дадимъ мѣсто ниже, когда будемъ говорить о Константинопольскихъ монахахъ. Это обстоятельство даетъ возможность предполагать, что клирики Константинопольскіе могли быть изъ монаховъ. Есть указаніе, что эти клирики были прямо изъ мірянъ, лишь безбрачные люди. Извѣстно, что древняя христіанская церковь въ самомъ началѣ своемъ, въ лицѣ искренно благочестивыхъ людей въ священномъ достоинствѣ и только имущихъ ревность не по разуму о святынѣ своего сана, видѣла и такіе опыты, что священныя лица всѣхъ трехъ степеней церковной іерархіи, съ принятіемъ сана, разлучались съ своими женами. И этотъ взглядъ сталъ настолько необходимостью въ обществѣ христіанскомъ, что вошелъ въ обычай, принялъ силу закона и настолько укоренился, что соборъ Апостольскій счелъ для себя необходимостью постановить правило: „епископъ, или пресвитеръ. или діаконъ да не изгонятъ жены своея подъ видомъ благоговѣнія. Аще же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, а оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чи-

[1]) Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ и др.

на“ [1]). Ревность дошла до крайности: по благоговѣнію къ святынѣ благодати священства пріемлющіе священный санъ стали считать бракъ скверной. „Изгнаніе жены“ [2]) запрещается священнымъ лицамъ потому, какъ изъясняетъ Зонаръ, что сіе казалось бы осужденіемъ супружества [3]). Но во вниманіи именно къ осужденію брака тотъ Апостольскій соборъ счелъ долгомъ еще яснѣе и еще положительнѣе разъяснить неразуміе ревнителей. „Аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина удаляется отъ брака и мясъ и вина, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнушенія, забывъ, что *вся добра зѣло* и что *Богъ*, созидая, *мужа и жену сотворилъ ихъ*, и такимъ образомъ, хуля, клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви“ [4]). Заблужденіе коснулось и мірянъ, и тамъ нашлись неразумные. Соборъ и имъ прибавилъ внушеніе, сказавъ: „такожде и мірянинъ отлучается и извергается при упорствѣ“ [5]). Въ IV вѣкѣ дѣло дошло до того, что міряне стали гнушаться принимать таинства отъ женатыхъ священниковъ. И настолько сильны были толки, настолько охватили практику жизни, что опять вызвали помѣстный соборъ,—Гангрскій 340 года,—оградить попираемую истину святости брака постановленіемъ, что соборъ и сдѣлалъ. Правило IV-е гласитъ: „Аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко недостоитъ причащатися приношенія, когда таковый совершилъ литургію,—да будетъ подъ клятвою“ [6]). Но насколько сочли христіане обязательнымъ рѣшеніе собора,—это вопросъ! Очень могло быть, что правило указано; а практика сама по себѣ, дѣла остались въ томъ видѣ, какъ было до собора. „Привычка, говорятъ, вторая природа“.

Очень естественно, что въ Константинополѣ, за время Златоуста, клирики, уступая заблужденію народному, вышеизложенному, вступали въ священныя должности, и не вступая въ бракъ. И потомъ свободно устраивали конкубинатъ, безъ особеннаго зазрѣнія совѣсти, быть можетъ, оправдывая свою жизнь тѣми же народными воззрѣніями, которыя вынудили ихъ быть безбрачными. Если

---

[1]) Прав. V Св. Апостолъ.

[2]) Ibid.

[3]) Книга правилъ стр. 12.

[4]) Ibid., прав. LV.

[5]) Ibid.

[6]) Форма запретительныхъ рѣшеній этого помѣстнаго собора.

даже не всѣ клирики были люди безбрачные; то все же могли быть на половину, на четверть ихъ общаго количества. Въ такомъ городѣ, какъ Константинополь, и малая часть могла быть значительной. Ибо эта столица еще при Константинѣ Великомъ имѣла множество храмовъ. Самъ основатель города „построилъ здѣсь около 430 церквей для христіанъ“ [1]). „Церквей въ Константинополѣ было также много, какъ въ Римѣ“, читаемъ мы въ *исторической запискѣ* „о Византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя“ Н. Кондакова. „Веніаминъ Тудела насчитывалъ, по словамъ другихъ, столько же, какъ дней въ году; Альберикъ въ 1202 году полагалъ, что ихъ было 500. Дюканжъ пересчитывалъ въ своемъ каталогѣ 212 церквей и 158 монастырей; Паспати изъ актовъ патріархата прибавляетъ еще 5 церквей и 17 монастырей,—очевидно“, прибавляетъ авторъ исторической записки, „какъ городскихъ, такъ и подгородныхъ, и на большомъ разстояніи отъ города. Но какъ многіе изъ этихъ церквей и монастырей—или мѣняли имена своихъ патроновъ, или зачастую имѣли ихъ по нѣскольку, и потому въ актахъ и хроникахъ эти имена умножаютъ число противъ дѣйствительности, то не будетъ большою ошибкою положить *число всѣхъ и за все время* существованія Византіи въ 500“ [2]). Авторъ записки представляетъ доказательства своихъ предположеній. Съ одной стороны—извѣстный „эдиктъ императора Константина равноапостольнаго, предоставлявшій *базилики*, т. е. рыночныя и судебныя залы христіанскимъ общинамъ“.—„Византія имѣла много языческихъ храмовъ и наиболѣе замѣчательные изъ нихъ были превращены въ христіанскія церкви“ [3]).

Потомъ,—„свидѣтельство Унгера о постройкахъ Константина въ избранной имъ столицѣ,—что новое—Византійское—искусство было христіанское и переходъ императора въ христіанство имѣлъ величайшее значеніе для его развитія“. И третье: „Обычай имѣть домовыя церкви у Константинопольскихъ вельможъ и патриціевъ долженъ былъ рано начаться: были дворцовыя церкви,—и отъ императоровъ обычай переходилъ къ придворнымъ“ [4]).

Въ „исторической запискѣ“ Н. Кондакова, мы встрѣтили весьма интересное для нашего труда указаніе о той церкви, въ кото-

---

[1]) Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Сочиненіе Германа Вейса, т. II, ч. I. Византія и востокъ. Пер. съ нѣмецкаго Васильева, изд. Солдатенкова. М. 1875 г. стр. 37.

[2]) Византійскія церкви и памятники Константинополя, Н. Кондакова, стр. 5.

[3]) Ibid., стр. 6.

[4]) Стр. 3 и 5.

рой проповѣдывалъ Св. Архіепископъ Константинопольскій—Іоаннъ Златоустъ. „Храмъ святой Софіи древнѣйшей постройки былъ только начатъ при Константинѣ“, сказано здѣсь, „конченъ же и освященъ при сынѣ Констанціи въ 360 году“ [1]).—Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о *базиликахъ*, какъ преимущественномъ типѣ храмовъ до IV-го вѣка вообще и временъ Св. Іоанна Златоуста въ частности,—ихъ внѣшнемъ видѣ и внутреннемъ устройствѣ отъ алтаря и каѳедры до гиниконита и дверей церковныхъ, насколько все это считаетъ необходимымъ для нашего „труда“. Если мы нисколько не увеличимъ этого числа храмовъ ко времени Св. Златоуста, то и тогда количество клириковъ громадно—въ тысячахъ. Мы склонны думать, скажемъ въ заключеніе, что клирики, обличаемые въ конкубинатѣ, были только безбрачны, хотя не исключаемъ, что могли они быть и изъ монашескаго званія, по примѣру такъ сродной и такъ близкой Константинополю церкви Антіохійской.

Оканчивая наше изслѣдованіе нравственнаго состоянія священнаго клира Константинополя, мы еще разъ остановимся на этомъ клирѣ, чтобы взвѣсить всю тяжесть преступнаго поведенія ихъ и чрезъ это показать во всей наготѣ и истинности нравственное состояніе этого клира.

Мы уже видѣли въ словахъ Златоуста, что сожительство клириковъ съ дѣвственницами стало обычаемъ въ Константинополѣ. Но надобно видѣть, какъ относились сами клирики и ихъ сожительницы къ этому неприглядному обычаю; и прежде—чѣмъ именно, какою силою держался обычай въ этой средѣ; какъ власти духовныя смотрѣли на это явленіе въ данное время, и какъ смотрѣлъ православный народъ?

Св. Іоаннъ Златоустъ, изобразивши въ 1-мъ словѣ обличенія всю тяжесть душевнаго состоянія сожителей: быть такъ близко другъ къ другу и не имѣть такъ возможнаго и такъ заманчиваго совокупленія, говоритъ: „Если это дѣло по свойству своему столь прискорбно, почему же *многіе* съ такимъ рвеніемъ предаются ему“? Замѣтимъ подчеркнутое нами слово. Это слово наводитъ и на грустныя заключенія, но указываетъ и на отрадную сторону въ этомъ печальномъ явленіи. Грустное заключеніе: развратники имѣются въ большомъ количествѣ въ клирѣ,—„многіе“; отрадная сторона: многіе, слѣдовательно, *не всѣ* клирики заражены этой язвой.

---

[1]) Стр. 7.

Но возвратимся къ нашей рѣчи. На свой, такъ естественный, вопросъ, Св. Златоустъ отвѣчаетъ: „на это я могу сказать, что это самое и служитъ величайшимъ доказательствомъ крайней ихъ болѣзни“. Насколько страсть помрачила разумъ у тѣхъ и другихъ, насколько увлеченіе было сильно у несчастныхъ клириковъ,—Златоустъ неоднократно свидѣтельствуетъ въ своихъ обличеніяхъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ, разрушая заявленіе грѣшниковъ, будто они въ такомъ близкомъ сообществѣ не чувствуютъ грѣховнаго возбужденія, представляетъ подвижниковъ въ горахъ, въ цѣпяхъ, которые и въ такомъ самоумерщвленіи плоти „едва преодолѣваютъ неистовство плоти“. Сказавши это, прибавляетъ: „А ты говоришь, что когда видишь живущаго вмѣстѣ съ дѣвственницей, привязаннаго къ ней, забавляющагося съ ней, *соглашающагося лучше отдать свою душу, нежели сожительницу и потерпѣть, и дѣлать все, нежели разлучаться съ возлюбленною*, ты не вѣришь ничему худому и считаешь это не дѣломъ похоти, а благочестія“. Но можетъ быть сожительство было тайной, содержалось въ секретѣ и лишь только, при всей осторожности, выплывало наружу, но все всегда маскировалось, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не показать истиннаго положенія дѣла? Нисколько!—Нельзя предположить такой наивности ни во властяхъ, ни въ народѣ столицы, чтобы кто вѣрилъ сказкамъ клириковъ и могъ искренно думать, будто они, въ самомъ дѣлѣ, хранители, и заступники, и питатели, и ходатаи дѣвственницъ—внѣ страстныхъ увлеченій. На словахъ они: да!—таковыми себя и ставили; но на дѣлѣ,—въ поступкахъ, въ поведеніи, въ жизни,—публично, открыто выставляли своей позоръ. Стоитъ, напр., обратить вниманіе на появленіе въ храмѣ этихъ „возлюбленныхъ“, „духовныхъ сестеръ“, чтобы видѣть всю беззастѣнчивость отношеній къ нимъ ихъ сожителей—священниковъ. Какъ будто было „нужно, чтобы никакое мѣсто не оставалось незнающимъ ихъ безчестія и рабской услужливости, они и въ этомъ святомъ и страшномъ мѣстѣ *открываютъ всѣмъ свое невоздержаніе* и, что всего тяжелѣе, они еще *хвалятся тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться*, ибо, *встрѣчая* своихъ дѣвственницъ *у дверей* они *расталкиваютъ* другихъ и, шествуя впереди, *величаются предъ глазами всѣхъ и не стыдятся*, но еще *хвалятся* этимъ; обнаруживаютъ свое невоздержаніе предъ множествомъ свидѣтелей“. Нужно ли намъ еще что прибавлять, чтобы выразить всю наглость, съ какой позоръ выставлялся сими клириками?.

Св. Іоаннъ Златоустъ, желая уяснить тяжесть такого безправ-

ственнаго поведенія клира, говоритъ въ томъ же 1-мъ словѣ обличенія: „Подлинно какъ живущему развратно никогда невозможно спастись, такъ и заслужившему себѣ дурную молву невозможно избѣжать наказанія. Даже“,—прибавляетъ Св. Іоаннъ, „если нужно сказать нѣчто дивное,—кто совершитъ великіе грѣхи, но сдѣлаетъ это незамѣтно и никого не соблазнитъ, тотъ подвергнется меньшему наказанію, нежели согрѣшившій легче, но *съ дерзостію и съ соблазномъ для многихъ*“.

Такова была почувствительность къ сознанію своей грѣховности у преступнаго клира, „опьяняемаго пристрастіемъ“. „Подлинно“, говоритъ Св. Іоаннъ, „это хуже всего, что мы даже и не сознаемъ, какъ мы разслабѣли и сдѣлались мягче всякаго воска“.— Естественно, что древо принесло плодъ по роду своему. Священство Константинопольское, вмѣсто того, чтобы быть *окомъ* въ церкви, *свѣтомъ міра и солью земли* стало тѣмъ, какимъ изображаетъ его Златоустъ. Мы приведемъ его взглядъ во всей его полнотѣ и картинности образовъ. „Какъ тотъ“, говоритъ онъ, „кто возьметъ льва, взирающаго гордо и грозно, и отрѣжетъ у него гриву, вырветъ зубы и острижетъ ногти, дѣлаетъ презрѣннымъ, смѣшнымъ и для дѣтей преодолимымъ того, который былъ страшенъ, непреодолимъ и потрясалъ все однимъ рычаніемъ;—такъ точно и эти женщины, кого ни возьмутъ, дѣлаютъ уловимыми для діавола, изнѣженными, раздражительными, безстыдными, неразумными, гнѣвливыми, дерзкими, непристойными, низкими, неблагородными, безчеловѣчными, раболѣпными, подлыми, наглыми, болтливыми“.—Что же власти, поставленныя пасти стадо Христово, что же архипастыри, обязанные право править слово истины,—что они дѣлаютъ противъ этого позорнаго обычая. Ужели не воздвигаютъ брани; ужели не подвизаются?

Обратимся къ исторіи. Въ бесѣдѣ нашего историка, Св. Іоанна Златоуста, нѣтъ указаній. Одно только видно, что зло беззаконнаго сожительства—старое зло,—зло, открыто живущее. Это, конечно, доказываетъ, что некому было заблудшее возвратить и больное уврачевать!. Григорій Богословъ сказалъ, было, смѣлое слово обличенія въ роскоши и пышности этимъ священникамъ и всему клиру столичной церкви; но, какъ неугодный ихъ силѣ, былъ скоро отставленъ. И благое начинаніе осталось безъ плода! Нектарій, ближайшій предмѣстникъ Златоуста, предпринималъ ли что противъ столь сильнаго и опаснаго недуга своего клира? Да ровно ничего! Мы встрѣтили у церковнаго историка IV вѣка одинъ случай, раз-

сказанный изъ жизни Нектарія. Созоменъ [1]), повѣствуя о томъ, какъ и по какой причинѣ отмѣненъ былъ пресвитеръ духовникъ, говоритъ слѣдующее: „Въ церкви Константинопольской кающимися завѣдывалъ поставленный надъ ними пресвитеръ, пока одна благородная женщина, получившая повелѣніе отъ пресвитера, за исповѣданные ею грѣхи, поститься и молить Бога, по этой причинѣ, находясь въ церкви, не открыла, что она обезчещена однимъ діакономъ". Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не о сожительницѣ извѣстнаго сорта, а прямо объ изнасилованіи діакономъ столичной матроны. Народъ зналъ, народъ видѣлъ и—безмолвствовалъ, какъ будто такъ и быть тому надлежало. Быть можетъ, онъ награждалъ иногда выходки духовенства презрѣніемъ, двусмысленной улыбкой,—но и только. Люди благомыслящіе молчали, чувствуя свое одиночество, безсиліе для борьбы, или не хотѣли вчиняться, терпѣливо ожидая благопріятныхъ измѣненій. Духовное начальство, видя, не видѣло, и, слыша, не разумѣло, или—ни видѣть, ни слышать не хотѣло, само будучи занято всецѣло суетой грѣшнаго міра. Зло царило. Златоустъ выступилъ противъ него во всеоружіи силы духовной, призывая всѣхъ и каждаго вооружиться противъ нечестія. „Скажи мнѣ", взываетъ онъ, „если бы ты видѣлъ что кто нибудь изъ воиновъ, одѣвшись въ шлемъ, сапоги и броню, взявъ мечъ, копье и щитъ, луки, стрѣлы и колчанъ, когда труба уже громко трубитъ и вызываетъ всѣхъ вонъ, когда враги дышутъ сильной яростью и готовы разрушить городъ до основанія,—бѣжитъ не вонъ, къ воинскому строю, а уходитъ домой и сидитъ съ этимъ оружіемъ около женщины; то не пронзилъ ли бы ты его, если можно, не говоря съ нимъ ни слова?!.. Если же ты исполнился бы такого гнѣва, то какъ, думаешь ты, взираетъ Богъ на твои дѣла, гораздо непристойнѣйшія тѣхъ? Ибо эти дѣла столько постыднѣе и непристойнѣе тѣхъ, сколько наша война жестока, враги сильнѣе, и награды за войну больше, и вообще все столько отличнѣе, сколько истина отличается отъ тѣни". Всѣхъ звалъ св. архипастырь на войну со зломъ, однихъ—побороть его въ самихъ себѣ, другихъ—всѣми силами оградить церковь отъ поношенія. Противопоставивъ пороку осмѣяніе, стыдъ, подозрѣніе отъ многихъ, осужденіе, насмѣшки, порицанія, говорилъ онъ—однимъ: „будемъ остерегаться отъ такой тяжкой болѣзни! Такъ мы принесемъ пользу самимъ себѣ, принесемъ пользу и жалкимъ сожительницамъ, при-

[1]) Кн. VII, гл. 16-я, стр. 507.

несемъ пользу и соблазняющимся"... „Христосъ вооружилъ насъ духовнымъ оружіемъ", говорилъ святитель, обращаясь къ другимъ, а болѣе ко всѣмъ,—„чтобы мы отражали враждебныя силы, чтобы поражали предводительствующаго ими діавола, чтобы прогоняли свирѣпые полки бѣсовъ, чтобы разрушали ихъ укрѣпленія, чтобы, связавъ властителей и міродержателя тьмы, отводили ихъ въ плѣнъ, чтобы обращали въ бѣгство духовныя силы зла, чтобы дышали противъ нимъ огнемъ, чтобы были готовы и приготовлены на ежедневную смерть. Для этого онъ *насъ облекъ въ броню правды*, для этого *опоясалъ насъ поясомъ истины*, для этого *возложилъ на насъ шлемъ спасенія*, для этого *обулъ ноги наши во уготованіе благовѣствованія мира* и вручилъ намъ *мечъ духовный*, для этого воспламенилъ огонь въ душахъ нашихъ (Еф. VI, 14—17)".

Что сдѣлало это слово обличенія праведнаго святителя—архипастыря? Прежде всего много враговъ породило оно въ этой нечестивой средѣ, которой говорилъ онъ такъ любвеобильно. Суды, бывшіе потомъ надъ Св. Златоустомъ, въ спискѣ обвинителей его, имѣли имена лицъ этого клира [1]). Въ нашемъ воображеніи рисуется цѣлое полчище клириковъ, женолеистовыхъ преступниковъ своего долга, изъ устъ въ уста съ скрежетомъ зубовнымъ передающихъ другъ другу ужасную для нихъ рѣчь св. архипастыря; злоба сатанинская жжетъ ихъ души и страстные ковы мести куютъ сердца ихъ. Намъ представляется цѣлое сопмище безчестныхъ дѣвицъ, продавшихъ за страстныя наслажденія въ бездпѣ грѣховной стыдъ, совѣсть и честь... Намъ слышится ихъ шопотъ змѣиный во тьмѣ ночной на преступномъ ложѣ съ возлюбленнымъ развратникомъ, какъ пламень ада поджигающій ихъ распутныхъ сожителей на кровь и смерть св. обличителю грѣха: „Слышалъ слово? Ну, чтожъ? Брось меня; иди къ своему архіерею!"... Изъ области возможностей, представляемыхъ нашей фантазіей, споспѣшницей мысли, перейдемъ къ жизни дѣйствительной, и здѣсь мы найдемъ полное подтвержденіе воображаемой нами картинѣ [2]). 398-й годъ—время проповѣди обличенія клира,—можно считать роковымъ въ жизни Святителя. Несомнѣнно въ этотъ годъ въ душахъ враговъ его подписанъ смертный приговоръ ему. Онъ задѣлъ за живое женщину, коснулся ея преступной жизни, такъ ей любезной и такъ было прекрасно обставленной,—и участь обличителя въ ея лукавомъ

---

[1]) Чит. IV и V главы Тьерри,—Св. Іоаннъ Злат. и имп. Евдоксія.

[2]) Ихъ полна вышеупомянутая книга Тьерри.

сердцѣ рѣшена. Женшины такихъ обидъ не прощаютъ. И этотъ взглядъ нашъ—не преувеличеніе. Нѣтъ! Предъ лицемъ всего міра на вѣки осталась драма: „Златоустъ и императрица Евдоксія“!

„*Се есть ваша година и область темная*“ [1]) могъ сказать Святитель, оставляя свою каѳедру въ 404-мъ году. Его не стало въ столицѣ, а беззаконіе продолжало жить и пережило остатокъ такъ немногихъ лѣтъ жизни св. Архіерея. Неужели это сѣмя слова, исполненнаго духа и жизни, такъ таки и не пало, хоть единымъ зерномъ, на добрую почву? О! нѣтъ. Мы видимъ не единицы, не десятки, а многихъ, многихъ, пошедшихъ въ слѣдъ слову спасенія, возвѣщеннаго бесѣдам і Св. Златоуста. Цѣлый сонмъ честныхъ, добрыхъ дѣятелей—въ вертоградѣ Господнемъ среди церкви Божіей въ этой самой столицѣ въ ликѣ священнослужителей и мірянъ, которые, „добрѣ страдальчествовавше“ за истину, такъ ясно предъявившуюся міру въ ихъ праведномъ Архипастырѣ, — жизнь свою положили за возлюбленнаго учителя. Несомнѣнно, десятки тысячъ православныхъ христіанъ благословляли тотъ день, когда въ священныхъ стѣнахъ архіепископской базилики раздалось слово обличенія беззаконію. Быть можетъ, сотни сердецъ въ самомъ преступномъ клирѣ дрогнули отъ этого слова, и новыя думы благодатныя оно навѣяло на грѣшныя души. Быть можетъ, не одинъ іерей и діаконъ сказали въ своей совѣсти: „*возставъ, иду... согрѣшихъ*“. Но то вѣдомо единому всевѣдущему Богу! Духовная жизнь совершается сокровенно отъ взоровъ людскихъ. Но мы, за время Св. Златоуста, видимъ конкубинатъ въ духовенствѣ во всей его грѣховной силѣ.

Еще одно слово. Да! 398 й годъ былъ роковымъ въ судьбѣ Св. Іоанна, скажемъ еще разъ. На соборѣ при Дубѣ въ самыхъ первыхъ пунктахъ обвиненій, взведенныхъ на Св. Златоуста, прежде всѣхъ другихъ винъ приводится эта: „будто бы архіепископъ оскорбилъ всѣхъ клириковъ въ совокупности, называя ихъ людьми развращенными, готовыми на все, людьми, нестоющими ни гроша („трехъ оболовъ“, слѣдуя греческому выраженію); что онъ даже сочинилъ противъ нихъ книгу, наполненную *клеветами* [2])“. И кто же приносилъ жалобы, обвиняя Святителя въ клеветѣ на клириковъ? Да всѣ тѣ же клирики. Два лица изъ этого клира особенно близко стоятъ къ заправилѣ суда, Александрійскому патріарху:

---

[1]) Лука XXII, 53.

[2]) §§ 5—9. Act. Synod ad querc.

діаконъ Иванъ, отрѣшенный за прелюбодѣяніе, и другой тоже діаконъ, удаленный изъ клира за убійство...

И что еще? Обвинители не усумнились самого святителя—обличителя ихъ скаредной жизни,—оклеветать въ нарушеніи нравственности: „Онъ принимаетъ женщинъ и остается съ ними наединѣ, удаляя всѣхъ другихъ“ [1]). Это обвиненіе такъ возмутило чистую душу Святителя, что онъ не забылъ его въ глуши своей ссылки. Оттуда онъ писалъ епископу Киріаку, другу своему (выразимъ смыслъ текста): Они осмѣлились обвинять меня въ любодѣяніи,—„будто я преспалъ съ женщиной“. Если бы я могъ показать народу мой слабый тѣлесный составъ,—одного этого было бы достаточно для моего оправданія. Смерть поразила меня при жизни, и тѣло, влачимое мною,—не болѣе, какъ трупъ; обнажите тѣло мое и вы увидите мертвенность членовъ моихъ“ [2]). „Онъ принимаетъ женщинъ и остается съ ними наединѣ“.. Какое безличное обвиненіе! „Многихъ, всѣхъ“,—а кто эти многіе, кто эти всѣ? Что дѣлалъ съ ними архипастырь; что говорилъ? Никто ни слова. Такъ строятся безпутные слухи о честномъ гуудящемся человѣкѣ! „Говорятъ“... А кто?—Никого нѣтъ, кто рѣшился бы подтвердить слухъ. И оцѣнка слуховъ—„гласъ народа,—гласъ Божій,“—vox populi, vox Dei,—слишкомъ преувеличенная оцѣнка, и это изреченіе мудрости народной совершенно „не къ мѣсту и не къ дѣлу“ —здѣсь. Если бы эти обвинители праведника захотѣли представить лицъ женскаго пола въ свидѣтели справедливости своихъ обвиненій, они не нашли бы никого. Надобно бы имъ прежде всего указать на діакониссу Олимпіаду, потому что никто изъ женскаго персонала не стоялъ къ Св. Іоанну такъ близко, какъ она,—эта вдовица, еще во цвѣтѣ лѣтъ [3]) служившая своему отцу и учителю отъ имѣній своихъ. И святитель любилъ ее. Онъ звалъ ее: „госпожа моя, почтеннѣйшая, боголюбезнѣйшая, возлюбленная, дорогая и досточтимая жена“.—Читайте письма праведнаго изгнанника къ этой святой діакониссѣ,—и вы увидите всю широту самой искренней, самой сердечной любви между ними—Св. Іоанномъ и Св. Олимпіадой: какъ онъ стремится успокоить ея унывающую душу, утѣшить сердце, скорбящее въ разлукѣ. „Я думаю, что ты страдаешь“, пишетъ Олимпіадѣ Златоустъ изъ своего изгнанія, „что раз-

[1]) Ibid., § 15.
[2]) Письмо № III-й.
[3]) Созоменъ VII, 9.

лучена съ нашимъ ничтожествомъ, и что объ этомъ ты постоянно *плачешь* и всѣмъ говоришь: не слышимъ того языка, не наслаждаемся ученіемъ, къ которому привыкли... Не малый подвигъ, требующій полной силы души и ума мудраго, чтобы перенести разлуку съ любимою душой. Кто это говоритъ? Если кто умѣетъ любить истинно, неподдѣльно, если кто знаетъ силу любви, тотъ знаетъ, что я говорю“ [1]). Казалось бы, чего лучше для враговъ,—вотъ свидѣтельница самая сильная противъ ихъ св. обличителя. И они не указали на эту „женщину“, хотя и привлекли ее къ суду, но только не по этому дѣлу. Почему? Да потому, что нельзя. У одного—это тѣло, обремененное трудами, изможденное болѣзнями, скорбями, страданіями, непрестаннымъ подвигомъ проповѣди, молитвы,—исключало всякую возможность здраво помыслить о возможности появленія чувства грѣховнаго. Другая—такъ удручала плоть свою, такъ удалялась отъ міра, что заслужила искреннюю похвалу отъ св. архипастыря, такъ строго обличавшаго распущенность нравовъ. „Ублажаемъ тебя“, писалъ онъ ей изъ изгнанія, „удивляемся тебѣ, такъ какъ, освободившись отъ всего этого—прелестей міра, ты показала образецъ умерщвленія, вооружаясь на духовную борьбу“ [3]). И эти ли чистыя души возможно обвинять въ любодѣяніи?!.

„Принимаетъ женщинъ“,—комъ грязи изъ за угла. Безсовѣстные обвинители, безсовѣстные свидѣтели и безсовѣстные судьи,—вотъ соборище сатанинское, судившее св. патріарха! Предсѣдатель суда—человѣкъ, потерявшій честь, стыдъ, совѣсть, забывшій Бога и свою душу, прибывши въ Константинополь изъ Александріи, лишь утопалъ здѣсь въ роскоши и пышности. Дорогими подарками, взятыми изъ Египта, одарилъ онъ придворныхъ чиновниковъ и матронъ столицы и въ ихъ сообществѣ весело проводилъ время. Помѣстившись въ дворцѣ Плакидіи, этотъ александріецъ жилъ, какъ прилично жить развѣ только царю или консулу: двери его были открыты, столъ накрытъ для всѣхъ и каждаго; онъ задавалъ блестящіе пиры для нужныхъ ему безсовѣстныхъ свидѣтелей и обвинителей св. патріарха Константинопольскаго. И ко всему этому одна богачка столицы, молодившаяся старуха, которую Св. Іоаннъ обличалъ такъ много и такъ сильно (увидимъ ниже),

---

[1]) Письм. къ Олимпіадѣ 39.

[2]) Письма къ Олимпіадѣ, стр. 36—37.

[3]) Pallad. p. 26.

была наперсницей египетскаго архіерея. Таковъ былъ Θеофилъ, патріархъ Александрійскій, предсѣдатель Дубскаго собора [1]). Къ этому іерарху въ особенности предъ всѣми, ему подобными, можно по всей справедливости приложить слово, мѣтко сказанное о такихъ пастыряхъ Св. Іоанномъ Златоустомъ, или, правильнѣе, въ немъ одномъ можно соединить черты различныхъ недостойныхъ пастырей, сказавши: „церковь въ этомъ человѣкѣ имѣла волка вмѣсто пастыря, морскаго разбойника вмѣсто кормчаго и палача вмѣсто врача“ [2]).

Мы отмѣчаемъ весь этотъ грустный фактъ, чтобы во всей ясности показать, какъ глубоко было паденіе клириковъ въ грѣхѣ любодѣянія и какъ сильна была ихъ нераскаянность,—вотъ, между прочимъ, доказательство, какъ беззаконное сожительство не хотѣло разстаться съ своимъ удовольствіемъ, и какъ сильно оно держалось въ Константинопольскомъ духовенствѣ, когда и не стало Златоуста.

Но обратимся къ обозрѣнію нравственнаго состоянія другого сословія въ духовенствѣ—чина монашескаго.

ГЛАВА II-я.

Монашество.

А) монахини.

„Онъ принимаетъ женщинъ и остается съ ними наединѣ“—обвиняли на беззаконномъ соборищѣ въ Дубѣ Св. Іоанна Златоуста, набрасывая темную тѣнь безнравственности на эту свѣтлую, чистую личность. Но что Святитель женщинъ прини малъ,—въ своемъ мѣстѣ нашего труда мы увидимъ, что даже къ женщинамъ въ домъ ходилъ,—это вѣрно. Только вопросъ, требующій уясненія: зачѣмъ принималъ онъ женщинъ, въ какихъ цѣляхъ былъ съ ними лицомъ къ лицу? А вотъ зачѣмъ. Отвѣтимъ словами Златоуста, имѣющимися въ его твореніяхъ и свидѣтельствомъ современника—его біографа. И самъ Св. Златоустъ, и Палладій, его другъ, указываютъ въ этихъ женщинахъ монахинь.

Что это за личности, кто они были, какъ они жили, ихъ занятія, обязанности, права? Этого нельзя сказать въ двухъ сло-

---

[1]) Pallad. p. 26.

[2]) Письм. Олимпіадѣ, стр. 22.

вахъ. Отвѣтъ для своей обстоятельности требуетъ внимательнаго изслѣдованія вопроса по лѣтописи и твореніямъ Св. Златоуста.— Два рода монахинь извѣстно было за время Златоуста: однѣ жили обществами въ монастыряхъ подъ надзоромъ старицы, которая называлась игуменьей; другія жили въ домахъ своихъ родителей, гдѣ онѣ служили Богу такъ же, какъ и жившія въ монастыряхъ. Знатныя имѣли при себѣ другихъ дѣвъ, обязанныхъ служить и сопутствовать имъ, когда онѣ являлись въ публикѣ.

Не видно, чтобы эти послѣднія обязывались отказываться отъ своего имущества и давать обѣтъ нищеты, подобно тому, какъ онѣ отказывались отъ брака по обѣту цѣломудрія, ибо онѣ давали обѣтъ предъ алтаремъ въ присутствіи епископа во время совершенія св. таинства [1]). Эти то лица и были извѣстны подъ именемъ дѣвственницъ. Св. Златоустъ говорилъ слово противъ тѣхъ, которые имѣютъ своими сожительницами дѣвственницъ [2]). И потомъ: Св. Златоустъ говорилъ слова о томъ, что посвятившія себя дѣвству не должны жить вмѣстѣ съ мущинами [3]). Въ этихъ словахъ обличенія мы знакомимся съ хорошей и дурной сторонами жизни этихъ дѣвственницъ. Добрыхъ подвижницъ Златоустъ хвалитъ и указываетъ прекрасныя черты въ ихъ жизни. „Вы“, говоритъ онъ имъ, „показавшія такую жизнь,—чистую, святую удостоившіяся быть въ брачномъ чертогѣ съ женихомъ—Господомъ, имѣющія горящіе свѣтильники и украшающіяся досточтимымъ вѣнцомъ дѣвства, лучшимъ всякой царской діадемы“ [4]). И потомъ изображаетъ поведеніе посвятившей себя дѣвству, представляя появленіе ея въ обществѣ образцомъ всякаго любомудрія, „какъ бы ангелъ сошелъ съ неба“, —„настолько своимъ видомъ и поведеніемъ привлекающимъ къ себѣ всѣхъ, располагающимъ всѣхъ взирающихъ на нее къ изумленію и удивленію ея святости,—такъ же какъ если бы кто нибудь изъ херувимовъ явился на землѣ [5]). Любопытны при этомъ и назидательны, и исторически интересны самыя подробности поведенія доброй дѣвственницы. „Когда она идетъ, то идетъ какъ бы по пустынѣ; въ церкви сидитъ въ глубочайшемъ молчаніи, не обращаетъ взоровъ ни на кого изъ проходящихъ ни женщинъ, ни мужчинъ, а только на своего Жениха, какъ бы явившагося и при-

[1]) Труды Кіев. Дух. Академіи 1862 г.
[2]) Montf. t. 1, p. 279
[3]) Ibid, стр. 340.
[4]) Слова и бес. на разн. случ. т. II, стр. 422.
[5]) Ibid., стр. 446.

сутствующаго; когда она пойдетъ домой, то опять бесѣдуетъ съ Нимъ въ молитвахъ и слышитъ только Его голосъ чрезъ писанія; находясь дома, она помышляетъ только о Немъ, своемъ Возлюбленномъ, остается какъ бы странницею, пришелицею и гостьею и дѣлаетъ все такъ, какъ слѣдуетъ дѣлать чуждой здѣшнимъ предметамъ; избѣгаетъ не только взоровъ мужчинъ, но и общества мірскихъ женщинъ и о тѣлѣ своемъ заботится столько, сколько требуетъ только необходимость и все попеченіе свое обращаетъ на душу [1]). Кто же не будетъ удивляться, кто не станетъ изумляться, видя *ангельскій образъ* (вотъ гдѣ начало наименованія чина монашескаго такимъ именемъ) въ жизни въ женскомъ полѣ". При этомъ подвижницу дѣвства Св. Іоаннъ называетъ „золотою душою" [2]). Прекрасный образецъ подвига Св. Іоаннъ наглядно представляетъ въ жизни святой діакониссы Олимпіады. Считая ее почти не женщиной, а существомъ ангельскимъ, Златоустъ живописуетъ чудную совокупность ея добродѣтелей: превозноситъ чистоту ея жизни, которая, будучи посвящена цѣломудренному вдовству, заслугой равняется жизни дѣвъ, посвященныхъ Богу; хвалитъ ея милосердіе, превышающее самое дѣвство и благотворительность, имѣющую первенство предъ дѣлами милости всѣхъ; прославляетъ ея терпѣніе, перечисляетъ ея скорби, отъ дней юности ея тяготѣвшія надъ нею, каковы преслѣдованія ея отъ близкихъ и чужихъ, великихъ и малыхъ друзей и враговъ, не исключая и священниковъ [3]). Но особенное вниманіе останавливаетъ на ея добровольныхъ лишеніяхъ, изможденіяхъ, постахъ, борьбѣ духа съ плотью, представляющихъ собой живую картину подвиговъ истинныхъ обѣтныхъ дѣвственницъ. Вотъ одно—другое мѣсто изъ 2-го письма Св. Іоанна къ Олимпіадѣ. „Слова: «трезвость, воздержность» совсѣмъ не примѣнимы къ тебѣ, благочестивая и достопочтенная жена"! пишетъ онъ ей; „нужно найти другія, нужно возвысить языкъ, чтобы передать идеальное совершенство твоей жизни. Какое слово выразитъ строгость твоихъ святыхъ бдѣній? Ты побѣдила сонъ для молитвы, какъ покорила голодъ для поста и для тебя стало такъ же естественнымъ бдѣніе, какъ для другихъ сонъ" [4]). Еще величественнѣе Св. Іоаннъ изображаетъ подвигъ христіанскаго терпѣнія св. Олимпіады.... „Радуйся,—говоритъ,—и веселись, такъ какъ ты съ перва-

[1]) Ibid., стр. 447.

[2]) Ibid.

[3]) Письма 1-е и 2-е и нѣкоторыя мѣста въ прочихъ.

[4]) Epistol. 2 ad Olimp.

го своего возраста шла среди безпрерывныхъ и сильныхъ страданій. И въ самомъ дѣлѣ", разсуждаетъ Златоустъ, „болѣзнь тѣла и разнообразная, и всяческая, болѣе тяжелая, чѣмъ безчисленные виды смерти, не переставала тебя постоянно осаждать, и множество ругательствъ и оскорбленій и ябеды—клеветы не переставали устремляться противъ тебя; а сильные и непрерывные приступы унынія и источники слезъ постоянно обезпокоивали тебя. Каждое же изъ этого само по себѣ было въ состояніи принести большую пользу тѣмъ, кто перенесъ, вытерпѣлъ его. Ибо ничто не дѣлаетъ такъ блистающими, славными и достойными соревнованія, удивленія и ничто такъ не преисполняетъ безчисленныхъ благъ, какъ множество искушеній, испытаній, и опасности и труды"... „Велика выгода отъ страданій",—продолжаетъ утѣшитель,—„даже если кто пострадалъ и не изъ-за Бога, а всетаки страдалъ и переносилъ бы благородно и кротко, за все прославляя Бога" [1]). Подобныхъ Олимпіадѣ св. женъ діаконисъ въ церкви Константинопольской при Златоустѣ было немного, правда, а безъ него и еще меньше,—но и Олимпіада не была единичной личностью. Мы знаемъ св. женъ этого періода, богатыхъ и знатныхъ, но вмѣстѣ благочестивыхъ и боголюбивыхъ, и милосердныхъ, сходныхъ по духу и званію съ Олимпіадой; таковы: Ампрукта, Пентадія, Сальвина и самоотверженная Савиніана, посѣтившая Златоуста въ Кукузѣ [2]). Внутреннему настроенію истинныхъ подвижницъ соотвѣтствовало и внѣшнее поведеніе ихъ. „Удивляюсь", пишетъ Олимпіадѣ Св. Златоустъ, „не только невыразимой простотѣ твоего одѣянія, превосходящей простоту одеждъ и самыхъ нищихъ, но въ особенности тому, что въ одеждѣ, обуви, походкѣ твоей нѣтъ ничего подкрашеннаго, поддѣльнаго, все безъискусственно, а это все—краски добродѣтели, извнѣ живописующія хранящуюся въ тебѣ мудрость" [4]). Но это былъ ликъ избранныхъ и таковыхъ не было много. „Подумай", писалъ Св. Іоаннъ Олимпіадѣ, „подумай, дорогая и достопочтенная жена, что въ борьбѣ духъ человѣческій укрѣпляется самыми испытаніями, которыя онъ претерпѣваетъ" [5]). Но большинство людей, всякій разъ, какъ имъ случится быть искушенными бѣдствіями и всякій разъ, какъ они находятся въ несчастіяхъ, скажемъ

[1]) Пис. къ Олимпіадѣ, стр. 56 –60.
[2]) Тьерри, стр. 51 и въ др. м.
[3]) Письм. къ Олимп., стр. 36.
[4]) Пис. къ Олимп., стр. 36.
[5]) Пис. къ Олимп. 3, по Тьерри стр. 355.

словами Златоуста, „а потомъ призываются къ роскоши и успокоенію духа и жизни изнѣженной и распущенной, бѣгутъ на зовъ очень ревностно“ [1]). И на этотъ призывъ къ роскоши и успокоенію духа и жизни распущенной отозвались сочувственно многія не только просто изъ дѣвственницъ, но изъ высшаго ихъ разряда—діакониссъ.

Мы различаемъ эти два вида монахинь въ Константинополѣ за время Златоуста. И такъ, какъ діакониссы по своимъ обязанностямъ стояли ближе къ клиру,—мы объ нихъ и говоримъ прежде, чѣмъ о другихъ дѣвственницахъ. Здѣсь мы считаемъ долгомъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ званіи—діакониссъ. Діакониссъ въ Восточной церкви уже болѣе пяти вѣковъ не существуетъ. А въ древней церкви, начиная съ временъ Апостольскихъ, діакониссы представляли собой необходимое звено въ клирѣ. Они имѣли особыя права и обязанности. Въ постановленіяхъ апостольскихъ сохранилась молитва, читавшаяся при ихъ рукоположеніи епископомъ. Ограничимся свѣдѣніями возможно краткими. Діакониссами назывались въ древней церкви лица, назначенныя для надзора за принадлежавшими къ ней женщинами. Обязанности ихъ были слѣдующія: онѣ приготовляли женщинъ къ крещенію, научая, какъ и что онѣ должны отвѣчать на вопросы крещающаго, и какъ должны вести себя послѣ крещенія; помогали епископу при крещеніи женщинъ и, вмѣсто него, дѣлали помазаніе частей тѣла, за исключеніемъ лба; смотрѣли за дверью, въ которую входили женщины въ церковь; разставляли ихъ по мѣстамъ и наблюдали, чтобы онѣ въ церкви вели себя благочинно; присутствовали при бесѣдахъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ съ женщинами; заботились о благотворительности по отношенію къ женщинамъ. По постановленіямъ апостольскимъ, въ діакониссы должны быть избираемы цѣломудренныя дѣвы или, по крайней мѣрѣ, вдовы, бывшія за однимъ мужемъ, вѣрныя и благоговѣйныя. Постановленіемъ Юстиніана при Константинопольской церкви положено быть 40 діакониссамъ [2]). Сколько ихъ было здѣсь при Златоустѣ, мы не знаемъ; но, очевидно, было тоже много: добрыя изъ нихъ—на перечетъ, а худыя безъ числа. Знать это число, конечно, не столь важно, какъ интересно знать ихъ нравственное состояніе. Выше мы говорили, какъ Св. Златоустъ изображаетъ прекрасное поведеніе истинныхъ дѣвственныхъ женъ и представили совершенный образецъ олице-

[1]) Письм. къ Олимп. стр. 65.

[2]) Свѣд. даются по энцикл. слов. Андр. т. X. стр. 735.

творенія этого изображенія. Конечно, Св. Іоаннъ имѣлъ и другіе образцы; Олимпіада лишь лучшій изъ нихъ.

Оставаясь лишь вѣрными исторической правдѣ, мы не должны скрыть и оборотную сторону этой медали, даже не въ правѣ—по тому одному обстоятельству, что объ этой оборотной сторонѣ говоритъ самъ нашъ историкъ—Св. Златоустъ. Послѣдуемъ за нимъ. «Дѣвство есть столь великое дѣло", говоритъ онъ, „и нуждается для себя въ столь великомъ трудѣ—борьбѣ, что Христосъ, сойдя съ неба, чтобы сдѣлать людей ангелами и здѣсь насадить высшій небесный образъ жизни, даже и тогда не рѣшился предписать его—дѣвства и возвести требованіе его на степень закона. Но хотя Онъ предписалъ законъ умирать, постоянно распинать себя и благодѣтельствовать врагамъ; однако дѣвства не узаконилъ, а предоставилъ, чтобы это зависѣло отъ добровольнаго рѣшенія, выбора слушателей, сказавши: *моій вмѣстити да вмѣститъ* (Мѳ. XIX. 12). «Ибо», прибавляетъ Святитель, «велико бремя этого дѣла, трудность этой борьбы и потъ отъ этихъ состязаній, равно какъ и мѣсто этой добродѣтели обрывисто» [1]). И увы! не малое число діакониссъ ко времени архіепископства Св. Златоуста въ Константинопольской церкви, оказалось, именно на этомъ мѣстѣ «оборвались»... Преобразованіе клира, чтобы быть полнымъ, должно было коснуться и діакониссъ, составляющихъ часть клира. Какъ не щекотливо было это дѣло, но Св. Златоустъ исполнилъ этотъ долгъ съ своей обычною рѣшимостью. Большая часть діакониссъ жило очень суетно, стараясь совмѣстить, сколько возможно, служеніе Богу и страстямъ. Многіе, какъ видится, осквернялн святое мѣсто постыднымъ поведеніемъ. И вотъ Св. Архіепископъ, собравъ надлежащія свѣдѣнія о каждой изъ нихъ, какъ грозный судія, призвалъ ихъ къ себѣ для объясненій „по касающемуся до нихъ дѣлу"—и наиболѣе виновнымъ, очевидно изъ вдовъ, сказалъ кратко, ясно и вразумительно: „я возвращаю вамъ свободу; вы хорошо сдѣлаете, если вновь вступите въ бракъ" [2]). Комментаріи излишни. По идеѣ, въ діакониссы должны были быть избираемы лучшія изъ дѣвственницъ или честныхъ вдовъ послѣ перваго брака, произнесшихъ обѣтъ жизни безбрачной на вѣки. Каковъ былъ институтъ этихъ лицъ, посвятившихъ себя дѣвству, мы нѣсколько ознакомились въ исторіи совмѣстнаго жительства ихъ съ клириками. Здѣсь

[1]) Письма къ Олимпіадѣ, стр. 31.
[2]) Dialog. Pallad. 19.

лишь нѣсколько дополнимъ тѣ свѣдѣнія и, по неизбѣжной необходимости, въ томъ же неприглядномъ направленіи, ибо другаго не указываютъ намъ творенія Св. Златоуста,—нашъ главный и почти единственный источникъ для обозрѣнія этой стороны церковной жизни въ клирѣ. Укажемъ нѣкоторыя стороны этой жизни...

„Апостолъ Павелъ", говоритъ Св. Златоустъ „бесѣдуя съ женщинами, возлюбившими мірскую жизнь, не только отклоняетъ ихъ отъ ношенія золотыхъ украшеній, но и не дозволяетъ облекаться въ роскошныя, дорогія одежды. Ибо онъ знаетъ, знаетъ ясно, что это тягостная болѣзнь души,—такая, которую преодолѣть трудно, которая служитъ величайшимъ доказательствомъ развращеннаго ума и для борьбы съ которой нуженъ умъ очень мудрый. Это и доказываютъ не только женщины, слѣдующія обыкновенному образу жизни, но и тѣ изъ нихъ, которыя, казалось, были мудры и получили въ удѣлъ принадлежать къ сонму дѣвъ"....„Многія," продолжаетъ св. авторъ, „и изъ такихъ дѣвъ были совершенно постыдно и плачевно плѣнены этой страстью и, превозмогши большее, были покорены этимъ порокомъ" [1])... Продолжимъ наше сказаніе словами Златоуста... „Многіе изъ приступившихъ къ этому состязанію—подвигу дѣвства не преодолѣли той страсти къ щегольству въ дѣлѣ ношенія своихъ одеждъ; но были плѣнены и покорены ею болѣе, чѣмъ даже и тѣ женщины, которыя преданы міру. Не говори мнѣ этого, что онѣ не надѣваютъ на себя золотыхъ украшеній, не одѣваются въ шелковыя и вышитыя золотомъ платья, и не имѣютъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями ожерелій. Ибо болѣе тягостное преимущественно предъ всѣмъ и съ избыткомъ обнаруживающее ихъ болѣзнь и властную силу ихъ страсти, есть слѣдующее: онѣ проявили свою крѣпость, упорно настаивали и употребляли силу на то, чтобы посредствомъ простыхъ одеждъ превзойти украшеніе облеченныхъ въ золото и въ шелковыя платья и, вслѣдствіе этого, являлись болѣе ихъ прелестными, занимаясь, какъ онѣ думаютъ, безразличнымъ дѣломъ, а какъ показываетъ природа этого дѣла, гибельнымъ и вреднымъ. Если эта погрѣшность навлекла столь великое наказаніе на свѣтскихъ еврейскихъ женщинъ, и притомъ въ то ветхозавѣтное время; то какое могутъ имѣть извиненіе обязанныя своими мыслями жить на небесахъ и подражать ангельской жизни и проводящія жизнь въ благодати, когда онѣ отваживаются на тотъ же самый грѣхъ въ еще гораздо

[1]) Письма къ Олимп. стр. 30 –31.

большей мѣрѣ? Въ самомъ дѣлѣ, когда увидишь дѣву, нѣжащуюся въ богатыхъ одеждахъ, влекущую свои платья по землѣ,—за что пророкъ произнесъ обвиненіе,— похотливо, сладострастно ступающую, и голосомъ, глазами, одеждой смѣшивающую—приготовляющую вредоносную чашу для взирающихъ на нее безстыдными глазами, болѣе и болѣе выкапывающую пропастей для проходящихъ мимо и отвсюду разставляющую силки,—то какъ эту, наконецъ, называешь ты дѣвою, а не причислишь ее къ женщинамъ, ведущимъ блудную жизнь? Ибо не столько послѣднія бываютъ приманкою, обольщаютъ, сколько первыя, отвсюду простирающія крылья удовольствія“ [1])... Въ тѣхъ-же письмахъ къ св. діакониссѣ, изъ коихъ мы сейчасъ привели нѣсколько словъ, Св. Златоустъ указываетъ еще разъ, какое важное значеніе для нравственной жизни имѣетъ расположеніе къ роскоши въ одеждѣ. „Я попытаюсь показать льва по ногтю“,—пишетъ онъ св. Олимпіадѣ, „сказавши нѣчто немногое о твоемъ платьѣ, объ одеждахъ, облегающихъ тебя просто и кое какъ. Ибо хотя эта добродѣтель кажется меньше остальныхъ, однако если бы кто либо изслѣдовалъ ее тщательно, то нашелъ бы, что она очень велика, очень важна и бываетъ присуща только душѣ мудрой, презирающей все житейское и летящей, стремящейся къ самому небу“ [2]). Обращаясь отъ слова къ дѣлу, отъ мысли къ самой жизни, Св. Іоаннъ, обличая дѣвъ недѣвственныхъ, прямо указываетъ имъ, что именно невоздержаніе ихъ въ расположеніи къ украшеніямъ въ одеждахъ было поводомъ ко грѣху и для нихъ самихъ и для ихъ сожителей. „Для чего ты“, спрашиваетъ онъ каждую изъ нихъ въ словѣ обличенія, „украшаешь себя одеждами?“—„Одежды даны намъ не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы скрывали стыдъ наготы; не для того, чтобы мы одѣвались въ то, что можетъ срамить насъ хуже наготы. Самая нужда въ одѣяніи есть уже стыдъ и срамъ и происходитъ отъ грѣха, то для чего ты увеличиваешь это осужденіе“ [3])... „Ты стараешься, чтобы многіе влюбились въ тебя“ [4]). „Ты превосходишь и зрѣлищныхъ женщинъ изысканностью одеждъ, прельщая ими разсѣянныхъ юношей“ [5]).

---

[1]) Письм. къ Олимп. стр. 35—37.
[2]) Ibid., стр. 39.
[3]) Слова и бес. на разн. случ. стр. 447.
[4]) Ibid., стр. 428.
[5]) Ibid., стр. 448.

Мы уже знаемъ преступное поведеніе этихъ недостойныхъ дѣвственницъ изъ нашего подробнаго обзора ихъ беззаконнаго сожительства съ клириками. Тамъ видѣли мы и внутреннее состояніе ихъ душъ и внѣшнее поведеніе и въ домѣ, и на улицѣ, и въ храмѣ. Здѣсь возьмемъ изъ того же слова обличенія дѣвственницамъ одну—другую черту изъ ихъ поведенія, не помѣченную въ нашей рѣчи о незаконномъ ихъ сожительствѣ съ клириками. Здѣсь мы укажемъ опять словами Св. Златоуста, что жизнь дѣвъ могла быть названа именно жизнью публичныхъ женщинъ, что эти падшія созданія настолько глубоко пали, что не только не сознавали своего паденія, а даже оправдывали свое беззаконное сожитіе съ мужчинами, и потомъ представимъ рѣшеніе вопроса: чѣмъ обусловливалась неизмѣнность возможности преступнаго сожительства? „Онѣ“—виновныя дѣвственницы,—говоритъ Св. Іоаннъ, „еще принимаютъ къ себѣ нѣкоторыхъ мужчинъ, вовсе имъ незнакомыхъ, и поселяютъ ихъ вмѣстѣ съ собою; живутъ вмѣстѣ съ ними все время, какъ бы показывая чрезъ это, что онѣ противъ своей воли привлечены къ дѣвству, потерпѣвъ крайнее насиліе и такимъ способомъ утѣшаютъ себя за это насиліе и принужденіе“ [2]). „Дѣвство“, продолжаетъ Златоустъ, „при сожительствѣ съ мужчинами, осуждается всѣми больше прелюбодѣянія; потерявъ свое значеніе, оно упало низко, даже ниже самой пропасти прелюбодѣянія. Замужняя заботится, какъ бы угодить одному мужу; а ты, дѣвственница—многимъ, и притомъ знакомымъ тебѣ не по закону брака, а нѣкоторымъ другимъ образомъ, порицаемымъ и осуждаемымъ всѣми..., боюсь, чтобы ты не оказалась причисленною къ безчестнымъ женщинамъ“ [3]). „У насъ тѣло нерастлѣнно и не повреждено блудомъ, скажете вы. Знаніе и искусство повивальной бабки“, отвѣчаетъ грозный обличитель, „можетъ видѣть только то, подвергалось ли тѣло совокупленію съ мужчиною; но чисто ли оно отъ постыднаго прикосновенія, отъ прелюбодѣянія и растлѣнія посредствомъ лобзаній и объятій, это обнаружится въ тотъ день, когда живое Слово Божіе представитъ все обнаженнымъ и открытымъ предъ глазами всѣхъ“. „Ты не рождала и не испытывала болѣзней рожденія. Что постыднѣе такого оправданія?! Что достойнѣе сожалѣнія того, когда дѣвственница хочетъ доказывать свое дѣвство

---

[1]) Слова и бес. на разн. случ., стр. 420.

[2]) Слова и бес. на разн. случ. стр. 420.

[3]) Ibid., стр. 428.

тѣмъ, къ чему могутъ прибѣгать и многія изъ блудницъ?! Тѣ, скажешь, обличаются другимъ образомъ, когда предаются разврату? Какимъ же, скажи мнѣ, другимъ? Внѣшнимъ видомъ, взорами, походкою, любовниками, которыхъ привлекаютъ къ себѣ... Хорошо ты намъ изобразила черты блудницы; но посмотри: не къ тебѣ ли прежде нея относятся эти черты и признаки“[1])?

Послѣдній вопросъ, который въ данномъ случаѣ представляется намъ небезъинтереснымъ:—въ какихъ годахъ дѣвицы посвящали себя въ дѣвственницы? Рѣшеніе этого вопроса можетъ указать: физически могли онѣ или не могли оставаться въ незаконномъ и грѣховномъ сожительствѣ съ клириками до старости послѣднихъ? Св. Златоустъ, какъ видѣли выше, обличаетъ безпутныхъ клириковъ въ томъ, что они выискиваютъ себѣ дѣвственницъ красивыхъ и молодыхъ. Это показаніе обусловливаетъ собою возможность искушенія для обѣихъ сторонъ. Златоустъ говоритъ, что и клирикъ „во цвѣтѣ лѣтъ“. „Поразмысли“, пишетъ Св. Іоаннъ Олимпіадѣ съ пути въ изгнаніе, „какова, по своему существу, юность и цвѣтущая пора юности, когда пробуждается очень сильное пламя природы, когда возбуждается большая буря страсти... Вѣдь души болѣе молодыхъ ограждаютъ себя не очень большимъ благоразуміемъ и не проявляютъ большаго рвенія къ добродѣтели; но буря страстей бываетъ тѣмъ болѣе тяжелою, а управляющій страстями разсудокъ—болѣе слабымъ“ [2]).

Итакъ, условіе, благопріятствующее возможности къ грѣховному расположенію и самое главное, есть. И долго, долго, по словамъ Златоуста, это условіе—моложавость, миловидность и привлекательность у дѣвственницъ хранилась и служила поддержкой грѣховному расположенію къ нимъ сожителей. „У брачныхъ послѣ родовъ и воспитанія дѣтей тѣла дѣлаются слабыми,“ свидѣтельствуетъ Златоустъ въ словѣ къ клирикамъ, „а тѣ и въ 40 лѣтъ не уступаютъ юнымъ дѣвамъ“ [3]). Еще одинъ вопросъ: въ самомъ дѣлѣ—жили или не жили клирики съ дѣвственницами брачною жизнью? По Златоусту: и да, и нѣтъ, но больше—нѣтъ. Конечно, трудно близь огня не обжечься и близь котла не зачерниться. Ясно, что промахи у клириковъ бывали, иначе не было бы мѣста въ рѣчи у Златоуста объ акушеркахъ. Но сила не въ этомъ, не въ блудѣ—

---

[1]) Ibid., стр. 428.

[2]) Письм. къ Олимп. стр. 64.

[3]) Слов. и бес. на разн. случ. стр 374.

въ смыслѣ совокупленія; а особенно, по смыслу словъ Златоуста, въ томъ внутреннемъ прелюбодѣяніи, которое такъ сильно осуждено Христомъ Спасителемъ. Здѣсь именно въ отсутствіи блуда—совокупленія и состоитъ главный секретъ привязанности клириковъ къ дѣвственницамъ. „Болѣзни чревоношенія и рожденія, рожденіе и воспитаніе дѣтей и слѣдующія за ними частыя болѣзни, изнуряющія тѣло и погашающія цвѣтъ юности, ослабляютъ дѣйствіе удовольствія. У живущихъ съ дѣвственницами возбуждается похоть вдвойнѣ: и оттого, что страсть не подавляется дозволеннымъ совокупленіемъ; и оттого, что причина, возбуждающая страсть, долго остается сильною“ [1]). Конечно, это обстоятельство не исключаетъ собой возможности привязанности мужчинъ къ женщинамъ и при дѣйствительномъ сожительствѣ. Внѣбрачное совокупленіе имѣетъ свою заманчивость, ибо „запрещенный плодъ,“ говорятъ, „сладокъ“... Но все-таки, на основаніи этихъ показаній самого Св. Обличителя беззаконія, мы заключаемъ: въ большинствѣ случаевъ, это сожительство не было наложничествомъ, а было лишь духовнымъ прелюбодѣяніемъ въ формѣ платонической любви. Одно странное обстоятельство въ ряду причинъ привязанности дѣвственницъ къ клирикамъ указываетъ Св. Златоустъ, а именно: страсть къ тщеславію. Насколько могла быть серьезною эта причина, доказывается уже опроверженіемъ Св. Іоанна. Онъ говоритъ: „пусть будетъ сожитель, если хочешь, не изъ простолюдиновъ и не изъ презрѣнныхъ людей, но изъ имѣющихъ великую силу въ церкви; пусть отличается отъ всѣхъ знатностью рода своего и силою краснорѣчія и во всѣхъ отношеніяхъ пусть будетъ знаменитымъ,—и однако, при всемъ томъ, онъ не можетъ сдѣлать сожительницу знаменитою и почтенною“ [4]). Какъ бы то ни было, искушеніе очень близко всегда предстояло обѣимъ сторонамъ,—это несомнѣнно. Эта совмѣстная жизнь была именно „опасная яма“ [5]). Тѣмъ не менѣе, съ формальной стороны дѣла клирики могли обвинять св. архипастыря, какъ было указано нами выше, въ оскорбленіи ихъ показной честности и въ клеветѣ, что и было на соборѣ Дубскомъ.

Если изъ этого ранга дѣвственницъ могли быть діакониссы, естественно, цензъ ихъ долженъ быть уже очень низокъ. И Зла-

[1]) Ibid, стр. 375.

[2]) Слова и бес. на разн. случ., стр. 437.

[3]) Письм. Олимпіадѣ, стр. 65.

[4]) Слова и бес. на разн. случ. стр. 438.

[5]) Письма къ Олимпіадѣ, стр. 65.

тоусту ничего другаго не оставалось сказать имъ, какъ совѣтъ,—пойти скорѣй замужъ. Понятнымъ становится и слѣдующее свидѣтельство Палладія, который приводитъ слова Святителя къ клирикамъ, которыя справедливо могутъ быть отнесены, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, и къ діакониссамъ. „Ужъ если выбрать изъ двухъ золъ“, говоритъ Св. Іоаннъ, „то я предпочитаю такимъ клирикамъ, какъ вы, сводней открытаго разврата. Эти несчастные лишены врачеванія; оно имъ вовсе неизвѣстно, и пагубное ремесло осуждаетъ ихъ на погибель; но вы,—вы пребываете у самаго источника душевнаго здравія, а, между тѣмъ, не только живете въ мерзости разврата, но и посѣваете его среди добрыхъ“ [1]). О дѣвственницахъ, имѣвшихъ сожительство съ клириками, Златоустъ свидѣтельствуетъ, что именно онѣ посѣевали развратъ среди добрыхъ. „Онѣ“, говоритъ онъ имъ и о нихъ, „бываютъ и зачинщицами и свахами при бракѣ и исполнительницами другихъ дѣлъ, и многимъ женщинамъ, желающимъ оставаться въ одинокомъ вдовствѣ, препятствуютъ, думая найти въ этомъ оправданіе своихъ пороковъ“ [2]). Св. Архипастырь волновался, ревновалъ о чистотѣ нравовъ своего клира и всѣхъ и каждаго призывалъ къ святой ревности. „Какихъ это беззаконіе не достойно смертей?“ взывалъ онъ съ каѳедры церковной. „Кто будетъ столь каменнымъ и безчувственнымъ, чтобы не воспламениться ревностію Финееса? Онъ, если бы въ свое время увидѣлъ такой срамъ, то не пощадилъ бы ихъ; но сдѣлалъ бы то, что сдѣлалъ тогда съ мадіанитянкою (Числ. гл. XXV). А мы утѣшаемъ себя въ скорби иначе—воздыханіями и слезами“ [3]). Тѣмъ не менѣе, фактъ оставался фактомъ, жизненнымъ сейчасъ, присущимъ въ общественной жизни церкви Константинопольской.

Что касается до діакониссъ, въ рядахъ коихъ Златоустъ замѣтилъ уклоненія и значительно сильныя, то зло сложилось, первѣе всего, изъ забвенія заповѣдей церкви апостольской, а) внушающей о вдовицахъ, подъ коими надобно разумѣть прежде всего діакониссъ, что въ ихъ ряды принимаются лица этого рода, не меньши *лѣтъ шестидесяти* [4]*; и притомъ истинная вдовица и уединена* [5])*;* б) *юныхъ же вдовицъ отрицайся, егда бо разсвирѣпѣютъ*

[1]) Dialog. Pallad. p. 18.

[2]) Слов. и бес. на разн. случ. стр. 452.

[3]) Слов. и бес. на разн. случ., т. II, стр. 422.

[4]) 1 Тим. V, 4.

[5]) Тамъ-же, 5 стих.

противъ Христа посягати хотятъ, ибо онѣ неточію праздны, но и блядивы и любопытны [1]*); питающаяся пространно жива умерла* [2]). По всѣмъ вѣроятностямъ, діаконисса апостольская Фива [3]) отвѣчала всѣмъ идеальнымъ требованіямъ, изображеннымъ Св. Ап. Павломъ. А въ церкви Константинопольской, очевидно, это правило благоразумія и предусмотрительности было забыто предшественниками Св. Іоанна Златоуста. И вотъ ему невольно пришлось эту накопившуюся грязь вычищать изъ церкви! Одно изъ правилъ IV вселенскаго собора касательно діакониссъ даетъ разумѣть, что въ діакониссы къ половинѣ V в., т. е. неособенно долго спустя послѣ Златоуста († 407 г.), ставили ужъ очень молодыхъ. „Въ діакониссы поставляти жену не прежде четыредесяти лѣтъ возраста и притомъ по тщательномъ испытаніи“, гласитъ правило 15-е этого—Халкидонскаго—собора. И потомъ соборъ ограждаетъ честь церкви строжайшимъ прещеніемъ нарушавшей обѣтъ дѣвственной жизни даже честнымъ бракомъ,—о преступномъ сожитіи не говорится, конечно, потому, что это уже и въ виду не имѣется. „Аще же пріявши рукоположеніе и пребывши нѣкоторое время въ служеніи, вступитъ въ бракъ“; продолжаетъ правило собора, „таковая, какъ оскорбившая благодать Божію, да будетъ предана анаѳемѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто совокупился съ нею“. Тогда какъ,—къ слову,—„дѣвѣ, посвятившей себя Господу Богу, равно и монашествующимъ, аще обрящутся творящіи сіе,—вступленіе въ бракъ,—наказаніе: да будутъ лишены общенія церковнаго“ [5]). Шестой вселенскій соборъ подтверждаетъ то же правило о діакониссахъ IV вселенскаго собора. Но это уже, конечно, время далекое отъ Златоуста—691 годъ.

Б) *Монахи.*

Константинопольскія творенія Святаго Іоанна Златоуста немного свѣдѣній даютъ намъ о сословіи монаховъ, мужей въ чинѣ иноческомъ. Онъ не посвящаетъ имъ многихъ страницъ въ своихъ бесѣдахъ, какъ это было обычно во множествѣ случаевъ у него въ Антіохіи, гдѣ проповѣдникъ такъ часто любилъ представлять вниманію своихъ благочестивыхъ слушателей и внѣшнюю жизнь иноковъ и внутреннее содержаніе этой жизни. Здѣсь для него монаховъ какъ будто не существуетъ. Онъ говоритъ о

---

[1] Ibid., 11—12 ст.
[2]) Тамъ-же, 6 ст.
[3]) Римл. XVI, 1.
[4]) Прав. 16.
[5]) Прав. 16.

нихъ неохотно, вскользь, кратко. Есть своя причина для Святителя—проповѣдника молчать объ этомъ институтѣ людей. Мы знаемъ, въ какихъ прекрасныхъ образахъ рисовалъ жизнь иноковъ Св. Златоустъ въ Антіохіи, говоря объ ихъ подвигахъ въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, какъ они всегда—*лишени, скорбляще*, удручены нуждами, бѣдностью, изможденны постомъ, бдѣніемъ; мы видѣли ихъ въ словѣ его одѣтыми въ *милотяхъ и козіихъ кожахъ*, едва прикрывающихъ ихъ наготу. Видѣли ихъ, при всей ихъ скудости, помогающими по возможности ближнему—бѣдному „отъ трудовъ своихъ праведныхъ"; видѣли ихъ любящими, странноприимными и самоотверженными, до готовности *душу свою положить за други своя*. И вотъ, любящая всѣхъ и каждаго, душа Св. Іоанна въ словѣ объ этихъ „земныхъ ангелахъ" находила отраду, утѣшеніе, и когда нужно было ему представить своимъ слушателямъ живой примѣръ любви къ Богу и къ ближнему, онъ такъ часто паходилъ его въ любимыхъ имъ и любви его достойныхъ инокахъ горъ антіохійскихъ. Что представляли собой монахи Константинопольскіе?

По смыслу краткихъ словъ Св. Іоанна Златоустаго, во первыхъ—это было монашество обѣтное [1]), формальное, постригальное, съ куколемъ на головѣ, одѣтое въ мантію, обутое въ сандаліи и опоясанное ремнемъ, конечно, съ крестомъ на груди и параманомъ на раменахъ.

Въ одной изъ бесѣдъ на Дѣянія Апостольскія Св. Златоустъ характеризуетъ это монашество,—и это единственное мѣсто въ такомъ родѣ—слѣдующими словами: „Безчисленные пути ведутъ сребролюбца въ геенну. Гдѣ же теперь говорящіе: зачѣмъ сотворенъ діаволъ? Вотъ здѣсь діаволъ ничего не дѣлаетъ, но все дѣлаемъ мы. И пусть бы говорили это живущіе въ горахъ, тѣ, которые, по цѣломудрію, по презрѣнію къ богатству и по пренебреженію другихъ благъ, тысячу разъ рѣшились бы оставить отца, и домы, и поля, и жену, и дѣтей; но они то особенно не говорятъ этого, а говорятъ тѣ, которымъ никогда не слѣдовало бы говорить. Тамъ, поистинѣ, борьба съ діаволомъ; а сюда не слѣдуетъ и вводить его" [2]). Понятно, что здѣсь рѣчь о нагорныхъ инокахъ. Но тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что проповѣдникъ говоритъ объ обѣтахъ монашескихъ, о чинѣ пострига, что видимъ и слышимъ и нынѣ

[1]) Sosom. кн. 1 гл. XII; кн. VI гл XXIX–XXXVI.

[2]) Бес. на Дѣян. Ап. т. I, стр. 138.

при постриженіи въ монашество.—Монашество, состоявшее въ завѣдываніи столичной каѳедры Святителя, горъ не держалось, а скиталось тутъ, въ городѣ, и не по нуждѣ гражданъ, а по произволенію собственному, безпріютное, нищенствующее и, если не всѣми, то многими, презираемое. Здѣсь, въ этихъ качествахъ Константинопольскихъ монаховъ разгадка, почему Святителю не хотѣлось говорить объ этихъ людяхъ, ибо, надобно полагать, ему даже грустно было вспоминать объ нихъ. Въ его краткихъ словахъ о монахахъ слышится чувство жалости объ этихъ людяхъ; не назиданіе беретъ отъ нихъ проповѣдникъ въ поученіе слушателямъ, а скорѣе бросаетъ слово обличенія самимъ монахамъ. Будь бы въ Константинополѣ подвижники горъ антіохійскихъ,—да Златоустъ прямо сказалъ бы: „вотъ они! Вотъ эти небесные человѣки! Идите, смотрите на нихъ! Учитесь отъ нихъ молитвѣ, бдѣнію, терпѣнію, смиренію, презрѣнію всего земнаго, самоотверженію и любви къ Богу и человѣкамъ“! Но обратимся къ нашему историческому документу—твореніямъ Св. Іоанна. „Хотя бы даже язычника мы увидѣли въ несчастіи,—и ему надобно оказать добро и вообще всякому человѣку, находящемуся въ несчастныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе вѣрующему міянину. Я не понимаю, откуда взялось противное мнѣніе и какимъ образомъ усилился у насъ противный обычай. Кто отыскиваетъ только монашествующихъ, хочетъ оказывать добро только имъ однимъ, и между ними дѣлаетъ еще различіе и говоритъ: если онъ недостоинъ, если онъ не праведенъ, если онъ не творитъ знаменій,—„я не подамъ ему руку помощи“,—тотъ отнимаетъ самую главную часть у милостыни [2]). Истинная милостыня“, дополняетъ проповѣдникъ, „тогда и бываетъ, когда она оказывается грѣшникамъ или виновнымъ; милосердіе въ томъ и состоитъ, что милуетъ не тѣхъ, которые исправны, а тѣхъ, которые согрѣшили“ [3]).

Это слово о безразличіи отношеній къ праведнымъ и грѣшнымъ бѣднякамъ въ дѣлахъ милосердія и это упоминаніе о нуждающихся въ помощи монахахъ, конечно, проживающихъ въ столицѣ,—какъ все это различно отъ словъ, говоренныхъ въ Антіохіи, въ которыхъ Св. Іоаннъ совѣтывалъ отыскивать иноковъ, сѣдящихъ въ горахъ, никому неизвѣстныхъ! А эти монахи Кон-

[1]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 185.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

стантинопольскіе представляли собой просто на просто „нищую братію“, которой сердобольный Святитель, говоря иными словами, выпрашиваетъ помощь, убѣждая слушателей ужь не очень-то разборчивыми быть при подаяніи милостыни, а жертвовать безразлично—грѣшникамъ или виновнымъ. Вѣрность этого взгляда на вещи самъ Златоустъ подтверждаетъ въ другомъ словѣ о монахахъ.

„Отецъ небесный“, говоритъ онъ, „питаетъ и блудниковъ, и прелюбодѣевъ, и обманщиковъ и вообще всякаго рода злодѣевъ. Въ настоящемъ мірѣ необходимо быть такого рода многимъ. Онъ же всѣхъ питаетъ, всѣхъ одѣваетъ, и никто никогда не умиралъ съ голода, развѣ только по собственной волѣ. Такъ и мы должны быть милосерды! Если кто проситъ у тебя и находится въ нуждѣ, помоги ему. Но нынѣ мы дошли до такого безумія, что поступаемъ такъ не только съ нищими, ходящими по переулкамъ, но и съ монашествующими. Онъ, говорятъ, обманщикъ! Не внушалъ ли я вамъ“, заключаетъ рѣчь свою Святитель, „что если станемъ изслѣдовать, то никогда не окажемъ милосердія. Что говоришь ты? Неужели онъ притворствуетъ для того, чтобы получить хлѣба? Если бы онъ просилъ талантовъ золота и серебра, или драгоцѣнныхъ одеждъ, или рабовъ, или чего нибудь подобнаго,—то справедливо бы можно было назвать его обманщикомъ; но если онъ не проситъ ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самыхъ умѣренныхъ,—то, скажи мнѣ, свойственно ли это обманщику? Оставимъ эту неумѣстную, сатанинскую пагубную разборчивость! Когда кто нибудь станетъ говорить, что онъ принадлежитъ къ клиру, или называетъ себя священникомъ, тогда развѣдай, распроси, потому что общеніе съ такимъ человѣкомъ безъ изслѣдованія не безопасно. Здѣсь великая опасность“ [1]). Любвеобильная душа Святителя! Но въ этихъ возможностяхъ обмана, притворства и самозванства, въ которыхъ—или разувѣряетъ Св. Іоаннъ православный народъ, или предостерегаетъ свою паству отъ опасности, нельзя не видѣть намековъ на то обстоятельство, что все это „бывальщинка“ въ бродячемъ монашествѣ. Самая необходимость, вынудившая Святителя—патріарха, защищать эту „братію“, говоритъ о неприглядности отношеній народа къ этому классу людей. Мы не говоримъ объ ихъ нуждахъ, совсѣмъ недостойныхъ людей, отвергшихъ міръ: дай хлѣба, одежды. Вспомнимъ опять иноковъ

[1]) Ibid., стр. 204

горъ Антіохійскихъ; сравнимъ,—и мы поймемъ, что за люди были эти монахи въ Константинополѣ.

Albert въ своемъ трудѣ „S. Iean Chrysostome considere comme orateur populaire“ приводитъ свидѣтельство Св. Нила о подобныхъ инокахъ. Слово преподобнаго представляетъ ихъ домогающимися приглашеній на обѣды богатыхъ, истинными паразитами, которые слѣдуютъ за богачами и вельможами въ публичныя мѣста, какъ рабы и прочищаютъ имъ дорогу. „Это было“, говоритъ онъ, „тяжкое бремя для городовъ, по которымъ они проходили, какъ нищіе съ безстыдствомъ приставая къ проходящимъ. Возбудивши къ себѣ довѣріе лицемѣрными уловками, они всѣми способами старались завлечь ихъ въ свою пользу. Они были предметомъ всеобщаго презрѣнія; надъ ними насмѣхались на улицахъ“ [1]). „И вотъ этихъ то лѣнтяевъ и бродягъ“, прибавляетъ Albert, „Златоустъ не боялся называть „нищими“ (правда!), „обманщиками“ (неправда! народъ называлъ), „мошенниками“ (никогда!) и обратно отсылалъ ихъ въ кельи“ (пожалуй—да! [2]). Обратимся къ нашему историку. „Блудницы остаются въ своемъ домѣ“, говоритъ Св. Златоустъ, „виновныя въ томъ, что онѣ за деньги продаютъ свое тѣло; но онѣ представляютъ въ свое оправданіе бѣдность и крайній голодъ, хотя и это отнюдь не можетъ оправдать ихъ, потому что можно кормиться трудами. Блудницы обыкновенно готовы къ услугамъ каждому, кто даетъ золото, кто бы ни предложилъ имъ деньги, рабъ или свободный, монахъ или кто нибудь другой, онѣ принимаютъ; а тѣхъ, которые ничего не предлагаютъ, хотя бы они были благороднѣе всѣхъ, безъ денегъ не принимаютъ къ себѣ“ [3]). Нужно ли что прибавлять къ слову Златоуста? И въ скаредномъ мѣстѣ—монахъ! Понятно,—въ Антіохіи не было и быть не могло подобныхъ рѣчей; въ Константинополѣ не такъ. Ergo: есть основаніе! Грустное заключеніе; но, какъ очевидно, не несправедливое. Люди безъ опредѣленной цѣли, отторгшіеся отъ мѣста своего назначенія, гдѣ бы подобало пребывать неисходно, люди безъ занятій,—безъ труда тѣлеснаго и умственнаго,—ядущіе даромъ изъ чужихъ рукъ, праздные,—послѣдствія ясны: „праздность—мать пороковъ“.—Таковы были нравы этихъ монаховъ, встрѣчавшихся въ Константинополѣ. У Исидора Пелусіота,—говоритъ Albert,—нахо-

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Академіи 1862 г.

[2]) Ibid.

[3]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 263.

дятся очень любопытныя замѣчанія о причинахъ, которыя побуждали этихъ монаховъ выходить изъ монастырей. „Большая часть изъ нихъ принимала пустынную жизнь,—говоритъ Albert, очевидно, удерживая лишь мысли Пелусіота,-во избѣжаніе столь трудныхъ въ то время обязанностей общественной жизни. Они имѣли въ виду только выгоды званія, а не обязанности его: монашеское званіе было для нихъ промысломъ. Другіе же были пастухи или бѣлые рабы, плѣнившіеся представляющеюся имъ въ монашествѣ бездѣятельною жизнью и сверхъ того даровымъ почетомъ» [1]). У Св. Іоанна Златоуста мы встрѣчаемъ свѣдѣнія объ общественномъ положеніи вступавшихъ въ нагорные Антіохійскіе монастыри. Въ общемъ, взглядъ одинаковъ съ сейчасъ изложеннымъ: кто и кто поступаютъ въ монахи; но въ частностяхъ—въ цѣляхъ поступленія въ монашество, въ причинахъ, побуждавшихъ къ этому подвигу, въ образѣ жизни и поведеніи,—громадная разница. „Хотите ли пойти въ градъ добродѣтели, въ селенія святыхъ, т. е. въ горы и лѣса,“—приведемъ еще разъ слово Св. Іоанна о нагорныхъ Антіохійскихъ инокахъ,—„тамъ мы увидимъ высоту смиренномудрія. Тамъ люди, блиставшіе прежде мірскими почестями или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняютъ себя во всемъ, не имѣютъ ни хорошихъ одеждъ, ни удобныхъ жилищъ, ни прислуги и во всей жизни своей изображаютъ явственнѣйшими чертами смиреніе [2]). Все, что способствуетъ возбужденію гордости, какъ-то: пышныя одежды, великолѣпные дома, множество слугъ—все это удалено оттуда“ [3]). „Иноки не разбираютъ,“свидѣтельствуетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „кто къ нимъ пришелъ: рабъ или свободный; [4]) всѣ—слуги здѣсь; нѣтъ тамъ ни большихъ, ни меньшихъ; каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ предъ другимъ старается оказать имъ услуги“ [5]). Очевидно, рѣзко различались: иноки горъ и монахи городовъ: одни шли „ради Іисуса;“ а другіе ради „хлѣба куса,“ какъ говоритъ Св. Димитрій Ростовскій въ словѣ на недѣлю женъ мироносицъ—на текстъ: „*Возста Христосъ, нѣсть здѣ*“ (Марк. XVI. 6), гдѣ нашъ русскій Златоустъ, изображая жизнь монаховъ: „тамъ клопотъ и ропотъ, свари и брани“,—заключаетъ: «былъ здѣ Христосъ, да ушелъ,»—*возста, нѣсть здѣ*.—Одни оставались

[1]) Труд. К. Д. Ак. 1862 г., т. III, стр. 323.
[2]) Бесѣд. на Мѳ. т. III, стр. 242—243.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

вѣрны идеѣ иночества, вступивши въ этотъ чинъ разъ навсегда; другіе, быть можетъ, и съ добрымъ намѣреніемъ оставили грѣшный міръ, но потомъ измѣнили себѣ и Богу, которому посвятили себя и свою жизнь. Ибо допустить избраніе кѣмъ либо подобнаго средства для достиженія преступныхъ цѣлей значитъ уже предположить въ данной личности человѣка съ сожженной совѣстью. Инокъ—человѣкъ, избравшій иную жизнь, вмѣсто суетной—святую; монахъ—одинокій, отъ μόνος—одинъ: „Инокъ наречется, понеже единъ бесѣдуетъ къ Богу день и нощь“ [1]). Злоупотребленія и всяческія уклоненія, конечно, всегда и вездѣ возможны. Въ Константинополѣ монахи цѣлыми толпами ходили по улицамъ [2]). Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ еще объ одномъ обстоятельствѣ въ жизни монаховъ его времени въ Константинополѣ. „Увѣщаваю васъ, будемъ служить святымъ“, говорилъ Святитель съ церковной каѳедры въ Константинополѣ. „А святъ всякій вѣрующій, потому самому, что онъ вѣрующій; хотя бы онъ былъ мірянинъ, онъ святъ. Не о тѣхъ мы только должны заботиться, которые живутъ въ горахъ; они, конечно, святы и по жизни и по вѣрѣ; но и тѣ святы по вѣрѣ, а многіе изъ нихъ и по жизни. Не будемъ поступать такъ, что когда увидимъ *монаха въ темницѣ*, тогда пойдемъ къ нему; а когда мірянина, то не пойдемъ, и послѣдній тоже святъ и тоже есть братъ нашъ“ [3]). Это указаніе на инока въ тюрьмѣ,—мы подчеркнули подлинное выраженіе,—неизбѣжно наводитъ на предположеніе, что здѣсь въ Константинополѣ теперь, во время архіепископства Златоуста, бывали и такіе случаи. И притомъ—„монахъ въ темницѣ“,—явленіе, видимо, не было чрезвычайною рѣдкостью, когда народъ, приходя въ темницу, предпочиталъ подавать милостыню монаху прежде, чѣмъ мірянину, и такое отношеніе было настолько укрѣпившимся, что архипастырю пришлось опять таки разубѣждать христіанъ оставить этотъ обычай. Одно какъ будто нѣсколько отрадное явленіе во всей этой мрачной картинѣ Константинопольскаго монашества: народъ предпочиталъ подать милостыню монаху въ темницѣ все таки по убѣжденію въ большей степени святости его предпочтительно предъ простымъ мірянином. „И послѣдній тоже святъ“,—вразумляетъ проповѣдникъ. Намъ представляется это предпочтеніе „монаху въ темницѣ

[1]) Пандекты Никона Черногорца, по энцикл словарю Андреев., т. XIII, стр. 222.
[2]) Труд. К. Д. Ак. 1862 г., стр. 322.
[3]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 184.
[4]) Ibid.

дѣлалось просто изъ жалости и, во всякомъ случаѣ, по необычности видѣть духовное лицо, да еще монашествующее въ этой ужасной средѣ! Конечно, нельзя отвергать и того, что народъ, въ особенности простой, и въ Константинополѣ не терялъ уваженія къ монашеству,—такъ глубоко внѣдрилась святая идея монашества въ душахъ вѣрующихъ отъ первыхъ истинныхъ иноковъ. Въ Константинополѣ могли быть особенныя обстоятельства, поддерживавшія убѣжденія народа въ святости монаховъ, бывавшихъ въ темницѣ. Въ восточной церкви, какъ извѣстно, было время, и не особенно задолго до патріаршества Св. Іоанна Златоуста, когда православныхъ христіанъ гнали люди, зараженные ересью Арія. Это преслѣдованіе происходило открыто, съ вѣдома правительства во время царствованія Валента, 375—376 г.г., по смерти благочестиваго Валентиніана въ 374 году. Валентъ, искренній аріанинъ, простеръ свою злобу на православныхъ до такого неистовства, что велѣлъ всѣхъ отшельниковъ выгонять изъ ихъ пустынныхъ убѣжищъ и отдавать [1]) въ военную службу [2]). Св. Іоаннъ Златоустъ, написавшій слово противъ этихъ гонителей и гоненій, замѣчаетъ, что „изгоняютъ отвсюду руководствующихъ къ нашему любомудрію монашеской жизни“,—Златоустъ тогда былъ самъ между отшельниками,—„и съ великими угрозами запрещаютъ и говорить что либо о немъ и учить ему кого бы то ни было, и что при благочестивыхъ царяхъ среди городовъ совершается такое беззаконное дѣло“ [3]). Несомнѣнно, искренніе иноки мужественно отказывались повиноваться „безумному велѣнію“,—и вотъ ихъ удѣлъ: между иными притѣсненіями—темница! Благочестивые люди, конечно, считали таковыхъ страдальцевъ за правду исповѣдниками, мучениками, святыми. Естественно, „монахъ въ темницѣ“ и теперь—при Златоустѣ, черезъ 25—30 л. послѣ гоненія, въ глазахъ народа пользовался все еще честью неповиннаго страдальца. Св. Златоустъ и вразумляетъ: мірянинъ и монахъ—въ тюрьмѣ оба святы,—въ несчастіи „въ равномъ достоинствѣ“. Но чтобы теперь, при Златоустѣ, бывали монахи въ темницѣ, какъ неповинные страдальцы, мы въ этомъ сомнѣваемся. „Древность съ ея благочиніемъ и строгостью тогда“, [4])—ко времени уничтоженія пресвитеровъ—

[1]) Прим. къ слову Св. Іоанна Златоуста противъ преслѣдующихъ тѣхъ, которые руководствуютъ къ монашеской жизни. Слов. т. III, стр. 70.

[2]) Ibid., стр. 73.

[3]) Ibid., стр. 75.

[4]) Кн. VII, гл. 16-я, стр. 508.

духовниковъ Нектаріемъ, Константинопольскимъ предмѣстникомъ Златоуста по каѳедрѣ,—„начала уже, думаю“, говоритъ Созоменъ, „мало по малу перерождаться въ безразличный и небрежный образъ“. Есть основаніе думать: переродилась къ этому времени въ небрежный образъ жизни—и жизнь духовенства вообще, и монашества въ частности, если не въ особенности, до проступковъ грубыхъ. Правило 24-е помѣстнаго Лаодикійскаго собора говоритъ: „не подобаетъ освященному лицу или изъ монашескаго чина въ корчемницу входити“ [1]). Въ 451 году IV-й вселенскій соборъ въ Халкидонѣ въ одномъ изъ своихъ постановленій еще нагляднѣе изображаетъ поведеніе монаховъ по городамъ и особенно въ столицѣ восточной имперіи. Возьмемъ полностью все это правило: „дошло до слуха св. собора, что нѣкоторые изъ клира и монашествующіе, не имѣя никакихъ порученій отъ своего епископа, а иные даже бывъ отлучены имъ отъ общенія церковнаго, приходятъ въ царствующій градъ Константинополь и въ ономъ долго жительствуютъ, творя смятенія и нарушая церковное устройство, и даже домы нѣкоторыхъ разстраиваютъ. Того ради опредѣлилъ святый соборъ: во-первыхъ, посредствомъ эдикта святѣйшія Константинопольскія церкви напоминати имъ, да удалятся изъ царствующаго града. Аще же безстыдно продолжати будутъ тѣ же дѣла, то удалити ихъ изъ онаго и неволею, посредствомъ того же эдикта, и возвращати къ своимъ мѣстамъ“ [2]). Время собора такъ близко къ времени Златоуста, что побужденія, вынудившія вселенскій соборъ къ постановленію такого рода, несомнѣнно были у монашества и при архіепископствѣ Св. Іоанна Златоуста во всей цѣлости ихъ—побужденій: и праздношатательство въ царствующемъ градѣ и мятежливость, и безстыдство поведенія и упорства, вынуждавшія необходимость возвращать ихъ къ своимъ мѣстамъ. „Былъ онъ“, говоритъ Созоменъ о Св. Златоустѣ, „въ разногласіи со многими изъ монаховъ, а особенно съ Исаакіемъ (о немъ рѣчь впереди), ибо людей, избиравшихъ такой образъ любомудрія, если они уединенно пребывали въ своихъ монастыряхъ, онъ весьма хвалилъ и усиленно заботился, чтобы они не терпѣли притѣсненій и имѣли необходимое; но когда пустынники выходили вонъ и являлись въ городѣ, то онъ порицалъ и исправлялъ ихъ, какъ оскорбителей любомудрія. По этимъ то причинамъ негодовали на него

[1]) Книга правилъ, стр. 166.
[2]) Ibid., стр. 61, прав. 23.

клирики и многіе изъ монаховъ и называли его тяжелымъ и гордымъ, жестокимъ и высокомѣрнымъ. Нѣкоторые же покушались оклеветать передъ народомъ самую жизнь его“ [1]). Читайте соборное постановленіе—вышеизложенное—и это извѣстіе историка,—и вы убѣдитесь, что здѣсь—у послѣдняго фигурируютъ соборные монахи. Сравниваешь и то и другое—и сказаніе лѣтописца, и постановленіе собора—и въ воображеніи дѣйствительно можетъ рисоваться неприглядная картина изъ этого времени. „Вотъ стадо нищенствующихъ монаховъ, нырявшихъ по закоулкамъ Константинополя, странно одѣтыхъ, съ длинными космами, висѣвшими у нихъ, какъ у философовъ кинической школы, на которыхъ они походили болѣе, нежели на христіанскихъ иноковъ“ [2]). Понятно, что „Златоустъ, уважавшій монашескую жизнь, благоговѣвшій предъ нею и стремившійся осуществить ее даже въ своемъ епископскомъ дворцѣ, желалъ видѣть ее строгою, трудолюбивою и, конечно, ненавидѣлъ этихъ шарлатановъ, которые за нѣсколько оболовъ забавляли площадную чернь, примѣшивая непристойныя шутки къ церковнымъ молитвамъ“ [3]). Святитель обличалъ; монахи не щадили его въ своихъ насмѣшкахъ. И одинъ изъ ихъ настоятелей—Исаакъ съумѣлъ сдѣлаться пугаломъ для прежнихъ епископовъ сатирами, которыми онъ преслѣдовалъ ихъ предъ народомъ. Онъ составилъ себѣ ужасную славу поношеніями новаго архіепископа Св. Іоанна и, оставивъ презрѣнную уличную сцену для сферы болѣе высокой, явился обвинителемъ Златоуста на соборахъ [4]).

Говоря о Константинопольскихъ монахахъ времени Златоуста, мы невольно вспоминаемъ отношеніе къ нему монаховъ въ Кесаріи, изображенное Святителемъ въ одномъ изъ писемъ изгнанія къ св. діакониссѣ Олимпіадѣ. Мы возьмемъ нѣсколько подробностей и эти данныя въ устахъ самого Св. Іоанна уяснятъ намъ еще болѣе нравственное состояніе этого класса людей за время Златоуста и нетолько въ церкви Константинопольской, а даже на всемъ востокѣ. Особенное побужденіе коснуться этого послѣдняго обстоятельства мы находимъ въ томъ соображеніи, что и этотъ фактъ служитъ выраженіемъ ненависти къ Святителю за его слова и святой образъ жизни, служившія обличеніемъ нечестивому монашеству отъ высшихъ до низшихъ чиновъ его. Когда Святитель от-

[1]) Кн. VIII, гл. 9, стр. 566.
[2]) Тьерри, стр. 24.
[3]) Тьери; ibid.
[4]) Ibid.

правлялся въ изгнаніе въ Кукузъ, онъ въ нѣсколькихъ письмахъ описываетъ трогательныя встрѣчи въ пути. „Встрѣчающіеся съ нами на дорогѣ, одни съ Востока, другіе изъ Арменіи, иные и изъ другаго мѣста вселенной, проливаютъ источники слезъ, смотря на насъ и присоединяютъ рыданія; вопль и сѣтованія сопровождаютъ насъ во время всего пути; много сострадающихъ намъ [1]). Толпы мужей и женщинъ высыпаютъ на дорогахъ, на станціяхъ, по городамъ, и смотрятъ на насъ и плачутъ“ [2]). Сочувствію народа не уступаетъ сочувствіе оффиціальныхъ людей. „Воины префекта, вмѣстѣ съ нами уѣзжающіе въ чужія страны, такъ прислуживаютъ, что не позволяютъ намъ нуждаться даже въ слугахъ, исполняя дѣла слугъ“ [5]). Затѣмъ св. изгнанникъ указываетъ превосходнѣйшихъ и славнѣйшихъ врачей, лѣчившихъ его больше своимъ состраданіемъ и расположеніемъ. Описывая встрѣчу въ Кесаріи, Святитель говоритъ: „почти мертвымъ я вошелъ въ городъ. Тогда именно явились весь клиръ, народъ, монашествующіе, монахи, врачи,—я пользовался большимъ ихъ попеченіемъ, такъ какъ всѣ во всемъ намъ, съ своей стороны, услуживали, помогали“. Но послѣ всего этого, такъ трогательнаго вниманія къ великому страдальцу, Св. Іоаннъ описываетъ ужасную сцену разбойническаго нападенія на него шайки перехожихъ монаховъ, которыхъ настроила погубить праведника злоба завистниковъ. „Вдругъ, около разсвѣта“, пишетъ Св. архипастырь—мученикъ, „батальонъ,—ибо такъ должно сказать, и бѣшенство ихъ выразить этимъ словомъ,—монашествующихъ напалъ на домъ, гдѣ были мы, угрожая зажечь его, воспламенить, насъ привести въ крайне бѣдственное состояніе, если мы не уйдемъ... изъ города. И ни страхъ предъ Исаврянами, ни болѣзнь, такъ сильно тѣснившая насъ, ничто не сдѣлало ихъ болѣе гуманными; но они налегали столь великимъ гнѣвомъ—яростію, что и сами преторіанскіе воины устрашились ихъ. Ибо и имъ они угрожали ударами, и хвастались, что уже многихъ преторіанскихъ воиновъ они постыдно избили. Воины преторіанскіе, услышавъ это, убѣжали къ намъ, и увѣщавали, и просили освободить насъ отъ этихъ звѣрей, даже если затѣмъ намъ должно будетъ впасть въ руки Исаврянъ. На слѣдующій день они

[1]) Письм. къ Олимп. стр. 96.
[2]) Ibid., стр. 97.
[3]) Ibid, стр. 99.
[4]) Ibid., стр. 100.
[5]) Ibid., стр. 106.

явились болѣе пепстовые, и никто изъ пресвитеровъ не осмѣлился помочь и заступиться за насъ. Но стыдились и краснѣли отъ стыда, потому что говорили, что это происходило по опредѣленію Фаретрія, епископа Кесаріи“.....

„Въ самый полдень, бросившись въ носилки, я былъ вывозимъ оттуда въ то время, какъ весь народъ рыдалъ, вопилъ, проклиналъ сдѣлавшаго это; всѣ горевали и плакали; нѣкоторые изъ клириковъ, незамѣтно выйдя, провожали насъ, сѣтуя. И когда мы услышали, что нѣкоторые говорили: куда вы отводите его на явную смерть?, то другой изъ тѣхъ [1]),—которые весьма любили насъ, говорили намъ: удались проту тебя, впади въ руки Исаврянъ, только избавься отъ насъ. Ибо, если ты только избѣжалъ нашихъ рукъ, то куда бы ни впалъ, ты впадешь въ безопасное положеніе. Услышавши это и видя, прекрасная Селевкія, благородная жена моего господина Руфина, просила, чтобы я заѣхалъ въ ея загородный домъ. И мы удалились туда. Когда Фаретрій узналъ,—то, какъ она говорила, произнесъ ей много угрозъ. Она гостепріимно приняла меня, управляющему же объявила: если бы нѣкоторые монашествующіе напали на насъ, желая оскорбить насъ или измучить, собралъ бы земледѣльцевъ изъ остальныхъ ея помѣстій и такимъ образомъ приготовился къ бою противъ нихъ. Приглашала же она укрыться и въ ея жилищѣ, имѣвшемъ крѣпость и бывшемъ неприступнымъ, чтобы я могъ избѣжать рукъ епископа и монашествующихъ; но я не соглашался на это“ [2]). Въ полночь монахи напали на домъ, гдѣ спалъ св. изгнанникъ и едва не посягнули на жизнь. „Причина же этихъ страданій, говоритъ Св. Іоаннъ, та, что всѣ знатные почетные люди, весь народъ, ежедневно видѣли меня, услуживали, дорожа мной, какъ свѣтомъ въ очахъ. [3]) Это, я думаю, раздражило Фаретрія; также зависть, выгнавшая насъ изъ Константинополя, не удалилась отъ насъ, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю“ [4]). Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя слово Господне: *се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ*, такъ говоритъ о силѣ проповѣди 12-ти апостоловъ іудеямъ и язычникамъ:—„Это то особенно и достойно всякаго вниманія, что они не убивали, не истребляли тѣхъ, которые

---

[1]) Ibid., стр. 107.

[2]) Ibid., стр. 108.

[3]) «Носили меня на зрачкѣ своихъ глазъ» въ подлинникѣ.

[4]) Ibib., стр. 108.

злоумышляли противъ нихъ; но нашедши ихъ подобными діаволамъ, сдѣлали равными ангеламъ и такимъ образомъ освободили человѣческое естество отъ лютаго владычества; а злобныхъ оныхъ и все возмущающихъ бѣсовъ изгнали съ торжищъ, изъ домовъ и даже изъ самой пустыни. О семъ свидѣтельствуютъ лики монаховъ", торжественно заявлялъ проповѣдникъ—пресвитеръ Антіохійскій, „лики монаховъ, которыхъ они—апостолы, всюду насадили и чрезъ нихъ не только заселенныя, но и необитаемыя мѣста очистили" [1]). Св. Іоаннъ, по искреннему убѣжденію, и не могъ говорить иначе, потому что видѣлъ своими глазами святую жизнь иноковъ горъ Антіохійскихъ. Онъ жилъ ихъ примѣромъ, онъ мыслилъ ихъ сознаніемъ, онъ чувствовалъ себя, какъ они; онъ также самоотверженно служилъ Богу и людямъ, какъ они, онъ молился ихъ словами: „Благословенъ Богъ, — взывалъ тамъ каждый инокъ, готовясь вкусить скудную трапезу,—„благословенъ Богъ, питающій меня отъ юности моей, подающій пищу всякой плоти, исполни радостью и веселіемъ сердца наша, дабы мы, имѣя всякое довольство, избыточествовали во всякомъ дѣлѣ благомъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Тебѣ слава, честь и держава во вѣки. Аминь. Слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Царю, что Ты далъ намъ брашна въ веселіе! Исполни насъ духомъ святымъ, да окажемся предъ Тобою благоугодными и не будемъ постыждены, когда Ты воздашь всякому по дѣломъ его" [2]). Златоустъ, объясняя содержаніе этой молитвы иноковъ, ихъ предстояніе предъ Богомъ, ихъ довольство своимъ положеніемъ, память о судѣ Божіемъ и проч., прибавляетъ: „Видишь, сколько приносятъ намъ пользы сіи странники и пришельцы, пустынножители или, лучше сказать, небожители. Мы странники небесные, а жители земные, они же напротивъ" [3]). По этимъ образамъ жизни иноковъ, — въ виду того, какъ противоположна имъ жизнь Константинопольскихъ монаховъ,— что надобно сказать о нихъ? Намъ думается, не будетъ несправедливо, если мы такъ выразимъ объ этомъ ужасномъ времени упадка въ монашествѣ чистоты и святости нашу откровенную мысль: „Да, настало время, когда принявшіе *ангельскій образъ* [4]) нѣсколько помрачили въ себѣ *образъ Божій*". — Если соединить въ одно цѣ-

---

[2]) Бесѣд. на еванг. Мѳ. т. II, стр. 83.

[2]) Бес. на ев. Мѳ. т. II, стр. 445.

[3]) Ibid., стр. 451.

[4]) Выраженіе Златоуста.

лое всѣ черты, которыми характеризуется у св. Златоуста, историковъ и біографовъ его это Константинопольское монашество, то получается уже полная картина нравовъ этого сословія; и тогда становится вполнѣ понятнымъ и естественнымъ явленіемъ, если изъ ряда этихъ темныхъ личностей могли быть люди „достойные искренняго презрѣнія и отвращенія". „Когда пустынники выходили вонъ и являлись въ городѣ, то Іоаннъ порицалъ и исправлялъ ихъ, замѣчаетъ историкъ,—какъ оскорбителей любомудрія" [1]). Да иначе и быть не могло. Исправлялъ и, надобно прибавить, не имѣлъ никакого успѣха въ своемъ благородномъ трудѣ. Эти „невѣжды" оставались глухи и нѣмы къ слову любви и не хотѣли внимать убѣжденіямъ архипастыря, „не хотѣли учиться истинѣ и добродѣтели". Если изъ этихъ членовъ общества, невысокопробной нравственности самого по себѣ, изъ этого института могли выходить клирики Константинопольскіе, то поведеніе ихъ именно таково и могло и должно быть, каковымъ представляетъ его Св. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ. И что иное могъ замѣтить безпристрастный историкъ въ нравственномъ строѣ ихъ жизни, какъ не то, что клирики корыстолюбивы, жадны, распутны, развращаются богатствомъ, нечестіемъ и нечистыми удовольствіями [2]).

Потемнѣло золото, измѣнилось серебро доброе въ лицѣ преступныхъ клириковъ и нечестивыхъ монаховъ въ Константинопольской церкви! Но *съмя свято* еще оставалось *стояніемъ* христіанскаго *міра* и въ этомъ городѣ—многосуетной столицѣ всего восточнаго міра. Только уже въ сферѣ иной пребывалъ духъ Христовъ, а не среди этихъ оффиціальныхъ служителей Бога и церкви; не среди этихъ обѣтныхъ, рясофорныхъ, мантійныхъ монаховъ, а просто жилъ въ обществѣ добрыхъ благочестивыхъ христіанъ въ церкви Христовой, отличавшихся всѣми качествами истиннаго аскетически—христіанскаго подвига смиренія, терпѣнія, богопреданности и любви, заповѣданной Христомъ. „Человѣкъ духовный", говорилъ Св. Златоустъ съ Константинопольской каѳедры, „хотя бы нападали на него безчисленныя бѣдствія, не падаетъ ни отъ одного изъ нихъ. Пусть нападаютъ на него бѣдность, болѣзнь, обиды, злословія, клеветы, раны всякаго рода, наказанія, всякаго

---

[1]) Біографы неправославные очень ужъ рѣзко проводятъ черныя черты въ жизни монаховъ за періодъ жизни Златоуста и, къ сожалѣнію, извращаютъ истину, что мы въ своемъ мѣстѣ и указываемъ.

[2]) Sosom. кн. VIII, гл. 8, стр. 564.

рода насмѣшки, поношенія и оскорбленія; но, такъ какъ онъ живетъ внѣ міра и свободенъ отъ тѣлесныхъ страстей, то онъ надъ всѣмъ будетъ смѣяться. А что это не хвастовство, то могу я представить и теперь множество примѣровъ, именно изъ людей, удалившихся въ пустыни. Но это, скажешь, нисколько не удивительно. Тогда я скажу, что такіе мужи есть и въ городахъ, хотя ты и не подозрѣваешь ихъ существованія [1]). Ибо и въ городѣ живущій можетъ подражать любомудрію пустынножителей: и женатый, и семейный можетъ и молиться, и поститься, и приходить въ умиленіе. Ибо и тѣ, которые въ началѣ были обращены самими апостолами, жили въ городахъ, а являли благочестіе свойственное пустынно-жителямъ“ [2]).

ГЛАВА III-я.

Общество.

Такъ немного времени пребывалъ Св. Іоаннъ Златоустъ на Константинопольской каѳедрѣ: 26 февраля 398 года онъ былъ поставленъ въ епископскій санъ; а 20 іюня 404 года былъ сосланъ въ изгнаніе [3]). Да и весь этотъ краткій періодъ времени въ большинствѣ прошелъ, во-первыхъ, въ заботахъ по патріархату церкви апостольской, а, во-вторыхъ, въ волненіяхъ, и, наконецъ, въ заботахъ прямо епархіальнаго управленія клиромъ и паствой. Много ли времени имѣлъ Святитель для свободной бесѣды съ народомъ, чтобы учить его вѣрѣ и благочестію? Если церковь имѣетъ за это время бесѣды его: на Дѣянія апостольскія и посланія: къ Колоссаямъ, къ Солунянамъ и къ Евреямъ, да нѣсколько отдѣльныхъ бесѣдъ (30—40),—если взять сюда нѣкоторыя изъ бесѣдъ, написанныхъ у Миня въ ряду „неизвѣстно гдѣ произнесенныхъ“ и если бы положительно было извѣстно, что Святитель больше не сказалъ въ Константинополѣ ни одного слова,—то и тогда надобно бы удивляться: когда и какъ онъ нашелъ время и возможность говорить столько, сколько онъ сказалъ! Но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ періодомъ жизни и дѣятельности Св. Іоанна въ Антіохіи, здѣсь, въ Константинополѣ онъ говорилъ мало. Тамъ онъ былъ въ санѣ пресвитера—исключительно проповѣдникомъ. И это-

---

[1]) Бес. на посл. къ Евр. стр. 530.

[2]) Бес. на Мѳ. т. II, стр. 452.

[3]) Минь indet т. XIII.

му святому и всей душой любимому имъ дѣлу онъ отдавался всѣмъ сердцемъ и имѣлъ, конечно, полную возможность для всецѣлаго посвященія себя этому труду исключительно. Не то—въ Константинополѣ. Здѣсь онъ чуть не годъ не видѣлъ своей паствы. Тамъ только одна болѣзнь могла удержать его отъ служенія слову; здѣсь препятствій было множество. Все это мы говоримъ потому, что Св. Златоустъ въ своихъ твореніяхъ за Константинопольскій періодъ представляетъ намъ, конечно, меньше данныхъ для ознакомленія съ различными сторонами церковной жизни Константинопольскаго общества. Подробное изученіе этихъ твореній все таки въ свою очередь дастъ возможность видѣть и по этимъ немногимъ нашимъ источникамъ нравственное состояніе того общества, которое представляло собою обширную паству Святителя. Но прежде чѣмъ мы обратимся къ изслѣдованію по нашимъ источникамъ нравственнаго состоянія общества Константинопольскаго, еще разъ обратимся къ историческому указанію о началѣ—основаніи Константинополя, чтобы видѣть, кто и что представляли собою его обитатели.—Когда Константинъ столицею своею избралъ древнюю Византію,—говоритъ Вейсъ [1]),—городъ этотъ находился въ бѣдственномъ состояніи. Большая часть зданій и крѣпостныхъ сооруженій была срыта и жители, нѣкогда богатые, были изнурены самими тяжкими контрибуціями. При торжественномъ вступленіи побѣдителя въ Византію городъ представлялъ видъ разореннаго, открытаго мѣста, отличавшагося только положеніемъ своимъ, чрезвычайно выгоднымъ для торговли. Опустошеніе мѣста соотвѣтствовало, между прочимъ, будущимъ планамъ императора. Порвавъ, такъ сказать, всякую связь съ римскимъ язычествомъ и признавъ христіанство государственной религіей, Константинъ, естественно, долженъ былъ съ самаго начала имѣть въ виду придать собственной своей столицѣ характеръ, соотвѣтствовавшій новому положенію вещей; но этого нельзя было достигнуть, не перестраивая ее съ самаго основанія [2]). Да проститъ намъ благосклонный читатель нѣкоторыя подробности! Вскорѣ по окончаніи войны, царь въ собственномъ смыслѣ положилъ основаніе новому городу. Опредѣливъ протяженіе будущаго города, царь явно обнаружилъ намѣреніе сдѣлать его величайшимъ во всей имперіи. Дабы въ возможно короткое время осуществить задуманный имъ обширный планъ, клонившійся отча-

[1]) Внѣш. быт. нар. т. II, ч 1.
[2]) Ibid., стр. 36.

сти и къ тому, чтобы затмить блескъ древняго Рима, онъ неустанно заботился объ украшеніи города великолѣпными строеніями и различными мелкими художественными произведеніями, которыя по большей части привозились изъ Рима. Потомъ, прибавляетъ изслѣдователь „быта Византіи и востока“, дабы ускорить заселеніе города, онъ—царь—даровалъ отчасти нѣкоторыя льготы переселенцамъ, отчасти производилъ насильственныя переселенія. Такимъ образомъ ему удалось въ чрезвычайно короткое время сдѣлать Византію богатымъ и оживленнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ интересы, которые дотолѣ почти исключительно привлекалъ къ себѣ Римъ [1]). И такъ Константинополь со дня, такъ сказать, своего основанія сталъ городомъ многолюднымъ, богатымъ и столицей имперіи. Всѣ эти обстоятельства въ нѣкоторой мѣрѣ обусловливаютъ собой возможность, если не необходимость, извѣстнаго нравственнаго настроенія общества. Не забудемъ, что это было въ началѣ IV в.; что христіанство только что становилось господствующей религіей; что это время было временемъ не только колебанія, на какую сторону склониться человѣку своимъ сердцемъ—къ христіанству или язычеству,—оффиціальное принятіе вѣровапія не то, что свободное избраніе религіи,—это было время прямо борьбы языческихъ преданій противъ новаго порядка. Императоръ Константинъ Великій, хотя по собственному побужденію возвелъ христіанство на степень государственной религіи и сталъ защитникомъ ея, замѣчаетъ Вейсъ [2]), тѣмъ не менѣе онъ оставилъ и языческому культу его права и на высшія и почетнѣйшія должности въ государствѣ назначалъ безразлично, какъ послѣдователей христіанскаго ученія, такъ и язычниковъ изъ римлянъ. Такимъ образомъ и при немъ въ Византіи, дополняетъ Вейсъ, продолжались публичныя зрѣлища, коими въ Римѣ правительство потѣшало преимущественно праздный народъ (за исключеніемъ однако гладіаторскихъ игръ и, конечно, въ такой мѣрѣ, какую допускало христіанское воззрѣніе [3]). Прошло 3/4 вѣка ко времени появленія Златоуста на каѳедрѣ Константинопольской; языческіе элементы въ религіозной жизни много уступили христіанскому вліянію; но и здѣсь, какъ послѣ увидимъ, не исчезли совсѣмъ; тѣмъ болѣе нельзя предполагать, чтобы это вліяніе языческихъ воззрѣній могло выбыть изъ

[1]) Ibid., стр. 37.
[2]) Ibid., стр. 37.
[3]) Ibid., стр. 37.

строя нравственной жизни за такой періодъ времени, когда въ той и другой сферѣ—и религіозной и нравственной—вліяніе язычества способно держаться въ народѣ цѣлый рядъ вѣковъ.

Если вліяніе язычества первоначально привнесло въ Константинополь,—этотъ городъ чисто христіанскій съ самаго основанія своего по мысли императора, — цирки, театръ и тому подобныя увеселительныя учрежденія; то богатство знатныхъ, чиновныхъ поселенцевъ принесло съ собой роскошь и пышность жизни. А необходимое многолюдство массы низшаго народонаселенія сразу установило неизбѣжную разность богатства и бѣдности и всевозможныя худыя и добрыя взаимоотношенія. Все это въ совокупности взятое даетъ въ итогѣ извѣстный обликъ нравственнаго состоянія общества.

Съ чего мы начнемъ наше обозрѣніе нравственнаго состоянія этого общества за время Златоуста? Сторонъ жизни этого общества такъ много.—Для рѣшенія этого вопроса обратимъ вниманіе: на чемъ было сосредоточено вниманіе самого св. Іоанна Златоуста въ день его вступленія на Константинопольскую каѳедру? Церковь и наука не имѣютъ перваго слова Златоуста при вступленіи на паству въ Константинополѣ; но содержаніе его самъ св. Іоаннъ указываетъ во второмъ своемъ словѣ [1]). Изъ этого второго слова видно, на чемъ было сосредоточено вниманіе святителя въ первый день его архипастырства. Тема [2]) этого слова была: какими оружіями надобно пизлагать *всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4). „Откуда намъ начать рѣчь?—взывалъ святитель на второй день своего архіерейства,—откуда хотите, изъ новаго или ветхаго завѣта, ибо не только въ евангельскихъ и апостольскихъ изреченіяхъ, но и въ пророческихъ и во всемъ ветхомъ завѣтѣ можно видѣть *славу Единороднаго*, сіяющаго великою славою [3]).

Догматизмъ всегда былъ у св. Іоанна Златоуста на первомъ планѣ, — доказательство: всѣ его творенія. Но въ тѣхъ же бесѣдахъ и словахъ, гдѣ излагается догматическое ученіе вѣры, можно находить и ученіе нравственное и даже настолько, что, напр., при объясненіи Св. Писанія, св. Іоаннъ какъ разъ половину своего труда посвящалъ нравственному ученію. Вслѣдствіе этого являлись бесѣды св. Іоанна Златоустаго непремѣнно съ раздѣленіемъ: то

---

[1]) Бес. II-я противъ Аном.

[2]) Слова и бес. на разн. случ., т. I стр. 550.

[3]) Ibid.

бесѣда; а то—нравоученіе при ней. Таковы изданія бесѣдъ св. Златоуста на славянскомъ языкѣ: на евангеліе отъ Матѳ., на 14-ть посланій ап. Павла, и другія. Рѣдко можно встрѣтить бесѣду, чтобы она имѣла исключительнымъ своимъ содержаніемъ одно догматическое ученіе, какъ напр., слово на текстъ: *Отче Мой, аще возможно есть*. Св. Іоаннъ Златоустъ—проповѣдникъ любви. Основаніе ученія вѣры — любовь Бога къ человѣку, спасающая грѣшниковъ, любовь человѣка къ Богу и ближнему, — начало и конецъ, корень и верхъ, полнота и содержаніе ученія благочестія, альфа и омега добродѣтели. На любви Божіей къ людямъ, на любви людей къ Богу сосредоточено все вниманіе святителя въ его бесѣдахъ и поэтому, говоря о преимущественномъ содержаніи бесѣдъ св. Іоанна, можно сказать, что всегда въ нихъ есть и то и другое,—и догматъ, и нравоученіе. И это свидѣтельство бесѣдъ Златоуста даетъ полную возможность составить понятіе о религіозномъ и нравственномъ состояніи общества, съ которымъ онъ бесѣдовалъ. О послѣднемъ, т. е. нравственномъ состояніи общества, по нашему мнѣнію, творенія св. Златоуста даютъ даже болѣе полныя свѣдѣнія. Насколько это вѣроятно, мы приведемъ, какъ свидѣтельство, одинъ замѣчательный взглядъ на Златоуста, какъ проповѣдника нравственныхъ христіанскихъ началъ, помѣщенный въ нашемъ русскомъ ученомъ духовномъ журналѣ. — „Съ именемъ Златоуста исторія соединяетъ представленіе о неутомимомъ и энергическомъ дѣятелѣ въ области нравственнаго воспитанія современнаго ему общества. Его пастырская дѣятельность относится къ той замѣчательной порѣ въ исторіи христіанства, когда оно, переживъ долгій періодъ гнета и преслѣдованій со стороны правительства, стало, наконецъ, лицомъ къ лицу съ тогдашнимъ языческимъ обществомъ и вступило въ открытую борьбу со всѣмъ строемъ тогдашней общественной жизни. Теперь оно направило свои силы на его внутреннюю бытовую сторону, стараясь преобразовать нравы, обычаи и понятія языческія и внести въ жизнь массы идеалы и правила христіанскіе. Златоустъ преимущественно дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ, и вотъ причина, почему въ сочиненіяхъ его сохранилось такъ много данныхъ для характеристики тогдашняго общества. Ни одинъ изъ древнихъ проповѣдниковъ не развивалъ съ такимъ постоянствомъ и энергіей идеалъ практическаго христіанства, ни одинъ такъ глубоко и настойчиво не проводилъ этого идеала въ сознаніе своихъ современниковъ, какъ Златоустъ. Чутко прислушивались проповѣдники къ голосу времени и отзывались на его

вопросы; но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такою способностью схватывать современныя практическія отношенія, осмысливать ихъ, соображать ихъ съ требованіями христіанской морали и, наконецъ, примѣнять послѣднія къ условіямъ вседневной жизни, какъ Златоустъ“ [1]).

Обращаясь къ епископскимъ твореніямъ св. Іоанна Златоуста, мы ознакомились съ нравственнымъ состояніемъ клира и монашества. Изслѣдуемъ теперь по этимъ же источникамъ, каково было нравственное состояніе самого общества Константинопольскаго, среди котораго вращались клирики и монахи и съ которымъ бесѣдовалъ самъ св. Іоаннъ.

Св. Іоаннъ зналъ уклоненіе христіанъ отъ истиннаго ученія вѣры и тотчасъ, какъ только принялъ жезлъ правленія въ Константинопольской церкви, онъ заявилъ съ церковной каѳедры: „жестокій пламень ересей угрожаетъ, окружаетъ со всѣхъ сторонъ“ [2]). Скоро присмотрѣлся св. архипастырь и къ жизни своей паствы, быстро уяснилъ себѣ ея настроеніе и нашелъ, что здѣсь „*оскудѣ преподобный*“ (Пс. XI, 2), что здѣсь не только *умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ,* а и болѣе, даже *изсякла любы многихъ.* И вотъ проповѣдникъ любви вооружается всей силой ревности противъ нарушителей правды и законовъ любви. Въ томъ же году, когда св. Іоаннъ сталъ архіереемъ, онъ обличилъ беззаконныхъ клириковъ и дѣвственницъ за ихъ соблазнительное сожительство, ибо въ этомъ взаимообщеніи находилъ нарушеніе любви: „поэтому кто полюбитъ распутную женщину,—говорилъ св. Златоустъ,—тотъ будетъ стараться удалять ее отъ другихъ мужчинъ и самъ будетъ удерживаться отъ грѣха съ нею: поэтому только тому, кто весьма ненавидитъ блудницу, свойственно творить блудъ съ нею, а поистинѣ любящему ее—отклонять ее отъ этого постыднаго дѣла“ [3]). Въ томъ же году, какъ вошелъ на каѳедру Константинопольскую св. Златоустъ, онъ всей силой своего могучаго слова началъ обличать роскошь и пышность жизни сильныхъ и богатыхъ міра сего, проникая мыслію въ тайныя помыслы ихъ душъ и уясняя себѣ ихъ преступныя сокровеннѣйшія дѣянія. Въ ихъ жизни, въ ихъ дѣятельности, въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ проповѣдникъ любви находитъ опять: или уже очень легкую возможность нарушенія

---

[1]) Прав. Обозр. 1873 г. 2-е п. стр. 183.

[2]) Слова и бес. на разн. случ. т. I, стр. 549.

[3]) Бес. на посл. къ Ефес., стр. 73.

законовъ правды божеской и человѣческой, или прямо полное оскудѣніе любви [1]). „*Горе лежащимъ на постеляхъ слоновыхъ, горе спящимъ на одрахъ слоновыхъ, піющимъ процѣженное вино и первыми вонями мажущимся*“ (Амос. VI, 4–5),—сказалъ св. Іоаннъ въ концѣ 398 года, приступивши къ бесѣдамъ на посл. ап. Павла къ Колоссянамъ и прибавилъ: „это сказано намъ не просто, но съ тѣмъ, чтобы вы измѣнили свои помыслы и не дѣлали ничего неполезнаго“ [2]). Въ первой же бесѣдѣ на посланіе къ Колоссаямъ, св. Златоустъ, показывая, какъ любовь духовная между людьми выше всякой другой любви, обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на роскошь трапезы богачей. Онъ „на трапезѣ богатыхъ указываетъ всѣ сосуды изъ серебра и золота, а полукруглый столъ будетъ такой, что одному нельзя будетъ и нести его, но который могутъ едва нести два прислужника; фіалъ вызолоченный, вѣсомъ въ полталанта,—такой, что съ трудомъ могли несть его два юноши; цѣлый рядъ амфоръ блестящихъ не серебромъ, но гораздо лучше—золотомъ. Здѣсь стоитъ много слугъ, разукрашенныхъ нарядами, которые блистательно одѣты, въ штиблетахъ, прекрасные видомъ, полные и тучные тѣломъ и множество дорогихъ яствъ [3]), флейты, цитры и свирѣли [4]). Потомъ указываетъ преступность этого рода грубой роскоши. Подъ игру лидійскаго торбана воспѣваются пѣсни демонамъ [5]). Тамъ необузданное удовольствіе, громкій хохотъ, пьянство, срамословіе, а если сами они—возлежащіе—стыдятся произносить постыдное, то это бываетъ черезъ блудницъ [6]). Домъ твой сдѣлался блудилищемъ, бѣшенствомъ, неистовствомъ“ [7]). Потомъ проповѣдникъ указываетъ слушателямъ то „уродство“, какое бываетъ послѣ роскошнаго стола отъ пресыщенія и пьянства, которыми эти несчастные наслаждаются подобно свиньямъ, валяющимся въ грязи [8]). Обращаясь къ душѣ богачей, такъ пошло роскошествующихъ, св. Іоаннъ говоритъ, что „зовущаго на эту трапезу вооружаетъ тщеславіе и жестокость въ связи съ несправедливостью и любостяжаніемъ, — оканчивается эта трапеза над-

---

[1]) Ibid., стр. 21.
[2]) Ibid., стр. 10.
[3]) Стр. 13.
[4]) „ 18.
[5]) Ibid.
[6]) „ стр. 20.
[7]) „ стр. 19,
[1]) Стр. 19.

менностью, изступленіемъ, неистовствомъ“ [1]). Наглядно характеризуетъ св. Златоустъ поведеніе богачей въ храмѣ и душевное настроеніе ихъ, происходящее отъ роскоши въ одеждахъ, что думаютъ, чувствуютъ эти люди. Кажется, проповѣдникъ изображаетъ среду, существовавшую въ массѣ, представляетъ типъ богатой купчихи, богатаго купца, или средней руки помѣщика. Но вотъ самый текстъ рѣчи святителя. „Надобно повсюду истребить страсть къ богатству... Смотри, какъ входитъ сюда богатый мужчина или богатая женщина? не заботится о томъ, чтобы слушать слово Божіе, а о томъ, чтобы показать себя, чтобы съ величавостію и великою гордостью занять здѣсь мѣсто, чтобы превзойти всѣхъ прочихъ великолѣпіемъ одежды и равно своей наружностью, какъ и взглядомъ и поступью, возбудить въ другихъ большее къ себѣ уваженіе и вся забота ея—женщины—и попеченіе состоитъ въ томъ: видѣла ли ее такая то? удивлялась ли ей она? Хорошо ли она одѣлась? Впрочемъ, не объ этомъ только она имѣетъ попеченіе, но еще о томъ, какъ бы не измялось, какъ бы не разорвалось ея платье? И въ томъ только и состоитъ вся ея забота. Подобнымъ образомъ входитъ и богатый мужчина, имѣя намѣреніе показать себя бѣдняку, привести его въ страхъ богатствомъ своихъ одеждъ и тѣмъ, что онъ имѣетъ множество слугъ и тѣ стоятъ около него, отгоняя толпу. Самъ онъ по чрезмѣрной гордости не благоволитъ сдѣлать этого, но до такой степени считаетъ дѣло недостойнымъ свободнаго человѣка. Потомъ, когда онъ сядетъ, тотчасъ имъ овладѣваютъ заботы о домѣ, развлекая его вниманіе во всѣ стороны; его охватываетъ гордость, поработившая его душу. Онъ думаетъ, что оказалъ милость и намъ и народу и, можетъ быть, самому Богу тѣмъ, что вошелъ въ храмъ Божій“. Еще рельефнѣе изображаетъ Св. Іоаннъ Златоустъ утонченную роскошь, царившую въ это время въ Константинополѣ. ‹Надъ родомъ человѣческимъ болѣе всего владычествуетъ любостяжаніе, невоздержаніе и злая похоть›, говоритъ Святитель [2]) и подробно указываетъ владычество этихъ грѣховъ въ Константинопольскомъ обществѣ. „Когда ты слишкомъ украшаешься, жена, тогда бываешь постыднѣе обнаженной, потому что снимаешь съ себя благоприличіе, надѣвъ на себя принадлежности щегольства; потому что роскошная одежда

[1]) Стр. 20.
[2]) Ibid., стр. 551.
[3]) Ibid., стр. 169.
[4]) Ibid , стр. 168.

не въ состояніи показать благообразія. Спрашиваю: если бы ты надѣла когда нибудь принадлежности пѣвицы или танцовщицы, не стыдно ли было бы тебѣ? Хотя эти одежды и золотыя, но оттого то тебѣ и стыдно, что золотыя, ибо сценическая роскошь приличествуетъ трагикамъ, комикамъ, мимикамъ, танцовщикамъ и гладіаторамъ, а женѣ вѣрной дана отъ Бога иная одежда [1]). Хочешь ли казаться прекрасною и благопристойною? довольствуйся тѣмъ образомъ, какой далъ тебѣ Творецъ. Что привѣшиваешь золото, какъ бы поправляя образъ Божій? Хочешь ли казаться благопристойною? облекись въ милосердіе, облекись въ человѣколюбіе, облекись въ цѣломудріе, въ смиреніе [2]). Скажи мнѣ: для чего ты украшаешься? Чтобы нравиться мужу? Такъ дѣлай это дома. А здѣсь выходитъ напротивъ. Если хочешь нравиться своему мужу, не нравься другимъ. Итакъ, выходя на площадь или вступая въ церковь, ты должна отложить всякое житейское попеченіе [3]). Это сказано мной,—прибавляетъ Златоустъ,—съ цѣлью показать, что щегольство и само по себѣ есть великое зло, хотя бы изъ него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себѣ безопасно; но оно располагаетъ къ тщеславію и надмѣнію, а потомъ изъ прикрасъ раждается и многое другое — явныя подозрѣнія, неблаговременныя издержки, поводы къ лихоимству“ [4]). Во многихъ бесѣдахъ Златоустъ рисуетъ картину изысканной роскоши; выводитъ наружу весь бытъ тогдашней аристократіи съ самой темной возмутительной стороны. „Тебѣ сильно хочется удовольствій?“—говоритъ онъ; „тебѣ желательно носить тонкое платье? Ты хочешь носить золотыя украшенія? Ты захотѣла убирать свои волосы и казаться красавицей? Хочешь подкрашивать себя притираніями, румянами и еще чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ? [5]). Послушай словъ Павловыхъ! [6]). Вспомни узы Павловы! [7]). Сама царица, вся покрытая золотомъ, не можетъ привлечь къ себѣ болѣе зрителей. Если бы случилось въ одно и то же время войти въ церковь и Павлу въ узахъ и царицѣ,—всѣ направили бы свои очи отъ послѣдней на перваго. Да такъ и слѣдовало бы! Потому что, при взглядѣ на мужа, стоящаго выше человѣческой природы, можно находить болѣе достойнаго удивленія, чѣмъ при видѣ наряженной

[1]) Ibid. стр. 169.
[2]) „ стр. 168.
[3]) „ стр. 170.
[4]) „ „ „
[5], [6], [7]) Ibid. стр. 196.

женщины. Послѣднюю можно видѣть въ театрахъ и въ торжественныхъ собраніяхъ, и въ баняхъ и въ другихъ мѣстахъ [1]). И въ чемъ грѣховность этихъ нарядовъ? Душа, которой тѣло увѣшано драгоцѣниостями, — отвѣчаетъ св. Іоаннъ, — наблюдаетъ, кто смотритъ на нихъ, кто не смотритъ и, наблюдая это, исполняется надменіемъ, обнаруживаетъ заботу и волнуется множествомъ другихъ чувствъ“ [2]). Вообще всякая пышность и роскошь, все, что поражало блескомъ и великолѣпіемъ, было страстью Византіи въ это время и глубоко вошло во вкусъ и нравы ея избалованнаго и тщеславнаго населенія [3]). „Императоръ, — говоритъ св. Златоустъ, — носитъ на головѣ либо діадему, либо золотую корону, украшенную драгоцѣнными камнями. Обѣ эти регаліи, какъ и пурпуровыя облаченія предоставлены только единственно его священной особѣ. На шелковомъ одѣяніи вытканы изображенія драконовъ. Его тронъ изъ массивнаго золота. Всякій разъ, когда онъ является народу, его сопровождаютъ придворные чины, тѣлохранители и слуги. Копья, и латы, и щиты ихъ, равно и узды, и покрывала на лошадяхъ или сплошь золотыя, или кажутся таковыми и широкія блестящія выпуклины посреди щитовъ окружены меньшими выпуклостями, каждая въ видѣ человѣческаго глаза. Пара отборныхъ лошаковъ, запряженныхъ въ императорскую колесницу, бѣлаго цвѣта безъ отмѣтинъ и покрыты золотой парчей. Колесница, сдѣланная вся изъ чистаго золота, возбуждаетъ удивленіе толпы, созерцающей съ изумленіемъ пурпуровыя завѣски, бѣлый коверъ, драгоцѣнные камни и золотыя бляхи, сверкающія яркимъ блескомъ отъ сотрясенія во время ѣзды“. Мы отмѣчаемъ эти подробности, сообщаемыя св. Златоустомъ, потому, что онѣ своимъ появленіемъ при Византійскомъ дворѣ и своимъ первоначальнымъ существованіемъ составляютъ принадлежность времени Златоуста. Послѣ Константина Великаго возобновителемъ придворной пышности считаютъ Ѳеодосія I-го и особенно Аркадія, при которомъ святительствовалъ Іоаннъ Златоустъ [4]). Въ царствованіе императора Аркадія, при установленіи чисто серальнаго правленія подъ руководствомъ женщинъ и евнуховъ, придворное великолѣпіе дошло до

---

[1]) Ibid., стр. 166

[2]) » стр. 167.

[3]) Прав. Обозр. 1873 г. 2-е полуг. стр. 824.

[4]) Подробности можно читать у Вейса «Внѣшній бытъ народовъ» т. II, ч. 1, стр. 67—68.

небывалаго возрастанія [1]). Византія приняла характеръ чисто азіатскаго государства [2]), — императоры являлись во всемъ блескѣ восточныхъ владыкъ. Пурпуровыя ткани самаго дорогого матеріала и прихотливаго рисунка шли, главнымъ образомъ, на императорскій гардеробъ. Страсть къ роскоши ввела употребленіе этого крайне дорогого матеріала и прихотливаго рисунка и между богатыми классами. И чтобы положить конецъ этому мотовству, императоры вынуждены были даже издавать эдикты, запрещавшіе употребленіе лучшаго сорта порфиры [3]), которая оставалась, такимъ образомъ, привиллегіей императора. Такъ поступали Валентиніанъ, Граціанъ и Θеодосій [4]). Но если предположить, что кромѣ царствующаго дома никто изъ византійцевъ не носилъ никакого пурпура, то употребляли другія также дорогія ткани, каковы: шелкъ и бархатъ. Если уже св. Златоустъ видѣлъ эту роскошь въ Антіохіи, то здѣсь она должна была имѣть большее развитіе — это у насъ и замѣчено въ исторіи Антіохійской церкви. При слабомъ развитіи мануфактурной промышленности въ имперіи, эти дорогіе предметы,—шелкъ и бархатъ,—шли изъ Египта, Индіи и другихъ промышленныхъ странъ, съ которыми тогдашняя Византія поддерживала постоянныя сношенія. Этимъ, между прочимъ, и объясняется крайняя дороговизна шелковыхъ матерій, доставлявшихся сюда изъ дальнихъ концовъ міра и цѣнившихся очень высоко въ мѣстѣ ихъ производства [5]). Роскошь Константинопольцевъ времени Златоуста не ограничивалась изысканностью пировъ, одежды, домовъ и вообще украшеній. Она переходила всякіе предѣлы изящества [6]). „Богатство, — говоритъ имъ Златоустъ, — доводитъ людей до безумія: разсказываютъ, что какой-то царь до того обезумѣлъ отъ роскоши, что приказалъ сдѣлать изъ золота платановое дерево [7]). Чѣмъ, скажи мнѣ, отличаются по безумію отъ золотого платана тѣ, которые дѣлаютъ золотые кувшины, горшки и сосуды? Чѣмъ отличаются отъ него тѣ женщины, которыя,—стыдно, а необходимо

---

[1]) Вейсъ, указ. соч. стр. 40.

[2]) Ibid., стр. 37.

[3]) Запрещеніе касалось,—говоритъ Вейсъ,—книга его уже цитована,—двухъ самыхъ дорогихъ сортовъ пурпура: Тирскаго—дважды крашенаго пурпура «іантинтинскаго, гіацинтоваго», Аметистоваго и, можетъ быть, еще поддѣльныхъ сортовъ пурпура, до обманчивости сходствовавшихъ съ настоящими (стр. 51).

[4]) Вейсъ, ibid, Прав. Обозр. 1873 г. 2 пол. стр. 827.

[5]) Тамъ-же, стр. 825.

[6]) Бесѣд. на посл. къ Кол. стр. 115.

сказать,—дѣлаютъ серебряные ночные горшки? И блюда серебряныя имѣть несвойственно душѣ любомудрой,—а все серебряное—это роскошь,—изъ серебра дѣлать нечистые горшки—развѣ это не роскошь [1])? Не довольно ли того, что другія вещи изъ серебра, хотя и это несносно: сѣдалище, подножія—все изъ серебра! Но вездѣ чрезмѣрная пышность и тщеславіе,—ничѣмъ не наблюдается мѣра надобности, вездѣ излишество [2]). Изверженія свои ты такъ почитаешь, что собираешь ихъ въ серебро! Знаю, что вы приходите въ ужасъ отъ моихъ словъ; но должны ужасаться жены, которыя такъ дѣлаютъ и мужья, которые потворствуютъ такимъ недугамъ. Это необузданность, свирѣпость, безчеловѣчіе, звѣрство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой драконъ, или лучше, какой демонъ, какой дьяволъ сталъ бы такъ поступать? Если голову не должно украшать золотомъ и камнями, то можетъ ли ожидать прощенія тотъ, кто употребляетъ серебро на такія грязныя надобности“ [3]). „Я опасаюсь,—продолжаетъ св. обличитель,—чтобы женщины, продолжая такое сумашествіе, не сдѣлались похожими на чудовищъ! Ибо можно ожидать, что они захотятъ имѣть и волоса золотые. Если вы позволяете себѣ поступать болѣе нелѣпо, то я очень могу думать, что такія женшины захотятъ имѣть золотые и волосы, и губы, и брови и всѣ члены обмазать растопленнымъ золотомъ. Если вы этому не вѣрите и думаете, что я шутя говорю это, то разскажу вамъ, что я слышалъ, что даже и теперь есть. У персидскаго царя золотая борода; искусные слуги вплетаютъ въ волоса ея, какъ въ утокъ, золотыя пластинки [4]). Я увѣщаваю и приказываю: эти украшенія для лицъ и эти сосуды сокрушать и раздать бѣднымъ и не безумствовать такъ [5]). Приказываю и объявляю: кто хочетъ, пусть слушаетъ, кто не хочетъ, пусть не исполняетъ [6]). Пусть кто хочетъ, идетъ отъ меня; кто хочетъ, осуждаетъ,—я ни кому не буду поблажать [7]). Если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю болѣе, я не приму васъ, не позволю переступить этотъ порогъ... [8]). Когда будутъ судить меня передъ

---

[1]) Ibid. стр, 116.
[2]) » стр. 118.
[3]) » стр. 117.
[4]) » стр. 118.
[5]) » стр. 119.
[6]) » стр. 118.
[7]) » стр. 119.
[8]) » стр. 118.

престоломъ Христовымъ, вы будете стоять въ сторонѣ, ваша любовь не поможетъ мнѣ, когда я буду давать отчетъ“ [1]). Обличенія святителя попадали прямо въ цѣль. Эти дорогія притиранія на лицѣ, эти разнообразныя румяны, эти пышные наряды изъ тонкой матеріи, эти роскошно убранные волосы на головѣ, все это сейчасъ, когда возсѣдалъ архіерей-проповѣдникъ на своей проповѣднической каѳедрѣ, все это было передъ его глазами. Эта разряженная женщина тутъ была и своими ушами слышала слово обличенія и издѣвалась надъ нимъ, такъ что св. архіепископъ замѣтилъ ей: „ты слишкомъ развеселилась, расхохоталась [2]). Приведи себѣ на мысль рыданія Павла“ [3]). Это была нѣкая Евграфія, богатая придворная дама [4]).

Но здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ прямой цѣли нашего изслѣдованія. Необходимо выяснить, какое значеніе имѣли всѣ эти средства для возвышенія красоты для женщинъ этого времени вообще, для придворныхъ женщинъ въ частности и особенно для этой Евграфіи, съ которой такъ подробно знакомитъ насъ Палладій, другъ Златоуста. Потомъ: въ чемъ выражалась эта роскошь украшеній? Тогда будетъ понятно, почему такъ ревностно возставалъ св. Іоаннъ, и такъ грозно обличалъ, и такъ искренно желалъ искоренить этотъ обычай, какъ порокъ, какъ преступленіе. Мы знаемъ, что царствованіе императора Аркадія отличалось по внѣшности пышностью, великолѣпіемъ, изысканностью въ придворной жизни. Роскошь, возможная для женщинъ, съ особенной силой отразила свое вліяніе на царицѣ,—Златоустъ указывалъ на нее, какъ мы видѣли, что она ходила вся въ золотѣ, — и за ней на придворныхъ дамахъ и всобще на тогдашней женщинѣ во всѣхъ сферахъ, проникало ея вліяніе во всѣ слои общества отъ высшихъ до низшихъ, отъ богатыхъ до бѣдныхъ, кто и насколько могъ подчиняться произволу этой властительницы.

Въ блестящей свитѣ Евдоксіи выдѣлялись особенно три женщины. Эти придворныя дамы вели самую свободную жизнь, отличались кокетствомъ и эксцентричностью своихъ нарядовъ. Особенно выдавалась въ этомъ отношеніи Евграфія. Уже не молодая женщина и вдова, она прибѣгала къ самымъ изысканнымъ средствамъ для поддержанія своей увядающей красоты. Въ эксцентричномъ

[1]) Ibid. стр. 119.

[2]) Бесѣд. на посл. къ Кол. стр. 198.

[3]) Ibid.

[4]) Pall. p. 27.

костюмѣ со всѣми затѣями искусственной красоты появлялась она въ церкви на галлереѣ верхняго яруса, гдѣ имѣли обыкновеніе становиться лица женскаго пола, на высотѣ, равной проповѣдни-ческой каѳедрѣ. Златоусту такъ удобно было видѣть при свобод-ной импровизаціи его слова, обращая, когда надобно было, прямо къ нимъ свою проповѣдь, на нихъ останавливать свой проница-тельный взглядъ. И вотъ дерзкая нарушительница апостольской заповѣди о женахъ въ церкви Евграфія подверглась громовому об-личенію св. архіепископа, хотя въ общей проповѣди всѣмъ жен-щинамъ, но намекъ былъ слишкомъ прозраченъ; всѣ видѣли и зна-ли, что если къ кому, то къ ней, франтихѣ, слово Златоуста от-носилось преимущественно. Златоустъ прямо преслѣдовалъ ея ко-кетство и не щадилъ въ ней страсть къ нарядамъ. Златоустъ вхо-дилъ въ частныя жилища учить честной жизни женщинъ, — гово-ритъ Палладій, — которыя въ томъ нуждались, въ особенности же тѣхъ, которыя, будучи старыми, старались дѣлать все, чтобы ка-заться молодыми [1]).

Еще за время св. Григорія Богослова въ Константинополѣ существовала мода на притиранья и румяны, на наряды и убран-ство головы. Но тогда это было достояніемъ преимущественно пѣ-вицъ, танцовщицъ, актрисъ, хотя мода начала проникать и въ выс-шіе слои общества. А во время Златоуста эта мода стала достоя-ніемъ уже преимущественно класса высшаго — женщинъ придвор-наго кружка, которыя и предавались ей всей душой.—Св. Григо-рій Богословъ, изображая нравственныя достоинства сестры своей Горгоніи, въ похвальномъ словѣ ей, въ подробностяхъ представля-етъ распущенность нравовъ его времени, во многомъ сходную съ распущенностью нравовъ за время Златоуста. А потому мы позво-ляемъ себѣ для уясненія предмета привести выдержку изъ слова св. Григорія. „Ее украшали, — говоритъ онъ о Горгоніи, — не зо-лото, отдѣланное искусной рукой до поразительнаго изящества, не златовидные волосы, блестящіе и свѣтящіеся, не вьющіяся кольцами кудри, не недостойныя затѣи тѣхъ, которыя изъ благо-родной головы дѣлаютъ родъ шатра, не роскошь пышной и про-зрачной одежды, не блескъ драгоцѣнныхъ камней, не искусство и обаяніе живописцевъ, не покупная красота; не рука земного ху-дожника, которая созданіе Божіе покрываетъ обманчивыми кра-сками и вмѣсто образа Божія выставляетъ на показъ кумиръ блуд-

[1]) По Тьерри...

ницы. Напротивъ того, хотя она знала много всякаго рода украшеній, однако не находила ничего драгоцѣннѣе своихъ правилъ красоты внутренней. Одинъ румянецъ ей нравился—румянецъ стыдливости, и одна бѣлизна, происходящая отъ воздержанія. А притиранія, подкрашиванья, искусство дѣлать изъ себя живую картину, легко смазываемое благообразіе она предоставила женщинамъ, опредѣлившимъ себя для зрѣлищъ, которымъ стыдно и позорно краснѣть отъ стыда“ [1]). То, что сестра святителя Григорія предоставляла женщинамъ невысокаго тона, личностямъ полусвѣта, если не самымъ мрачнымъ и темнымъ, то теперь въ Константинополѣ было принято всѣми. „Ты захотѣла убирать свои волосы?“ говоритъ св. Златоустъ, обращаясь къ женщинѣ вообще.—У женщинъ Константинопольскихъ въ то время была мода взбивать на лбу волосы и открывать совершенно лобъ и виски, говоритъ И. М. [2]). На минутку остановимся. Тьерри въ своей книгѣ: „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія“ [3]) говоритъ объ этомъ предметѣ нѣсколько иначе. ‹У константинопольскихъ дамъ,—говоритъ онъ,—была мода зачесывать напередъ волосы, завиваться въ букли и закрывать ими лобъ отъ одного виска до другого› [4]). Гдѣ правда? Постараемся разрѣшить недоумѣніе. „*Очи ушесъ вѣрнѣйшы*“. Къ труду Тьерри приложены издателемъ два изображенія монетъ съ портретами: на одномъ—императора Аркадія, на другомъ—императрицы Евдоксіи. Тьерри приводитъ свидѣтельство Сабатье, что послѣдній портретъ—есть портретъ именно Евдоксіи, жены Аркадія, а не жены сына его, Ѳеодосія. Этотъ портретъ,—вокругъ его надпись: „Aelia Eudoxia Augusta“,—представляетъ голову императрицы, убранную такъ, какъ говоритъ Тьерри; волосы именно завиты въ букли, которыя волнами, одна прикрывая другую, отъ лба идутъ ниже ушей, гдѣ волосы схвачены лентой, завязка которой сзади головы; волосы удерживаются двойной нитью крупнаго жемчуга съ бантомъ на серединѣ головы, отъ котораго вдоль головы по затылку лежитъ лавровая вѣтка,—въ видѣ толстой косы, сплетенной изъ трехъ прядей. Портретъ сдѣланъ въ профиль.—Принимая во вниманіе, что та и другая прическа одинаково нарушала женственную скромность и прямое повелѣніе апостола о смиренно-

---

[1]) Твор. Григор. Богосл. ч. I, стр. 275–276.

[2]) Пр. Обозр. 1873 г. 2-е пол. стр. 828.

[3]) Перев. на рус. яз. Л. Ливанова.

[4]) Стр. 19.

мудріи женъ и ихъ поведеніи въ храмѣ: [1]) *жены*, говоритъ апостолъ, *во украшеніи лѣпотномъ со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе не въ плетеніихъ, ни златомъ, ни бисерми или ризами многоцѣнными* [2]); 2) *Всякъ мужъ молитву дѣя, или пророчествуя покрытою главою, срамляетъ главу свою и всякая жена, молитву дѣющая, или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою* [3]). Въ томъ и другомъ случаѣ, при той и другой прическѣ, закрывала ли женщина лицо, или открывала,—нарушеніе совѣта заповѣди апостольской было: голова женщины была открыта. Эта прическа, говоритъ Тьерри, оставлявшая волосы открытыми, оскорбляла христіанское чувство приличія [4]). Эта прическа, продолжаетъ И. М—ъ, особенно любимая куртизанками, была принята всѣми женщинами въ Константинополѣ за время Златоуста, потому что она придавала лицу моложавость. И это было особеннымъ побужденіемъ усвоять ее себѣ для женщинъ пожилыхъ, у которыхъ моложавость уже отцвѣтала. А это все, конечно, имѣло свои цѣли. Вотъ именно это то сокровенное намѣреніе и возмущало въ особенности чистую душу Святителя Іоанна; это-то и было, скажемъ, тѣмъ тонкимъ развратомъ, или, правильнѣе, его выраженіемъ, распущенностью нравовъ, царившей между женщинами высшаго круга въ особенности. Точную рѣчь Златоуста передаетъ Палладій—его біографъ. Мы думаемъ, что онъ приводитъ выдержку изъ церковной проповѣди Св. Іоанна, какъ можно предполагать, понимаетъ и И. М—ъ, хотя и не высказываетъ своего мнѣнія, тогда какъ Тьерри относитъ приводимую Палладіемъ рѣчь Златоуста прямо обращенную исключительно къ Евграфіи. Что она преимущественно предъ всѣми женщинами Константинополя наводила его на размышленія такого рода и располагала къ обличеніямъ,—это весьма могло быть; но чтобы Златоустъ, стоя на церковной каѳедрѣ, обращался только къ ней одной—нѣтъ. Такъ, чтобы ужъ не сдѣлать невѣрнаго заключенія, мы приведемъ текстъ Палладія по тому источнику, на основаніи котораго говорятъ и И. М—ъ и Тьерри. Златоустъ говоритъ всѣмъ женщинамъ своего времени: „зачѣмъ вы, будучи уже старухами, хотите сдѣлать себя моложавыми, взбиваете волосы на лбу и носите

[1]) 1 том. II гл. 9 ст.
[2]) 1 Кор. XI. 4—5.
[3]) Стр. 19.
[4]) Стр. 828.
[5]) Изд. Топя, т. XIII, Діалогъ Паллад.

локоны, подобно публичнымъ женщинамъ, обманывая и соблазняя тѣхъ, которые говорятъ съ вами. „Вотъ точный переводъ слова Св. Іоанна Златоуста у Палладія; Тьерри выражается въ послѣднихъ словахъ, относя ихъ къ Евграфіи только: „дабы обмануть видящихъ тебя“. Ошибка или неточность очевидна. Все это обличительно, но прибавьте ко всему этому: id que viduae, и слово получаетъ особый смыслъ. „И притомъ вдовы“ такъ убираютъ свою голову, такъ заботятся о моложавости, такъ стремятся обмануть говорящихъ съ ними, вдовы, которымъ собственно или преимущественно и говоритъ апостолъ объ украшеніи лѣпотномъ, что *онѣ со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ могутъ украшать себя, еже подобаетъ женамъ, обѣщающимся благочестію дѣлы благими* (1 Тим. II гл. 10 ст.) Въ этомъ словѣ „viduae“,—незамужнія, старыя дѣвы, или вдовы,—главная причина возмущенія боголюбивой души Св. Іоанна и главное побужденіе для него къ слову обличенія. Что онъ не ограничивался только церковнымъ обличеніемъ, а слѣдуя наставленіямъ св. апостола: *настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV. 2), внимая этой заповѣди апостола, пастырь церкви, Св. Златоустъ всякій разъ говорилъ Евграфіи такія же рѣчи, когда только встрѣчалъ ее такъ причесанную, какъ замѣчаетъ Тьерри,—это конечно, могло быть, такъ что даже Св. Іоаннъ и въ домъ ея приходилъ, желая убѣдить ее оставить грѣшную привычку, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Палладій.

Но страсть къ нарядамъ, это легкомысліе въ женщинахъ въ христіанскомъ обществѣ, при всей энергіи протеста со стороны пастырей церкви, и послѣ Св. Златоуста осталась непобѣдимою во всѣхъ странахъ міра *даже до сего дне.*

— Чѣмъ обусловливалась такая ревность обличенія роскоши въ душѣ Св. Іоанна Златоуста? Отвѣчаемъ: все той же любовью къ Богу и ближнимъ, которая всегда яркимъ пламенемъ горѣла въ душѣ этого Святителя. „Но какъ это возможно, скажешь, если сокрушимъ и переломаемъ тѣ украшенія? Разрѣши и себя отъ узъ и бѣднаго отъ голода. Что ты вяжешь цѣпи грѣховъ? Какъ, скажешь?“—разсуждаетъ проповѣдникъ,—„такъ, что ты накопляешь золото, а другой погибаетъ; ты для пріобрѣтенія суетной славы бережешь столько золота, а другому ѣсть нечего. Не грѣхи ли вя-

[1]) Didogus.

жешь ты? облекайся во Христа, а не въ золото [1]). Такъ много нищихъ стоитъ въ церкви, а церковь, имѣя столько чадъ и столько богатыхъ чадъ, не можетъ помочь ни одному бѣдному. Одинъ алчетъ, а другой упивается; одинъ употребляетъ серебро даже для нечистотъ своихъ, а у другаго нѣтъ и хлѣба [2]). Простите мнѣ, простите", взываетъ архипастырь, „говоря о такихъ дѣлахъ, я не желаю нарушать приличія, но нужда заставляетъ; но ради скорби бѣдныхъ говорю это, но ради вашего спасенія" [3]).

Въ неменьшей силѣ существовалъ другой порокъ въ обществѣ Константинопольскомъ, который съ той же ревностью преслѣдуетъ Св. Іоаннъ Златоустъ. Порокъ этотъ—лихоиманіе. „Что хуже этого михоиманія"? восклицаетъ Святитель. „Оно несноснѣе того, о чемъ говорилъ я,—того бѣшенства, того неистовства, того сумасбродства въ употребленіи серебра [4]). До какихъ поръ не перестанемъ любить деньги? Я не перестану вопіять противъ нихъ, потому, что они причиною всѣхъ золъ. Подлинно это—слѣдствіе какого то обаянія, что золото и серебро цѣнятся у насъ такъ много. Страсть сія внѣдрилась въ сердца даже такихъ людей, которые повидимому благочестивы [5]). Но какое благовидное объясненіе приводятъ многіе! У меня, говорятъ, дѣти; боюсь, чтобы я самъ не имѣлъ когда нужды въ помощи другихъ; мнѣ стыдно просить милостыни [6]). Но многіе, и не имѣя дѣтей, до безумія пристрастны къ деньгамъ, которые, хотя дѣтей не имѣютъ и имѣть не будутъ, однакоже столько трудятся, изнуряютъ себя и собираютъ такое богатство, какъ будто бы имъ надобно было бы оставить его безчисленному множеству дѣтей" [7]).

Въ твореніяхъ Златоуста есть много указаній, гдѣ онъ проситъ, убѣждаетъ богатыхъ дѣлиться съ бѣдными нищими. Но, очевидно, его слова остаются безъ послѣдствій, что чувство состраданія совершенно чуждо душамъ богачей. Св. Іоаннъ открывалъ всю подноготную тѣхъ средствъ, которыми добывались въ большинствѣ случаевъ эти богатства; онъ указывалъ всѣ хитрости, коими скопители богатствъ, лихоимцы, собирали золото и серебро и вслѣдствіе этого уличаетъ этихъ темныхъ богачей въ незаконномъ

---

[1]) Ibid , стр 1..7.
[2]) Ibid., стр. 120.
[3]) Ibid , стр. 122.
[4]) Ibid., стр. 121.
[5]) Бес. на 1-е посл. къ Θесс., стр. 168.
[6]) Ibid
[7]) Ibid, стр. 169.

завладѣніи чужой собственностью, въ похищеніи, въ насильственномъ отнятіи у бѣдняковъ того, что имъ принадлежитъ. „Любостяжатель есть воръ и разбойникъ, при томъ же онъ хуже его, потому, что безчеловѣчнѣе“, говоритъ Златоустъ. Воръ не столько дерзокъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что таится и налагаетъ руку ночью; любостяжатель съ открытымъ лицомъ, среди площади грабитъ всѣхъ, будучи въ одно и тоже время воромъ и мучителемъ. Онъ не подкапываетъ стѣпъ, не гаситъ свѣтильника, не открываетъ сундука, не разламываетъ печатей. Но что! Онъ поступаетъ дерзостнѣе, нежели они; въ глазахъ обижаемыхъ онъ выкидываетъ все вонъ, съ дерзостью открываетъ все и заставляетъ ихъ самихъ выкладывать свое имущество“ [1]).

Говоря о поведеніи богатыхъ людей, Св. Іоаннъ указываетъ и недостатки бѣдныхъ. Но надобно замѣтить,—эти слабости бѣдныхъ были, какъ указываетъ Златоустъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ совершеннаго равнодушія и пренебреженія высшихъ богатыхъ классовъ общества, ихъ нежеланія нетолько подѣлиться своими средствами съ бѣдняками, но даже и войти въ ихъ нужды, въ ихъ положеніе.

„Перестанемъ похищать чужое, и бѣдные и богатые“! [2]), взываетъ Святитель, „не къ богатымъ только я обращаю свое слово, но и къ бѣднымъ, такъ какъ и они грабятъ у тѣхъ, кто бѣднѣе ихъ; и ремесленники, болѣе достаточные и зажиточные, обманываютъ менѣе достаточныхъ и бѣднѣйшихъ и корчемниковъ и всѣ торгующіе. Поэтому я отвсюду хочу изгнать неправду. Не въ количествѣ похищеннаго и украденнаго состоитъ преступленіе, а въ намѣреніи ворующаго [3]). А что тѣ, которые и малымъ пренебрегаютъ, въ большей степени суть воры и любостяжатели [4]). Великое наше нечестіе и убогаго и томимаго голодомъ заставлять говорить, когда онъ проситъ милостыни, похвальныя рѣчи нашей красотѣ. Я знаю, говоритъ Св. Іоаннъ,—многихъ женщинъ, которыя, услышавъ имя Христа, проходили мимо; но когда подходящіе къ нимъ хвалили ихъ красоту, онѣ смягчались. Таяли отъ удовольствія и простирали руку [5]). И о, если бы только это! Но что еще несноснѣе, оно заставляло бѣдныхъ сдѣлаться фиглярами, срамословцами и шутами.

---

[1]) Ibid., стр. 173.
[2]) » » 174.
[3]) » » 174.
[4]) Ibid.
[5]) » » 184.

Когда нищій, потрясая и повертывая въ рукахъ чашечки, стаканчики или ковшики, звенитъ ими; или, имѣя свирѣли, играетъ на ней срамныя и сладострастныя пѣсни и припѣваетъ голосомъ, между тѣмъ его обступаетъ толпа, и подаютъ ему, кто кусокъ хлѣба, кто оболъ, кто что нибудь другое, держатъ его долго и забавляются имъ, какъ мужчины, такъ и женщины,—то что можетъ быть несноснѣе сего? Конечно это мелочи, онѣ и считаются за мелочи; но онѣ порождаютъ въ нашихъ нравахъ великіе пороки. Ибо всякое постыдное слово, всякая соблазнительная пѣснь разслабляетъ сердце и растлѣваетъ самую душу [1]). Дай алчущему хлѣбъ,—увѣщавалъ Св. архипастырь,—одежду обнаженному, покровъ страннику [2]). Пусть будетъ домъ нашъ пристанищемъ для всѣхъ [3]). Пусть устроитъ каждый страннопріемницу у себя въ домѣ; пусть поставитъ тамъ ложе, трапезу и свѣчу [4]). Хотя тамъ, гдѣ помѣщаются ослы, гдѣ слуги, примите Христа [5])! Есть много бѣдныхъ мужей и женъ; поставьте правиломъ, чтобы всегда кто нибудь изъ нихъ былъ у васъ; устрой жилище, куда бы приходилъ Христосъ; скажи: это келлія Христова" [6]).

Съ такой осторожностью и съ такими льготами приводитъ Св. Іоаннъ свои человѣколюбивыя цѣли въ исполненіе, призывая всѣхъ и каждаго къ дѣламъ милосердія. „Если бы мы сдѣлали опытъ", заключаетъ Святитель,—„и какая благодать была бы тогда" [7]).

Мы привели бы здѣсь множество указаній и на болѣе широкіе планы Златоуста, какъ думалъ онъ помочь бѣднякамъ [8]), но наша цѣль другая. Достаточно вспомнить въ этомъ случаѣ одно изъ его словъ предъ его изгнаніемъ, въ которомъ онъ яркими красками рисуетъ свое безкорыстіе. Мы уже знаемъ, что онъ всю жизнь свою и словомъ и дѣломъ проповѣдовалъ любовь и милосердіе, на милостыню бѣднымъ онъ продалъ всю обстановку своего архіерейскаго дома въ Константинополѣ и что сюда онъ отдавалъ все свое содержаніе. „Знаете ли вы, возлюбленные братья", воскликнулъ Святитель на каѳедрѣ въ своемъ архіепископскомъ

---

[1]) Ibid, стр 185.
[2]) Бес. на Дѣян. Ап. т. II стр 276.
[3]) Ibid.
[4]) » стр. 274.
[5]) » » 275.
[6]) Ibid.
[7]) Бес. на Дѣян. т. I, стр. 209.
[8]) Ibid.

храмѣ въ ночь перваго изгнанія,—„знаете ли вы, за что хотятъ погубить меня? за то, что я не приказывалъ стлать предъ собой богатые ковры, что никогда не хотѣлъ я одѣваться въ золотую и шолковую одежду, что я не унизился до того, чтобы удовлетворять жадности этихъ людей и не держалъ стола, открытаго для нихъ, не угождалъ чревоугодію другихъ“ [1]).

Сѣмя слова Святителя несомнѣнно падало и на добрую почву и плодъ приносило. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Зло побѣдило. И когда Св. Іоаннъ пошелъ въ изгнаніе, богатство и власть грѣховно остались царить въ Константинополѣ.

Спрашивается: почему такія пламенныя рѣчи праведнаго проповѣдника, исполненныя столь великаго, святого чувства—любви къ ближнему, бѣдствующему человѣку, остались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“?! [2]). Вѣдь этотъ призывъ къ милости и милостынѣ имѣетъ твердое основаніе въ словѣ и примѣрѣ Христа Господа и Святыхъ Апостоловъ Его! Его—этотъ призывъ,—освятила жизнь и дѣятельность первенствующихъ христіанъ!.. Святитель Іоаннъ свидѣтельствуетъ: „Великая благодать была на всѣхъ ихъ“,—апостольскихъ христіанахъ,—„не было между ними никого нуждающагося“ [3]). „Это было,—продолжаетъ онъ,—оттого, что никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ [4]).

Почему слово Златоуста осталось безъ плода, не привилось къ душамъ слушателей, не отразилось въ ихъ дѣятельности?

Въ рѣшеніи этого вопроса мы встрѣчаемся съ исторіей коммунизма вообще и древне-христіанскаго коммунизма въ особенности.

И краткое изслѣдованіе даннаго предмета, въ исторіи и христіанствѣ способно дать отвѣтъ на нашъ вопросъ,—именно *историческій* отвѣтъ.

Коммунизмъ стоялъ у колыбели человѣчества. Онъ былъ общественной основой большинства народовъ земнаго шара. Первобытный человѣкъ жилъ только въ своемъ обществѣ и вмѣстѣ съ нимъ. Въ обществѣ люди добывали себѣ средства къ существованію—сообща они охотились, сообща ловили рыбу; въ обществѣ жили они, сообща защищали свое жилище, свою землю. Такова исторія начала всѣхъ націй.

---

[1]) По Тьерри стр. 181, слова и бесѣды на разн. случ. т. II, стр. 535.

[2]) Народное выраженіе.

[3]) На Дѣян. Ап., гл. V, ст. ст. 33—34.

[4]) Ibid., стр. 32.

„Въ прежніе времена“, восклицалъ Демосѳенъ, жившій въ 5—4 вѣкѣ до Р. Х., въ одной изъ своихъ глубокихъ рѣчей: „было иначе, чѣмъ теперь. Тогда все, принадлежавшее государству, было богатымъ и блестящимъ, но среди гражданъ ни одинъ не отличался по внѣшнему виду отъ другого. Еще и теперь каждый изъ васъ можетъ убѣдиться собственными глазами, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и всѣхъ великихъ мужей стараго времени отнюдь не были красивѣе и величественнѣе жилищъ ихъ согражданъ. Но общественныя зданія и памятники, сооруженные въ ихъ время, были такъ величественны и великолѣпны, что они навѣки останутся не превзойденными; я говорю о пропилеяхъ, объ арсеналѣ, о колоннадахъ, о постройкахъ въ Пирейской гавани и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ нашего города. А теперь есть государственные люди, частныя жилища которыхъ затмѣваютъ своимъ великолѣпіемъ многія общественныя сооруженія и которые скупили себѣ столь огромныя земли, что поля всѣхъ васъ, засѣдающихъ здѣсь въ качествѣ судей, [1]) не сравнятся по пространству съ ними. Зато все, что строится теперь государствомъ, такъ ничтожно и убого, что стыдно и говорить“.

Politeia Платона, появившаяся, вѣроятно, около 368 г. до Р. Х., разрѣшая вопросъ: каково наилучшее устройство государства и общества?—говоритъ: „если въ какомъ нибудь государствѣ уважаютъ богатство и богатыхъ, то меньше уважаютъ добродѣтель и добродѣтельныхъ“. И потомъ, разсуждая о воспитаніи молодого поколѣнія, предназначеннаго къ принятію въ высшій классъ „стражей“,—разсужденіе Платона въ формѣ разговоровъ излагаетъ свой взглядъ о „наилучшемъ устройствѣ государства и общества“. „Такъ разсуди“,—говоритъ отъ лица Сократа,—„для того, чтобы стать такими“,—юношамъ,—„не должны ли они жить слѣдующимъ образомъ? Прежде всего ни одинъ изъ нихъ не долженъ имѣть ничего собственнаго, если этого можно избѣжать; ни одинъ не долженъ имѣть—ни особаго жилища, ни склада для запасовъ, куда не имѣлъ бы доступа каждый, кому угодно. Но все необходимое, въ чемъ можетъ нуждаться какъ храбрый, такъ и заурядный воинъ, они должны получать поочереди отъ гражданъ, какъ вознагражденіе за охрану, представляемую ими, получать въ такомъ количествѣ, чтобы они ни въ чемъ не нуждались. Золото же и серебро, надо сказать

[1]) Суды -дикастеріи—въ Аѳинахъ были судами присяжныхъ; каждый изъ нихъ состоялъ изъ 500 присяжныхъ—геліастовъ.

имъ, они всегда носятъ въ своей душѣ, какъ священный даръ боговъ и поэтому не нуждаются въ золотѣ и серебрѣ людей". Такова почти христіанская этика древняго мудреца язычества! [1]). Но она осталась въ идеѣ, хотя Спарта въ своемъ строѣ и можетъ служить нѣкоторымъ отображеніемъ подобной идеи и основой для „государства" Платона.

Во время паденія Греціи и во времена Римскихъ императоровъ, всѣ люди, мыслящіе и сочувствующіе страждущимъ ближнимъ, чувствовали потребность искать выхода изъ страшнаго разложенія государственной жизни.

Государство повсюду встрѣчало всеобщее недовѣріе и равнодушіе. Разложеніе общества достигло столь высокой степени, что ни отъ одного смертнаго,—будь онъ хоть самый могущественный изъ цезарей,—невозможно было ожидать, чтобы ему удалось вдохнуть въ него новую жизнь. Воплощеніе Платоновской идеи могло быть развѣ игрушкой досужихъ людей, которые,—какъ высокопоставленные сановники императора Галліена и императрицы, жены его, съ неоплатоникомъ Плотиномъ во главѣ, основавшихъ Platonopolis,—убивали ненужное имъ время.

И вотъ на зарѣ христіанства возникаютъ коммунистическія идеи и коммунистическое общество. За 100 лѣтъ до Р. Х. нахо-

---

[1]) Мы опускаемъ взглядъ философа на общность женъ и дѣтей. „Со всѣмъ предыдущимъ находится въ связи, по моему мнѣнію", говоритъ Сократъ, «еще слѣдующее установленіе». „Какое?"—„Чтобы всѣ женщины были общи всѣмъ мущинамъ, и ни одна изъ нихъ не жила особо съ кѣмъ либо однимъ. И дѣти д. б. общими, т. чтобы—ни отецъ не зналъ своего ребенка, ни ребенокъ своего отца,—кн. V, гл. 7;—чтобы ни одна мать не узнала своего ребенка". Съ точки зрѣнія языческаго мыслителя,—не развратъ, понятно, а половый подборъ, былъ законнымъ основаніемъ для разсужденія, когда мужъ уступалъ свои супружескія права другому мущинѣ, который могъ произвести болѣе сильное потомство. Таковъ смыслъ „общности женъ и дѣтей". И пусть не укоряютъ оффиціальныхъ блюстителей нравовъ и въ особенности духовныхъ лицъ церкви за вниманіе къ философіи Платона.—Карлъ Каутскій—изъ исторіи культуры. СПБ. 1905 г.

Платонъ требуетъ равноправности мущинъ и женщинъ, допущенія послѣднихъ ко всѣмъ должностямъ. Да вѣдь этотъ взглядъ—послѣднее слово эмансипаціи женщинъ XX-го вѣка! И мы съ глубокимъ сочувствіемъ заносимъ мудрое слово, хотя оно и не касается прямо нашего предмета. „Среди всѣхъ занятій, которыми держится государство, нѣтъ ни одного такого, которое бы приличествовало женщинѣ, какъ женщинѣ или мущинѣ, какъ мущинѣ; природныя способности распредѣлены у нихъ одинаково, и женщина по своей природѣ, также, какъ и мущина, можетъ принимать участіе во всѣхъ занятіяхъ". Кн. V, гл. 9.

димъ у Евреевъ тайное коммунистическое общество,—организацію *ессеевъ*.

„Богатство они ни во что не вмѣняютъ", разсказываетъ о нихъ Іосифъ Флавій „и очень высоко ставятъ общность имуществъ и между ними нѣтъ ни одного, который былъ бы бѣднѣе другого. У нихъ есть законъ, что всѣ, желающіе вступить въ ихъ общество, должны отдавать свои имущества для общаго пользованія, поэтому у нихъ незамѣтно ни недостатка, ни избытка, все же у нихъ общее, какъ у братьевъ"...

Такимъ же образомъ были организованы и первыя христіанскія коммунистическія общины, съ тѣмъ знаменательнымъ различіемъ, что ессеи держались іудейства, а христіанство—всего человѣчества. И основы были у тѣхъ и другихъ различны. „Если хочешь быть совершеннымъ", говоритъ Христосъ [1]) богатому юношѣ: „иди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ"; и еще: „будешь имѣть сокровище на небесѣхъ". Первая Іерусалимская община описывается слѣдующимъ образомъ: „и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ; но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями и домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось все, въ чемъ кто имѣлъ нужду" [2]).

Но какъ всякая истина м. б. извращаема людьми грѣшными и всякое святое дѣло м. б. обращаемо страстями людскими во зло, такъ случалось и съ этимъ выраженіемъ Христовой любви къ ближнему.

Вообще даже у христіанъ первыхъ вѣковъ вечери любви скоро начали ограничиваться торжественными случаями и быстро замѣнились простыми кормленіями бѣдныхъ, по временамъ устраиваемыми богатыми, которые сами не принимали участія въ этихъ трапезахъ. То есть: общее пользованіе доставленіемъ всѣхъ членовъ общины свелось къ передачѣ въ общинную кассу *избытковъ*, оказывавшихся у отдѣльныхъ лицъ. *Излишекъ дохода*, остававшійся у человѣка за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, *нужно было отдавать церкви*. Вотъ какую форму принялъ вскорѣ на практикѣ христіанскій коммунизмъ!...

---

[1]) Матѳ. XIX, 21.

[2]) Дѣян. Ап. IV, 32—35.

Къ слову. Тогда же рядомъ съ аскетизмомъ, наивысшимъ стремленіемъ господства духа надъ плотью,—явились „адамисты“, гностическая секта 2-го вѣка, которая напомнила собой ученіе Платона объ „общности женъ и дѣтей“,— основываясь на ложномъ пониманіи Христовыхъ словъ: „всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или *жену*, или *дѣтей*, или земли, ради имени Моего, получитъ во *сто кратъ* и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“ [1]).

Но такъ какъ соціальныя отношенія временъ имперіи,—продолжимъ нашу рѣчь,—дѣлавшія невозможнымъ практическое осуществленіе коммунизма, благопріятствовали развитію коммунистическихъ идей, то коммунистическія традиціи первобытнаго христіанства жили долго. И та изъ церковныхъ организацій, которая одержала побѣду надъ остальными, Каѳолическая, еще долго оставалась въ теоріи коммунистической.

Отцы Церкви по прежнему осуждали богатство и неравенство. „Несчастные“, восклицаетъ въ IV-мъ столѣтіи Василій Великій, обращаясь къ богатымъ: „что скажете вы вѣчному Судіи въ свое оправданіе?.. Вы возразите мнѣ: развѣ я не правъ, если я оставляю у себя то, что мнѣ принадлежитъ? Но я спрошу васъ: что называете вы вашей собственностью? Отъ кого получили вы ее? Вы поступите, какъ тотъ человѣкъ въ театрѣ, который спѣшитъ занять всѣ мѣста и хочетъ воспрепятствовать другимъ войти въ театръ, захватывая для себя то, что устроено для всѣхъ. Чѣмъ богатѣютъ богатые, какъ не захватомъ вещей, принадлежащихъ всѣмъ? Если бы каждый бралъ для себя не болѣе, чѣмъ ему необходимо для жизни, а остальное предоставлялъ другимъ, то не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ“.

Тотъ же самый коммунистическій характеръ первобытнаго христіанства со всей силой проповѣдуется Златоустомъ.

„Благодать была на всѣхъ ихъ“—первенствующихъ христіанахъ,—говоритъ онъ, „потому что не было между ними никого нуждающагося, потому что они щедро давали“,—богатые,—„чтобы никто не оставался бѣднымъ, и это было не такъ, чтобы они отдавали одну часть, а другую оставляли для себя, или чтобы они отдавали все, такъ сказать, какъ свою собственность. Они уничтожали всякое неравенство и жили въ большомъ избыткѣ. И они дѣлали это самымъ достойнымъ образомъ. Они не дерзали давать

[1]) Матѳ. XIX, 29.

подаянія въ руки нуждающихся, не подавали съ высокомѣрной снисходительностью, а полагали у ногъ апостоловъ и дѣлали ихъ господами и распредѣлителями приношеній. Въ чемъ кто нуждался, то бралось изъ запаса общины, а не изъ чьей либо частной собственности".

„Если бы мы теперь стали поступать такимъ же образомъ", продолжалъ Святитель Іоаннъ, „мы жили бы гораздо счастливѣе—какъ богатые, такъ и бѣдные; и бѣдные пріобрѣли бы отъ этого не больше, чѣмъ богатые: потому что дающіе не только не становятся бѣдными,—они и бѣдныхъ дѣлаютъ богатыми".

„Представимъ себѣ это дѣло: всѣ передаютъ свое имущество въ общую собственность. Пусть никто не смущается этимъ,—ни богатый, ни бѣдный. Сколько, полагаете вы, соберется денегъ? Я думаю, потому что съ увѣренностью этого сказать нельзя, что если бы каждый отдалъ всѣ свои деньги, поля, владѣнія, дома, то набралось бы милліонъ фунтовъ золота,—а по всей вѣроятности даже вдвое или втрое больше. Затѣмъ, скажите мнѣ: сколько людей живетъ въ нашемъ городѣ",—Царь-Градѣ? „Сколько христіанъ? Не сто ли тысячъ? А сколько язычниковъ и евреевъ? Сколько же тысячъ фунтовъ золота собралось бы здѣсь? А сколько у насъ бѣдныхъ? Я думаю, что не болѣе пятидесяти тысячъ. Сколько денегъ понадобилось бы, чтобы кормить ихъ каждый день? Если бы они ѣли за общимъ столомъ, то расходы были бы не особенно велики. Что же мы предприняли бы съ такимъ чрезмѣрнымъ богатствомъ? Думаешь ли ты, что оно могло бы когда нибудь истощиться? Не излилось ли бы на насъ благословеніе Божіе въ тысячу разъ обильнѣе? Не превратили ли бы мы земли въ небо?"

„Раздробленіе имуществъ причиняетъ огромные расходы, а вслѣдствіе этого и бѣдность. Возьмемъ домъ съ семьей, состоящей изъ мужа, жены и десяти дѣтей. Жена ткетъ, мужъ ищетъ заработка на базарѣ. Когда расходы ихъ будутъ больше: при совмѣстной ли жизни въ одномъ домѣ, или при раздѣльной?" Очевидно, что при раздѣльной. Если десять сыновей раздѣлятся, имъ нужно десять домовъ, десять столовъ, десять слугъ и все остальное должно увеличиться у нихъ въ такихъ же размѣрахъ. Раздробленіе постоянно приводитъ къ расточительности, а совмѣстное пользованіе въ сбереженіе того, что имѣется. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ,—и такъ жили нѣкогда вѣрующіе. Кто же умеръ у нихъ отъ голода? Кто недостаточно насыщался? И все-таки люди боятся этого порядка больше, чѣмъ прыжка въ

открытое море. Сдѣлаемъ же попытку и смѣло приступимъ къ дѣлу. Какъ велики были бы благія послѣдствія! Ибо если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ незначительно, равнялось лишь тремъ—пяти тысячамъ, когда весь свѣтъ относился враждебно къ намъ, когда ни откуда не было утѣшенія, наши предшественники дѣйствовали столь рѣшительно,—насколько же больше увѣренности должны имѣть мы теперь, когда Божьей благодатью вѣрующіе есть вездѣ! Кто захотѣлъ бы остаться въ такомъ случаѣ язычникомъ? Думаю,—никто. Мы всѣхъ бы привлекли и расположили къ себѣ“ [1]).

Святитель закончилъ свои разсужденія призывомъ приступить къ осуществленію его предложенія.

Эта проповѣдь, столь трезвая, чуждая всякой религіозной мечтательности, въ высшей степени замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Она ясно изображаетъ намъ коммунизмъ первобытнаго христіанства, традиціи котораго были тогда еще живыя, но столь же ясно она показываетъ, что это былъ коммунизмъ не производства а только потребленія. Златоустъ старается склонить своихъ слушателей къ коммунизму, выясняя имъ насколько общее домашнее хозяйство экономнѣе раздробленія на многія хозяйства. Но кто долженъ производить все, въ чемъ нуждается это коммустическое домашнее хозяйство, объ этомъ проповѣдникъ не говоритъ ни слова. Думаемъ: здѣсь главная, основная — причина въ душахъ слушателей Св. Іоанна, почему слово мудрое, горячее, исполненное любви къ человѣчеству, не вмѣщалось въ душахъ ихъ. Другую причину почему предложеніе проповѣдника не было осуществлено, указываетъ самъ Св. Іоаннъ. Онъ говоритъ, что церковь уже далеко отклонилась отъ коммунистической жизни первобытныхъ христіанъ: „люди боятся такого порядка болѣе, чѣмъ прыжка въ открытое море“. Столь же ясно, какъ Златоустъ, говорили объ этомъ предметѣ и другіе учители Церкви. Но именно ихъ страстныя обличенія богатымъ, *христіанскимъ* богачамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ церкви начиная съ 11-го вѣка, изчезли не только практика, но уже и *духъ* коммунизма, какъ чувство равенства и братства. Это второе условіе, почему предложеніе милосердаго Святителя не могло быть осуществлено его слушателями. А третьимъ обстоятельствомъ, но, конечно, болѣе уже слабымъ передъ первыми, обусловливавшимъ холодное отношеніе слушателей Златоуста къ его слову,—сердечное ихъ расположеніе къ удовольствіямъ, роскошивъ жизни и къ богатству, какъ условію для того и другого.

Мы всегда недоумѣваемъ и непріятно досадливо волнуемся, встрѣчая у біографовъ Златоуста выраженія: „труды Св. Златоуста принесли обильный плодъ“,—разумѣется,— сейчасъ, при немъ. И человѣкъ, пишущій эти строки, ничто же сумняся, рѣшается утверждать: церковь Константинопольская въ его правленіе пришла въ цвѣтущее состояніе: духовенство устроено, монашествующіе, дѣвы и вдовицы представляли собой образцы нравственнаго усовершенствованія [1]). Чтобы утверждать это, надобно закрыть себѣ глаза, чтобы не видѣть истиннаго положенія дѣла за время Златоуста въ Константинополѣ. Если же авторъ всетаки имѣетъ подъ руками творенія Святителя и заявляетъ претензію, въ доказательство своихъ воззрѣній на это время, указывать на эти творенія; то это—ложь, недостойная честнаго человѣка. Единицы не составляютъ собою общества, но объ этомъ послѣ.

Были въ Константинополѣ за время Златоуста и другіе пороки, охватывавшіе не одного, не двухъ человѣкъ, а все общество. И Св. Іоаннъ говорилъ не объ одной роскоши, губившей души людей различными способами, не одну эту страсть обличалъ онъ съ высоты своей церковной каѳедры. „Не столько жена плачетъ о своемъ мужѣ или мать о сынѣ, сколько я о всѣхъ васъ вообще. Я не вижу никакого успѣха; все обращается въ клевету и осужденіе. Никто не старается угождать Богу, а только злословимъ то того, то другаго и говоримъ: такой то недостоинъ быть въ клирѣ; такой то живетъ нечестиво. Тогда какъ намъ слѣдовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаемъ другихъ; между тѣмъ, какъ не должны дѣлать этого и въ томъ случаѣ, если бы были чисты отъ грѣховъ“ [2]). А этихъ пороковъ и грѣховъ въ Константинополѣ въ это время было порядочное количество и св. архипастырь ратовалъ противъ нихъ съ самаго начала своего святительства. „Вотъ уже годъ прошелъ, какъ прибылъ въ вашъ городъ“, говорилъ онъ Константинопольцамъ, „и не переставалъ часто и постоянно предлагать вамъ увѣщаніе: не посѣщать зрѣлищъ—цирковъ, театровъ и т. п. Въ началѣ я употреблялъ увѣщанія и наставленія, необходимо наконецъ прибѣгнуть и къ отсѣченію“ [3]).

За паствой Святителя оказалась вина и очень тяжкаго свойства. Христіане, жители Константинополя, въ великій пятокъ ушли

---

[1]) Арх. Агаѳитъ «Жизнь Св. Іоанна Златоуста», стр. 33.

[2]) Бес. на пос. къ Евр., стр. 367.

[3]) Слова и бес. на разн. случ., т. II стр. 346.

на конское ристалище; а въ великую субботу мужчины и женщины, и старые и молодые, во множествѣ стеклись въ театръ. И вотъ праведный архипастырь, до глубины души возмутившись такимъ наглымъ попраніемъ величія и святости дней, вошелъ на каѳедру и сказалъ грозное слово обличенія противъ оставившихъ церковь и ушедшихъ на конскія ристалища и на зрѣлища [1]). „Съ вами самими хочу я судиться противъ васъ же", говорилъ онъ. „Послѣ столь многихъ собесѣдованій, послѣ такого ученія, нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣжали смотрѣть на состязающихся коней и впали въ такое неистовство, что наполнили весь городъ непристойнымъ шумомъ и крикомъ, возбуждающимъ смѣхъ. Это ли городъ апостоловъ? Это ли народъ христолюбивый, общество нечувственное, духовное?! Даже и самаго дня вы не постыдились, въ который совершились знаменія спасенія нашего. Когда Господь твари распятъ за вселенную,—ты, оставивъ церковь и жертву духовную, и собраніе братій, и забывъ важность поста, отдался въ плѣнъ діаволу и повлекся на то зрѣлище. Я не перестану постоянно повторять это. И недостаточно тебѣ было одного дня; но и на другой день, когда слѣдовало бы немного отдохнуть отъ прежняго нечестія, ты опять пошелъ на зрѣлище, изъ дыма бросившись въ пламя, низвергнувъ себя въ другую ужаснѣйшую пропасть. Старцы посрамили свои сѣдины; юноши подвергли опасности свою юность; отцы привели туда своихъ дѣтей, ввергая ихъ въ самомъ началѣ невиннаго возраста въ пропасть нечестія, такъ что не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы ихъ не отцами, а дѣтоубійцами, нечестіемъ погубляющими души рожденныхъ ими" [2]).

Это обстоятельство—уклоненіе христіанъ на зрѣлища въ такой день, какъ великій пятокъ и великая суббота, само по себѣ говоритъ уже какъ о страстномъ расположеніи Константинопольцевъ къ театру и конскимъ ристалищамъ, такъ въ свою очередь свидѣтельствуетъ о нравственной распатанности общества и о невысокомъ уровнѣ нравственности самого правительства въ лицѣ императорскаго дома и властей, не безъ соизволенія коихъ, надобно полагать, были устроены въ такіе святые дни неподобающія христіанамъ зрѣлища. Ибо мы видѣли, говоря о зрѣлищахъ въ Антіохіи, что соборы поставляли просить благочестивѣйшихъ государей воспретить зрѣлища въ святые дни—пасхи, напримѣръ.

---

[1]) Montocon. т. VI, p. 315.

[2]) Ibid., стр. 341.

Св. Іоаннъ усугубляетъ виновность бывшихъ на зрѣлищахъ въ страстные дни, напоминая всегда вредное вліяніе этихъ удовольствій на нравственность. Онъ подробно показываетъ, какъ весьма трудно и едва ли возможно сохранить чистоту души тому, кто посѣщаетъ эти мѣста, исполненныя всякаго рода соблазновъ и всякихъ приманокъ для чувственности и какъ эти зрѣлища способны вносить развратъ и разладъ въ семейства; какъ они растлѣваютъ умы и сердца юношей и дѣвицъ [1]), утверждая, что эти зрѣлища губятъ общественную нравственность. „Часто и на площади, встрѣтившись съ женщиной, мы смущаемся. И ты, видя блудную женщину, выходящую съ великимъ безстыдствомъ, одѣтую въ золотыя одежды, дѣлающую нѣжныя и обольстительныя тѣлодвиженія, поющую блудныя пѣсни и развратныя стихотворенія, произносящую срамныя слова и совершающую такія непристойности, какія ты, зритель, представляя въ своемъ умѣ, потупляешь взоры,— какъ смѣешь говорить, что ты не испытываешь ничего человѣческаго? Развѣ тѣло твое камень? Развѣ оно желѣзо? [2]) Нѣтъ, не только въ то время, но и тогда, когда она уйдетъ, когда окончится зрѣлище, когда она уже уйдетъ, въ душѣ твоей остается ея образъ, слова, одежда, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодѣйные члены, и ты уходишь, получивъ множество ранъ“ [3]).

Мы повторяемъ здѣсь однѣ и тѣ же, если не слова, — какія высказывалъ св. Златоустъ по поводу зрѣлищъ въ Антіохіи, приведенныя нами въ рѣчи о той церкви,— то мысли—въ тѣхъ видахъ, чтобы показать, что и здѣсь, въ самой столицѣ востока, зрѣлища были гибельны исключительно и прямо для нравственности, а не для религіи, какъ утверждаетъ г. Малышевскій, что вся постановка сцены имѣетъ характеръ только безнравственнаго вліянія на зрителей, а никакъ не преслѣдуетъ религіозныя цѣли языческаго культа въ подрывъ христіанству. Когда св. Іоанну говорили защитники зрѣлищъ: какое же здѣсь нечестіе? Онъ отвѣчалъ. „Потому то я и скорблю, что ты, находясь въ болѣзни, не чувствуешь, что ты боленъ и не ищешь врача“ [4]). На сей разъ святитель имѣлъ одно утѣшеніе, — ему говорили: „отдѣлившихся отъ стада немного“ [5]). И онъ самъ видѣлъ, что это правда, и самъ

[1]) Подр. опис. жиз. и дѣят. Св. Іоанна Златоуста. Свящ. Лебедева. Приб. къ твор. св. от. 7. XVI, стр. 445.

[2]) Ibid, стр. 342.

[3]) » » 343.

[4]) Ibid., стр. 341.

[5]) Ibid.

говорилъ: „нѣкоторые побѣжали смотрѣть“. Но святый архипастырь очень хорошо зналъ, что это „немного“ только по случаю св. великихъ дней, а что паства его очень расположена къ зрѣлищамъ и потому не переставалъ вразумлять уклонявшихся туда, не умолкалъ обличать. „Когда ты будешь въ театрѣ и сядешь тамъ, услаждая взоръ свой обнаженными членами женщинъ, то конечно сначала будешь чувствовать удовольствіе, но потомъ сильный воспламенишь въ себѣ жаръ“[1]). Онъ держался всегда крѣпко убѣжденія, что зрѣлища и пѣсни ни что иное выражаютъ, какъ только одну гнусную любовь [2]). Такъ говорилъ святитель въ самое послѣднее время своего служенія въ Константинополѣ около 402 г., выражая одну и ту же мысль: театры вредны для нравственности, и преслѣдуя одну и ту же цѣль—предостеречь отъ ненужнаго искушенія души людей, врученныя его душпастырству. Но видѣть ему плоды трудовъ его было не суждено... Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь добрый, ревностно стоялъ на Божественной стражѣ и право правилъ слово истины, возставляя падшихъ и врачуя болящихъ, прилагая, какъ пластырь, къ язвамъ пороковъ, душеполезное ученіе вѣры и благочестія. Но если несчастные бѣжали врача и, въ безднѣ грѣховной валяясь, говорили своимъ поведеніемъ Богу спасающему: „отойди! Мы путей Твоихъ вѣдать не хотимъ!“—пастырю оставалось скорбѣть, плакать, молиться, терпѣть и умывать въ неповинныхъ руки свои, предоставляя трудъ свой суду и волѣ Божіей. И надобно видѣть всю полноту любви его къ своей паствѣ. Какихъ сторонъ жизни не касалось его слово! Въ какіе тайники души и тайны поведенія не проникалъ онъ съ словомъ врачеванія? Да, въ его чистой душѣ, какъ на зеркальной поверхности чистаго источника воды, отражалась вся жизнь его паствы съ ея достоинствами и недостатками и, благодаря этому условію, въ его твореніяхъ мы теперь, даже чрезъ полторы тысячи лѣтъ, можемъ видѣть тотъ нравственный обликъ, какой имѣло въ частности Константинопольское общество за его время. Изъ словъ св. Златоуста видно, что развратъ царилъ въ Константинополѣ въ его время въ очень грубой формѣ. „Будьте снисходительны ко мнѣ, если я говорю нѣчто, такъ сказать, нечистое, не стыдясь и не краснѣя“, говорилъ Златоустъ; „не по доброй волѣ дѣлаю это, ибо я вынуждаюсь говорить такія слова для тѣхъ, кото-

[1]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 91.
[2]) Ibid.

рые не стыдятся такихъ дѣлъ. Если сперва не оскверню устъ, цѣлящихъ ваши страсти, то не возмогу васъ исцѣлить“ [1]). Что же это такое было? Св. Златоустъ отвѣчаетъ. „Одежду, которую носитъ рабъ, конечно, ты не согласишься когда либо надѣть, гнушаясь ею по причинѣ нечистоты, а тѣло нечистое и скверное, которымъ пользуется не только рабъ твой, но и другіе безъ числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь имъ гнушаться... Вамъ стыдно стало слышать это,—стыдитесь дѣлъ, а не словъ! Скажи мнѣ, не къ одной и той же ли ходишь ты и рабъ твой! И о если бы только рабъ, но и палачъ! Ты не рѣшился бы взять палача за руку, между тѣмъ ту, которая была съ нимъ одно тѣло, обнимаешь и лобызаешь, и не трепещешь и не боишься“ [2]).

Въ искреннемъ благожеланіи душевнаго спасенія согрѣвающимъ, святой архипастырь сейчасъ и совѣтъ преподавалъ, какъ предупредить грѣховное расположеніе. „Чтобы отсѣчь самые корни зла, пусть тѣ, которые имѣютъ дѣтей, находящихся въ юношескомъ возрастѣ и намѣреваются ввести ихъ въ мірскую жизнь, скорѣе соединяютъ ихъ узами брака, потому что еще въ юности возмущаютъ ихъ страстныя пожеланія [3]). Не правда ли, что я говорю, точно сваха?“—прибавляетъ святитель. Затѣмъ Златоустъ указываетъ случаи, ради которыхъ отлагаютъ отцы браки сыновей. „Ради воинскаго званія, ради избранія рода жизни медлишь женитьбою и выжидаешь, когда онъ будетъ получать большіе доходы“ [4]). „Корень зла“,—восклицаетъ Іоаннъ,—„сребролюбіе“ [5]). „Позаботься о супружествѣ сына“ [6]), убѣждаетъ святитель. „Жена благородная недопуститъ безстыдствъ, тѣлодвиженій страстныхъ и всякой другой мерзости и не позволитъ осквернять себя. Ибо она вышла замужъ для сожительства, а не для распутства и смѣха“ [2]). „Вино дано для веселія, а не для пьянства; хлѣбъ для пищи, супружеская жизнь для чадорожденія“ [7]). „Пользуйся бракомъ умѣренно“,—торжественно во всеуслышаніе возвѣщалъ всей церкви св. Іоаннъ Златоустъ,—„пользуйся бракомъ умѣренно,—и ты будешь первымъ въ царствіи небесномъ [8]).

---

[1]) Бес. на 1-е посл. къ Θесс., стр. 88.
[2]) Ibid, стр. 90.
[3]) Ibid, стр. 86.
[4]) Ibid, стр. 87.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid, стр. 88.
[8]) Бес. на посл. къ Кол., стр. 202.

Златоустъ подробно разбираетъ, какъ можно видѣть въ разныхъ его твореніяхъ, тѣ самооправданія, которыми старались виновные оправдать себя. „Старики прегрѣшали, забывъ Бога и совѣсть“ [1]) противъ 7-й заповѣди закона Божія, да и еще кое—что неладное водилось за ними; а молодость, согрѣшающая, смотрѣла и сама себя грѣхами стариковъ оправдывала. Святитель тѣхъ и другихъ вразумлялъ. „Старецъ упивается“, говорилъ онъ, „сидя въ корчемницѣ; старецъ ходитъ на конскія ристалища; старецъ приходитъ на зрѣлища. Поистинѣ стыдно и смѣшно по наружности украшаться сѣдиной, а внутри имѣть дѣтскій смыслъ. Если какой нибудь юноша оскорбитъ его, то онъ тотчасъ поставляетъ на видъ свои сѣдые волосы. Постыдись же ихъ напередъ самъ ты. Какъ станетъ почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастію! [2]) Если юноша думаетъ“, продолжалъ архипастырь, „что не можетъ быть осуждаемъ за нарушеніе цѣломудрія; то смотри, какъ много онъ имѣетъ средствъ къ его сохраненію, если захочетъ, что онъ можетъ исполнять легче старца—дабы укрощать этого звѣря—(плоть) похоть. Что же это такое? Труды, чтенія, всенощныя бдѣнія, посты. Но скажете“,—докончимъ рѣчь проповѣдника, ибо и это дальнѣйшее имѣетъ значеніе для нашего обозрѣнія:—„для чего ты говоришь это намъ, не монахамъ“? Святитель отвѣчаетъ: „мірянинъ не долженъ ни чѣмъ отличаться отъ монаха, кромѣ только одного сожительства съ женою; на это онъ имѣетъ позволеніе, а на все прочее нѣтъ; но во всемъ онъ долженъ поступать одинаково съ монахомъ. И блаженства Христовы изречены не монахамъ только, иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога въ жестокости. Если блаженства сказаны только для однихъ монаховъ и міряпину достигнуть ихъ невозможно, а между тѣмъ Богъ дозволилъ бракъ, то онъ самъ погубилъ всѣхъ“ [3]). Очевидно, въ обществѣ ходили толки: вѣдь мы—не монахи,—что намъ ужь очень строго то вести себя?! Вотъ св. Златоустъ и вразумляетъ, внушая, что равно для всѣхъ обязателенъ и спасителенъ аскетизмъ христіанскій.

Если не глубокій развратъ, то сильная распущенность нравовъ одинаково охватывала и высшіе и низшіе классы общества. Все въ поведеніи гражданъ столицы свидѣтельствовало о нецѣломуд-

---

[1]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 177.
[2]) Пословица во Влад. губ.
[3]) Ibid, стр. 133.
[4]) » » 136.

ренности общества; невоздержаніе, похотливость проникала всѣ случаи не только общественной, но даже и частной жизни.

Св. Іоаннъ Златоустъ подробно знакомитъ насъ съ брачными обычаями своего времени и съ тѣми понятіями, взглядами на брачное сожительство, которыя служили причиною этихъ обычаевъ. „Много есть такихъ предметовъ, которые отвращаютъ насъ отъ любви“, замѣтилъ въ одномъ случаѣ Златоустъ, „и много есть стезей, которыя насильно влекутъ насъ оттуда [1]). Вѣдь посмотри, что выдумалъ діаволъ! Такъ какъ отъ *сцены и отъ тѣхъ гнусностей, какія тамъ бываютъ, женщины удалены самой природой*, онъ проникъ съ театральными мерзостями въ жилище женщины: я говорю объ изпѣженныхъ и развратныхъ женщинахъ“ [2]). Обратимъ здѣсь вниманіе между прочимъ на одно обстоятельство, доселѣ не отмѣченное нами: мы подчеркнули слова: „женщины удалены отъ сцены“. Намъ кажется: это свидѣтельство проповѣдника имѣетъ такой смыслъ что женщины не были въ числѣ зрителей въ театрѣ. Даютъ поводъ утверждать это мнѣніе и многія мѣста въ бесѣдахъ Златоуста, какъ напр. слѣдующее: „Ты возвращаешься изъ театра домой не одинъ, но приводишь съ собой блудницу, входящую не явно и открыто, что было бы сноснѣе, ибо жена тотчасъ выгнала бы ее, но сѣдящую въ твоей душѣ и сознаніи“ [3]).

Біографы Златоуста, приводя творенія святителя, дѣлаютъ иногда заключенія довольно произвольно. Вотъ и въ данномъ случаѣ, свящ. В. Лебедевъ, говоря о нравственномъ вредѣ театральныхъ зрѣлищъ въ Константинополѣ, выразился: зрѣлища растлѣваютъ умы и сердца юношей и дѣвицъ [4]). И потомъ приводитъ извѣстное слово Златоуста противъ ушедшихъ на зрѣлища. А въ этомъ словѣ говорится о старцахъ, юношахъ, отцахъ, дѣтяхъ, вообще, думаемъ о отрокахъ, и ни слова не говорится о женщинахъ и дѣвицахъ. По нашему мнѣнію, такъ нельзя. Если у насъ своя цѣль—историческая вѣрность, то вѣдь также вѣренъ истинѣ долженъ быть и біографъ извѣстнаго лица, если ужь онъ касается лицъ и обстоятельствъ, соприкасающихся къ этому лицу. Но это мы замѣчаемъ между прочимъ, наша главная мысль во всей этой нашей рѣчи: женщины и дѣвицы въ театръ не ходили, косвенно

---

[1]) Бес. на 2-е посл. къ Θесс., стр. 69.

[2]) Бесѣд. на посл. къ Кол. стр. 203.

[3]) Сл. и бес. на р. случ. т. II стр. 342.

[4]) Приб. къ тв. св. отц. т. XVI, стр. 444.

же, конечно черезъ мужей, отцовъ и братьевъ и друзей, театръ и на нихъ могъ простирать свое гибельное вліяніе.

Продолжаемъ нашъ обзоръ брачныхъ обычаевъ времени Златоуста. Припомнимъ вышесказанное: „Эту язву—театральныя мерзости въ жилище женщины принесъ съ собой законъ супружества или лучше—не законъ супружества,—да не будетъ—а наша безпечность, сдѣлавшаяся закономъ. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Жена предназначается для жизни цѣломудренной и для чадородія. Такъ для чего же тутъ развратныя женщины! Для того, говоришь ты, чтобы веселѣе было... ты оскорбляешь невѣсту, оскорбляешь приглашенныхъ. Если въ этихъ вещахъ они находятъ для себя удовольствіе, то это оскорбленіе. Это придаетъ нѣсколько блеску. Когда женщины смотрятъ на безчинства развратницъ, такъ зачѣмъ ужъ ты не приводишь сюда и невѣсту, чтобы и она посмотрѣла?“ Замѣтимъ. Невѣста не присутствовала на брачномъ пиру; но конечно была въ томъ же домѣ и если не видѣла, то слышала. И это уже могло сильно или волновать грѣховно чистую душу дѣвицы, или оскорблять ея дѣвственность. „Все проникнуто [1]) должно быть скромностью, благопристойностью и хорошимъ вкусомъ“ [2]) замѣчаетъ Златоустъ. Мы приведемъ подробности его слова, ибо они во всей полнотѣ знакомятъ съ непристойными обычаями браковъ въ Константинополѣ. „Во всякомъ случаѣ срамъ и позоръ приводить въ домъ избалованныхъ мущинъ и плясуновъ со всей этой сатанинской пышностью. Бракъ есть узы, и узы установленныя Богомъ. Развратная женщина разрываетъ и уничтожаетъ эти узы. Можно еще хлопотать о томъ, чтобы брачное торжество было веселѣе, напримѣръ: приготовлять богатый столъ и роскошное платье,—я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишкомъ строгимъ. Можно для торжества надѣть лучшее платье; могутъ явиться на это торжество почтенные люди—мужчины и женщины. Но зачѣмъ ты заводишь эти забазы, эти причуды? Скачутъ, какъ верблюды или какъ мулы. Для дѣвицы нужна одна лишь спальня... По моему хорошо, что приходятъ дѣвицы почтить свою сверстницу, приходятъ также и женщины почтить ту, которая вступаетъ въ ихъ общество. Это хорошій обычай. Тѣ отдаютъ, эти принимаютъ: невѣста между ними не дѣвица и не женщина. Но для чего тутъ распутныя женщины? Вмѣсто того, чтобы укрываться и спасаться отъ нихъ, когда случится бракъ, потому

[1]) Бес. на посл. къ Кол. стр. 204.
[2]) Ibid.

что распутство—порча брака, мы приводимъ ихъ на бракъ. Бракъ благовонная масть. Какъ же ты туда, гдѣ приготовляешь благовонную масть, приносишь смрадную грязь? [1]) Бракъ не зрѣлище. Это таинство и образъ великой вещи. Это образъ церкви и Христа, а ты приводишь развратныхъ женщинъ [2])! Но если, скажешь, не будутъ танцовать ни дѣвицы, ни женщины, такъ кто же будетъ танцовать? Никто. Что за необходимость танцы? Великое таинство совершается: вонъ развратныхъ женщинъ, вонъ нечистыхъ! Какое же таинство? Соединяются два человѣка и дѣлается изъ нихъ одинъ. И почему въ то время, какъ входитъ невѣста, не бываетъ ни пляски, ни кимваловъ; а наблюдается великая тишина и спокойствіе; а когда соединятся они, ты поднимаешь такой шумъ?.. Приходятъ тѣ, которые будутъ единымъ тѣломъ. Вотъ таинство любви“ [3])! Здѣсь проповѣдникъ любви излагаетъ ученіе вѣры о таинствѣ брака и всю рѣчь направляетъ къ тому, чтобы выяснить, насколько оскорбительны для святыни брака тѣ обычаи, коими этотъ жизненный актъ бываетъ всегда окруженъ. „Каждый изъ нихъ,—женихъ и невѣста,—въ отдѣльности не полонъ, какъ будто бы у него отнята какая нибудь часть тѣла и не въ состояніи ни раждать дѣтей, ни устроить, какъ слѣдуетъ, настоящую жизнь [4]). А какимъ образомъ они бываютъ въ плоть едину? Все равно, какъ если бы ты отдѣлилъ самое чистое золото и смѣшалъ его съ другимъ золотомъ,—и здѣсь происходитъ нѣчто подобное: жена принимаетъ плодотворное вещество въ то самое мгновеніе, какъ жаръ наслажденія приводитъ его какъ бы въ разслабленное состояніе, и, принявъ, питаетъ и согрѣваетъ его, привноситъ къ нему что нужно и съ своей стороны и производитъ человѣка. И ребенокъ служитъ чѣмъ то вродѣ мостика, такъ что тутъ трое уже составляютъ одну плоть. Этотъ мостикъ устроенъ изъ того, что служило частью тѣлеснаго состава обоихъ ихъ [5]). *Въ плоть едину* т. е. соединятся въ плоть младенца. Что же, если младенца не будетъ?—И тогда они не будутъ составлять два лица? Конечно! Вѣдь это единство происходитъ отъ совокупленія, которое соединяетъ и смѣшиваетъ тѣла обоихъ. Все равно, какъ если ты въ масло вольешь благовонныя капли, у тебя выйдетъ все одно: такъ бываетъ и

[1]) Ibid. стр, 205.
[2]) » стр. 206.
[3]) » стр. 207.
[4]) » стр. 208.
[5]) » стр. 209.

здѣсь [1]). Знаю, что многіе стыдятся того, о чемъ я говорю; причиной тому наша неумѣренность и невоздержность. Это дѣло унижено оттого, что браки совершаются у насъ такимъ образомъ; оттого, что ихъ портятъ, между тѣмъ, какъ *бракъ честенъ и ложе нескверно.* Что за стыдъ,—дѣло честное? Зачѣмъ краснѣть оттого, что чисто? Потому то мнѣ и хочется очистить его,—бракъ,—возвести его на ту степень благородства, какая ему свойственна..... Осрамленъ даръ Божій, корень нашего бытія. А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистимъ же его своимъ разумомъ... Мнѣ хочется показать вамъ, что этого не должно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы дѣлаете. Есть на бракахъ сквернословіе, буесловіе, кощунство, да еще въ высшей степени, потому что это сдѣлалось искусствомъ порока..... Мы не какъ нибудь впадаемъ въ нихъ, а совершаемъ ихъ съ особеннымъ раченьемъ и умѣньемъ [2]). А ты между тѣмъ не думаешь стыдиться послѣдняго; а стыдишься перваго, и такимъ образомъ осуждаешь Бога, Который такъ устроилъ [3]). Ты хочешь послушать пріятныхъ звуковъ? Но лучше бы не слушать. Впрочемъ, если угодно, я уступаю тебѣ. Но слушай не сатанинскіе, а духовные звуки [4]). Если ты удалишь эти безпорядки, то придетъ къ тебѣ на такое брачное торжество и самъ Христосъ [5]). Но гдѣ музыканты, тамъ рѣшительно нѣтъ Христа [6]). Музыкантовъ пусть не будетъ ни одного [7]). Вѣдь гдѣ пьянство, гдѣ безчинство, тамъ непремѣнно присутствуетъ діаволъ [8]). Изъ струнъ та, которая жирна и не очищена, бываетъ неспособна издавать пріятные звуки“ [9]). „Все это говорится вамъ не безъ цѣли“, замѣчаетъ Златоустъ, „но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебныхъ увеселеніяхъ, пляскахъ и сатанинскихъ сборищахъ“ [10]). Что само общество на все это непотребство при бракахъ и на другіе пороки смотрѣло вполнѣ снисходительно, служитъ указаніемъ опять таки слово Злато-

---

[1]) Ibid, стр. 210.
[2]) » стр. 211.
[3]) » стр. 210.
[4]) „ стр. 212.
[5]) Ibid.
[6]) „ стр. 213.
[7]) » » 215.
[8]) Бес. на Дѣян. Ап. т. I, стр. 487.
[9]) Ibid, стр. 203.
[10]) Тамъ же гдѣ и 1), 2) и 3) стр. 212.

уста. „Апостолъ хочетъ, чтобы мы удалились отъ брата, безчинно ходящаго. А теперь большая часть людей считаетъ это неважнымъ, и все теперь слилось и пришло въ разстройство: мы безъ разбора, какъ случится, вступаемъ въ общеніе съ прелюбодѣями, съ блудниками, съ лихоимцами“ [1]).

Такъ подробно знакомитъ насъ святитель со всѣмъ строемъ нравственнаго быта въ Константинополѣ. И внѣшнее поведеніе людей того времени, и внутреннее настроеніе ихъ,—все передъ нами, какъ на блюдѣ. Мы въ твореніяхъ св. Іоанна Златоуста вращаемся какъ въ анатомическомъ театрѣ: какъ тамъ служитель врачебной науки съ ножомъ въ рукахъ изслѣдуетъ всю сущность организма, всѣ части его строенія до мельчайшихъ подробностей; такъ насъ святитель знакомитъ своимъ словомъ со всѣми сторонами нравственной жизни, и самыя грубыя проявленія низкихъ пороковъ и страстей современнаго ему общества все представляетъ внимательному читателю его, святителя, твореній. Мы шагъ за шагомъ слѣдуемъ за нимъ и вотъ сейчасъ нисходимъ, такъ сказать въ преисподняя земли, спускаясь на самую низшую ступень уничтоженія достоинства личности человѣка, гдѣ порокъ уподобляетъ человѣка скотамъ безсмысленнымъ,—состояніе, дальше котораго, по пути порока, человѣку идти некуда уже.

„Цѣломудріе, какъ всегда я говорю, состоитъ не только въ томъ, чтобы воздерживаться отъ прелюбодѣянія, но и въ томъ, чтобы воздерживаться и отъ прочихъ страстей“ [2]). „Постъ же состоитъ не только въ воздержаніи отъ пищи; но и воздержаніе отъ сластолюбія есть видъ поста. Это то въ особенности я заповѣдаю: воздерживайтесь не отъ пищи, а отъ сластолюбія. Пища намъ нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбіе. То полезно, а это вредно, *то пріятно, а это* непріятно; то естественно, а это противоестественно [3]). И во-первыхъ, къ женамъ обращу мое слово. Нѣтъ ничего срамнѣе жены сластолюбивой, нѣтъ ничего отвратительнѣе жены, преданной пьянству... Какъ непріятна жена, дышащая виномъ зловоннымъ и испортившимся, отрыгающая испаренія гнилаго мяса, отягченная такъ, что не можетъ встать, раскраснѣвшаяся больше надлежащаго, безпрестанно зѣвающая и дремлющая [4]). Скажу теперь о мужахъ. Что отвратительнѣе пьянаго? Онъ смѣ-

[1]) Бес. на посл. 2-е къ Θесс., стр. 79,

[1]) Бесѣд. на посл. къ Титу стр. 62.

[2]) Бес. на Дѣян. апос. т. 1, стр. 482.

[3]) Ibid стр. 483.

шонъ для рабовъ, жалокъ для друзей, достоинъ всякаго осужденія, есть болѣе звѣрь, нежели человѣкъ, ибо пресыщаться свойственно тигру, льву или медвѣдю“ [1]). И всѣ эти рѣчи, слагаясь въ любвеобильной душѣ святителя, въ концѣ концовъ вызываютъ обычное чувство попеченія о бѣдной, нищей братіи. ‹Христосъ истощается отъ голода, а ты расторгаешься отъ пресыщеній,— сугубая неумѣренность!“

Мраченъ небосклонъ въ темную осеннюю ночь, но за то какимъ яркимъ свѣтомъ выдѣляются на немъ звѣздочки, сіяюшія разными огнями! Никогда нельзя видѣть такой прелести неба, какъ именно въ самую темную безлунную ночь. Мраченъ періодъ времени въ церкви Константинопольской, когда жилъ и дѣйствовалъ въ этой столицѣ міра св. Іоаннъ Златоустъ. Это было время, о которомъ можно сказать словами нашего священнаго поэта:

Тамъ буря страстей
Словно море реветъ;
Тамъ злоба подчасъ,
Точно вѣтеръ все рветъ;
Тамъ зависти рѣчи,
Какъ волны шумятъ,
И слезы страдальца,
Какъ брызги летятъ. [2])

Но среди этой тьмы непроглядной, скажемъ опять словами святителя, какъ яркія свѣтила среди глубокаго мрака [3]), сіяли души добрыя, святыя, чистыя;—благочестивые мужи и жены, вѣрные правдѣ и любви Христовой съ такой силой, энергіей и самоотверженностью проповѣданные св. архипастыремъ. Не великъ этотъ сонмъ, но вѣдь не часты и звѣзды на небѣ Божіемъ! На высотѣ тверди небесной мы видимъ только свѣтила большихъ величинъ, а многое множество меньшихъ различить не можемъ. Такъ въ церкви Константинопольской за время Златоуста мы видимъ и знаемъ только самыхъ видныхъ изъ бывшаго тогда сонма святыхъ. А было несомнѣнно и кромѣ этихъ единицъ, извѣстныхъ намъ, нѣсколько и, быть можетъ, много, боголюбезныхъ людей. „Такіе богоугодные мужи есть и въ городахъ,“ свидѣтельствуетъ святитель, „хотя ты и не подозрѣваешь ихъ существованія“ [4]). При

[1]) Ibid. стр. 484.
[2]) Еп. Гермогенъ. † 17 авг. 1893 г. Цер. вѣд. 1894 г.
[3]) Слов. т. III. стр. 176.
[4]) Бес. на посл. къ Евр. стр. 530.

всей порочности нравовъ этого времени, мы знаемъ, какъ желаніе добра, расположеніе къ истинѣ жило въ сердцахъ и въ совѣстяхъ народа къ святому архипастырю мученику. Да! Еще было и въ этомъ обществѣ, погрязшемъ въ порокахъ, *сѣмя святое*, еще таилась искра добра. Оканчивая наше обозрѣніе нравственнаго состоянія Константинопольскаго общества за время Златоуста, мы, оставаясь вѣрны исторической справедливости, не въ правѣ умолчать о столь отрадныхъ явленіяхъ въ этой средѣ, какъ *святыя жены—діакониссы*. Мы знаемъ уже ихъ имена, но картина была бы не окончена, если бы ничего болѣе не сказали о нихъ.—Святитель, совершая свой великій подвигъ, изнемогалъ, какъ Христосъ въ саду Гевсиманскомъ, сознавая всю необъятность современнаго зла и падалъ подъ тяжестью своего креста, какъ Господь на пути страданій. Но какъ къ Спасителю явился ангелъ, укрѣпляющій его, такъ и святой страдалецъ—святитель имѣлъ утѣшеніе въ искреннемъ сознаніи, что среди нечестивцевъ, окружающихъ его, есть истинно благочестивые люди, которые вносили сладостное утѣшеніе въ жизнь св. архіерея, какъ замѣчаетъ Тьерри о св. Олимпіадѣ [1]). Насколько утѣшительны были эти отрадныя явленія для св. архипастыря среди тернистаго его пути, среди того мрака страстей людскихъ, царившихъ въ его паствѣ, уясняютъ намъ его письма изъ его изгнаннической жизни... „Мы желали бы видѣть и обнять твою любезную намъ особу“, писалъ св. Іоаннъ къ Пеанію [2]). „Усердно прошу твое благородіе какъ увѣдомлять насъ о своемъ благоденствіи, такъ и другихъ, кто насъ очень любитъ. О твоей любви къ намъ я зналъ и прежде“, писалъ святитель Пентадіи, „видѣлъ ее изъ самыхъ дѣлъ твоихъ... но теперь увѣрился въ ней положительнѣе. Ты, какъ орелъ, поднялась на свойственную тебѣ высоту свободы. Ты мирно плыла среди этого бѣснующагося моря. Надѣйся, что вѣрно и скоро доплывешь и до пристани, въ которой ждутъ тебя многочисленные вѣнцы“ [3]).

Не стало на свѣтѣ святителя Іоанна Златоустаго, но доброе сѣмя святаго его слова плодъ принесло по роду своему—сторицею. На престолъ патріарха Константинопольскаго вошелъ св. Проклъ, нѣкогда ученикъ и слуга Златоуста. Онъ свято хранитъ память о святомъ своемъ отцѣ владыкѣ Іоаннѣ. Вотъ онъ въ 437 году

---

[1]) Стр. 57.

[2]) 81 письмо.

[3]) Письмо 80-е.

въ тридесятую годину съ каѳедры церковной говоритъ похвальное слово досточтимому святителю—мученику. „Мы требуемъ, чтобы намъ возвратили епископа Іоанна“, восклицаетъ народъ. А этотъ епископъ почиваетъ уже 30 лѣтъ въ далекомъ храмѣ, въ Команахъ... „Мы хотимъ тѣла нашего отца!“ требуетъ народъ. Благочестивый царь безъ колебаній исполняетъ волю народа и желаніе патріарха. Вынута рака св. страдальца изъ нѣдръ земныхъ; везетъ св. останки царская трирема, великолѣпно украшенная. Государь императоръ, сенатъ, высшія власти гражданскія и военныя, весь городъ на берегу Босфора. Море покрыто судами и лодками; ночь; мерцаютъ, горятъ безчисленные факелы. Это столица востока встрѣчаетъ изгнанника, во гробѣ почивающаго. Храмъ св. Апостоловъ—усыпальница императора Аркадія и императрицы Евдоксіи—переполненъ православнымъ народомъ. Весь освященный соборъ здѣсь въ полномъ собраніи. Вотъ священный гробъ поставленъ на камень среди обширнаго храма. Тихо приближается къ ракѣ царь Ѳеодосій; снимаетъ онъ съ себя порфиру царскую и собственноручно смиренно и благоговѣйно возлагаетъ ее на почивающаго во гробѣ святителя Іоанна. Потомъ онъ склоняетъ взоры свои и, головой склоняясь къ священнымъ останкамъ, проситъ и молитъ святаго страдальца простить отца и мать его—царя, такъ много виновныхъ предъ нимъ—святымъ архипастыремъ. „Отецъ нашъ“! возглашаетъ народъ, какъ одинъ человѣкъ; „Отецъ нашъ, возвратись на престолъ твой!“ [1]) Священные останки св. Святителя вознесены ка каѳедру архіепископовъ столицы. Святое тѣло положено покоиться среди царей, а имя священное св. церковь причислила къ сонму святыхъ. И церковь стала чтить великаго страдальца, какъ свидѣтеля истины, какъ проповѣдника любви, какъ мученика за правду Божію, каковымъ знаетъ его и исторія и отмѣчаетъ о немъ: „quamvis sinsanquine martyr“ [2]).

---

[1]) Тьерри стр. 437—438.

[2]) Ibid., стр. 439.

Часть вторая.

Религіозное состояніе Константинопольской церкви.

ГЛАВА 1-я.

Общій очеркъ состоянія церкви.

Съ самыхъ первыхъ дней святительства въ Константинополѣ, Святый Іоаннъ Златоустъ былъ утѣшенъ усердіемъ своей паствы къ посѣщенію храма Божія и къ слышанію слова проповѣди. И не только простой народъ, въ которомъ всегда и вездѣ живѣе чувство вѣры, нѣтъ!—и интеллигенція столицы, и власти, и даже царственныя лица: всѣ были одинаково горячаго религіознаго настроенія. „Одинъ день я бесѣдовалъ съ вами“, говоритъ св. архипастырь, „и съ того дня такъ полюбилъ васъ, какъ будто издавна и съ ранняго возраста я обращался съ вами; такъ соединился съ вами узами любви, какъ будто въ теченіи неисчетнаго времени я наслаждался вашимъ пріятнѣйшимъ обществомъ. Это произошло не отъ того, чтобы я былъ склоненъ къ дружбѣ и любви, но отъ того, что вы больше всѣхъ вожделѣнны и любезны. Ибо кто не удивится вашему пламенному усердію, непритворной любви, благосклонности къ учителямъ, согласію другъ съ другомъ, которыя всѣ вмѣстѣ достаточны для того, чтобы привлечь къ вамъ и каменную душу“ [1]). Скоро Святитель опять говорилъ о томъ же расположеніи народа—паствы. „При каждомъ собраніи вижу, что пажить возростаетъ, нивы густѣютъ, гумно наполняется, снопы умножаются“ [2]). Въ особенности на первомъ же году св. архипастырь былъ утѣшенъ торжественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, проявившагося у народа, въ праздникъ перенесенія честныхъ мощей св. мучениковъ въ загородную церковь св. апостола Ѳомы. Особенность этого праздника состояла въ томъ, что царица Евдо-

[1]) Сл. и бес. на разн. сл., т. 1, стр. 548: 2-я бес. пр. Аном.

[2]) Ibid, стр. 502: 12 бес. пр. Аном.

ксія, въ полночь прибывъ въ великую церковь, взяла оттуда мощи мучениковъ и проводила ихъ чрезъ всю площадь до Дрипіи, хотя храмъ мучениковъ отстоялъ отъ города на 9 стадій [1]). Св. Златоустъ яркими красками изображаетъ въ своемъ словѣ, сказанномъ по случаю этого торжества, умилительную и назидательную картину ревностнаго усердія всего народа къ церкви. „Женщины", говоритъ Святитель, „которыя обыкновенно скрываются во внутреннихъ покояхъ и бываютъ слабѣе воска, оставивъ сокровенныя жилища, не уступали въ ревности крѣпчайшимъ изъ мущинъ и прошли пѣшкомъ такое пространство пути, не только юныя, но и престарѣлыя; и ни слабость пола, ни изнѣженность образа жизни, ни гордость знатности не воспрепятствовали ихъ усердію. Также начальники,—и они, оставивъ колесницы, жезлоносцевъ и оруженосцевъ, смѣшались съ простолюдинами. Но для чего говорить о женщинахъ или о начальникахъ, когда и сама царица, украшенная діадемою и облеченная въ порфиру, во все продолженіе пути ни мало не отставала отъ мощей, но, подобно рабынѣ, слѣдовала за святыми останками, придерживаясь раки и лежащаго на ней покрова и, отвергнувъ всю человѣческую гордость, всенародно являлась среди такого зрѣлища та, которую и евнухи, живущіе въ царскихъ чертогахъ, не всѣ могутъ видѣть. Сильная расположенность и пламенная любовь къ мученикамъ заставили ее отвергнуть всю эту внѣшность и видимымъ усердіемъ обнаружить ревность къ святымъ мученикамъ [2]). Эта христолюбивая царица [3]) въ такомъ санѣ украшается такою вѣрою" [4]), продолжаетъ проповѣдникъ и прибавляетъ: „много было прежде царицъ, но ей одной принадлежитъ это преимущественное украшеніе. Она одна изъ царицъ сопровождала мучениковъ съ такой честью, съ такимъ усердіемъ и благоговѣніемъ" [5]). На другой день торжества, въ самый праздникъ въ церкви св. ап. Ѳомы, Святитель восхваляетъ благоговѣніе царя къ святынѣ мощей. „Подлинно", воскликнулъ св. архипастырь, „удивительно не то, что царь прибылъ, но то, что онъ прибылъ съ великимъ усердіемъ, не по нуждѣ, а по расположенію" [6]). Св. Златоустъ придавалъ весьма важное значеніе этой

[1]) Oper. I. Chrisost. Montfoc , т. XII, стр. 468.
[2]) Сл. и бес. на разн. сл., т. II, стр. 243.
[3]) Ibid., стр. 244.
[4]) » » 247.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., стр. 251.

царской ревности къ церкви императора и императрицы. Сравнивая царицу съ Маріамной, сестрой Моисея, Святитель говорилъ: „та выводила одинъ народъ одноязычный, а ты множество народовъ разноязычныхъ. Подлинно ты вывела къ намъ множество сонмовъ, поющихъ пѣсни Давида на языкѣ римлянъ, сирійцевъ, варваровъ и грековъ и можно было видѣть, какъ различные сонмы имѣли всѣ одну цитру Давидову“ [1]). И торжественно восклицаетъ въ заключеніе: „за это мы не престанемъ ублажать тебя; о происходившемъ здѣсь услышатъ концы вселенной и вся земля; услышатъ наши потомки и потомки потомковъ, и никогда не будетъ предано забвенію это событіе“ [2]).

Для историка, изслѣдующаго вопросъ о религіозномъ состояніи Константинопольскаго общества, необходимо уяснить себѣ, что значитъ все это усердіе паствы Константинопольской въ данное время: и стремленіе народа въ храмъ съ самыхъ первыхъ дней святительства Св. Златоуста, и это духовное торжество людей всѣхъ званій и состояній, половъ и возрастовъ православно-христіанскаго народа,—населенія столицы съ царицей во главѣ при дѣятельномъ сочувствіи государя? Какъ сіе понимать надлежитъ!

На эти вопросы, хотя не прямо, отвѣчаетъ намъ современный историкъ. Слава Св. Іоанна Златоустаго, Антіохійскаго пресвитера—проповѣдника, прошла далеко за предѣлы Антіохійской церкви, и Константинополь зналъ его прежде, чѣмъ онъ явился здѣсь архіепископомъ этой столицы. „Былъ въ Антіохіи, что при Оронтѣ, нѣкто пресвитеръ, по имени Іоаннъ; сынъ родителей благородныхъ, прекрасный по жизни, сильный словомъ и убѣжденіемъ“ [3]),—говоритъ Созоменъ, начиная свой разсказъ о правилахъ, образѣ жизни, обращеніи, мудрости и вступленіи на каѳедру Великаго Іоанна Златоустаго. „Сильною убѣдительностью цвѣло слово Іоанна; онъ побѣждалъ имъ даже тѣхъ, которые сами, подобно ему, могли говорить и убѣждать“,—прибавляетъ лѣтописецъ [4]). Этимъ то восторгалъ онъ и народъ, особенно когда распространялся въ обличеніи согрѣшающихъ, съ дерзновеніемъ негодовалъ на оскорбителей церкви, либо на обидчика, такъ, какъ бы самъ терпѣлъ обиду. И такъ, сдѣлавшись знаменитымъ между знающи-

---

[1]) Ibid, стр. 749.
[2]) » стр. 418.
[3]) Кн. VIII, гл. 2.
[4]) Ibid.

ми чрезъ свои опыты, а между незнающими чрезъ молву, и по всей Римской имперіи прославившись словами и дѣлами, онъ былъ признанъ достойнымъ епископства надъ Константинопольскою церковью“ [1]).

Лѣтописцы обыкновенно тогда пишутъ о славѣ лицъ, отличавшихся какими либо достоинствами слова или дѣятельности, когда эти лица дѣлаются при жизни ли своей или послѣ смерти лицами историческими, то есть, потомъ уже вспоминается прошлая жизнь и дѣятельность ихъ и изыскиваются случаи и обстоятельства, подходящія къ настоящему высокому положенію даннаго лица, такъ что можно думать: не достигни человѣкъ этого положенія, и его достоинства и его заслуги на низшей ступени дѣятельности остались бы въ неизвѣстности. Но разсказъ Созомена о св. Іоаннѣ Златоустѣ мы можемъ принять съ полной увѣренностью въ его достовѣрности, потому что его подтверждаетъ самъ святый Златоустъ, свидѣтельствуя о чрезвычайномъ расположеніи къ нему народа Константинопольскаго на самыхъ первыхъ порахъ его святительства.

Желая говорить о религіозномъ состояніи Константинопольской церкви, мы привели это свидѣтельство историка въ тѣхъ видахъ, что оно можетъ уяснить намъ истинное достоинство извѣстныхъ проявленій религіознаго чувства у Константинопольцевъ. А именно. Константинопольцы весьма любили краснорѣчіе и вотъ они, прежде всего, сбѣгались въ архіепископскую церковь послушать проповѣдь Златоуста. Самъ святитель видѣлъ это и обличалъ и положительно указывалъ, что они не молиться сходятся во множествѣ, а слушать его краснорѣчіе. На третьемъ году своего священнаго служенія въ Константинополѣ св. Златоустъ говоритъ своимъ слушателямъ объ ихъ разсѣянности при богослуженіи, объ ихъ невниманіи къ чтенію въ храмѣ слова Божія и уяснялъ имъ истинную цѣль посѣщенія ими храма Божія. Вотъ это слово святителя. „Когда чтецъ, возставъ съ своего мѣста, говоритъ: сія глаголетъ Господь, и когда діаконъ, стоя, побуждаетъ всѣхъ къ молчанію, тогда онъ это говоритъ не для того, чтобы оказать честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь тому, кто чрезъ него ко всѣмъ обращаетъ рѣчь. Мы только служители—мы говоримъ не свои слова, но слова Божіи. Скажи мнѣ, если бы теперь, когда всѣ мы собраны, вошелъ человѣкъ, украшенный золотымъ поясомъ

[1]) Ibid.

и грозно и горделиво объявилъ, что онъ присланъ царемъ земнымъ и принесъ на имя всего города посланіе, то развѣ не всѣ обратились бы тогда къ нему? развѣ не воцарилось бы здѣсь совершенное молчаніе, даже безъ внушенія со стороны діакона? Я думаю, что такъ, ибо я слышалъ, какъ читаются здѣсь царскія грамоты (*) [1]). Отъ Бога приходитъ и съ неба вѣщаетъ пророкъ, и никто его не слушаетъ! Сіи посланія отъ Бога. Будемъ приходить въ церкви съ должнымъ почтеніемъ и будемъ со страхомъ слушать то, что говорится въ нихъ. Зачѣмъ, говоришь, прихожу я, если не слышу никого проповѣдующаго? Это именно, замѣчаетъ святитель, погубляетъ и растлѣваетъ все. Какая надобность въ проповѣдникѣ? Все ясно и просто, что говорится въ Божественныхъ писаніяхъ. Но такъ какъ вы *любите слушать только для своего развлеченія, то и ищете этого...* Святитель наглядно указываетъ уровень познаній въ религіи въ большинствѣ своей паствы... „Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится въ св. писаніи. Почему же ты не знаешь сего? Развѣ на еврейскомъ или на римскомъ, или на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ они написаны? Развѣ не греческимъ языкомъ говорится тамъ? Не ясно, говоришь ты, что же тамъ не ясно, скажи мнѣ. Въ священномъ писаніи содержится миожество исторій, раскажи мнѣ одну изъ нихъ! [2]). Но ты; не разскажешь; все это только предлогъ и пустыя слова. Это одно изъ оправданій нежеланія внимать чтенію слова Божія. А вотъ и другое“. И оба ихъ опровергаетъ св. Златоустъ и тѣмъ уясняетъ извѣстную и не малую силу привычки слушать не св. писаніе, не поученіе, а просто увлеченіе краснорѣчіемъ. „Каждый день, говоришь, приходится слышать одно и тоже. Что же?—скажи мнѣ!“ [3]). Оказывается и это возраженіе не состоятельно. „Если мы спросимъ: отчего вы не помните сказаннаго нами? Мы слышимъ, скажете, всего одинъ только разъ, какъ же возможно запомнить? Если же мы спросимъ, почему вы не внимаете тому, что читается въ книгахъ писанія?—вы отвѣтите: всякій разъ повторяютъ одно и тоже. И все это внушаетъ вамъ лѣность, и есть одна отговорка“ [4]).

(*) Очевидно и за время святительства Златоуста также входили въ храмъ съ манифестами императора.

[1]) Бес. на 2 посл. къ Θесс., стр. 45.

[2]) Ibid., стр. 46.

[3]) Ibid. стр. 47.

[4]) Бес. на 2-е посл. къ Θесс. стр. 48.

Когда слушатели все вниманіе сосредоточивали на краснорѣчіи проповѣдника, естественно было встрѣтить въ церкви и другое явленіе, обычное аудиторіи народныхъ ораторовъ—философовъ. Это—рукоплесканія. Св. Златоустъ многократно въ своихъ бесѣдахъ обращаетъ вниманіе слушателей на неумѣстность въ храмѣ этого шумнаго проявленія своего шумнаго восторга и одобренія проповѣди слова Божія. „Какъ если бы какой отецъ своему слишкомъ нѣжному и притомъ больному сыну давалъ пирожное, прохладительное и все, что только услаждаетъ, а полезнаго ничего не предлагалъ, и потомъ на замѣчаніе врачей сталъ бы говорить въ свое оправданіе; „что же дѣлать? я не могу видѣть плачущаго сына!“ тоже бываетъ и съ нами, когда мы заботимся о красотѣ выраженій, о составѣ и благозвучіи рѣчи, чтобы доставить удовольствіе, а не принести пользу; чтобы возбудить удивленіе, а не научить; чтобы усладить, а не умилить; чтобы получить рукоплесканія и отойти съ похвалами, а не исправить нравы“ [1]).

Конечно, при такомъ составѣ служителей церкви, каковыхъ мы изобразили по твореніямъ Златоуста въ словѣ: „клиръ“, какихъ можно было ожидать служителей слова?! Вѣдь *отъ избытка сердца говорятъ уста* и только слово, отъ сердца исходящее у проповѣдника, благотворно слагается на сердцѣ слушателя, ибо „сердце сердцу вѣсть подаетъ“, какъ говоритъ мудрость народная. Если же слово есть только произведеніе одного разсудка, холодной мысли, несогрѣтой чувствомъ, тогда трудно прививается къ душѣ другаго. А еще меньше имѣетъ доступа къ воспріятію слушателями, когда это слово говорится въ преступныхъ цѣляхъ: себя показать, порисоваться передъ публикой. Тогда оно—это слово, прямо есть мѣдь звенящая, кимвалъ звящающій, и пользы отъ него—нуль. Напрасно думаютъ, что простый православный народъ теменъ въ познаніи ученія св. вѣры и благочестія потому, что мало проповѣдниковъ, мало проповѣди. Сила не въ этомъ. И много проповѣдей говорится въ православныхъ храмахъ, и слово безъ плода остается. Дѣло въ томъ, что нѣтъ нерѣдко въ проповѣдникахъ искренняго, сердечнаго желанія научить паству, а только именно, чтобы красотой выраженій, благозвучіемъ рѣчи доставить слушателямъ удовольствіе и „отойти съ похвалами“... Проповѣдники предлагаютъ слушателямъ, какъ замѣчаетъ Златоустъ объ нѣжномъ отцѣ: „пирожное, прохладительное“.

---

[1]) Бес. на Дѣян. ап. т. II, стр. 45.

Но продолжимъ рѣчь Златоуста, характеризующую его слушателей, указывающую настроеніе его паствы при вниманіи къ слову проповѣди. „Повѣрьте мнѣ, не безъ причины говорю, когда слова мои сопровождаются рукоплесканіями, въ то время я чувствую нѣчто человѣческое,—почему не сказать правды? радуюсь и услаждаюсь; но когда возвращусь домой, подумаю, что рукоплескавшіе не получили никакой пользы, а если чѣмъ и могли воспользоваться, то потеряли отъ рукоплесканій. Неоднократно я думалъ постановить правило, чтобы не было рукоплесканій и чтобы вы слушали въ молчаніи и съ должнымъ благоговѣніемъ“ [1]). Есть и еще много указаній въ твореніяхъ Златоуста [2]).

Рядомъ съ этой цѣлью посѣщенія храма Божія—послушать проповѣдь „любопытства ради“, св. Златоустъ указываетъ крайне неблагоговѣйное поведеніе присутствующихъ въ церкви во время Богослуженія,—и опять такихъ посѣтителей большинство. Даетъ совѣты паствѣ, какъ достигать возможности остановить этотъ дурной обычай. Онъ говоритъ объ этомъ поведеніи христіанъ не какъ о случайномъ, единичномъ явленіи, а какъ о постоянной привычкѣ богомольцевъ и не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи этого порока въ религіозной жизни Константинопольцевъ. „Совершается молитва, сидятъ холодно всѣ: и юноши, и старцы, смѣясь, хохоча, разговаривая и насмѣхаясь другъ надъ другомъ, когда стоятъ наколѣняхъ [3]). Останови, укори... сильнѣе неслушающаго, пригласи діакона, пригрози, сдѣлай свое дѣло“ [4]). „Вижу“, свидѣтельствуетъ Святитель, какъ одни разговариваютъ стоя, а другіе, болѣе нескромные „не только, когда совершается молитва, но и когда священникъ благословляетъ [5]). Вамъ, которые здравы, отнынѣ заповѣдаю, что на васъ будетъ судъ и осужденіе, если кто, увидѣвъ безчинствующаго или разговаривающаго, особенно въ такое время, не остановитъ его и не исправитъ. Это лучше молитвы“ [6]).

Но несомнѣнно, что въ церкви Константинопольской среди плевеловъ была и пшеница. Торжество перенесенія мощей мучениковъ въ загородный храмъ св. ап. Ѳомы не дастъ возможности заподозрить искренность религіознаго чувства въ царицѣ и въ на-

[1]) Бес. на Дѣян. Ап. т. II, стр. 45.
[2]) Ibid, стр. 47 и др.
[3]) Бес. на Дѣян. Апос. т. I, стр. 440.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid. стр. 441.
[6]) » стр. 444.

родѣ. Если это обстоятельство исключительное въ своемъ родѣ, какъ единичный случай проявленія высшей степени народной религіозности, то хорошо и это. И это особенно свидѣтельствуетъ, что все таки въ народѣ и царской семьѣ была искра Божія. Искренность похвалы царицѣ и народу за усердіе ихъ къ святынѣ мощей говоритъ въ свою очередь объ искренности народнаго религіознаго чувства. Оно временно и такъ скоропреходяще? Такъ уже таково въ существѣ своемъ это религіозное чувство: религіозный энтузіазмъ проявляется сильно, но кратковременно; потомъ слабѣетъ и исчезаетъ, оставляя въ душѣ лишь слѣдъ своего бытія. Внѣшній видъ высокой степени религіознаго чувства можетъ быть продолжителенъ; но сила его, сущность его—всегда моментъ. Но этотъ моментъ производитъ извѣстное настроеніе въ душѣ и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о существованіи въ отдѣльномъ ли человѣкѣ, или въ обществѣ религіознаго чувства. Св. Іоаннъ Златоустъ обличаетъ свою паству въ холодности исполненія религіозныхъ обязанностей; они слушаютъ поученіе изъ любопытства, они разговариваютъ въ храмѣ за Богослуженіемъ; но онъ же хвалитъ народъ за усердіе ихъ къ храму; за благоговѣніе въ молитвѣ; за всенощныя бдѣнія, когда люди все забываютъ: и сонъ, и нужды, и немощи,—и неудержимо стремятся въ св. храмы. Мы указывали на это обстоятельство, излагая исторію существованія Константинопольской церкви до появленія св. Іоанна Златоуста на Константинопольской каѳедрѣ. Конечно, безъ причины ничего не бываетъ. И это желаніе слышать въ храмѣ не поученіе для назиданія въ области вѣры и благочестія, а только рѣчи, *тѣшащія слухъ* и эта разсѣянность предстоящихъ въ церкви—все это имѣетъ свои причины. Возьмемъ проповѣдь служителя церкви. Когда человѣкъ одно говоритъ, а другое дѣлаетъ; учитъ благочестію, а дѣлаетъ нечестіе,—кто будетъ слушать его съ искреннимъ желаніемъ научиться отъ таковаго вѣрѣ и добродѣтели? *„Очи ушесъ вѣрнѣйши“*, примѣръ сильнѣе дѣйствуетъ, и слово безплодно и кромѣ того эта проповѣдь обыкновенно бываетъ слово изъ словъ. Что могли сказать въ поученіе своимъ пасомымъ Константинопольскіе священники при извѣстномъ уже намъ нравственномъ ихъ состояніи? Вѣдь ихъ жизнь такъ хорошо была извѣстна ихъ паствѣ. Если святитель Іоаннъ Златоустъ рѣшился обличить ихъ съ церковной каѳедры, то потому уже, что зло,—если не вполнѣ безнравственное, то во всякомъ случаѣ соблазнительное поведеніе священнослужителей Константинополя,—было слишкомъ явно, чтобы мол-

чать о немъ св. архипастырю. Мы говоримъ вдѣсь о сожительствѣ клириковъ съ дѣвственницами. Великая труба истины, Василій Великій, пославшій посланіе къ нѣкоему пресвитеру Григорію, сожительствовавшему съ дѣвственницею, замѣчаетъ: „я не полагаю, чтобы семидесяти-лѣтній жилъ съ женою страстнымъ образомъ и не такъ, какъ бы за случившееся беззаконное дѣло, опредѣлилъ я то, что я опредѣлилъ; но потому, что научился отъ апостола *не полагати претыканія брату или соблазна* (Рим. XIV. 13). Знаемъ же", продолжаетъ св. Василій, „яко нѣкоторыхъ дѣйствія чистыя для другихъ бываютъ поводомъ ко грѣху. Сего ради мы повелѣли тебѣ отлучитися отъ оныя жены. Доколѣ же сіе творишь, тысящи оправданій не принесутъ тебѣ ни единыя пользы; но умрешь запрещеннымъ въ священнослуженіи... Аще же, не исправивъ себе, дерзнешь коснутися священнодѣйствія, то будешь анаѳема предъ всѣмъ народомъ и пріемлющіе тебя будутъ отлучены отъ всея церкви" [1])—Св. Іоаннъ Златоустъ болѣе мягко относится къ согрѣшающимъ, онъ пользуется указаніемъ закона о двукратномъ напоминаніи грѣшнику объ исправленіи прежде наказанія. Быть можетъ, въ Кесарійской епархіи подобное сожительство было рѣдкостью, и св. Василій пишетъ посланіе къ одному лицу. А если св. Златоустъ съ церковной каѳедры публично обличаетъ этотъ порокъ въ клирѣ,—ясно, что грѣхъ былъ общимъ въ духовенствѣ и если не всѣ были повинны въ сожительствѣ, то весьма многіе. Какъ же могли эти люди, недостойные служители церкви, выйти съ словомъ поученія къ народу? Нѣтъ! На ихъ устахъ, несомнѣнно, лежала печать молчанія! Они рта не смѣли раскрыть. А народъ жаждалъ слова. И вотъ явился Златоустъ въ церкви, съ своей краснорѣчивой проповѣдью; всѣ бросились въ его церковь слушать великаго проповѣдника. Но эти слушатели привыкли слушать не слово назиданія, а лишь красивыя рѣчи ораторовъ; съ тѣмъ же взглядомъ они пришли и въ храмъ и тѣ же обычаи принесли сюда—клики одобренія, рукоплесканія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что Константинопольскіе христіане сбѣгались слушать Златоуста не просто какъ оратора, а именно, какъ учителя вѣры и наставника благочестія. И Святитель лишь желалъ возвысить въ ихъ душахъ, очистить ихъ святое желаніе отъ ненужной примѣси. Рукоплесканія—обычай театральный. Конечно, въ семьѣ не безъ урода; могли быть во мно-

[1]) Кн. «Синтагма» Властыря,—съ греч. свящ. Ильинскаго. Симферополь 1892 г., . 189.

жествѣ и охотники послушать только краснорѣчіе, если ужъ были насмѣшники, которыхъ зналъ Златоустъ. Созоменъ замѣчаетъ о Златоустѣ: „весьма многихъ, слушавшихъ его въ церкви, Іоаннъ привлекъ къ добродѣтели и въ отношеніи къ предметамъ Божественнымъ сдѣлалъ ихъ своими единомышленниками“ [1]). При этомъ историкъ указываетъ и причину этого вліянія. „Ибо“ говоритъ, „проводя жизнь свято, онъ своей добродѣтелью доблестно возбуждалъ въ слушателяхъ соревнованіе и увлекалъ ихъ къ своему образу жизни не искусствомъ какимъ нибудь или силой слова, а тѣмъ, что проповѣдывалъ истину и искренно изъяснялъ священныя книги. Если слово украшается дѣлами“, разсуждаетъ Созоменъ, „то естественно является достойнымъ вѣры; а безъ нихъ оно говорящаго обличаетъ во лжи; сколько бы онъ ни старался учить, дѣлаетъ его обвинителемъ отъ собственныхъ словъ“. Но Святитель всей душей стремится поддержать на подобающей высотѣ Константинопольское священство, чтобы поддержать въ православномъ народѣ хоть сколько нибудь благоговѣніе къ службѣ Божіей и въ сердца самихъ священниковъ вселить сознаніе святыни ихъ долга по слову Христа: *льна курящагося не угасить и трости надломленной не сокрушить* (Мѳ. XII. 20).

Мы сейчасъ приведемъ нѣсколько собственныхъ словъ Златоуста изъ одной его бесѣды на 1-е посланіе къ Ѳессалоникійцамъ. Но прежде одно замѣчаніе объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ это слово.

Несомнѣнно, Константинопольское общество не высоко цѣнило свой клиръ; подвергало насмѣшкамъ и совершенно далеко было отъ малѣйшей доли уваженія. И причиною этого, какъ очевидно, было, между прочимъ, въ ряду другихъ недостатковъ этого сословія и сожительство клириковъ съ дѣвственницами. „Священникъ предстательствуетъ за тебя предъ Богомъ, и ужели ты не будешь чувствовать къ нему признательности“, говоритъ Святитель. „Но какъ онъ предстательствуетъ, говоришь? Такъ, что онъ молится за тебя, подаетъ тебѣ духовный даръ, сообщаемый чрезъ крещеніе; надзираетъ за тобой, поучаетъ, вразумляетъ тебя, въ полночь, если позовешь, идетъ. Онъ ничего за это не получаетъ, развѣ только то, что подвергается твоему злословію и долженъ сносить твои укоризны. Какая ему была нужда въ тебѣ? Добро онъ сдѣлалъ для тебя или зло? Ты имѣешь жену, наслаждаешься удо-

[1]) Ibid.

вольствіями,—(не намекъ ли это на укоризны извѣстнаго характера?), занятъ житейскими выгодами, а священникъ на то только посвятилъ себя; для него нѣтъ другаго занятія въ жизни (рѣчь относительно выгодъ, каковы: торговля, адвокатура и т. п.), кромѣ служенія церкви. *Имѣйте ихъ*, продолжаетъ апостолъ, *по преизаха въ любви за дѣло ихъ. Мирствуйте съ ними.* Видишь ли, прибавляетъ Святитель, „какъ хорошо онъ зналъ встрѣчающіяся въ жизни огорченія [1]). Кто любитъ Христа, тотъ будетъ любить и священника, каковъ онъ ни былъ (замѣчательное выраженіе!), потому что чрезъ него сподобился страшныхъ таинъ. Священникъ отверзъ тебѣ небо и ты его не любишь [2]) и не обнимаешь!“ Въ другой своей бесѣдѣ Св. Іоаннъ выражаетъ скорбь свою о такомъ отношеніи пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и показываетъ безуспѣшность своихъ внушеній. „Не столько жена плачетъ о своемъ мужѣ или мать о сынѣ, сколько я о всѣхъ васъ вообще“, говоритъ Святитель въ бесѣдѣ XXIII на посланіе къ Евреямъ. „Я не вижу никакого успѣха, все обращается въ клевету и осужденіе. Никто не старается угождать Богу, а только злословитъ то того, то другаго и говоритъ: такой то недостоинъ быть въ клирѣ, такой то живетъ нечестиво. Тогда какъ намъ слѣдовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаемъ другихъ, между тѣмъ какъ не должны дѣлать этого и въ томъ случаѣ, если бы мы были чисты отъ грѣховъ“ [3]).

Такія отношенія между паствою и пастырями были причиною и холодности христіанъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей съ одной стороны, и низкаго уровня религіознаго состоянія вообще. Мы представимъ немногія черты того и другаго явленія въ жизни. „Христосъ есть нашъ первосвященникъ, принесшій жертву, очищающую насъ, ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но никогда не оскудѣвающую. Такъ какъ я упомянулъ объ этой жертвѣ, то хочу сказать вамъ, посвященнымъ въ тайны, не многое,—не многое по объему, но заключающее въ себѣ великую силу и пользу. Что же такое? Многіе причащаются этой жертвы однажды во весь годъ, другіе дважды, а иные нѣсколько разъ. Слова наши относятся ко всѣмъ не только присутствующимъ здѣсь, но и къ находящимся въ пустынѣ; они причащаются однажды въ годъ, а иногда и черезъ два года. Что же—кого намъ

[1]) Ibid, стр. 162.
[2]) Ibid, стр. 163.
[3]) Ibid, стр. 367.

одобрить? Тѣхъ ли, которые причащаются однажды; или тѣхъ, которые часто; или тѣхъ,—которые рѣдко? Ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ; но причащающихся съ чистою совѣстью, съ чистымъ сердцемъ, съ безукоризненной жизнью. Такіе пусть всегда приступаютъ, а не такіе никогда. Скажи мнѣ, увѣщаваю тебя: приступая къ причащенію черезъ годъ, неужели ты думаешь, что сорока дней тебѣ достаточно для очищенія твоихъ грѣховъ за все это время? А потомъ по прошествіи недѣли опять предаешься прежнему... Сорокъ дней ты употребляешь на возстановленіе здоровья души,—а быть можетъ и не сорокъ,—и думаешь умилостивить Бога?! Ты шутишь, человѣкъ! Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить вамъ приступать однажды въ годъ; но болѣе желая, чтобы вы непрестанно приступали къ святымъ тайнамъ“ [1]).

Было другое уклоненіе отъ исполненія христіанскаго долга, не менѣе важное для спасенія души. Многіе въ Константинополѣ, исповѣдуя святую христіанскую вѣру, по разнымъ причинамъ медлили принимать таинство крещенія; иные отлагали его намѣренно до самой кончины и всю жизнь оставались въ числѣ оглашенныхъ. Въ первой бесѣдѣ Святителя на книгу Дѣяній Апостольскихъ мы видимъ указаніе на это уклоненіе и совѣты св. архипастыря, убѣждающіе пасомыхъ его исправить этотъ недостатокъ въ ихъ религіозной жизни. Въ этой бесѣдѣ мы знакомимся и съ тѣми препятствіями, какія поставляли себѣ медлившіе принимать крещеніе. Приведемъ слова св. Златоуста въ нѣкоторой цѣлостности, объединяя главную мысль поученія.—„Замѣть“, говоритъ проповѣдникъ, имѣлъ ли кто тяжкіе грѣхи, совершилъ ли, напримѣръ, убійство ли, прелюбодѣяніе, или сдѣлалъ что нибудь другое, еще тягчайшее,—все это отпускается чрезъ купель крещенія. Но если кто опять впалъ въ прелюбодѣяніе и совершилъ убійство, то хотя прежнее прелюбодѣяніе разрѣшено, и то убійство отпущено, и уже не вспоминается, тѣмъ не менѣе за эти грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, мы подвергаемся такому же наказанію, какъ бы и прежніе были вспомянуты и даже гораздо большему.—Ибо это уже не просто грѣхъ, но грѣхъ двойной и тройной. Можетъ быть, я многихъ отвлекъ теперь отъ принятія крещенія? оговаривается проповѣдникъ,—„но я сказалъ это не съ тою цѣлью, но для того, чтобы принявшіе крещеніе пребывали въ цѣломудріи и воздержаніи. Но я боюсь, скажетъ кто-нибудь. Если бы ты боялся, то принялъ бы

[1]) Ibid. стр, 289.

и сталъ хранить. Но по тому то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь не сохранить? А такъ, безъ крещенія, отойти боишься? Богъ, скажешь, человѣколюбивъ! Потому то и прими крещеніе, что онъ человѣколюбивъ и помогаетъ намъ. Прекрасны и вожделѣнны таинства", продолжаетъ святитель, „но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душею. Тогда время не таинствъ, но завѣщанія. Скажи мнѣ: если никто не рѣшится написать завѣщаніе, находясь въ такомъ состояніи,—а если и напишетъ, то дастъ возможность впослѣдствіи опровергнуть его,—почему и начинаютъ завѣщанія вотъ этими словами: „я при жизни, находясь въ полномъ и здравомъ разумѣ, дѣлаю распоряженіе о своемъ имуществѣ",—то какъ возможно тому, кто потерялъ сознаніе, быть правильно посвященнымъ въ таинства".

Изъ словъ св. Златоуста видно, что одни отлагали крещеніе на неопредѣленное время, другіе пріурочивали принятіе таинства къ одному извѣстному времени, а третьи отлагали именно до самой кончины жизни. „Ты ожидаешь времени четыредесятницы", говоритъ святитель; „для чего? развѣ это время имѣетъ что нибудь особенное? Апостолы не въ пасху удостоились благодати, но въ другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысячъ, равно какъ Корнилій евнухъ и многіе другіе. И такъ, не будемъ выжидать времени, чтобы чрезъ медленность и отлагательство не лишиться такихъ благъ и не отойти безъ нихъ. Какъ, думаете вы, я скорблю, когда слышу, что кто нибудь отошелъ отсюда, не бывъ посвященъ въ таинства? Какъ опять я сокрушаюсь, когда вижу другихъ, дошедшихъ до послѣдняго издыханія, но и тѣмъ не вразумляющихся! По сему то и происходитъ многое, недостойное этого дара. Слѣдовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться вѣнками, когда кто нибудь посвящается въ таинства. Какъ же происходитъ противное? Жена стоитъ въ слезахъ, когда бы слѣдовало радоваться; дѣти рыдаютъ, когда бы нужно было веселиться; самъ больной лежитъ мраченъ, въ страхѣ и смущеніи, когда бы должно было торжествовать. Онъ весь въ печали отъ мысли о сиротствѣ дѣтей, о вдовствѣ жены и запустѣніи дома. Такъ ли, скажи мнѣ, приступаютъ къ таинствамъ? Такъ ли пріобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлетъ указъ объ освобожденіи узниковъ изъ темницы,—бываетъ веселіе и радость. А когда Богъ посылаетъ съ небесъ Духа Святаго и прощаетъ не денежныя недоимки, но всѣ вообще грѣхи,—вы всѣ плачете и сокрушаетесь! Что за несооб-

разность? Не говорю еще о томъ, что и на мертвыхъ была изливаема вода и на землю была повергаема святыня; но не мы въ этомъ виноваты, а люди безразсудные. Посему умоляю васъ: оставимъ все, обратимся къ самимъ себѣ и со всею ревностью приступимъ ко крещенію“ [1]).

ГЛАВА II-я.

Противорелигіозные обычаи.

Удивительно ли, если и среди Константинопольскихъ христіанъ, при столь слабомъ вліяніи церковнаго клира на паству и прямо враждебныхъ отношеніяхъ, если и здѣсь находили полную возможность оставаться различные суевѣрные обычаи, остатокъ язычества? До 500 храмовъ, какъ мы уже указали, имѣлъ Константинополь; вѣроятно, не менѣе и священниковъ; и здѣсь, гдѣ жилъ патріархъ столицы царства, куда съѣзжались архіереи патріархата, гдѣ были соборы и даже соборъ вселенскій,—здѣсь гнѣздились гадатели, ворожеи; здѣсь царили въ жизни народной среди христіанъ примѣты, сказки и *бабьи басни*, которыми обставлялась также, какъ и въ Антіохіи, вся жизнь человѣка отъ рожденія до гроба. Святитель и здѣсь вооружался и и крѣпко ратовалъ противъ этихъ суевѣрныхъ привычекъ и его бесѣды по этому случаю представляютъ для насъ историческій документъ, которымъ мы, хотя очень кратко, и воспользуемся.

„Воръ лишилъ тебя денегъ, но для чего ты самъ себя лишаешь спасенія?“ говоритъ Златоустъ... „Онъ лишилъ тебя внѣшнихъ благъ, которыя впослѣдствіи и противъ твоей воли оставили бы тебя, а ты отнимаешь у себя вѣчное богатство. Опечалилъ ли тебя діаволъ, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздавъ благодареніе Богу и не дай ему порадоваться. Если ты ходилъ къ гадателямъ, то возвеселилъ его; если благодарилъ Бога, то нанесъ ему смертельный ударъ. И смотри, что происходитъ: не смотря на то, что ты сходишь къ гадателямъ, ты не найдешь денегъ, ибо не ихъ дѣло знать, гдѣ твои деньги, а если бы случайно и сказали, гдѣ, то ты и свою душу погубишь и подвергнешься осмѣянію своихъ собратій [2]). Но не удивляйся, если бы и сказали тебѣ, гдѣ твои деньги. Демонъ безтѣлесенъ; онъ всюду обходитъ,

[1]) Ibid.

[2]) Бес. на 1-е посл. къ Θесс., стр. 57,

самъ онъ вооружаетъ грабителей, ибо такія дѣла происходятъ нѣ безъ демона. Слѣдовательно, если онъ вооружаетъ ихъ, то знаетъ, гдѣ полагаютъ деньги: ему нельзя не знать своихъ слугъ [1]). Но, конечно, подобное обстоятельство случайность, которой многіе могутъ избѣжать и, слѣдовательно, могутъ быть свободны и отъ этого грѣха. Но вотъ суевѣрные обычаи, которыхъ трудно было избѣжать кому-либо, ибо они совершались помимо воли того, надъ кѣмъ они совершались.

„Не можетъ быть, чтобы человѣкъ, благодарящій въ несчастіи, страдалъ", говоритъ Святитель. „Если, напр., болитъ дитя, а мать благодаритъ Бога, она сдѣлалась дщерью Авраама... Заболѣло другое дитя, она не сдѣлала волшебныхъ повязокъ, и это признано ея мученичествомъ, потому что мыслію—она принесла сына въ жертву. Ибо что за дѣло до того, что эти повязки не приносятъ никакой пользы, что это дѣло обмана и насмѣшки. Есть и такіе, которые вѣрятъ, что онѣ полезны. Но она лучше согласилась видѣть свое дитя мертвымъ, чѣмъ предаться идолослуженію. И такъ эта мать есть мученица, съ собою ли она, съ дитятею ли такъ поступила; съ мужемъ или съ кѣмъ бы то ни было изъ наиболѣе любимыхъ; такъ другая есть идолослужительница, потому что она очевидно и жертву принесла бы идоламъ, если бы только могла принести, а лучше сказать, она сдѣлала уже то, что составляетъ жертву. Ибо эти повязки, сколько бы не мудрствовали употребляющіе ихъ, утверждая, что мы призываемъ Бога, больше ничего не дѣлаемъ и тому подобное, что старуха христіанка и вѣрная,— все же въ этомъ идолослуженіе. Ты вѣрная? *перекрестись*, скажи: вотъ единственное мое оружіе, вотъ мое лекарство, другаго не знаю" [3]). „Если слово: во имя Отца и Сына и Св. Духа—ты произнесъ съ вѣрою, то ты все совершилъ" [4]). Другіе еще вѣшаютъ на шею названія рѣкъ и множество подобнаго позволяютъ себѣ. Вотъ я объявляю и предупреждаю всѣхъ васъ: не буду болѣе щадить, если о комъ-нибудь узнаю, что онъ дѣлалъ повязку или заклинаніе или другое что, относящееся къ этому искусству... Здѣсь, говоришь, нѣтъ идолослуженія, а просто заклинаніе. Это сатанинская мысль; это дьявольская хитрость—скрывать заблужденіе и въ

[1]) Бес. на 1-е посл. къ Θесс., стр. 57.
[2]) Ibid., стр. 58.
[3]) 8-я бес. на посл. къ Кол.
[4]) Бес. 9-я,

медѣ подавать ядъ. Когда дьяволъ увидѣлъ, что тѣмъ способомъ не увѣрилъ (идолослуженіемъ), пошелъ этимъ путемъ: повязками и *бабьими баснями*. И вотъ крестъ пренебрегаютъ, суевѣрныя надписи предпочитаютъ ему, Христа изгоняютъ и вводятъ пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано, а дьявольское заблужденіе торжествуетъ. А что о другихъ смѣшныхъ суевѣріяхъ, о золѣ, сажѣ, соли... И опять—эта старуха тутъ. Подлинно смѣхъ и стыдъ: отъ глазу, говоритъ, погибло дитя... Доколѣ же будутъ продолжаться эти сатанинскія дѣла“ [1])? „Умоляю васъ, отнимая дѣтей отъ матерней груди, не будемъ научать ихъ баснямъ старухъ“, говорилъ Святитель въ другой разъ, предостерегая паству отъ праздныхъ разговоровъ [2]).

Если и этотъ суевѣрный обычай могъ касаться нѣкоторыхъ, хотя и не очень многихъ, то былъ въ христіанскомъ обществѣ Константинопольской церкви другой обычай, противный ученію слова Божія—заповѣди Господней: это *клятва*,—но опять въ смыслѣ только „*божбы*“ преимущественно, какъ это видимъ изъ словъ Святителя. По крайней мѣрѣ онъ возстаетъ именно противъ этой привычки Константинопольцевъ и ни однимъ словомъ не даетъ повода думать, что онъ говоритъ о клятвѣ церковной—присягѣ, о которой онъ частію говорилъ, какъ объ обычной въ церкви Антіохійской за время своего пресвитерства тамъ. „Положимъ себѣ ежедневные законы... отсѣчемъ отъ устъ своихъ частую клятву, обуздаемъ языкъ; пусть никто не клянется Богомъ. Прошу и умоляю, приложимъ къ этому стараніе. Мы положили себѣ законъ не клясться; въ теченіе трехъ или даже четырехъ дней мы исполняли его, но потомъ встрѣтилась какая либо нужда и мы расточили всю собранную прибыль. Посему громкимъ и яснымъ голосомъ объявляю всѣмъ и настоятельно требую, чтобы тѣ, которые виновны въ этомъ преступленіи и произносятъ слова, происходящія *отъ непріязни* (Мѳ. 5. 37), а это и есть клятва,—не переступали за порогъ церковный. Но настоящій мѣсяцъ пусть будетъ назначенъ вамъ для исправленія. Если кто не захочетъ исполнять этого приказанія, то я настоящимъ словомъ, какъ бы нѣкоторою трубою, запрещаю такому человѣку переступать за порогъ церковный, хотя бы то былъ начальникъ, хотя бы самъ носящій діадему... Пусть никто не считаетъ это шуткой, но послушайтесь меня“ [3]).

---

1) 8 бес. на посл. къ Кол.

2) Бес. на 2-е посл. къ Θесс., стр. 29.

3) 8 бес. на Дѣян. Ап.

Святитель многократнымъ обличеніемъ обычая клятвы ясно даетъ понять, что это былъ обычай всеобщій и привычка, вѣвшаяся въ плоть и кровь, которую можно бы было оставить только послѣ усиленной борьбы. Проповѣдникъ указываетъ и условія, которыми эта привычка держалась и тѣ пріемы, которыми онъ располагалъ истребить эту привычку. „Не говори мнѣ“, продолжаетъ Златоустъ, „меня заставляетъ клясться необходимость, потому что мнѣ не вѣрятъ. Оставь пока клятвы, произносимыя по привычкѣ [1]), то есть безцѣльно, произнося болѣе клятвъ, чѣмъ словъ“, какъ замѣтилъ св. Іоаннъ въ одной изъ своихъ Антіохійскихъ бесѣдъ. Разсуждая о какомъ нибудь добродѣтельномъ человѣкѣ, мы говоримъ: умой уста твои и тогда вспоминай о немъ; а между тѣмъ имя досточтимое, которое выше всякаго имени, имя чудное по всей земли, отъ котораго трепещутъ демоны, мы всюду произносимъ безразсудно! О, привычка! отъ ней то произошло то, что это имя пренебрегается . Удалимъ отъ души эту болѣзнь! Прежде всего будемъ гнать ее съ рынка, изъ лавокъ и изъ всѣхъ другихъ торговыхъ заведеній. Намъ будетъ отъ этого больше прибыли. Не думайте, что отъ нарушенія Божественныхъ законовъ житейскія дѣла идутъ лучше. Но мнѣ, скажешь, не вѣрятъ... Дѣйствительно, мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ и это: если я не произнесу тысячу клятвъ, мнѣ не вѣрятъ.—Ты самъ причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всѣмъ было извѣстно, что ты не клянешься; то повѣрь словамъ моимъ, ты сдѣлалъ бы только знакъ и тебѣ повѣрили бы больше, чѣмъ тѣмъ, которые даютъ тысячи клятвъ [2]). Но сильна, скажешь, привычка и тебѣ трудно оставить ее... Если такъ велика сила привычки, то перемѣни ее на другую. Да какъ, скажешь, это возможно? Я часто уже говорилъ объ этомъ и теперь скажу: пусть многіе слѣдятъ за вашими словами, пусть изслѣдуютъ и исправляютъ ихъ!“ [3]).

Святитель внимательно слѣдилъ за исполненіемъ своихъ внушеній и говорилъ своей паствѣ: „исполняйте и твердо храните законъ о клятвѣ: сохранившій пусть выставляетъ на видъ не сохранившаго, пусть увѣщаваетъ и сильно обличаетъ его. Срокъ мѣсячный близокъ; я изслѣдую дѣло и уличеннаго отлучу и не допущу въ церковь. Возчувствуйте важность этой добродѣтели (не

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. бес. 10-я.

клясться). Если такъ будетъ, „заключаетъ Святитель одну изъ своихъ бесѣдъ о клятвѣ, то не вы только, предстоящіе здѣсь, получите пользу, но и всѣ, живущіе во вселенной; и не они только, но и тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ“ [1]).

Св. Златоустъ указываетъ въ своихъ бесѣдахъ и еще одинъ обычай, не согласный съ закономъ любви Христовой. И такъ какъ этотъ обычай касается также употребленія имени Божія всуе, безъ должнаго уваженія, то и о немъ мы скажемъ здѣсь словами самого Святителя,—это *обычай „заклятія“*, это порокъ невниманія къ заклинанію именемъ Божіимъ.

Говоря о словахъ ап. Павла: *„заклинаю вы Господомъ прочести посланіе сіе предъ всею святою братіею“* (1 посл. къ Θесс. V. 27), Златоустъ замѣчаетъ: „не просто повелѣваетъ онъ, но съ заклинаніемъ“ и продолжаетъ: „а нынѣ и это напрасно. Случается часто, что наказываемый разъ, заклиная и Богомъ и Христомъ Его, говоритъ: дай Богъ тебѣ умереть христіаниномъ,—и никто не слушаетъ, никто не обращаетъ на это вниманія. Если же будетъ заклинать наказывающаго собственнымъ его сыномъ, то всякій тотчасъ, хотя противъ воли, хотя со скрежетомъ зубовъ уменьшаетъ однако ярость свою“ [2]). Потомъ Святитель подробно разсказываетъ, какъ одной женщинѣ, свято исполнившей просьбу заклятіемъ одной несчастной рабы, самъ Христосъ явился въ отверстыхъ небесахъ. Заклятіе было такого рода, свидѣтельствуетъ Святитель: „не презри прошенія моего, чтобы Христосъ не презрѣлъ тебя въ день судный“ и прибавляетъ: „я разсказалъ объ этомъ для того, чтобы мы не пренебрегали заклятій, особенно, когда кто-либо умоляетъ насъ о дѣлахъ добрыхъ, о милостынѣ, о человѣколюбіи. Но вотъ сидятъ нищіе, лишенные ногъ и смотрятъ, какъ ты проходишь ихъ мимо. Такъ какъ они не въ состояніи идти за тобою, то надѣются удержать тебя страхомъ заклятія, какъ бы нѣкотораго рода удочкой и, простирая къ тебѣ руки, заклинаютъ подать одинъ или два овола; а ты, не смотря на то, что тебя заклинаютъ твоимъ Господомъ, проходишь мимо. Когда тебя заклинаютъ твоими очами, именемъ отсутствующаго друга, именами сына или дочери, ты тотчасъ уступаешь ихъ просьбѣ; твое сердце приходитъ въ сильное движеніе, согрѣвается; а когда заклинаютъ тебя твоимъ Господомъ, ты проходишь мимо. Я зналъ многихъ

[1]) XI бес. на 1-е посл. къ Θесс.

[2]) XI бес. на 1-е посл. къ Θесс.

женщинъ, которыя, услышавши имя Христа, проходили мимо; но когда подходящіе къ нимъ хвалили ихъ красоту, онѣ смягчались, таяли отъ удовольствія и простирали руку. Такимъ образомъ онѣ сами заставляли несчастныхъ нищихъ рѣшаться на это достойное смѣха дѣло. Ибо такъ какъ они, употребляя сильныя и скорбновозбуждающія выраженія, не трогали ихъ души; то должны были прибѣгнуть къ такому средству, чрезъ которое могли доставить имъ особенное удовольствіе. Такимъ образомъ великое наше нечестіе принудило убогаго и томимаго голодомъ говорить, когда онъ проситъ милостыни, похвальныя рѣчи нашей красотѣ“ [1]).

Какимъ образомъ увѣнчались труды проповѣдника, мы не знаемъ. Но судя по тому, что только въ первыхъ бесѣдахъ на книгу Дѣяній Апостольскихъ говорятся поученія противъ божбы и нигдѣ болѣе не повторяются, можно думать, что *овцы послушались гласа своего пастыря*.

* * *

Представляя множество извлеченій изъ твореній святителя,— и *кабинетныхъ*, каковы, такъ называемыя, „монашескія“ произведенія; и проповѣдничества *церковнаго*,—давно, съ первыхъ главъ нашего изслѣдованія, мы задались намѣреніемъ уяснить устройство храма, современнаго Златоусту. И вотъ когда почти уже оканчиваемъ „исторію церквей“, гдѣ проповѣдывалъ Вселенскій учитель, мы исполняемъ нашъ долгъ, находя небезъинтереснымъ для возстановленія картины состоянія религіозно-нравственной жизни Церквей, особенно Константинопольской, ознакомленіе съ указаннымъ предметомъ.

По характеру свѣдѣній начнемъ наше изслѣдованіе нѣсколько издалека.

Царствованіе Константина Великаго представляетъ блестящую эпоху въ исторіи мѣстъ богослужебныхъ собраній христіанъ.

Константинъ и Лициній, послѣ побѣды надъ Максентіемъ, обнародовали эдиктъ, которымъ предоставлялась христіанамъ полная свобода въ отправленіи богослуженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ эдиктомъ возстановлялись ихъ права на владѣніе тѣми богослужебными мѣстами, которыя были отняты у нихъ язычниками, и объявлялось христіанамъ неограниченное право строить новыя церкви.

[1]) Ibid.

Радость христіанъ по поводу этихъ событій описываетъ Евсевій въ слѣдующихъ словахъ: „Неизреченною радостію исполнились мы, возлагавшіе надежду на Христа Бога. И то была у всѣхъ какая-то божественная радость, когда увидѣли, что мѣста, незадолго передъ тѣмъ опустошенныя нечестіемъ тирановъ, какъ бы послѣ продолжительной и смертоносной язвы снова оживаютъ; что храмы, начиная съ основанія до высоты недосягаемой, опять воздвигаются и получаютъ гораздо лучшій видъ, нежели прежде разрушенные". Когда же Константинъ послѣ побѣды надъ Лициніемъ сдѣлался единодержавнымъ и объявилъ себя сторонникомъ христіанства, то самъ принялъ на себя заботы о построеніи новыхъ христіанскихъ церквей и не щадилъ для этого денегъ. Біографъ его Евсевій съ особенною любовію описываетъ это расположеніе императора и его матери Елены къ храмамъ. Онъ сообщаетъ, что Константинъ не только возстановлялъ на свои средства церковныя зданія, разрушенныя язычниками но и строилъ новыя.

Такъ построено было Константиномъ и его матерью Еленой множество церквей въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ, Никомидіи, *Антіохіи*, Мамврѣ, Геліополисѣ *и Византіи*. Съ особенною подробностью описываетъ Евсевій построенныя Константиномъ церковь Воскресенія и церковь Св. Апостоловъ, гдѣ, по приказанію царя, поставлена была и его гробница. И послѣ Константина храмы Божіи съ каждымъ годомъ распространялись болѣе и болѣе по всему лицу земли. Даже тяготѣніе богоотступника—императора Юліана къ язычеству и іудейству не принесло ожидаемаго ущерба ни христіанству, ни храмостроительству, хотя объ отношеніи ближайшихъ преемниковъ Юліана—Іовиніана и Валентиніана къ вопросу о построеніи храмовъ ничего неизвѣстно. Когда же умеръ Валентиніанъ (375 г.), для христіанскихъ храмовъ настала неблагопріятная пора. Это было время переселенія народовъ, когда естественно забота о капитальныхъ постройкахъ отходила на задній планъ. Императоръ Ѳеодосій (379—395 г.г.) лишь на короткое время воскресилъ славу древняго римскаго государства. Если доселѣ по временамъ язычество еще возвышало свой голосъ, напр. въ лицѣ Перокла, Ливанія, Симмаха и другихъ,—то въ царствованіе Ѳеодосія христіанство настолько успѣло уже подавить его разлагающуюся силу, что Ѳеодосій младшій въ 420 году могъ сказать: „теперь нѣтъ болѣе язычества". Въ 380 и 392 году онъ, подъ страхомъ наказанія, запретилъ всякое идолослуженіе, заперъ языческіе храмы, отнялъ у язычества всякія привиллегіи и пре-

вратилъ языческій храмъ въ Иліополѣ въ христіанскую церковь. Примѣру его послѣдовали Аркадій и Гонорій.

Всѣ эти краткія свѣдѣнія мы заимствовали изъ „Церковно-Археологическаго изслѣдованія“ Н. В. Покровскаго о „происхожденіи древне-христіанской базилики“ (С.П.Б. 1880 г). въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы уяснить устройство храма, современнаго Златоусту, дававшее возможность и извѣстной постановкѣ совершенія церковнаго богослуженія и обусловливавшее внѣшній характеръ церковнаго проповѣдничества. Для знакомства съ архитектурою этого вѣка особенное значеніе имѣетъ переписка двухъ современниковъ Павлина Нолянскаго и Сюльпиція Севера, въ которой заключаются богатыя указанія, подтверждающія не только фактъ существованія храмовъ, но и подробности ихъ внѣшняго и внутренняго украшенія.

Христіанскіе храмы съ IV-го вѣка представляютъ значительное разнообразіе; но если не придавать важнаго значенія деталямъ, то все это разнообразіе архитектурныхъ формъ можно свести къ двумъ главнымъ группамъ: базиличной и центричной, изъ коихъ первая--древнѣйшая, а вторая была формою новою въ то время. Въ общихъ типическихъ чертахъ первая, древнѣйшая, базиличная форма осталась неизмѣнною и послѣ Константина Великаго, хотя, въ силу общаго закона постепеннаго осложненія простѣйшей формы, который царитъ во всей исторіи христіанскаго искусства, подробности христіанской базилики должны были потерпѣть нѣкоторыя измѣненія, вызванныя, съ одной стороны, требованіями постепенно развивающейся техники и вкуса; съ другой—осложненіемъ христіанскаго богослуженія и нуждою приспособленія храма къ нуждамъ практическимъ. И какъ въ исторіи цивилизаціи вообще тѣ или другія радикальныя перемѣны подготовляются иногда цѣлымъ рядомъ событій и перемѣнъ, такъ и въ исторіи архитектуры: купольная Византійская форма, достигшая своего апогея въ эпоху Юстиніана, образовалась подъ вліяніемъ построекъ временъ Константина Великаго. Греческій геній на мѣстѣ сгорѣвшей Софіи, гдѣ священнодѣйствовалъ и поучалъ Златоустъ, создалъ чудную Софію въ Константинополѣ, которая доселѣ составляетъ предметъ всеобщаго удивленія. Но это уже новый стиль эпохи Юстиніана.

Эта дивная старица,—Цареградская Софія,—любезна православно—русскому сердцу, и не только какъ чудо храмовой архитектуры, но и какъ памятникъ былого величія и славы и святыни греческой церкви, матери родительницы церкви русской.

Но насъ занимаетъ иной вопросъ: въ какомъ храмѣ, какого устройства, какого расположенія молился, священнодѣйствовалъ и поучалъ нашъ Вселенскій святитель и учитель Іоаннъ Златоустый, нашъ необыкновенный *историкъ?* Наши взоры обращаются къ эпохѣ церковной архитектуры его—Златоустаго—времени, къ „Святой Софіи"—базиликѣ.

Базиликами въ древнемъ—языческомъ Римѣ назывались общественныя зданія, предназначенныя для суда и торговли, а въ христіанскомъ періодѣ—церкви, или устрояемыя въ языческихъ базиликахъ, или устрояемыя по ихъ образцу. Базилики, какъ зданія, гдѣ происходили открытыя совѣщанія и мировые суды, имѣли и высокопоставленные и богатые граждане античнаго міра. Послѣднія стали первыми храмами для христіанъ.

Базилика Помпеи, сохранившаяся, хотя въ нижнихъ своихъ частяхъ, до настоящаго времени, знакомитъ насъ съ устройствомъ этого вида зданій, позволявшимъ и скоро и просто приспособлять ихъ къ совершенію христіанскаго богослуженія и проповѣди слова Божія.

Помпейская базилика представляетъ продолговатое зданіе, длина котораго почти въ три раза превосходитъ его ширину. Внутри зданія два ряда колоннъ раздѣляютъ зданіе на три отдѣленія, въ длину его. На одной изъ узкихъ сторонъ были расположены входы въ базилику, а на противоположной расположена эстрада.

Римскія базилики: Юліева, основанная лѣтъ за 50-тъ до Р. Х. и обновленная въ 377-мъ по Р. Х.,—сохранился рисунокъ ея, и *Ульпіева,* сооруженная въ 111—114 годахъ по Р. Х.,—остатки ея видны на форумѣ Траяна до настоящаго времени,—указываютъ, что средній нефъ—отдѣленіе,—подымался настолько высоко, что окна его были надъ кровлей двухъ-этажныхъ боковыхъ нефовъ и что на эстраду вели нѣсколько ступеней.

Въ языческихъ базиликахъ, когда они дѣлались достояніемъ христіанъ, возвышеніе эстрады служило мѣстомъ для олтаря; а нефы—для народа, съ удобствами для раздѣленія молящихся по поламъ. Въ большихъ базиликахъ, гдѣ боковые нефы были въ два этажа, верхнія галлереи были мѣстомъ молитвы и слушанія чтенія слова Божія и проповѣди пастырей церкви—для женщинъ, почему и назывались *гинекономи.*

Возвышеніе алтаря отдѣлялось отъ средней части зданія *преградою,* зародышъ коей доселѣ можно видѣть въ подземныхъ цер-

квахъ катакомбъ Прискиллы и Акиллы въ Римѣ: свободно стоящія здѣсь у алтаря колонки не могли имѣть другого назначенія, какъ служить опорою для этой преграды,

Въ алтарѣ находился одинъ престолъ, который или стоялъ среди алтаря, или при абсидной стѣнѣ. Можно думать, что въ малыхъ базиликахъ, гдѣ совершали богослуженіе только священники, престолъ устроялся при стѣнѣ [1]), а въ большихъ базиликахъ,—архіерейскихъ,—среди алтаря. Ибо въ храмахъ катакомбъ всегда при стѣнѣ, въ абсидѣ, устроялась епископская каѳедра—а по абсиднымъ стѣнамъ сѣдалища для священниковъ. Каѳедра служила для епископа и мѣстомъ проповѣди—поученія народу [2]).

Близь алтарной преграды находились амвоны для чтенія Свящ. Писанія и произнесенія поученій пресвитерами. Амвоны имѣли ступени. Чтецы, на обязанности которыхъ лежало чтеніе книгъ ветхозавѣтныхъ, дѣяній и посланій апостольскихъ, читали на низшей ступени; діаконы читали евангеліе, стоя на высшей ступени.

Форма древнихъ амвоновъ была довольно разнообразна, но, по большей части, она въ общемъ сходна съ формою нашихъ аналогіевъ. Таковы мраморные амвоны съ ступеньками въ церкви Св. Климента въ Римѣ. Въ нѣкоторыхъ базиликахъ—храмахъ алтарное возвышеніе простиралось до средины средняго нефа—корабля и обведено было также рѣшеткой; въ такомъ случаѣ и амвонъ становился среди храма [3]). Творенія Св. Іоанна Златоуста и свидѣтельства историковъ о его служебной дѣятельности указываютъ на современное ему устройство христіанскаго храма. Изъ этихъ указаній мы видимъ, что мѣстами богослужебныхъ собраній христіанъ, или, что тоже, церквами въ первыя времена были: во-1хъ, помѣщенія въ частныхъ домахъ—триклиніи и икосы, отличавшіеся помѣстительностію и другими удобствами, необходимыми для многолюдныхъ богослужебныхъ собраній христіанъ; во-2-хъ, базилики, находившіяся въ домахъ богатыхъ членовъ христіанской общины. „Тогда“, говоритъ Св. Златоустъ, „домы были церквами, а теперь церковь стала домомъ“ [4]). Домовая церковь Константина Великаго, по свидѣтельству Евсевія [5]), устроена была въ базилищномъ помѣщеніи.

---

[1]) Происхожденіе древне-христ. базилики—Н Покровскаго, стр. 153,

[2]) Ibid. стр. 187.

[3]) Ibid., стр. 186—187.

[4]) О жизни царя Константина, кн. IV, гл. 17-я.

[5]) Chrisost., t. VII, p. 514, ed. Paris.

Алтарная преграда нужна была для того, чтобы народъ не могъ приближаться къ алтарю. Народъ не допускался сюда, во-1-хъ, во избѣжаніе нарушенія порядка богослуженія; во-2-хъ, и преимущественно въ видахъ особеннаго уваженія древнихъ христіанъ къ святынѣ алтаря [1]).

„Никто изъ мірянъ, говорится въ опредѣленіяхъ Трульскаго собора, „не имѣетъ права вступать за *рѣшетку алтаря*, кромѣ одного императора, когда онъ приноситъ дары Богу“ [2]). Даже во время причащенія позволялось вѣрующимъ подходить лишь къ рѣшеткѣ, но не къ престолу. И только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., алтарь могъ доставить спасеніе жизни, свѣтскія лица допускались сюда. Св. Златоустъ въ своемъ словѣ о значеніи „собора или церквей“, „молитвы церкви“, „рукоположенія“ и „совершенія страшныхъ таинъ“, когда священникъ молится за народъ, а народъ молится за священника“, указываетъ, что „недостойныхъ участвовать въ святой трапезѣ“, можно усматривать—священнослужителей,—„изгоняемъ изъ *священной ограды*“ алтаря.

Считаемъ своимъ долгомъ воспользоваться указаніями изъ твореній Св. Златоуста объ устройствѣ современнаго ему храма лишь настолько, насколько это признаемъ необходимымъ для уясненія деталей въ характерѣ священнодѣйствія Святителя въ молитвѣ и служеніи слову проповѣди.

Упоминая о соборномъ значеніи молитвы даже при совершеніи хиротоніи, Святитель свидѣтельствуетъ, что „готовящійся рукополагать другихъ испрашиваетъ при семъ молитвъ собора,—и онъ подаетъ свой голосъ и возглашаетъ извѣстное освященнымъ“, и прибавляетъ: „въ молитвахъ много содѣйствуетъ народъ и молитвы благодаренія также суть общія. Ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ. Ибо получивъ сперва отвѣтъ отъ народа“,—на преподаніе „благодати Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастія, Святаго Духа“, и потомъ согласіе, что „достойно и праведно“ совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе. И что удивительнаго“, восклицаетъ Святитель, „если вмѣстѣ съ священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ оныя священныя пѣсни совокупно съ самими

---

[1]) Происхожденіе древне-христіанской базилики. Н. Покровскаго. СПБ. 1800 г. стр. 181

[2]) Trull. conc. c. 69. Edict. Theodos

[3]) Кириллъ Іерус. огл. поучен., поуч. 23; тайнов. 5, что подтверждаетъ и Евсевій. Церк. ист. кн VII, гл 9)

херувимами и горними силами"?! [1]) Само собой понятно, что подобное общеніе въ молитвѣ и тайнодѣйствіи въ всей широтѣ возможно при такомъ устройствѣ алтаря, когда одна балюстрада—деревянная, каменная или металлическая рѣшетка, отдѣляла священника отъ народа, а не каменное средостѣніе съ плотными и крѣпко закрытыми дверями въ массивномъ, иногда деревянномъ, иногда каменномъ иконостасѣ.

Весьма интересно уяснить и мѣсто каѳедры, какъ амвона для проповѣди Святителя Іоанна Златоуста и ея устройство.

Мѣстомъ произнесенія поученій для епископа могла служить при древнемъ устройствѣ алтаря архіерейская каѳедра, находящаяся въ алтарѣ—горнее мѣсто, значительно возвышавшееся надъ святою трапезою; но оно, помѣщаясь въ отдаленной отъ народа абсидѣ, не могло представлять тѣхъ удобствъ для проповѣди, какъ амвонъ по сю сторону алтарной преграды, особенно если алтарное возвышеніе значительно простиралось внутрь храма.

Гдѣ проповѣдывалъ Златоустъ въ цареградскихъ базиликахъ, какъ и въ храмѣ Св. Софіи? Съ горняго мѣста или съ амвона? Созоменъ свидѣтельствуетъ, что Святитель проповѣдывалъ среди храма. „Отлично управляя Константинопольскими церквами", говоритъ онъ, „Іоаннъ привлекалъ многихъ и изъ язычниковъ и изъ еретиковъ. Къ нему ежедневно стекалось множество людей, частію для того, чтобы послушать его съ назиданіемъ, а частію, чтобы испытать его. Онъ обращался ко всѣмъ и касательно Божества убѣждалъ каждаго исповѣдывать одно и то же съ собою. Народъ такъ жаждалъ его рѣчей и до того не могъ насытиться его бесѣдою, что, когда, *вошедши въ средину толпы, онъ садился на амвонъ чтеца* и начиналъ учить, слушатели толкали и тѣснили другъ друга, желая пройти впередъ, чтобы яснѣе слышать его бесѣду" [2]).

Сократъ замѣчаетъ, что амвонъ служилъ обычнымъ мѣстомъ для проповѣди Св. Златоуста. „Евтропій"—консулъ, „подвергся царскому гнѣву и прибѣгъ въ церковь", тотчасъ „послѣ обнародованія закона, возбраняющаго всѣмъ искать покровительства церкви и повелѣвающаго извлекать оттуда убѣжавшихъ". „Тогда, какъ онъ лежалъ предъ жертвенникомъ и трепеталъ отъ страха, *епископъ вошелъ на амвонъ, откуда обыкновенно проповѣдывалъ и*

---

[1]) Толк. на 2 посл. къ Кор. Москва, 1851 г. стр. 237—238.

[2]) Кн. VIII, гл. 5.

прежде, чтобы лучше быть слышимымъ, и произнесъ противъ него обличительное слово“ [1]).

Но нашъ главный историкъ церквей Антіохійской и Константинопольской самъ Св. Златоустъ, главный историческій документъ его вѣро и-нравоучительныя творенія. Собственно же *историки*, коими мы пользуемся, каковы: Созоменъ, Сократъ, Ѳеодоритъ, Евсевій, Евагрій и др., употребляются нами, въ свидѣтельствахъ ихъ, лишь для подтвержденія или уясненія показаній *нашего* историка“. На сей разъ, въ видахъ болѣе быстраго ознакомленія съ предметомъ—устройствомъ храма, поставлено нами обратное построеніе рѣчи. Но, думаемъ, это обстоятельство не измѣняетъ характера нашего изслѣдованія. „Слово“ Святителя на Евтропія „евнуха, патриція и консула“ [2]), хотя не особенно ясно, указываетъ и на существованіе амвона среди храма и на устройство алтаря въ базиликѣ столицы за время Златоуста. „Вчера, когда пришли за нимъ,—Евтропіемъ,—изъ царскаго дворца, съ тѣмъ, чтобы насильно извлечь его и когда онъ прибѣжалъ къ святилищу, лице его было нисколько не лучше, чѣмъ у мертвеца. И это я говорю“, присовокупляетъ проповѣдникъ, „не порицая и не издѣваясь надъ его несчастіемъ, но желая смягчить ваши души... Такъ какъ есть у васъ многіе столь безчеловѣчные, что даже и насъ укоряютъ за то, что мы *приняли его въ святилище*. Почему, скажи мнѣ, возлюбленный, ты негодуешь? Потому, говоришь ты, что убѣжалъ въ церковь тотъ, который постоянно враждовалъ противъ нея. Но потому-то особенно и нужно прославлять Бога.. Церковь, испытавшая гоненіе отъ него, покрываетъ его теперь щитомъ, открывъ ему свои нѣдра съ великою любовію. Это блистательнѣе всякаго трофея. Это украшеніе для алтаря. Этотъ *алтарь* изливаетъ великій свѣтъ, оказываясь теперь особенно страшнымъ потому, что держитъ связаннымъ льва. Славный и знатный оказывается теперь ничтожнѣйшимъ всѣхъ. Войдетъ ли сюда богачъ, онъ получитъ великую пользу; ибо видя упавшимъ съ такой высоты того, кто потрясалъ всю вселенную, сокрушеннымъ и сдѣлавшимся трусливѣе зайца или лягушки, безъ цѣпей прикованнымъ *къ этому столбу* и вмѣсто оковъ связаннымъ отъ страха, боящимся и трепещущимъ, онъ укротитъ свой пылъ“ [3]).

---

[1]) Книг. VI, гл. 5.

[2]) Oper. S. Chris. Edit. Montfauc. T. III, pad. 454.

[3]) Сл. и бес. на разн. сл, т. II, СПБ. 1865 г. стр. 460—463.

Устройство мраморнаго амвона въ церкви Св. Климента въ Римѣ, со многими ступенями, ведущими до верхней площадки, на которой должно быть сѣдалище проповѣдника, наглядно указываетъ и удобство и возможность обращенія проповѣдника, какъ Св. Златоуста, съ словомъ поученія сколько къ народу, окружающему каѳедру, стоящему ниже, столько же и къ женщинамъ, стоящимъ на хорахъ. При этомъ условіи понятными становятся обличенія Святителя, такъ сказать, лицомъ къ лицу гиниконіту, въ лицѣ знатныхъ и богатыхъ, но грѣшныхъ матронъ Царя—града.

Христіанская базилика иногда бывала весьма обширна и рядами колоннъ иногда раздѣлялась даже на пять кораблей—отдѣленій, причемъ боковыя отдѣленія и задняя часть средняго отдѣленія имѣли хоры.

„Особенно употребительны были въ древности хоры эти на востокѣ“, замѣчаетъ изслѣдователь „происхожденія древне-христіанской базилики“ [1]). И прибавляетъ: „такое устройство имѣлъ, напр., храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ“, конечно и временъ Св. Златоуста—базилика, какъ указываетъ его описаніе.

Преграда, въ формѣ колоннъ или рѣшетки съ завѣсою, отдѣляла алтарь отъ средней части храма, другая преграда въ самой средней части храма, если не было хоръ, отдѣляла мущинъ отъ женщинъ. Гдѣ были хоры, тамъ мужчины стояли внизу, женщины вверху.—Каждый полъ, стоя отдѣльно въ церкви, долженъ былъ сверхъ того соблюдать извѣстный порядокъ въ расположеніи, за исполненіемъ котораго наблюдали—на мужской половинѣ діаконы, на женской—діакониссы. А именно: впереди всѣхъ въ храмѣ, на женской половинѣ, должны были помѣщаться дѣвицы, вдовы и старицы, потомъ замужнія женщины съ дѣтьми, если для послѣднихъ не было особаго мѣста. Юноши помѣщались также особо, а равно и женатые съ мальчиками—сыновьями. Мущины стояли на южной сторонѣ храма, женщины на сѣверной [2]).

Отдѣленіе женщинъ отъ мущинъ, въ храмѣ вызывалось потребностью удалить соблазнъ, могущій произойти вслѣдствіе сближенія двухъ половъ. Св. Златоустъ подробно говоритъ о необходимости преграды между мущинами и женщинами, еще бывши Антіохійскимъ пресвитеромъ—епархіальнымъ проповѣдникомъ. „Выслушай, что ты произносишь, когда поешь: „да исправится молит-

---

1) Н. Покровскій, стр. 147.

2) Постановленія Апостольскія. 2; 57.

ва моя, яко кадило,—какъ θумiамъ,—предъ Тобою!" Но если не θумiамъ, а смрадное куреніе восходитъ отъ тебя и отъ твоихъ дѣлъ, то какому ты достоинъ подвергнуться наказанію? Какое же это смрадное куреніе? Это знаютъ многіе, именно тѣ, которые заглядываются на красныхъ женщинъ и высматриваютъ привлекательныхъ дѣвицъ. Но удивительно ли еще, какъ не разразятся удары грома и не разрушится все до основанія! Дѣйствительно стоитъ громовъ и геенны то, что *здѣсь*, въ церкви—бываетъ... Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Высматриваешь красивыхъ женщинъ, и не трепещешь, нанося такое *оскорбленіе храму Божію!* Ужели ты почитаешь церковь домомъ безчестнымъ и ставишь хуже площади?! Въ храмѣ Божіемъ самъ Богъ бесѣдуетъ съ тобою.. И ты не трепещешь, не ужасаешься!... Надлежало бы имѣть внутри храма стѣну, которая бы отдѣляла васъ"—мущинъ,—„отъ женщинъ, но какъ вы не хотите сего, то отцы за нужное почли отдѣлить васъ по крайней мѣрѣ этими *деревянными досками*" [1]).

Но возвратимся къ „историческому" обозрѣнію религіознаго состоянія церкви Константинопольской по твореніямъ нашего необыкновеннаго „историка", первосвятителя Царя-града, Св. Іоанна Златоустаго.

ГЛАВА III-я.

Ереси.

Упорнѣе была борьба съ другими уклоненіями отъ истинъ вѣры,—борьба съ врагами церкви, каковы *ереси*.

На языкѣ церковной практики слово „ересь" означаетъ сознательное и преднамѣренное уклоненіе отъ ясно выраженнаго и формулированнаго догмата вѣры христіанской и вмѣстѣ съ тѣмъ—выдѣленіе изъ состава церковнаго общества [2]). Мы привели это опредѣленіе слова „ересь" съ той только цѣлью, чтобы показать, что тѣ заблужденія отъ праваго истиннаго вѣроученія церкви христіанской, какія указываетъ св. Іоаннъ Златоустъ, и представляли собой въ Константинополѣ не просто случайныя уклоненія отъ истины, а именно были ересью, а лица—сторонники этого уклоненія—не заблудшіе лишь люди, а прямо еретики. Тьерри говоритъ въ своей книгѣ, что ересью римскій законъ при христіанскихъ

[1]) Бес. на Ев. Матѳ., ч. III, бес. 73-я стр. 258. Москва 1859 г.

[2]) Энц. сл. Андреева, т. XI стр. 671.

императорахъ называлъ исповѣданіе, принятое государемъ [1]). Мы беремъ понятіе ереси въ отношеніи къ церковному воззрѣнію. Въ существѣ, конечно, то и другое будетъ одно и тоже, если государь былъ первороднымъ сыномъ православной церкви. Но здѣсь мы предначертали себѣ изобразить не исторію ересей IV вѣка, а только на основаніи указаній въ твореніяхъ св. Іоанна Златоуста, за Константинопольскій періодъ его жизни и дѣятельности, показать, какія въ Константинополѣ были ереси. Да и вообще полное, вполнѣ научное изученіе ересей, въ особенности древнихъ, въ настоящее время представляется не вполнѣ возможнымъ; мы знаемъ ихъ доктрины отчасти только по тѣмъ очеркамъ ихъ, какіе находятся въ ересеологическихъ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей; ереси первыхъ трехъ вѣковъ и ереси IV и V вѣковъ,— почти исключительно по ихъ опроверженіямъ отцами церкви того времени [3]). Если у заграничныхъ ученыхъ Неандера, Гессе, Прессанне есть характеристика ересей, систематизація ихъ и генезисъ, то труды русскихъ ученыхъ, съ спеціальной цѣлью историческаго изслѣдованія ересей, чуть ли не ограничиваются однимъ сочиненіемъ—„ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ“ протоіерея Иванцова—Платонова. Но и этотъ трудъ неоконченный ограничился лишь обозрѣніемъ источниковъ для изученія ересей и расколовъ даннаго періода. Мы нашимъ трудомъ отвѣчаемъ не общей цѣли изученія ересей за время Златоуста, а лишь частной—изученія религіознаго состоянія въ данномъ случаѣ церкви Константинопольской, при чемъ ереси представляютъ неизбѣжный элементъ. И такъ обратимся къ Константинопольскимъ твореніямъ Златоуста и просмотримъ: существованіе какихъ ересей отмѣчаетъ онъ въ Константинополѣ?

Въ одной изъ своихъ бесѣдъ на посланіе къ Евреямъ Святитель указываетъ не только тотъ фактъ, что извѣстныя ереси существовали въ Константинополѣ въ его время, но и, такъ сказать, распорядокъ ихъ. „Если ты услышишь, что какой-нибудь еретикъ—не язычникъ и не іудей, то не считай его тотчасъ христіаниномъ, но узнай и все другое; ибо и манихеи и всѣ еретики принимали на себя эту личину. Одинъ изъ еретиковъ говоритъ, что нѣтъ воскресенія, другой не ожидаетъ ничего въ будущемъ,

---

[1]) «Св. Іоаннъ Златоустъ и импер. Евдоксія».

[2]) Стр. 300.

[3]) Ibid., стр. 672.

третій говоритъ, что есть иной Богъ; четвертый, что Христосъ имѣетъ начало отъ Маріи. Посмотри здѣсь, какъ всѣ они впали въ заблужденія отъ неумѣренности, одни прибавивъ, другіе убавивъ отъ праваго ученія. Такъ первая изъ всѣхъ ересей—*Маркіонова*—измыслила иного Бога, котораго нѣтъ,—вотъ прибавленіе. За нею слѣдующая—*Савеллієва*—утверждаетъ, что Сынъ, Отецъ и Духъ суть одно лице... Потомъ *Маркеллова* и *Фотинова* проповѣдуютъ тоже. Далѣе слѣдуетъ *Манихейская*—позднѣйшая ересь, а послѣ нихъ *Аріева*. Есть и другія“ [1]).

Мы знаемъ уже изъ прежде изложенныхъ нами свѣдѣній, что представляло собою аріанство въ Константинополѣ за время его существованія до появленія здѣсь Златоуста. Мы видѣли, какую роль играла эта ересь въ церковной жизни столицы: мы знаемъ, что къ времени епископства святителя Григорія Богослова въ Константинополѣ едва одна церковь оставалась во владѣніи православныхъ христіанъ почти изъ 500 храмовъ! За весь довольно длинный періодъ существованія Константинополя, тамъ мало было архіереевъ православныхъ вообще, а ревнителей православія—чуть ли не единственный: святитель Григорій Богословъ; а другіе, если не еретики, то холодные и безучастные къ дѣлу православія, возлагавшіе, какъ Нектарій, всю надежду на грубую силу власти свѣтской. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить, чѣмъ было аріанство въ Константинополѣ за время святительства здѣсь Златоуста.

„Жестокій пламень ересей угрожаетъ, окружая со всѣхъ сторонъ“, сказалъ Святитель въ первомъ словѣ своемъ противъ ересей, говоря противъ *аномеевъ* [2]). Вотъ какъ рано онъ обратилъ вниманіе на эту „болѣзнь въ церкви Константинопольской“. Слѣдовательно, можно судить по одному этому обстоятельству, она имѣла весьма важное значеніе въ церковной жизни. Но здѣсь мы опять замѣтимъ, что аномеи въ данное время не представляли собой силы, а какъ было сказано нами въ исторіи церкви Антіохійской, положительно только рѣзкостію своего ученія представляли большую возможность опровергать ихъ. Имѣли значеніе собственно полуаріане, ихъ мы и разумѣемъ подъ общимъ именемъ аріанъ.

Въ этомъ первомъ словѣ своемъ на Константинопольской каѳедрѣ Святитель указалъ: какихъ ересей пламень угрожаетъ церкви Константинопольской, окружая ее со всѣхъ сторонъ.

---

[1]) Ibid, стр. 152.

[2]) См. XI.

Въ бесѣдѣ о согласіи Новаго Завѣта съ Ветхимъ въ ученіи объ Іисусѣ Христѣ, св. архипастырь говоритъ: „откуда намъ начать рѣчь? Откуда хотите: изъ Новаго или Ветхаго завѣта, ибо не только въ Евангельскихъ и Апостольскихъ изреченіяхъ, но и въ пророческихъ, и во всемъ ветхомъ завѣтѣ можно видѣть славу Единороднаго сіяющею съ великою славою. Посему и оттуда, кажется, можно бросать стрѣлы въ нашихъ непріятелей. Ибо, употребляя такой образъ рѣчи, мы въ состояніи будемъ низложить не только этихъ однихъ, но и многихъ другихъ еретиковъ: Маркіона, Манихея, Валентина и всѣ общества Іудейскія".

„Когда будетъ поражена и низложена одна ересь, бѣгство будетъ общимъ для всѣхъ изчисленныхъ еретиковъ. Манихеи и страждущіе съ ними одинаковою болѣзнью, кажется, признаютъ проповѣдуемаго Христа, а проповѣдующихъ о немъ патріарховъ не почитаютъ. Іудеи же, напротивъ, проповѣдующихъ о Немъ, кажется, принимаютъ и уважаютъ т. е. пророковъ и законодателя своего, а Проповѣдуемаго ими не почитаютъ. И такъ когда мы, по благодати Божіей, докажемъ, что великая слава Единороднаго предвозвѣщена въ ветхомъ завѣтѣ, то можемъ пристыдить всѣ богопротивныя уста и обуздать богохульныя языки" [1]).

Святитель въ обѣихъ бесѣдахъ противъ аномеевъ доказываетъ славу Единороднаго Сына Божія [2]),—въ одной на основаніи ветхаго завѣта, въ другой—новаго. Говоря о всемогуществѣ Господа Іисуса Христа, въ исцѣленіи разслабленнаго, Святитель восклицаетъ: „здѣсь я съ удовольствіемъ спросилъ бы изслѣдующихъ существо Божіе: какъ сошлись всѣ члены, какъ связались кости, какъ укрѣпилась разстроенная дѣятельность чрева, какъ снова напряглись ослабѣвшіе нервы, возстановились и исправились упавшія силы [3])? Посмотримъ, какъ онъ, Христосъ, оправдывается (въ обвиненіи нарушенія имъ субботы), ибо образъ Его оправданія показываетъ намъ: изъ числа ли Онъ подвластныхъ или свободныхъ; изъ числа ли служащихъ или повелѣвающихъ. Посмотримъ же: проситъ ли Онъ сперва прощенія, какъ рабъ и человѣкъ подвластный; или является, какъ имѣющій власть и самостоятельность, какъ владыка, стоящій выше закона и самъ дававшій заповѣди. Какъ же онъ оправдывается? *Отецъ мой*, говоритъ, *доселѣ*

[1]) Сл. и бес. на раз. сл., т. 1, стр. 550.
[2]) Ibid, стр. 565.
[3]) Ibid, стр. 572.

дѣлаетъ и Азъ дѣлаю (Іоан. 5. 17). Видишь ли Его власть? Если бы Онъ былъ ниже и менѣе Отца, то сказанное имъ послужило бы не къ оправданію, но еще къ большe, винѣ и тягчайшему осужденію [1]). „Итакъ", заключаетъ проповѣдникъ, „если Христосъ такъ оправдывался предъ Іудеями, то этимъ Онъ несомнѣнно доказалъ намъ, что Онъ имѣетъ одинаковое достоинство съ Отцомъ" [2]). Можно видѣть рѣчи Святителя противъ Аріанъ и въ другихъ его бесѣдахъ напр. на книгу Дѣяній Апостольскихъ [3]), на посланіе къ Евреямъ [4]).

Но аріане константинопольскіе не ограничивали своихъ воззрѣній на догматъ ученія о Сынѣ Божіемъ въ однихъ словахъ, бесѣдахъ, преніяхъ о вѣрѣ; они переходили къ дѣлу, публично заявляли народу свои вѣрованія, устраивали такъ называемыя литаніи—ночныя хожденія со свѣтильниками, съ пѣснями, въ которыхъ воплощали свои вѣрованія.

Но здѣсь мы должны уже обратиться прямо къ историческимъ указаніямъ лѣтописцевъ времени Златоуста—церковныхъ историковъ Сократа и Созомена. Начнемъ нашъ разсказъ не особенно издалека. Въ царствованіе Валента, когда Константинополь былъ преданъ исключительному и безпощадному въ своихъ гоненіяхъ аріанству, аріане овладѣли, какъ извѣстно, храмами столицы. Ѳеодосій Великій, вполнѣ православный Государь Восточной имперіи, удалилъ иновѣрческія церкви въ предмѣстья города. Но аріане не пали духомъ; напротивъ, они гордо, самоувѣренно подняли голову во время патріаршества Св. Іоанна Златоуста, ибо одно обстоятельство весьма благопріятствовало имъ. Еще въ 376 году императоръ Валентъ принудилъ Готѳовъ, въ лицѣ ихъ епископа Ульфилы, принять символъ Арія, съ того времени эти варвары такъ и оставались еретиками и еретиками фанатическими. При Златоустѣ одинъ сильный и знатный Готѳянинъ—нѣкто Гайна, грозившій разрушеніемъ Константинополю, подстрекаемый представителями аріевой ереси или побуждаемый собственнымъ честолюбіемъ, началъ просить царя Аркадія о томъ, чтобы единовѣрцамъ его дана была одна изъ церквей въ городѣ, ибо несправедливо, говорилъ онъ

---

[1]) Ibid., стр. 576.

[2]) » » 577.

[3]) Т. II, стр. 92.

[4]) » стр. 15.

съ досадою, да и всячески неприлично ему, римскому военачальнику, выѣзжать для молитвы за городскія стѣны [1]). Аркадій готовъ былъ уступить, но Златоустъ не позволилъ царю сдѣлать этого, и въ присутствіи Гайны показалъ изданный Ѳеодосіемъ указъ, воспрещающій иновѣрцамъ дѣлать церковныя собранія въ стѣнахъ города [2]). Дозволеніе дано не было. Гайна скоро погибъ; но аріане не хотѣли признать себя побѣжденными. Чтобы заявить свое существованіе и чтобы завлекать православныхъ въ свои сборища, вотъ они и придумали *литаніи*.

О литаніяхъ аріанъ свидѣтельствуютъ и Сократъ и Созоменъ и почти одно и тоже говорятъ. Такъ какъ приверженцы аріанской ереси со времени царствованія Ѳеодосіева не имѣли въ Константинополѣ церквей и дѣлали собранія внѣ стѣнъ, то предварительно сходились они въ праздничные дни каждой недѣли т. е. въ субботу и въ воскресенье, когда обыкновенно бывали церковныя собранія; они предварительно сходились ночью въ народные портики и, раздѣлившись на лики. пѣли пѣсни на два хора, припѣвы же приспособляли къ своему ученію—аріанскому. А по утру пѣвшіе свои антифоны шли изъ средины города по направленію къ воротамъ, оттуда же въ мѣста своихъ собраній. Въ эти гимны они не переставали вносить оскорбительныя для исповѣдниковъ „единосущія“ выраженія, часто напримѣръ пѣли: „гдѣ тѣ, которые три называютъ одною силою [3])?“ Іоаннъ, опасаясь какъ бы нѣкоторыя изъ простыхъ не обольстились этими пѣснями, противопоставилъ имъ пѣснопѣнія православнаго народа. Но православные скоро сдѣлались еще замѣчательнѣе приверженцевъ ереси, такъ что превзошли ихъ и многочисленностью и благолѣпіемъ, ибо имъ предшествовали и серебряныя знаки крестовъ въ сопровожденіи горящихъ восковыхъ свѣтильниковъ и приставленъ былъ къ этому евнухъ царской супруги, чтобы онъ имѣлъ попеченіе о необходимыхъ въ семъ случаѣ издержкахъ и пѣсняхъ; царица Евдоксія назначила отъ себя деньги [4]). Но между совершителями литаній и *антилитаній* произошло столкновеніе... Исповѣдники единосущія нощныя свои пѣснопѣнія совершали гораздо торжественнѣе,—по этому аріане, изъ зависти или изъ мести, вспомнивши прежнее свое владычество надъ христіанами каѳолической церкви въ одну

[1]) Созоменъ VIII 4.
[2]) Созоменъ.
[3]) Созоменъ VIII. 8. Сократъ VI. 8.
[4]) Ibid.

ночь произвели драку [1]). Разгнѣванный этимъ царь запретилъ аріанамъ дѣлать подобные ходы, а христіане каѳолической церкви, начавъ пѣть упомянутымъ образомъ, удерживаютъ этотъ обычай и до нынѣ [2]).

Мы сказали, что аріанствующіе Готѳы представляли для этихъ еретиковъ силу, точку опоры. За время Св. Златоуста изъ числа Готѳовъ было нѣсколько лицъ, исповѣдывавшихъ православно-христіанскую вѣру. Святитель воспользовался этимъ обстоятельствомъ для распространенія между этими варварами православія и для посрамленія аріанъ. Св. Іоаннъ позаботился соблюсти эту малую часть стада Христова, терпѣвшую много обидъ отъ своихъ сопле-менниковъ—иновѣрцевъ, даже изыскивалъ средства чрезъ сихъ немногихъ распространить свѣтъ истинной вѣры и между коснѣющими въ заблужденіи. Съ этою цѣлью поставилъ онъ пресвитеровъ, діаконовъ и чтецовъ для православныхъ Готѳовъ изъ среды ихъ же самихъ и въ самомъ Константинополѣ; отдалъ имъ одинъ храмъ, въ которомъ повелѣлъ *совершать богослуженіе и говорить проповѣди на ихъ родномъ языкѣ;* нерѣдко самъ Святитель слушалъ, а иногда и совершалъ богослуженіе въ семъ храмѣ, говорилъ чрезъ переводчиковъ поученія народу [3]). Извѣстно, что однажды Святитель въ одной изъ церквей Константинопольскихъ въ своемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ знатныхъ и ученыхъ грековъ при Готѳахъ повелѣлъ совершить литургію священнику изъ Готѳовъ на Готѳскомъ языкѣ. По окончаніи проповѣди Готѳскаго священника, Святитель самъ проповѣдывалъ и въ сборникѣ словъ и бесѣдъ на разные случаи мы имѣемъ и въ русскомъ переводѣ „бесѣду въ присутствіи Готѳовъ, которая произнесена Св. Златоустомъ въ церкви Св. Павла послѣ того, какъ Готѳы прочитали писаніе и Готѳскій пресвитеръ сказалъ бесѣду". „Я желалъ бы, чтобы сегодня присутствовали здѣсь Еллины, дабы и они слышали прочитанное и узнали, каково могущество Распятаго, какова сила креста, каково благородство церкви, какова твердость вѣры!"— воскликнулъ въ восторгѣ Святитель, вошедши на каѳедру. „Никто да не ставитъ въ позоръ церкви, что варваровъ извели мы на среду и имъ позволили мы говорить; это—украшеніе и лѣпота церкви, это доказательство силы вѣры" [4]).

---

[1]) Ibid

[2]) Созоменъ VIII. 8.

[3]) Прибав. къ тв. св. от. XVI. стр. 461 стр.

[4]) Т. II, стр. 350.

Какое значеніе имѣло это Готѳское православное богослуженіе и Готѳская проповѣдь, объ этомъ свидѣтельствуетъ блаженный Ѳеодоритъ въ своей церковной исторіи [1]). „Великій Святитель, все сіе совершая въ городѣ, уловилъ и внѣ его многихъ обольщенныхъ и показалъ имъ истину апостольской проповѣди".

Заканчивая обзоръ существованія ереси Аріанъ въ Константинополѣ, мы считаемъ долгомъ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. Извѣстно, что антіохійское направленіе, имѣвшее нѣкоторое сродство съ основою движенія мысли аріанствующихъ, было причиною выясненія ученія православной вѣры на II вселенскомъ соборѣ въ членахъ символа, излагающихъ догматъ вѣроученія о второй ипостаси Божества вообще и собственно о воплощеніи и вочеловѣченіи Сына Божія отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи и о всемъ домостроительствѣ спасенія человѣческаго. И вотъ тогда, какъ Александрійцы относились къ этому символу Константинопольскому—II-го вселенскаго собора небрежно [2]), въ Антіохіи и Константинополѣ этотъ символъ былъ въ практикѣ и церковной и между христіанами въ жизни домашней [3]). Св. Іоаннъ Златоустъ былъ приверженцемъ Константинопольскаго символа, по мнѣнію Каспари [4]). Златоустъ приводитъ въ своихъ бесѣдахъ слова символа по редакціи Константинопольской. Дѣйствительно Златоустъ, какъ подтверждаетъ професоръ церковной исторіи А. П. Лебедевъ, говоритъ: „по внушенію Духа Святаго говорили пророки, какъ содержится *въ нашемъ символѣ*: „Который—Духъ—глаголалъ въ пророкахъ" [5]), а это слова символа Константинопольскаго; символъ же Никейскій, сколько знаемъ, у Златоуста не цитируется. Все это мы сказали въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы выяснить стремленія Златоуста привести заблуждающихся въ ученіи о Сынѣ Божіемъ къ познанію истины. Ибо и употребленіе имъ символа Константинопольскаго могло, въ свою очередь, служить, и въ особенности, для этой цѣли, хотя символъ этотъ и считался вѣрою всѣхъ церквей [6]). Не забудемъ,—что аріанствующіе, какъ мы уже знаемъ (выше сказано), сами просили Златоуста бесѣдовать съ ними съ

---

[1]) Ibid, стр. 352.
[2]) Кн. V, гл. 30.
[3]) Всел. соб. А. П. Лебедева, стр. 169.
[4]) Ibid, стр. 171.
[5]) Ibid. прим. 100.
[6]) Montocon. т. V, p. 690.
[7]) Ibid., стр. 171.

церковной каѳедры. „Отлично управляя Константинопольскими церквами“, говоритъ Созоменъ, „Іоаннъ привлекалъ многихъ и изъ язычниковъ, и изъ еретиковъ. Къ нему ежедневно стекалось множество людей, частію,—чтобы послушать его съ назиданіемъ—а частью, чтобы испытать его. Онъ обращался ко всѣмъ и касательно Божества убѣждалъ каждаго исповѣдывать одно и тоже съ собою“ [1]). И самъ Св. Златоустъ, хотя косвенно, подтверждаетъ это свидѣтельство историка. „Кто слушаетъ безъ предразсудка“, говоритъ онъ, „тотъ не можетъ не убѣдиться. Какъ въ томъ случаѣ, когда есть какое либо мѣрило, по которому можно опредѣлять все не требуется большихъ разсужденій, а легко облегчить измѣряющаго невѣрно: такъ и теперь“ [2]).

Константинопольскія творенія Златоуста знакомятъ читателя, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, съ существованіемъ въ Константинополѣ многихъ ересей. Святитель такъ говоритъ объ этомъ множествѣ заблужденій. „Вотъ приходитъ язычникъ и говоритъ: я хочу быть христіаниномъ, но не знаю къ кому присоединиться: у васъ много несогласій и распрей и великое смятеніе [3]). Какое мнѣ избрать ученіе? Какое предпочесть? Каждый говоритъ: я содержу истину. Кому вѣрить, когда я совершенно ничего не знаю въ писаніяхъ? И тѣ—еретики представляютъ тоже самое“ [4]). И Святитель вполнѣ подтверждаетъ справедливость этого обстоятельства. „Точно“, говоритъ, „это бываетъ между нами“ [5]),—и здѣсь же указываетъ средства узнать истину правой вѣры и ложнаго ученія о догматахъ вѣры. „Если бы мы, говорили, что нужно вѣрить умствованіямъ, то ты“, какъ бы язычнику отвѣчаетъ Святитель, „могъ бы смущаться; если же мы говоримъ, что нужно вѣровать писаніямъ, которыя просты и истины, то тебѣ легко найти требуемое. Кто согласенъ съ писаніями, тотъ христіанинъ; а кто не согласенъ съ ними, тотъ далекъ отъ истины“ [6]).

Святитель излагаетъ своей православной паствѣ цѣлую лекцію на тему: *какъ различить истинное ученіе вѣры отъ еретическаго?* И мы возмемъ хотя главныя мысли изъ этой бесѣды,—намъ это необходимо знать при обозрѣніи ересей въ Константинополѣ. „А что

---

[1]) Кн. VIII, гл. 5-я.
[2]) Бес. на Дѣян. Ап. т. II, стр. 92.
[3]) Ibid, стр. 89.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.

если онъ придетъ и скажетъ: писаніе говоритъ такъ, а ты говоришь другое и изъясняешь писанія иначе, извращая смыслъ ихъ? Но скажи мнѣ: развѣ ты неимѣешь ума и разсудка? Какъ, я скажетъ, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть ученикомъ; а ты уже дѣлаешь меня учителемъ! Если онъ—язычникъ—такъ скажетъ, то что мы будемъ отвѣчать? Какъ убѣдимъ его? Спросимъ: не притворство ли это и предлогъ? Спросимъ: осуждаетъ ли онъ язычниковъ? Безъ сомнѣнія онъ скажетъ что нибудь, ибо, не осуждая ихъ, не пришелъ бы къ намъ. Спросимъ о причинѣ, почему онъ осуждаетъ, ибо не напрасно же осуждаетъ. Онъ скажетъ, какъ извѣстно: потому что боги ихъ есть твари, а не Богъ не созданный. Хорошо. Послѣ этого, если онъ тоже найдетъ въ иныхъ ересяхъ, а у насъ противное, то нужно ли и говорить болѣе? Всѣ мы исповѣдуемъ, что Христосъ есть Богъ. Посмотримъ же, кто съ этимъ согласенъ и кто не согласенъ. Мы, называя Его Богомъ, говоримъ о Немъ достойное Бога, а еретикъ—напротивъ. Мы называемъ Его Сыномъ,—и точно такъ признаемъ, какъ говоримъ; а еретики называютъ такъ, но не исповѣдуютъ. Сказать яснѣе: они имѣютъ названія отъ нѣкоторыхъ людей т. е. называются по именамъ своихъ ересеначальниковъ. Такова—каждая ересь; а у насъ не человѣкъ какой нибудь далъ намъ названіе, но сама вѣра [1]). Это, такъ сказать, внѣшность ересей, а вотъ ихъ внутреннее свойство.

„Еретики, перетолковывая писанія по собственному воображенію и изыскивая ложные доводы, вопреки своему спасенію, не чувствуютъ, какъ они ввергаютъ сами себя въ пропасть погибели“ [2]). На этомъ свойствѣ ересей Святитель сосредоточиваетъ всѣ свои анти-еретическія бесѣды. Извѣстно, что вниманіе Антіохійскихъ богослововъ занималъ экзегетическій вопросъ относительно того, какъ понимать евангельскія и апостольскія изреченія, въ которыхъ человѣчески—уничижительно или божескиво—звышенно говорится о Христѣ [3]). Вотъ Святитель, вѣрный своимъ антіохійскимъ пріемамъ, и здѣсь борется съ еретическими заблужденіями экзегезисомъ. Онъ въ самомъ первомъ словѣ своемъ противъ аномеевъ [4]), сказавши, что „жестокій пламень ересей угрожаетъ“, такъ продолжаетъ свою рѣчь: „доказанное умственными соображе-

[1]) Ibid. стр. 90.

[2]) Бес. на раз. случ., т. 1, стр. 120.

[3]) Всел. соб. IV и V в. А. П. Лебедева, стр. 168.

[4]) Бес. и слова на р. случ., т. 1, стр. 549.

ніями, хотя бы и было истинно, никогда не доставляетъ душѣ полнаго убѣжденія и достаточной вѣры. Если же такова слабость умственныхъ соображеній, то мы приступимъ теперь къ борьбѣ съ еретиками на основаніи писаній“ [1]).

Прежде чѣмъ мы продолжимъ наше ознакомленіе съ существованіемъ ересей въ Константинополѣ по твореніямъ Златоуста, замѣтимъ еще одно обстоятельство. Святитель Іоаннъ представляетъ намъ, не только какъ онъ борется съ еретиками,—хотя не упускаетъ изъ виду и этой возможности,—сколько *предостерегаетъ православныхъ чадъ св. церкви отъ зараженія ересями,* и потомъ *научаетъ свою паству, какъ надо бороться съ еретиками.* „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ“, говоритъ онъ, „которыя будутъ полезны для обличенія Маркіонитовъ и многихъ другихъ еретиковъ“ [2]).

Изъ многихъ мѣстъ въ Константинопольскихъ твореніяхъ Златоуста, указывающихъ на существованіе ересей въ Константинополѣ, мы возьмемъ очень немногое, но такое, что указываетъ сущность борьбы Святителя съ заблужденіями. Въ бесѣдѣ на посланіе ап. Павла къ Евреямъ Святитель приводитъ текстъ Евангелія Іоанна—V г. 22 ст.: *Отецъ не судитъ никому же, но судитъ чрезъ Сына,*—и говоритъ: когда апостолъ хочетъ научить, что Сынъ изъ Отца, то по необходимости говоритъ уничиженное, а когда начинаетъ говорить высокое, то наноситъ ударъ Маркеллу и Савелію. Апостолъ не останавливается на уничиженномъ, дабы не нашелъ убѣжища Павелъ Самосатскій и не излагаетъ одного только высокаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ великую близость Сына къ Отцу, дабы не возражалъ Савеллій. Когда онъ—апостолъ—сказалъ Сына, то немедленно возстаетъ Павелъ Самосатскій и говоритъ, что Онъ, Христосъ,—такой же Сынъ, какъ и многіе. Но Апостолъ нанесъ ему смертельную рану, присовокупивъ: „наслѣдника“. Впрочемъ еретикъ еще упорствуетъ вмѣстѣ съ Аріемъ, ибо слова: *Его же положи наслѣдника* они оба принимаютъ: первый, утверждая, что эти слова означаютъ безсиліе; а другой, стараясь перетолковать и слѣдующія слова. Посему Павелъ сказалъ: *„имъ же и вѣки сотвори“*, и тѣмъ рѣшительно низвергнулъ безсовѣстнаго Павла Самосатскаго. Но Арій, повидимому, держится еще крѣпко. Посмотри же, какъ апостолъ низвергнулъ и его, сказавъ далѣе: *„иже сый сіяніе славы Его“*. Но вотъ еще возстаютъ: Савеллій, Мар-

[1]) Ibid, стр. 550.

[2]) Бес. на Дѣян. Апос. т. I, стр. 97.

келлъ и Фотинъ. Всѣмъ имъ апостолъ нанесъ ударъ, сказавъ: *и образъ Ипостаси Его, нося же вся глаголомъ силы своея*". Здѣсь онъ поражаетъ также Маркіана [1]). „Объясняя слова Апостола Павла: стихи 6—10 главы 1-ой, Святитель говоритъ: „здѣсь апостолъ опровергнулъ іудеевъ и послѣдователей Павла Самосатскаго и Аріанъ, и Маркелла, и Савеллія, и Маркіона. Какимъ образомъ? Іудеевъ тѣмъ, что показалъ въ одномъ и томъ же Христѣ два существа: Бога и человѣка; вторыхъ, т. е. послѣдователей Павла Самосатскаго, тѣмъ, что сказалъ о вѣчномъ бытіи и несозданномъ существѣ Его; аріанъ тѣмъ же самымъ, равно и тѣмъ, что Сынъ не есть рабъ, а если бы онъ былъ тварію, то былъ бы рабомъ; Маркелла и другихъ тѣмъ, что Отецъ и Сынъ суть два лица, различныя ипостасно; маркіонитовъ тѣмъ, что помазуется не Божество, а человѣчество Христово [2]). Злыя уста діавола, чрезъ Маркіона Понтійскаго, и Валентина, и Манихея Персянина, и многихъ другихъ еретиковъ, рѣшились низвратить ученіе о домостроительствѣ и распространить нѣкоторую сатанинскую молву, будто Христосъ и не воплощался—не облекался плотію, но это было только видѣніемъ, призракомъ, представленіемъ и обольщеніемъ, не смотря на то, что объ этомъ свидѣтельствуютъ его страданія, смерть, погребеніе, алчба" [3]).

Ко всему этому множеству ересей, бывшихъ несомнѣнно въ Константинополѣ, ибо иначе безцѣльно слово проповѣдника, не только указывающаго на эти ереси, но и опровергающаго ихъ,— Созоменъ присоединяетъ еще *ересь Македонія*, имѣвшую искреннихъ послѣдователей въ Константинополѣ. Въ Константинопольскихъ твореніяхъ Златоуста мы не нашли указаній на существованіе въ Константинополѣ этой ереси. Но разсказъ историка не оставляетъ мѣста сомнѣнію и мы приведемъ этотъ разсказъ во всей его цѣлости. Въ главѣ своей церковной исторіи о томъ, какъ Іоаннъ своими поученіями привлекалъ народъ, Созоменъ говоритъ: „народъ такъ жаждалъ его рѣчей и до того не могъ насытиться его бесѣдою, что когда, вошедши въ средину толпы, онъ садился на амвонъ чтеца и начиналъ учить, слушатели толкали, тѣснили другъ друга, желая пройти впередъ и стать къ нему ближе, чтобы яснѣе слышать его бесѣду. Здѣсь кстати, кажется,

---

[1]) Бес. на 1-е посл. къ Евр., стр. 29.

[2]) Ibid, стр. 46.

[3]) Бес. на р. м. св. пис., т. II, стр. 142.

внесть въ исторію случившееся при немъ чудо. Нѣкто изъ державшихся *ереси Македонія* имѣлъ за собою и жену Македоніанку. Послушавъ однажды бесѣду Іоанна о томъ, какъ надобно исповѣдывать Бога, онъ принялъ этотъ догматъ и убѣждалъ свою женукъ единомыслію съ собою. Но она удерживалась прежнею привычкою и совѣтами знакомыхъ женщинъ, не смотря на многократныя внушенія мужа. Мужъ ея, не получивъ никакого успѣха, наконецъ, сказалъ ей: если ты не пріобщишься Божественныхъ таинъ вмѣстѣ со мною, то не будешь болѣе подругою моей жизни. Тогда жена согласилась сдѣлать по его желанію, но рѣшилась обмануть мужа: въ минуту причащенія она удержала принятое тѣло Христово и не хотѣла вкусить, а держала въ зубахъ; но оно превратилось въ камень. Жена испугалась, какъ бы не потерпѣть чего нибудь, когда съ нею случилось такое чудо и, пришедши поспѣшно къ епископу, открыла ему грѣхъ свой и показала камень. Испросивъ себѣ со слезами прощеніе, она послѣ того стала единовѣрною съ мужемъ“ [1]).

Мы приводимъ лишь краткія указанія изъ твореній Святителя Іоанна Златоустаго только для удостовѣренія, что ереси за его время въ Константинополѣ были и вотъ какія. Не сообщаемъ подробностей борьбы св. архипастыря съ еретиками, потому что знаемъ ихъ изъ исторіи религіознаго состоянія церкви антіохійской, изложенной нами во второй части перваго отдѣла нашего труда. Подробности эти и здѣсь въ Константинополѣ—тѣ же, какъ и тамъ. Проповѣдникъ говоритъ съ еретиками и о нихъ къ паствѣ съ каѳедры церковной и методъ его пріемовъ все тотъ же экзегетическій [2]). Въ Антіохіи Златоустъ говорилъ: „чтобы опровергнуть нашихъ противниковъ, разсмотримъ всѣ ихъ возраженія [3]). И здѣсь онъ дѣлаетъ тоже: прежде знакомитъ слушателей съ основнымъ ученіемъ того или другого еретика, потомъ опровергаетъ его. „Одинъ изъ еретиковъ говоритъ“, свидѣтельствуетъ святитель, „что нѣтъ воскресенія; другой не ожидаетъ ничего въ будущемъ; третій говоритъ, что есть иной Богъ; четвертый, что Христосъ имѣлъ начало отъ Маріи. Посмотри, какъ всѣ они впали въ заблужденія отъ неумѣренности, одинъ прибавивъ, другіе убавивъ отъ праваго ученія. Такъ первая изъ всѣхъ ересей, Маркіонова, измыслила

---

[1]) Бес. на Дѣян. Ап. т. I стр. 43—45; Ibid т. II стр. 90.

[2]) Бес. на посл. къ Евр. стр. 152; Ibid. стр. 225.

[3]) Бес. на Ев. Мѳ. т. I стр. 266.

иного Бога, котораго нѣтъ: вотъ прибавленіе! за нею слѣдующая Савелліева утвѣрждаетъ, что Сынъ и Отецъ и Духъ суть одно лице“ [1]). И такъ далѣе.

Но Константинопольскія творенія Св. Іоанна Златоуста знакомятъ насъ съ существованіемъ въ Константинополѣ ереси, которой не указывалъ онъ въ церкви Антіохійской. Это—*ересь Новоціанская*. Такъ какъ мы въ первый разъ встрѣчаемся въ нашемъ изслѣдованіи съ этой ересью, то вотъ—нѣсколько свѣдѣній объ ея началѣ и существованіи.

Римскій пресвитеръ Новатъ отдѣлился отъ церкви подъ тѣмъ предлогомъ, что епископъ Корнилій въ общеніе церковное принялъ христіанъ, во время Декіева гоненія принесшихъ жертву идоламъ. Когда сдѣлался онъ епископомъ, писалъ къ предстоятелямъ другихъ церквей, чтобы не допускать таковыхъ христіанъ до таинствъ покаянія и причащенія, предоставивъ разрѣшеніе грѣха ихъ Богу. Впослѣдствіи Новатъ и его послѣдователи распространили правило сіе и на другіе тяжкіе грѣхи и ту церковь, которая рѣшилась бы принять таковыхъ грѣшниковъ, не хотѣли называть святою, и только самимъ себѣ усвояли наименованіе „чистыхъ“ [2]).

За время епископства Св. Златоуста, новаціане имѣли въ Константинополѣ своего епископа, по имени Сисинія, о которомъ Созоменъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія. Сисиній—мужъ чрезвычайно краснорѣчивый, весьма свѣдущій въ наукахъ философскихъ и въ священномъ писаніи. Да и по жизни онъ былъ чистъ и стоялъ выше клеветы. Что касается до образа жизни, то, смотря на роскошь его и прихотливость, не знающіе не вѣрили, чтобы, живя столь роскошно, могъ онъ соблюдать воздержаніе. Нравомъ Сисиній былъ пріятенъ и любезенъ въ обращеніи. Шутить съ пріятностью принимать шутки и не быть обидчивымъ, остроумно и съ быстротою отражать вопросы,—имѣлъ онъ великую способность. Напр. на вопросъ: почему онъ моется два раза въ день? Сисиній отвѣчалъ: потому что въ третій разъ не успѣваю. Онъ постоянно носилъ бѣлую одежду,—кто то изъ кафолической церкви подшутилъ надъ нимъ. Но тотъ спросилъ: скажи же мнѣ: гдѣ сказано, что надобно одѣваться въ одежду черную? [3]). Существованіе особаго епископа у этихъ заблуждающихся въ Константинополѣ доказыва-

---

[1]) Бес. на посл. къ Евр., стр. 152.

[2]) Приб. къ тв. св. отц., т. XVI, стр. 465.

[3]) Созоменъ, VIII. гл. 1.

етъ, что послѣдователи Новата въ это время были многочисленны и имѣли въ своихъ рядахъ людей сильныхъ. А существованіе такого епископа, каковымъ, по описанію Созомена, былъ Сисиній, могло быть соблазнительнымъ условіемъ въ рукахъ еретиковъ для увлеченія православныхъ въ свои сѣти. Историкъ, говоря о Сисиніѣ, прибавляетъ: Сисиній своей пріятностью и любезностью нравился какъ епископамъ каѳолической церкви, такъ и властямъ и людямъ ученымъ [1]). Въ этихъ цѣляхъ, чтобы показать, насколько могла быть опасна для православія ересь новаціанская, въ лицѣ своего представителя—епископа, мы и привели нѣсколько подробно свѣдѣнія историка о Сисиніѣ. Можно думать, что сей новаціанскій епископъ согласно съ ученіемъ Новата возставалъ на Златоустаго за его чрезмѣрную, по мнѣнію Сисинія, снисходительность къ грѣшникамъ [2]). Памятникомъ борьбы Святителя Іоанна Златоуста съ новаціанской ересью въ Константинополѣ осталась его бесѣда противъ называвшихъ себя „чистыми“ [3]), гдѣ онъ говоритъ: „какъ ты, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ“,—выше приводитъ въ примѣръ ап. Павла, который говоритъ о себѣ: *нѣсть достоинъ нарещися апостолъ*—1 Кор. XV. 91,—„называешь себя чистымъ и убѣжденъ, что ты чистъ;“ причемъ выяснялъ поползновенность людей ко грѣху и возможность и неизбѣжность грѣха. „Душу нашу объемлютъ безчисленныя страсти“, говоритъ Святитель, „безчисленныя обстоятельства, безчисленныя неправды,—и ты осмѣливаешься говорить, что среди моря такихъ треволненій ты остаешься чистымъ? Что можетъ быть нечистѣе человѣка, находящагося въ такомъ состояніи? Но для чего я говорю о всей жизни! Можетъ ли кто, скажи мнѣ, отвѣчать и за единъ день, что въ теченіе его онъ былъ чистъ?—Хотя бы онъ не блудодѣйствовалъ, хотя бы не прелюбодѣйствовалъ, хотя бы не сдѣлалъ подобныхъ запрещенныхъ грѣховъ, но можетъ ли онъ похвалиться, что не былъ тщеславнымъ, не гордился, не смотрѣлъ страстными глазами, не желалъ благъ ближняго, не лгалъ, не коварствовалъ, не желалъ зла врагамъ, не завидовалъ другу? И погружаясь во столько золъ, ты осмѣливаешься называть себя чистымъ! Впрочемъ безуміе этихъ людей—новаціанъ—можетъ открыться не только отсюда, но и съ другихъ сторонъ. Васъ и вашу любовь я увѣщаваю, чтобы вы,

---

[1]) Ibid.

[2]) Приб. къ твор. св. отц. т. XVI, стр. 467.

[3]) Сл. и бес. на разн. сл., т. II, стр. 333—337.

представляя все это, остерегались отъ ихъ тщеславія и удаляли отъ себя гордость и старались со всѣмъ тщаніемъ очищать свои грѣхи присущіе и отклонять угрожающіе. Будемъ же, увѣщаваю васъ, совершать все это—ходить въ церковь, воздыхать о прегрѣшеніяхъ, исповѣдываться во грѣхахъ, прощать грѣхи врагамъ, оплакивать свои прегрѣшенія,—будемъ совершать все это каждый день, очищая себя и омывая. Если мы станемъ такимъ образомъ устроять свои дѣла", заключаетъ свое слово Святитель, то „можемъ получить милость и прощеніе въ тотъ страшный день и удостоиться обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

* * *

Въ одной изъ Константинопольскихъ бесѣдъ Св. Златоустъ *сравниваетъ состояніе церквей Антіохійской и Константинопольской* въ ихъ религіозномъ состояніи.

Намъ это сравненіе подало поводъ сдѣлать краткое сравненіе состоянія той и другой церкви *вообще* за время Златоуста, по его твореніямъ.

„Мы любимъ васъ", говорилъ Святитель, вступая на престолъ церкви Константинопольской, „не менѣе той церкви—Антіохійской; въ которой мы рождены, и воспитаны, и наставлены; ибо эта церковь сестра той и вы дѣлами доказывали родство съ нею. Если та старѣе по времени, то эта пламеннѣе по вѣрѣ; тамъ многочисленнѣе собраніе и торжественнѣе зрѣлище, а здѣсь больше терпѣнія и больше доказательствъ мужества" [1]). Въ изслѣдованіи *религіознаго состоянія* обѣихъ церквей, мы на основаніи указаній въ твореніяхъ Св. Іоанна Златоуста, можемъ теперь видѣть, что и усердіе къ посѣщенію храма Божія, и расположеніе къ общественной молитвѣ, и готовность слушать поученія пастырей церкви совершенно одинаковы въ обѣихъ церквахъ, какъ одинаковы и рукоплесканія и крики одобренія проповѣднику, хотя не можемъ не замѣтить оказанной въ церкви Константинопольской особенно рѣзкой холодности къ молитвѣ церковной. Обращаясь къ уклоненіямъ отъ истины вѣры и благочестія, въ обѣихъ церквахъ мы видѣли одинаковое употребленіе божбы, совершенно одни и тѣже

[1]) Сл. и бес. на р. случ. т. I, стр. 548, бес. II-я противъ аномеевъ.

суевѣрные обычаи и ереси,—одни и тѣже и въ церкви Антіохійской и въ церкви Константинопольской. Разницу представляютъ нѣкоторыя частности: въ Константинополѣ была ересь новаціанская, въ Антіохіи ея не указано въ бесѣдахъ Златоуста. Въ церкви Антіохійской клеймили другъ друга проклятіями, что было слѣдствіемъ раскола между единовѣрными христіанами; въ церкви Константинопольской этого не было. Здѣсь бѣдняки употребляли заклятія, испрашивая милостыни у богатыхъ, чего Св. Златоустъ не указываетъ въ церкви Антіохійской. Въ церкви Антіохійской существовалъ обычай постоянной божбы и частаго употребленія присяги предъ Евангеліемъ и св. трапезою въ храмѣ; въ церкви Константинопольской Святитель обличаетъ и старается искоренить клятву лишь въ формѣ божбы, не указывая на злоупотребленія клятвой—присягой. Въ церкви Антіохійской былъ расколъ: евстафіане и мелетіане; расколъ былъ, увидимъ ниже, и въ церкви Константинопольской: іоанниты и анти-іоанниты. Въ церкви Антіохійской была секта іудействующихъ, въ Константинополѣ творенія Св. Златоуста не указываютъ слѣдовъ ея. Въ Антіохіи язычество поднимало голову противъ христіанства; въ Константинополѣ язычество не предъявляетъ своихъ правъ на существованіе. И Святитель лишь убѣждаетъ паству свою мирно вести себя съ людьми, еще остающимися непросвѣщенными св. вѣрою. „Когда ты не имѣешь повода, то не называй Еллина нечестивымъ и не дѣлайся обидчикомъ“, поучаетъ Святитель; „но если тебя спросятъ объ ученіи вѣры, то отвѣчай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашиваетъ и не заставляетъ говорить, то не слѣдуетъ безъ причины поднимать вражду. Ибо какая необходимость напрасно вооружать противъ себя? [1])... Приходитъ Еллинъ и дѣлается тебѣ другомъ; ты не говори ему объ этомъ—о вѣрѣ—ничего, доколѣ онъ не сдѣлается тебѣ другомъ окончательно, и когда сдѣлается, то веди къ сему постепенно“ [2]). И съ той же любовью и кротостью св. церковь, въ лицѣ святаго своего архипастыря, стремится, за его время, просвѣтить коснѣвшихъ въ невѣдѣніи Бога истиннаго язычниковъ. „Многіе имѣютъ села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся объ нихъ. Не долженъ ли каждый изъ таковыхъ вѣрующихъ построить церковь, пригласить учителя—священника въ помощь себя и заботиться прежде всего о

[1]) Бес. на посл. къ Кол., стр. 178.
[2]) Ibid., стр. 179.

томъ, чтобы всѣ были христіанами? Ты не можешь творить знаменій и учить? Учи ихъ тѣмъ, чѣмъ можешь: человѣколюбіемъ, предстательствомъ, кротостью, ласками и всѣмъ другимъ. Посему убѣждаю, умоляю и прошу, или лучше поставляю закономъ, чтобы никто не имѣлъ села безъ церкви. Если ты имѣешь что либо удѣлять нищимъ, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи *діакона* и священно-служительскій чинъ. Село твое исполнится благословенія и священникъ будетъ пользоваться уваженіемъ и для села это послужитъ во спасеніе. Тамъ будутъ совершаться за тебя постоянныя молитвы, пѣснопѣнія и торжества и приношеніе безкровной жертвы въ каждый воскресный день. „Вспомни“, заключаетъ свое слово Святитель, „что, воздвигнувъ жертвенникъ Богу, ты будешь имѣть воздаяніе до самаго пришествія Христова“ [1]). Слова Святителя къ готовящимся къ крещенію и къ новокрещеннымъ [2]) доказываютъ, что обильна была жатва душъ изъ язычествующихъ, приводимыхъ въ житницу Христову—святую церковь. Послѣднія событія въ жизни Святителя, какъ архипастыря среди своихъ словесныхъ овецъ показываютъ, какъ велико было число язычниковъ, желавшихъ принять святое крещеніе отъ рукъ Святителя, въ его архіепископскомъ храмѣ, какъ видно между прочимъ и изъ писемъ Святителя къ Иннокентію—предстоятелю Римской церкви, гдѣ Св. Іоаннъ говоритъ, повѣствуя о звѣрствѣ солдатъ, ворвавшихся въ церковь въ вечеръ великой субботы 404 года: „женщины, раздѣвшіяся въ молитвенныхъ домахъ для принятія крещенія, бѣжали нагими отъ страха ужаснаго вторженія“ и прибавляетъ: „многія изъ нихъ, составлявшія все таки часть всѣхъ бывшихъ, были вытолкнуты раненными, купели наполнились кровью“. Такимъ образомъ, вотъ различіе взаимоотношенія язычества и христіанства въ Константинополѣ и Антіохіи: тамъ борьба,—здѣсь мирная проповѣдь Евангелія язычникамъ.

Въ изслѣдованіи нравственнаго состоянія клира и монашества Константинопольской церкви, помнится, мы проводили сравнительную параллель въ жизни и дѣятельности того и другаго учрежденія въ томъ и другомъ городѣ, при чемъ указали, что антіохійскій клиръ и особенно монашество стояли на высотѣ своего призванія, всегда вѣрные своему священному долгу служенія Богу и спасенію людей.

[1]) Бес. 18-я на Дѣян., т. 1, стр. 333.

[2]) Письмо 1-е, стр. 10.

людей, а столичное духовенство въ своей жизни и дѣятельности представляетъ діаметральную противоположность клиру и монашеству церкви антіохійской, отличаясь вмѣсто добродѣтели пороками, и вмѣсто славы своимъ чинамъ и санамъ представляя собою безчестіе, соблазнъ и позоръ церкви [1]). Подробности изслѣдованія только еще сильнѣе убѣждаютъ въ печальной истинѣ. „Развѣ ты не знаешь", говоритъ безпутному клирику Константинопольскому въ горести души своей Святитель Іоаннъ, „развѣ ты не знаешь, что жизнь христіанина всегда должна сіять свѣтло и кто посрамилъ свою честь, тотъ уже во всемъ будетъ безполезенъ и не можетъ пріобрѣсти ни въ чемъ великой пользы, хотя бы онъ совершалъ великія дѣла. *Аще соль обуялетъ, говоритъ Господь, чимъ осолится* (Мѳ. V 13)? Богъ желаетъ, чтобы мы были солію, свѣтомъ и закваской, дабы и другіе могли получать пользу" [3]). И потомъ святый архипастырь представляетъ всю погибельность зазорнаго поведенія, которую представляетъ собой для христіанскаго общества клирикъ, согрѣшающій съ дерзостью и соблазномъ для многихъ [4]). Сравните картины нравственнаго состоянія клира и монашества Антіохійской церкви, представленныя нами со словъ Златоуста и его похвальныя рѣчи священникамъ и монахамъ Антіохійскимъ и грозный образъ жизни и дѣятельности клириковъ и монахозъ Константинопольскихъ, представленный нами по твореніямъ того же Св. Златоуста, и слово его, сейчасъ приведенное нами,— и въ вашемъ сознаніи предстанетъ громадное, неизмѣримое различіе однихъ отъ другихъ,—между духовенствомъ церкви Антіохійской и духовенствомъ церкви Константинопольской! Кромѣ личнаго настроенія у этихъ служителей церкви, служившаго основой ихъ поведенія, среда въ свою очередь несомнѣнно вліяла на образъ ихъ мыслей и чувствъ. Выясняя причины такого печальнаго по своимъ, послѣдствіямъ, строя жизни Константинопольскаго духовенства, Albert [5]) находитъ, что значительную роль въ этомъ случаѣ играло въ началѣ то довольство въ жизни, какое имѣли клирики Константинопольскіе. Онъ говоритъ: „кромѣ щедротъ двора, духовенство Константинопольское находило значительныя суммы въ сокровищахъ церкви, которыя, несмотря на назначеніе

[1]) Бес. и слов на разн случ. т. II, стр. 373 – 456.

[2]) Слова противъ сожительствующихъ клириковъ и дѣвственницъ.

[3]) Ibid, стр. 396.

[4]) Ibid. стр. 397.

[5]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1862 г. «Жизнь Св. Іоанна».

ихъ для бѣдныхъ, были употребляемы невѣрными приставниками или на личныя, мнимыя, нужды или на безплодную роскошь. Богачу легче забыть Бога, совѣсть и свою душу".

Обращаясь мыслію къ нравственному состоянію Константинопольскаго монашества, замѣтимъ, что наши заключенія объ образѣ жизни и поведенія этихъ людей мы старались дѣлать именно на основаніи словъ и даже выраженій св. архипастыря, дополняя лишь, такъ сказать, недосказанное имъ по очень естественному чувству въ отеческомъ сердцѣ святителя жалости въ отношеніи къ своей паствѣ, къ несчастнымъ монахамъ. Но достаточно, конечно, и тѣхъ легкихъ намековъ, какіе, такъ сказать, вскользь дѣлаетъ Св. Златоустъ, чтобы видѣть и убѣдиться какъ въ этой мысли, такъ и въ томъ, что то, что говоритъ Златоустъ о Константинопольскихъ монахахъ, есть совершеннѣйшая *историческая* правда, достаточно вспомнить его отношеніе къ антіохійскимъ монахамъ.

Мы знаемъ изъ обзора жизни иноковъ Антіохійскихъ, какъ любилъ и благоговѣлъ предъ чистою жизнію этихъ нагорныхъ подвижниковъ и отшельниковъ Св. Іоаннъ,—знаемъ и ту готовность его, съ какой онъ выразилъ желаніе въ горестную для монашества годину защищать этихъ истинно добрыхъ людей, когда императоръ Валентъ—аріанинъ простеръ свою злобу на православныхъ до того, что велѣлъ всѣхъ отшельниковъ выгонять изъ ихъ пустынныхъ убѣжищъ и отдавать въ военную службу. „Услышавъ эту горькую и печальную вѣсть",—разсказываетъ самъ Златоустъ,—„я тотчасъ вскрикнулъ; а когда принесшій вѣсть продолжалъ свой разсказъ, я былъ, „говоритъ, еще сильнѣе пораженъ и гадая, сколько зла произойдетъ отсюда, оплакивалъ всю вселенную."

Мы приведемъ еще слово—другое изъ этой трогательной бесѣды друзей, для выясненія добраго настроенія Св. Іоанна къ монашеству и исторіи иночества. „Увидѣвъ, что я такъ сильно печалюсь, собесѣдникъ сказалъ: «теперь не время плакать, потому что этими слезами не спасешь погибшихъ и погибающихъ; сочини увѣщательное слово какъ этимъ недужнымъ и безпокойнымъ,—во спасеніе какъ имъ, такъ и всѣмъ вообще людямъ». „Остановись, сказалъ я, „говоритъ Св. Іоаннъ, „чтобы намъ не совсѣмъ лишиться дыханія, оставь мнѣ хоть немного силы. Приказаніе твое непремѣнно будетъ исполнено, но иди и молись, чтобы разсѣялось около меня облако уныніе и получилъ бы я отъ Бога нѣкую помощь къ увраченію возстающихъ на Него" [1]).

[1]) Слово т. III, стр. 69—79: противъ преслѣдующихъ монашество.

И наука и церковь имѣютъ, кромѣ трехъ спеціальныхъ словъ въ защиту монашества, множество указаній на добродѣтели иноковъ во многихъ его твореніяхъ; но все это рѣчи объ инокахъ горъ Антіохійскихъ.

Эта любовь къ истиннымъ труженникамъ святой жизни могла удерживать необходимое въ его устахъ слово обличенія людямъ, недостойно носившимъ на себѣ чинъ монашескій, каковы были монахи Константинопольскіе. Приведенный нами единственный неодобрительный отзывъ о монахахъ Антіохійскихъ, встрѣтившійся намъ въ одномъ изъ Антіохійскихъ твореній Златоуста,— о любви ихъ къ покою и довольству [1]), намъ представляется необходимымъ понимать именно какъ слово автора о самомъ себѣ, чѣмъ о другихъ. Въ своемъ мѣстѣ мы выразили нашъ взглядъ, что Златоустъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ о *городскихъ* монахахъ въ Антіохіи, но въ его твореніяхъ мы нигдѣ не нашли указаній, что таковые монахи были въ его время, а потому съ убѣжденіемъ держимся мысли, что именно Св. Іоаннъ говоритъ здѣсь о себѣ. Это онъ ясно и даетъ разумѣть. „А чтобы ты не подумалъ говорить, будто я теперь говорю это въ осужденіе другихъ, разскажу тебѣ о себѣ. Когда я недавно рѣшился, оставя городъ, уйти въ келіи монаховъ; то много раздумывалъ и безпокоился о томъ, откуда *буду* получать необходимое и можно ли будетъ мнѣ ѣсть хлѣбъ всякій день свѣжій, не заставятъ ли *меня* употреблять одно и тоже масло и на освѣщеніе и въ пищу; не принудятъ ли питаться жалкими овощами, не приставятъ ли къ тяжкой работѣ, не велятъ ли, напр., рубить или носить дрова, таскать воду и дѣлать всѣ прочія такія работы,—словомъ *я* много заботился о покоѣ“ [2]). Наши сомнѣнія разсѣялись и мы убѣдились, что единственное грустное слово Св. Іоанна о печальномъ настроеніи монаховъ въ Антіохіи есть не болѣе, какъ откровенная и смиренная рѣчь автора о себѣ самомъ.

Если иноки Антіохійскіе не чуждались принимать священство, то лишь уступая сильному желанію своихъ гражданъ, какъ это видимъ въ исторіи священства самого Св. Златоуста, по побужденіямъ, слѣдовательно, самымъ чистымъ и цѣлямъ вполнѣ святымъ. Святый Григорій Богословъ такъ опредѣляетъ эту рѣшимость иноковъ, принимавшихъ священство, примиряющую и связующую кипучую дѣятельность среди міра и уединеніе анахорета. „Я при-

[1]) Слов. т. III, стр. 23—24.

[2]) Ibid.

мѣчалъ", говоритъ онъ, „что люди, которымъ нравится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но безполезны себѣ и возмущаются бѣдствіями; видѣлъ также, что живущіе внѣ міра, почему то, гораздо благоустроеннѣе и безмолвнымъ умомъ взираютъ къ Богу; но они полезнѣе только себѣ, любовь ихъ какъ бы заключена въ тѣсномъ кругѣ, а жизнь, которую они проводятъ, необычайна и сурова. Почему *я и рѣшился вступить какъ бы на средній путь между уединившимися и живущими въ обществѣ*, занявъ у однихъ сосредоточенность ума, у другихъ старанія быть полезнымъ для общества" [1]).

Замѣчательно: въ Антіохіи были иноки—истинные рабы Божіи,—и клиръ имѣлъ въ своихъ рядахъ *пастырей добрыхъ, душу свою полагающихъ за други своя;* въ Константинополѣ были монахи, не отличавшіеся доброю жизнію,—и клирики вели жизнь, далеко не соотвѣтствовавшую ихъ сану. Если несомнѣнно извѣстно что иноки Антіохійскихъ горъ выдѣляли изъ себя лицъ въ служители церкви; то можно, съ нѣкоторой вѣроятностью, заключать, что клирики Константинопольскіе выходили тоже изъ монашеской братіи. И въ томъ и другомъ случаѣ *древо приносило плодъ по роду своему.* Антіохійскіе иноки, оставляя горы, шли на служеніе Богу и спасенію людей; Константинопольскіе монахи искали церковныхъ степеней, чтобы *работать своему чреву и мамонѣ неправды.*

Общественная жизнь и общественные нравы почти одни и тѣже въ Антіохіи и Константинополѣ. Съ одной стороны таже страсть къ грубымъ наслажденіямъ: объяденію, пьянству и распутству и къ удовольствіямъ утонченнымъ: къ цирку, къ театру, роскоши въ жилищахъ, въ одеждѣ, обстановкѣ и позолоченомъ развратѣ;—таже бѣдпота и нищенство съ другой стороны, и таже холодность богатыхъ къ горькой участи бѣдныхъ, несчастныхъ людей. То и другое одинаково неприглядно, съ нравственной точки зрѣнія. Провинція, конечно, нѣсколько уступала Константинополю, ибо здѣсь были:

„Роскошь, такъ ужь роскошь,
Истинно столичная,
Бѣдность, такъ ужь бѣдность,
Смерть ежеминутная" [2]).

Подробности изслѣдованія опять таки лишь удостовѣряютъ вѣрность картины.

---

[1]) Твор. Григ. Богосл. ч. VI стр. 15.

[2]) Некрасовъ.

Въ Константинополѣ былъ императорскій дворъ,—дворъ Аркадія и Евдоксіи,—роскошный и развратный, съ правленіемъ женщинъ и евнуховъ, и этотъ дворъ привносилъ въ общественную жизнь Константинополя свое развращающее вліяніе. Если сына царицы народная молва осмѣлилась окрестить именемъ „сына князя Іоанна“,—временщика, царедворца Аркадіева [1]), то ясно, каково было настроеніе громаднаго числа придворнаго люда и всѣхъ этихъ людей. Исторія указываетъ придворныхъ дамъ, развратныхъ до мозга костей,—трехъ распутныхъ вдовъ, которыя, за-одно съ царицею, грабили гдѣ и какъ только могли, прикрываясь формой закона и видомъ приличія [2]). Святый Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: онъ по долгу архипастырства упрашиваетъ императрицу Евдоксію возвратить неправильно взятый ею виноградникъ вдовы его законной владѣлицѣ. „Богъ, какъ творецъ всякаго созданія, по существу своему, превышаетъ и всякое господство, а люди всѣ равны. Такъ и тебѣ“, пишетъ Святитель царицѣ, „Онъ даровалъ скипетръ царствованія не для того, чтобы ты считала себя существенно выше другихъ; но чтобы доставляла равноправность и правосудіе обществу. Не забывай же этого никогда“. Послѣ этого вступленія священный покровитель бѣдныхъ проситъ Августу: „возвратите смиренной вдовѣ и дѣтямъ ея виноградникъ; довольно для нихъ прежняго горя; пусть же не увеличиваются ихъ скорби. Прошу тебя, избавь ихъ отъ постигающаго ихъ огорченія и несчастія“ [3]). (*) Заключеніе опять ясно: нечестіе царитъ на тронѣ,—злодѣйству въ царствѣ такихъ владыкъ руки развязаны. Вдали отъ законодателя, неуважающаго законы въ собственной жизни, въ отношеніяхъ съ подданными, при всей разнузданности, еще можетъ быть уваженіе нѣкоторое къ закону. Но когда начальникъ, блюститель закона и правды, а тѣмъ болѣе самъ законодатель нарушаетъ законъ,—тогда всему честному, справедливому, святому—конецъ [4]).!

---

[1]) Zosim. V, 18.

[2]) Pall. dial. p. 14.

[3]) 230 письмо.

(*) Напрасно издатели писемъ (С.П. Д. Акад. С.П.Б. 1866 г.) сомнѣваются въ подлинности этого письма. Выставленная ими несообразность вѣдь только кажущаяся несообразность. «Боголюбивѣйшая императрица» названа ниже очень прозрачно Иродіадой и Іезавелью (срав. слова предъ 1-й ссылкой и по возвращеніи). И въ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго: Святитель говоритъ подъ вліяніемъ минуты.

[4]) Бес. на посл. къ Θесс., стр. 130.

Еще одно слово о нравственномъ состояніи Константинопольскаго общества.

Разсуждая о грѣхѣ содомскомъ, Святитель говоритъ: „былъ одинъ грѣхъ, конечно, тяжкій и проклятія достойный, однакожъ одинъ: жившіе тогда пылали неистовою страстію къ отрокамъ,— и за это потерпѣли такое наказаніе. А нынѣ совершается множество грѣховъ и равныхъ этому и тягчае его. Ужели же тотъ, кто за одно прегрѣшеніе излилъ такой гнѣвъ.., пощадитъ насъ, когда мы совершаемъ столько грѣховъ“. Выраженія: „равныхъ“, „тягчае“ мы понимаемъ въ отношеніи къ качеству *другихъ* грѣховъ: убійства, напр., нераскаяннаго прелюбодѣйства, святотатства и и т. п., а не тождественности. И думаемъ, что въ Константинополѣ „содомскаго грѣха“ не было въ такомъ развитіи, какъ въ Антіохіи.

Но продолжимъ обозрѣніе религіознаго состоянія Церкви Константинопольской.

ГЛАВА VI-я.

Расколъ въ церкви Константинопольской.

Жизнь церкви за время Златоуста такъ тѣсно связана съ жизнью этого святителя, что нельзя разсматривать въ отдѣльности ни исторію жизни церковной, ни исторію жизни св. архіепископа Іоанна. Такъ это было даже въ Антіохіи, гдѣ Златоустъ былъ только пресвитеромъ, миссіонеромъ—проповѣдникомъ, такъ это въ особенности и всецѣло было въ Константинополѣ, гдѣ Св. Іоаннъ былъ первосвятителемъ столицы. Такъ это было за весь періодъ жизни и дѣятельности Златоуста въ Константинополѣ, но особенно рѣзко выразилась тѣснѣйшая связь архипастыря съ паствой въ послѣдній періодъ святительства Св. Іоанна—въ послѣдніе дни его жизни въ Константинополѣ и долго—долго послѣ его кончины, выразившись въ такомъ грустномъ явленіи въ жизни церковной, каковъ *расколъ* между единовѣрными членами единой, святой, соборной церкви и ея предстоятелями здѣсь и въ церквахъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ патріаршей церковью Константинополя. Если когда добро и любовь и ненависть такъ ревностно воевали между собою и на чѣмъ сосредоточивали каждый проявленіе своихъ чувствъ, то здѣсь—въ Константинополѣ—на судьбѣ Св. Іоанна Златоуста въ весьма значительной степени.

Почти за все время жизни Св. Іоанна Златоуста въ Констан-

типополѣ, а въ послѣдніе дни въ особенности, — мы видимъ: съ одной стороны любовь къ нему народа, съ другой—ненависть духовенства, клира и монаховъ съ архіереями во главѣ; съ одной стороны—любовь бѣдняковъ—неимущихъ, съ другой—вражда богачей немилостивыхъ, гордыхъ и сановитыхъ людей; съ одной стороны—преданность благочестивыхъ дѣвъ и вдовицъ, съ другой—злоба роскошествующихъ женъ, распутныхъ дѣвственницъ и разсвирѣпѣвшихъ похотію вдовъ. И потомъ—совершенный контрастъ отношеній въ однихъ и тѣхъ же царственныхъ лицахъ Аркадія и Евдоксіи—постоянная смѣсь и смѣна добра и зла, добродѣтели и порока, уваженія и презрѣнія, благоговѣнія и отвращенія, искренней любви и злобы непримиримо—безконечной, ищущей, жаждущей позора, крови, смерти Святителя.—Все это, въ совокупности взятое, объясняетъ исходъ судьбы Св. Іоанна Златоуста, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ на современное ему состояніе религіозной жизни въ Константинопольской церкви. Созоменъ разсказываетъ объ антифонныхъ пѣснопѣніяхъ Іоанна противъ аріанъ и о томъ, что отъ его ученія православіе еще болѣе усиливалось, а богатѣющіе должны были скорбѣть. „Такими дѣйствіями и церковными бесѣдами Іоаннъ еще больше возбуждалъ любовь народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ свое дерзновеніе, онъ еще больше становился ненавистнымъ для людей сильныхъ и подчиненныхъ себѣ клириковъ; ибо видѣлъ, что одни поступаютъ неправедно,—и обличалъ ихъ; а другіе развращаются богатствомъ, нечестіемъ и нечистыми удовольствіями,—и побуждалъ ихъ къ добродѣтели. „Въ своемъ мѣстѣ, въ нашемъ трудѣ, мы замѣтили, что 398-й годъ, время обличенія клириковъ и дѣвственницъ въ ихъ сожительствѣ,—мы считаемъ роковымъ въ жизни Святителя. Послѣдующія обстоятельства, съ развязкой 20-го іюня 404 г., показываютъ всю справедливость этого мнѣнія. Когда Іоаннъ произнесъ знаменитое слово, по случаю бѣгства консула Евтропія, въ которомъ—словѣ—разоблачилъ тщеславіе людей сильныхъ [2]), историкъ замѣчаетъ: „люди, питавшіе къ нему—Святителю—ненависть, за это порицали его“ [3]). Говоря о дѣйствіяхъ Іоанна въ Азіи и Фригіи, гдѣ онъ низложилъ 13 епископовъ, о Гераклидѣ Ефесскомъ и Геронтіи Никомидійскомъ, Созоменъ опять отмѣчаетъ пробужденіе вражды къ святому Архипа-

[1]) Книг. VIII, гл. 8.
[2]) Созоменъ VIII 7.
[3]) Ibid.

стырю. „Съ этого времени низложенные и друзья ихъ стали обвинять Іоанна, будто онъ есть причина нововведеній въ церквахъ. Бывъ огорчены, они порицали и тѣ поступки его, которые, по мнѣнію многихъ, были достойны похвалы“ [1]).

Мы отмѣтимъ и еще одно обстоятельство, желая выяснить причины настроенія умовъ и чувствъ къ Святителю за послѣдній годъ его архипастырства. „Іоаннъ, бесѣдуя въ церкви,—повѣствуетъ тотъ же историкъ,—сказалъ обличительное слово вообще противъ женщинъ. Но народъ понялъ его такъ, какъ будто оно прикровенно касалось супруги царя. Посему непріязненные епископу люди, взявъ самую эту бесѣду, представили ее царицѣ, а та жаловалась на обиду мужу“ [2]). Эта рѣчь,—говоритъ Тьерри,—извѣстна намъ лишь изъ нѣсколькихъ словъ исторіи, — скорописцы, по всей вѣроятности, не осмѣлились обнародовать ее и ея нѣтъ въ собраніи его сочиненій [3]). Мы думаемъ, на основаніи словъ Созомена, что эту рѣчь недоброжелатели Златоуста, кто либо изъ сильныхъ міра, сейчасъ же въ церкви отобрали у стенографовъ и представили царицѣ, гдѣ и погибло это слово. Тьерри объясняетъ содержаніе этой рѣчи и мы думаемъ, что она и могла быть такъ сказана. Онъ говоритъ: „Въ этой рѣчи Златоустъ распространяется о безчинствѣ женщинъ вообще, въ особенности же клеймитъ тѣхъ, которыя съ любовными похожденіями свѣтской жизни соединяютъ притязанія править церковью, посѣвая раздоръ въ святилищѣ и воздвигаютъ гоненія на служителей Бога“ [4]). Рѣчь сказана послѣ столкновенія святителя Іоанна Златоуста съ святителемъ Епифаніемъ Кипрскимъ, жившимъ въ Константинополѣ въ домѣ Евграфіи [5]). Сократъ свидѣтельствуетъ объ Епифаніѣ по этому случаю: „остановился для жительства въ честномъ домѣ“ [6]).

Творенія Златоуста вполнѣ подтверждаютъ показанія историческихъ свидѣтельствъ и въ свою очередь уясняютъ ихъ. „Дѣти“, взываетъ Святитель, гонимый съ каѳедры, „Дѣти!“ — „свидѣтельствуюсь вашею любовью; я вижу козни, поднимающія войну и оскорбляющія Бога; вижу борьбу потерянною и подвигоположника

---

[1]) Кн. VIII, гл. 6-я.
[2]) Созоменъ VIII. 16.
[3]) «Св. Іоаннъ Злат. и имп. Евдоксія», стр. 142.
[4]) Тьерри, стр. 142.
[5]) Ibid, стр. 133.
[6]) Кн. VI, гл. 12.

скорбящимъ; вижу убѣжденіе въ истинѣ ослабѣвшимъ, а козни торжествующими. Вы знаете, возлюбленные, за что хотятъ низложить меня,—за то, что я не разстилалъ ковровъ, не облачался въ шелковыя одежды и не угождалъ чревоугодію другихъ. Развѣ за деньги подвергаюсь я кознямъ, чтобы мнѣ скорбѣть? развѣ за грѣхи, чтобы мнѣ сѣтовать? Нѣтъ! за любовь къ вамъ, за то, что я все дѣлаю, чтобы привести васъ въ безопасность; чтобы никто не проникъ въ паству, чтобы стадо пребывало невредимымъ... Огрубѣвшая въ плоти враждуетъ противъ безплотнаго; занятая омовеніями, умащеніями и мужемъ враждуетъ противъ чистой и непорочной церкви. Вчера вечеромъ она называла меня тринадцатымъ апостоломъ, а сегодня называла іудою; вчера благосклонно сидѣла вмѣстѣ со мной, а сегодня напала на меня, какъ дикій звѣрь. Братія! станемъ ли мы изощрять языкъ нашъ противъ царицы. Но что мнѣ сказать? Іезавель неистовствуетъ,—и Илія убѣгаетъ; Иродіада веселится,—и Іоаннъ заключается въ узы; египтянка клевещетъ и Іосифъ отводится въ темницу. Сѣмя той Іезавели обнаруживается и преуспѣваетъ... Иродіада требуетъ главы Іоанна“... Такъ говорилъ св. Архипастырь, уходя въ первое изгнаніе. Объясненія излишни. Ясно, что это начало конца въ печальной судьбѣ Святителя.

Св. Іоаннъ съ императорскимъ чиновникомъ при отрядѣ солдатъ и матросовъ переплывалъ воды Пропонтиды [1]), въ Константинополѣ рѣкой лились слезы и кровь вѣрныхъ своему святому архипастырю. „Мужчины, женщины, дѣти, мастеровые, судорабочіе, продавцы,—всѣ плакали и молились, взывая къ небесному правосудію“ [2]). Ѳеофилъ, Александрійскій патріархъ, неправедный судія Святителя Іоанна, стремился въ базилику архіепископа, но вѣрные загородили ему дорогу [3]). Александрійскіе солдаты произвели побоище. Церковь и крестильня наполнились трупами [4]). Кровь лилась въ алтаряхъ и крики проклятій смѣнили пѣснь Господу [5]).— Это страдали и умирали любящіе Святителя, *души свои полагавшіе за него!*

Но обстоятельства быстро измѣнились. „Испуская вопли и рыданія, народъ дошелъ до царскаго дворца и просилъ объ ото-

[1]) Ѳеодоръ V. 34.
[2]) Тьерри стр. 185.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid, стр. 186; Тьерри даетъ свѣдѣнія по Созомену, VIII, 20.

ваніи Іоанна", разсказываетъ Созоменъ. Снисходя къ мольбамъ народа, царица убѣдила мужа согласиться и немедленно послала вѣрнаго своего евнуха возвратить избранника [1]). Была глубокая ночь. Граждане встрѣтили его съ приготовленными на этомъ случай псалмопѣніями, причемъ весьма многіе изъ нихъ несли зажженныя свѣчи и ввели его въ церковь, гдѣ Святитель принужденъ былъ возсѣсть на епископскій престолъ и сказалъ на—скоро придуманное слово [2]). Это слово во всей подробности выясняетъ всю суть даннаго событія: „Фараонъ отнялъ у Авраама Сарру; нечестивый, варваръ, египтянинъ—прекрасную, благоразумную жену, взирая неправедными глазами на ея красоту, намѣреваясь сдѣлать съ нею прелюбодѣяніе. Тоже произошло и нынѣ съ церковью. Тамъ Египтянинъ, и здѣсь Египтянинъ; тотъ противъ Сарры, этотъ противъ церкви; тотъ держалъ ее одну ночь, этотъ входилъ сюда на одинъ день, даже и на одинъ день не было попущено ему... О необычайныя и дивныя дѣла! весь городъ сталъ церковью... освятились улицы, площади, воздухъ... еретики обращались, іудеи становились лучшими; священники были осуждаемы! А іудеи прибѣгали къ намъ! Такъ было и при Христѣ. Каіафа распялъ Его, а разбойникъ исповѣдалъ; священники убили Его, а волхвы поклонились. Но да не смущаетъ это церкви... я переплылъ море; одинъ вмѣщалъ въ себѣ церковь; вдругъ въ позднее время боголюбивѣйшая царица присылаетъ письмо, въ которомъ заключались такія слова: „я не повинна въ крови твоей, люди злые и развращенные устроили эти козни; моихъ же слезъ свидѣтель Богъ" [3]). „Буду ли я жить или умру, мнѣ уже нѣтъ заботы", говоритъ Святитель, заключая свое слово: „вы видите послѣдствія искушенія" [4]).

Но обстоятельства опять быстро измѣнились. На порфировомъ столбѣ поставлена была серебряная статуя царской супруги. Іоаннъ въ бесѣдахъ къ народу высказалъ, *что все это* сдѣлано въ оскорбленіе церкви и въ это именно время произнесъ онъ знаменитое слово, которое начинается такъ: „Опять Иродіада бѣснуется, опять пляшетъ, опять старается получить на блюдѣ главу Іоанна" (Созом. VIII, 21; Сократ. VI, 17).

Ѳеофилъ снова встрѣтился съ Іоанномъ, какъ сатана съ Іо-

[1]) VIII, стр. 18.

[2]) Созоменъ ibid.

[3]) 2-е слово по возвращеніи изъ первой ссылки. Слова и бесѣды на р. случ. стр. 545—554.

[4]) Тьерри стр. 93.

вомъ [1]) и такъ тотъ—діаволъ, такъ и этотъ поразилъ праведника лютыми скорбями. Совершался грозный неправедный судъ надъ Святителемъ. Онъ содержался, какъ узникъ въ своемъ домѣ [2]). Епископы убѣждали царя осудить неповиннаго, говоря: „*Да будетъ кровь его на головахъ нашихъ*“ [3])! Св. архипастырь въ великую субботу 404 года былъ въ храмѣ Св. Софіи и готовился совершить таинства крещенія и муропомазанія надъ многочисленными новообращенными,—какъ вдругъ воины схватили архіепископа и ряды солдатъ съ мечами наголо, наполнили церковь и поражали и оглашенныхъ и духовенство, такъ что воды крещенія были обагрены человѣческой кровью [4]). Солдаты подняли нечистыя руки свои на святыя дары и Святая Кровь обрызгала ихъ одежды [5]). „Церкви въ праздникъ Пасхи—въ свѣтлый день“, повѣствуетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „остались пустыми, безъ прихожанъ и болѣе сорока епископовъ, имѣющихъ съ нами общеніе, были изгнаны вмѣстѣ съ народомъ и клиромъ; вездѣ стенанія, вопли, слезы... И все это было сдѣлано безъ воли благочестивѣйшаго императора, подъ покровомъ ночи, во многихъ случаяхъ подъ предводительствомъ епископовъ, которые не постыдились идти, имѣя впереди себя командировъ вмѣсто діаконовъ. Съ наступленіемъ дня всѣ жители выселились уже за стѣны города, размѣстившись подъ деревьями, по лѣсамъ, и тамъ проводили праздникъ, какъ овцы разсѣянныя“ [6]). Народъ молился въ термахъ Константція [7]), на поляхъ [8]), но вездѣ и всѣхъ вѣрныхъ Св. Архипастырю доставали враги. Священниковъ и оглашенныхъ и новопросвѣщенныхъ мужчинъ и женщинъ, дѣтей, мірянъ били копьями, мечами, топтали конями [9]); по малѣйшему подозрѣнію, сторонниковъ Св. архіепископа арестовывали и влачили въ темницы [10]). Съ того времени собранія приверженцевъ Святителя происходили то здѣсь, то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было можно и собиравшіеся особо назывались *Іоаннитами* [1]). Такъ произошелъ расколъ въ Константинопольской церкви,—расколъ,

---

[1]) Dial. Pall. p 33.
[2]) Ibid.
[3]) Письмо 1-е къ папѣ Иннокентію.
[4]) Ibid.
[5]) 1-е письмо къ папѣ Иннокентію
[6]) Pall. dial. p. 33.
[7]) Ibid, стр. 34.
[8]) Ibid, стр. 35.
[10]) Созоменъ, VIII. гл. 21.

какъ обособленіе отъ состава церковнаго союза или общества вѣрующихъ, вслѣдствіе несогласія подчиняться данному іерархическому авторитету [1]).

Это опредѣленіе понятія раскола, или правильнѣе часть опредѣленія, вполнѣ отвѣчаетъ данному случаю въ церкви Константинопольской: здѣсь именно Іоанниты не хотѣли подчиняться новому іерархическому авторитету, замѣстившему Св. Іоанна Златоуста.— Немного спустя,—разсказываетъ историкъ, въ епископа Константинопольскаго рукоположенъ былъ Арзакій [2]). „Замѣчательно искусство современника лѣтописца, какъ онъ старается сказать правду, но прикровенно, это оригинальная особенность Созомена. Сократъ говоритъ открыто. Ѳеодоритъ уклончивъ, какъ духовный человѣкъ,— онъ пишетъ свою исторію очень сдержанно. Мы пользуемся преимущественно церковной исторіей Созомена, памятуя заповѣдь: „современный историкъ, изучающій исторію IV и V вв. не можетъ обойтись безъ Созомена“ [3]).

Обратимся къ отзыву Созомена объ Арзакіѣ. „Мужъ, говоритъ, кроткій и благочестивый“.—Но посмотрите, какъ этого мужа, „кроткаго и благочестиваго“ разоблачаетъ историкъ. „Но,—прибавляетъ Созоменъ,—пріобрѣтенную имъ во время пресвитерства добрую славу помрачали нѣкоторые клирики, дѣлавшіе, что имъ было угодно и вмѣнявшіе ему свои поступки. Особенно же унизило его то, что случилось послѣ сего съ приверженцами Іоанна (sic!). Такъ какъ послѣдніе считали для себя нестерпимымъ имѣть общеніе и молиться вмѣстѣ съ нимъ (верхъ искусства!) и съ его сомолитвенниками,—потому что между ними было много враговъ Іоанна,—и дѣлали собранія, какъ сказано, сходясь на концахъ города, сами по себѣ, то онъ сообщилъ царю (еще украшеніе!).. Вслѣдствіе сего, трибунъ, получивъ повелѣніе, напалъ съ воинами на собравшихся и чернь разогналъ палками и камнями; а тѣхъ, кто былъ познатнѣе и ревностнѣе приверженъ къ Іоанну, заключалъ подъ стражу. Смятеніе и плачъ были по городу во всей силѣ (ну можно ли болѣе сего сказать въ похвалу!). Вотъ образъ Арзакія въ основныхъ его чертахъ—„мужа кроткаго и благочестиваго“.— Св. Іоаннъ Златоустъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ объ этой личности. „Слышалъ и я объ этомъ шутѣ (см. Photii Biblioth. cod. 277.

---

[1]) Энц. сл. Андреевскаго, т. XI, стр. 671.

[2]) Созом. VIII. гл. 23.

[3]) Греч. церк. истор. IV, V и VI вв. А. П. Лебедева, стр. 188.

1565 г.), котораго императрица посадила на каѳедру, что онъ подвергъ бѣдствіямъ всю братію, не пожелавшую имѣть съ нимъ общеніе; многіе такимъ образомъ даже умерли изъ—за меня въ темницѣ. Это волкъ въ овечьей кожѣ (шкурѣ); хотя по наружности—епископъ, но на дѣлѣ прелюбодѣй, потому что какъ женщина при живомъ мужѣ, живя съ другимъ, становится прелюбодѣйцею, такъ равно прелюбодѣй и онъ не по плоти, но по духу, ибо еще при жизни моей восхитилъ мою церковную каѳедру“ [1]). Тьерри приводитъ въ своей книгѣ [2]) характерное сужденіе современниковъ объ этомъ епископѣ Арзакіѣ, сохраненное однимъ изъ позднѣйшихъ писателей [3]). „О позоръ! какой преемникъ и послѣ кого же? Quis cui? старый пень, которымъ, по высочайшему произволу, замѣнили вѣтвь крѣпкую и цвѣтущую; старикъ восьмидесяти лѣтъ, которому приличнѣе было бы сидѣть у могилы, нежели на престолѣ; безумецъ и глупецъ; нелѣпѣйшій,—когда говорилъ; тупѣйшій,—когда хотѣлъ думать; похожій болѣе на камень, на чурбанъ, нежели на живое существо; годный только на то, чтобы проводить жизнь въ углу комнаты или въ постели; безполезный самому себѣ и другимъ и недостойный сожалѣнія“ [4]). Этого замѣстителя на каѳедрѣ Златоуста скоро смѣнилъ другой, носившій „печать скота,“ изъ Константинопольскихъ священниковъ [5]), по имени Аттикъ, котораго такъ расхваливаетъ Сократъ, говоря: „при епископѣ Аттикѣ удивительно какъ процвѣтали дѣла церкви“ [6]). „Онъ былъ однимъ изъ вожаковъ послѣднихъ козней противъ Іоанна,“—замѣчаетъ Тьерри [7]). Оба эти дѣятеля на каѳедрѣ Константинопольской оставили по себѣ кровавый слѣдъ въ яростной борьбѣ съ Іоаннитами.

Въ то время, какъ Святитель Іоаннъ удалялся отъ Константинополя, его друзей, преданныхъ ему людей, приверженцевъ его за любовь къ нему томили въ тюрьмахъ, пытали, истязали, лишали имущества, ссылали въ заточеніе, предавали смерти. Страдали діакониссы, съ Олимпіадой во главѣ, народъ, діаконы, клирики, священники и даже епископы. Первая, призванная къ суду,

---

[1]) Письмо III-е.
[2]) Св. Іоаннъ и имп. Евдоксія.
[3]) Zoc. ap. Nicerh. XIII. 28, по Тьерри.
[4]) Стр. 307; приводимъ слова по Тьерри.
[5]) Тьерри, 308 стр.
[6]) Кн. VII, гл
[7]) Стр. 309.

была Олимпіада; она была позвана въ судъ, яко бы по подозрѣнію въ поджогѣ базилики св. Софіи, вспыхнувшей по удаленіи въ конечную ссылку Святителя Іоанна. Но она мужественно и спокойно опровергла эту нелѣпость, поставивъ въ тупикъ префекта; дѣло объяснилось; обвинитель сказалъ ей: „вы, женщины, съ ума сошли, отказываясь отъ общенія съ вашимъ епископомъ Арзакіемъ“ [1]). „Ну, это не касается суда“ [2]),—отвѣтила св. діаконисса. Префектъ безъ вины обвинилъ праведницу и осудилъ ее на большую пеню и на изгнаніе въ Никомидію [3]). „Возрадуйся“, писалъ Св. Златоустъ Пентадіи изъ своего заключенія, „ты смутила бестыдство дикихъ звѣрей и заградила ихъ бѣшеную пасть“ [4]). Понятна ярость преслѣдованія этихъ благородныхъ женщинъ. „Тогда же и нѣкто Евтропій чтецъ, отъ котораго требовали показанія, кто подложилъ огонь, былъ терзаемъ бичами, палками и ногтями по ребрамъ и щекамъ, и кромѣ того переносилъ жженіе тѣла посредствомъ горящаго факела, но при всей молодости и нѣжности свидѣтельствовалъ, что ничего не знаетъ [5]). Когда его отвязали отъ станка, онъ оказался мертвымъ. Но такъ какъ подъ руками не было ни одного священника—іоаннита, то клирики епископа—лютаго врага Святителя Іоанна, засѣдавшаго при пыткахъ, были принуждены сами похоронить свою жертву, проводивъ на кладбище ночью [6]). Іоанниты разсказывали,—прибавляетъ Палладій, что въ ту минуту, какъ эти нечестивыя руки опускали юнаго чтеца въ могилу, небо отверзлось и слышано было пѣніе ангельскаго гимна, привѣтствовавшее страдальца, лишеннаго погребальныхъ молитвъ и послѣдняго поцѣлуя братьевъ [7]). Такъ погибло много мужей и женъ, до конца возлюбившихъ своего учителя, святаго архіепископа Іоанна, о чемъ, какъ видѣли, свидѣтельствуетъ самъ Святитель въ письмѣ къ Иннокентію. Святый изгнанникъ утѣшалъ страждущихъ за него. Онъ писалъ утѣшительныя письма священникамъ, діаконамъ, епископамъ. Читайте его письма къ разнымъ лицамъ. „Не сомнѣваюсь нисколько“, говоритъ онъ въ 1-мъ письмѣ къ Олимпіадѣ, „что ваши страданія даже увеличатъ вашу цѣну предъ Богомъ!“

[1]) Созоменъ VIII. 24.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Письмо къ Пендатіи.
[5]) Созоменъ VIII. 24.
[6]) Pall. dial. p. 78.
[7]) Ibid.

Но іоанниты не хотѣли знать Арзакія, и Богъ былъ съ ними и за нихъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ смерть или странныя болѣзни поразили многихъ изъ тѣхъ, кто преслѣдовалъ Златоуста, или участвовалъ въ его осужденіи. Палладій подробно разсказываетъ объ этомъ въ своихъ діалогахъ [1]). И церковная исторія не отрицаетъ въ нихъ характера сверхъестественнаго.—6-го октября того же 404 года чрезъ $3^1/_2$ мѣсяца умерла императрица Евдоксія въ невыразимыхъ страданіяхъ, родивъ мертваго младенца. Сократъ разсказываетъ объ этихъ событіяхъ и прибавляетъ: „справедливо ли было низложеніе Іоанна или Киринъ, епископъ Халкидонскій, вѣрный слуга Θеофила, получилъ достойное наказаніе за свое злословіе,—ему отдавили сапогомъ ногу и антоновъ огонь прикончилъ ему жизнь,—также изъ-за Іоанна ли умерла царица, или это произошло по другимъ причинамъ,—извѣстно одному Богу, который знаетъ тайное и есть праведный судія самой истины“ [2]). Арзакій—„гнилой пень такъ и умеръ дубиной“ [3]). Хитрый Аттикъ, когда скончался Святитель Іоаннъ Златоустъ, зная о раздѣленіи церкви, поколику іоанниты собирались внѣ ея,—приказалъ поминать въ молитвахъ Іоанна, подобно тому, какъ дѣлается поминовеніе и о другихъ усопшихъ епископахъ, въ той надеждѣ, что чрезъ это многіе возвратятся въ церковь [4]); но и подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ вѣрные своему архипастырю іоанниты чувствовали жало змѣи и понимали какъ нельзя лучше, что за человѣкъ былъ Аттикъ. О немъ замѣчаетъ Созоменъ: „кого хотѣлъ онъ, легко могъ испугать; но потомъ вдругъ, перемѣнившись, казался кроткимъ [5]). „Злобный тріумвиратъ патріарховъ Константинопольскаго, Антіохійскаго и Александрійскаго былъ, на самомъ дѣлѣ, креатурой этого злодѣя, чтобы повсюду, не только въ Константинополѣ, но и въ сосѣднихъ епархіяхъ, во всѣхъ провинціяхъ въ каждой церкви преслѣдовать іоаннитовъ, хотя законъ вышелъ еще при епископѣ Арзакіѣ [6]). Законъ гласилъ: „кто прекращаетъ свое общеніе съ Арзакіемъ, Θеофиломъ, Порфиріемъ должны быть отлучены отъ церкви“ [7]). По этому закону епископы, ули-

[1]) p. 63.
[2]) VI, 19.
[3]) Zoc. ap. Niceph c. XIII, 26.
[4]) VII. 25.
[5]) VIII. 27.
[6]) Cod. Theodor. lib. XVI, t. IV, 1—5.
[7]) Ibid.

ченные въ принадлежности къ іоаннитамъ, были низлагаемы, изгоняемы изъ своихъ церквей и предаваемы свѣтскому суду, какъ преступники. Святитель мученикъ все это зналъ и утѣшалъ страдальцевъ истины. „Свидѣтельствуемъ великую благодарность твоему благоговѣнію“, писалъ святый *изгнанникъ*, какъ онъ самъ называетъ себя [1]),—къ Анисію, епископу Θессалоникійскому [2])—„за непреклонную настойчивость и мужество, показываемыя тобою въ дѣлахъ церковныхъ. Велико было доселѣ усердіе вашей любви и мы свидѣтельствуемъ вамъ благодарность за то, что, въ теченіе такого долгаго времени, вы стояли непреклонно съ подобающимъ вамъ мужествомъ, не поддаваясь никому изъ желающихъ увлечь васъ на свою сторону, но вмѣстѣ съ этимъ просимъ васъ и завершить вашъ подвигъ надлежащимъ вѣнцомъ“.—Такъ началъ свое письмо Св. Златоустъ изъ Кукузы къ Анисію, Евстафію, Маркеллу, Евсевію, Максиміану, Евгенію, Геронтію, Θирсу и всѣмъ православнымъ епископамъ Македоніи [3]). „Блаженны вы въ вашемъ темничномъ заключеніи, въ вашихъ цѣпяхъ и узахъ“, писалъ онъ къ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, заключеннымъ за благочестіе въ темницы,—„блаженны троекратно, тысячекратно блаженны вы, возбудившіе во всей вселенной нѣжное участіе къ себѣ и содѣлавшіе приверженцами людей, даже далеко отъ васъ отдаленныхъ [4]). Повсюду на морѣ прославляются ваши подвиги. Ничто не сломило васъ!—ни судилище, ни палачъ, ни безчисленныя пытки, ни тысячекратныя угрозы смертью, ни судьи съ пламенемъ въ устахъ. Вы сказали: вотъ наши тѣла,—губи, изводи ихъ какими хочешь мученіями, но мы не соглашаемся клеветать и лучше готовы тысячу разъ умереть. Не одно и тоже сложить голову въ краткое мгновеніе времени или бороться съ столькими скорбями такъ долго. Это гораздо высшій видъ подвижничества [5]). Вы содержитесь въ темницѣ, вы окованы цѣпями, вы заключены вмѣстѣ съ людьми грубыми и грязными. Но поэтому, есть ли кто блаженнѣе васъ? Какіе пышные, пространные чертоги могутъ соперничать съ этой мрачной и грязной тюрьмой, въ которую заключенъ человѣкъ по такой причинѣ? И такъ торжествуйте, веселитесь, ликуйте и радуйтесь въ полной увѣренности, что постигшія васъ бѣдствія до-

[1]) Письмо 152-е.
[2]) Письмо 148-е,
[3]) Письмо 149-е.
[4]) Письмо 3-е.
[5]) Ibid.

ставятъ вамъ величайшія блага“ [1]).—Такъ писалъ Святитель къ епископамъ и пресвитерамъ, находящимся въ заключеніи, въ 404 году.—Къ заключеннымъ въ Халкидонѣ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ писалъ также: „блаженны и вы своими узами и тѣми чувствами, съ которыми переносите узы, показывая среди нихъ мужество апостольское“ [2]).

Письма Святителя Іоанна къ Иннокентію, папѣ Римскому, возъимѣли свое дѣйствіе. Они глубоко тронули сердце западнаго первосвященника и подвигли душу его стать на защиту попираемой правды. А къ этому еще письмо клириковъ, оставшихся вѣрными святому архіепископу, гдѣ картина бѣдствій ихъ церкви и другихъ церквей востока была начертана съ необыкновенной силой, тронуло Иннокентія до слезъ. Нѣсколько разъ перечитывалъ онъ его и плакалъ. Въ этомъ письмѣ разоблачался Θеофилъ, какъ душа всѣхъ безпорядковъ [3]). А вскорѣ появились въ Римѣ и сами преслѣдуемые: дѣвицы, изувѣченные монахи, свидѣтельство, что и въ Константинополѣ были иноки добрые, любящіе, святые,—которые ходили изъ дома въ домъ, обнажая знаки пытокъ и рубцы своихъ ранъ [4]).

Иннокентій рѣшилъ собрать вселенскій соборъ для разсмотрѣнія дѣла Св. Златоуста и западный императоръ Гонорій уже писалъ къ восточному Аркадію о необходимости привести въ лучшее положеніе дѣла, которыя были слѣдствіемъ заговора противъ Іоанна Златоуста. „Исполненный заботъ о церковномъ мирѣ, въ которомъ почерпаетъ миръ и наша имперія, пишу тебѣ въ третій разъ, чрезъ посредство сихъ епископовъ и священниковъ, чтобы ты соблаговолилъ предписать восточнымъ епископамъ собраться на вселенскій соборъ въ Θессалоникѣ“ [5]). Изъ Рима въ концѣ марта или началѣ апрѣля 406 года [6]) отправилось посольство въ Константинополь. Съ епископами и клириками западнаго посольства на кораблѣ ѣхали четыре бѣжавшихъ епископа [7]). Но для всѣхъ этихъ пловцовъ за всѣ ихъ усилія послужить правому дѣлу концомъ трудовъ стали тюрьма и заточеніе. „Блаженны вы“, писалъ Святитель

---

[1]) 104.
[2]) Письмо 160-е.
[3]) Тьерри, стр. 396.
[4]) Pall. dial. p 11 12.
[5]) Ibid, стр. 12
[6]) По Тьерри 401 г.
[7]) Pallad. dial. p. 13.

Іоаннъ Златоустъ къ епископамъ Кпріаку, Димитрію, Палладію и Евлизію, пострадавшимъ съ западными епископами и клириками посольства, „троекратно и тысячекратно блаженны вы за тѣ добрые труды, подвиги, усилія, лишенія и опасности, которые вы подъяли для церквей всей вселенной“ [1]).

Дальше этихъ свѣдѣній о состояніи церкви Константинопольской и другихъ церквей того времени не даютъ намъ творенія Святаго Іоанна Златоуста. Скоро могила запечатлѣла золотыя уста.

Общее настроеніе души его всегда неизмѣнно было одинаково во всѣхъ скорбяхъ, при всѣхъ испытаніяхъ:—богопреданность, терпѣніе, любовь вся терпящая, и въ словѣ и въ дѣлѣ сердечное утѣшеніе всѣмъ гонимымъ, страждущимъ. Вся жизнь Святителя Іоанна въ столицѣ имперіи была исполнена скорбей, страданій; съ перваго дня—его праведной дѣятельности здѣсь. Нѣкогда, объясняя въ Константинополѣ книгу Дѣяній Апостольскихъ и говоря о страданіяхъ св. благовѣстниковъ, онъ сказалъ: „О, безуміе! Зачто нужно было благодарить, за то осуждали; и тѣхъ, которые были сильны дѣлами, надѣялись преодолѣть „словами“... Видишь ли, воскликнулъ Святитель въ торжествѣ духа, „силу проповѣди, какъ она дѣйствуетъ, что проповѣдники нетолько подвергаются бичеванію, но и побиваются камнями; нетолько ведутся на судъ, но и отвсюду изгоняются“?!.. И еще. Говоря тогда же о преступности для христіанина, грѣховнаго желанія; „чтобы обида не осталась не отмщенною“,—св. проповѣдникъ говорилъ: „Доколѣ мы будемъ жить жизнію земною?!. Наносящій удары, когда имѣетъ предъ собою человѣка, сопротивляющагося ему, то еще болѣе раздражается; а когда—покаряющагося, то скорѣе утихаетъ и удары обращаются на него самого. Ибо не столько укрощаетъ силу врага человѣкъ искусный въ борьбѣ, сколько человѣкъ, оскорбляемый и не отвѣчающій тѣмъ же; потому что врагъ, наконецъ, отступаетъ отъ него посрамленный и осужденный, во первыхъ, своею совѣстію, и во вторыхъ—всѣми видѣвшими. Никто, не можетъ обидѣть насъ, кромѣ насъ самихъ. Пусть жизнь моя будетъ нечистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что изъ этого? Они такъ хотя и говорятъ, но въ душѣ судятъ обо мнѣ не такъ. Или пусть жизнь моя будетъ чистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что жъ изъ этого? Они сами себя осудятъ въ своей совѣсти, потому что говорятъ не по убѣжденію. Не нужно принимать къ сердцу какъ похвалъ, такъ и по-

[1]) Письмо 134-е.

рицаній. Что я говорю? Никто не въ состояніи будетъ повредить намъ клеветою или какимъ-нибудь порицаніемъ, если мы захотимъ того. Объяснимъ это такъ: пусть кто-нибудь влечетъ (насъ) на судилище, пусть злословитъ, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Чтожъ значитъ—нѣсколько времени потерпѣть это невинно? Но это самое, скажутъ, и есть зло. Напротивъ, страдать невинно—это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать невинно? Такъ скажу, при этомъ: одинъ философъ изъ внѣшнихъ (язычниковъ), когда услышалъ, что такой-то лишенъ жизни, и когда одинъ изъ учениковъ его сказалъ: жаль, что несправедливо; обратившись къ нему, сказалъ: чтожъ, тебѣ хотѣлось бы, чтобъ—справедливо [1])?"... Тѣ же святыя чувства, исполненныя мира и любви о Христѣ страдалецъ, святитель выразилъ теперь въ тяжкую годину испытанія въ письмѣ изъ своего изгнанія къ своей сподвижницѣ въ скорбяхъ—св. діакониссѣ Олимпіадѣ: „не падай духомъ, *видимая бо временна* (2 Кор. IV. 18); настоящее—все равно, будетъ ли оно радостно, пріятно или печально; не смущайся, не безпокойся и не тревожься, но пребывай, постоянно благодаря Бога за все!"—И такъ до конца.

Златоусту, послѣ отправленія его изъ Константинополя за Босфоръ, позволено было оставаться только въ теченіе мѣсяца въ Никеѣ. И потомъ послѣ труднаго и утомительнаго путешествія,—подробности кратко указаны нами выше,—онъ достигъ Кукуза, въ горахъ Киликійскаго Тавра. Во время своего пребыванія въ этомъ отдаленномъ отъ Константинополя и жалкомъ городишкѣ, онъ страдалъ отъ недостатка провизіи, отъ перемѣнныхъ крайностей температуры—зноя и холода, отъ частыхъ болѣзней, во время которыхъ невозможно было достать лѣкарствъ и отъ хищничества исаврійскихъ разбойниковъ, которые принудили его наконецъ искать убѣжища въ крѣпости *Арабиссѣ*.

Но годы изгнанія были полнѣе почестями и вліяніемъ Святителя—изгнанника, чѣмъ какой либо періодъ его прежней жизни: онъ поддерживалъ сношенія съ церквами во всѣхъ странахъ. Даже епископъ Римскій, Иннокентій, относился къ нему какъ къ совершенно равному себѣ. Отъ епископа Кукузскаго Аделфія и его сосѣдей Св. Іоаннъ постоянно встрѣчалъ почтительную доброту къ себѣ. Многіе паломники приходили къ нему, въ его уединенное мѣстопребываніе, съ цѣлію выразить ему свое почтеніе. Онъ,—*Святитель—миссіонеръ* въ душѣ,—руководилъ отсюда, изъ мѣста своего изгнанія, миссіонерскими труда-

[1]) Сократъ у Ксенофонта.

ми въ Персіи и среди Готовъ, причемъ его отдаленные друзья снабжали его столь значительными суммами, что онъ не только былъ въ состояніи содержать эти миссіи и выкупать плѣнныхъ, но даже долженъ былъ просить, чтобы ихъ чрезмѣрная щедрость была направлена на другія цѣли [1]).

Разставаясь съ дорогимъ *историческимъ* источникомъ для нашего труда,—твореніями Святителя Іоанна Златоуста,—здѣсь, въ концѣ нашего изслѣдованія исторіи церквей, гдѣ служилъ онъ благовѣстію слова Божія, находимъ случай запечатлѣть для себя и для читателей нашей „исторіи“ наставленія Святителя: о томъ, что всѣ и каждый изъ сыновъ церкви должны заботиться объ обращеніи незнающихъ Бога и святаго Его закона и заблуждающихся въ вѣрѣ и жизни; о томъ, какъ врачевать заблуждающихся братій нашихъ, стремясь обратить на путь истины и добродѣтели, и о томъ, что молитва—первое условіе для успѣха въ служеніи благовѣстію.

„Я хочу просить всѣхъ васъ объ одной услугѣ—именно, чтобы вы унимали въ городѣ тѣхъ, кто богохульствуетъ или хулитъ святую вѣру нашу. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутьи или на площади хулитъ Бога или святую вѣру нашу,—подойди, сдѣлай ему внушеніе... Ты знаешь, что сдѣлалъ Іоаннъ (Крститель). Онъ увидѣлъ тиранна, ниспровергающаго брачные законы, и смѣло, посреди площади, заговорилъ: *не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа, брата твоего* (Марк. 6, 18). Исправляй же сораба, и, если даже надо будетъ умереть, не переставай вразумлять брата. Это будетъ для тебя мученичествомъ. И Іоаннъ вѣдь былъ мученикомъ за святые законы, когда они подвергались поруганію. Такъ и ты до смерти борись за истину и Господь будетъ поборать за тебя. И не говори мнѣ такихъ безсердечныхъ словъ: что мнѣ заботиться? у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго, потому что это голосъ сатанинскій, діавольское безчеловѣчіе. Не станемъ же говорить этого и покажемъ подобающую братьямъ заботливость. Раздѣлимъ между собою заботу о спасеніи нашихъ братьевъ. А когда налицо не одинъ, не два и не три, а такое *множество могущихъ принять на себя заботу* о нерадивыхъ, то не почему иному, ибо по нашей лишь безпечности многіе погибаютъ и падаютъ духомъ. Не безразсудно ли, что всѣ мы спѣшимъ поднять упавшаго осла, а о гибнущихъ братьяхъ не заботимся? Хулящій святую вѣру—тотъ же упавшій оселъ. Подойди же и подними его словомъ

[1]) Исторія хр. ц. Робертсона. СПБ. 1890 г. ч. 1, стр. 368.

и дѣломъ, и кротостью и силою; пусть разнообразно будетъ лѣкарство. И если мы будемъ искать спасенія и ближнихъ, то вскорѣ станемъ желанными и любимыми и для самыхъ тѣхъ, кто получаетъ исправленіе".

Увѣщеваю *всѣхъ васъ* стараться, по силамъ вашимъ, *врачевать заблуждающихся*, какъ впавшихъ въ болѣзнь, *бесѣдуя* съ ними *снисходительно и кротко*. Ихъ ученіе произошло у нихъ отъ безумія, и велика надменность ихъ ума; а воспалившіяся раны не выносятъ наложенія руки и не терпятъ крѣпкаго прикосновенія. Посему благоразумные врачи отираютъ такія раны какою-нибудь мягкою губкою. Итакъ, если и въ душѣ заблуждающихся есть воспалившаяся рана, то мы, собравъ все, извѣстное намъ, какъ бы напоивъ какую-нибудь нѣжную губку пріятною и нѣжною водою, постараемся успокоить ихъ воспаленіе и уничтожить всю надменность; *и хотя бы они оскорбляли, отталкивали, хотя бы плевали, и что бы ни дѣлали, ты, возлюбленный, не прекращай врачеванія*. Врачующимъ человѣка сумасшедшаго необходимо терпѣть много подобнаго и, не смотря на все то, отступать не слѣдуетъ, но потому особенно и нужно сокрушаться о нихъ и плакать, что таковъ родъ ихъ болѣзни. Это говорю я тѣмъ, которые *болѣе сильны и тверды* и не могутъ получить никакого вреда отъ сообщенія съ больными. А кто болѣе слабъ, тотъ пусть избѣгаетъ ихъ сообщества, пусть удаляется отъ разговоровъ съ ними, чтобы дружественное отношеніе не послужило поводомъ къ несчастію. Итакъ, чтобы намъ не причинить себѣ величайшаго вреда, будемъ избѣгать ихъ сообщества, будемъ только молить и просить человѣколюбиваго Бога, *иже всѣмъ человѣкамъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (Тим. 11, 4), да избавитъ ихъ отъ заблужденія и діавольской сѣти и приведетъ къ свѣту познанія, къ Богу и Отцу Господа нашего Іисуса Христа. Пастырь за погибель овецъ понесетъ ущербъ не имѣнію своему, а душѣ своей. (О священствѣ, сл. II, стр. 22, срав. Ап. прав. 39). Должно убѣжденіемъ возвращать на истинный путь, съ котораго человѣкъ уклонился".

„Молитеся, да не внидите въ напасть" (Мѳ. 26,—41), сказалъ Христосъ. „Молитесь", убѣждаетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, ибо „молитва есть самое важное изъ благъ, основаніе и корень плодотворной жизни", „причина всякой добродѣтели... такъ что въ душу, незнакомую съ молитвой и прошеніемъ, *не можетъ* войти ничто содѣйствующее благочестію". „Что въ жилищѣ основаніе, то же самое въ душѣ молитва". „*Молитва* освѣжаетъ умъ, прогоняетъ опасности, очищаетъ грѣхи, *сберегаетъ въ душѣ добрые нравы*.

Поэтому, „кто не молится Богу и не желаетъ непрестанно наслаждаться Божественнымъ общеніемъ, тотъ мертвъ и бездушенъ... ибо подобно тому, какъ наше тѣло, если въ немъ нѣтъ души, мертво и зловонно; такъ и душа, не побуждающая себя къ молитвѣ, мертва, и несчастна, и зловонна“... „Поэтому“, замѣчаетъ св. отецъ, „когда я увижу, что кто-либо не любитъ молитвы.., то мнѣ уже ясно, что онъ не владѣетъ въ своей душѣ ничѣмъ благороднымъ“. „Какая можетъ быть польза отъ бесѣды“, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „когда съ нею не соединяется молитва?“ „Прежде молитва, а потомъ слово; такъ говорятъ и апостолы: мы же въ молитвѣ и въ служеніи слова пребудемъ (Дѣян. 6—4). Такъ и Павелъ поступаетъ, въ началѣ посланій совершая молитву, чтобы свѣтъ молитвы предшествовалъ ученію, какъ свѣтъ свѣтильника“. Какъ всѣ эти наставленія могутъ относиться къ *исторіи* церкви,—указываетъ нашъ курсивъ. Святитель не только желаетъ, нѣтъ! онъ убѣжденъ, что его паства знакома съ ученіемъ Св. Вѣры.

Послѣ трехъ лѣтъ проведенныхъ Св. Златоустомъ здѣсь,—въ Кукузѣ и въ Арабиссѣ,—въ изгнаніи, интересъ, который онъ продолжалъ возбуждать въ населеніи, расположилъ враговъ его прибѣгнуть къ еще болѣе жестокимъ мѣрамъ противъ него. Рѣшено было переселить его въ Питіумъ, городокъ на крайней границѣ имперіи къ востоку отъ Евксина, находившійся на восточномъ берегу Чернаго моря, и лѣтомъ 407 года онъ былъ увезенъ изъ Арабиссы сюда—въ Питіумъ. Путешествіе продолжалось три мѣсяца, и подъ палящимъ зноемъ лѣта, и подъ дождемъ, по горамъ Кавказскаго побережья, „идѣже частѣйше смертоносніи вѣтри бываху“, замѣчаетъ списатель житія и страданій Святителя Златоуста, Георгій, архіепископъ Александрійскій—въ VII-мъ вѣкѣ.

Но Святый Священномученикъ не дошелъ до послѣдняго предѣла своей ссылки и въ понтійскомъ городѣ—Команахъ скончался.

Въ Команахъ, когда святый страдалецъ возлегъ на плиты церковнаго пола предъ святымъ алтаремъ, чтобы предать духъ свой Богу,—и здѣсь послѣднимъ его словомъ было: „*слава Богу за все. Аминь*“ [1]).

Такъ угасъ церковный свѣтильникъ, такъ умолкли *золотыя уста*, такъ совершилъ подвигъ и скончалъ теченіе добрый подвижникъ и страдалецъ, прожившій двѣнадцать лѣтъ *епархіальнымъ проповѣдникомъ* Антіохіи, шесть съ половиною лѣтъ возсѣдавшій

[1]) Pallad. dial p 40.

на патріаршемъ престолѣ Царя-града и три года и три мѣсяца пробывшій въ заточеніи, какъ *епископъ—миссіонеръ*, гонимый съ мѣста на мѣсто!

Когда умеръ Св. Іоаннъ, слѣдовавшіе за нимъ до самой его смерти, два пресвитера и діаконъ, оплакавъ смерть архипастыря и отца своего, отправились въ Римъ къ папѣ Иннокентію и подробно сообщили ему обо всемъ, что претерпѣлъ Святитель отъ враговъ своихъ. Выслушавши все, Иннокентій весьма удивился и сталъ скорбѣть о великомъ страдальцѣ за правду. Объ обстоятельствахъ изгнанія и смерти Св. Златоуста папа сообщилъ западному императору Гонорію, брату Аркадія. И оба они написали посланія царю Аркадію.

Гонорій написалъ Аркадію: „Я не знаю, какимъ искушеніемъ ты прельстился, братъ, довѣрившись женѣ своей и, по ея настояніямъ, устроивъ то, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ благочестивый царь христіанскій. Находящіеся здѣсь епископы и преподобные отцы вопіютъ противъ васъ съ царицей за то, что вы низвергли съ престола безъ суда и вопреки канонамъ великаго Божія архіерея Іоанна и, истомивъ его жестокими муками, предали насильственной смерти“.

Папа написалъ: „Кровь брата моего Іоанна вопіетъ къ Богу противъ тебя, царь, какъ древле вопіяла кровь Авеля праведнаго противъ братоубійцы Каина.—И эта кровь будетъ отмщена, такъ какъ ты въ мирное время воздвигъ гоненіе на церковь Божію. Ибо ты прогналъ истиннаго пастыря Христова, а съ нимъ вмѣстѣ ты изгналъ и Христа Бога, а паству Его предалъ въ руки наемниковъ, а не истинныхъ пастырей Христовыхъ“.—Это и многое другое писалъ Иннокентій къ Аркадію, отлучая его и Евдоксію отъ Божественныхъ Таинъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ сообщниковъ ихъ, которые участвовали въ низверженіи Св. Іоанна. Ѳеофила же отлучалъ не только отъ сана, но и отъ церкви и призывалъ его на соборный судъ [1]).

14 сентября 407 года могила въ храмѣ св. Василиска въ Команахъ скрыла честные останки Св. Іоанна Златоустаго [2]). Но съ этимъ историческимъ днемъ не кончились: ни любовь къ нему друзей его, ни ненависть враговъ; не улеглось и охватившее церкви

---

[1]) Житія святыхъ. М. 1902 г., ч. 3-я, стр. 366—367.

[2]) Фарраръ, Робертсонъ, Филаретъ.

востока и запада волненіе. Многихъ виновниковъ неповинныхъ страданій св. изгнанника скоро не стало на свѣтѣ. Чрезъ 7½ мѣсяцевъ по кончинѣ Святителя Іоанна, умеръ царь Аркадій, оставивъ преемникомъ себѣ сына Ѳеодосія, только что переставшаго питаться молокомъ и трехъ дочерей въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. „При этомъ, кажется мнѣ“, прибавляетъ лѣтописецъ, „Богъ весьма ясно показалъ, что царямъ всего важнѣе благочестіе, безъ котораго войска и царское могущество и другія средства неблагонадежны“ [1]). А черезъ 4 года послѣ смерти царя впалъ въ летаргію Ѳеофилъ, епископъ Александрійскій [2]), и скоро его нашли въ постели мертвымъ [3]). И все таки еще не скоро улеглись волны многобурной жизни церковной.

Римскій святитель стоялъ неусыпно „на божественнѣй стражи“ и лишь съ тѣми мирствовалъ, кто Іоанна Златоуста признавалъ непереставшимъ быть архіепископомъ Константина-града [4]). И въ концѣ концовъ достигъ желаемаго,—сталъ „миротворцемъ христіанскаго міра [5]). Такъ что, когда священный гробъ Святителя Іоанна Златоуста въ 437 году былъ вознесенъ на высоту его Константинопольской каѳедры, въ этотъ знаменательный день всѣ, видящіе святые останки святаго архіепископа и слышавшіе объ этомъ чудномъ событіи, могли сердцемъ чувствовать священное слово любви Христовой, какъ бы изшедшей изъ устъ Святителя страдальца: „*миръ всѣмъ*“! [6]).

[1]) Созоменъ, IX, 7.
[2]) Сократъ VII. 7.
[3]) Тьерри, стр. 424.
[4]) Тьерри стр. 426.
[5]) Ibid.
[6]) Житія св на мѣсяцъ Іаннуарій. Кіево-Печ. Лавра 1881 г.

Послѣсловіе.

Приступая къ нашему труду, среди размышленій о трудности предположеннаго нами дѣла, въ искреннемъ сознаніи недостаточности нашихъ силъ, въ книгѣ „Искра любомудрія“ (Москва 1892 г.) мы встрѣтили слѣдующій эпиграфъ: „Если кому недоступна вся глубина и широта научнаго знанія, то неужели онъ вовсе не долженъ касаться науки? Безъ сомнѣнія долженъ (Алексакисъ)“. И вотъ, воодушевившись этимъ словомъ, мы дерзновенно коснулись науки Исторіи древней церкви. Къ благосклоннымъ же читателямъ обращаемся съ слѣдующимъ древнимъ словомъ нѣкоего труженика науки: „Забвенію и недостатку всякъ человѣкъ подлежитъ, аще и вельми остроуменъ и опасенъ и безъ погрѣшенія нѣкоего неудобно быти тому. Посемъ же и вы, почерпающіе книгу сію, прошу, да помолитеся ко Господу, яко да дастъ ми прощеніе многихъ моихъ и безчисленныхъ грѣховъ (изъ пред. къ сл. рук. М. Син. Биб. № 226, стр. 2521 и 2523)“. Въ искреннемъ благоговѣніи предъ святымъ авторомъ твореній, давшихъ намъ возможность составить „Исторію церквей Антіохійской и Константинопольской, за его время“, оканчиваемъ трудъ нашъ тѣми словами, какими самъ Великій Вселенскій Учитель закончилъ свое послѣднее слово проповѣди: „*Возблагодаримъ Бога, Которому слава и держава, вмѣстѣ съ Сыномъ и благимъ животворящимъ Духомъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь*“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Константинопольская Церковь.

	Стран.
Ея исторія	3—12
Основаніе Византіи, какъ колоніи и краткія свѣдѣнія о существованіи города	3
Просвѣщеніе Византіи христіанствомъ . . .	4
Построеніе Константинополя и его заселеніе . .	4—5
Подробности первоначальнаго построенія Константинополя и внѣшняго и внутренняго его состоянія . .	4—6
Значеніе Константинополя въ дѣлахъ церковныхъ .	7—8
Іерархи Константинополя	8—9
Состояніе Церкви ко времени вступленія Св. Іоанна Златоустаго на патріаршій престолъ.	9—12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Нравственное состояніе Константинопольской церкви	13—113

Глава I-я.

Клиръ	13—43
Вступленіе Св. Іоанна Златоуста на патріаршій престолъ и планъ его архипастырской дѣятельности въ религіозной и нравственной жизни паствы . . .	13—15
Нравственное состояніе столичнаго клира . .	15—16
Грѣхи священно-церковно-служителей; преступность желанія епископства и высшихъ степеней его, какъ мѣста власти, покоя, наслажденій	17—20
Внѣшній видъ Златоуста и произвольная бѣдность патріаршаго его жилища.	20
Экономъ Костантинопольскаго архіерейскаго дома; особенная опасность служенія въ этой должности инока.	20—23
Корыстолюбіе клира.	24—26
Чревоугодіе клира	26—27

Стран.

Сожительство клириковъ съ дѣвственницами . . 27–36

Кто были Константинопольскіе клирики: лица изъ бѣлаго духовенства или изъ иноковъ? 36–37

Побужденія для клириковъ оставаться внѣ брака . 37

Количество клириковъ въ Константинополѣ . . 38–39

Какъ смотрѣли на конкубинатъ сами клирики, духовныя власти и народъ? 39–43

Недовольство клира обличеніями Св. Архіепископа 43—47

Глава II-я.

Монашество . . . . . 47—73

А) Монахини . . . . . 47—59

Два вида женскаго монашества: монастырское обѣтное, и келейное, какъ свободный подвигъ дѣвства, жившее въ частныхъ домахъ. . . . . 47—48

Усвоенное монашеству названіе,—*„ангельскій образъ“* 49

Олимпіада, какъ высоко-нравственный обликъ института діаконисъ при Златоустѣ . . . . . 49—50

Обязанности діакониссъ . . . . . 51—52

Слабости діакониссъ. . . . . 52—54

Сожительство дѣвственницъ съ духовными лицами . 55–59

Б) Монахи. Константинопольское монашество городское, обѣтное . . . . . 58—60

Скорбь Златоуста о недостойномъ поведеніи столичнаго монашества. 61

Поведеніе бродячаго монашества . . . . 62—68

Враждебное отношеніе монаховъ къ Св. Златоусту въ Кесаріи . . . . . 68—73

Глава III-я.

Общество . . . . . 73—113

Обстоятельства, обусловливавшія невысокій уровень нравственнаго состоянія Константинопольскаго общества ко времени появленія Златоуста здѣсь—на патріаршей каѳедрѣ . . . . . 73—76

Попеченія Св. Архипастыря о возвышеніи вѣры и благочестія въ Константинопольской паствѣ . . . 76—78

Стран.

Роскошь въ жизни богатыхъ,—въ столѣ, въ одеждѣ, въ выѣздахъ, соединенная съ оскудѣніемъ любви къ ближнему. . . . . 78—85

Особенная и опасная для нравственности изысканность въ одеждѣ и образѣ жизни Константинопольскихъ матронъ . . . . . 85—89

Тяжелая жизнь бѣдняковъ,—условіе для Златоуста для обличенія немилосердыхъ богачей . . . . . 89—93

Проповѣдь коммунизма первобытнаго христіанства Св. Златоустомъ, какъ предполагаемая причина, почему слово его не было принято его современниками . . 93—100

Страсть Константинопольцевъ къ увеселительнымъ зрѣлищамъ: цирку, театру . . . . . 100—101

Значеніе театральныхъ зрѣлищъ для Константинопольской паствы не въ смыслѣ воздѣйствія этимъ путемъ языческаго культа въ подрывъ христіанству, а по характеру постановки сцены, способной возбуждать грѣховныя, страстныя вожделѣнія . . . . . 102—104

Обычай медлить вступленіемъ въ бракъ, какъ условіе къ грѣхопаденію молодыхъ людей и отзывъ Златоуста о высотѣ брака 104

Златоустъ подчеркиваетъ грѣхи стариковъ . . 105

Распущенность нравовъ вообще въ высшихъ и низшихъ классахъ населенія въ Константинопольской церкви 107—111

Предосудительность увеселеній при брачныхъ пиршествахъ. . . . . 105—113

Благочестіе Константинопольцевъ . . . . 111—113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Религіозное состояніе Константинопольской церкви 115—183

Глава I-я.

Общій очеркъ состоянія церкви . . . . 115—128

Усердіе Константинопольцевъ къ посѣщенію храма Божія и слушанію проповѣди церковной . . . 115—117

Любовь Константинопольцевъ къ церковному краснорѣчію, какъ основа проявленія ими религіознаго чувства за первое время святительства Златоуста . . . 117—119

Стран.

Рукоплесканія въ храмѣ, какъ любимый способъ у Константинопольцевъ выраженія одобренія церковному проповѣднику . . . . . 120—121

Моменты искренняго религіознаго чувства въ паствѣ Златоуста. . . . . 121—122

Причины холоднаго отношенія людей къ церковной проповѣди вообще и Константинопольскаго клира въ особенности . . . . . 122—123

Условія въ словѣ и жизни Св. Златоуста, располагавшія слушателей къ общенію съ нимъ въ молитвѣ и словѣ 124

Холодность Константинопольцевъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей исповѣди и св. причастія . 125—126

Многіе Константинопольцы отлагали принятіе крещенія на неопредѣленное время и даже до кончины жизни 126—128

Глава II-я.

Противорелигіозные обычаи . . . . . 128—142

Гадатели 128

Повязки съ надписью названія рѣкъ. . . . 129

Вѣра въ „глазъ“, сажу, золу, соль; привычка божиться. 130—132

Обычай заклятія . . . . . 132—133

Между прочимъ: изслѣдованіе объ устройствѣ базиликъ за время Св. Златоуста . . . . . 133—142

Храмы императора Константина Великаго и его преемниковъ до Ѳеодосія въ исторіи и архитектурѣ, отъ храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ до Цареградской „Софіи“ . . . . . 134—135

Выясненіе плана и фасада базилики св. Софіи, гдѣ молился, священнодѣйствовалъ и поучалъ Св. Іоаннъ Златоустъ . . . . . 136—138

Свидѣтельство Златоуста о современномъ ему храмѣ и историковъ: Созомена, Сократа—объ алтарѣ, амвонѣ преградѣ и гиконитахъ . . . . . 139—142

Глава III-я.

Ереси . . . . . 142—165

Значеніе слова *ересь*. . . . . 142—143

Распорядокъ ересей, бывшихъ въ Константинопольской церкви, за время Златоуста, по указаніямъ его твореній. 143—144

Стран.

Аномеи . . . . . 144—146

Аріанскія литаніи и православно-христіанскія антилитаніи . . . . . 147—148

Готѳы—аріане 148

Совершеніе богослуженія и проповѣдь слова Божія на Готѳскомъ языкѣ,—дѣйственное орудіе для миссіи православія . . . . . 148—149

Златоустъ употреблялъ символъ Константинополя въ цѣляхъ вразумленія аріанствующихъ Константинопольцевъ. 149

Аріане просятъ Златоуста бесѣдовать съ ними о вѣрѣ 149—150

Указаніе Златоуста: какъ различить истинное ученіе вѣры отъ еретическаго? . . . . . 150—152

Наставленіе Святителя Іоанна паствѣ своей: какъ надобно бороться съ еретиками изъ котораго видно, что въ Константинополѣ существуютъ ереси: Маркелла, Савеллія, Павла Самосатскаго, Фотина, Маркіона, Валентина и Манихея . . . . . 152—153

Ересь Македонія . . . . . 153—155

Ересь Новаціанъ „чистыхъ“, съ епископомъ Сисиніемъ во главѣ. 155 157

Сравненіе состоянія церквей Антіохійской и Константинопольской въ религіозномъ и нравственномъ состояніи ихъ за время Златоуста . . . . . 158—165

Св. Златоустъ убѣждаетъ крупныхъ землевладѣльцевъ устроять въ своихъ имѣніяхъ—въ селахъ и деревняхъ—*храмы* съ священникомъ, какъ учителемъ вѣры и добродѣтели, діакономъ и церковнослужителями . . . 158—159

Сравненіе нравственнаго состоянія церквей, клира . 159—161

Монашества: общественной жизни и нравовъ . . 161—163

Особенныя обстоятельства, обусловливавшія низкій уровень нравственности въ столицѣ 164

Отсутствіе „Содомскаго грѣха“ въ Константинополѣ . 165

Глава IV-я.

Расколъ въ церкви Константинопольской. . . 165—183

Святая жизнь и праведное слово Святителя Іоанна Златоуста раздѣлили паству его на добрыхъ и нечестивыхъ 165—167

Стран.

Обличительное слово Святителя порочному состоянію паствы, какъ особенность, обострившая отношенія къ Златоусту враговъ его . . . . . 167—168

Первое изгнаніе Св. Архіепископа изъ столицы . 168

Его возвращеніе любовью народа . . . . 168—169

Новое нечестіе въ столицѣ и новое слово обличенія первосвятителя обусловливаютъ второе изгнаніе Златоуста изъ Константинополя . . . . . 169—170

Опредѣленіе понятія „*расколъ*“ и появленіе *Іоаннитовъ* 171

Ближайшіе преемники Златоуста на Константинопольской каѳедрѣ . . . . . 171—172

Страданія Іоаннитовъ и утѣшенія имъ отъ Святителя Іоанна Златоуста . . . . . 172—176

Письма Святителя Іоанна къ Иннокентію, патріарху Римскому, о положеніи Константинопольской церкви и къ различнымъ епископамъ Востока, сострадальцамъ Св. Іоанна, въ утѣшеніе и ободреніе въ ихъ подвигѣ . . 176—177

Настроеніе души Святителя—страдтльца . . 178

Испытанія для Святителя—изгнанника . . . 177—178

Святый Златоустъ и въ ссылкѣ—Святитель миссіонеръ 178—179

Послѣдній предѣлъ изгнанія Святителя Іоанна Златоуста. 179

Наставленія Св. Іоанна Златоуста о томъ, чтобы всѣ заботились объ обращеніи заблуждающихся въ вѣрѣ и жизни, и какъ врачевать заблуждающихся, и о молитвѣ, какъ первомъ условіи для успѣха въ служеніи благовѣстіи 179—181

Кончина Святителя—Страстотерпца, свидѣтеля истины Божіей и проповѣдника любви Христовой . . 181

Свидѣтели страданій и смерти Златоуста—ходатаи предъ Римскимъ папой Иннокентіемъ о судѣ надъ судьями Святителя великомученика . . . . . 181—182

Обличительныя письма римскаго императора Гонорія и римскаго первосвященника Иннокентія къ греческому императору Аркадію. 182

Судьба Іоаннитовъ послѣ кончины Св. Златоуста и главныхъ его враговъ . . . . . 182—183

Возвращеніе святыхъ останковъ Святителя Іоанна на его патріаршую каѳедру въ Царь-Градъ . . . 183

Послѣсловіе 184

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВЪ,

не вошедшихъ въ указатель пособій для нашего труда, имѣющійся въ „Введеніи“ XXXI—XXXIV, при первомъ отдѣлѣ сочиненія.

1. Происхожденіе древне-христіанской базилики—Н. Покровскаго. СПБ. 1890 г.

2. Синтагма Властыря. Свящ. Ильинскаго. Симферополь 1892 г.

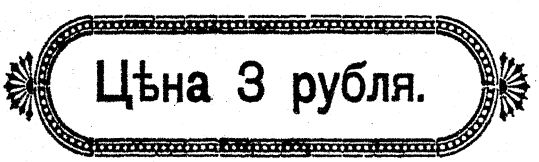
3. Внѣшній бытъ народовъ—Вейса. Т. II-й.

4. Святый Іоаннъ Златоустъ.—Э. Пюшъ.

5. Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству четьихъ-миней Св. Димитрія Ростовскаго. Книга третья. Изд. Москов. Синод. типографіи.—Москва 1902 г.

6. Тоже на славянскомъ языкѣ. Кіевъ 1881 г.

7. Исторія христіанской церкви, соч. Джемса Робертсона.—СПБ. 1890 г.


Цѣна 3 рубля.